

СЛОВО ЛОКАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

WORD, LOCAL AND GLOBAL

Vol. XVIII, Issue 1, 2021

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

**Том XVIII
Выпуск 1, 2021**

Хабаровск, 2021

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary
Educational Institution

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

Vol. XVIII

Issue 1, 2021

Khabarovsk, 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **Е.Л. Лысенкова**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
Ю.А. Тюрина, д-р соц. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКТОР ВЫПУСК

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадова (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик)

В соответствии с распоряжением ВАК РФ от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки» по следующим отраслям научного знания и научным специальностям:

- 1. Философские науки: 09.00.01 – Онтология и теория познания; 09.00.03 – История философии; 09.00.11 – Социальная философия.*
- 2. Филологические науки: 10.02.01 – Русский язык; 10.02.04 – Германские языки; 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание.*
- 3. Психологические науки: 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика.*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy), Editor-in-chief

Andrei P. Zabiyako, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)

Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Boris V. Markov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor

Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)

Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor

Elena L. Lysenkova, Doctor of Science (Philology), Professor

Nobuyuki Honna, PhD (Japan)

Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor

Raymond Hickey, PhD (Germany)

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Clarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)

Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor

Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor

Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor

Laura Rogers, PhD (USA)

Martin Koschorke, PhD (Germany)

Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,

Executive Editor (Problems of the Far East), Deputy Editor

Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor

Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor

Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Executive Secretary)

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor

Anatoliy M. Shkurkin, Doctor of Science (Philosophy), Professor

MANAGING EDITOR

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor

EDITORIAL STAFF

Y.V. Ponomarchuk, Candidate of Science (Physics) (Web Design);

E.V. Listopadova (Technical Secretary); **E.L. Riabkova** (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Far Eastern State Transportation University»

Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision:

Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
-------------------	----

СТАТЬИ	11
--------------	----

СЛОВО И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

<i>Бахтикирева У.М.</i> Русофон – русофонный – русофония – русофонная литература – слова глобальные или локальные?	11
<i>Беляков М.В.</i> Частотные изменения лексики (на материале русского языка).....	18
<i>Хоу Сюэли, Садченко В.Т.</i> Лексико-семантическая группа глаголов речи в русских говорах Приамурья.....	23
<i>Евтеева М.Ю.</i> Семантическая структура слова: <i>многозначность vs широкозначность</i>	28
<i>Максименко О.И.</i> ‘Non-words’ – вечные отказники?	37
<i>Дюжилова Е.А.</i> Новые аббревиатуры непростедавшего времени	43
<i>Хабаров А.А.</i> Эмпирические и аналитические аспекты дефиниции дискурса в мировой лингвистике: история и современность	52
<i>Шевченко О.Г.</i> К вопросу о синтаксическом статусе английских определителей.....	56
<i>Прошина У.М.</i> Использование лингвистических онлайн ресурсов для рассмотрения локальных и глобальных случаев вариативности нормы в английском языке	62

СЛОВО В КУЛЬТУРЕ

<i>Калаши Н.</i> Сравнительный анализ как основа создания учебного лингвокультурологического словаря (на примере концепта «подарок» в иранской и русской лингвокультурах).....	70
<i>Мамонтов А.С., Кан Инань</i> Национально-культурная специфика наименований предметов и явлений традиционного русского быта с позиции представителя китайской лингвокультуры	77
<i>Минаева Л.В.</i> К вопросу о вербализации корпоративных ценностей.....	83
<i>Ушакова И.Б.</i> Эксплицитность выражения мнения автора в научном тексте: <i>я/ мы/</i> или некий всеобщий разум (на материале русского и английского языков).....	89
<i>Чжан Хунин.</i> Русскоязычный псевдоним на фоне китайской лингвокультуры.....	97
<i>Прошина З.Г.</i> Оксфордский словарь и варианты английского языка – тенденция к культурному обогащению	103

СЛОВО И ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

<i>Лысенкова Е.Л.</i> Поэтическое обогащенное слово и его прагматический потенциал	111
<i>Панченко Т.Ф.</i> Образ мира в лирике И. Анненского: методика постижения	116
<i>Лукманова О.Б.</i> Концепт соприсущности (co-inherence) в творчестве Чарльза Уильямса.....	122
<i>Федорова Е.С.</i> К вопросу составления лексического комментария к историческим источникам	129
<i>Щербина С.Ю.</i> Модификации фразеологизмов в афоризмах Г. Кудсуза	134
<i>Варзапова В.Ю.</i> Лексические способы проявления эмотивности и оценочности в заголовке англоязычного медиатекста (на материале изданий The Guardian, The Telegraph и The Independent).....	139
<i>Егорова О.В., Васюк В.В.</i> Языковая репрезентация эмоции «страх» в произведениях С. Кинга (анализ тематической группы)	146
<i>Самохина Ю.В.</i> Номинации автостереотипов гонконгцев (на основе произведений гонконгских авторов).....	152

СЛОВО И ИНОКУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ

<i>Жиганова А.В., Лалетина А.О.</i> Юмор как отражение глобальных и локальных языковых практик и идеологий	156
<i>Бутенина Е.М.</i> Владивосток как переходный локус в англоязычной прозе XX века.....	161
<i>Забияко А.А., Сенина Е.В.</i> Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики.....	166
<i>Лебедева Е.С.</i> Творчество и язык Ольги Грушиной: локальная культура в глобальной перспективе.....	172
<i>Пак С.М.</i> Заимствования как аспект культурно-языкового переноса в контактной литературе на английском языке	176
<i>Ширлина Е.Н.</i> Трансплантация немецких слов в англоязычный текст как переводческая проблема.....	182
<i>Терехова Е.В.</i> Ландшафт англоязычных средств массовой информации и рекуррентные конструкции	187
<i>Полубиченко Л.В.</i> «Бог» и «черт» в языке и речи (на примере романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык)	195
<i>Леонова И.В., Метелева Т.Ю., Цурицумия Д.Д.</i> Транслатологические характеристики годового отчета как отдельного типа текста.....	202
<i>Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А.</i> «Низвержение исходного текста»: настоящее и прошлое	210

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Кузьмин В.Л., Нечитайлов С.М.</i> Противостояние и компромисс: деятельность дальневосточных эсеровских организаций в октябре 1917 – апреле 1918 года	215
<i>Смоляков В.А.</i> Восточная Азия: соотношение культурной уникальности и универсализма в развитии политических систем. Часть вторая.....	224
<i>Чернов В.А., Бобышев С.В., Лушкина Т.А.</i> Гостеприимство коренных народов как фактор успешного освоения Дальнего Востока	232

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Смоляков В.А.</i> Рецензия на монографию В.Ф. Печерицы и А.В. Бояркиной «Концепция Си Цзиньпина "Сообщества единой судьбы человечества": от идеи до практического воплощения».....	238
<i>Ткаченко Б.И.</i> День Победы над Японией. Рецензия на сборник документов и материалов С.А. Пономарёва «3 сентября – День Победы над Японией»	241
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	245
К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ	246

CONTENTS

PREFACE.....	10
--------------	----

ARTICLES	11
----------------	----

THE WORD AND ITS RESEARCH

<i>Bakhtikireeva U.M.</i> Russophone – Russophonic – Russophony – Russophonic Literature – Are the Words Global or Local?.....	11
<i>Belyakov M.V.</i> Frequency Changes in Vocabulary (Based on the Russian Language Material).....	18
<i>Hou Xueli, Sadchenko V.T.</i> Lexico-Semantic Group of Speech Verbs in Russian Dialects of the Amur Region	23
<i>Evtseva M.Yu.</i> The Semantic Structure of the Word: <i>Polysemy</i> vs <i>Broad Semantic Word</i>	28
<i>Maksimenko O.I.</i> ‘Non-Words’ – Eternal Rejects	37
<i>Dyuzhikova E.A.</i> New Abbreviations in Real Period of Time	43
<i>Khabarov A.A.</i> Empirical and Analytical Aspects of the Definition of Discourse in World Linguistics: History and Modernity.....	52
<i>Shevchenko O.G.</i> On the Syntactic Status of English Determiners	56
<i>Proshina U.M.</i> Use of Linguistic Online Resources for Considering Norm Variants in Local and Global Englishes	62

WORD IN CULTURE

<i>Kalashi N.</i> Comparative Analysis as a Ground for Creating an Educational Dictionary of Cultural Linguistics (Based on the "Gift" Concept in the Iranian and Russian Linguacultures).....	70
<i>Kang Yinan, Mamontov A.S.</i> National Cultural Specificity of Traditional Russian Life Objects and Phenomena Names From the Point of View of a Representative of Chinese Linguaculture.....	77
<i>Minaeva L.V.</i> Concerning the Verbalization of Corporate Values	83
<i>Ushakova I.B.</i> Author’s Self-Representation in Research Papers in Russian and English: <i>i / we /</i> or Some Universal Mind.....	89
<i>Zhang Hong-ying.</i> Russian Pseudonym in the Background of Chinese Culture	97
<i>Proshina Z.G.</i> The Oxford English Dictionary and World Englishes – Trend for Cultural Enrichment.....	103

WORD AND A LOCAL TEXT

<i>Lysenkova E.L.</i> Poetically Enriched Word and its Pragmatic Potential	111
<i>Panchenko T.F.</i> Image of the World in I. Annensky’s Lyric Poetry: Steps to Comprehension	116
<i>Lukmanova O.B.</i> The Concept of Co-Inherence in the Work of Charles Williams.....	122
<i>Fedorova E.S.</i> On Compiling a Lexical Commentary on Historical Sources.....	129
<i>Shcherbina S.J.</i> Modification of Phraselogical Units in Kudstuz’s Aphorisms.....	134
<i>Varzapova V.Y.</i> Lexical Ways of Expressing Emotivity and Evaluativity in Headlines of English Mediatexts (Analysis of the Headlines From <i>The Guardian</i> , <i>The Telegraph</i> and <i>The Independent</i>).....	139
<i>Egorova O.V., Vasyuk V.V.</i> Language Representation of the Emotion «Fear» in the Works of S. King (Analysis of the Thematic Group)	146
<i>Samokhina Y.V.</i> The Naming of Hong Kongers’ Autostereotypes (Based on the Novels Written by Hong Kong Authors).....	152

WORD AND A TEXT OF ANOTHER CULTURE

<i>Zhiganova A.V., Laletina A.O.</i> Global and Local Language Ideologies in Humor	156
<i>Butenina E.M.</i> Vladivostok as a Transfer Locus in English Fiction	161
<i>Zabiyako A.A., Senina E.V.</i> Imagery Perception of Foreign Culture as a Category of Imagological Poetics	166
<i>Lebedeva E.S.</i> Olga Grushin`s Language: a Global Perspective on Local Culture	172
<i>Pak S.M.</i> Borrowings as an Aspect of Linguacultural Transfer in the Contact Literature in English	176
<i>Shirlina E.N.</i> Transplantation of German Words Into English Texts as a Translation Problem	182
<i>Terekhova E.V.</i> The Importance of Rerurrent Constructions in Organizing the Landscape of English-Language Media.....	187
<i>Polubichenko L.V.</i> <i>God and Devil</i> in Language and Speech (the Case of Mikhail Bulgakov`s <i>The Master and Margarita</i> and Its englIsh Translations).....	195
<i>Leonova I.V., Meteleva T.Yu., Tsurtsunia D.D.</i> Translatological Features of Annual Report as a Separate Text Type.....	202
<i>Khukhuni G.T., Valuitseva I.I., Osipova A.A.</i> “Dethronization” of the Source Text: Present and Past.....	210

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Kuzmin V.L., Nechitajlov S.M.</i> Confrontation and Compromise: the Activities of the Far Eastern Socialist-Revolutionary Organizations in October 1917 – April 1918	215
<i>Smolyakov V.A.</i> Eastern Asia: Relationship of Cultural Uniqueness and Universalism in the Development of Political Systems (Part Two).....	224
<i>Chernov V.A., Bobyshev S.V., Lushkina T.A.</i> Hospitality of Indigenous Peoples as a Factor of Successful Development of the Far East.....	232

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

<i>Smolyakov V.A.</i> Review on the Monograph by V.F. Pecheritsa and A.V. Boyarkina «The concept of Xi Jinping "Communities of the Common Destiny of Humanity": From Idea to Practical Implementation»	238
<i>Tkachenko B.I.</i> Victory Over Japan Day. Review of the Collection of Documents and Materials «September, 3 – Victory Over Japan Day» by Ponomaryov S.A.....	241
AUTHORS GUIDELINES	247

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Перед вами очередной филологический номер нашего журнала, на этот раз посвященный представлению слова в локальной и глобальной перспективе. Объявляя тему, всегда с интересом думаешь, как эта тема отзовется в сердцах и умах коллег. В этот раз предложенная журналом тема была воспринята с самых разных аспектов: представленные работы затрагивают семантическую сторону слова (Хоу Сюэли и В.Т. Садченко, М.Ю. Евтеева), синтаксическую (О.Г. Шевченко), когнитивную (Е.А. Дюжикова; О.В. Егорова и В.В. Васюк); дискурсивную (А.А. Хабаров, У.М. Бахтикиреева, И.Б. Ушакова), нормативно-вариативную (У.М. Прошина), лингвокультурную (А.С. Мамонтов и Кан Инань; Чжан Хунин; Л.В. Минаева; Ю.В. Самохина), лексикографическую (О.И. Максименко, З.Г. Прошина, Н. Калашни), переводоведческую (Е.Н. Ширлина; Л.В. Полубиченко), статистическую (М.В. Беляков) стороны. Слово исследовано в художественном контексте (Е.Л. Лысенкова; Т.Ф. Панченко; С.Ю. Щербина; О.Б. Лукманова; Е.М. Бутенина; А.А. Забияко и Е.В. Сенина; С.М. Пак; Л.В. Полубиченко), в исторических мемуарах (Е.С. Федорова), в научном (А.А. Хабаров; У.М. Бахтикиреева; И.Б. Ушакова) и деловом (Л.В. Минаева; И.В. Леонова, Т.Ю. Метелева и Д.Д. Цурцумия) дискурсах, в медийных источниках (В.Ю. Варзапова; Е.С. Лебедева,

Е.В. Терехова). Семантические и прагматические аспекты слова позволили поднять ряд переводоведческих проблем, имеющих значимость и для общей, и для частной теории перевода (Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева и А.А. Осипова; И.В. Леонова, Т.Ю. Метелева и Д.Д. Цурцумия).

Состав авторов демонстрирует растущий интерес исследователей к темам, поднимаемым нашим журналом. Из 42 авторов данного выпуска – 17 докторов наук; есть кандидаты наук, авторитетность которых вполне сравнима с компетентностью и признанностью докторов наук; примерно четверть наших авторов – молодые и подающие надежды аспиранты и докторанты. Широка и география авторов: традиционно представлены дальневосточные университеты Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Магадана, Петропавловска-Камчатского; исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода; зарубежные авторы – из Китая и Ирана.

Благодарим авторов за творческий вклад в развитие нашего журнала и надеемся, что этот выпуск, как и предыдущие, будет интересен читателю, для которого, как гласит русская поговорка, слово – зёрнышко со своим вершком и корешком.

Редактор выпуска профессор З.Г. Прошина

СТАТЬИ

СЛОВО И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-11-17

РУСОФОН – РУСОФОННЫЙ – РУСОФОНИЯ – РУСОФОННАЯ ЛИТЕРАТУРА – СЛОВА ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЛИ ЛОКАЛЬНЫЕ?

У.М. Бахтикирева

В статье представлен опыт осмысления и описания слов *русофон* – *русофонный* – *русофония* – *русофонная литература* на основе онлайн-словарей, которые представляет компьютерная сеть Интернет. Проблемное поле, которое охватывает значение этих слов, весьма широкое. В силу создания узлов этой сети по всему миру глобальная информационная система позволила выявить актуальное на сегодняшний день описание этих слов в словарных статьях различных электронных источников и оценить их глобальную и локальную значимость. В российских исследованиях редко используются слова *русофон*, *русофония*, *русофонная литература* и чаще *русскоязычный*, *русскоязычная литература*. В процессе изучения и анализа словарных статей, посвящённых этим словам, решался вопрос потенциальной возможности использовать эти слова в качестве терминов для дальнейших исследований. Это и является основной целью настоящей работы. Возможность определять литературу, созданную этнически нерусскими авторами на русском языке, как *русофонную*, самих авторов – *русофонными писателями*, а литературный процесс создания русофонной литературы – литературной (художественной) – *русофонией* представляется логичным и более точным. Основным методом, использованным в процессе работы над статьей, – метод аналогии.

Ключевые слова: русофон, русофонный, русофония, русофонная литература, англофон, англофонная литература, франкофон, франкофонная литература.

RUSSOPHONE – RUSSOPHONIC – RUSSOPHONY – RUSSOPHONIC LITERATURE – ARE THE WORDS GLOBAL OR LOCAL?

U.M. Bakhtikireeva

The article discusses the comprehension and description of the words *Russophone*, *Russophone Fiction / Literature* based on online dictionaries, which are represented by the computer network - Internet. By virtue of the creation of nodes of this network around the world, the global information system has made it possible to identify the actual description of these words in the dictionary entries of various electronic sources. The problematic field that covers the meaning of these words is very broad. In Russian studies, the words *Russophone*, *Russophone Fiction / Literature* are rarely used, but more often *Russian-speaking*, *Russian-language literature*. In the process of studying and analyzing dictionary entries with these words, the question of the potential possibility of using these words as terms for subsequent research was resolved. The possibility of defining the literature created by ethnically non-Russian authors in Russian as *Russophone Fiction / Literature*, the authors themselves – *Russophone writers*, and the literary process of creating *Russophone literature* – *Literary Russophony* seems logical and more accurate. The main method used in the process of working on the article is the analogy method.

Key words: Russophone, Russophone literature, Anglophone, Anglophone Fiction (literature), Francophone, Francophone literature.

Введение. Постановка проблемы

Поиски адекватных терминов для объёмного пласта литературы, созданной этнически нерусскими поэтами, писателями на русском языке, и для определения таких творческих личностей в многолетней исследовательской практике автора настоящей статьи сопровождалась сомнениями. В первых работах, посвящённых различным вопросам указанного вида литературы, приходилось ис-

пользовать слово *русскоязычный* и словосочетания: *русско-инонациональный художественный (литературный) билингвизм*, *русскоязычная литература* и *русскоязычный писатель*, *писатель-билингв*, *билингвальный автор*, *русский / русскоязычный художественный текст писателя-билингва*.

Прежде всего, сомнения были обусловлены пониманием того, что значения слов довольно расплывчаты. Например, семантика слова *русскоязыч-*

Бахтикирева Улданаи Максutowна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Bakhtikireeva Uldanai Maksutovna – Doctor (Philology), Habil., Professor, Department of the Russian Language and Intercultural Communication, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (Moscow).

E-mail: uldanai@mail.ru

© Бахтикирева У.М., 2021

ный вбирает в себя людей разных национальностей, говорящих и пишущих на русском, в частности – русских и этнически нерусских писателей, выбравших языком творчества русский язык. Ещё более неадекватным, чем слово *русскоязычный*, представляется определение *русскопишущий*, используемое некоторыми исследователями при описании творчества этнически транслингвальных авторов на русском языке [7]. Ведь русские писатели, классики и современники, как и создающие свои произведения на русском этнически нерусские авторы, владеющие этническим (материнским / «родным») языком, вполне могут быть классифицированы как *русскоязычные* и *русскопишущие*. Термин *транслингвальный писатель* также может быть отнесён к авторам самого разного происхождения: и к англофону, и франкофону и др. Другая причина, вызывающая сомнения, – это некоторая «тяжеловесность», громоздкость и непрозрачность указанных словосочетаний.

Осознание различий в описании русскими авторами и нерусскими русскоязычными писателями одних и тех же художественных образов провело к поиску более адекватных терминов. Достаточно большое количество примеров, приведённых в нашем исследовании на соискание докторской степени [4], с годами увеличивалось и приводило к выводу о необходимости дальнейших исследований художественной литературы на русском языке, созданной нерусскими авторами. Русский язык, как и английский, французский, стал языком творчества, языком для выражения своего мировоззрения. Приведём в качестве примера точку зрения известного казахского учёного, китаевода, писателя М.М. Ауэзова: «Пишу на русском языке, но не ‘по-русски’» [2: с. 237]. «Мой русский язык – непритязательный, маленький костёр, огня которого вполне достаточно, чтобы осветить определённый объём информации и лица собеседников. <...>. Мы, русскоязычные казахи, начинали осваивать мир с помощью звуков, ритма, мелодики, знаков родной речи. В нашем русском языке, как правило, не функционирует с полной мерой нагрузки лексический слой детских слов, первых, крупных, святых» [2: с. 193].

Известный русский учёный – системолог, физик-атомщик, кандидат технических и доктор филологических наук Г.П. Мельников, сформулировавший предугаданную В. фон Гумбольдтом внутреннюю форму (в формулировке Г.П. Мельникова – внутренняя детерминанта) языков четырёх морфологических типов, ещё в 1995 г. в отношении исследований русских текстов нерусских авторов заметил: «Можно поставить вопрос. Так ли уж необходимо изучение произведений таких писателей,

как Чингиз Айтматов¹? Для этого должны существовать какие-то критерии. Так вот у меня есть свои собственные критерии. <...> Сам факт, что писатель, не будучи русским, поднимает тебя выше, чем некоторые кровные русские – это уже само по себе замечательно! Теперь мне хотелось бы обратить внимание на то, как совместить эти две языковые стихии, две разные системы образов. <...> Мне представляется, когда говорится о том, что художественный образ должен быть в значительной мере национальным, то мы должны разрешить вопрос: какие черты образа необходимо для этого описать? А описать нужно именно те, которые важны с точки зрения внутренних форм данного типа языка, которые тесно переплетаются с внутренними формами всей культуры» [8: с. 11, 14]. Таким образом, учёный говорит об особом русском тексте, в котором на разных языковых уровнях проявляется влияние иной языковой системы. Это проявляется не только на уровне заимствований из этнического языка, но и на уровне морфологии и синтаксиса.

В некоторых других приведённых примерах [3] отчётливо проявляется уникальная полифония русской языковой системы, оказавшейся способной служить одной из форм выражения национальных образов иных культур. Вместе с тем очевидным представляется и факт невозможности соотнесения подобной литературы с русской национальной литературой.

Из истории происхождения слов: *русофон* – *русофония* – *русофонный*. К поиску этимологии

Несмотря на то, что слова *русофония*, *русофон(ный)* «висели в воздухе», в соответствующих исследованиях они почти не использовались. Полагаем, что официальное практическое воплощение лексема *русофон* со всеми дериватами получила в начале XXI в. с учреждением русскоязычными французскими гражданами Союза русофонов Франции (СРФ) [26] по аналогии с известной международной организацией сотрудничества франкоязычных стран мира – «Франкофония». Эта организация, объединившая 58 членов – различных государств или их части, а также 26 государственных наблюдателей, широко известна всему миру с 1970 г.

¹ Сложившаяся точка зрения на творчество Чингиза Т. Айтматова как билингвального автора (киргизский, русский) не совсем верна. Ранние рассказы и повести писатель создавал на киргизском, а затем с переводчиками оформлялся русскоязычный текст. Свой первый роман «Буранный полустанок (или "И дольше века длится день")» писатель создал на русском языке, а затем он был переведён на киргизский и с русского на более чем 150 языков мира. Последующие романы «Плаха», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы, или Вечная невеста» были написаны на русском языке. Выступление Г.П. Мельникова касается первого романа Ч.Т. Айтматова «Буранный полустанок...».

Её девиз: «Равенство, взаимодополняемость, солидарность» [13].

Своего рода девизом можно считать идею СРФ: «...поиск общего знаменателя и возможности сближения и примирения, без какого-либо отрицания 'национальной идентичности'» [16]. Учредительное собрание СРФ как новой общественной ассоциации состоялось 16 сентября 2006 г. Основная цель деятельности выражается в содействии «использованию и изучению русского языка» [5].

Спустя примерно полтора месяца, на Конгрессе соотечественников в Санкт-Петербурге 26 октября 2006 г. в докладе Дм. Кошко были сформулированы причины создания подобного проекта и определено значение слова *русофония* [5]. По всей видимости, можно утверждать, что осенью 2006 г. лексема *русофон* и её производные получили официальное (пока еще не закреплённое как в соответствующих академических изданиях, так и в онлайн источниках) признание.

В статье «Что такое русофония и кто такой русофон?» ясно прописан принцип СРФ: «Учитывая именно и межнациональный, и универсальный характер русского языка, наша основная идея состоит в следующем: русский язык – наше общее достояние, вне зависимости от гражданства, религии, родного языка и других языков, на которых говорим» [16]. Особенно важно подчеркнуть, что учредители уточняют разницу значений между словами *русофон* и *русскоязычный*. Слово **русофон** означает человека, изъясняющегося как на первичном / «родном», так и на русском. Под **русскоязычным** человеком понимается говорящий исключительно по-русски [16].

Таким образом, отсчёт официальной истории происхождения слов *русофон* и *русофония* начинается с осени 2006 г., несмотря на факт отсутствия их фиксации в академических изданиях (словари, глоссарии, справочники). Этимология всех производных словосочетаний, связанных с этими словами (*русофонные писатели, русофонная литература* и др.), соответственно относится к этому же времени.

Практики закрепления слов русофон, русскоговорящий, русскопишущий в онлайн словарях

Словарная статья, посвящённая слову *русофон*, на сайте русского Викисловаря – многофункционального, многоязычного словаря и тезауруса (открыт 01.05.2004) находится на стадии разработки. В данной статье нет отсылки на толкование этого слова Союзом русофонов Франции. На сегодняшний же день в ней обозначена следующая информация:

Русофон – имя существительное, одушевлённое, мужского рода, 2-го склонения (тип склонения 1а по классификации А.А. Зализняка). Корень сло-

ва не выделен. Значение слова *русофон* определяется как: «*тот, для кого русский язык является родным, кто использует его как основное средство общения*». Примеров употребления нет. Синоним слова *русофон* – *русскоговорящий*. Другие семантические свойства, такие как: антонимы, гиперонимы, гипонимы, отсутствуют. Этимология слова также отсутствует. Не приводятся устойчивые сочетания [9].

Как видим, семантически толкование этого слова СРФ и разработчиками Викисловаря различается. Причём отметим, что значение в Викисловаре провоцирует дальнейшие дискуссии в силу своей непрозрачности. Ведь вполне допустимо, что немало этнически нерусских людей считают русский язык родным и используют его как основное средство общения. В определениях СРФ значение слов однозначно: билингвы, владеющие этническим / материнским и русским языками, – *русофоны*; лица, использующие исключительно русский язык, – *русскоязычные*.

Словарная статья, посвящённая слову *русскоговорящий*, более полная:

Русско-го-во-ря-щий. Прилагательное, тип склонения по классификации А. Зализняка – 4а. Корень: -рус-; суффикс: -ск; интерфикс: -о-; корень: -говор-; суффикс: -ящ; окончание: -ий». Акцентологические и семантические составляющие слова находятся в состоянии правки, однако толкование слова подкреплено примерами:

1. Говорящий по-русски, использующий русский язык для общения • Стало ясным, что выступления отечественных эстрадных артистов на Западе или в Израиле организуются нашими эмигрантами для обслуживания «русской диаспоры», т.е. общности русскоговорящих эмигрантов последних волн. А.С. Козлов, «Козёл на саксе», 1998 г. (цитата из Национального корпуса русского языка...)

2. *Субстантивир*. Русскоговорящий человек • Мне очень часто звонили русскоговорящие. Когда Кэти брала трубку, в ответ на её «hello» шла целая тирада на чистом русском языке. Сай Фрумкин, «Телефонная корректность», 2003 г. // «Вестник США» (цитата из Национального корпуса русского языка...) [10].

Данные толкования позволяют сделать вывод о том, что под русскоговорящим человеком подразумеваются как этнически русские, так и нерусские, использующие русский язык.

Перейдём к слову *русскопишущий*, которое на сайте русскоязычной версии Викисловаря репрезентируется достаточно коротко с меткой «правильно»:

Русскопишущий, прилагательное, тип склонения по классификации А. Зализняка – 4а. Корень не выделен. Значение с пометкой "правильно" дается

следующее: *пишущий, создающий тексты на русском языке*» [11].

Повторим, что прилагательное *русскопишущий* вполне может относиться к русским писателям, чьи произведения классифицируются как часть русской национальной литературы и шире – русской культуры. И в нашем поиске более адекватного термина для осмысления и описания творчества русскоязычных нерусских авторов определение *русскопишущий писатель / поэт* представляется не более приемлемым, чем *русскоязычный, билингвальный, транслингвальный*.

Аналогии в англоязычных онлайн словарях

В англоязычной версии Викисловаря следующим образом представлено слово **Rus-so-phone** – прилагательное, имеющее два корня (**-Russo-**; **-phone-**). Синоним – *Russian-speaking*. Значение определяется как *русскоговорящий, русскоязычный*. Приводится следующий пример: "The Russian-speaking population of Ukraine constitutes the largest **Russophone** community outside the Russian Federation." – Русскоговорящее население Украины представляет собой крупнейшую **русскоязычную** общину за пределами Российской Федерации [25].

Поиски аналогий и этимологии слова *русофон* подвели нас к изучению слов: *англофон, франкофон, испанофон*. Так, на сайте «Collins English Dictionary» представлены следующие толкования слова **Anglophone** [17]:

in British English ('æŋglə, fəʊn) *often not capital*
NOUN 1. a person who speaks English, esp a native speaker

ADJECTIVE 2. speaking English

Collins English Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers

in American English ('æŋglə, foun; 'æŋglə, foun)
[also a-]

ADJECTIVE 1. of or having to do with speakers of English

NOUN 2. a person who speaks English

Webster's New World College Dictionary, 4th Edition. Copyright © 2010 by Houghton Mifflin Harcourt. All rights reserved ».

На этой же странице обозначен период возникновения слова *Anglophone* – между 1965 и 1970 г. – и частотность его использования, которая возрастает [17].

Следует отметить, что русское слово **англо-язычный** встречается в Викисловаре (прилагательное, тип склонения по классификации А. Зализняка – 1*а). Корень слова не выделен. Этимология слова, фразеологические сочетания и перевод не приводятся. Семантические свойства (синонимы, омонимы и т.п.) отсутствуют, кроме значений: а) *говорящий, пишущий, написанный на английском*

языке; б) такой, где английский язык является государственным или широко используемым. Примеры употребления не приводятся [17].

Словарная статья, репрезентирующая слово **Francophone** в словаре «*Canadian Oxford Dictionary*» (*Second Edition*, Oxford University Press, 2004), представлена следующим образом:

francophone

adjective [before noun]

speaking French as the main or official language:

francophone Africa

francophone

noun [C]

(also Francophone)

someone who speaks French as a first or main language:

Most of the francophones live in these two provinces [19].

Такая же ситуация, как и с русской лексемой *англоязычный* в русской версии Викисловаря, обстоит с русским словом *франкоязычный*:

фран-ко-языч-ный – прилагательное. Корень: **-франк-**; интерфикс: **-о-**; корень: **-языч-**; суффикс: **-н-**; окончание: **-ый**.

Значение слова: *относящийся к французскому языку; имеющий французский язык в качестве государственного*. Примеры употребления не приведены [15].

На сайте WoordHunt слово *франкоязычный* обозначено как субстантивированное прилагательное и собственно прилагательное: а) *говорящий на французском языке; б) франкоязычный* (по отношению к странам и местностям). В качестве существительного **франкофон** обозначает человека, говорящего на французском языке, обычно носителя языка. Альтернативное слово и этимология в статье не приводятся [21].

В другом источнике отмечается, что слово переосмыслено от французского *франкофония* с семантическим влиянием латинского Franco- («французский») + древнегреческий φωνή (phōnē), Franco- + -phone. ["Francophone" in the *Canadian Oxford Dictionary*, *Second Edition*, Oxford University Press, 2004 [20].

Как видим, в отличие от довольно чётких определений, данных СРФ словам *русофон* и *русофонный*, слова *англофон, англофонный, франкофон, франкофонный* ни в английском, ни в русском источнике однозначного толкования не имеют.

Аналогичную с описанием слов *англо-* и *франкоязычный* ситуацию наблюдаем в русской версии Викисловаря со словом *испаноязычный*:

ис-пà-но-языч-ный (прилагательное, тип склонения по классификации А. Зализняка – 1*а). Корень: **-испан-**; интерфикс: **-о-**; корень: **-языч-**; суффикс: **-н-**; окончание: **-ый**. Значение с пометкой

«правиль» представлено следующим образом: *говорящий на испанском языке*. Примеры употребления отсутствуют, как отсутствуют и другие семантические свойства [6].

В свободной энциклопедии «Википедия» в английской версии репрезентированы слова *Hispanophone* и *Hispanic* как *относящиеся ко всему, что касается людей, речи или культуры Испании (Hispanosphere)*. В статье поясняется, что в культурном, а не просто лингвистическом смысле понятие *испанофон* идет дальше приведенного выше определения. Здесь же поясняется, что латиноамериканская культура является наследием Испанской империи, поэтому термин *испанофон* может *относиться к людям, чья культурная принадлежность в первую очередь связана с Испанией, независимо от этнических или географических различий*. Смысл идентичности латиноамериканского населения и испанофонов иногда обозначается термином *Hispanidad* (латиноамериканство). Не случайно, что сочетание *испанофонная литература* отсутствует, но есть *латиноамериканская литература (Latin American literature)* [24].

Термины *Hispanophone* и *Hispanic* также используются для обозначения носителей испанского языка и испаноязычного мира, от латинского слова *Hispanicus* (испанский), которое относится ко всему, что связано с римской провинцией *Hispania* (Испания). В дополнение к общему определению испаноязычного языка некоторые группы в латиноамериканском мире проводят различие между говорящими на кастильском и испаноязычном языках, причём первый термин – *Hispanophone* обозначает *носителей испанского языка, также известного как кастильский*, а второй – *Hispanic* носителей испанского или латиноамериканского языков (т.е. языков Испании или языков латиноамериканских народов) [23].

В онлайн версии общеанглийского словаря «TheFreeDictionary», основывающегося главным образом на данных словаря «Houghton Mifflin, American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition», значение слова *Hispanophone* объясняется следующим образом:

Hispanophone

1. Speaking Spanish, especially as a first language or as the predominant language in a region (*Говорящие на испанском языке, прежде всего, как на родном или как на преобладающем в регионе*).

2. Relating to Hispanophones or their culture (*Относящиеся к испанофонам или их культуре*) [22].

В качестве существительного и прилагательного представлены словосочетания: а) *Hispanophone person* (испанофон); б) *испаноязычный человек* [22].

Транслингвальная литература: англофонная, франкофонная, испанофонная. К определению локальности и глобальности слов: русофонный, русофонная литература

В отличие от рассмотренных слов более прозрачным представляется использование слов: *англо-, франко-, испанофонная литература*. Как замечает М.В. Тлостанова: «Сложная игра локального и глобального раскрывается в динамическом моменте культурного взаимодействия <...> общий знаменатель культуры не находим лишь в европейском наследии Нового времени и при всей его важности для мировой истории и для осмысления глобализации, необходимо все же выйти за пределы логики лишь только европейской модерности. ‘Иное мышление’, ‘пограничная эпистема’, ‘эпистемологическая креолизация’, ‘трансмодерность’, ‘иная современность’ – все это понятия, возникавшие очень активно во второй половине и особенно в конце XX в. в самых разных культурных пространствах планеты...» [27: с. 19]. Начиная со второй половины прошлого столетия именно литературные явления в разных локалах бывших колоний в основном «наиболее точно отвечают логике глобализации» [12: с. 110]. Прежде устойчивое понимание *язык – литература – культура – территория* [27: с. 112] стало заметно меняться в силу возникновения в новых независимых государствах литературы на языке колонизатора, позже – в силу глобализационных процессов, преимущественно в качестве языка творчества английский язык выбирается писателями из самых разных регионов.

Определение *англоязычная художественная литература (Anglophone fiction, Anglophone Literature)* во второй половине XX в. не столько отражает литературу, созданную на английском языке, сколько относится конкретно к англоязычной литературе бывших британских колоний (за исключением США), – нередко называемой «литературой Содружества» [18].

Термин *англоязычный*, как отмечается на сайте, подчёркивает лингвистическую общность этих произведений. Однако англоязычный литературный критический дискурс признаёт, что общий исторический опыт британского колониального правления и современных форм империализма создает другие формы взаимосвязи этих произведений помимо использования английского языка. В связи с этим пониманием серьёзно учитываются разрозненные исторические, культурные и политические контексты, в которых создаётся эта литература. Как область исследования *англоязычная литература* не может ассоциироваться только с англоязычной литературой бывших колоний, поскольку на английском стали писать представители самых разных народов, не имеющих отношения к странам – быв-

шим колониям Англии. Произведения авторов из других стран имеют много общего с литературой Содружества, постколониальной литературой и новой литературой в Англии [18].

Следует отметить, что начиная с 1850 г. по настоящее время особенности англоязычных произведений, в частности писателей из англоязычной Африки, Южной Азии и Карибского бассейна, стали объектами исследований. Докторанты (PhD), желающие специализироваться в области англоязычной литературы, изучают социальные, культурные и исторические особенности англоязычных регионов. Учащиеся знакомятся с рабством в Карибском бассейне, разделом Индии, движениями за независимость в англоязычной Африке, апартеидом в Южной Африке и постколониальной миграцией. Они изучают критические теории, используемые для толкования англоязычной литературы, проведения теоретически обоснованного анализа первичных текстов, осмысления транснациональных и транскультурных аспектов англоязычной литературы [18].

Франкоязычная литература (*Francophone literature*), как представлено в Википедии, – это литература, написанная на французском языке. В отличие от термина *англоязычная литература* термин *франкоязычная литература* хотя и включает в себя признание множества литератур на французском языке, но автономия этих литератур менее определенная. Следует отметить, что задолго до формирования франкоязычной литературы колониальных локалов Франции франкоязычные литературы Бельгии, Канады и Швейцарии были признаны принадлежащими к разным традициям. Созданная авторами африканского происхождения франкоязычная литература сначала классифицировалась как «колониальная литература». Позже любые тексты представителей из колониальных регионов на французском языке, которые заслуживали внимания метрополии, были включены в классификацию французской литературы.

Термин *франкофонная литература* тесно связан с понятием *франкофонии*, появившимся в самом конце XIX в. для обобщения всех людей мира, говорящих на французском языке. Тенденция различать франкофонную литературу и собственно французскую национальную литературу наметилась после Второй мировой войны. Среди наиболее ярких представителей франкофонной литературы можно назвать ирландца, нобелевского лауреата Сэмюэля Беккета – романиста и драматурга, писавшего на французском и английском языках.

С созданием в 1955 г. Сообщества франкофонных общественных радио (Французское, Швейцарское, Бельгийское и Канадское радио) стали доступны программы, посвященные специально

франкофонной литературе и различным вопросам франкофонии [14].

Испаноязычная литература. Этого словосочетания ни на английском, ни на русском языке нам не удалось обнаружить. Но очевидно, что в Аргентине и Боливии, Гватемале и Гондурасе, Венесуэле и Доминиканской Республике, Колумбии и Коста-Рике, на Кубе и в Никарагуа, в Мексике, Панаме и Парагвае, Перу и Пуэрто-Рико, Сальвадоре и Уругвае, Чили и Эквадоре подавляющая часть писателей испаноязычные. Достаточно привести примеры испаноязычного творчества аргентинского прозаика и поэта, публициста и переводчика Хорхе Борхеса, колумбийского нобелевского лауреата Гарсиа Маркеса, мексиканского поэта и переводчика, нобелевского лауреата Октавио Паса, перуанского нобелевского лауреата Марио Варгаса Льюса, двух чилийских поэтов – лауреатов Нобелевской премии Габриэля Мистрала и Пабло Неруды, нобелевского лауреата Ригоберта Менчу, кубинца Николаса Гильена и др.

Мексиканская литература преимущественно испаноязычная, как и чилийская, начиная с периода испанской колонизации в XVI в., и гондурасская литература, зародившаяся в период испанской колонизации в XVIII в. Сальвадорская литература и литература Панамы также преимущественно испаноязычные. Испаноязычными являются кубинская и эквадорская литературы.

Несмотря на то что парагвайская литература создается на испанском языке и гуарани, большая часть литературы испаноязычная. Такая же ситуация обстоит с перуанской литературой, создающейся на испанском и языке кечуа.

Обоснование релевантности использования слов: русофон – русофония – русофонный в качестве терминов. Выводы

Резюмируя вышеизложенное, прежде всего хотелось бы еще раз акцентировать внимание на факте функционирования слов *русофон*, *русофонная литература* (хотя СРФ определяет эту литературу как «русофонскую»² [16]) и их общественного признания, в частности – СРФ. Чёткое различие, обозначенное СРФ, между терминами *русофон* и *рускоязычный* [16] выглядит адекватным.

Считаем, что история происхождения, этимология слов *русофон* и *русофония* («русский») + древнегреческий φωνή (*phōnē*), Рус- + -phone) получила официальное признание в 2006 г. Вполне возмож-

² «В феврале 2013 г. в Париж были приглашены 6 писателей из Средней Азии для участия в ‘Днях Русской Книги и русскоязычных’, т.е. ‘русофонских’ литератур, и церемонии вручения «Премии Русофония» за лучший литературный перевод с русского на французский. Со стороны организаторов этих мероприятий было явное желание показать на деле реальность мира ‘русофонии’ ...» [16].

но, что слова *русофон*, *русофония*, *русофонный*, *русофонная литература* в скором будущем будут зафиксированы в справочниках, в электронных словарях в сети Интернет.

Отвечая на вопрос, вынесенный в название статьи, полагаем, что международное признание второго корня – фон (-phone) в словах *англо-фон*, *франко-фон*, *англо-фон-ная*, *франко-фон-ная литература* является своего рода универсальным – глобальным знаком и вполне оправдывает позицию СРФ, использующего слова *русофон* – *русофония* – *русофонный* – '*русофонская литература*' (нам представляется более точным сочетание *русофонная литература*).

Термины *русскоязычный*, *русскоязычный*, *русскоговорящий* в русской версии онлайн словарей в силу их неоднозначных значений / толкований, незавершенности словарных статей представляются нам локальными словами – определениями. Универсальный – глобальный характер этих слов проявляется при сопоставлении их с аналогами на английском языке (*anglophone*, *francophone*), так же, как и слово *русофония*, определение *русофонная литература* – с общепринятыми терминами: *Anglophone Fiction / Literature*, *Francophone Literature*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англоязычный // Викисловарь: Энциклопедия. Многоязычный открытый словарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/англоязычный> (дата обращения: 25.12.2020).
2. Ауэзов, М.М. Дневники: Уйти, чтобы вернуться / М.М. Ауэзов. – Алматы: Жибек Жолы, 2011. – 296 с.
3. Бахтикиреева, У.М. Русскоязычный текст: о нерусской языковой личности / У.М. Бахтикиреева / IV Новиковские чтения. Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: материалы междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1 / сост. В.Н. Денисенко, Е.А. Красина, Н.В. Новоспаская, Н.В. Перфильева. – Москва: РУДН, 2014. – С. 10–22.
4. Бахтикиреева, У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Бахтикиреева Улданай Максатовна. – Москва, 2005. – 39 с.
5. Выступление – Союз русофонов Франции. Тезисы выступления Дмитрия Кошко на Конгрессе соотечественников Санкт-Петербург, 26 октября 2006. – URL: <https://studylib.ru/doc/4024477/vystuplenie---soyuz-rusofonov-francii> (дата обращения: 21.12.2020).
6. Испаноязычный // Викисловарь: Энциклопедия. Многоязычный открытый словарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/испаноязычный> (дата обращения: 21.12.2020).
7. Логинова, М.А. Этнокультурный хронотоп малой русскоязычной прозы писателей Казахстана конца XX – нач. XXI в.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Логинова Мария Александровна. – Омск, 2018. – 160 с.
8. Мельников, Г.П. Выступление в официальных дискуссиях / Г.П. Мельников // Стенограмма отчета заседания по защите кандидатской диссертации У.М. Бахтикиреевой «Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики...». – Москва, 1995. – С. 11–14.
9. Русофон // Викисловарь: Энциклопедия. Многоязычный открытый словарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/русофон> (дата обращения: 21.12.2020).
10. Русскоговорящий // Викисловарь: Энциклопедия. Многоязычный открытый словарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/русскоговорящий> (дата обращения: 29.12.2020).
11. Русскоязычный // Викисловарь: Энциклопедия. Многоязычный открытый словарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/русскоязычный> (дата обращения: 21.12.2020).
12. Тлостанова, М.В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда / М.В. Тлостанова. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 416 с.
13. Франкофония // Википедия: Свободная энциклопедия. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Франкофония_\(организация\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Франкофония_(организация)) (дата обращения: 22.12.2020).
14. Франкофонная литература // Википедия: Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ная_литература (дата обращения: 27.12.2020).
15. Франкоязычный // Викисловарь: Энциклопедия. Многоязычный открытый словарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/франкоязычный> (дата обращения: 23.12.2020).
16. Что такое русофония и кто такой русофон? // Я – русский. Что значит быть русским человеком? – URL: <http://iamruss.ru/chto-takoe-rusofoniya-i-kto-takoj-rusofon/> (дата обращения: 21.12.2020).
17. Anglophone // Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/anglophone> (accessed: 29.12.2020).
18. Anglophone Literature // Summary Planet. – URL: <https://www.summaryplanet.com/literature/Anglophone-Literature.html> (accessed: 27.12.2020).
19. Francophone // Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/francophone> (accessed: 23.12.2020).
20. Francophone // Wictionary. The Free Dictionary. – URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/Francophone> (accessed: 23.12.2020).
21. Francophone // WoordHunt. – URL: <https://woordhunt.ru/word/francophone> (accessed: 25.12.2020).
22. Hispanophone // TheFreeDictionary – URL: <https://www.thefreedictionary.com/Hispanophone> (accessed: 21.12.2020).
23. Hispanophone // Wikipedia. The Free Encyclopedia. – URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Hispanophone> (accessed: 26.12.2020).
24. Latin American literature // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Latin_American_literature (accessed: 27.12.2020).
25. Russophone // Викисловарь: Энциклопедия. Многоязычный открытый словарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/Russophone> (accessed: 24.12.2020).
26. Russophonie.org – URL: www.russophonie.org (accessed: 21.12.2020).
27. Tlostanova, M. The Sublime of Globalization? Sketches on Transcultural Subjectivity and Aesthetics / M. Tlostanova. – Moscow: Lenand, 2005. – 264 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-18-22

ЧАСТОТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

М.В. Беляков

В статье рассматриваются изменения частотных характеристик лексики русского языка по результатам сравнительного анализа данных, представленных в новом частотном словаре русского языка, и данных, полученных средствами компьютерного лингвостатистического анализа. Выявляются особенности частотных изменений употребления лексики в разных функциональных стилях русского языка.

Ключевые слова: лингвостатистика, частотный словарь, функциональный стиль, компьютерная обработка текста.

FREQUENCY CHANGES IN VOCABULARY (BASED ON THE RUSSIAN LANGUAGE MATERIAL)

M.V. Belyakov

The article deals with some frequency characteristics changes in Russian lexis based on the results of comparative analysis of the data presented in the new frequency dictionary of the Russian language and the data obtained by means of computer linguostatistical analysis. The features of frequency changes in the use of vocabulary in different functional styles of the Russian language are revealed.

Key words: linguistic statistics, a frequency dictionary, functional style, computer text processing.

Введение

Лексика, бесспорно, является наиболее подвижной языковой составляющей, подвергающейся постоянным изменениям, вызванным переменами как лингвистической, так и экстралингвистической ситуации. Существует даже такое понятие, как хронологический шаг, под которым понимаются временные периоды, за которые происходят заметные изменения в лексическом составе языка. Выделяют ускоренный шаг (10–20 лет), умеренный с плавными сдвигами (30–40 лет) и замедленный (50 лет и более). Однако с начала XXI в. наблюдается очевидное ускорение перемен в разных областях жизни социума, которые естественным образом влияют на изменения, происходящие в лексическом пласте языка, причем в лексике, характерной для разных языковых стилей.

1. Количественный анализ лексики

Одним из возможных способов проследить эти изменения является количественный способ определения изменений в частотности употребления лексем за определенный период времени. Целью нашего исследования было выявление этих изменений наиболее объективным количественным методом. Задача – провести эксперимент по установлению количественных изменений в частотности употреб-

ления произвольно выбранных лексем разных частей речи в русском языке за последнее десятилетие при помощи обработки текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка.

Провести подобное исследование можно путем обработки текстового материала компьютерными программами автоматизированной обработки текста, включая программы SEO-анализа (Search Engine Optimization). Полученные по результатам обработки количественные данные сравниваются с числовыми показателями, представленными в хорошо известном «Новом частотном словаре русской лексики» (на материалах Национального корпуса русского языка) О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова [2]. Словарь вышел в свет в 2009 г. и отражает состояние лексики на начало XXI в.

Частотный словарь как особый тип лексикографического издания представляет собой одноязычный словарь, где приводятся лексемы данного языка с числовыми показателями, которые характеризуют употребительность лексем в каком-либо тексте – начиная от одиночного текста до собрания сочинений какого-либо автора (например, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, М.И. Цветаевой) или корпуса текстов одного или нескольких функциональных стилей. Одним из наиболее известных частотных

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России.

Belyakov Mikhail Vasilievich – Doctor (Philology), Associate Professor, Department of the Russian Language, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Ministry of International Affairs.

E-mail: belmax007@hotmail.com

© Беляков М.В., 2021

Таблица 1

**Словарь значимой лексики
(художественный стиль)**

№ п/п	Лемма	Часть речи	Частота в корпусе, ipm	Частота в подкорпусе, ipm
1	Ты	spro	3171,2	6153,6
2	Она	spro	5592,4	9048,2
3	Сказать	v	2396,6	4115,7
4	Он	spro	11791,1	17713,3
5	Спросить	v	573,9	1172,5
6	Рука	s	1200,6	2137,9
7	Глаз	s	857,6	1580,3
8	Голова	s	709,4	1326,7
9	Дверь	s	450,8	892,3
10	Подумать	v	315,6	626,4
11	Вдруг	adv	503,2	915,7
12	Плечо	s	236,4	477,5
13	Нога	s	459,2	834,6
14	Глядеть	v	199,3	410,3
15	Словно	conj	209,2	426,5
16	Улыбнуться	v	119,0	268,8
17	Кивнуть	v	88,4	214,1
18	Стоять	v	419,3	756,4
19	Палец	s	219,1	435,6
20	Губа	s	143,0	304,7

Таблица 2

Результат обработки выборки программой Istio

№ п/п	Слово	Кол-во	Релевантность	Процент в ядре	Процент в тексте
1	Рука	278	4,4	0,5	0,2
2	Даша	224	3,55	0,4	0,2
3	Голова	210	3,32	0,4	0,2
4	Глаз	185	2,93	0,3	0,1
5	Дом	140	2,21	0,2	0,1
6	Лицо	132	2,09	0,2	0,1
7	Говорить	131	2,08	0,2	0,1
8	Делать	122	1,93	0,2	0,1
9	Девушка	121	1,91	0,2	0,1
10	Мужчина	120	1,9	0,2	0,1
11	Нога	120	1,9	0,2	0,1
12	Взгляд	120	1,9	0,2	0,1
13	Палец	118	1,87	0,2	0,1
14	Стоять	118	1,87	0,2	0,1
15	Слово	116	1,87	0,2	0,1
16	Время	116	1,83	0,2	0,1
17	Жизнь	114	1,8	0,2	0,1
18	Дверь	114	1,8	0,2	0,1
19	Йорка	108	1,71	0,2	0,1
20	Человек	106	1,68	0,2	0,1

Стоит отметить, что стоп-слова (служебные слова, местоимения, ряд глаголов и пр.) не отображаются из-за специфики работы сайта. Рассмотрим совпадающие слова в обоих списках: *рука, глаз, голова, палец, дверь*. В списках совпадают 6 слов, причем, если принять во внимание проблемы с

словарей русского языка, полученным компьютерными средствами на большом материале (1 млн словоупотреблений), где были приведены частоты 40 тыс. слов, был словарь, созданный еще в 1977 г. под редакцией Л.Н. Засориной [3]. Поскольку современные частотные словари составляются по большей части на основании объемных корпусов, то для вычисления частотности был принят показатель ipm – количество словоупотреблений на миллион, т.е. стандартное употребление частоты леммы, вычисляемое относительно условного корпуса в миллион единиц независимо от объема реального корпуса. Как правило, очевидно наблюдаемым является отношение «ранг–частота», установленное еще в середине XX в. Дж. Ципфом, где ранг – это номер слова (леммы) в частотном списке.

Безусловно, объем выборки влияет на точность результатов. Результаты, полученные на небольшом по объему тексте, нельзя экстраполировать на весь язык, равно как и исследования на так называемых гигакорпусах, типа корпуса СМИ китайского языка объемом более миллиарда словоупотреблений, где будет ожидаемый перекоп в сторону тематической лексики.

Алгоритм исследования состоял в следующем: с использованием открытого компьютерного ресурса семантического анализа текста Istio (<https://istio.com/rus/text/analyz/>) последовательно проводился анализ текстов разных функциональных стилей с последующим сопоставлением имеющихся количественных характеристик частот в «Новом частотном словаре русской лексики».

2. Количественные характеристики функциональных стилей

Известно, что в русском языке традиционно выделяют пять функциональных стилей – художественный, научный, официально-деловой, публицистический и разговорный. Рассмотрим, какие количественные изменения относительно частоты встречаемости лексики произошли в некоторых из них.

Художественный стиль. Возьмем первые 20 слов по частоте встречаемости из словаря значимой лексики художественного стиля и посмотрим, как изменился это список за период 2009–2020 гг. (табл. 1). Текстовый материал представляет собой выборку из нескольких книг, написанных в рамках художественного стиля и изданных в 2020 г. Однако необходимо отметить, что эти книги находятся в открытом доступе и написаны авторами-любителями, поэтому списки могут оказаться иными, если взять, например, образцы более «высокой» литературы. Принципиально важно для исследования, что выборка статистически релевантная и составляет 100 тысяч слов. Программный продукт семантического анализа Istio позволяет обрабатывать тексты такого объема (табл. 2).

подсчетом числа глаголов и местоимений, относящихся к стоп-словам, видно, что лексема *рука* как в словаре, так и по результатам исследования является наиболее употребляемым словом.

В обоих списках присутствуют слова, связанные с человеком, например, части тела, глаголы мышления и говорения и, что неожиданно, слово *дверь*. Скорее всего, это можно объяснить тем, что в современной художественной литературе центральной темой является человек, его поведенческие характеристики, его размышления. В 2020 г. частотны такие лексемы, как *мужчина* и *девушка*, хотя в Словаре они находятся на 61-м и 325-м месте соответственно. Также интересен тот факт, что 15-е, 16-е и 17-е места занимают слова: *слово*, *время*, *жизнь*, хотя они отсутствуют в словаре значимой лексики художественной литературы, и, что показательно, слово *человек* тоже не отмечено среди частотных в этом словаре.

Публицистический стиль. Как и в предыдущем случае, были отобраны первые 20 самых частотных слов выборки.

Для анализа была сформирована выборка текстов, взятых с нескольких новостных сайтов: РИА Новости, ВВС Россия, Лента и новости портала Яндекс-новости за первое полугодие 2020 г. (табл. 3).

Таблица 3

Словарь значимой лексики (публицистический стиль)

№ п/п	Лемма	Часть речи	Частота в корпусе, ipm	Частота в подкорпусе, ipm
1	Президент	s	311,0	634,6
2	Театр	s	305,3	611,1
3	Год	s	3727,5	5589,5
4	Спектакль	s	164,7	350,0
5	Правительство	s	277,7	531,2
6	Компания	s	392,7	699,0
7	Страна	s	725,7	1203,9
8	Фильм	s	196,8	380,1
9	Реформа	s	133,1	273,0
10	Выборы	s	117,7	243,4
11	Партия	s	250,4	448,7
12	Актер	s	114,4	231,6
13	Режиссер	s	103,5	211,1
14	Политический	adj	269,6	474,1
15	Советский	adj	382,9	643,9
16	Депутат	s	180,7	217,0
17	Известие	s	91,0	12,2
18	Лидер	s	92,2	186,4
19	Бюджет	s	126,0	241,1
20	Бизнес	s	136,2	256,7

Выборка также составляет 100 тысяч слов. Рассмотрим, как изменился этот список за прошедшее десятилетие (табл. 4). Новости по теме *коронавирус*

намеренно опускались, поскольку эта тема существенно изменила структуру новостей за последние три месяца, что мешает сравнению двух списков, так как эта тематика превратилась в абсолютно частотную.

Таблица 4

Результат обработки выборки программой Istio

№ п/п	Слово	Кол-во	Релевантность	Процент в ядре	Процент в тексте
1	Год	590	9,51	1	0,6
2	Человек	411	6,62	0,7	0,4
3	Время	248	3,99	0,4	0,2
4	Коронавирус	200	3,22	0,3	0,2
5	Страна	176	2,83	0,3	0,1
6	РОССИЯ	173	2,78	0,3	0,1
7	Женщина	162	2,61	0,2	0,1
8	Власть	147	2,36	0,2	0,1
9	Работа	145	2,33	0,2	0,1
10	Говорить	130	2,09	0,2	0,1
11	Мир	128	2,06	0,2	0,1
12	Фото	126	2,03	0,2	0,1
13	Слово	126	2,03	0,2	0,1
14	Тысяча	122	1,96	0,2	0,1
15	Мая	120	1,93	0,2	0,1
16	Работать	117	1,88	0,2	0,1
17	Компания	116	1,86	0,2	0,1
18	Российский	114	1,83	0,2	0,1
19	Жизнь	112	1,8	0,2	0,1
20	Дом	110	1,77	0,1	0,1
21	Пандемия	102	1,64	0,1	0,1

Результат удивил тем, что даже с учетом почти полного игнорирования новостных сводок о коронавирусе это слово, тем не менее, получило 4-е место, а пандемия – 21-е. При копировании материала возможны повторения слов, поэтому этот список был расширен (табл. 5).

Таблица 5

Результат обработки расширенной выборки

№ п/п	Слово	Кол-во	Релевантность	Процент в ядре	Процент в тексте
22	Война	102	1,64	0,1	0,1
23	Президент	97	1,56	0,1	0
24	Ребенок	95	1,53	0,1	0
25	Вопрос	94	1,51	0,1	0
26	Ситуация	94	1,51	0,1	0
27	Проблема	92	1,48	0,1	0

Рассмотрим слова, которые совпали в обоих списках.

1. *Год*. В списке, полученном в результате обработки выборки, это слово занимает первое место, в словаре – третье.

2. *Президент* – 23-е место в полученных результатах, первое место в словаре.

3. *Компания* – 17-е место в сформированном списке, шестое место в словаре.

Проблема сравнения выборки новостей состоит в том, что выборка такого рода очень чувствительна к хронологии ее формирования. В период первого этапа пандемии новостные сводки стали отличаться от тех, какими они были ещё несколько месяцев до неё. Все новости так или иначе концентрируются вокруг одной наиболее острой темы. По прошествии времени с изменением экстралингвистической ситуации диапазон тем заметно расширяется, открывая доступ новым переменным к списку частотных лексем.

Структура первой тысячи самых частых слов словаря также изменилась. Так, в сформированный по результатам компьютерной обработки выборки частотный список вошло слово *женщина*, которого нет в первой тысяче словаря. В нашем списке присутствует глагол *говорить* (10-е место), хотя в словаре среди первых 100 слов глаголы отсутствуют вообще. Также отметим, что слово *власть* стало более популярным, чем слово *правительство*. Скорее всего, за последние 10 лет произошел определенный семантический сдвиг в мировосприятии российского общества, так как эти слова приобрели отчасти отрицательную коннотацию.

Разговорный стиль. Современный видеохостинг Youtube предлагает возможность автоматического создания субтитров, что позволяет собирать и анализировать материал устной речи. Сформированная выборка состоит из более чем 40 различных видео на разную тематику. Это в основном подкасты и различные видеointервью. Стоит отметить, что правильное распознавание слов происходит только в 80 % случаев (табл. 6).

Таблица 6

Результат обработки выборки программой Istio

№ п/п	Слово	Кол-во	Релевантность	Процент в ядре	Процент в тексте
1	Тип	194	7,04	3	0,9
2	Человек	152	5,52	2,4	0,7
3	XXX	123	4,46	1,9	0,6
4	Говорить	88	3,19	1,3	0,4
5	Условный	59	2,14	0,9	0,2
6	Смотреть	37	1,34	0,5	0,1
7	Шутка	36	1,3	0,5	0,1
8	Жизнь	35	1,27	0,5	0,1
9	Момент	34	1,23	0,5	0,1
10	Время	30	1,08	0,4	0,1
11	Чувак	30	1,08	0,4	0,1
12	Вещь	29	1,05	0,4	0,1
13	XXX	28	1,01	0,4	0,1
14	Корона	28	1,01	0,4	0,1
15	История	27	0,98	0,4	0,1
16	XXX	26	0,94	0,4	0,1
17	Работать	25	0,9	0,3	0,1
18	Заниматься	25	0,9	0,3	0,1
19	Прямой	24	0,87	0,3	0,1
20	Год	23	0,83	0,3	0,1

Общественная лексика была скрыта значком (XXX), хотя ее присутствие стало неизбежной особенностью современного интернет-общения.

Для проверки полученных тенденций был проведен дополнительный эксперимент другой программой SEO-анализа – Advego (advego.ru). Для получения данных по частоте встречаемости выбранных лексем в данных текстах в программу загружаются тексты, а затем она производит все расчеты. Принципы работы данной системы аналогичны основным принципам статистической обработки системой Istio.

Для проведения эксперимента было отобрано 10 слов разных частей речи:

- вода (*сущ.*),
- правильный (*прил.*),
- знать (*гл.*),
- никак (*нареч.*),
- один (*числ.*),
- свободный (*прил.*),
- часть (*сущ.*),
- все (*местоим.*),
- сильный (*прил.*),
- несколько (*числ.*).

и 4 текста разных функциональных стилей:

1) *художественный стиль*: Щерба Н.В. «Часовое имя» (14 655 слов);

2) *публицистический стиль*: Фигерес К., Андерсон К. «Countdown: как нам повернуть вспять климатические изменения» (8076 слов);

3) *спонтанная устная речь*: Дудь Ю. «ВИЧ в России» (видеохостинг youtube.com, канал вДудь) (14 612 слов);

4) *научный стиль*: Гаджиев А.А., Хмелёв А.К. «Алгоритм Леска и система Babelfy для дизамбигуации»; Валуйцева И.И., Филатов И.Е. «Подходы к языковому и акустическому моделированию в распознавании речи» (9321 слово) (только символы кириллицы, без формул).

С помощью поиска по странице находились слова в списках частотности, сгенерированных приложением. В некоторых текстах отсутствовали определенные слова либо их показатель встречаемости был настолько мал, что система округляла его до нуля – Advego показывает результаты в процентах с двумя символами после запятой.

Затем были определены значения частотности лексем в Новом частотном словаре (НЧС) [2]. В списках частотного словаря значения представлены в единицах ipm (количество употреблений на миллион слов), поэтому значения были переведены в проценты. Полученные данные были внесены в табл. 7. Такое представление результатов эксперимента удобно для выявления изменений частотности.

Таблица 7

Результат обработки выборки программой Advego

Слово	Частота, %							
	Художественный	Художественный (НЧС)	Публицистический	Публицистический (НЧС)	Научный	Научный (НЧС)	Устная речь	Устная речь (НЧС)
Вода	0.01	0.06	0.00	0.04	0.00	0.05	0.00	0.03
Правильный	0.01	0.01	0.04	0.01	0.09	0.01	0.01	0.01
Знать	0.29	0.25	0.09	0.13	0.02	0.10	0.32	0.63
Никак	0.01	0.01	0.00	0.01	0.02	0.01	0.01	0.02
Один	0.29	0.22	0.35	0.25	0.48	0.20	0.37	0.23
Свободный	0.01	0.01	0.00	0.01	0.00	0.01	0.00	0.01
Часть	0.02	0.03	0.05	0.07	0.20	0.11	0.02	0.02
Все	0.66	0.40	0.80	0.29	0.30	0.17	0.84	0.57
Сильный	0.10	0.02	0.04	0.02	0.00	0.20	0.04	0.01
Несколько	0.07	0.05	0.02	0.08	0.27	0.50	0.12	0.02

Выводы

Значения частотности слов в художественной литературе за рассматриваемый период значительно не изменились – временной диапазон слишком мал для вывода о том, что в частоте встречаемости данных лексем произошли перемены.

В публицистических текстах изменения куда более заметны – почти все лексемы, кроме *знать*, *часть* и *несколько*, употребляются в современном тексте реже. Однако можно заметить, что высокочастотные слова словаря [2] (*один*, *все*) остаются таковыми и в тексте нашей выборки.

Сравнение частоты лексем в научном тексте с показателями из частотного словаря нехудожественной литературы показывает существенную разницу в значениях. Однако так же, как в публицистической литературе, частотность определенных слов остается высокой в обоих текстах.

Значения частотности слов живой устной речи изменились не сильно, но при этом динамика изменения значений частотности для высокочастотных слов также схожа с публицистическим стилем. Редко встречаемые слова сохраняют свои показатели.

Заключение

Анализ полученных результатов выявляет некоторые неожиданные факты. Изменилась структура частотных списков – в Словаре [2] представлены в первую очередь имена существительные, в сформированных компьютерными программами Istio и Advego списках частеречный диапазон шире, в них появились глаголы. Так, в выборке публицистического материала присутствуют слова *работать* и *говорить*; оказалось, что слово *условный* употребляется в живой речи с очень высоким частотным показателем, а слова *жизнь*, *момент*, *время* часто употребляются в современных текстах художественного стиля. К сожалению, не представляется возможным проанализировать частотный список стоп-слов (сайт не справляется с таким объемом). В устной речи это бы могло показать интересные результаты.

Тем не менее выводы по сравнительному лингвостатистическому анализу экспериментальных данных и данных «Нового частотного словаря русской лексики» [2] показывают, что, несмотря на уже устоявшееся мнение, что в русском языке в последние десятилетия произошел лексический взрыв из-за активного заимствования слов вместе с денотатами из английского языка (чаще его американского варианта), активного использования ранее малопродуктивных префиксальных моделей словообразования (префиксоиды *анти-*, *пост-*, *контр-* и др.), аббревиатур [1], семантических сдвигов в значении слов, возвращения в узус слов, ранее находившихся на лексической периферии (*кадет*, *губернатор*, *светский*, *безработица*) и др., эти слова не попадают в список наиболее частотных слов разных функциональных стилей. Единственным исключением является обценная лексика, проникшая как в художественный стиль (в нашей выборке это явление не отражено), так и в публицистический стиль (в широком понимании), а именно в интернет-коммуникацию, превратившись в один из ее маркеров.

Таким образом, с одной стороны, можно говорить об ускоренном хронологическом шаге (см. выше) лексических изменений в русском языке, ощущаемых на интуитивном уровне, а с другой, о достаточной стабильности высокочастотной лексики всех функциональных стилей, что показало данное лингвостатистическое исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максименко, О.И. Новые тенденции в аббревиации (на материале русского, английского и немецкого языков) / О.И. Максименко // Вестник РУДН. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 174–182. – (Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика).
2. Новый частотный словарь русской лексики (на материалах Национального корпуса русского языка) / сост. О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – Москва : Азбуковник, 2009. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 01.12.2020).
3. Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Заориной. – Москва : Русский язык, 1977. – 936 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-23-27

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

Хоу Сюэли

В.Т. Садченко

Статья посвящена анализу глаголов речи на практически не изученном в данном аспекте диалектном материале русских говоров Приамурья. Выявлена типология глаголов речи, репрезентированных в «Словаре русских говоров Приамурья», в семантическом аспекте.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, глаголы речи, русские говоры.

LEXICO-SEMANTIC GROUP OF SPEECH VERBS IN RUSSIAN DIALECTS OF THE AMUR REGION

Hou Xueli

V.T. Sadchenko

The article dwells on the analysis of verbs of speech based on the dialectal material of the Russian dialects of the Amur region, which has not been properly studied in the aspect of dialect variety. The typology of speech verbs, represented in the “Dictionary of Russian Dialects of the Amur Region”, in the semantic aspect is revealed.

Key words: lexico-semantic group, verbs of speech, Russian dialects.

Несмотря на значительную по объему библиографию, посвященную глагольной лексике со значением говорения в русском языке, существуют еще определенные лакуны в исследовании глаголов речи. В настоящее время актуальным является описание отдельных говоров и их черт, а также систематизация и классификация явлений различных языковых уровней. Ученые отмечают, что требуется более подробное и детальное изучение имеющегося диалектного эмпирического материала в связи с намечающейся тенденцией «трансформации диалектов в региональные языки» [10: с. 249]. Лексико-семантическая группа (ЛСГ) глаголов речи представляет собой в данном аспекте особый интерес, обусловленный не только частотностью и ролью относимых к данной группе единиц в коммуникации, но и их разнообразием как в литературном языке, так и в диалектной речи. Кроме того, классификация языковых единиц одной семантической группы является «необходимой основой для объяснения языковых фактов, методом познания,

позволяющим представить в той или иной системе эмпирический материал, выявить его существенные свойства и тем самым закономерности функционирования» [18: с. 31].

Достаточно подробный анализ литературы, посвященной исследованию глаголов речи на материале русского литературного языка в рамках различных лингвистических теорий и подходов, содержится в работах Л.М. Васильева [4; 5], Г.В. Степановой [15], Т.В. Кочетковой [8], И.А. Крыловой [9], С.М. Антоновой [1] и др.

Следует отметить, что большинство ученых, разрабатывавших классификации глаголов со значением говорения и в новейший (с 2000 г.) период, опираются на предложенную типологию данных языковых единиц Л.В. Васильева, представленную семью классами единиц: 1) глаголы с общим значением устной и письменной речи; 2) глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта; 3) глаголы со значением побуждения; 4) глаголы со значением оценки, содержащейся в речи; 5) глаго-

Хоу Сюэли – аспирант Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Нou Xueli – PhD student, Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: freeman.fe@mail.ru

Садченко Валентина Тарасовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Sadchenko Valentina Tarasovna – Doctor (Philology), Habil., Professor, Chair of the Department of Russian Language and Publishing, Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: valentinasadchenko@yandex.ru

© Хоу Сюэли, Садченко В.Т., 2021

лы, характеризующие коммуникативную сторону речи; 6) глаголы со значением эмоционального отношения, чувства; 7) глаголы, характеризующие характер выражаемой мысли, истинность или неистинность высказываемого [5].

И.А. Крылова, рассматривая предшествующие классификации изучаемой группы лексики, обращает внимание на необходимость более подробного исследования системных связей глаголов речи. Анализируя внутреннюю структуру ЛСГ глаголов речи и системные отношения внутри данной группы, И.А. Крылова считает необходимым учитывать стилистические характеристики входящих в нее единиц, которые могут ограничивать лексическую сочетаемость глаголов. Кроме того, И.А. Крылова уделяет особое внимание характеристике глаголов взаимного речевого действия, шутки и насмешки, а также глаголов, обозначающих «частные социальные акты и ритуальные речевые действия», что позволяет автору выделить и описать особый «социальный компонент, релевантный для толкования глаголов и определяющий ограничения на лексическую сочетаемость единиц ЛСГ глаголов речи» [9: с. 133].

И.А. Ермолаева рассматривает глаголы речи (подгруппу с семьей «говорить») на материале переводного художественного текста. Опираясь на «модифицированный вариант» [6: с. 362] теории А. Вежбицкой, И.А. Ермолаева выделяет 9 классов глаголов: 1) собственно глаголы речи; 2) каузативные глаголы речи; 3) интенсивные глаголы речи; 4) перформативные глаголы; 5) интерактивные глаголы; 6) глаголы звукоподражания; 7) глаголы жестикуляции и мимики; 8) глаголы, выражающие оценку (обычно экспрессивную) ситуации со стороны говорящего; 9) глаголы, принадлежащие более чем одному подклассу [6: с. 374].

Интерес представляет статья Е.А. Тупицыной, в которой автор, исходя из проведенного и описанного социолингвистического эксперимента, предлагает основу (схему толкования глаголов говорения) для словарной статьи нового типа специального толкового словаря русских глаголов речи, в которой при характеристике глаголов говорения должны учитываться как обязательные, так и дополнительные, факультативные элементы лексического значения, такие как сема-мотиватор, сема-объект, сема-цель, сема-адресат, расположенные иерархически [16].

Е.В. Падучева рассматривает одну подгруппу глаголов речи – глаголы речевого действия. Анализируя предшествующие исследования глаголов данной группы с точки зрения теории речевых актов, Е.В. Падучева предлагает «сугубо лингвистическую» характеристику глаголов речевого действия. Автор считает, что «отличительной чертой глаголов речи как тематического класса является то, что их общность задается не результатом, а спо-

собом действия», что уникальным свойством данных глаголов является их «перформативное употребление» [11: с. 224].

Из исследований, проведенных на диалектном материале, интерес представляет диссертационная работа Ю.А. Бессоновой, посвященная семантике глаголов речи в орловских говорах, в которой автор на основе сопоставления данной глагольной группы с имеющимися аналогами в литературном языке выявляет «мировоззренческие особенности носителя говора, <...> его языческие взгляды, особые нормы поведения и взаимоотношения в сельском обществе, социальные ожидания» [2]. Используя подробный семный анализ при изучении глаголов речи в орловских говорах, Ю.А. Бессонова разрабатывает типологию структурных моделей семантики глаголов речи в исследуемой группе говоров, отражающую стратегии и тактики носителя говора в коммуникации. Вместе с тем следует обратить внимание, что, выявляя факторы, способствующие образованию синонимических рядов, автор в качестве решающих называет семный набор и морфемную структуру. В качестве компонентов таких рядов Ю.А. Бессонова приводит единицы, у которых может наблюдаться совпадение фонетических оболочек и семной структуры (*жудеть, жу-дить* – примеры Ю.А. Бессоновой), что представляется, на наш взгляд, не вполне корректным, так как подобные единицы скорее могут быть отнесены не столько к синонимам, сколько к вариантам одной лексемы. В своей более поздней работе, обращая внимание на специфику организации поля глаголов речи в русском языке и взаимодействие и пересечаемость компонентов подгрупп в рамках одной ЛСГ, Ю.А. Бессонова приходит к выводу о том, что глаголы речевой деятельности могут входить и в другие поля: трудовой деятельности, обрядовой деятельности и др., так как все «лексико-семантические подгруппы свидетельствуют о различных видах общения в человеческом социуме, тех способах взаимодействия, которые выработало человечество в процессе своего развития» [3: с. 35].

О.В. Пересада в статье «Организация семантики глаголов речи в русских говорах Прибайкалья» обращает внимание на актуальность для носителей говоров глаголов речевого общения и речевого воздействия. Автор рассматривает одну из подгрупп производных диалектных глаголов – отсубстантивные глаголы речевого действия – в прагматическом аспекте и, используя методику пропозиционального анализа, выделяет когнитивные модели глаголов речевого действия [12].

Ю.А. Ермолаева и М.А. Короткевич, опираясь на принципы, сформулированные для данной группы языковых единиц на материале русского литературного языка Л.М. Васильевым, предприняли

описание лексико-семантических особенностей глаголов речи в русских говорах Башкирии, что позволило авторам классифицировать выделенные глаголы речи по следующим подгруппам: 1) глаголы, характеризующие внешние признаки речи; 2) глаголы речевого взаимодействия; 3) глаголы речевого побуждения; 3) глаголы, характеризующие коммуникативный аспект речи; 4) глаголы, характеризующие содержательную сторону речи; 5) глаголы эмоционального отношения, выражаемого речью; 6) глаголы, обозначающие речевой этикет; 7) глаголы речевого контакта [7].

На наш взгляд, существует некоторая нечеткость и избыточность в выделении подгрупп в данной классификации: так, 2-й и 7-й подклассы могут быть объединены в один на том основании, что отражают один и тот же параметр – взаимодействие/ контакт. Границы между ними (принципиальные отличия авторами не определяются) настолько несущественны, что представляется более целесообразным отнести распределяемые по данным подклассам единицы в подгруппу с общим названием «глаголы речевого взаимодействия и контакта», что мы и делаем ниже (см. предлагаемую классификацию соответствующих глаголов в русских говорах Приамурья).

Кроме того, Ю.А. Ермолаевой и М.А. Короткевич сделаны некоторые наблюдения над способами образования глаголов речи в данной группе говоров, среди которых самым перспективным, на взгляд авторов, является семантическое смещение [7].

На материале русских говоров Приамурья глаголы речи не подвергались специальному анализу, практически отсутствуют систематизированные, обобщающие или фундаментальные специальные научные работы о многоуровневой природе глаголов речи в русских говорах Приамурья, что обуславливает новизну данного исследования.

Общий объём данной ЛСГ в «Словаре русских говоров Приамурья» (СРГП) [13] составляет 119 лексем. Представленный материал позволяет классифицировать данные глаголы на следующие подгруппы.

1. Глаголы, обозначающие акт говорения в его общем виде. Эта подгруппа глаголов составляет центр всей ЛСГ, имеет обобщенное значение процесса речи и включает в себя 3 семантические разновидности:

– с общим значением «пользоваться, владеть речью»: *белемекать, ботать, буровить, ворочать, гавкать, гардачить, толмочить*;

– со значением «выражать мысль, мнение, сообщать о чем-либо»: *показать, обзываться*;

– со значением «вести беседу, разговаривать»: *балакать, балаять, баять, внушать, выстукать, гутарить, толмачить*.

2. Глаголы, определяющие речь по звучанию или характеру произношения:

– по скорости: *загнусеть* («заговорить в нос, медленно»), *отчеккрыжить* («пропеть, проговорить быстро без дополнительных просьб»);

– по громкости: *базанить (базланить)* («громко кричать»), *скричать* («позвать, громко спросить о чем-либо», «приказать, командовать»), *катить* («сильно кричать на кого-либо»);

– по четкости произношения: *булькнуть* («невнятно сказать что-либо»), *хрипатить* («говорить хриплым голосом»), *вяньгать* (в значениях «здавать ноющие звуки, перемежаемые плачем»; «хныкать»);

– по манере речи: *толмить/затолмить* («надоедливо повторять несколько раз одно и то же»; «твердить/затвердить»).

3. Глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта. Среди данных лексем можно также выделить следующие подгруппы глаголов:

– с общим значением «позвать»: *заказать, зареветь, обзывать, реветь, скрикнуть/скричать, созвать*;

– с общим значением «уговорить»: *блатовать, сомустить/сомуцать*;

– с общим значением «спросить»: *попытать, скричать, спытывать*;

– глаголы, оформляющие ответные реплики: *обзываться/обозваться*, («откликнуться»), *оговариваться* («отказаться»), *разгрезиться* («оправдаться»), *размаячить* («объяснить»).

4. Глаголы, характеризующие содержательную сторону речи, которые можно разделить на следующие подгруппы:

– глаголы, обозначающие пустые разговоры, на которые тратится время: *ботать* («говорить, напрасно тратя время»), *буровить* («говорить несуразное»), *набуровить* («наговорить с избытком нелепостей, вздора»), *лалачить* («вести пустой разговор»), *ошауривать* («говорить лишнее, вздор»), *проплешиничать* («провести время попусту за разговорами»);

– глаголы, связанные с распространением ложных сведений о человеке: *гавкать* («сплетничать»), *горготать* («наговаривать на кого-либо»), *обобславить* («распространить дурные слухи»), *плёшиничать* («сплетничать»), *распростягать* («распространять весть, слухи»);

– со значением «проговориться»: *высекнуть* («проговориться»), *выстукать* («вольно или невольно сообщить о чем-то тайном»);

– с общим значением «ругать, осуждать, ссориться»: *взляять* (во втором значении – «начать ругаться»), *вяньгать* («ворчать»), *зубатиться* («ругаться»), *напонужать* («отругать»), *постыриться* («ругаться»), *приколупаться* («незаслуженно упрекнуть», «предъявить претензии к кому-нибудь»), *прострамить* («пристыдить», «отчитать», «отругать»), *просудить* («осудить»), *фран-*

товать («осуждать»), *матюжниться/разматюжаться* («ругаться бранными словами»);

– «шутить», «насмехаться»: *горготать* («насмехаться над кем-либо»), *подишунивать* («подшучивать»), *сундурить* («насмехаться»), *шаульничать* («насмешничать, шутить»);

– «советовать»: *приказать* («подсказать, посоветовать»);

– «хвалиться, хвастаться»: *наячиться, ухвалиться, хвастоваться*;

– «спорить»: *постыриться* («поспорить»), *рядиться* («спорить по пустякам, препираться»).

5. Множество глаголов речи в русских говорах Приамурья характеризует процесс пения: *голосовать/проголосовать* («петь»), *зареветь* («запеть»), а также различные типы и особенности пения:

– по громкости (со значением «громко петь»): *базланить, взывать, возгудать*;

– по способу: *выголашивать* («выводить мелодию голосом»), *голосить* («петь на несколько голосов»), *разливать* («петь звонко, с переливами»);

– по высоте голоса: *заголосить* («запеть высоким голосом»).

6. Кроме того, в говорах Приамурья представлены глаголы речи, имеющие узкое, специальное значение (не отмеченное в других говорах и классификациях) «достичь какой-либо цели, используя заговор»: *бузить* («заговаривать»), *закликать* («вылечить заговором»), *ладить* («лечить, используя заговор»), *оговорить* («накликать болезнь путем заговора»).

Следует отметить, что русским говорам Приамурья, как и литературному языку, свойственна многозначность. Это относится и к глаголам речи, вследствие чего некоторые глаголы в ходе классификации оказались одновременно в различных подгруппах. К таким глаголам относятся, например, глагол *вяньгать*, который имеет три значения: «издавать ноющие звуки, перемежаемые плачем»; «хныкать»; «говорить не к месту; ворчать», в соответствии с которыми он может быть отнесен к первому и четвертому типам в предложенной выше классификации; глагол *зареветь*, также имеющий три значения: «закричать», «запеть», «позвать, окликнуть», является иллюстрацией ко 2-му, 3-му и 5-му типам. Четких границ между выделяемыми типами также не наблюдается, так как многие глаголы (если не большинство) в исследуемой группе говоров отличаются коннотативной окрашенностью. Так, у глагола *скричать*, имеющего значения: «позвать кого-нибудь», «громко спросить», «громко приказать, scomандовать», два последних характеризуются как экспрессивные, имеющие дополнительную сему «сделать громко», вследствие чего могут быть отнесены и ко 2-му, и к 3-му разряду.

Материал также показал, что в ЛСГ глаголов речи и в русских говорах Приамурья, как и в других группах русских говоров, достаточно широко представлены единицы с переосмыслением семантики по сравнению с их литературными аналогами, в частности глаголы с метафорическим переносом значения по сходству действий, например:

1. **БУЛЬКНУТЬ**, *н у, н е ш ь*, сов., что. Экспр. *Невнятно сказать что-л.; буркнуть*. Чё ему надо, булькнет чё-то; неразговорчивый у нас зять (*Союз. Окт.*). *Хаб. (Окт.)*.

Глагол *булькнуть* со значением «производить звуки / говорить определенным образом» отмечен и О.А. Чупряковой в говорах Волго-Камья [17: с. 13], что подчеркивает общерусский характер данного словоупотребления. Однако в русских говорах Приамурья отмечен как омоним еще один дериват, не зафиксированный в других говорах:

2. **БУЛЬКНУТЬ**, *н е т*, безл. *Потянуть*. Работал старателем. Скомисовался как колхозник. Чё меня бұлкнуло туда (*Алб. Скв.*). *Амур. (Скв.)*.

Значение данного глагола, на первый взгляд, никак не связано с исходным – «звукопроизводство в неживой природе», – на основе которого произошел метафорический перенос в случае с первым омонимом. Представляется возможным уточнить указанное словарное значение глагола *булькнуть* – «потянуть». Контекст словарной статьи (иллюстративный материал) дает основание предположить дополнительные компоненты значения: «внезапно, неожиданно, необъяснимо увлекло». Таким образом, основанием для семантического сдвига послужила сема «внезапно, необъяснимо» произвести действие.

Следует обратить также внимание на отличительные признаки ряда лексем со значением говорения в русских говорах Приамурья от соответствующих аналогов в других группах русских говоров. Так, уже упоминаемый глагол *вяньгать*, кроме значения «издавать ноющие звуки, перемежаемые плачем; хныкать», характерного для ряда других говоров, что отмечено в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) [14], имеет еще два значения, отмеченных только в СРГП: «говорить не к месту», «ворчать».

Глагол *горготать* в СРНГ имеет три значения, связанные с семантикой речи: 1) громко говорить; 2) говорить непонятно, неразборчиво; 3) браниться. Таким образом, он относится к группе глаголов, обозначающих особенности, манеру, способ произнесения речи; в русских говорах Приамурья этот глагол имеет значение «болтать, наговаривать на кого-то, насмехаться над кем-либо» и относится к группе глаголов со значением речевого воздействия и контакта.

Значение глагола *зареветь* (позвать кого-либо) совпадает в обоих словарях, однако в СРГП у этого

глагола отмечены и другие, дополнительные значения: 1) закричать; 2) запеть.

В СРНГ глагол *обзывать* имеет значение «откликаться на обращение, на зов», тогда как в СРГП данный глагол обозначает «отзываться, высказывать мнение о чём-либо».

В СРГП глагол *плёшничать* имеет значение «сплетничать». В СРНГ плёшничать означает «развратничать»; проплёшничать там же имеет значение «провести время попусту, пробездельничать». В СРГП данный глагол имеет более конкретное значение: «провести время попусту за разговорами».

Значения глагола *скричать* расходятся в обоих словарях. В СРНГ он обозначает «позвать кого-либо», тогда как в СРГП он имеет два совершенно иных значения: 1) «громко спросить о чём-либо»; 2) «громко приказать, scomандовать».

Значение глагола *сундурить* в обоих словарях идентично: «насмехаться над кем-либо», однако в СРГП зафиксировано дополнительное значение «со сна, спяну, по глупости сказать ненужное», которое отсутствует в СРНГ.

Значение глагола *трёкать* в СРНГ представлено более конкретно (болтать попусту), чем в приамурских говорах (говорить, разговаривать). Данный глагол с однократным значением в возвратной форме трёкнуться присутствует в СРГП и имеет значение «обмолвиться», однако в СРНГ его нет.

Таким образом, можно сделать вывод, что глаголы речи в русских говорах Приамурья отражают сложный процесс говорения во многих аспектах; спектр значений глаголов речи в русских говорах Приамурья достаточно широк; многие из них имеют особенное дополнительное значение, отличающее их от аналогов как в русском литературном языке, так и в других говорах.

Характеристика семантической структуры отдельных единиц ЛСГ глаголов речи, мысли, представленных в «Словаре русских говоров Приамурья», может дополнить описание регионального варианта русского национального языка в Приамурье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации : монография / С.М. Антонова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – URL: https://www.studmed.ru/antonova-sm-glagoly-govoreniya-dinamicheskaya-model-yazykovoy-kartiny-mira-opyt-kognitivnoy-interpretacii_d75e79415dd.html (дата обращения: 21.11.2020).
2. Бессонова, Ю.А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах и отражение в ней мировосприятия их носителей : дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Бессонова. – Орел, 2001. – 269 с. – URL: EduContest.net...101756/диссертация...наук-семантика... (дата обращения: 21.11.2020).
3. Бессонова, Ю.А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах / Ю.А. Бессонова //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1 (8). – С. 33–37.

4. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола / Л.М. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1981. – 184 с.

5. Васильев, Л.М. Семантические классы русского глагола: Глаголы чувства, мысли, речи и поведения : дис. ... д-ра филол. наук / Л.М. Васильев. – Уфа, 1970. – 661 с.

6. Ермолаева, И.А. Семантическая классификация глаголов речи в русском языке / И.А. Ермолаева // Вестник СПбГУ. – 2017. – Т. 14, Вып. 3. – С. 362–375. – (Сер. Язык и литература).

7. Ермолаева, Ю.А. Семантическое микрополе «глаголы речи» в русских говорах Башкирии / Ю.А. Ермолаева, М.А. Короткевич // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2014. – № 23 (352), Вып. 92. – С. 30–36. – (Сер. Филология. Искусствоведение).

8. Кочеткова, Т.В. Глаголы говорения в русской разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Кочеткова. – Саратов, 1978. – 180 с.

9. Крылова, И.А. Семантико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи : дис. ... канд. филол. наук / И.А. Крылова. – Москва, 1996. – 162 с.

10. Новикова, Т.Ф. Исследовательский и образовательный потенциал региональной лингвистики / Т.Ф. Новикова // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Междунар. конф. (V Бодуэновские чтения) : труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. (Приволжск.) фед. ун-та, 2015. – Т. 1. – С. 249–252.

11. Падучева, Е.В. Глаголы речевого действия как тематический класс / Е.В. Падучева // Русский язык сегодня : сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова ; отв. ред. Л.П. Крысин. – Москва : Азбуковник, 2003. – Вып. 2. – С. 201–226.

12. Пересада, О.В. Организация семантики глаголов речи в русских говорах Прибайкалья / О.В. Пересада // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2018. – Вып. № 6. – С. 9–15.

13. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О.Ю. Галуза [и др.] – 2-е изд., испр. и доп. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. – 544 с.

14. Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Москва–Ленинград, Ленинград, Санкт-Петербург, 1965–2016. – Вып. 1–49. – URL: iling.spb.ru/СРНГ (дата обращения: 21.11.2020).

15. Степанова, Г.В. Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Степанова. – Москва, 1970. – 190 с.

16. Тупицына, Е.А. Глаголы речи в лексикографическом аспекте / Е.А. Тупицына // Вестник Новосиб. гос. ун-та. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 132–139. – (Сер.: История, филология).

17. Чупрякова, О.А. Семантическая глагольная деривация в говорах Волго-Камья : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Чупрякова. – Казань, 2006. – 23 с.

18. Шарандин, А.Л. Лексико-грамматические разряды и лексико-семантические группы русского глагола / А.Л. Шарандин // Актуальные проблемы русистики : тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию проф. Э.В. Кузнецовой (7–9 февр. 1997 г. Екатеринбург, Россия). – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 30–32.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА: МНОГОЗНАЧНОСТЬ VS ШИРОКОЗНАЧНОСТЬ

М.Ю. Евтеева

В данной статье сопоставляются возможности построения семантической структуры многозначных и широкозначных слов. Предлагается определять значения полисемантов как лексико-семантические варианты, объединение которых посредством инвариантного значения возможно, но не является облигаторным. В качестве основы структурирования значения платееосеманта выдвигаются прототипические значения, трактуемые как основные; они, в свою очередь, объединяются широким инвариантным значением. Такой подход применяется к описанию семантики глаголов с общим значением *делать* (в немецком языке *machen* и *tun*, в английском – *make* и *do*, в русском – *делать*). Оба типа значения играют принципиально важную роль в семантической структуре платееосеманта: инвариант единичен, в то время как прототипов может быть больше одного, вследствие чего в речи реализуется инвариантное и определённое прототипическое значение. Кроме того, можно предположить наличие отношений семантической деривации между прототипами. Семантическое развитие также фиксируется в рамках самого такого значения. Количество семантических переносов может быть довольно большим, однако они происходят по регулярной когнитивной модели. Например, прототипическое значение глагола типа *делать* сохраняется тем же, меняется только характер объекта. На основании проведённого исследования предлагается новое определение феномена широкозначности, а также различительные критерии для явлений поли- и платееосемии.

Ключевые слова: семантическая структура; слово широкой семантики; полисемия; прототипическое значение; инвариантное значение; метафора; метонимия.

THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE WORD: POLYSEMY VS BROAD SEMANTIC WORD

M.Yu. Evteeva

The paper deals with the modeling of the semantic structure of polysemantic and broad semantic words. The article suggests determining meanings of polysemantic words as lexical-semantic variants that potentially can be united by means of the invariant meaning though not obligatory for the semantic structure of such words – the invariant meaning of a polysemantic word is seen as something artificial. I argue that it is possible to construct the semantic structure of the broad semantic word on the basis of prototypical meanings which are interpreted as basic meanings. Such prototypical meanings are to be united by the use of a broad invariant meaning. This approach is applied while describing the semantics of the nuclear verbs in the action field (*do* and *make* in English, *tun* and *machen* in German, *делать* in Russian). Both types of meanings play a critical role in organizing the semantic structure of the broad semantic words: there is a single invariant while there can be more than one prototype, so that an invariant and definite prototype value is realised in speech. In addition the existence of interdependence of semantic derivation between prototypes and within the meaning itself is assumed. There can be a lot of semantic transfers, but they occur based on a regular cognitive model such as cognitive metaphor and cognitive metonymy. For example, the prototypical meanings of the verbs *to do* and *to make* remain the same while the nature of the object changes. Based on the conducted research, a new definition of a broad semantic phenomenon is offered along with distinctive criteria for the phenomena of poly- and broad semantics.

Key words: semantic structure; broad semantic word; polysemy; prototypical meaning; invariant meaning; metaphor; metonymy.

Введение

Проблема значения слова продолжает оставаться одной из наиболее актуальных в лингвистике, о чём свидетельствует большое количество работ по семантике, отражающих стремления исследователей наиболее точно и систематизированно с учётом знаний, полученных на новом этапе развития науки о языке, описать информацию, вносимую лексической единицей. При этом в применении к конкретной парадигме нередко подвергаются корректировке толкования терминов и принципы построения семантической структуры.

Так, сам термин *значение*, представляющий собой, по сути, краеугольный камень в филологии, получил целый ряд определений, в которые включают такие слова, как *смысл*, *идея*, *содержание*, *понятие* и т.д. Поэтому вполне закономерно, что и при решении проблемы семантического структурирования слова нет единообразия, где предлагается различный «строительный материал», например, *лексико-семантический вариант (ЛСВ)*, *инвариант*, *прототип*.

Даже в отношении противопоставления *омонимия* vs *полисемия* точки зрения расходятся. Так, в

Евтеева Мария Юрьевна – кандидат филологических наук, независимый исследователь (г. Москва).

Evteeva Mariya Yurievna – Candidate of Philology, freelancer (Moscow).

E-mail: korchagina_masha@yahoo.com

© Евтеева М.Ю., 2021

словаре Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache (2000) приводятся два слова-омонима – 1 *tun* (полнозначный глагол) и 2 *tun* (вспомогательный глагол), в то же время в большинстве других словарей (Wahrig Bd. 6: Deutsches Wörterbuch (1997), Duden, Deutsches Universalwörterbuch (2003) и т.д.) для *tun* имеется одна статья, включающая ряд значений, в том числе и *tun* как вспомогательный глагол, т.е. слово считается многозначным; о широком значении этого глагола не упоминается в силу недостаточной изученности и сложности понятия *широкозначность* (или *платеосемия*). Этот термин, как правило, оставляют без внимания даже учебники по языкознанию, авторы которых ограничиваются рассмотрением полисемии в её соотношении с омонимией, реже – с моносемией. Платеосеманты же (*идти, дело, take*) часто приводят именно в качестве примеров многозначных слов.

Это связано с тем, что платеосемия явно осознаётся как явление, отличное от полисемии, – значение платеосемантов сложнее поддаётся формулировке, в отличие от значений полисемантов, у которых чётко выделяется ряд лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Так, значение глагола *делать*, как правило, в лексикографических источниках или при опросе носителей языка раскрывается либо посредством синонимов (*заниматься, исполнять* и т.д.), либо с помощью ассоциативных примеров (*делать дело, уроки, деньги, добро*). Заметим также, что вне речи полисемант соотносится скорее с первым основным ЛСВ, номинативно-непроизводным значением (ННЗ), хотя и его определение весьма спорно – оно может зависеть от ряда социальных факторов (возраст, образование, профессия, место проживания и т.д.), обуславливающих субъективное восприятие внеязыковой действительности, что получает отражение в личной языковой картине мира.

Исследования в сфере широкозначности

Лингвисты обратились к разработке проблемы широкозначности ещё в середине XX в. в связи с исследованием связочных глаголов английского языка в составе именного сказуемого – широкое значение указанных единиц характеризуется как отвлечённое, крайне обобщённое понятие [26: с. 47], отмечается перераспределение лексического и грамматического значений между компонентами составного именного сказуемого [4: с. 13]. Само определение *широкозначности* впервые было сформулировано Н.Н. Амосовой в 1963 г., понимавшей под этим явлением «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [1: с. 114]. Тем не менее, как представляется, это определение

релевантно и для многозначности, так как конкретный ЛСВ актуализируется именно в контексте. В свою очередь, полисемия в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой определяется как «наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [3: с. 335], что, по нашему мнению, актуально и для платеосемии. Отметим, что по вопросу семантического развития слова, связанного, главным образом, с метафорическими и метонимическими переносами, благодаря которым лексическая единица приобретает новые значения, существует относительное единство мнения.

Таким образом, в целом признаётся возможность наличия у слова нескольких значений, которые можно представить в виде структуры при указании их взаимосвязи (семантической деривации). Кроме того, выделяются единицы, обладающие широким значением, структурирование которого весьма затруднительно из-за большой степени обобщённости и абстрактности, такое значение едино, целостно и даже инвариантно [10: с. 12; 14: с. 102; 15: с. 83–84]. Отметим также наличие особого мнения, согласно которому оба явления перекрещиваются: широкозначность сосуществует с многозначностью в пределах семантической структуры одной языковой единицы, т.е. платеосемия предстаёт внутренней характеристикой отдельных ЛСВ в структуре полисеманта [2: с. 127]. Осветим нашу точку зрения по этой проблеме.

Основания семантической структуры у поли- и платеосемантов

Представляется целесообразным для построения семантической структуры единиц разных типов использовать отличающиеся основания. При этом значение понимается как информация, вносимая языковым знаком об объекте внеязыковой действительности [17: с. 35–36]. Частные значения полисеманта определим как ЛСВ – потенциально типовые сочетания, с разных сторон характеризующие единое смысловое целое слова и в своей совокупности представляющие значение слова [7: с. 125–126]. Кроме того, то общее, что содержится в ряде ЛСВ полисеманта, может объединяться инвариантным значением, под которым понимается регулярно обнаруживающийся в ряду значений семантический компонент, результат «осмысления и объединения» [20: с. 81] общих свойств вариантов в виде дескрипции определённой степени абстракции. Инвариант обеспечивает тождество слова, гарантируя воспроизводимость слова, т.е. регулярное употребление как конкретной единицы языка в различных контекстах, удовлетворяющих семантическим критериям данного слова. Однако, по мнению ряда исследователей, в случае полисемии инвариантное значе-

ние – результат «вмешательства» со стороны лингвистов, что имеет целью «упорядочивание» знания, но не проясняет суть предмета изучения (см., например, [9: с. 47–55; 10: с. 13; 22: с. 415; 25: с. 82–83]). Связано это с тем, что часто инвариантом считают ННЗ, «учиняется произвольная расправа над реальным многообразием значений», а также устраняется различие между «концептуальным и экспрессивным планами выражения» [9: с. 47–55]. Кроме того, полисемия, как известно, может быть радикальной и цепочечной. В первом случае инвариант, видимо, действительно возможен, так как это общая часть пересекающихся значений. При цепочечной же полисемии крайние значения связаны друг с другом посредством одного или ряда значений, следовательно, общая часть у них отсутствует. Таким образом, в силу своей искусственности наличие инварианта в структуре полисеманта, значения которого мы соотносим с ЛСВ, не является облигаторным.

В качестве же основы построения структуры значения платееосеманта мы предлагаем использовать **прототип**. В семантике не раз имело место обращение к проблеме прототипа, но в целом можно говорить о трёх основных подходах.

Термин прототип был введён Э. Рош, понимающей под ним «самые явные члены категории» [30: с. 38] и, по сути, применившей к теории поля новые термины. Как отмечает О.Н. Селивёрстова, Э. Рош делает акцент на описании денотатов, а не значений языковых единиц. Применительно к платееосемантам такими «явными» (лучшими) членами категорий следовало бы считать более частотные значения, из-за чего большая часть спектра широкого значения осталась бы неохваченной. Таким образом, определение прототипа как лучшего представителя не позволяет решить проблему организации семантической структуры платееосеманта.

Согласно второй трактовке прототип фактически соотносят с инвариантом слова [5: с. 30–31; 14: с. 61; 18: с. 124], мы же, как будет показано ниже, разводим эти понятия и полагаем, что оба типа значений важны в структуре платееосеманта.

При третьем подходе, разделяемом нами, прототип трактуется как «исходное» или «основное» значение слова. Это наиболее близко к толкованию слова *прототип* в естественных языках – *прообраз, первоначальный образец* (см., например, [19: с. 498; 27: с. 559; 31: с. 701]). Значит, согласно требованию Дж. Лайонза к материальной адекватности термина, такое понимание прототипа вполне обосновано. Аналогичную трактовку находим у О.Н. Селивёрстовой: «...понятие прототип в сущности соответствует старому понятию "исходного, или основного" значения» [16: с. 21].

Наличие прототипической основы платееосеманта и мотивированность семантических сдвигов относительно неё признаётся также М.В. Никитиным: «...здесь прослеживается, хотя и в ослабленном виде, фактор исходного значения слова, прототипически сдерживающий размах семантической мотивированности слова в некоторых рамках». По мнению учёного, «силы тяготения» исходного прототипического ядра слова перестают действовать на периферии содержательного единства слова, из-за чего происходит распад на полисемию и омонимию [13: с. 108–109], что, однако, весьма сложно идентифицировать.

Возможность соотнесения значения платееосеманта с прототипом присутствует в идеях Е.С. Кубряковой, предложившей классификацию [11: с. 17], в которой слова противопоставляются как категориальные сущности. На основании кластеров признаков, организующих категории в единства, предлагается различать категории:

– по числу кластеров (однофокусные, двухфокусные и многофокусные категории);

– по варьированию признаков внутри кластеров (категории, построенные по прототипическим признакам vs категории, где переход от одного кластера к другому сопряжён с изменением главного признака кластера);

– по содержанию признаков в кластере (категории с перцептивными / неперцептивными (абстрактными) / смешанными свойствами).

В нашей трактовке первое различие соотносится с количеством значений слова (ЛСВ у полисеманта и прототипов у платееосеманта); второе непосредственно коррелирует с противопоставлением широкозначности и многозначности, хотя Е.С. Кубрякова конкретно на это не указывает; третье имеет отношение к семантическому развитию внутри значения.

Таким образом, прототипическое значение как основное применимо к исследованию широкозначности, такой подход позволяет сузить число семантических элементов платееосеманта до минимально необходимых, что могло бы определить характер его фокусности. Прототипическое значение должно максимально полно отражать черты соответствующих ему денотативных ситуаций.

При такой трактовке прототипические значения соотносимы с базовым уровнем категоризации, где в качестве категорий выступают объединения, централизирующие наиболее релевантные для обыденного сознания свойства. В повседневной жизни человек обычно оперирует естественными, более простыми, частотными и используемыми для описания многих ситуаций, но при этом крайне информативными категориями, сформированными на «среднем» уровне абстракции [12: с. 14–15]. Такие

категории определяются как гештальты, качества которых не вытекают из свойств частей, а присущи им в целом [23: с. 103]. Они позволяют легко определять объект, для предикатов – денотативную ситуацию. Такие единицы первыми устанавливаются при онтогенезе и известны большинству говорящих [12: с. 15]. Ю.Н. Караулов считает гештальты принадлежностью промежуточного языка (языка представления знаний в человеческом интеллекте), связующим звеном между значениями и их коррелятами в действительности [8: с. 191]. Тем не менее, если прототип как гештальт имеет определённую организацию, то её можно описать.

На основе идей о прототипах и категориях базового уровня Дж. Лакофф предложил теорию идеализированных когнитивных моделей (ИКМ), т.е. структур, организующих знания в памяти человека и представляющих собой гештальты, цельность которых обеспечивают четыре типа структурирующих принципов, а именно пропозициональная и образно-схематическая структуры, метафорическое и метонимическое отображения [28: с. 68]. При этом учёный отмечает возможность объединения ряда ИКМ в кластерную модель, более базовую, чем каждая из моделей – членов кластера. Как представляется, прототипическое значение платееосеманта возможно соотнести с ИКМ, а кластерную модель – с объединением нескольких прототипов, входящих в структуру платееосеманта. Из этого следует наличие некоторой сущности, обеспечивающей такую целостность, что согласуется с идеей самого широкого значения, которое принято считать инвариантным (см., например, [9; 12]).

Роль инварианта в семантической структуре платееосеманта

Ещё раз отметим, что под инвариантом понимается «абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от её конкретных модификаций-вариантов» [20: с. 80]. По мнению О.Н. Селивёрстовой, «за всеми выделяемыми вариантами (...) стоит некоторый инвариантный, хотя и очень нечёткий концепт» [16: с. 21]. Понятно, что инвариант должен объединять прототипы на более высоком уровне абстракции. И прототипическое, и инвариантное широкое значение – единицы-гештальты базового уровня. Однако, будучи результатами разной степени обобщения, в плане абстракции они разноуровневые. Если в значении платееосеманта выделяется больше одного прототипа, то прототип и инвариант соотносятся как часть и целое. При этом суть гештальт-инварианта широкозначной единицы нельзя понять и посредством суммирования его частей (прототипов). Кроме того, для платееосемантов невозможно выделить какой-либо признак или пучок признаков, который

объединил бы все варианты, так как при широкозначности каждый из прототипов, как это будет продемонстрировано ниже, обладает собственным набором признаков. Это означает, что инварианты платееосеманта и полисеманта принципиально отличаются. Подчеркнём, однако, что сложность определения значения платееосеманта заключается в том, что инвариантное широкое значение более очевидно, чем прототипическое. Это подтверждается тем, что носитель языка, даже филолог, не может определить последнее без специального исследования, и, исходя из личной языковой компетенции, называет лишь некоторые индивидуально-субъективные ассоциаты как иллюстрации значения слова, например, для глагола *делать* – *делать уроки, котлеты*. Другим примером может служить практика преподавания английского языка, где для объяснения семантических различий глаголов-платееосемантов *do* и *make* с общим значением *делать* используются такие традиционные формулировки, как *делать вообще что-то* для *do* и *делать что-то руками* для *make*.

Таким образом, согласно нашей трактовке обе единицы – прототип и инвариант – являются неотъемлемыми элементами семантической структуры широкозначного слова. Она может быть представлена в виде одного или нескольких прототипических значений, каждое из которых обладает собственным набором признаков. Кроме того, предполагается наличие некоторой связи между прототипами, объединяющей их в единое целое, отражающееся в инвариантном широком значении. В значении же многозначного слова прототип и инвариант также потенциально могут быть выделены, но это не облигаторно для описания его семантики.

Метод выявления прототипических значений платееосеманта

В качестве метода определения прототипического значения глагола, т.е. формирующих его семантических признаков, предлагается гипотетико-дедуктивный метод (ГДМ) в комбинации с контекстным, дистрибутивным и валентным анализом, что было применено к исследованию семантики глаголов типа *делать* (*делать, machen, tun, taisīt, darīt*, частично *make* и *do*). Гипотеза о значении указанных единиц, в семантике которых роль субъекта не столь важна, выводится, главным образом, путём анализа объектов в основной конструкции типа (X) *делать* Y, где объект (Y) представляет собой минимальный контекст, раскрывающий значение указанных предикатов. Затем гипотеза верифицируется экспериментально, в том числе в примерах с конструкциями, полученными за счёт расширения начальной конструкции посредством прилагательных, наречий и (предложных) именных групп (ИГ), а также с залоговыми конструкциями.

На каждом этапе гипотеза проверяется посредством эксперимента, включающего анкетирование информантов.

Результаты исследования глаголов типа *делать*

Осветим результаты исследования значений русского глагола *делать* и немецких *machen* и *tun*, с которыми соотносятся *make* и *do* в английском языке, и продемонстрируем возможность построения семантической структуры плацеосеманта на основе выделения прототипических и инвариантного значений.

Материалом для исследования послужили примеры из лексикографических источников, а также ресурсы корпусной лингвистики, где поиск задавался при варьировании форм глаголов по числу, лицу, роду, времени, а также по формам причастий; ограничение касалось употребления глаголов с приставками и в устойчивых сочетаниях фразеологического характера. Выборка по исследуемым единицам составила 6300 примеров (*machen* – 2400, *tun* – 1400, *делать* – 2500).

Для указанных глаголов было выделено три основных значения.

Во-первых, значение *делать*1 вносит информацию о *создании* из объекта Z *объекта иной качественной определённости* Y, например, *делать сок из апельсинов*, где объекты Y (*сок*) и Z (*апельсины*) – объекты разной качественной определённости, т.е. отличаются «совокупностью своих “существенных” свойств» [21: с. 116]. При этом указание на исходный объект факультативно – *делать цветы*; *Saft machen* (*делать сок*); *to make a coat* (*шить пальто*), в ряде случаев он вообще не может быть идентифицирован (*делать замечание*; *Karriere machen* (*делать карьеру*); *to make a note of smth.* (*записать ч-л.*)). Включение в высказывание указания на исходный объект (материал) возможно, если речь идёт о создании физического объекта из физического материала посредством физических усилий, например: *делать кровать из железа*, *einen Tisch aus Holz machen* (*делать стол из дерева*); *to make nails of iron* (*делать гвозди из железа*), но нельзя сказать **делать покупки из товаров*; **einen Aufsatz aus den Wörtern und Gedanken machen* (*написать сочинение из слов и мыслей*); **to make a plan of sketches* (*разработать план из набросков*).

Наличие признака *создание объекта иной качественной определённости* можно продемонстрировать через анализ следствий, в частности таким следствием является признак *необратимости ситуации*, т.е. невозможен возврат объекта Y к прежней качественной определённости, т.е. в состоянии объекта Z – *сок* не может стать снова *апельсинами*.

Вторым следствием признака *создания объекта иной качественной определённости* является *ори-*

ентация на внутреннюю структуру события, что основано на том, что имеют место события, которые представляются как некоторая целостность, в отличие от событий, в реализации которых можно «вмешаться» или охарактеризовать их как реализуемые по частям (по этапам). Вследствие этого в высказывание может быть включена характеристика, раскрывающая внутреннюю структуру события, т.е. указание на способ действия (*делать прыжок с двойным сальто*; *einen Sprung mit viel Spritzwasser machen* (*делать прыжок с большим количеством брызг*); *to make chocolate-covered strawberries* (*приготовить клубнику, покрытую шоколадом*), и нельзя сказать, например, **einen Sprung mit viel Spritzwasser tun*). Такая характеристика может содержаться в значении слова, заполняющего позицию объекта (*он делает сальто*, *er macht eine Grätsche* (*он делает прыжок ноги врозь*); *he makes a bow* (*он делает поклон*)). Речь здесь идёт именно о способе действия, а не обстоятельстве образа действия, вносящего информацию лишь о «внешних» по отношению к характеру протекания действия характеристиках, например о времени, скорости, качестве, месте, направлении и т.д. (*Он делает прыжок сегодня, быстро, красиво, со скалы, через ручей*), но не раскрывает само действие, этапы его реализации.

Данное значение *создание объекта иной качественной определённости при необратимости ситуации и наличии ориентации на внутреннюю структуру события* обозначим как **создание объекта**. Подчеркнём, что слово «создание» употребляется именно в обозначенном строгом терминологическом смысле и предполагает наличие указанных семантических признаков. Информация о **создании объекта** составляет одно значение глаголов *делать*1 (*делать стрижку*), *machen*1 (*Saft aus Äpfeln machen*), *make*1 (*to make money*).

Во-вторых, глаголы типа *делать* могут вносить информацию о принципиально ином действии – **преобразовании объекта при сохранении его качественной определённости**, например, *делать женщину красавицей*, *делать кого-то счастливым*, *eine erstaunte Miene machen* (*делать удивлённое лицо*); *einen krummen Rücken machen* (*ссутулиться*); *to make smb. smile and laugh* (*заставить кого-то улыбаться и смеяться*); *to make a marriage happy* (*делать брак счастливым*). Следствием этого признака является потенциальная **обратимость ситуации**, т.е. объект-результат может принять своё начальное состояние – *женщина* перестаёт быть *красавицей*, *лицо* принимает обычный вид, *кто-то* перестаёт *улыбаться*. В высказывании часто эксплицируются начальный объект и объект-результат, например: *делать из певицы звезду*; *aus ihm einen Superman machen* (*сделать из него супер-*

мена); *to make family dinners fun* (сделать семейные обеды удовольствием). Однако это имеет место не всегда – *делать большие глаза*; *den Dolmetscher machen* (исполнять роль переводчика); *das Haar machen* (укладывать волосы); *to make a long face* (принять огорчённый вид). Значение, определяемое признаками *преобразование объекта, сохранение его качественной определённости*, обозначим как **преобразование объекта**. Данное значение релевантно для глаголов **делать²** (*делать сына хозяином фирмы*), **machen²** (*j-n krank machen*), **make²** (*to make smb. cry*).

В-третьих, рассматриваемые глаголы могут сообщать о *реализации некоторого неконкретизированного действия*, точнее его **порции**, понимаемой как количество действия, достаточного для того, чтобы считать действие реализованным [24: с. 34], и не вносят информацию о его характере – *делать что-то; ничего не делать*; *das einzige Mögliche tun* (*делать единственно возможное*); *nichts Symbolisches tun* (*не делать ничего символического*); *to do a funny thing* (*странно себя повести*); *to do a good job on smth* (*сделать что-либо хорошо*). Глагол при этом употребляется главным образом с объектами, определяемыми нами как *слабые* или *более конкретизированные*. (Позиция *слабых* объектов занята вопросительными, указательными, отрицательными, неопределёнными местоимениями. *Более конкретизированных* объектов – абстрактными существительными, субстантивированными прилагательными и наречиями. *Сильных* объектов – существительными (вещественными, конкретными, реже отвлечёнными (абстрактными)) и соотносимыми с ними местоимениями, обычно личными, реже указательными.)

Понятно при этом, что имеет место **отсутствие ориентации на внутреннюю структуру события**. Действительно, в высказывание с таким глаголом нельзя включить характеристику, раскрывающую внутреннюю структуру события, например, **einen komplizierten Sprung tun* (*делать сложный прыжок*), где характеризуется реализация прыжка, **eine schriftliche Äußerung tun* (*делать письменное высказывание*). В высказывание можно включить только обстоятельства времени, места, цели и т.д., например, *Он делает это в классе, днём, за партией, уже три часа*, но нельзя сказать **Он делает это сложно, в два действия*. Показательными в этом плане являются два примера с немецкими глаголами, противопоставленными по наличию/отсутствию такой ориентации, и словом *der Blick* (*взгляд*): *einen finsternen/bösen Blick machen* (*делать мрачный/злой взгляд*) vs *einen verstolenen/heimlichen Blick tun* (*украдкой взглянуть на кого-л.*). Глагол *machen* вносит здесь информацию о *преобразовании внутренней структу-*

ры объекта (*взгляд*), *сохраняющего свою качественную определённость*. Характер *преобразования* раскрывается посредством прилагательного (*мрачный, злой*), ситуация при этом обратима (*взгляд* может принять обычное состояние). Глагол *tun*, в свою очередь, вносит информацию о *реализации порции действия* (некоторого «количества» *взгляда*), которой дана обстоятельственная характеристика образа действия (*украдкой*), но не способа действия, вследствие этого действие не представлено как *ориентированное на внутреннюю структуру события* (*взгляд* остаётся неизменным).

Информацию о реализации порции действия вносят глаголы **делать³** (*делать добро*), **tun** (*nichts tun*) и **do** (*to do good*).

Таким образом, семантическая структура глагола типа *делать* может быть организована значениями *создание объекта, преобразование объекта и реализация порции действия*, формируемыми собственными наборами семантических признаков. Именно эти основные значения мы и определяем как прототипические. Глаголы **tun** и **do** – однофокусные. Их прототип формулируется как *реализация порции действия*. В свою очередь, глаголы **machen** и **make** представляются двухфокусными. В их семантические структуры входят два прототипических значения: **machen¹** и **make¹** – *создание объекта*, **machen²** и **make²** – *преобразование объекта*. Значение же русского глагола *делать* организовано тремя выделенными прототипическими значениями – он трёхфокусный.

Далее обратимся к вопросу об инвариантных значениях рассматриваемых платеемантиков, представляющих собой обобщения более высокого порядка, чем прототипы. Как отмечалось выше, мы исходим из того, что инвариантным значением таких единиц является «сокращённое название класса относительно однородных объектов» [20: с. 81], которые представлены прототипами, это то общее, что содержится в каждом значении слова. Для глаголов **tun**, **do** и **делать** инвариантным значением будем считать реализацию действия. Несомненно, такое описание приложимо к любому другому действию, тем не менее именно на этом значении основывается заместительная функция исследуемых единиц, а также и их более высокая степень широкозначности, например, глаголы *tun* и *do* способны заменять все остальные глаголы, включая *machen* и *make*. Для *machen* и *make* инвариантное значение сформулируем как реализацию взаимодействия с объектами внеязыковой действительности, и такое взаимодействие может принимать вид либо *создания объекта*, либо *преобразования объекта*. Таким образом, семантические структуры указанных глаголов организованы следующим образом (рисунок).

Рисунок. Семантические структуры глаголов

Примечательно, что прототипы широкозначных слов, видимо, могут и не осознаваться носителями языка полностью. Вряд ли человек каждый раз делает выбор между *созданием*, *преобразованием* или *порцией действия*, так как часто неважно, с какой именно прототипической ситуацией соотносится действие. Но благодаря инвариантному широкому значению *реализация взаимодействия с объектами внеязыковой действительности* и *реализация действия* выбирается конкретный глагол: *machen* или *tun*, *make* или *do*. Это ещё раз подтверждает принципиально важную роль инвариантного широкого значения в семантической структуре платеесеманта, оно действительно единично, в то время как прототипов может быть больше одного, вследствие чего в речи реализуется инвариантное и определённое прототипическое значение.

Семантическая деривация в значении платеесеманта

В ходе исследования была также предпринята попытка установить связи между прототипическими значениями глагола и механизмы деривации в рамках отдельного прототипа, что индивидуально для каждой исследуемой единицы. Кратко остановимся на этой проблеме. Как представляется, в структуре глаголов *machen* и *make*, *делать* прототипы *создание объекта* и *преобразование объекта* связаны посредством структурной метафоры, позволяющей одно чётко выделяемое и высокоструктурированное понятие применять для структурирования более абстрактного [29: с. 61]. Посредством онтологической метафоры, представляющей собой «способ восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п., как материальных сущностей и веществ» [29: с. 25], может происходить развитие в рамках прототипов *создание объекта* (*делать1*, *machen1* и *make1*) и *реализация порции действия* (*tun* и *do*). Семантическое развитие в рамках прототипа *преобразование объекта* (*делать2*, *machen2* и *make2*) предположительно происходит на основании метонимического переноса (причина-следствие). Деривация в рамках прототипа *реализация порции действия* происходит посредством аксиологической конкретизации. При этом прототип *делать3* образуется посредством инварианта первых двух значений (*делать1*, *делать2*). Подчеркнём, что при семантическом развитии внутри одного прототипического значения сохраняется набор семантических признаков и не появляются новые значения глагола. Кроме того, несмотря на предположительное наличие описанной деривации, ни одно из значений не является главным, т.е. отсутствует их иерархия.

Определение широкозначности

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем определить широкозначность как явление, основанное на существовании общего инвариантного значения, которое может быть представлено несколькими прототипическими значениями, участвующими в реализации различных метонимических и метафорических переносов на основании регулярной когнитивной модели, не всегда приводя к образованию нового значения.

Платеесемия vs полисемия

В заключение освещения проблемы, основываясь на вышесказанном, предложим ряд отличительных критериев платеесемии и полисемии:

- 1) основой построения семантической структуры у платеесеманта является прототипическое значение, у полисеманта – ЛСВ;
- 2) различие между инвариантом платеесеманта и полисеманта заключается в том, что в первом случае он уже присутствует в языке в виде широко-

го значения, а во втором – это «научная дескрипция», объединяющая общие семантические компоненты отдельных ЛСВ, видимо, даже не всегда возможная (например, при цепочечной полисемии); при этом с отдельными значениями слов (прототипами и ЛСВ) происходит обратное – ЛСВ уже даны в языке, а прототип – предмет поиска лингвиста;

3) деривационные отношения определяют связь как ЛСВ многозначных слов, так и прототипов широкозначных единиц, однако при платееосемии семантическое развитие имеет место также в рамках самого прототипа;

4) в семантической структуре платееосеманта отсутствует иерархия значений, обязательная для полисеманта;

5) более «молодые» прототипические значения платееосеманта являются, как правило, более употребительными, хотя они появляются путём развития из первых значений; у слов многозначных, напротив, наибольшей частотностью отличаются основные (первые) значения [6: с. 144], служащие базой для развития других ЛСВ;

6) значение слова в речи – при полисемии в контексте актуализируется конкретный ЛСВ [9: с. 53–54], в случае же платееосемии в речи проявляется, в первую очередь, само широкое значение, инвариант, осознаваемое как целостность в отвлечении от частных признаков прототипов;

7) широкозначные слова способны вступать в гиперо-гипонимические отношения и образовывать системные группировки в рамках системы языка;

8) платееосеманты в отличие от полисемантов способны выполнять функцию замещения (что сближает их с местоимениями);

9) полифункциональность широкозначных слов, определяемая указанной функцией замещения, а также тем, что платееосемант в определённых конструкциях выполняет роль полусвязочного глагола; при этом имеет место грамматикализация и, как следствие, сопутствующая ей частичная десемантизация, что позволяет говорить о синсемантизме, выполнении служебных функций широкозначными словами.

Заметим также, что ряд отличий много- и широкозначности, выделяемых некоторыми учёными, – высокий сочетаемостный (лексический, синтаксический) потенциал платееосемантов, их высокая частотность, роль контекста для конкретизации широкого значения – сложно считать релевантными в силу их актуальности для обоих явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова ; предисл. О.И. Бродович. – Изд. 2-е, доп. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 216 с.
2. Аралов, А.М. К вопросу соотношения широкого и узкого значения слова (на материале глагола *run* в английском

языке и глаголов *laufen*, *rennen* в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Аралов Александр Михайлович. – Москва, 1979. – 148 с.

3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 2-е стер. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

4. Беляева, Т.М. Развитие связочных глаголов становления в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Беляева Татьяна Михайловна. – Ленинград, 1954. – 222 с.

5. Болдырев, Н.Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний / Н.Н. Болдырев // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний : сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания; М-во образования и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина ; редкол.: Е.С. Кубрякова (отв. ред.), Е.М. Позднякова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Москва, Калуга : ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2007. – С. 29–37.

6. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика : учебное пособие / Л.М. Васильев. – Изд. 2-е, доп. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 192 с.

7. Звегинцев, В.А. Семасиология / В.А. Звегинцев. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1957. – 320 с.

8. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 263 с.

9. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон ; под общ. ред. В.М. Жирмунского, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. – Изд. 3-е. – Москва : Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.

10. Колобаев, В.К. О некоторых смежных явлениях в области лексики (К вопросу о соотношении полисемии и широкозначности слова) / В.К. Колобаев // Иностранные языки в школе. – 1983. – № 1. – С. 11–13.

11. Кубрякова, Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке : сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев; М-во образования и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, ГОУВ-ПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 13–18.

12. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – Москва : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

13. Никитин, М.В. Полисемия на пределе (широкозначность) / М.В. Никитин // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / под ред. проф. Е.С. Кубряковой; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 101–111.

14. Песина, С.А. Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики / С.А. Песина // Вестник Омского государственного университета. Приложение: Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С. 57–63.

15. Плоткин, В.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория / В.Я. Плоткин, Л.Я. Гросул // Теоретические проблемы семантики и её отражение в одноязычных словарях. – Кишинёв : Штиинца, 1982. – С. 81–86.

16. Селивёрстова, О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки / О.Н. Селивёрстова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 12–26.

17. *Селивёрстова, О.Н.* Труды по семантике / О.Н. Селивёрстова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
18. *Сигал, К.Я.* Проблемы теории синтаксиса / К.Я. Сигал ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – Москва : Ключ-С, 2012. – 164 с.
19. Современный словарь иностранных слов. – 3-е изд. стер. – Москва : Русский язык, 2000. – 742 с.
20. *Солнцев, В.М.* Вариантность / В.М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 80–81.
21. *Сулейманова, О.А.* Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы весь/целый и all/whole : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Сулейманова Ольга Аркадьевна. – Москва, 1985. – 188 с.
22. *Уфимцева, А.А.* Лексика / А.А. Уфимцева // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / под ред. Б.А. Серебренникова. – Москва, 1972. – С. 435–445.
23. *Философский энциклопедический словарь* / Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – Москва : ИНФРА, 1997. – 576 с.
24. *Холодова, Д.Д.* Когнитивный анализ предикатных выражений типа have a talk: Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению «031100.62 – Лингвистика» / Холодова Дарья Дмитриевна. – Москва, 2011. – 82 с.
25. *Шмелёв, Д.Н.* Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелёв. – Изд. 4-е, стер. – Москва : КомКнига, 2006. – 336 с.
26. *Ярцева, В.Н.* Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке / В.Н. Ярцева // Труды Военного института иностранных языков. – 1947. – № 3. – С. 29–47.
27. Brockhaus Enzyklopädie, in 24 Bänden, neunzehnte, völlig neu bearbeitete Auflage, Band 17. – Mannheim, 1992. – 847 s.
28. *Lakoff, G.* Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
29. *Lakoff, G.* Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
30. *Rosch, E.* Principles of Categorization / E. Rosch, B.B. Lloyd // Cognition and Categorization. – Hillsdale (N.Y.) : London : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.
31. The Oxford English Dictionary. Vol. 12: Poise-Quelt / prepared by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. – 2nd ed. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – VIII, 1016 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-37-42

'NON-WORDS' – ВЕЧНЫЕ ОТКАЗНИКИ?

О.И. Максименко

Статья посвящена проблемам современной лексикографии, в частности проблемам включения в нормативный словарь неологизмов и слов, находящихся в запасниках словаря. Приводятся и анализируются языковые примеры из Oxford English Dictionary, включенные Third Edition OED (март 2015 – декабрь 2020), как неологизмы, так и слова, перешедшие из категории 'non-words'. Разбираются способы их образования, возможные причины пребывания слов и отдельных значений слов в списке non-words и перехода из рецептивного в активный вокабуляр.

Ключевые слова: лексикография, Оксфордский словарь, неологизм, вокабуляр, активный, рецептивный, «отказник».

'NON-WORDS' – ETERNAL REJECTS

O.I. Maksimenko

The article deals with the question of the modern lexicography, in particular the problem of inclusion in the normative dictionary neologisms and words that are in the depository of the dictionary. Language examples from the Oxford Dictionary included in the Third edition of the OED (March 2015 – December 2020) are presented and analyzed, both neologisms and those that have been moved from the 'non-words' category. The methods of their formation, possible reasons for the presence of words and certain meanings of words in the 'non-words' list and transition from the receptive to the active vocabulary are analyzed.

Key words: lexicography, Oxford English Dictionary, neologism, lexicon, active, receptive, rejects.

Введение

Пополнение лексического запаса языка – непрерывный и закономерный процесс. Каждый язык обладает огромным потенциалом обогащения и развития, при этом лексическая составляющая современных языков в наши дни подвержена заметным бурным изменениям, пополняясь за счет заимствований, неологизации, разного сорта семантических сдвигов. Перед лексикографами постоянно возникает вопрос о включении или невключении слова в словарь. Особенно остро этот вопрос стоит в отношении неологизмов. В своей статье [2] мы рассматривали проблемы современной неологии и неографии на примере неологизмов словаря English Urban Dictionary. Безусловно, словари такого типа – существующие только онлайн и пополняемые методом краудсорсинга (crowdsourcing), т.е. с помощью пользователей интернета, во многом отражают современное состояние лексики языка, в данном случае, английского. Однако по-прежнему есть словари, которые являются достоянием нации, оставаясь надежным источником всеобъемлющей лексикографической информации отдельно взятого языка. К числу таких словарей для английского языка принадлежит Оксфордский словарь (The Oxford English Dictionary (OED)).

1. Словарь как отражение состояния лексической составляющей языка

Любые изменения в объективной действительности так или иначе влияют на лексический состав языка. Ф. де Соссюр отмечал, что нельзя найти такой язык, который находился бы в состоянии покоя и неподвижности [3], но именно словари позволяют, с одной стороны, сохранять нормативное состояние языка, а с другой, позволяют наблюдать динамику изменений, происходящих в его лексическом составе.

История Оксфордского словаря насчитывает более 150 лет. Оксфордский словарь уникален еще и потому, что его создатели позиционируют его и как исторический словарь, отличающийся от словарей современного английского языка, которые концентрируют свое внимание на современных значениях слов. Среди 600 тысяч слов, зафиксированных в OED, есть и современная лексика, также представлена история отдельных слов, приводится более 3 миллионов примеров-иллюстраций самого широкого диапазона – из классической литературы, специализированной периодики, вплоть до кино-сценариев и кулинарных книг. В наши дни словарь переживает период первой серьезной ревизии, хотя обновление происходило через определенные пе-

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета.

Maksimenko Olga Ivanovna – Doctor (Philology), Habil., Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow State Regional University.

E-mail: maxbel7@yandex.ru

© Максименко О.И., 2021

риоды и ранее, что позволяло отражать текущее состояние английского языка.

По новой концепции составителей словаря каждые три месяца, четыре раза в год, происходит пересмотр ряда существующих словарных входов и добавление новых слов и значений. При этом можно задать вопрос: какие слова и значения попадают в OED, а какие остаются в списке так называемых *'non-words'*?

2. *'Non-words'* как лингвистический феномен

До определенного времени под термином *'non-word'* (или псевдослово) понималась единица речи или текста, которая выглядела и звучала как реальное слово определенного языка, в то время как на самом деле не имела никакого конкретного значения в лексиконе, являясь своего рода симулякром.

Такие слова, лишённые значения в определенном языке или не встречающиеся в любом текстовом корпусе и словаре, могут быть результатом интерпретации случайного события, которое является основным детерминированным источником таких понятий, как нонсенс (*Ittly bittly, gollygoops, Jabberwocky* (*Бармаглот* из сказки Льюиса Кэрролла), шифр и опечатка. Тем самым в лингвистике такие слова определяются как фонетически допустимые для данного языка слова, не вызывающие трудностей при произнесении носителями языка. На письме в *'non-word'* не допускаются символы, не характерные для орфографии данного языка. Например, *'brun'* является псевдословом на английском языке, а *'slkjbl'* – нет. Однако это не единственная интерпретация понятия *'non-word'*.

Оксфордский словарь (Oxford Dictionary) [5], сфокусированный во многом на современном состоянии английского языка, интересен еще и тем, что является единственным словарём, имеющим отдельную базу *'non-words'* – слов, ждущих своей очереди для введения в основной словарь.

Известно, что миллионы *'non-words'*, не попавших в словарь, хранятся неиспользованными в «запасниках» the Oxford Dictionary, причем возраст некоторых из них насчитывает сотни лет. Слова, появившиеся до 1918 г., когда редактором Оксфордского словаря был автор «Властелина колец» Д.Р.Р. Толкин, записаны на карточках размером десять на пятнадцать сантиметров и хранятся в алфавитном порядке в 50 больших шкафах. Современные слова записаны на цифровые носители, однако свободного доступа к ним нет. Все слова из базы *'non-words'* представлялись для внесения в Oxford English Dictionary, но были признаны «непригодными».

Составители Oxford English Dictionary говорят, что ошибочно называть понятием *'non-word'* слова, которые пока еще не включены в словарь. Такие слова не входят в OED из-за того, что нет доста-

точных доказательств их использования. Некоторые из этих слов могут появиться и в других словарях, которые имеют дело с современным английским языком и которые не обязаны иллюстрировать использование слова реальными примерами. Оксфордский словарь уникален не только тем, что однажды включенное в его состав слово никогда не удаляется, но и потому, что каждая запись в нем иллюстрируется примерами, взятыми из объемной выборки печатных источников.

Известно, что словарный запас носителя языка можно подразделить на два типа: слова, которые он использует сам, слова, которые он воспринимает, т.е. активный, продуктивный словарь, и пассивный (или рецептивный) словарь. Рецептивный словарь носителей языка намного больше продуктивного: число воспринимаемых слов существенно больше числа слов, которые носитель может употребить. *'Non-words'* относятся к числу рецептивных слов, имеющих право на лексикографическую фиксацию (возможно, в отдельном словаре), а не пребывание в «запасниках» национальных словарей. Любое из *'non-words'* OED имеет возможность быть включенным в словарь, однако до тех пор, пока оно не войдет в речевую практику англоязычных стран, слово остается в так называемых «отказниках».

По словам редакторов, все, что попало в OED, никогда из него не удаляется, но попасть в этот словарь могут далеко не все новые слова.

Фиона Макферсон (Fiona McPherson), главный редактор OED, говорит, что нельзя назвать эти слова «отказниками» (*rejects*), и у них есть шанс попасть в печатный вариант словаря в будущем. Основной причиной, почему эти слова пока не входят в словарь, служит то, что нет доказательных свидетельств, что люди их используют. Ф. Макферсон пишет, что, если слово попадает в сферу внимания редакторов, оно оказывается в хранилище (корпусе OED) и проверяется. Возможно, что многие люди употребляют эти слова, но они ни разу не были представлены в письменном или опубликованном виде. Редакторы и специально подготовленный персонал просматривают СМИ и художественную литературу в поисках примеров употребления уже имеющихся в хранилище слов и совершенно новых слов. Редакция также поддерживает желание пишущих авторов сообщать редакции о новых и полезных с их точки зрения словах. Так, еще в декабре 2019 г. слово *coronavirus* зафиксировано только 0,03 раза на миллион токенов, в феврале 2020 г. в издании *"The WHO"* новый вирус получил свою номинацию *'Covid-19'*, и частота употребления слова *coronavirus* взлетела – 1750 употреблений на миллион токенов. Этот известный ранее только специалистам-вирусологам термин в списке *'non-words'* не был ни дня, хотя общая позиция редакто-

ров OED известна – термины в словарь включать нежелательно.

Примеры 'non-words' периодически появляются на разных сайтах интернета и на сайте самого OED. Нередко человеку, знакомому с английским языком (но не носителю), бывает сложно понять, почему тому или иному слову было отказано в размещении в словаре, а другие туда попали.

Показательны выборки 'non-words', опубликованные в разные годы. Так, в 2015 г. из списка «отказников» были взяты в словарь следующие слова и значения, например:

Asphixiation – being sick to death of unanswerable puzzles or riddles

Blogish – a variety of English that uses a large number of initialisms, frequently used on blogs

Dringle – the watermark left on wood caused by a glass of liquid.

Dunandunate – the overuse of a word or phrase that has recently been added to your own vocabulary

Earworm – a catchy tune that frequently gets stuck in your head

Espacular – something especially spectacular

Glocalization – running a business according to both local and global considerations

Griefer – someone who spends their online time harassing others

Headset jockey – a telephone call centre worker

Lexpionage – the sleuthing of words and phrases

Nonversation – a worthless conversation, wherein nothing is explained or otherwise elaborated upon

Nudenda – an unhidden agenda

Optotoxical – a look that could kill, normally from a parent or spouse

Parrotise – a haven for exotic birds especially green ones

Percuperate – to prepare for the possibility of being ill

Polkadodge – the dance that occurs when two people attempt to pass each other but move in the same direction

Scrax – the waxy coating that is scratched off an instant lottery ticket

Sprummer – when summer and spring time can't decide which is to come first, usually hot one day then cold the next

Stealth-geek – someone who hides their nerdy interests while maintaining a normal outward appearance

Whinese – a term for the language spoken by children on lengthy trips

Wibble – the trembling of the lower lip just shy of actually crying

Wikism – a piece of information that claims to be true but is wildly inaccurate

Xenolexica – a grave confusion when faced with unusual words [5]

Хорошо известно, что к наиболее продуктивным способам словообразования в современном английском языке относятся аффиксация, словосложение, конверсия и аббревиация.

Как видно из примера, новые слова, попавшие в OED, образуются несколькими путями, например, словообразованием на основе уже существующего языкового материала, изменением значений уже существующих слов, а также заимствованием лексических единиц из других языков, но, по большей части, при помощи языковой игры.

Очевидно, что большинство новых слов построено по известным моделям: словосложение – *polkadodge, sprummer, vidiot, xenolexica*; аффиксация – *wikism, peppier, accordionated, smushables, blogish*; игра слов разного рода: имитация терминов – *optotoxical, xenolexica*; метафорические переносы с элементами фоносемантики – *parrotise, whinese* и др. При этом для словосложения прослеживается несколько необычная тенденция – не слияние корней, а соединение полноценного корня с одной-двумя начальными буквами от первого из объединяемых корней (*vidiot, espacula, scrax* и пр.) – своего рода ассоциативное аббревиатурное словосложение.

Интерпретация смысла большинства неологизмов и 'non-words' не вызывает затруднений: *nonversation* – бесцельная болтовня; *stealth-geek* – человек, скрывающий свои привязанности, поддерживающий при этом общий нормальный облик. Таким образом, еще раз подтверждается общая идея французского неолога Л. Жильбера о трех факторах, влияющих на создание неологизмов: денотативный (обозначение нового объекта); стилистический (выражение экспрессивности в речи); давление языковой системы (образование слов по уже существующим в языке моделям) [4].

Как уже упоминалось выше, OED в настоящее время переживает период обновления. На сайте словаря публикуются слова и новые значения, которые редакция вводит в словарь каждые 3 месяца. Общее число введенных новых слов, словосочетаний и новых значений – около 500, однако некоторые решения могут вызвать недоумение у людей, изучающих английский язык, например, в словарь введено слово

ear-sore, n – smth. disagreeable to the ear; a very unpleasant noise; frequently coupled with eyesore.

Это слово впервые было зафиксировано в письменных текстах в 1594 г. и дождалось своего часа. Тем не менее редакторы отослали в «запасники» слово *earworm – a catchy tune that frequently gets stuck in your head*, чрезвычайно близкое по значению и типу образования.

В последнюю версию словаря попали также слова *hadda* (have to), впервые зафиксированное в 1883 г., *XL, XXL, lookalike* и др.

Вместе с тем в *'non-words'* оказались вполне частотные слова, такие как *blogish* и *glocalization*. Последнее слово было отмечено в *English Urban Dictionary* еще в августе 2010 г. и активно используется в текстах по экономике и межкультурной коммуникации, однако в *British National Corpus* его не оказалось. Вероятно, именно этот факт не позволил включить его в третью редакцию *OED*. Стоит отметить, что значение этого слова уже успело расшириться. К зафиксированному позже в *OED* значению добавилось противопоставление *globalization – glocalization*, где *glocalization* трактуется не только как экономический термин, но и как стремление к сохранению местных традиций в культуре и образе жизни.

Любопытно, что такие слова, как *TARDIS* (*Time and Relative Dimension in Space*) и *dalek* (отрицательный персонаж), используемые в широко известном научно-фантастическом британском сериале *Doctor Who*, в *OED* присутствуют достаточно давно, пройдя все стадии социализации: эти слова сначала распространились среди носителей языка (сериал выходит с 1963 г.), затем были зафиксированы в средствах массовой информации (так как об этом сериале за 50 лет написано немало рецензий, статей и комментариев), что позволило им закрепиться в языковой системе и попасть в национальный словарь. Показателем социализации служит тот факт, что в *Urban Dictionary*, где фиксируются неологизмы английского языка (о чем упоминалось выше), от слова *TARDIS* появилось немало производных по действующим в языке словообразовательным моделям.

Прошедший 2020 г. в *OED* назван *Unprecedented Year* по многим причинам. В первую очередь, по видимому, потому, что сложившаяся экстралингвистическая ситуация привела к значительной продуктивности в словообразовании в целом. Тем не менее в декабре 2020 г. из 500 слов, пополнивших *OED*, слов с фактически превратившимся в префиксoid словом *corona-* не зафиксировано. Зато зафиксированы новые значения других слов, которые, казалось бы, легко выводятся из основного, доминантного значения слова и образованы средствами метафоризации:

- *breasty, adj., sense 1: "Of a hill or other geographical feature: shaped like a woman's breast. rare"*
- *breasty, adj., sense 2a: "Having a large or prominent breast or chest"* и др.

Безусловно, факторы, оказывающие влияние на изменения в семантике, многогранны и сложны и подчас непредсказуемы. Изменения и развитие новых значений слов предопределяются объективной действительностью, однако они не могут быть реа-

лизованы вне зависимости от уже заданных в языке семантических отношений. Без выявления причин, которыми вызваны семантические изменения (т.е. без учета внешних факторов), становится невозможным исследование их внутриязыковых факторов. Лингвистические факторы предопределены наличием в устройстве языка неограниченных потенциальных возможностей обновления языковых средств. В.В. Виноградов, говоря о внутренних закономерностях развития словарного состава, подчеркивал, что они «...отмечаются как в общих типах семантических изменений слов, в принципах использования прежних слов для выражения новых понятий путем переносного употребления, путем расширения или видоизменения значений существующих слов, так и в закономерных связях разных лексических разрядов или групп слов, а также в исторически развивающихся и меняющихся способах формирования новых слов из словообразовательных элементов данного языка» [1: с. 193].

Так, например, в 2020 г. из *'non-words'* в *OED* были добавлены 8 значений хорошо известного слова *cake*:

- *cake, n. and adj., sense A.I.3: "The bread or wafer used in the Christian sacrament of the Eucharist. Cf. bread n. 6. Obsolete;"*
- *cake, n. and adj., sense A.II.6c: "More fully mother cake, mother's cake, uterine cake. The placenta. Now historical and rare;"*
- *cake, n. and adj., sense A.III.12: "slang (frequently depreciative). Originally: a promiscuous woman; a prostitute. In later use (esp. in African-American usage): a good-looking or..."*
- *cake, n. and adj., sense A.III.13: "U.S. colloquial. Something easily accomplished or dealt with. Cf. piece of cake n.;"*
- *cake, n. and adj., sense A.III.14: "slang (originally and chiefly U.S., esp. among African Americans). Frequently in plural. The buttocks; the bottom. Cf. bun n.2 additions;"*
- *cake, n. and adj., sense B: "U.S. colloquial. That is easy to accomplish or deal with; simple, straightforward. Cf. sense A. 13;"*
- *cake, v., sense 2b: "transitive. To apply (a substance, esp. make-up) in a thick or heavy layer. Chiefly with on, over. Cf. caked-on adj;"*
- *cake, v., Phrasal verbs: "intransitive. Of a substance such as mud, cement, plaster, etc.: to fall off a surface in dry chunks; to form or harden into a compact mass or thick..."*

При этом некоторые значения имеют помету *obsolete* (устаревший, редкий) (например, *cake* в значении «плацента» или *fooled* в значении «глупый»), «разговорный» или «сленг», как правило, в американском варианте английского языка.

В OED в 2020 г. введены не только американизмы, но и значения слов, бытовавшие в шотландском языке, вновь с пометой «устаревший»:

- *deliverance, n., sense 1.1d*: “Scottish. Freedom or permission to depart; the completion of a task entitling one to this. *Obsolete*;”

- *deliverancy, n., sense 1*: “An instance of salvation, liberation, or rescue; spec. such an event attributed to God. Cf. *deliverance n. 1a*;”

- *deliverly, adv. and adj., sense A.3*: “Scottish. Without stopping; continually. *Obsolete*.”

Если учитывать позицию редакторов OED, то введение этих устаревших слов и значений в активный вокабуляр говорит о том, что они стали встречаться в печатных текстах на системном уровне.

Лексическая система в целом обусловлена, с одной стороны, экстралингвистическими факторами, с другой, общепринятыми законами словообразования. Социальные же (т.е. внутренние) факторы постоянно требуют от лексического состава обогащения, а внутренние (языковые) факторы определяют конкретные формы обогащения. Социально значимые события, окружающая действительность предопределяют появление новых номинаций, тем самым активизируя определенные звенья словообразовательной системы языка. Тот факт, что какие-то новые слова принимаются обществом, а какие-то нет, в первую очередь зависит от того, насколько новое слово соответствует целям номинации.

Примером экстралингвистического нововведения может послужить фраза: *to take a knee in knee*, n.: “*To kneel; to go down on one knee, esp. as a sign of respect or (in recent use) as a peaceful means of protesting against institutional racism*”, внесенная в словарь в результате фиксации высокочастотного употребления в СМИ после волны «преклонения колен» в США в знак покаяния белых сначала за убийство полицейскими в США чернокожего при задержании весной 2020 г., а затем экстраполированного на все явление рабовладения.

Редакторы OED также проводят рейтинговую оценку популярности слова за минувший год. Хорошо известно, что в 2013 г. слово *selfie* стало «словом 2013 года», после чего фактически появилась новая частотная модель словообразования – ассоциативное аббревиатурное словосложение, как упоминалось выше, и возникло немало неологизмов сходной структуры. В слове легко менялась первая буква (s), что создавало неологизм: мелфи (*moustache selfie*) – фото своих усов, хелфи (*helfie*) – фото своих волос, фелфи (*felfie*) – фото фермера, нередко с животными. *Felfie* появилось в апреле 2013 г. в Urban Dictionary и имело значение “*a fake selfie*” и даже “*foot-selfie*”, а с начала 2014 г. обрело новое и теперь единственное значение – селфи фермера. Когда производные *selfie* появятся в OED,

сказать сложно, но само *selfie* прошло этот путь чрезвычайно быстро.

В 2020 г. OED отказался от выбора «слова года» из-за появления и быстрой смены вновь появляющихся слов и значений, приводя на сайте oed.com не только слово месяца, но и слово дня. На момент написания статьи таким словом было *megrim, n (1440) in plural. Low spirits; melancholy, depression. Also figurative*. Можно предположить, что выбор этого слова вновь был предопределен экстралингвистическими факторами – в Великобритании на этот момент был зафиксирован новый быстро распространяющийся штамм вируса, что не могло не вызывать депрессивного настроения.

Стоит отметить, что в OED появление ‘non-words’ происходит нередко с заметным опозданием. Некоторые слова и фразы уже успевают закрепиться в других языках в виде транскрипций или транслитераций, а в OED еще не занесены. Например, не имеющее русского аналога слово «неймдропинг» существует в разговорном русском языке более 30 лет, а в OED эта фраза попала только в 2020 г.

- *to drop (a person’s) name in drop, v.*: “*to drop (a person’s) name: to mention the name of a famous or prominent person casually, in order to impress others. to drop names: to indulge in...*”

Или словосочетание «цифровая валюта» (более современный вариант – «криптовалюта») существует в языках мира более 10 лет, с 2009 г., в OED этот термин также был добавлен из ‘non-words’ в 2020 г.

- *digital currency in digital, n. and adj.*

С заметным опозданием, также на 10 лет, в словарь из ‘non-words’ было включено слово *vuvuzela* – африканский духовой музыкальный инструмент, ставший чрезвычайно популярным во время чемпионата мира по футболу 2010 г.:

- *vuvuzela, n.*: “*A long plastic horn that produces a loud single note when blown, and is often used by fans at football matches.*”

Вероятно, что за десять лет этот рожок и его номинация прошли путь просто от названия предмета до символа футбольного болельщика, после чего это слово сменило категорию и вошло в OED.

Только в 2020 г. в OED попали такие слова, как

- *jump, n.1, Additions*: “*Science Fiction. An instantaneous or exceptionally fast journey over an extremely large distance in space. Cf. jump v. additions*;”

- *leader, n.1, Additions*: “*In partner dancing: the dancer (traditionally the male partner) who guides and coordinates the steps or routine during a performance. Cf. follower n...*”, значения которых не вызывают вопросов как у носителей, так и у изучающих английский язык.

Напротив, слово *zhuzh* в списке ‘non-words’ не задержалось. В Urban Dictionary оно зафиксировано

всего лишь 10 февраля 2019 г., и уже в 2020 г. оказался OED:

• *zhuzh, n.*: “*Style, glamour; a stylish or glamorous appearance or effect. Also: the action or an act of making something more stylish, attractive, or exciting...*”

Таким образом, английский язык, став по факту языком межнационального общения, развивается со значительной скоростью, чему способствуют следующие факторы:

– вновь созданные слова очень легко становятся частью языка – необходимым условием является употребление новых слов достаточным количеством говорящих;

– носители языка в динамично меняющейся экстралингвистической ситуации склонны к лингвокреативности и активно изобретают новые слова;

– переход слов, считавшихся ‘non-words’, в категорию активной лексики обогащает современный язык.

Заключение

Главной тенденцией развития лексикографии в современных языках, включая английский, является переход от статике к динамике, т.е. к взаимозаимствованиям лексики, образованию неологизмов по стандартным и новым моделям, а в случае английского языка – перевод ‘non-words’ из лексикографических запасников, где они пребывали в состоянии «отказников», сначала в активный словарь с последующей фиксацией в общепризнанном национальном словаре.

Необходимость расширения словарной языковой компоненты определяется запросами социума, общественным сознанием, формированием новых социально-экономических явлений, изобретений в области науки и техники, открытий в сфере куль-

туры. Это расширение происходит не только благодаря неологизмам, но и семантическим сдвигам, важнейшим источником и причиной которых выступает социальная действительность, предreshающая эти изменения.

Способы образования новой лексики и переход ‘non-words’ в активный словарь может говорить об изменении как концептуальной, так и языковой картины мира, об изменении категорий, о новых смыслах, о фрагментах общественного опыта, которые требуют лексической фиксации, и о причинах, влияющих на появление и употребление новых единиц.

Смена категории ‘non-words’ подтверждает очевидную гипотезу о существенном объеме рецептивного словаря носителя языка, требующего в определенный момент времени фиксации в качестве словаря активного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В.В.* Лексикология и лексикография. Избранные труды / В.В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – 312 с.
2. *Максименко, О.И.* Особенности современной неологии / О.И. Максименко // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях : материалы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.). – Москва : Международные отношения, 2014. – С. 423–432.
3. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Москва : УРСС, 2004. – 271 с.
4. *Guilbert, L.* De la formation des unites lexicales / L. Guilbert // Grand Larousse de la langue française. – Paris : Librairie Larousse, 1971. – Т. 1. – P. IX–LXXXI.
5. Oxford English Dictionary. – URL: <http://public.oed.com/the-oed-today/recent-updates-to-the-oed/> (accessed: 20.12.2020).

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-43-51

НОВЫЕ АББРЕВИАТУРЫ НЕПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Е.А. Дюжикова

Статья посвящена исследованию новых аббревиатур в рамках когнитивной парадигмы лингвистического знания. Показаны тенденции и условия возникновения развития аббревиатур, формально-структурные типы и их дискурсивные характеристики, стоящие за ними когнитивные структуры, а также функционирование в определённой терминологической сфере.

Ключевые слова: неологизмы, аббревиатура, когнитивно-дискурсивная парадигма, термин.

NEW ABBREVIATIONS IN REAL PERIOD OF TIME

Е.А. Dyuzhikova

The article deals with an investigation of new abbreviations in the real period of time, lifeviewed from the cognitive perspective. It demonstrates how the cognitive approach can be applied to analyzing units, the condition trends of their origin and development, novel and modified formal-structural types and discursive features, paying special attention to functioning these words in certain terminological sphere.

Key words: New words, abbreviation, cognitive-discursive paradigm, term.

Языковая жизнь является непрерывной органической работой, а в органической работе можно заметить стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и выгоде.

И.А. Бодуэн де Куртене [4: с. 224]

Среди способов создания новых слов в английском языке заметное место занимает аббревиация, которая отражает тенденцию к рационализации языка, к экономии языковых усилий, «против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти» [29: с. 4]. Возникновение аббревиатур в английском языке традиционно связывается с XV в., литературные памятники которого свидетельствуют о том, что уже в то время аббревиатуры широко использовались для пополнения словарного состава. Однако потребовалась длительная эволюция, прежде чем аббревиация как особый способ словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами номинаций, получил широкое распространение в XX в., веке социальных и научных революций. В работах, посвящённых проблемам сокращённых лексических единиц в английском языке, используется широкий спектр разнообразных определений и терминов: *abbreviation*, *abridgement*, *acronym*, *alphabetic word anagram*, *blend*, *clipping*, *contraction*, *curtailment*, *elliptical word*, *incomplete compound*,

initials, *logogram*, *shortening*, *slim-word*, *telescope*, *truncated-word* и др. [9]. Следует отметить, что ни один термин, равно как и сам процесс аббревиации, не получил чёткого определения, что обусловило разное его толкование. В связи с этим уточняем понимание используемой в данной работе терминологии. Вслед за Е.С. Кубряковой аббревиация (*англ. abbreviation* `сокращение`) понимается нами как «процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое в своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной единицы» [23: с. 71]. Результативную единицу такого процесса мы называем аббревиатурой.

Напомним, что в лингвистике существует две точки зрения на вопрос о том, какие типы лексических единиц следует относить к аббревиатурам. Сторонники первой точки зрения полагают, что сокращённые наименования подразделяются на две группы: аббревиация и акронимия [5]. Мы же при-

Дюжикова Екатерина Андреевна – почётный работник высшего образования Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел России (Одинцовский филиал).

Dyuzhikova Ekaterina Andreevna – Honoured Scholar of Higher Education of the Russian Federation, Doctor (Philology), Habil., Professor, Linguistics and Translation Department at Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federations (Odintsovo Department).

E-mail: eadyuzhikova@yandex.ru

© Дюжикова Е.А., 2021

держиваемся второй точки зрения, в соответствии с которой аббревиацией могут считаться любые процессы сокращения единиц, поскольку ключевым понятием процесса аббревиации является редукция исходной для аббревиатуры единицы.

«За последнее время отмечается бурный рост количества аббревиатур, проникающих во все функциональные стили языка в виде географических названий, открытий, изобретений, названий партий, союзов, ассоциаций, фондов, учреждений, организаций, фирм, потребительских товаров и т.п.» [9: с. 3]. Поддерживая данный тезис, учёные называли XX в. «веком аббревиации» [5: с. 3], или «аббревиатурным взрывом» [1: с. 359]. Не будет преувеличением, на наш взгляд, добавить к указанным характеристикам такие названия, как XXI в. – «бум аббревиации» и даже на злобу дня «эпидемия массовой аббревиации», поскольку именно в этот период (2019–2020), связанный с возникновением пандемии, вокабуляр английского и других языков во многом обогащался и продолжает обогащаться за счёт появления в нём новых аббревиатур, которые можно назвать аббревиатурами «непрошедшего» времени.

Понятия «новые аббревиатуры» и неологизмы употребляются в работе в качестве синонимов. «Неологизм *англ.* neologism – слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или выражения нового понятия» [2: с. 161–162]. Новыми словами, вслед за В.И. Заботкиной, считаем «единицы, которые появляются в языке позднее какого-то временного предела, полагаемого за исходный» [14: с. 96]. Так, например, некоторые исследователи считают таким пределом конец Второй мировой войны [27], другие связывают появление новых слов с годом запуска первого спутника (1957). Эти исследования подтверждают тот факт, что критерий нового слова, с одной стороны, произволен, с другой – объективен.

Компонент временной локации является ведущим в прагматическом спектре нового слова, новой аббревиатуры, именно его наличие отличает прагматику новой единицы от прагматики канонической единицы. От традиционных канонических слов новые единицы-неологизмы отличаются особыми связями со временем, поскольку они чётко локализируются в пространственно-временном и социальном континууме, ориентируя участников коммуникации относительно изображаемого положения дел. Так, до 2019 г. само слово «пандемия» было известно только узкому кругу специалистов, оно принадлежало к медицинским терминам и обозначало следующее: *Пандемия (Pandemic) is a disease that affects almost everyone in a very large area* [34: с. 1024], обозначает «охватывающий всё, в целом – весь народ, всё население, распростране-

ние какой-нибудь инфекционной болезни на целые страны и материи». В отличие от пандемии *эпидемия Epidemic is a situation in which a disease spreads very quickly and infects many people; a flu epidemic happening a lot and affecting many people. In some cities, drug taking has reached epidemic proportion* [34: с. 463]. В указанный выше период в СМИ появляются новые слова, словосочетания, аббревиатуры, которые требуют адекватного описания создания аббревиатур, обстоятельств их порождения, использования в разных терминосферах. Возникший интерес к новым аббревиатурам обещает многое для решения как теоретических, так и практических задач.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что каждый новый период в развитии общества вносит и определённые изменения в язык. «Совершенно очевидно, – писал Л.В. Щерба, – что каждый культурный народ должен следить за изменением в словаре своего языка. В своей основной и никогда не прекращающейся части работа должна состоять в просмотре всей вновь выходящей литературы и в выборе из неё всех новых слов и новых словоупотреблений» [30: с. 35].

В современной лингвистической литературе проблема аббревиатурного словообразования по-прежнему находится «в тренде», т.е. не утрачивает своей актуальности – более того, она приобретает новые направления и современные подходы своего исследования. Явление аббревиации как способ образования новых единиц номинации не раз являлось предметом исследования в отечественной и зарубежной лингвистике (Е.С. Кубрякова, Е.А. Дюжикова, И.В. Варфоломеева, А.А. Ионина, М.А. Ярмашевич, А. Берд, Д. Кристал и др.). Многие проблемы, связанные с аббревиацией, такие как особенности её соотношения со словосложением и аффиксацией, типы аббревиатур, характерные для того или иного языка, их классификация, были достаточно полно освещены, однако целый ряд аспектов этого важного явления всё же остаются до сих пор не изученными. Это связано, в первую очередь, с появлением новых подходов к исследованию языка, в частности когнитивно-дискурсивного подхода, который ставит целый ряд новых вопросов, связанных с участием аббревиатуры в построении и представлении структур знания, в создании новых единиц номинации и др., поэтому актуальность их изучения в данном подходе не вызывает сомнения. Вынесенные в название нашей статьи два ключевых для неё понятия указывают, таким образом, на предмет исследования – новые аббревиатуры (неологизмы) и время исследования, которое проводится в разрезе современной когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания. Мы придерживаемся точки зрения Е.С. Кубряковой, которая развивает когнитивно-

дискурсивный подход к языковым явлениям, учитывая реальную взаимосвязь когнитивных и прагматических структур [22; 24], которые появляются в языке позднее какого-то временного предела, полагаемого за исходный [14: с. 96].

Огромный приток новых слов, различных аббревиатур, сложносокращённых слов, вызывающий необходимость их описания, обусловил создание особой отрасли лексикологии – неологии – науки о неологизмах [6]. Процесс появления новых слов динамичен, способы их образования обновляются, усложняются или упрощаются, и одновременно меняются подходы к их описанию. Одну из причин такой нестабильности можно объяснить появлением новых компьютерных информационных технологий. Глобализация мирового информационного пространства оказывает огромное влияние на процесс проникновения и распространения слова, усиление информативности языка.

Активное использование Интернета, «...к 2015 году составляет 2 миллиарда пользователей, способствовало созданию таких направлений, как лингвистика Интернета – Internet linguistics и Network-Mediated Communication, также особой концепции – юзабилити (*англ.* usability)» [16: с. 34–35]. «Наиболее распространённым средством сокращения слов в Интернете и SMS-языке являются аббревиатура и акроним» [15: с. 21]. Аббревиатуры могут в значительной степени видоизменяться и варьироваться в зависимости от интернет-групп, создавая свои аббревиатуры для определённой игры или случая, «максимум информации за минимальное количество ударов по клавишам – экономия усилий и времени. Отсюда основные характеристики SMS-языка (SMS-language, chatspeak, txt, txtspk, tpk talk)» [15: с. 21]. Некоторые учёные уверены, что такие сокращения **портят чистоту языка**, «guining English». Так, английская исследовательница Джин Айчисон (Jean Aitchison) пишет: «Ощущение, что язык болен, не ново: каждое десятилетие XX в. чистота английского языка оказывалась под угрозой. Главными лингвистическими "преступниками" объявлялись: пресса, радио, телевидение, Америка, а в последние десятилетия – Интернет и мобильная связь» [31: с. 11]. На наш взгляд, было бы неверно полностью игнорировать язык СМИ и обвинять его во всех грехах, ведь именно в СМИ аббревиация находит наибольшее распространение – они первыми «выхватывают» новые словечки, пополняя и раскрашивая ими языковую картину определённого периода времени, поскольку «мы взаимодействуем с миром, опираясь на его образ в нашем сознании; данный образ мы строим (конструируем), исходя из фоновых знаний и текущих потребностей» [17: с. 25].

В данной работе впервые исследуются новые, созданные ad hoc аббревиатуры и их производные в когнитивной парадигме знания, соответственно установкам которой «каждое изучаемое языковое явление должно рассматриваться at the crossroads of cognition and communication, т.е. на перекрёстке когниции и коммуникации и при обязательном согласовании их целей» [25: с. 344]. Исследование новых единиц языка представляется чрезвычайно важным потому, что количество аббревиатур, их типы и способы образования меняются в зависимости от характера коммуникации и от стиля речи, меняются и сущностные характеристики, поэтому специфика новых сокращённых единиц должна получить адекватное объяснение. Несмотря на большое количество работ, посвящённых рассмотрению аббревиации с разных позиций, именно дискурсивные особенности создания, т.е. порождения аббревиатур в новых условиях, представляют, на наш взгляд, тему, нуждающуюся в специальном освещении.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать, насколько специфичен весь языковой материал, образуемый производной лексикой, неповторимое своеобразие механизма порождения новых аббревиатур в настоящий период, вывести основные модели современных аббревиатур, изучить, как аббревиация влияет на моделирование новых пластов лексики.

Для достижения поставленных целей в статье решаются следующие **задачи**: анализ и интерпретация когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию новых аббревиатур; в ходе гипотетико-дедуктивной процедуры исследования подтверждение выдвинутой гипотезы, что новая аббревиатура обладает качеством неологизма, т.е. временной коннотацией новизны, пока коллективное языковое сознание реагирует на нее как на новое; участие новых ad hoc аббревиатур в построении и представлении структур знания; установление, какая информация фиксируется аббревиатурами; проведение экземплификационного эксперимента, на основе применения которого необходимо установить круг новых аббревиатур и круг аббревиатур, которые функционируют в разных дискурсах и уже не могут быть признаны новыми.

Материалом исследования послужили аббревиатуры и их производные (в количестве 1012 единиц), выбранные из материалов СМИ (радио, телевидение), Интернета, запросов в поисковых системах Google и Yandex, online словаря англоязычного сленга Urban Dictionary (период 2019–2020) [36]. По мере необходимости к анализу привлекались авторитетные отечественные и зарубежные лексикографические издания [7; 11; 12; 18–20; 33; 34; 36].

В связи с упомянутыми условиями язык получил мощные «инъекции» в виде новых аббревиатур

и их производных. Этому способствовали экстралингвистические факторы (интенсивность поступления информации), степень срочности её усвоения, а также редко упоминаемая причина сильной тенденции к различным сокращениям слов, существующей в английском языке, в словарном составе которого «большое место занимают короткие, односложные слова, а более длинные воспринимаются как нечто инородное» [26: с. 155]. Стремление английского языка к моносиллабизму отмечается и другими авторами. Например, Ш. Балли пишет: «Английский язык, стремящийся к моносиллабизму, превращает *zoological garden* в *zoo*, *popular concerts* в *pop*...» [3: с. 333].

Для доказательства сказанного приведём следующую иллюстрацию. Так, в конце 2019 г. ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) присвоила китайскому коронавирусу название COVID-19, о чём было сообщено в твиттере организации. Нами выдвинута гипотеза, что новое слово обладает качеством неологизма, временной коннотацией новизны, «пока коллективное языковое сознание реагирует на него как на новое».

Основные проблемы неологии сводятся к следующему: «1) выявление путей опознания новых слов и значений; 2) анализ факторов их появления; 3) изучение моделей их создания; 4) разработка принципов отношения к ним (их принятия или нет) в обществе; 5) лексикографическая обработка новых слов» [6]. Итак, попробуем с учётом этих критериев уточнить статус слова COVID-19: значение слова сначала было неясно широкому кругу людей, слово появилось с целью дать имя новому явлению, возникшему в обществе (номинативная функция). Это слово чётко связано со временем, которое фиксируется в самом названии (19 – 2019 год возникновения!), т.е. мы принимаем эту дату за **исходный предел**, что и отличает новое слово от канонических слов. Выяснили, что перед нами *ad hoc* созданное слово – новое слово. Основанием для отнесения его к разряду новых единиц считается тот факт, что слово COVID-19 пока ещё не включено в основной корпус толкового словаря.

Далее переходим к анализу структуры слова *Coronavirus 19*. Сложное слово *Coronavirus 19* представлено тремя компонентами: первый компонент – слово «CORONA»: **Corona** *science* 1. the **circle of light** around the Sun or the Moon, seen especially during an ECLIPSE 2. the outer atmosphere of the Sun. **Coronary medical** relating to your heart the risk of coronary heart disease [34: с. 311]. Примеры: *He suffered a massive coronary. Coronary thrombosis (medical) a heart attack in which the blood supply to the heart is blocked* [34: с. 311]. Второй компонент – слово **virus**, ‘a simple living thing that is smaller than a bacterium and can enter your body and make

you ill’ [34: с. 1690], т.е. мельчайший микроорганизм, возбудитель инфекционной болезни. Третий компонент – цифра **19**, указывает на точное время возникновения новой единицы-аббревиатуры (старта её жизни в языке). Сложное слово образовано способом словосложения ($N+N+19$).

Процесс формирования новой единицы-аббревиатуры *Covid-19* можно интерпретировать как сочетание двух операций: **редукции** (**Corona** и **Virus** редуцированы до одного слога, а **Disease** – до одной буквы) и **сложения** сокращённых основ. Аббревиатура **COVID-19** сформирована на основе уже существующего лексического материала, она заменяет громоздкое название более коротким, удобным для пользования вариантом, лапидарная аббревиатура представляет собой не просто механическое редуцирование словосочетания, а процесс, в результате которого за языковым знаком закрепляется определённое понятие – «возбудитель инфекционной болезни». «Отражая общую для аббревиатур способность служить существенной экономии языковых средств, они выполняют роль новых наименований для новых "героев" повествования, в качестве которых выступают уже не столько люди, сколько лаборатории, фонды, организации и новые объекты» [21: с. 339]. Название получилось лёгким для произношения и имеет связь с заболеванием.

Совершенно очевидно, что перед нами *ab ovo*, только что созданная, т.е. новая аббревиатура, которая пока не зафиксирована всеми толковыми словарями, но активно «внедряется» и распространяется в языке (за один день в СМИ более 500 употреблений!). Изучив, «как организовано знание и в виде каких систем его можно представить» [25: с. 333], рассмотрим, как именно и с какими семантическими последствиями соединены между собой компоненты аббревиатуры. Дефиниция слова **Corona** показывает, что первоначально это слово употреблялось в качестве научного астрономического термина: *science circle of light* around the Sun or the Moon не имеющего ничего общего с медициной. Затем сравнение **короны** (*shaped like a crown, a crown of wild*) с шиповидными отростками, которые внешне напоминают солнечную корону, дало основание для названия гештальта. Таким образом, перед нами генезис *ad hoc* новой аббревиатуры, в которой наблюдается «ярко выраженный интерес к лингвистическим построениям и, в частности, к созданию такого аппарата терминов и понятий, которые помогли адекватно отразить его историю и ситуацию, сложившуюся на тот момент» [24: с. 155]. Анализ базовой когнитивной структуры аббревиатуры COVID-19 показывает, что её концептами в первых значениях являются «форма», «место положения», а далее происходит элиминация признаков, указанных выше. Актуализация (профилиро-

вание) других признаков (a cover for a tooth, that covers) в дальнейшем стала основанием для обогащения семантической структуры новым значением. Слово «**корона**» теперь означает не только головной убор, являющийся символом власти монарха, но и новый коронавирус. Термин создаётся в его функционально-прагматической парадигме, в центре которой находится особое понятие фрейма как когнитивной структуры, организованного вокруг определённого концепта «событие пандемии». Данная коммуникативная единица представляет собой вербально оформленный фрагмент целостной системы знаний о языке. Коронавирус – частотный рекуррентно повторяющийся в различных контекстах термин. Он рисует и обозначает «героев», вокруг которых разворачивается действие. В первые десять дней марта 2020 г. аббревиатура COVID-19, обозначающая название болезни и время появления вируса, повторяется более тысячи раз в один день. С когнитивной точки зрения эти аббревиатуры называют определённые структуры знания, имеющие особую значимость для современной ситуации в мире. Такие примеры убедительно показывают, что аббревиатура выполняет не только такие важные функции, как наименования определённых объектов современной действительности, дублируя их несколько словные аналоги, но и не менее важные функции и для когниции, и для коммуникации. Аббревиатура сразу же получила общеизвестность и широкое распространение во всех языках мира – это значит, что данная реалия чрезвычайно важна для общества и достаточно частотна.

Прежде чем перейти к моделированию новых аббревиатур, напомним, что анализ структурных типов в метаязыке медицины и англоязычных аббревиатур компьютерных и телекоммуникационных терминов проводился нами в предыдущих работах [8; 10] с учётом таких параметров, как протяжённость и структура исходного знака.

Модификация и уточнение нашей классификации на новом материале значительного корпуса английских аббревиатур, благодаря новому подходу, выявили следующие релевантные модели аббревиатур нового времени. Слоговые сокращения делятся на четыре типа единиц, образующихся конечным, начальным, краевым и срединным усечением исходных слов.

1. **Слоговые сокращения**, в которых сохраняется начальная часть слова, а его конечная усекается (апокопа): Ср.: *tox* < *toxicos* – токсикоз, *Panda* < *pandemia* – пандемия, *con* < *consumption* – туберкулёз, силикоз с туберкулёзной инфекцией, *som* < *somatology* – соматология.

2. **Слоговые сокращения**, в которых сохраняется конечная часть, а начальная часть усекается

(аферезис): *phone* < *telephone*, *copter* < *helicopter*. Новые единицы такого типа не обнаружены.

3. **Слоговые сокращения**, в которых сохраняется срединная часть исходного слова, а его начало и конец усекается (синкопа), при этом слоги берутся из разных частей слова. Ср.: *TB* < *TuBerculosis*.

4. **Слоговые сокращения**, в которых сохраняются слоги из начальных и конечных частей слова (стяжение) или буквы, представляющие элементы сложного слова или просто части слова. Ср.: *infor-demia* < *informational* + *epidemia* – информационная эпидемия – волна дезинформации, домыслов и возросший поток информации о коронавирусе, *Info-media* < *information* + *media*, *preps* < *preparations*, *pros* < *professions*, *Cov-zone*, *GHQ* < *General Headquarters*.

Таким образом, сравнительный анализ слоговых аббревиатур и их исходных выявил, что сохраняемая часть слова, которая является носителем лексического значения в производном слове, сохраняет довольно прочные ассоциативные связи с мотивировавшими его наименованиями, а также сильную формальную и семантическую связь. Результаты исследования подтвердили выводы Г. Марчанда о том, что тип аббревиатур, в которых редуцируется их конечная часть, является «самым продуктивным видом усечений» [35: с. 357].

Анализируя структуру и семантику **сложно-слововых аббревиатур** (далее – ССА) современного английского языка, можно сделать вывод о том, что они создаются на основе словосочетания. Их формирование сопровождается усечением одного или всех входящих в исходное мотивирующее словосочетание слов, а далее сложением нескольких слогов или же слога/слов и слова, например: *COVID* < *Corona* + *Virus*+*Disease* (слог + слог + буква), *QU-AD* < *Quality-Assurance Department* (слог + буква + буква) «отдел обеспечения качества», *EpiVacCorona* < *Epidemia* + *Vaccine* + *Corona* (слог + слог + слово).

ССА представлены следующими моделями:

1) ССА включают в свой состав не менее двух слогов, например: *InGen* < *International Genetic (Technologies)* «Международные Генетические (Технологии)», *PubMed* < *Publications Medicine*;

2) **сращения** включают в структуру аббревиатуры финальную часть слова, слоги берутся из разных частей слова, например: *TB* < *TuBerculosis*;

3) **частично-сокращённые** сложные слова, например: *Superspreader* < *Super* + *spread+er* «человек, который не соблюдает изоляцию и разносит вирус, заражая тем самым множество людей»;

4) **накладки**: *bit* < *binary* + *digit*, *breathlyser* < *breath*+ *analyser*.

Что касается **сложносокращённых** (или частично сокращённых) слов, включающих в свой

состав наряду со слогом цельноформленное слово или корневую морфему, например: *mini* < *minicar*, *maxi* < *maxiprogramme*, *Nano* < *Nanotechnology*, *Eco-terrorist*, *Ecoproducts*, *Superstandards*, *webmaster*, то наличие в их структуре полнозначной единицы делает аббревиатуру легко узнаваемой и частично мотивированной.

Далее рассмотрим структурные типы **инициальных аббревиатур** (далее – **ИА**), которые представлены следующими видами:

1) буквенные ИА, состоящие из одного элемента, например: *H* < *heroin*; *H* < *hero*, *O* < *zero*, *D* < *deuterium*, *H* < *hydrogen*, *D* < *dime*;

2) ИА, состоящая из двух элементов-букв, например: *SG* < *skin graft* «кожный трансплантат»; *SG* < *Surgeon General* «начальник медицинской службы»; *ER* < *Emergency Room* «отделение оказания экстренной помощи»; *CP* < *community physician* «районный врач»;

3) ИА, состоящая из двух элементов, один из которых – буква, а другой – цифра, или наоборот (цифра + буква) – (инициально-цифровой), например: *K-2* «самолёт-заправщик»; *2day (today)* «сегодня»; *2G2BT (too good to be true)* «слишком хорошо, чтобы быть правдой» – условные обозначения; *three-D* < *three-dimensional*, *Brum* < *Birmingham*;

4) ИА, состоящая из трёх элементов, трехбуквенные акронимы (*TLA* < *Three-Letter Acronyms*), например: *SSS* < *sick sinus syndrome* «синдром слабости синусного узла»; *VAR* < *lat. Verba ante res* «идеи до вещей»; *LLC* < *limited liability company* «общество с ограниченной ответственностью» (ООО), *GPS* < *Global Positional System*; *TD* < *Tropical Diseases Organization*, *ULF project* < *Unknown Life Forms* «неизвестные формы жизни»;

5) ИА – простые слова, состоящие из трёх элементов, совпадающие с реально существующими в языке словами (омонимы), например: *blog* < *web* + *log*. *WHO* < *World Health Organization* «Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)»; *IRA* < *Irish Republic Army*; *RAT* < *repeat action tablet* «повторить приём таблетки».

Инициально-словные аббревиатуры (инициал + слово, где инициал является усечённым словом), например: *N-fallout* < *Nuclear fallout* «ядерные осадки». Здесь происходит редукция первого слова до инициала + целое слово *fallout*. Подобные процессы формирования происходят и в следующем слове: *N-galaxy* < *nuclear galaxy* «ядерная галактика». Иногда в сочетании со словом вступает аббревиатура из четырёх инициалов. Ср.: *SOMS Space*, *NASA station* < *National Aeronautics and Space Administration* «станция (пункт) Национального управления по авиации и исследованию космического пространства»; *SARS-CoV-2* – сложный универб, образованный на основе аббревиатуры

SARS + первый слог *Corona* + первая буква *Virus* + цифра 2 «вторая вакцина, созданная на основе инактивированного вируса».

Интересно отметить, что отдельные аббревиатуры проявляют способность к дальнейшему словообразованию, ср.: *telephone* – *phone* – *phony* «а person who makes obscene phone calls» «человек, который ведёт неприличные разговоры по телефону»; *Coronavirus* – *coronavirusing* «ничего не делать, расслабляться»; *Corona* – *coronic* – *coroned* «тот, кто получил положительный результат теста на коронавирус».

Нельзя не упомянуть об «идентичных» инициально-словных сокращениях, представляющих две принципиально разные группы, которые могут вносить некоторую путаницу в акт общения [13]. Важно отметить то обстоятельство, что многочисленные аббревиатуры (вначале окказиональные или новые) не остаются на периферии словарного состава, а в большинстве случаев становятся достоянием всего языкового коллектива, отражая важные понятия, стоящие за аббревиатурными единицами для обозначения объектов реальной действительности в повседневной жизни.

Таким образом, аббревиатуры «непрошедшего» времени показали не все традиционно выделяемые модели, практически в нашем материале не оказалась такого типа, как вставки, но, вместе с тем, обнаружена богатая дифференциация других моделей. Наряду с традиционными типами аббревиатур появились новые довольно редкие модели, за которыми стоят когнитивные структуры, обозначающие новые явления современной картины мира, связанные с CORONAVIRUS-19. Сюда относятся аббревиатуры, образованные способом **наложения**. Ср.: *CoronApocalypse* < *Corona*+*Apocalypse*, *Covidiot* «ковидиот» < *COVID* + *IDiot* «тот, кто неадекватно воспринимает пандемию, паникует и сметает с магазинных полок продукты и туалетную бумагу».

Материал обнаружил такие нечастотные (редкие) модели, как (слог + инициал + слог). Ср.: *SERDEX* < *Serial Data Exchange* «последовательный обмен данными»; (инициал + слог + конечный слог -ZER конвенциональной аббревиатуры *lazer* < *light amplification by stimulating emission of radiation*. Ср.: *GRAZER* < *Gamma RAy Lazer* «гамма-лазер». К таким моделям можно отнести **слова-слитки**. Ср. *workaholic*, *bookaholic*, *podcast* < *pod* + *broadcast*; *communicate* < *computer* + *communicate*, *informercial*, *infotainment*, *dancercise* < *dance* + *exercise*, *jazzercise* < *jazz* + *exercise*, *telework* «работа на дому, используя электронную связь через компьютер с руководящим учреждением», *telecommuter* «научный консультант, программист». *BUREACRONYM* (*бюрокроним*) (греч., фр. *bureaucratie* ‘бюрократия’ + греч. *онута* «имя») – слово высокой

частотности, употребляемое в СМИ и являющееся отражением унитарного мышления и бедности индивидуальной речи; высокочастотный штамп.

Иногда в процесс формирования нового слова вступает другое правило (наличие соединительной гласной *-o* или *-i*): *Mascopanic* < *mask* + *O* + *panic* «маскопаника»; *маскобесье* – нежелание использовать защитные маски; *Coroniform* < *Coron* + *i* + *form* «коронаобразный».

Наш материал выявил своеобразные «неформат-модели», которые, «не будучи продуктивными в смысле их частотности, тем не менее составляют часть системы и демонстрируют упорядоченность в представлении информации, хотя и на небольшом участке этой системы» [25: с. 332]. Интересны в этом плане новые ключевые слова данного временного периода из специального регистра, так называемые специальные термины *vogue words* и *buzz words* (последний термин является относительно новой единицей) [32].

Важно отметить, что имеются такие нетрадиционные интересные случаи формирования новой аббревиатуры, когда сама аббревиатура становится создающей базой (универбом) для образования другой аббревиатуры – например, *CORONAFOB* < *коронафоб* < *Corona* + *fob* (греч. φόβος страх), или происходит сокращение самой аббревиатуры *COVID-19* < *Corona Virus Disease* < *COVID*, *COVI*, *COV*, *VIDEOL*, *2019-nCov* (форма записи в Ухане).

Небезынтересным представляется отметить тот факт, что аббревиатуры, замещающие собой несколькословные наименования, а потому кажущиеся их дублетами, фактически оказываются новыми словами. Появившись в языке, они начинают жить собственной жизнью в словарном составе языка, образуя разнообразные словосочетания и производные. Ср.: *COVID hospital*, *COVID level*, *COVID staff*, *COVID group*, *COVID control work*, *COVID Boomer*, *Coronavirusing* «коронавирусить», *Coronic* «коронавирусный» и *Coroned* – «подхватил коронавируса». Подсказками для расшифровки последних двух служат суффикс *-ic* и окончание глагола *-ed*. Современная аббревиатурная палитра показала, что этот древнейший способ пополнения словарного состава языков подвергается значительным изменениям и поражает богатством и разнообразием принципов моделирования новых единиц номинации, созданием таких языковых форм, которые закрепляют в языке новые структуры знаний, вносят новые значения в семантическую структуру. Ср.: *Superspreader* «суперспредер» – тот, который разносит вирус, заражая других; *коронный номер* теперь «не лучший номер», а ассоциируется с негативным значением.

Термин создаётся в его функционально-прагматической парадигме, в центре которой находится

особое понятие фрейма как когнитивной структуры, организованного вокруг определённого концепта «событие пандемии». Данная коммуникативная единица представляет собой вербально оформленный фрагмент целостной системы знаний о языке.

Рассмотрение «следа» *COVID-19* в языке служит ярким подтверждением того, что язык не стоит на месте, а активно откликается на происходящие в обществе события, и неологизмы прочно входят в лексику XXI в. не только в арсенал английского, но и русского языков. Ср.: *самоизоляция*, *удалёнка*, *тепловизор* < *тепло* + *телевизор* «аппарат, которым моментально измеряют температуру», *санитайзер* – «жидкость или антисептик», *Quarantine-shaming* < (*Quarantine* + *shame* + *ing*) – *карантиншейминг* обозначает недовольство окружающих людей, по мнению которых, человек неправильно соблюдает условия карантина и самоизоляции; *маскобесье* < *маска* + *беситься* «нежелание использовать защитные маски» и многие другие. Антропоцентризм, как совершенно правильно указывает Е.С. Кубрякова, «обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчёта в анализе тех или иных явлений, что он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [24: с. 212].

С когнитивной точки зрения эти слова называют определённые структуры знания, имеющие особую значимость для современной ситуации в мире. Они обозначают референты, связанные с местом осуществления действия, с институтами и организациями, связанными определённым образом с пандемией. Такие примеры убедительно показывают, что аббревиация выполняет не только такие важные функции, как наименования определённых объектов современной действительности, дублируя их несколькословные аналоги, но и не менее важные функции и для когниции, и для коммуникации.

При исследовании оказалось, что за аббревиатурами стоят определённые смыслы, в соответствии с которыми аббревиатуры были объединены в референтные группы различной численности. Объём статьи не позволяет подробно проанализировать все группы, поэтому лишь отметим, что за аббревиатурами стоят группы, обозначающие сокращённые слова из Интернета: *неформальная речь*, представленная 607 единицами, что составляет 60 % от общего числа (1012) анализируемых аббревиатур; *профессиональные понятия*, включающие медицинскую терминологию – 202 ед. (19, 7 %); группа людей по профессиональному и по социальному статусу – 158 (15,6 %), группа, обозначающая приёмы, механизмы, помещения, – 45 (4,7 %).

Итак, наиболее многочисленными являются две группы, а именно: группа, обозначающая повседневную речь в Интернете, и группа, обозначающая общественные и профессиональные организа-

ции, профессиональные понятия, включающие медицинскую терминологию.

Создание новых аббревиатур в начале XXI в. получает широкое распространение во многих языках и областях науки, политической и повседневной жизни людей и показывает тенденцию языковой интернационализации.

Таким образом, проведённое исследование в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы показывает, что состояние общества в эпоху социальных потрясений и общественных перемен представляет собой особенно благодатный период времени для возникновения новых аббревиатур, которые выполняют при этом не только репрезентативную или номинативную функцию, но и аксиологическую функцию. Так, 20 января 2021 г. в Новостях Первого канала ТВ объявлено, что поданы документы в ВОЗ (Центр им. М.П. Чумакова) на сертификацию новой третьей вакцины COVIVAC < *CO*-*rona* + *Virus* + *Vaccine* – *КОВИВАК*. Вариант *CO-VIVAR* < *COVI* + *Variant*. Кстати, как заметил А.А. Ишмухаметов, представители молодого поколения работников Центра им. Чумакова предложили назвать эту вакцину (в шутку) *ЧУВАК* < *ЧУ*-*маков* + *ВАКцина*. Название вакцины первого поколения *Sputnik V* < *Vaccine*, второго – *EpiVacCorona*. Перед нами только что созданные новые аббревиатуры, которые подтверждают динамичность процесса генезиса новых единиц для наречения объекта действительности, у которого не было имени. Вопрос же о том, сколько времени новые единицы языка останутся новыми, покажет время, ибо данный вопрос невозможно решить однозначно. Одно лишь очевидно, что вначале частотность употребления чрезвычайно велика, затем языковая «мода» ключевых слов и их частотность уменьшается, а значит, они теряют коннотацию новизны, и общественное языковое сознание уже не реагирует на слово как на новое.

Важно отметить, что «в среднем общественное языковое сознание реагирует на слово как на новое в течение одного-пяти лет» [14: с. 111]. При этом имеются некоторые расхождения в мнениях по этому вопросу. Так, Р. Бёрчфильд, главный редактор отдела словарей издательства Оксфордского университета, считает, что новое слово нельзя включать в Приложение к толковому словарю, если оно употребляется менее пяти лет [33], а лексикографический центр Д.С. Барнхарта этот срок ограничивает одним годом [32]. Какой период времени потребуется для перехода новых рассматриваемых в данной работе сокращённых единиц в разряд конвенциональных, покажет «прошедшее» время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Д.И. Аббревиация в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук / Д.И. Алексеев. – Куйбышев, 1977. – 442 с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
4. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
5. Борисов, В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В.В. Борисов. – Москва : Воениздат, 1972. – 320 с.
6. Гак, В.Г. О современной французской неологии / В.Г. Гак // Новые слова и словари новых слов. – Ленинград : Наука, 1978. – С. 37–52.
7. Гальперин, И.Р. Приложение к Большому Англо-русскому словарю / И.Р. Гальперин. – Москва : Русский язык, 1981. – 432 с.
8. Дюжикова, Е.А. Аббревиатура-термин в метаязыке медицины / Е.А. Дюжикова // Когнитивные исследования языка. Вып. XX : От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению : сб. науч. тр. – Москва : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 506–514.
9. Дюжикова, Е.А. Аббревиация в современном английском языке (Когнитивно-дискурсивные аспекты) : монография / Е.А. Дюжикова ; вступ. ст. Е.С. Кубряковой. – Одинцово : АНОО ВПО «ОГИ», 2013. – 320 с.
10. Дюжикова, Е.А. Моделирование как когнитивная основа инференции англоязычных аббревиатур компьютерных и телекоммуникационных терминов / Е.А. Дюжикова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXII : В поисках смыслов языка : сб. науч. тр. в честь 90-летия Е.С. Кубряковой. – Москва : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. – С. 148–156.
11. Дюжикова, Е.А. Dictionary of Everyday Abbreviations. Англо-русский словарь сокращений. В 2 т. Т. 1 / Е.А. Дюжикова. – 2-е изд., перераб., доп. – Одинцово : АНОО ВО «ОГУ», 2016. – 369 с.
12. Дюжикова, Е.А. Dictionary of Everyday Abbreviations. Англо-русский словарь сокращений. В 2 т. Т. 2 / Е.А. Дюжикова. – 2-е изд., перераб., доп. – Одинцово : АНОО ВО «ОГУ», 2016. – 372 с.
13. Дюжикова, Е.А. Парадокс «идентичных» инициально-словных сокращений современного английского языка / Е.А. Дюжикова, О.В. Афанасьева // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 6. – С. 50–58. – (Сер. Лингвистика).
14. Заботкина, В.И. Слово и смысл / В.И. Заботкина. – Москва : РГГУ, 2012. – 428 с.
15. Ионина, А.А. Особенности современного текстового мышления. SMS-язык / А.А. Ионина // Вестник Московского городского педагогического университета. Языковое образование. – 2008. – № 2 (27). – С. 19–23. – (Сер. Филология. Теория языка).
16. Ионина, А.А. Особенности создания и восприятия текста в Интернете / А.А. Ионина // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2010. – № 2 (6). – С. 33–39. – (Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование).

17. *Ирисханова, О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. – Москва : Языки слав. культуры, 2014. – 320 с.
18. *Комлев, Н.Г.* Словарь новых иностранных слов (С переводом, этимологией и толкованием) / Н.Г. Комлев. – Москва : МГУ, 1995. – 144 с.
19. *Котелова, Н.З.* Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Н.З. Котелова. – Москва : Наука, МГУ, 1986. – 320 с.
20. *Крысин, Л.П.* Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. – Москва : ЭКСМО, 2011. – 864 с.
21. *Кубрякова, Е.С.* О жанрообразующей и стилеобразующей функции аббревиации / Е.С. Кубрякова // *Sprache und Gesellschaft*. – Sonderdruck : PETER LANG, 2008. – S. 337–344.
22. *Кубрякова, Е.С.* Основные направления концептуального анализа: вместо введения / Е.С. Кубрякова // *Когнитивные исследования языка*. Вып. I. Концептуальный анализ языка : сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. – Москва : Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 11–21.
23. *Кубрякова, Е.С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1981. – 200 с.
24. *Кубрякова, Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е.С. Кубрякова // *Язык и наука конца XX века*. – Москва : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144–258.
25. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – Москва : Языки слав. культуры, 2004. – 560 с.
26. *Мешков, О.Д.* Словообразование современного английского языка / О.Д. Мешков. – Москва : Наука, 1976. – 245 с.
27. *Миклашевская, Г.А.* Неологизмы в современном английском языке периода с 1946 по 1957 год : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Миклашевская. – Киев, 1971. – 28 с.
28. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – Москва : Оникс : Мир и Образование, 2006. – 976 с.
29. *Серебренников, Б.А.* Роль человеческого фактора в языке / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова // *Язык и картина мира*. – Москва : Ин-т языкознания РАН, 1988. – 204 с.
30. *Щерба, Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // *Языковая система и речевая деятельность*. – Ленинград : Наука, 1974. – С. 15–40.
31. *Aitchison, J.* The Media Are Ruining English / J. Aitchison // *Language Myths*. – London : Penguin, 1998. – P. 11–25.
32. *Barnhart, D.C.* Neo-words. A dictionary of the newest and most unusual words of our times / D.C. Barnhart. – New York : Collier Books, 1991. – 87 p.
33. *Burchfield, R.W.* The English Language / R.W. Burchfield. – Oxford, N.Y. : Oxford Univ. Press, 1985. – 194 p.
34. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. – London : Bloomsbury, 2006. – 1693 p.
35. *Marchand, H.* The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. A synchronic-diachronic approach / H. Marchand. – Alabama : University of Alabama Press, 1966. – 379 p.
36. *Urban Dictionary*. 1991–2021. – URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed: 26.01.2021).

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-52-55

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕФИНИЦИИ ДИСКУРСА В МИРОВОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.А. Хабаров

В данной статье автор в историческом контексте освещает проблематику интерпретации феномена дискурса в свете западных лингвистических традиций и китайского языкознания с целью обобщения и систематизации имеющихся подходов и определений понятия «дискурс», а также для выработки методологических основ научной дефиниции дискурса в русле современных тенденций в науке о языке в соответствии с принципом плюрализма истинности.

Ключевые слова: дискурс, семантико-структурный аспект, прагматический аспект, лингвокогнитивные процессы, психические механизмы познания.

EMPIRICAL AND ANALYTICAL ASPECTS OF THE DEFINITION OF DISCOURSE IN WORLD LINGUISTICS: HISTORY AND MODERNITY

A.A. Khabarov

In this article the author in a historical context describes the issues of interpreting the phenomenon of discourse in a view of Western linguistic traditions and Chinese linguistics. The author generalizes and systematizes the existing approaches and definitions of the concept «discourse», develops the methodological foundations of the scholarly definition of discourse in line with modern trends in the science of language in accordance with the principle of pluralism of truth.

Key words: discourse, structural and semantic aspect, pragmatic aspect, linguo-cognitive processes, mental mechanisms of cognition.

В современной лингвистике дискурс как языковой феномен является одним из центральных научных понятий, которое вобрало в себя широкий спектр определяющих признаков из ряда профильных научных дисциплин. Сегодня проблематикой онтологии дискурса занимается не только языкознание и его междисциплинарные разделы, такие как дискурсология, психолингвистика, социолингвистика, когнитивная психология и т.п., но и такие науки, как этнография, антропология, политология, культурология, литературоведение и многие другие.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть остепенную и вербальную стороны интерпретации феномена дискурса в различные исторические эпохи с целью обобщения и систематизации имеющихся подходов и определений к семантике данного термина, а также для выработки методологических основ научной дефиниции дискурса в свете современных лингвистических школ и традиций на основе принципа плюрализма истинности.

Этимология термина «дискурс» ретроспективно исходит из латинского слова *discursus* «бег, суэта, маневр, круговорот» и метафорически возникшего отсюда – «беседа, разговор». Одно из классических трактований данного термина в отечественном

языкознании приводится Н.Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «дискурс (от франц. *discours* – "речь") – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социологическими, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, "погруженная в жизнь"» [1: с. 136]. Обратимся также к обобщенному толкованию, предложенному в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» под редакцией Т.М. Николаевой: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [6: с. 467]. Как мы видим, в источниках подчеркивается факт того, что термин «дискурс» не применяется к древним текстам и другим фиксированным на материальном носителе формам человеческой речи, если с ними не может быть вос-

Хабаров Артем Александрович – кандидат филологических наук, докторант кафедры дальневосточных языков Военного университета Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва).

Khabarov Artyom Alexandrovich – Doctor (Philology), Habil. Doctoral student, Department of Far Eastern Languages, Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow).

E-mail: lancelot567@mail.ru

© Хабаров А.А., 2021

становлена непосредственная связь, т.е. достоверно смоделированы пространственно-событийное восприятие и интерпретация.

Предпосылки к интерпретированию «звучащего слова» возникли уже в античной философии и литературе. Так, уже в VII в до н.э. в Древней Греции с уходом эпохи царей и возникновением коллективистских тенденций в древнегреческих полисах, в литературе и ораторском искусстве того времени все большее значение стало приобретать «живое, звучащее слово» как один из важнейших факторов организации государства и общества, а в военных подразделениях зарождается жанр воинственных элегий и эмбателья – прообраза современных строевых и маршевых песен. Поэзия античных поэтов и песнописцев Каллина, Тертея, Мимнерма и других древнегреческих представителей жанра «военной песни» имеет целью реализацию перлокутивной функции – поднятие морального духа воинов и, в форме лингвистической реконструкции, может рассматриваться сквозь методологическую призму дискурс-анализа. Как отмечает М.Л. Гаспаров, «...древность не знала представительной системы правления, власть в государстве принадлежала только тем членам правящего сословия, которые являлись в сенат, и только тем гражданам, которые толпились на площади народного собрания; и обращаясь к ним лично, хороший оратор одной выразительной речью мог решающим образом повлиять на государственную политику» [5: с. 7].

В период V–IV вв. до н.э. такие великие мыслители Эллады, как Коракас, Тисий, Протагор, Горгий, Ликофрон, Алкидамант и ряд других философов (преимущественно софистов) в своих трудах заложили основы красноречия, экстраполяции устной речи в дискурсивной среде. Формирование теоретического базиса риторики, формулирование постулатов «риторического идеала», критическая взаимосвязь между риторикой и диалектикой, т.е. силой убеждения и формально-логическими доказательствами истины, а также методологическое осмысление ораторского искусства системно описаны в сочинениях Сократа, Платона и Аристотеля, образно выражены в «филиппиках» Демосфена.

В эпоху расцвета римской риторики величайший политик, философ и оратор Цицерон говорил о «необходимости соединения в одном человеке полной подготовки оратора и полной подготовки философа при доминанте риторического» [2: с. 395], а также указывал на «умение вызывать у слушателей необходимые эмоции – жалость, гнев и т.д., для чего необходимо ... глубоко познать человеческую душу и причины, заставляющие ее вспыхивать и успокаиваться (De or., I, 53–54)» [3: с. 36].

В разные исторические периоды исследовательский интерес к живой речи, «звучащему» слову как

к научному феномену возникал достаточно неравномерно и очагово. В эпоху Возрождения и последующие этапы Новой и Новейшей истории формы и способы экспликации речи, ее иллокутивная и перлокутивная составляющие в основном описывались и изучались в государствах с развитой системой социально-экономических и правовых отношений, прогрессивными механизмами законодательной, исполнительной и судебной власти. Это было обусловлено тем, что с развитием научно-технического прогресса в человеческом обществе структурировались формы правовых и хозяйственных отношений, усложнялся весь социально-экономический уклад существования людей. Соответственно повышались статус вербальной коммуникации и совокупный объем речевого взаимодействия людей в различных сферах жизнедеятельности. Тем не менее сравнительно-исторический подход заложил основы для дальнейшей трансформации научной мысли от формальной констатации и сопоставления до эвристического поиска механизмов и закономерностей внутреннего устройства языка и речи.

Резюмируя вышесказанное, в рамках западной и отечественной лингвистических традиций научные идеи исследования речевой деятельности обосновываются возникновением и становлением в науке сначала системного подхода (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн-де-Куртене, Ф. де Соссюр и др.), в последующем – системно-структурной лингвистики, основанием Пражского и Копенгагенского лингвистических кружков, зарождением американского дескриптивизма, а со второй половины XX в. – коммуникативно-функционального направления (О. Есперсен, Л.В. Щерба, А. Пешковский, С. Кацнельсон, Э. Сепир и др.). В фокусе внимания ученых все больше фигурирует «говорящий человек», от системно-структурной парадигмы происходит переход к антропоцентричной модели. Говоря о вышесказанном, Ю.К. Волошин отмечает, что «...многие десятилетия лингвисты изучали "человека молчавшего" (язык был как бы сам по себе, а человек – сам по себе). Осознание необходимости изучать язык и человека комплексно, т.е. "говорящего человека", побудило исследователей уделить серьезное внимание всем аспектам этой сложной проблемы» [4: с. 20].

Таким образом, с появления раннего функционализма в 20–30-е гг. XX в., его дальнейшего формирования и преобразования в центральное научно-исследовательское направление в лингвистике в 1950–60-е гг. вплоть до современности филологическая наука погрузилась в комплексное исследование функциональной стороны речевой деятельности. Со становлением в науке функционально-деятельностной парадигмы появляется большое количество «активно-коммуникативных» концеп-

ций, теорий продуктивной грамматики (А.Г. Мило-славский), динамической грамматики (Б.Ю. Нор-ман), деятельностных теорий анализа речи и выделения речевых актов (Д. Остин, Дж. Серль, К. Бю-лер, Р.О. Якобсон и др.), функциональной когни-тивно-семиотической парадигмы (А.Е. Кибрик).

Отличительными особенностями подходов и методов научного поиска и познания выделяются восточные языковые школы и традиции. В частности, китайская лингвистическая традиция в силу структурной организации китайского языка, являющегося для нее и объектом исследования, и инструментарием познания, характеризуется исторической предрасположенностью к изучению знаковой, семантической стороны языковых феноменов. Как мы ранее отмечали в своих работах, подобная тенденция обусловлена типологией китайского языка, который на современном этапе представляет собой язык изолирующего строя с элементами аффиксации («слабоагглютинативный» тип) и доминированием аналитических техник вербализации смысловых отношений. По этой причине в трудах китайских языковедов разных исторических эпох, посвящённых интерпретации и переводу текстов по философии, литературе и искусству, превалирует предположение о том, что в когнитивном плане именно смысл слов, а не их структура и линейная последовательность, создает границы понимания. Под влиянием словоцентризма, учитывая высокую степень полисемичности лексических единиц китайского языка, «в китайском традиционном языкознании сложилась устойчивая тенденция разграничения семантического (доминирующего) фактора и формально-структурного фактора ("ограничение", "рестрикция"), поскольку эти факторы относятся к отличающимся друг от друга когнитивным механизмам» [7: с. 10–11]. С течением времени вышеуказанная особенность не могла не отразиться на проблемах исследования звучащей речи и выработки методов анализа дискурса. Безусловно, в современную эпоху китайская языковедческая традиция ассимилировала достижения западной лингвистики, в частности методы дискурс-анализа. Как указывает китайский дискурсолог Ши Сюй (施旭 Shi Xu), «...в отличие от традиционной практики отделения языка от жизни общества с присущей ему социальной средой, дискурс-анализ рассматривает дискурс как языковую деятельность, совмещающую языковую среду и реальную жизнь социума, говоря проще, это и есть язык, погруженный в реальную жизнедеятельность; исследование дискурса в процессе анализа языковых процессов неизменно затрагивает сущность языковой материи» и далее – «...тем не менее, мы полагаем, что вектор дискурс-анализа и его параметры должны точно и системно отображать отношения между знаками естествен-

ных языков общения и контекстом их употребления» (*перевод А.А. Хабарова*) [9: с. 133]. В то же время, исходя из положений теории лингвистической относительности (Э. Сепир, Б. Уорф, Дж. Фишман), достижений в области когнитивной психологии, лингвистического релятивизма (Дж. Лакофф, Д. Люси, С. Левинсон, Д. Браун) и компьютерной лингвистики (К. Айверсон, Пол Грэм, Юкихиро Мацумото и др.), представляется возможным выделить ряд эмпирических факторов, верифицирующих причины нетождественного восприятия феномена дискурса в разных языковых традициях. В случае с китайской традицией – это устойчивость традиционных морально-этических постулатов и коммуникативных норм в высококонтекстуальной китайской культуре, семантико-синтаксические и прагматические аспекты структурной организации китайского языка, обусловленная ментальностью и историческим контекстом специфика употребления невербальных средств коммуникации.

Таким образом, в теории дискурса сформировался ряд различных подходов к толкованию этого лингвистического феномена, интерпретирующих как эмпирическую, так и аналитическую сторону данной проблемы. Так, А.К. Хурматуллин обобщенно выделяет следующие подходы к определению дискурса: *коммуникативный (функциональный) подход*: дискурс как вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка), либо как диалог, либо как беседа, т.е. тип диалогического высказывания, либо как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции; *структурно-синтаксический подход*: дискурс как фрагмент текста, т.е. образование выше уровня предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац), при этом связность рассматривается как один из основных его признаков; *структурно-стилистический подход*: дискурс как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся нечётким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой; *социально-прагматический подход*: дискурс как текст, погружённый в ситуацию общения, в жизнь, либо как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний, либо как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты [8: с. 33]. Вышеуказанная совокупность подходов подчеркивает тройственную природу дискурса, включающую языковой знак – текст (семиотика), речь как функциональную составляющую, процесс (когнитивно-деятельностный аспект) и психические механизмы восприятия и интерпретации (прагматический и герменевтический аспекты).

Мы полагаем, что для системного изучения феномена дискурса необходим междисциплинарный подход, адресное применение аналитических и эмпирических методов исследования, категорий мышления и механизмов познания с учетом этнокультурологических, лингвокогнитивных и структурных особенностей изучаемого языка, а также его экзистенциальных форм реализации в виде речевой деятельности. На наш взгляд, именно интегральное совмещение знаковой, функциональной и прагматической составляющих позволяет повысить объективность научных результатов, полученных в ходе исследования такого комплексного языкового феномена, как дискурс, а также корректно истолковывать содержание и смысловой объем данного понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 01.08.2020).
2. Баранникова, Н.Б. Общее обучение и профессиональное ученичество / Н.Б. Баранникова, В.Г. Безрогов // Учитель и ученик: становление intersubjectных отношений в истории педагогики Востока и Запада (цивилизации древности и средневековья) / под ред. Н.Б. Баранниковой, В.Г. Безрогова. – Москва : Издат. центр ИЭТ, 2012. – С. 395–435.
3. Бобровникова, Т.А. Образ идеального оратора у Цицерона / Т.А. Бобровникова // НУРОТНЕКАІ. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-idealnogo-oratora-u-tsitserona> (дата обращения: 01.08.2020).
4. Волошин, Ю.К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект) : монография / Ю.К. Волошин. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2000. – 282 с.
5. Гаспаров, М.Л. Марк Тулий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / М.Л. Гаспаров. – Москва : Наука, 1972.
6. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики / Т.М. Николаева. – Москва : Прогресс, 1978. – 480 с.
7. Хабаров, А.А. Интерактивный аспект организации речи в современном китайском языке : монография / А.А. Хабаров. – Москва : ИТС, 2018. – 166 с.
8. Хурматуллин, А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике / А.К. Хурматуллин // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – Т. 151, Кн. 6. – С. 31–37.
9. 施旭. 话语分析的文化转向:试论建立当代中国话语研究范式的动因、目标和策略. 浙江大学学报(人文社会科学版) // Journal of Zhejiang University (Humanities and Social Sciences) = Ши Сюй. Культурный сдвиг дискурсивного анализа: о мотивации, цели и стратегии становления современной китайской дискурсивной исследовательской парадигмы / Ши Сюй // Журнал Чжэцзянского университета (гуманитарные и социальные науки). – 2008. – Vol. 38, № 1, Jan. – P. 131–140.

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОМ СТАТУСЕ АНГЛИЙСКИХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ

О.Г. Шевченко

В статье исследуется проблема синтаксического статуса определителя как компонента предложения, поскольку членом предложения, по мнению большинства лингвистов, он не является. Автор показывает, что причиной теоретических противоречий является смешение морфологического и синтаксического уровней анализа языкового материала: понятия «определение» и «опредетель» принадлежат к явлениям разного порядка. Определители, комбинируя в себе характеристики разных частей речи, оказываются на периферии не только частеречной системы, но и системы членов предложения, пересекаясь с определением, но проявляя заметную специфику.

Ключевые слова: определитель, полуопредетель, определение, член предложения, знаменательная часть речи, служебная часть речи, артикль, местоимение, количественное числительное, порядковое числительное, существительное, родительный падеж, прилагательное, периферия.

ON THE SYNTACTIC STATUS OF ENGLISH DETERMINERS

O.G. Shevchenko

The article discusses the problem of the syntactic status of the determiner, which is usually not considered to be a part of the sentence proper. The author reveals that the cause of theoretical contradictions lies in mixing the morphological and the syntactic levels of the language analysis. The attribute is a part of the sentence, but the determiner is not; that's why it would be more reasonable to treat these units alongside with parts of the sentence proper. As determiners combine characteristics of different parts of speech, they can be found on the periphery of not only parts of speech but also parts of the sentence.

Key words: determiner, semideterminer, attribute, parts of the sentence, notional part of speech, formal part of speech, article, pronoun, cardinal numeral, ordinal numeral, noun, genitive case, adjective, periphery.

Введение

При описании структуры предложения традиционно используется понятие членов предложения. Кроме того, в число элементов предложения грамматисты нередко включают так называемые определители, которые собственно членами предложения не являются. Определители нельзя назвать и отдельной частью речи; вследствие этого возникает вопрос относительно их синтаксического статуса. В число определителей, помимо прочих, лингвисты, как правило, включают и местоимение, что влечет за собой проблему разграничения между определениями и определителями.

Специфика определения

В иерархии членов предложения определение занимает более низкий уровень по сравнению с другими второстепенными членами предложения – дополнением и обстоятельством. Основная причина этого кроется в том, что, поскольку наличие и набор членов предложения детерминируется валентностью глагола-сказуемого, определение, не

будучи зависимым от глагола, не является компонентом структурной схемы предложения.

Кроме того, существует еще ряд характеристик, отличающих определение от других второстепенных членов предложения. Определение зависит от существительного (или местоимения, замещающего его), оно чаще всего выражается прилагательным. В отличие от обстоятельства и дополнения определение не способно выступать в качестве детерминирующего члена предложения, т.е. распространителя, относящегося ко всему составу предложения и не связанного ни с каким отдельным его членом [9: с. 149].

Еще одна специфическая особенность определения состоит в том, что среди многочисленных морфологических путей его выражения одним из характерных является местоимение, статус которого как знаменательной или служебной части речи до сих пор не установлен однозначно.

Значение и состав группы определителей

Смежным структурным компонентом предложения является определитель. Определитель – слу-

Шевченко Ольга Георгиевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и переводоведения Факультета филологии и межкультурной коммуникации Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга (г. Петропавловск-Камчатский).

Shevchenko Olga Georgievna – Doctor (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Translation Studies, Faculty of Philology and Cross-Cultural Communication, Vitus Bering Kamchatka State University (Petropavlovsk-Kamchatsky).

E-mail: shevchenkoog@mail.ru

жебный элемент и, по мнению многих лингвистов, не является членом предложения [7: с. 89], и в этом состоит его основное отличие от определения. Ч. Фриз полагает, что характерной особенностью определителей (determiners) является их способность занимать позицию артикля в именной группе. Они предшествуют всем прилагательным и иным определениям, которые стоят перед существительным [17: с. 89]. Термин «определители» широко используется в грамматике английского языка при описании системы частей речи. Так, Ю. Холл в группу служебных слов включает местоимения (обычно разделяющие синтаксические свойства существительных), определители, вспомогательные глаголы, интенсификаторы, коннекторы и междометия. К определителям лингвист относит артикли, указательные, вопросительные и притяжательные местоимения, отрицательное местоимение *no*; числительные, количественные слова *many, much, few, little* и некоторые другие [18: с. 11].

Д. Бибер дает следующую дефиницию определителей: “Determiners are function words used to specify the kind of reference a noun has” [16: с. 65]. Их перечень практически совпадает с приведенным выше; кроме того, к определителям Д. Бибер относит также местоимения некоторых других разрядов (неопределенные, определительные). Ученый отмечает, что эта позиция может замещаться и существительными в притяжательном падеже. Нередко существительному предшествует несколько определителей, при этом они следуют друг за другом в строгом порядке, например: *all the four races, all those other guys, twice the size, half a cup, the last two years*.

Существование определителей констатируется и в других языках – германских, романских [7: с. 88]. Их наличие в русском языке отмечал, в частности, Л.В. Щерба, который считал, что, поскольку определение обозначает признак предмета, притяжательные местоимения (и существительные в притяжательном падеже) не укладываются в рамки этой дефиниции и относятся к разряду определителей [14: с. 86].

Тем не менее граница между определителями и определениями не всегда бывает четкой. Так, Д. Бибер констатирует наличие в языке полуопределителей (semi-determiners), к которым он относит слова, проявляющие характеристики и определителей, и прилагательных (*same, other, another, last, such*). К ним близко стоят порядковые числительные; количественные же числительные близки к квантификаторам *all, many, some, few, etc.* [16: с. 77].

М. Суон выделяет две основные группы определителей: группу А (артиклы, притяжательные и указательные местоимения; они помогают понять, об известных ли предметах идет речь, в общем ли о них говорят или имеют в виду что-то конкретное);

группу В – квантификаторы (некоторые разряды местоимений, слова *many, much, few, little enough, half* и др., которые не относятся ни к одной из названных групп: *other, such, what* (in exclamations), *only*, а также числительные) [19: с. 154].

И.П. Иванова относит к определителям артикли, местоимения (притяжательные, указательные, вопросительные, неопределенные), имя существительное в притяжательном падеже, количественные числительные. Отличительной особенностью ее трактовки определителей является то, по ее мнению, что все определители, кроме артикля, выступают как члены предложения [2: с. 227].

Таким образом, группа определителей является чрезвычайно пестрой с точки зрения частеречной принадлежности ее элементов. Наиболее типичными являются артикли и некоторые разряды местоимений, хотя относительно местоимений существуют проблемы, затронутые выше. С другой стороны, среди определителей оказываются числительные, которые традиционно относят к знаменательным частям речи (хотя у них присутствуют некоторые признаки слов служебных), слова *last* и *next* (имеющие свойства прилагательных); также *few, little, many, much* (эти слова совмещают черты прилагательных, числительных, местоимений), *half* (обладающее всеми типичными признаками существительного), *enough* (обычно квалифицируемое как наречие, хотя в словарях есть также пометы «прилагательное», «существительное»).

Здесь же можно обнаружить слово *double* [16: с. 66], а также сочетание *a lot of*. Д. Бибер отмечает, что к определителям близки сочетания типа *a load of, a kind of, a sort of* и т.п. (так, *this sort of food* эквивалентно по значению *such food*) [16: с. 66]. А. Хорнби включает в эту группу сочетание *my / his own*, а также слово *whole* [12: с. 170].

Таким образом, определитель может быть представлен различными частями речи, среди которых служебные (артиклы), знаменательные (существительные, прилагательные) и, наконец, части речи, которые совмещают в себе характеристики как служебных, так и знаменательных.

Местоимение как типичный определитель

Пожалуй, по отношению к местоимению наиболее остро стоит вопрос об отграничении определений от определителей, а именно: следует ли местоимение, сопровождающее существительное, считать определением, или же оно принадлежит к разряду определителей. По мнению Н.А. Кобриной, местоимение как часть речи составляет самый неоднозначный и противоречивый класс слов вследствие диалектического единства двух сторон человеческой коммуникации – речепорождения и речевосприятия, которые стимулируют определенную асистемность этой части речи [5: с. 7]. Многие

местоимения неизменяемы, однако некоторые разряды обладают грамматическими категориями: числа (*this – these, that – those, other – others*), падежа, которую составляют две парадигмы: *somebody – somebody's* (общий падеж :: родительный падеж), *I – me* (именительный падеж :: объектный падеж).

Особую проблему представляет семантическая классификация местоимений. При сравнении классификаций, разработанных лингвистами, оказывается, что существование некоторых разрядов, как и их наименования, не подлежит сомнению; это – местоимения личные, притяжательные, указательные и пр. Относительно же других разрядов прослеживаются разночтения. Так, по-разному классифицируются местоимения *each, every, both, all, either*. Одни грамматисты считают их определительными [6: с. 76], другие – универсальными [11: с. 149]. Как правило, в классификациях проводится четкое разграничение между названными местоимениями и неопределенными (*some, any, somebody, one*). Однако И.П. Иванова объединяет их в один разряд – неопределенных [3: с. 45], что, по-видимому, объясняется особенностями их лексического значения. Лингвисты, разграничивающие эти два разряда, по-разному определяют состав групп; так, группа неопределенных местоимений иногда трактуется шире, чем обычно: в ее состав включают не только *some, any* и их производные, но также и *either, enough, few, little, many, much, several* [3: с. 62]. Н.А. Кобриня включает сюда и подгруппу отрицательных местоимений [5: с. 24]. Среди разрядов местоимений можно обнаружить разделительные (*other, another*) [11: с. 150], родовое *one*, местоимение-заместитель *one*, экзистенциальное *there* [18: с. 164].

Этот далеко не полный перечень трудностей, возникающих при идентификации местоимений, свидетельствует об их неоднородности и разнообразии семантических и грамматических характеристик.

Вследствие этих особенностей до сих пор спорным представляется вопрос о том, достаточны ли основания для трактовки местоимений как отдельной части речи. По мнению А.И. Смирницкого, данный вопрос относится к числу особо трудных и спорных [10: с. 176]. По своим грамматическим свойствам (морфологические категории, сочетаемость, роль в предложении) местоимения обнаруживают сходство либо с существительными, либо с прилагательными. Поэтому при описании системы частей речи некоторые лингвисты считают местоимения смешанной категорией слов; другие полагают, что местоимения не образуют отдельную часть речи, и распределяют их между другими частеречными разрядами. Нередко местоимение выделяется как особый класс слов, но статус этого класса ниже, чем, к примеру, у существительного. В частности, Г. Суит с учетом особенностей место-

имений включил их в группу изменяемых слов (тем самым сблизив их со знаменательными словами), но разделил на *noun-pronouns* и *adjective-pronouns* и включил эти подгруппы в разряд *noun-words* и *adjective-words* соответственно [20: с. 42–43]. По мнению А.И. Смирницкого, местоимения выделяются в отдельную часть речи, но не в параллель с другими частями речи, а пересекаясь с ними; поэтому можно говорить о местоимениях субстантивных, адъективных, с одной стороны, и о местоименных существительных и прилагательных – с другой [10: с. 196].

Если признать, что местоимения составляют особую часть речи, возникает еще одна проблема: следует ли считать эту часть речи знаменательной или служебной. Знаменательные части речи обладают целым рядом специфических признаков, отличающих их от служебных частей речи, и по некоторым позициям местоимения проявляют такого рода характеристики [13: с. 38–41]. Так, местоимения, подобно типичным знаменательным частям речи, способны выступать в роли самостоятельных членов предложения. Вместе с тем здесь наблюдаются и пограничные случаи: известно, что притяжательные местоимения нередко используются вместо определенного артикля, т.е. выполняют фактически служебную функцию: *She's got a parrot on her shoulder. Katy broke her arm mountain climbing. He stood there, his eyes closed and his hands in his pockets* [19: с. 417].

Местоимения имеют и признаки противоположного свойства, отличающие их от типичных знаменательных частей речи: так, последние обладают номинативной функцией – они дают наименования предметам, действиям, признакам и т.п. Служебным частям речи эта функция несвойственна. У местоимений также отсутствует функция номинации. Существует мнение, что они составляют особый класс полностью грамматизированных лексем [8: с. 255]. Однако местоимения обладают специфической, дейктической функцией – их общим значением является «указание на тот или иной предмет или признак, определяемый ситуацией» [10: с. 180]. Местоимения могут указывать на живые существа, неодушевленные предметы, абстрактные понятия, а также на отношение предметов к другим предметам, времени или месту. Таким образом, общая черта всех местоимений – отсутствие собственного референта; в предложении они способны заменять собой слово, словосочетание или предикативную конструкцию, которые могут выступать в качестве любого члена предложения (за исключением сказуемого). В связи с этим проявляется еще одна характерная особенность, отличающая знаменательные части речи: их лексическое значение легко отделимо от грамматического. У служебных частей речи такую дифференциацию произвести нелегко; некоторые лингвисты полагают,

что, к примеру, предлог и союз лишены лексического значения, а обладают лишь грамматическим значением. Лексическое значение многих местоимений обобщенное и абстрактное, что отвечает определению значения грамматического. Это также сближает их со служебными словами.

Специфической характеристикой местоимений является то, что их количество в языке ограничено и относительно невелико; они составляют закрытый класс слов. Кроме того, подобно служебным словам местоимения характеризуются чрезвычайно высокой частотностью употребления. Вследствие всех этих особенностей местоимения нередко включаются в группу служебных слов.

Некоторые черты служебных частей речи проявляются у местоимений по-разному, в зависимости от их принадлежности к тому или иному разряду. Многие местоимения, подобно служебным словам, вряд ли способны выступать в качестве главного элемента словосочетания (личные, притяжательные, указательные и др.). Однако встречаются сочетания типа *something interesting, none of the students*, где местоимения оказываются в роли ведущего слова. Также варьируются правила ударения местоимений: личные и притяжательные, как правило, безударны, подобно служебным словам; местоимения прочих разрядов в большинстве случаев несут ударение.

Промежуточный характер местоимений обуславливает их положение в области периферии, на границе между знаменательными и служебными частями речи [7: с. 90].

Прочие части речи в роли определителей

Среди определителей наиболее частотными и типичными являются артикли. Поскольку с точки зрения традиционной грамматики артикли относятся к служебным словам, их статус как определителей вопросов не вызывает. С другой стороны, включение в состав определителей местоимений и числительных подвергается некоторым сомнениям. Это связано с природой упомянутых частей речи: если они являются знаменательными, они должны выполнять в предложении самостоятельную синтаксическую функцию, если же это служебные слова, они вполне могут быть определителями.

Вопросы вызывает и отнесение числительных в группу определителей. Действительно, в существующих классификациях частей речи они нередко занимают промежуточное, несамостоятельное положение. Г. Суит распределял числительные между *noun-words* и *adjective-words*, мотивируя это тем, что они не обладают самостоятельным частеречным статусом, подобно существительным, прилагательным, глаголам. В.Н. Жигадло не согласна с таким толкованием, поскольку числительным присуще определенное значение, собственные морфо-

логические признаки и своя специфика синтаксического употребления [2: с. 45].

Тем не менее как отечественные, так и зарубежные лингвисты нередко включают их в состав определителей. Так, Л.В. Щерба утверждал, что в сочетаниях «пять книг» и «хорошие книги» наблюдаются разные типы отношений [14: с. 97]. Ю. Холл также считает их разновидностью определителей. Существует и иная точка зрения: это – знаменательная часть речи, которая обладает функцией определения [1: с. 39]. Так, Дж. Оллсоп придерживается мнения о том, что эти слова можно рассматривать как прилагательные [15: с. 69]. Описывая позицию определений, грамматист оперирует такими терминами, как: определители (*both, all, half, the, that, this, my, etc.*), порядковые числительные (включая в эту группу *last, next, other*), квантификаторы (*few, lot of, little*, количественные числительные), прилагательные [15: с. 78]. А. Хорнби, перечисляя определители, числительные не упоминает [12: с. 170].

Исследователи по-разному описывают характер порядковых и количественных числительных. В частности, А.И. Смирницкий полагает, что порядковые числительные на самом деле относятся к классу прилагательных, так как у них нет никаких специфических особенностей, которые дали бы основание выделять их как отдельную часть речи. Единственная их особенность – значение (признак по месту, занимаемому предметом в счетном ряду) [10: с. 163]. Ученый подчеркивает характерные различия между количественным числительным и существительным (к ним относится, в частности, отсутствие категории числа). Их нельзя отнести и к прилагательным благодаря их семантике. Как отмечает ученый, в сочетании *five books* числительное вряд ли можно назвать определением, так как оно не характеризует свойства предмета, а указывает на их количество. Таким образом, количественные числительные стоят ближе к артиклю или неопределенному местоимению, чем к прилагательному, и вряд ли можно говорить об их самостоятельном статусе как члена предложения. Что касается количественных числительных, то их следует выделить в особую часть речи [10: с. 168].

В традиционной грамматике числительные нередко рассматриваются как знаменательная часть речи. Б.А. Ильиш подчеркивает специфический характер их лексического значения: можно дать полный перечень слов, относящихся к этому классу, и отмечает их наиболее характерную синтаксическую функцию – определение. Кроме того, числительное, подобно другим знаменательным частям речи, часто выступает в роли подлежащего, дополнения, предикатива; оно способно к субстантивации [4: с. 72].

К группе определителей нередко относят существительное в форме притяжательного падежа. Вряд ли такие элементы можно назвать служебными словами, поскольку они обладают полным лексическим значением и набором всех грамматических свойств, характеризующих существительное. Кроме того, одно и то же существительное может использоваться в препозиции к другому в форме как общего, так и притяжательного падежа: *the car roof :: the car's roof; the duck leg :: the duck's leg*. Безусловно, между элементами этих пар существуют определенные семантические различия, однако вряд ли было бы правильным считать, что существительное при изменении его падежной формы перестает быть таковым и переходит в разряд служебных слов. В современном языке происходит расширение сферы существительных, способных принимать форму притяжательного падежа. Отсюда следует, что в сочетаниях типа *Moscow talks* первое существительное является самостоятельным членом предложения; в структуре *Moscow's talks* первый элемент – всего лишь определитель.

Следует также заметить: существительное в притяжательном падеже включают в состав определителей на том основании, что определение обозначает свойство, а принадлежность – это не свойство [14: с. 102]. Однако форма притяжательного падежа способна передавать широкий спектр значений, кроме отношения принадлежности – субъектные, объектные, обстоятельственные, качественные и пр., что детерминируется семантикой существительных, образующих сочетания N's + N: *a magician's smile, a day's work, Donald's disappearance, a sea-gull's cry*. Более того, без контекста бывает невозможно установить, какие отношения имеются в виду, например: *an officer's cap* может обозначать «фуражка, принадлежащая офицеру», а также «тип фуражки, которую носят офицеры»; во втором случае существительное в притяжательном падеже обозначает признак и, следовательно, определителем не является.

Кроме того, во многих случаях структура с существительным в притяжательном падеже может быть преобразована в сочетание с предлогом *of*: *the tree's branches = the branches of the tree; the visitor's remarks = the remarks of the visitor*. С точки зрения смысла компоненты приведенных пар примеров передают одинаковые значения, однако их синтаксический статус оказывается совершенно различным в случае трактовки существительного в родительном падеже как определителя.

Заключение

Представляется, что причиной таких противоречий является некоторое смешение морфологического и синтаксического уровней анализа языкового материала: понятия «определение» и «определи-

тель» принадлежат к явлениям разного порядка. Если определение – член предложения, определитель таковым не является. При описании определителей они противопоставляются определениям: «Определитель – служебный элемент и **никогда не может быть членом предложения**» [7: с. 89]. В таком случае логичнее было бы рассматривать эти элементы при описании **синтаксической** структуры предложения: собственно члены предложения, определители, вводные члены предложения. Тем не менее определители перечисляются в грамматиках при описании классов слов: существительное, глагол, прилагательное, наречие (собственно части речи), служебные слова: местоимения, определители, вспомогательные глаголы, интенсификаторы, коннекторы, междометия [18: с. 8–13].

Происходит смешение различных уровней – частей речи и членов предложения. Так, А. Хорнби предлагает пользоваться термином «определи-тель», поскольку нет необходимости точно определять, к какой части речи относятся эти слова, для того, чтобы определить их место в предложении [12: с. 170], т.е. фактически предлагает характеризовать их как компоненты предложения.

Таким образом, определители, комбинируя в себе характеристики разных частей речи, оказываются на периферии не только частеречной системы, но и системы членов предложения, пересекаясь с определением, но проявляя заметную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох, М.Я. Теоретическая грамматика английского языка / М.Я. Блох. – 4-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 2004. – 239 с.
2. Жигадло, В.Н. Современный английский язык / В.Н. Жигадло, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик. – Москва : Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. – 350 с.
3. Иванова, И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – Москва : Высшая школа, 1981. – 285 с.
4. Ильиш, Б.А. Строй современного английского языка / Б.А. Ильиш. – Ленинград : Просвещение, 1971. – 366 с.
5. Кобрин, Н.А. Класс местоимений в аспекте когнитивно-коммуникативного подхода / Н.А. Кобрин // Когнитивная лингвистика. Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения : сб. ст. к юбилею профессора Н.А. Кобриной / отв. ред. Н.А. Абиева, Е.А. Беличенко. – Санкт-Петербург : Тригон, 2005. – С. 7–26.
6. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова ; РАН. ИЯ. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Левицкий, Ю.А. Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – Москва : УРСС, 2002. – 234 с.
8. Плунгян, В.А. Общая морфология. Введение в проблематику / В.А. Плунгян. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 383 с.
9. Русская грамматика. Том II. Синтаксис. – Москва : Наука, 1980. – 450 с.

10. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – Москва : Книга по Требованию, 2012. – 440 с.
11. Хлебникова, И.Б. Основы английской морфологии : учебное пособие / И.Б. Хлебникова. – 2-е изд. – Москва : ЧеРо, 2001. – 128 с.
12. Хорнби, А.С. Конструкции и обороты английского языка / А.С. Хорнби. – Москва : Буклет, 1994. – 335 с.
13. Шевченко, О.Г. О знаменательных и служебных частях речи с позиций прототипического подхода / О.Г. Шевченко // Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Вып. 2. – Омск : ИЦРОН, 2015. – С. 38–41.
14. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – Москва : Флинта, 2017. – 350 с.
15. Allsop, J. Students' English Grammar / J. Allsop. – N.p. : Prentice Hall International, 1992. – 327 p.
16. Biber, D. Longman Student Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, D. Conrad, S. G. Leech. – Harlow : Longman, 2002. – 497 p.
17. Fries, C.C. The Structure of English / C.C. Fries. – New York : Harcourt, Brace, 1952. – 304 p.
18. Hall, E.J. Grammar for Use / E.J. Hall. – Lincolnwood : NTC Publ., 1986. – 337 p.
19. Swan, M. Practical English Usage / M. Swan. – 3rd edn. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 690 p.
20. Sweet, H. A New English Grammar, Logical and Historical. Vol. 1: Introduction, Phonology, and Accidence / H. Sweet. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 540 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-62-69

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОНЛАЙН РЕСУРСОВ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ ВАРИАТИВНОСТИ НОРМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

У.М. Прошина

В статье делается обзор современных лингвистических онлайн ресурсов, доступных широкой аудитории, на которые стоит обратить внимание при рассмотрении отдельных употреблений на соответствие общепринятой норме и для определения узуса отдельных локальных вариантов, рассматривается ряд толковых словарей и корпусов английского языка. Обращается внимание на представление информации о вариантах английского языка в данных ресурсах. В качестве примеров рассматриваются слова и выражения *handphone*, *data* и *big data*. Делаются выводы о необходимости комплексного использования ресурсов разного плана при проведении исследований и для уточнения информации о соответствии отдельного употребления языковой норме.

Ключевые слова: варианты английского языка, вариативность, нормы, словари, корпусы.

USE OF LINGUISTIC ONLINE RESOURCES FOR CONSIDERING NORM VARIANTS IN LOCAL AND GLOBAL ENGLISHES

U.M. Proshina

The paper addresses useful linguistic resources that are freely accessible online and should be paid attention to when considering norm variants in local and global Englishes. A number of popular dictionaries and corpora of contemporary English and Englishes are reviewed. The inclusion of Englishes and information about English norm and standards in the resources is analyzed. The words and phrases *handphone*, *data* and *big data* are given as examples. The paper concludes that comprehensive use of online resources is needed when considering norm variants.

Key words: world Englishes, varieties of English, norms, dictionaries, corpora.

Введение

В эпоху глобализации английский язык выступает в качестве языка международного общения для людей разных национальностей, являясь неродным языком для большинства коммуникантов. В результате увеличения количества языковых контактов современный английский язык динамично меняется, появляются новые варианты английского языка, представляющие большой интерес для исследований в области вариантологии. Новые нестандартные употребления находят отражение в публикуемых текстах и живом общении, влияют на языковую норму и в ряде случаев закрепляются в языке.

Традиционными лингвистическими ресурсами, кодифицирующими нормативное употребление, являются словари. В эпоху бумажных словарей процесс фиксации новых слов, новых значений, новых форм был сильно растянут во времени, но и темпы глобализации были несколько ниже, чем в современном мире. Повсеместное использование сети Интернет способствовало не только наращи-

ванию темпов международного общения, но и дало возможность работы с постоянно обновляемыми и увеличивающимися в объеме текстовыми данными. Значительная часть новых текстов появляется онлайн в электронном виде, опубликованные ранее бумажные тексты оцифровываются и переводятся в электронный формат. Формируются корпусы текстов большого объема, а компьютерная поддержка дает возможность поиска в текстовых массивах большого объема. Целый ряд лингвистических корпусов находится в открытом доступе, а большинство современных толковых словарей включают в словарные статьи «живые» примеры из собственных мониторинговых корпусов.

В рамках данной статьи рассмотрим ряд лингвистических онлайн ресурсов, которые могут быть использованы для разбора отдельных случаев вариативности нормы в английском языке, приведем примеры и попытаемся определить, являются ли данные случаи локальными вариантами употребления или же свидетельствуют о более глобальных

Прошина Ульяна Михайловна – преподаватель кафедры лингвистики и информационных технологий факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Proshina Uliana Mikhailovna – Lecturer, Department of Linguistics and Information Technologies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: uproshina@yandex.ru

© Прошина У.М., 2021

изменениях в английском языке. Рассмотрение начнем с онлайн словарей, далее обратимся к корпусам и сервисам на основе корпусных данных, приведем примеры.

Современные онлайн словари

В относительно недавнем прошлом словарь был первым источником, к которому обращались преподаватели, переводчики и студенты-лингвисты при возникновении вопросов о соотношении отдельного употребления и языковой нормы в английском языке. Появление фундаментальных лексикографических работ было большим событием в мире лексикографии и лингвистики. Новые издания являлись предметом обсуждений, споров или же представляли собой новый эталон, фиксировавший изменившееся нормативное употребление.

В распоряжении современного лингвиста в настоящее время есть целый ряд инструментов, которые помогают сделать выводы о функционировании и использовании отдельных единиц на современном этапе развития языка: это корпуса, сервисы на основе корпусов и даже информационно-поисковые системы. Тем не менее, в отличие от словаря, никакой даже самый сбалансированный корпус с детальной разметкой не даст готовых рекомендаций о соответствии отдельного употребления языковой норме. На основании данных лингвистических корпусов исследователь может провести собственный анализ и сделать выводы о степени распространения отдельных вариантов употреблений языковых элементов, но именно словари ведущих издательств продолжают сохранять статус авторитетных источников, кодифицирующих нормативное употребление.

Современные словари в большинстве случаев уже не издаются в бумажном виде. В 2012 г. издательство Макмиллан объявило о том, что прекращает издавать словарь в бумажном виде, так как цифровое пространство является идеальной средой для современного словаря. Были обозначены следующие преимущества словаря в онлайн формате перед его бумажной версией:

- снимаются ограничения, связанные с книжным форматом (добавлены тезаурус, звуковое воспроизведение слов, звуковые эффекты, интерактивные игры и т.д.);

- словарь регулярно обновляется и исправляется;

- в онлайн формате издательство может добавить целый ряд дополнительных ресурсов, например блог об английском языке, в котором затрагиваются такие вопросы, как изменение языка, типичные ошибки и т.д.;

- есть колонка о сленге и модных словах Buzzword;

- пользователи могут внести свой вклад в развитие словаря, добавив самостоятельно новые слова, термины и т.д. в открытый словарь Open Dictionary [18].

К перечисленным преимуществам можно добавить еще такие возможности современных онлайн словарей, как наличие большого количества гиперссылок, позволяющих пользователю в один клик получать дополнительную информацию, наличие иллюстраций, примечаний, большое количество примеров, в том числе примеры из лингвистических корпусов. Значительно увеличилось и количество словарных статей. Словари английского языка теперь более оперативно и гибко реагируют на появление неологизмов, активно пополняются словами из локальных вариантов английского языка. Теперь лексикографам нужно решать вопрос не о критериях для включения отдельных единиц в словарь, а скорее о критериях для исключения отдельных элементов. Согласимся со словами А.Н. Баранова о том, что современная лексикография «существенно расширила и усилила свой инструментарий компьютерными технологиями создания и эксплуатации словарей» [1: с. 90].

Рассмотрим ряд популярных английских толковых словарей, которые доступны пользователям онлайн в открытом доступе. Для сравнения словарных статей в качестве примера возьмем существительное *handphone*, употребляющееся в азиатских вариантах английского языка. Зафиксировано ли данное локальное употребление в популярных английских толковых словарях? Какую информацию включает в себя словарная статья для данного существительного?

Обратимся прежде всего к одному из самых авторитетных английских словарей – **Oxford English Dictionary (OED)**. Отметим, что на сайте OED есть блог, в котором публикуются посты про английский язык, в том числе есть публикации про включение локальных вариантов английского языка в толковый словарь. К сожалению, словарь OED (<https://oed.com>) доступен только при наличии платной подписки. Тем не менее есть открытый ресурс Lexico (<https://www.lexico.com>), разработанный Oxford University Press в сотрудничестве с Dictionary.com. В разделе «о словаре» есть информация, что все дефиниции подготовлены лексикографами издательства Oxford [7]. Рассмотрим словарную статью для существительного *handphone* в английском толковом словаре **Lexico**. Данное существительное включено в словарь, есть транскрипция, возможность прослушать произношение, дефиниция ‘a mobile phone’, пометка *South East Asian*, пример использования данного существительного в предложении, кнопка для просмотра большего ко-

личества примеров [12]. Таким образом, существительное *handphone* включено в общий толковый словарь с пометкой, указывающей на локальное употребление данного слова в районе Юго-Восточной Азии.

Словарь **Cambridge Dictionary** ориентирован прежде всего на людей, изучающих английский язык как иностранный. Словарной статьи для существительного *handphone* в данном словаре нет [9].

Ресурс **Macmillan Dictionary** уже приводился в нашей статье в качестве примера современного обновляемого словаря большого объема. Более того, данный ресурс включает блог, в котором есть публикации про изменения в английском языке, в том числе про пополнение словаря словами из разных вариантов английского языка. В одном из постов упоминается существительное *handphone* [17]. Рассмотрим словарную статью для данного существительного. В словарной статье *handphone* есть информация о том, что данное исчисляемое существительное относится к малазийскому варианту английского языка, приведена транскрипция, есть возможность прослушать произношение, словоформы, дефиниция ‘a mobile phone’, один пример, ссылка на тезаурус [14]. Таким образом, пользователи словаря получают информацию о слове *handphone* как о существительном, относящемся к малазийскому варианту английского языка.

Еще одним популярным толковым словарем, доступным в режиме онлайн, является словарь **Longman**. Данный словарь хорошо демонстрирует разницу между британским и американским вариантами английского языка, но является учебным словарем и не включает примеры из вариантов английского языка внешнего и расширяющегося кругов (о теории трех кругов Б. Качру см.: [11]). Словарная статья *handphone* в данном словаре отсутствует [13].

Collins Dictionary является еще одним популярным словарем и открытым онлайн ресурсом, где можно найти интересные публикации об изменениях в английском языке, новых словах, добавленных пользователями, и словах, недавно добавленных в общий толковый словарь. Данный словарь включает словарную статью для существительного *handphone*, в которой содержится следующая информация про использование *handphone* “in British English”: транскрипция, аудиопроизношение, частеречная принадлежность, дефиниция ‘the usual SE Asian English term for mobile phone’, синоним *mobile phone* с дефиницией. В качестве примеров приведены два предложения из википедии со словом *handphone* [10]. Таким образом, пользователи словаря могут узнать, что данное слово вошло в английский язык из азиатских вариантов английского языка.

Словарь **Merriam-Webster** является авторитетным американским лексикографическим трудом на протяжении многих лет. Онлайн версия словаря представляет собой современный лексикографический ресурс, дающий доступ не только к бесплатной версии словаря, но и к различным материалам о языке, в том числе регулярно публикуются сообщения о новых словах, включенных в словарь. К сожалению, при запросе *handphone* открывается словарная статья *hand phone* с дефиницией-ссылкой на словарную статью *handset* [15]. Никаких помет о локальном употреблении данного существительного нет. Невнимательный пользователь может сделать выводы, что данное слово вошло в словарь, является синонимом слова *handset* и активно используется в американском варианте английского языка, но если внимательно прочитать сообщение под данной словарной статьей, то становится ясно, что данное слово включено в полную версию словаря, которая доступна по подписке, т.е. открытая бесплатная версия словаря не дает детальной информации об употреблении слова *handphone* в английском языке.

Таким образом, современные онлайн словари, находящиеся в открытом доступе, динамично развиваются, увеличиваются в объеме, взаимодействуют с пользователями из разных уголков мира и ориентируются не только на варианты внутреннего круга, но и включают информацию о языковых элементах внешнего круга [11]. Слово *handphone*, относящееся к малазийскому варианту английского языка, представлено в словарях Lexico, Macmillan Dictionary и Collins Dictionary, но данный вариант не отражен в учебных словарях Cambridge Dictionary и Longman. Что касается слов расширяющегося круга, то в статье в соавторстве с З.Г. Прошиной мы анализировали примеры из онлайн корпусов для выражения *homework*, которое иногда встречается в российском образовательном контексте. Мы пришли к выводу, что данное выражение не является уникальным русицизмом и обнаруживается в других вариантах английского языка [5]. В упомянутых выше толковых английских словарях данное выражение не представлено. Несколько примеров не дают возможности сделать общие выводы, и для полной картины необходимы дополнительные исследования на предмет объема включения в словарь языковых элементов внешнего круга и расширяющегося круга. Вхождение лексем в общий толковый словарь может свидетельствовать о значительном распространении слов и выражений из данных вариантов. Словарь дает готовые рекомендации по их использованию, но отражает отнюдь не все изменения, происходящие в языке. Для иллюстрации и анализа употреблений, вызываю-

щих вопросы, современные исследователи и студенты обращаются к лингвистическим корпусам и сервисам на основе корпусов.

Корпусы и сервисы на основе корпусов

В эпоху онлайн коммуникации и компьютерных технологий словари уже не являются единственным источником информации о современном языке. В распоряжении лингвиста появились новые инструменты, позволяющие просматривать и анализировать данные большого объема: лингвистические корпусы и сервисы на основе корпусов. Более того, информацию о современном употреблении отдельных единиц можно получить с помощью информационно-поисковых систем (Google, Яндекс), но данные системы не являются специальными лингвистическими инструментами, поэтому подобный поиск, как правило, характеризуется большим количеством «информационного шума» в результатах поиска. В отличие от информационно-поисковых систем лингвистический корпус характеризуется сбалансированным составом текстов, т.е. представляет собой уменьшенную модель языка и содержит тексты разных жанров, стилей, авторов в определенных пропорциях. Поиск нужной лингвистической информации упрощается благодаря наличию разметки, содержащей «особую дополнительную информацию о свойствах входящих в него текстов» [6].

Лингвистический корпус данных представляет собой «унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [3: с. 11], т.е. идеальный корпус является сбалансированным, размеченным и прагматически ориентированным. Для рассмотрения вариативности нормы в современном английском языке нужен прежде всего мониторинг корпус английского языка, т.е. постоянно развивающийся обновляемый и дополняемый корпус. Для разведения употреблений по вариантам нужен корпус, включающий данные из разных вариантов английского языка с соответствующими метками.

В распоряжении современного лингвиста есть ряд корпусов английского языка, но не все ресурсы являются открытыми и доступными для широкого круга пользователей. Часть корпусов, находящихся в открытом доступе, содержат тексты определенного временного промежутка и не подходят для анализа нормы в современном английском языке (Brown, LOB, BNC). Прежде всего обратим внимание на соответствие отдельных употреблений общепринятой норме и определим узус отдельных локальных вариантов.

Очень удобным ресурсом, содержащим целый ряд корпусов, является проект Марка Дэвиса, про-

фессора университета Бригама Янга. На главной странице проекта (www.english-corpora.org) на момент написания статьи представлено 19 корпусов английского языка. Корпусы доступны всем пользователям после бесплатной регистрации. Ресурс включает корпусный менеджер и предоставляет удобный интерфейс для онлайн работы с корпусами. Рассмотрим некоторые из корпусов, размещенных в рамках данного проекта.

Для наблюдения за изменениями в американском варианте английского языка следует прежде всего обратить внимание на один из самых популярных корпусов проекта М. Дэвиса. Корпус современного американского английского языка (**Corpus of Contemporary American English**, сокращенно **COCA**) является самым большим сбалансированным корпусом американского варианта английского языка. Объем корпуса составляет более 1 млрд слов. Корпус является мониторингным, пополняется несколько раз в год, на сегодняшний день включает тексты разных жанров с 1990 по 2020 г., в том числе в корпус включена устная речь. По запросу *handphone* корпус дает 7 употреблений, есть информация о времени фиксации (год), жанре, к которому относится найденный пример; результатом запроса *hand phone* являются 5 употреблений, отличных от результатов по запросу *handphone*.

Другой корпус **Global Web-Based English** (сокращенно **GloWbE**) в рамках проекта М. Дэвиса содержит 1,9 млрд слов и представляет 20 вариантов английского языка (США, Канада, Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Шри-Ланка, Пакистан, Бангладеш, Сингапур, Малайзия, Филиппины, Гонконг, Южная Африка, Нигерия, Гана, Кения, Танзания, Ямайка). Корпус содержит тексты из сети Интернет (в том числе тексты блогов), данные относятся к 2012–2013 гг. Данный корпус позволяет просмотреть употребление языковых элементов в обозначенных вариантах английского языка в указанном временном промежутке. По запросу *handphone* максимальное количество употреблений характерно для сингапурского варианта английского языка (196), затем следует малазийский вариант английского языка (170 употреблений). На третьем месте бангладешский вариант (10 употреблений). В остальных вариантах английского языка данное выражение в корпусе GloWbE встречается менее 10 раз. По запросу *hand phone* в результатах поиска в корпусе получено 54 примера из малазийского варианта английского языка, 10 примеров из сингапурского варианта английского языка. Корпусные данные иллюстрируют употребление выражений *handphone* и *hand phone* в малазийском варианте английского языка, что соответствует данным английских толковых

словарей. Дополнительно можно сделать выводы об употреблении данных выражений в сингапурском варианте английского языка.

Еще одним корпусом, позволяющим рассмотреть отдельные употребления по вариантам английского языка, является корпус **News on the Web** (сокращенно **NOW**). Данный корпус также размещен на сайте проекта М. Дэвиса. Корпус NOW в несколько раз превосходит корпус GloWbE по объему (более 11,9 млрд слов), включает новостные тексты из сети Интернет, относящиеся к 20 вариантам английского языка. Корпус ежедневно обновляется, включает тексты с 2010 г. По запросу *handphone* в корпусе найден 1621 пример. Есть возможность ограничить поиск определенным вариантом английского языка или временем публикации текстов. Если по запросу *handphone* ограничить выдачу малазийским вариантом английского языка, то на сегодняшний день сервис выдает 1219 примеров; при этом есть распределение употреблений по годам. Наибольшее количество раз выражение *handphone* встречалось в новостных малазийских текстах в 2017 г. (326 примеров). Для сравнения в 2020 г. данное выражение встречалось 136 раз. Раздельное написание выражения *hand phone* во всем корпусе встречается 132 раза (все варианты). Данный корпус подходит для диахронических исследований во временном промежутке с 2010 г. по настоящее время на материале новостных ресурсов сети Интернет и для исследований в области вариатологии.

Среди корпусов проекта English-Corpora.org отметим еще один проект, корпус **Coronavirus Corpus**. Как следует из названия, тематика корпуса ограничена новостными текстами сети Интернет о новой коронавирусной инфекции. В корпусе собраны данные из 20 англоговорящих стран с января 2020 г., объем корпуса на момент написания статьи составляет более 840 млн слов.

Мы уже упомянули возможность проведения диахронических исследований на материале некоторых корпусов проекта English-Corpora.org. Следует отметить крупный и оригинальный диахронический проект **Google Ngram Viewer** (<https://books.google.com/ngrams>), созданный на материале оцифрованных и размеченных текстов книг проекта Google Books. Были сгенерированы корпуса для разных языков. Для английского языка в настоящее время доступно 13 корпусов. Корпус **English 2019** позволяет просмотреть частоту употреблений языковых единиц с 1800 по 2019 г. в текстах книг. Есть возможность сравнить частоту употреблений в американском и британском вариантах английского языка; есть отдельные корпуса **American English 2019** и **British English 2019**. Результаты поиска выводятся в

виде графиков. Если графический интерфейс Google Ngram Viewer окажется неудобным для проведения исследования, то в проекте под руководством М. Дэвиса представлена часть корпуса проекта Google Books Ngram с альтернативным интерфейсом.

Еще одним очень крупным корпусным проектом является совместный проект Братиславского университета имени Коменского и Словацкой академии наук (<http://unesco.uniba.sk/guest/index.html>). В рамках проекта создано семейство корпусов **Aranea**, состоящее из сопоставимых веб-корпусов, созданных по технологии WaC. Суть технологии заключается в объединении двух методологий извлечения данных для корпуса из сети Интернет. Сначала с помощью сервиса BootCaT путем нескольких итераций собирались URL-адреса (более 200 тысяч). Потом эти адреса интеракционно подавались на вход программы SpiderLing. Этот процесс потребовал мощной вычислительной техники и занял несколько месяцев непрерывной работы вычислительного комплекса [3: с. 85]. В настоящее время на сайте проекта для английского языка пользователям доступны корпуса Araneum Anglicum II (данные для корпуса были собраны из сети Интернет с 2013 по 2017 г.), Araneum Anglicum Africanum (английский язык Африки) и Araneum Anglicum Asiaticum (английский язык Азии). Без регистрации пользователи могут осуществлять поиск по уменьшенной версии корпусов (120 млн токенов), после бесплатной регистрации предоставляется доступ к сверхбольшим корпусам. Поиск по корпусам осуществляется с помощью корпусного менеджера NoSketch Engine. По запросу *handphone* в корпусе Araneum Anglicum II Minus 120 M найдено 16 совпадений, в корпусе Araneum Anglicum Asiaticum Minus 120 M – 115 совпадений, в корпусе Araneum Anglicum Africanum Minus 120 M – всего одно совпадение. Данные корпуса могут быть использованы для сопоставительных исследований, рассмотрения употреблений языковых единиц в регионах Азии и Африки.

Таким образом, в распоряжении современного исследователя есть целый ряд корпусов, находящихся в свободном доступе. Сверхбольшие корпуса собраны из текстов сети Интернет, но есть спонсированные корпуса (например, COCA). Ряд корпусов позволяет проводить диахронические и сопоставительные исследования.

Пример использования лингвистических онлайн ресурсов

Несколько лет назад развернулся спор вокруг существительного *data*. В 2012 г. на страницах газеты “The Guardian” был опубликован пост *Data are or data is?* [16]. Ресурс Merriam-Webster в отдельном сообщении обращает внимание пользовате-

лей словаря на категорию числа существительных, заимствованных в английский язык из латыни [8]. В 2016 г. Н.К. Власко была проанализирована специфика функционирования формы *data* в научном тексте: «...несмотря на включение формы *data* в значении единственного числа в словари ... и на "благоклонное" отношение к ней авторитетных авторов, утверждать, что данный вариант получил широкое употребление в научном тексте, нельзя» [2].

Действительно, категория числа является одним из участков нестабильности у существительных, где нередко наблюдается варьирование и отклонение от нормы. Рассмотрим, какую информацию о форме существительного *data* содержат современные лексикографические ресурсы, проанализируем частотность употреблений *data is* и *data are* в корпусах COCA, GloWbE и Coronavirus Corpus, в сервисе Google Ngram Viewer, сделаем выводы об употреблении популярного на сегодняшний день выражения *big data*.

Оксфордские лексикографы в словаре Lexico относят *data* к неисчисляемым существительным (пометка *mass noun*), есть примечание по использованию данного слова, в котором указывается, что *data* в настоящее время воспринимается как неисчисляемое существительное и сочетается с глаголом в единственном числе, но в научном контексте исторически является формой множественного числа существительного *datum* [12]. В словаре Macmillan находим аналогичное указание на возможное сочетание с глаголом во множественном числе в научных текстах [14]. Словарь Collins разграничивает употребление данного существительного в британском и американском вариантах английского языка: в американском варианте английского языка *data* обычно является существительным во множественном числе, а в британском варианте английского языка в технических текстах и официальном стиле иногда используется как форма множественного числа, но в остальных случаях является неисчисляемым существительным [10]. В американском словаре Merriam-Webster в примечании для пользователя (*usage guide*) указывается, что *data* может употребляться и как существительное во множественном числе, и как абстрактное неисчисляемое существительное. Отмечается, что обе формы являются стандартными, но употребление *data* в качестве существительного во множественном числе больше характерно для печатных изданий [15]. Учебный словарь Cambridge отмечает возможное употребление *data* как с глаголом в единственном числе, так и с глаголом во множественном числе [9]. Словарь Longman советует использовать *data* с глаголом в единственном числе в повседневном общении, а с глаголом во множе-

ственном числе – в научных и официальных текстах [13]. Таким образом, согласно информации из словарей *data is* используется в повседневном общении, *data are* – в научных текстах; есть информация о том, что выражение *data is* больше характерно для британского варианта английского языка, чем для американского английского.

В корпусе американского английского языка COCA по запросу *data is* получаем 5457 совпадений, из них 1196 относятся к научному стилю. Выражение *data is* со временем используется чаще: 332 совпадения в период с 2005 по 2009 г., 533 – с 2010 по 2014 г., 755 – с 2015 по 2019 г. По запросу *data are* в корпусе на сегодняшний день получаем 4749 совпадений, из них 2882 относятся к научному стилю. Со временем выражение *data are* встречается в корпусе чаще: 460 совпадений в период с 2005 по 2009 г., 706 – с 2010 по 2014 г., 780 – с 2015 по 2019 г. Действительно, наблюдается предпочтение использования *data are* в научных текстах, но при рассмотрении целого корпуса оба выражения употребляются в американском варианте английского языка, есть небольшое преобладание в использовании *data is*. Увеличение количества совпадений по обоим запросам со временем свидетельствует о цифровизации современного общества, о важности данных в современном мире. Если рассмотрим популярное на сегодняшний день выражение *big data*, то в корпусе COCA количество совпадений каждые пять лет увеличивалось: 4 совпадения в период с 2005 по 2009 г., 176 – с 2010 по 2014 г., 481 – с 2015 по 2019 г. При этом *big data is* встречается в корпусе значительно чаще, чем *big data are* (112 и 8 совпадений соответственно).

В корпусе GloWbE *data is* встречается 17 779 раз, из них 4304 совпадения получено для американского варианта английского языка, 4083 – для британского варианта английского языка, но если принять во внимание неравномерность подкорпусов по объему и рассмотреть частоту на миллион (коэффициент *per mil*), то получаем следующие данные: 12.98 Индия, 11.64 Гонконг, 11.13 США, 10.96 Австралия, 10.53 Великобритания. Выражение *data are* встречается 6094 раза, 1839 раз в американской части корпуса, 1292 – в британских текстах, но при рассмотрении частоты на миллион получаем следующие данные: 4.75 США, 4.35 Гонконг, 3.62 Бангладеш, 3.34 Канада и 3.33 Великобритания. Данный корпус не является сбалансированным в отличие от COCA и состоит из текстов 2012–2013 гг., но можно сделать выводы, что в повседневном английском языке выражение *data is* является наиболее часто используемым.

Можно предположить, что слово *data* будет встречаться довольно часто в текстах новостей о

новой коронавирусной инфекции. Сравним частоту совпадений в результатах поиска *data is* и *data are* по корпусу Coronavirus Corpus. Количество совпадений для *data is* в результатах поиска значительно превышает количество совпадений для *data are* (16 146 и 3861 соответственно). При этом для *data is* частота на миллион значительно выше для британского варианта английского языка, чем для американского варианта (41.13 Великобритания и 16.55 США). Сочетание *data are*, согласно частоте на миллион, больше характерно для американских новостных изданий, чем для британской прессы (6.07 США, 3.56 Великобритания).

Рассмотрим употребление существительного *data* в сервисе Google Ngram Viewer. В корпусе English 2019 в книгах Google *data are* встречается чаще, чем *data is*. В 1981 г. наблюдается максимальное количество употреблений *data are*, а после 1981 г. кривая *data are* начинает спускаться к кривой *data is*; при этом значительного уменьшения употреблений *data is* не наблюдается. В 2019 г. кривые *data is* и *data are* находятся очень близко друг к другу: встречаемость *data are* немного выше, чем *data is*. Встречаемость выражений *big data is* и *big data are* в корпусе English 2019 заметно растет с 2008 г. В 2019 г. количество употреблений *big data is* превышает употребление *big data are* более чем в два раза. Если сравнить графики *data is* и *data are* в корпусах American English 2019 и British English 2019, то в 2019 г. *data are* встречается чаще, чем *data is* в обоих вариантах, при этом разница между употреблениями немного меньше в британском варианте английского языка. Таким образом, данные Google Ngram Viewer говорят об увеличении употреблений существительного *data* в качестве неисчисляемого существительного, в британском варианте английского языка данное употребление на сегодняшний день является более распространенным, чем в американском варианте английского языка. Количество употреблений термина *big data* постепенно увеличивается, при этом *data* в большинстве случаев в составе данного термина рассматривается как неисчисляемое существительное и сочетается с глаголом в единственном числе, что может свидетельствовать о глобальной тенденции переосмысления формы существительного *data*, но прогнозировать, выйдет ли из употребления *data* как форма множественного числа данного существительного, на данном этапе развития языка еще рано.

Заключение

Современные онлайн словари предоставляют пользователям гораздо больше информации, чем словари в эпоху бумажных изданий. Словари постоянно обновляются как лексикографами, так и пользователями; ряд лексикографических ресурсов

включает лексемы, относящиеся не только к вариантам внутреннего круга, но в современных популярных онлайн словарях можно найти примеры лексем из вариантов внешнего круга. Заметно увеличилось количество и качество приводимых иллюстративных примеров. Тем не менее не существует одного идеального словаря, поэтому пользователям необходимо обращаться к разным лексикографическим ресурсам, а в случае наличия противоречивой информации и с целью проведения исследований у современного лингвиста есть возможность обращаться к корпусам, находящимся в свободном доступе. В отличие от словаря корпус не дает готовых рекомендаций, но пользователи корпусов получают возможность рассмотреть употребление языковых элементов на материале большого количества примеров, в текстах разных временных периодов, разных жанров, рассмотреть употребление данных единиц в разных вариантах английского языка, что является важным для определения «локальности» отдельных употреблений и для выводов о «глобальности» отдельных процессов. Современные лингвистические онлайн ресурсы играют важную роль в работе лингвиста, при этом важно не только иметь представление о наиболее актуальных ресурсах, но и выбрать наиболее подходящие ресурсы для решения конкретной задачи, уметь использовать выбранные ресурсы. В заключение приведем цитату из монографии под ред. Л.Н. Беляевой о важности и необходимости работы специалиста: «Никакая лингвистическая технология ни сейчас, ни в будущем не отменит необходимость работы специалиста» [4: с. 157].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – Изд. 5-е. – Москва : Ленанд, 2017. – 368 с.
2. Власко, Н.К. Проблемы грамматической вариативности и нормы в практике преподавания английского языка / Н.К. Власко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 3-2. – С. 129–132. – URL: https://publikacia.net/archive/uploads/pages/2016_3_2/35.pdf (дата обращения: 05.12.2020).
3. Захаров, В.П. Корпусная лингвистика / В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. – 234 с.
4. Лексикографический потенциал современных лингвистических технологий : монография / Л.Н. Беляева, О.А. Данилова, Т.Л. Джепа [и др.] ; под ред. Л.Н. Беляевой. – Санкт-Петербург : Книжный Дом, 2014. – 168 с.
5. Прошина, З.Г. Вариативность, норма и корпусная лингвистика в учебном дискурсе / З.Г. Прошина, У.М. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т. 16, Вып. 1. – С. 36–43.
6. Что такое Корпус? – URL: <https://ruscorporga.ru/new/corpora-intro.html> (дата обращения: 21.12.2020).
7. About // Lexico. Powered by Oxford. – 2020. – URL: <https://www.lexico.com/about> (дата обращения: 09.12.2020).

8. All About Latin Plurals // Merriam-Webster. – 2020. – URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/formation-of-latin-plurals> (accessed: 22.12.2020).
9. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (accessed: 22.12.2020).
10. Collins. – 2020. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (accessed: 22.12.2020).
11. *Kachru, B.B.* Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle / B.B. Kachru // *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures* / Ed. by Randolph Quirk and H.G. Widdowson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – P. 11–30.
12. Lexico. Powered by Oxford. – 2020. – URL: <https://www.lexico.com/definition/> (accessed: 22.12.2020).
13. Longman. – 2020. – URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/> (accessed: 22.12.2020).
14. Macmillan Dictionary. – 2020. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (accessed: 22.12.2020).
15. Merriam-Webster. Since 1828. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed: 22.12.2020).
16. *Rogers, S.* Data are or data is? / S. Rogers // *The Guardian*. – 8 Jul. 2012. – URL: <https://www.theguardian.com/news/datablog/2010/jul/16/data-plural-singular> (accessed: 22.12.2020).
17. *Rundell, M.* New year, new words: Macmillan Dictionary's latest update / M. Rundell // *Macmillan Dictionary Blog*. – 2017. – URL: <http://www.macmillandictionaryblog.com/new-year-new-words-macmillan-dictionary-latest-update> (accessed: 22.12.2020).
18. *Rundell, M.* Stop the presses – the end of the printed dictionary / M. Rundell // *Macmillan Dictionary Blog*. 2013. – URL: <http://www.macmillandictionaryblog.com/bye-print-dictionary> (accessed: 20.12.2020).

СЛОВО В КУЛЬТУРЕ

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-70-76

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ПОДАРОК» В ИРАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ)

Н. Калаши

Данная статья посвящена изучению компонентов концепта «подарок», выявлению и сопоставлению признаков этого концепта в иранской и русской лингвокультурах. Концепт «подарок» входит в число тех базисных концептов, в которых отображаются признаки, значимые для понимания лингвокультуры обоих народов. С этой точки зрения прежде всего рассматриваются лингвокультурные, историко-этимологические характеристики этого концепта в иранском и русском языковом сознании, отражённые во фразеологизмах и разных словарях. Полученный материал является частью подготовки будущего русско-персидского лингвокультурологического учебного словаря.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, подарок, русский язык, персидский язык, сходство, различие, культурные ценности, обучение.

COMPARATIVE ANALYSIS AS A GROUND FOR CREATING AN EDUCATIONAL DICTIONARY OF CULTURAL LINGUISTICS (BASED ON THE "GIFT" CONCEPT IN THE IRANIAN AND RUSSIAN LINGUACULTURES)

N. Kalashi

This article covers the study of the components of a gift process concept, the identification and comparison of the features of this component in Iranian and Russian linguistic cultures. The concept of "gift" is one of the concepts that display signs that are significant for understanding the linguistic culture of both peoples. From this point of view, first of all, the linguacultural, historical and etymological characteristics of this concept in the Iranian and Russian linguistic consciousness, reflected in phraseological units and different dictionaries, are examined. The obtained material is part of the preparation of the future Russian-Persian educational dictionary of cultural linguistics.

Key words: linguacultural concept, gift, Russian language, Persian language, similarity, difference, cultural values, teaching.

В современной теории преподавания иностранных языков активно развивается идея о том, что эффективная речевая коммуникация с носителями изучаемого языка невозможна без понимания особенностей их культуры и мировоззрения. Трансляция иностранной лингвокультуры в процессе обучения языку осуществляется через систему базовых концептов – интегральных единиц сознания, культуры и языка, которые заложены в текстах и коммуникативных ситуациях, предлагаемых на уроке. В связи с этим актуальной видится не только проблема отбора социокультурной информации, но и проблема представления ценностно-смыслового содержания ключевых концептов изучаемой лингвокультуры в учебном материале [10: с. 78]. Концепт по своей природе анализируется в контексте других явлений и изучается на материале пословиц

и поговорок, идиом, клише литературных произведений. Если слово реализует себя в контексте речи, то концепт проявляется в контексте культуры.

Близкое нам определение концепта дано В.И. Карасиком, по мнению которого, концепты характеризуют бытие во всей его полноте, от обиходного состояния до выхода на смысловые ориентиры поведения [11: с. 263]. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин выделяют в структуре концепта 3 слоя: понятийный, ценностный и образный [12: с. 3–16]. Не во всех концептах языка отчетливо проявлены все эти компоненты и зоны. Многие концепты «носят эмпирический характер (*бежать, красный, окно, рука, ноги, голова* и т.п.)» [17: с. 35].

Лингвокультурный концепт как ментальная единица непосредственно связан с культурой. Когда учащийся проникает в новую для него культу-

Калаши Нахидех – преподаватель русского языка университета «Аль-Захра» (г. Тегеран); аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).

Kalashi Nahideh – Member of the Academic Association of Alzahra University (Tehran); PhD student of the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow).

E-mail: n.kalashi@alzahra.ac.ir

© Калаши Н., 2021

ру, он одновременно должен знакомиться с элементами национальной культуры: духовной жизнью, искусством, национальными традициями, политикой, экономикой. И в этом смысле овладение содержанием лингвоконцептов становится одним из важнейших средств овладения социокультурной компетенцией как одной из важнейших частей общей коммуникативной компетенции русского языка как иностранного (РКИ). Вот почему создание сравнительного лингвокультурологического словаря становится одной из важных задач преподавания РКИ. И эта значимость подчёркивается тем фактом, что на данный момент содержание иранских лингвоконцептов в сравнительном анализе с русским языком изучено ещё совершенно недостаточно.

Во многих исследованиях по методике преподавания РКИ концепт является образовательным объектом изучения русского языка, когда в целях составления лингвокультурологической части общей программы в русской лингвокультуре выделяются культурно значимые концепты, смысл которых раскрывается в сопоставлении с соответствующим иранским концептом, после чего происходит углубление в языковой материал определённой предметно-содержательной сферы выделенного концепта для формирования у иностранца полноценной «русской» языковой картины мира в общей коммуникативной компетенции учащегося. И.А. Шерстобитова называет данную методику концептной [21: с. 114–116]. Концепт формируется на основе языка, опосредован языком и служит основной единицей национального менталитета, по словам Ю.С. Степанова, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек ... входит в культуру» [18: с. 43]. Концепт выражает не только совокупность признаков объекта, но и те представления, знания, ассоциации, переживания, которые с ним связаны, и значение слова является частью концепта, оно имеет более узкое содержание. Можно сказать, что национальная культура – это система концептов, которая передаётся из поколения в поколение. Такие концепты, как *любовь, дружба, семья, дом, вера, закон, счастье, труд* и др., существуют в каждой культуре, но у носителей разных культур они вызывают разные ассоциации, не совпадающие или совпадающие частично. Концепты могут выражаться безэквивалентными лексическими единицами, фразеологическими, афористическими средствами [4: с. 36], прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками. Отсутствие межкультурных знаний и умений может привести к коммуникативным неудачам в общении с собеседником. Используемый

иностранному языку должен научиться понимать, почему люди другой культуры поступают определённым образом в каждой конкретной коммуникативной ситуации. Чем обширнее знания о чужой культуре, тем меньше возможность появления коммуникативных неудач в общении с носителями языка. Под коммуникативной неудачей понимается «ситуация, когда намерение говорящего не достигает намеченной цели», происходит «... полное или частичное непонимание высказывания партнёра по коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [14: с. 44].

С появлением в методике лингвокультурологического направления лингвокультурный концепт становится базовой единицей «описания и исследования в лингводидактических целях» [20: с. 139]. Лингвокультурология на современном этапе обладает широким спектром методов и приемов изучения концептосферы. Изучение феномена *подарка* и самого процесса дарения вызывает большой интерес психологов, социологов, историков, экономистов и имеет весьма давнюю историю. Уже Аристотель обращал внимание на то, что значение подарка заключено не столько в его материальной ценности, сколько в том, что он является знаком уважения и почёта [1].

В.И. Ильин, анализируя феномен *подарка*, предложил иерархию социокультурных сетей, ядром которых является семья: семья, родные близкие, неформальный круг друзей, коллеги и знакомые. По мере удаления от ядра (семьи) меняется характер взаимоотношений между членами социальной общности, а значит, и характер дарения. Отношения становятся более отдалёнными, а подарки носят меньше оттенка чувств, становятся более безличностными и утилитарными [9].

Для иллюстрации нашего подхода мы решили взять концепт «подарок», который исторически занимает важное место в системе традиционных ценностей двух культур. Отношение к этому концепту обусловлено историей, бытом, особенностями экономической, политической, культурной жизни, мифологическими и религиозными представлениями этноса. В каждой стране, в рамках каждой религии существуют свои особенности выбора и преподнесения подарка. Общим является лишь то, что подарок и процесс дарения являются важными составляющими любой современной культуры.

Традиция делать подарки, которую мы знаем сейчас, зародилась ещё в первобытно-общинном строе. Племена древних людей на разных континентах поклонялись языческим богам, позже – идолам и жрецам. Ритуальные подношения из цветов, плодов, животных, а в некоторых племенах и людей, часто сопровождалась песнопениями и танца-

ми. Все это должно было задобрить и умили- стивить богов, в которых верили люди. Тех богов, которые могли иссушить землю или наслать наводнение, напугать ураганом или молнией и громом, от- вернуть удачу на охоте или рыбалке, подарить или забрать жизнь. Позже обмен дарами стали совер- шать разные племена между собой. Наскальные рисунки, найденные археологами, передают по- дробности языческих традиций древних людей. Мироззрение традиции дарения подарков в лю- бой культуре имеет собственное содержание и набор концептов. Таким образом, лингвокультур- ный концепт «подарок» относится к универсаль- ным концептам, поскольку он встречается во всех культурах и языках, и, следовательно, имеет широ- кий ряд соотносительных понятий, т.е. коррелятов. Учащийся должен не просто понимать языковое выражение, он должен осмыслить, что хочет выра- зить его партнёр по коммуникации, какую инфор- мацию тот хочет сообщить, смысл высказанного. И в этом ему поможет знание культурных традиций.

В.И. Даль определяет глагол *подарить* как «от- дать вовсе, бесплатно, бесповоротно, безмездно». На Руси с древних времен ценилась не стоимость подарка, а внимание: *Не дорог подарок, дорога лю- бовь*. Считалось, что подарок от чистой души при- носит счастье, благополучие, достаток. Подарки же со злым умыслом способны навредить. Народные пословицы призывали получателя подарка быть бдительным (*Подарки глаза слепят*), а также по общепринятой традиции отвечать взаимностью (*Любишь подарки, люби отдарки*). В народных вы- сказываниях подчеркивалась добровольность даре- ния, способность подарка выражать чувства даря- щего к одариваемому: *Кого люблю, того пода- рю* [б: с. 4599–4600].

На Руси подарки всегда любили, в них умели находить тайный смысл и счастливые вести. В многочисленных сказочных преданиях говорится о подаренном ноже, на котором проявляется кровь, если его обладатель попадал за морем в беду. Или о том, как по подаренному кольцу жених узнаёт свою невесту. Также не случайно в сказках большинство чудесных предметов герой не находит, а получает в дар: будь то клубок, указывающий дорогу, или кольцо, исполняющее желания. На Руси у слова *подарок* был брат-близнец – *гостинец*, произо- шедший от слова *гость*. Нетрудно заметить, что оно однокоренное со словом *гость*: раньше, да и сейчас, по обычаю, человек всегда должен был входить в дом с подарком, и его готовы были в этом доме ответно *отдарить*. Святочный обычай колядования также имел *подарочный* смысл – бы- товало убеждение, что зажиточная жизнь связана не только с обилием на столе и в погребках, но и с обязательной щедростью, готовностью делиться и

одаривать близких. На масленицу дарили узорча- тые пряники с надписями: *Кого люблю, того дарю, От милого подарок дороже золота* [16]. Также до сих пор жив обычай обмениваться на Пасху краше- ными яйцами.

Во времена СССР существовала расхожая фра- за, пропагандируемая СМИ: «Книга – лучший по- дарок». В настоящее время все более в подарке начинает цениться не его материальная стоимость, а тот смысл, который в нем заключен.

Дарение, обычай дарить подарки возвращается к далекому прошлому и является одной из националь- ных традиций иранских народов. На самом деле по- дарок в иранской традиции – это попытка сделать человека счастливым без каких-либо ожиданий. Иранцы по своей богатой культуре с далеких времен всегда пытались порадовать собеседника. Можно считать, что это практика самопожертвования и практика продвижения доброй мысли и любви. А также в религиозном смысле подарок имеет сход- ное значение с даром, пожертвованием или обетом, который на самом деле является даром творцу. Но, как правило, преподнесение подарка связано с ка- ким-то поводом: определённым событием, обычаем или праздником. Поводы к подарку бывают самые разные. Самые распространённые из них:

- обычаи и праздники (день рождения, юбилей, Новый год, свадьба, религиозные и светские празд- ники);
- выражение признательности, благодарности;
- выражение любви или дружбы;
- выражение сочувствия;
- выражение симпатии.

Итак, можно рассматривать дарение подарков как важный социальный капитал, который люди в сообществе используют в разное время. И каждая деталь подарка (цвет, сам предмет, способ дарения, этикет принятия и т.д.) наделяется своим смыслом и имеет свое значение. Давняя традиция дарения подарков является важной частью культурного, социального, человеческого, семейного и даже по- литического взаимодействия во всех странах. Пси- хологические и философские последствия этого символического хода ни от кого не скрываются. Люди косвенно выражают любовь и привязанность в своем особом способе общения друг с другом, каждый из которых напоминает о чьей-либо ценно- сти, один из таких способов – это подарок.

В прошлом была традиция дарить подарки не только во время празднований, но и на похоронах, и иранцы предлагали подарки для ободрения и со- переживания родственникам и близким. Например, хозяину дома приносили такие подарки, как рис, сахар, масло и др. В Иране принято, что при полу- чении подарка люди обычно отказываются не- сколько раз от подарка (в иранской культуре это

называется *таароф* и обозначает уважение), а человек, который принес подарок, должен настаивать на принятии. Подарки не открывают перед лицом, удостоенным подарка. Обычно для первого визита дарят в качестве подарка разные виды сладостей, конфеты. Подарок должен преподноситься правой рукой в самый первый момент встречи. Материальная ценность подарков не важна, и подарки обычно выбираются в соответствии со вкусом того, кому подарок предназначается.

В современном Иране и России можно дарить что угодно, все зависит от достатка. Часто дарят сертификат, например, на покупку книг, одежды – чего угодно. Русские в отличие от иранцев редко дарят в обычных семьях дорогие подарки детям. Но подарки стараются делать на все большие праздники. В России, как правило, дарят нечётное количество цветов, чётное приносят на похороны. В Иране количество цветов в букете не важно, но может иметь значение, например, цвет: белые цветы – символ чистоты, а розовые – символ любви, их принято дарить юным девушкам, желтые – к разлуке.

Таким образом, придерживаясь точки зрения составителей Краткого словаря когнитивных терминов, считаем, что концепт следует рассматривать в качестве *кванта знания*, *схваченного* словами или словосочетаниями, обеспечивающими как сохранение опыта этноса, так и непосредственно получение этого опыта. Так, при семантизации слова «подарок» необходимо объяснить учащимся, что русские обычно дарят друг другу, сравнивая это со своим родном языком. Таким образом учащиеся получают некоторые лингвострановедческие знания об особенностях природы русского характера, русского менталитета.

Тема подарков очень многообразна. Подарки можно рассматривать с различных точек зрения: подарок как часть обрядов и ритуалов, как важное средство коммуникации, позволяющее устанавливать связь как между индивидами, так и с государствами. В каждом конкретном случае подарок выполняет различную функцию: взятка, милостыня, знак внимания, чистосердечное подношение.

В этическом отношении важно помнить и о том, что подарок часто накладывает определенные обязательства на своего адресата, например, требует ответного равнозначного подарка спустя некоторое время. Возвращаясь к культурологическим особенностям акта дарения, можно отметить, что взаимное преподношение равнозначных подарков в Иране является традицией, которая не зависит от желания дарителя. Это ритуал, требующий ответного поступка [8: с. 82].

Работа с фразеологизмами в университетах способствует расширению словарного запаса студентов, что является очень важным фактором для пер-

соговорящих студентов, начинающих изучать русский язык. Практическая цель изучения фразеологии в иранской аудитории – познакомить учащихся с наиболее употребительными русскими фразеологическими единицами и научить использовать их в своей речи. При отборе фразеологического материала надо учитывать актуальнейший на сегодняшний день культурологический аспект изучения фразеологии. В условиях отсутствия языковой и культурной среды носителей русского языка изучение русской фразеологии является особенно востребованным и актуальным.

Наиболее простым для понимания из всех средств всегда было сравнение. Фразеологизмы, основывающиеся на сравнении, не вызывают трудностей у студентов, изучающих русский язык. В качестве эмпирического материала мы используем устойчивые выражения (из русского и персидского языков), и для анализа было привлечено более 20 устойчивых выражений, в которых речь идет о подарке в разных значениях. Например, *Дар – не купля: не хаят, а хвалят*. Эта пословица показывает, что не надо неодобрительно отзываться о подарке, который не понравился, т.е., даже если тебе подарок не понравился, всё равно его надо хвалить. У этой пословицы есть синонимичное выражение: *Дарёному коню в зубы не смотрят*. В персидском языке есть эквивалент этой пословицы: *ندانان اسب پیشکشی را نمی شمارند*. Не надо выражать недовольства подаренной (или доставшейся даром) вещью.

Другой пример: *Дарами брать хорошо, а отдавать – худо*. Это о людях, которые сами берут, но ничего не отдают. В персидском менталитете и культуре обмен дарами в рамках традиционнo-бытовой культуры иранского народа имеет свою специфику и особенности. Традиционное иранское общество основывалось на духе взаимопомощи и солидарности. К примеру, брачный обмен дарами [15]. Вещевой обмен приводил в движение социальную символику, обмениваемые дары расценивались как выражение уважения, почтения, благопожелания. В связи с этим можно привести такие примеры: *Подарки любят отдарки. = Долг платежом красен. ضیافت پای پس هم دارد/ هر مهمانی رفتنی، مهمانی داننی هم دارد* «На каждый визит надо делать ответный визит». *کاسه همسایه دو پا دارد* «Чашка соседа имеет две ножки» [5].

Кроме этого, во многих хадисах (изречениях) пророк Мухаммад (Мир ему и благословение) призывает верующих обмениваться подарками, так как это укрепляет добро и любовь. Сам пророк дарил и принимал подарки. Подарок приносит любовь *هدیه محبت می آورد* – *Не дорог подарок, дорога любовь*. (Добрые чувства, хорошее отношение дороже, приятнее подарков) [3], так говорят, когда видят в подарке (чаще недорогом) проявление хорошего отношения, внимание того, кто этот подарок сделал).

Кроме этого, в персидском языке есть другие пословицы и притчи, связанные с религией и культурой иранского народа. Например, Муравей приносит Сулейману ножку Саранчи. *ان ملخی پیش سلیمان برندن، عیب است و لیکن هنر است از موری* Сулейман – легендарный царь, имевший волшебный перстень, дававший ему власть над духами. В исламе он почитается как один из шести великих пророков. Легенда гласит, что муравей, оказывая почтение пророку Сулейману, на празднике дароприношений принёс ему ножку саранчи, и этот подарок был оценен пророком выше всех прочих, что нашло отражение в стихах поэтов, в том числе у Омара Хайяма [19: с. 492].

Зеленый лист – подарок от дервиша *برگ سبز بیست تحفه درویش* Здесь подарок используется как сувенир *تحفه* [7: с. 517]. Эта фраза чаще употребляется в случае, когда человек, преподнося подарки, сувениры, выражает комплиментами важность лица, кому делается подарок, и при этом подчёркивает незначительность подарка, демонстрируя собственную уничижительность.

В русском языке есть очень известное крылатое выражение, которое взято из поэмы Гомера: *Бойтесь данайцев, дары приносящих*. Древнегреческий поэт Гомер в своей поэме «Иллиада» называет данайцами греков, участников Троянской войны. Они взяли Трою с помощью хитрости и коварства, оставив у стен города деревянного коня с вооружёнными воинами внутри. Троянцы втянули подарок в город, несмотря на предупреждения жреца Лаокоона. Выражение *дары данайцев* означает подарки, которые приносят беды. Для данной пословицы в персидском языке нет никакого соответствия, поэтому, если она встречается в изучаемом тексте, следует комментировать содержащуюся в выражении культурно-значимую информацию, чтобы учащиеся могли понять значение выражения и его роль в тексте.

Некоторые из пословиц в обоих языках связаны со значением важности самого подарка, а не его стоимости: *Даровой огурец лучше купленной дыни*. (эквивалент: *سرکه یی مفت شیرین تر از عسل است* «Полученный уксус лучше обещанной халвы»). Еще пример: *Даровое в зубах не вязнет*, *شیرابی مفت باشه قاضی هم می خورد / مفت باشد، کوفت باشد* [13: с. 235] – имеется в виду, что от представления подарка никто не откажется, любой подарок приятен, пусть и недорогой.

В различных общественных сферах, особенно сферах административных, политических, экономических отношений, очень часто словом «подарок» обозначается взятка. Целенаправленная борьба со взятничеством в России ведется, по крайней мере, уже нескольких столетий. При Петре I в России начала расцветать коррупция, но правитель постоянно с ней боролся. Так, Петром I был издан

указ «О воспрещении взяток и посулов». В период царствования семьи Романовых коррупция оставалась частью дохода многих государственных служащих. В 1726 г. из-за отсутствия в казне денег Екатерина I постановила, что жалование отныне будет выплачиваться только президентам коллегий (министрам), «а приказным людям не давать, а довольствоваться им от дела по прежнему обыкновению от челобитчиков, кто что даст по своей воле, понеже и наперед того им жалованья не бывало, а пропитание и без жалованья имели». Александр I «воспрещал приносить подарки начальникам губерний и другим чиновникам», Николай I наложил запрет на прием «приношения от общества». К уголовной ответственности привлекались чиновники и гражданские служащие за «мздоимство», понимаемое Уложением о наказаниях от 1845 г. как прием денежных, вещевых и других подарков [2: с. 245–249]. Но, конечно, с разной степенью строгости борьба с коррупцией и взятками ведется практически в любой стране мира. Приведем некоторые устойчивые выражения в обоих языках.

Пословица *Сухая ложка рот дерет* в значении «Не поблагодарив заранее, ничего не получишь» тонко намекает на необходимость вознаграждения. Показывается, что *сухое* обращение к должностному лицу не дает делу ход, тогда как приношение гарантирует положительное решение вопроса, т.е. косвенно оправдывается дача взятки, что и подталкивает собеседника к определенному решению.

В персидском языке подобная ситуация вербализуется рядом устойчивых сочетаний со словами-компонентами, связанными с пищей, например, сладостями или орехами – букв. «Орехи дать» *آجیل دادن* «Подслащивать рот» *شیرین کردن دهان* букв. «Подслащу Вам рот», «Подслащивание», *شیرینی دادن* «Ваша сладость в безопасности» *شما محفوظه* – это уважительная фраза для предложения взятки, а «Не забывайте нашу сладость» *شیرینی ما یادت نره* – это фраза, используемая для получения взятки или для получения награды или хороших новостей от кого-нибудь. Иранцы в повседневной жизни проявляют тяготение к разным видам сладостей, обмениваются сладостями в праздники и на различных мероприятиях. Это прочно укоренилось в традициях и специфически отражается в сознании носителей персидского языка. Одно лишь упоминание сладостей в речи способно позитивно влиять на настроение собеседника, который с удовольствием предвкушает награду, оплату за исполнение каких-либо услуг.

Другой пример. Выражение *Подмазать колеса* основано на метафорическом переносе: дача взятки чиновнику уподобляется процессу подмазки колес машины. Колесо символизирует продвижение дела в нужном направлении, а смазывание – его мотивацию. Имеется в виду, что с целью уладить свое дело

надо смазать орудие государственного механизма – чиновника. Здесь культурная коннотация проявляется в устном народном творчестве весьма наглядно. Ср.: *Не подмажешь – не поедешь*, *Неподмазанное колесо скрипит* и др. Существуют разные варианты данной фразеологической единицы и в персидском языке: «Смазать чьи-то усы» *سبیل کسی را چرب کردن*, «Давать что-нибудь под столом» *زیر میزى دادن*, «Давать деньги на чаевые» *پول چایى دادن*.

В рассмотренных фразеологизмах персидского и русского языков, а также при сравнении спектра значений, связанных с этими понятиями, можно увидеть как сходное, так и различное отношение к концепту «подарок». Владение хотя бы минимумом фразеологизмов для развития социокультурной компетенции иностранных студентов важно для того, чтобы понимать русскую речь и культуру, сравнивая ее со своей культурой. Практика преподавания фразеологии показывает, что поиск фразеологических эквивалентов в родном языке, которые имеют соответствия в русском, всегда сопровождается заметным оживлением в аудитории и не вызывает затруднений. Иначе обстоит дело с безэквивалентными фразеологическими единицами, для полноценного усвоения представляется семантизация и этимологический комментарий их с помощью контекста. Их усвоение сопряжено с трудностями, которые объясняются разницей в культуре, языке, образном видении мира и менталитете двух народов. И, таким образом, студент не только овладевает иностранным языком и новой культурой, но глубже постигает свой родной язык и родную культуру.

На наш взгляд, современной теорией преподавания русского языка как иностранного не в полной мере осознана необходимость выстраивания учебного процесса с опорой на структуру концепта, отсутствуют методы и приемы, позволяющие *задействовать* основные компоненты и зоны концепта в процессе обучения. В этой связи актуальным представляется изучение сложившейся практики преподавания русского языка иностранцам сквозь призму идей лингвоконцептологии. В определенном языке и в определенной культуре концентрируется исторический опыт их носителей, и ментальные представления этих носителей могут отличаться от представлений носителей другого языка и культуры.

Как указано выше, лингвокультурный концепт «подарок» – один из концептов, регулирующих повседневную жизнь, вплоть до самых банальных мелочей. Такие концепты структурируют то, что воспринимается из окружающего мира, и то, как осознается полученная информация. Изучение лингвокультурного концепта в языке раскрывает разные стороны культуры: мифологию, фольклор, верования, обряды и т.п. Таким образом, опреде-

ленная концептуальная система играет центральную роль в определении повседневной реальности. Концепт включает в себе сложное многоуровневое содержание, в котором аккумулируются представления народа об этической, психологической, образовательно-воспитательной, культурно-духовной и экономической сферах человеческой деятельности. Результаты сопоставительного исследования концепта свидетельствуют о наличии сходств и различий в восприятии одного и того же культурного концепта представителями разных народов. В персидском и русском сознании концепт «подарок» пересекается с другими концептами: *праздник, стол, подарок, семья, еда, этикет*. Концепт «подарок» ассоциируется с разными праздниками. Как по праздникам принято дарить подарки, так и подарок может вызвать праздничное настроение и стать поводом для праздника. Символическое значение концепта «подарок» в персидской и русской лингвокультурах связано с понятием *дарить* в обеих лингвокультурах и ассоциируется с понятием *любить*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Риторика / Аристотель // Риторика. Поэтика. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – С. 1–119.
2. *Бикеев, И.И.* Проблемы ограничения взятки от подарка в России и за рубежом: практика и тенденции / И.И. Бикеев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 1 (25). – С. 245–249.
3. Большой сборник пословиц. – URL: <https://posloviz.ru/category/podarok/> (дата обращения: 19.02.2020).
4. *Воркачев, С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт : монография / С.Г. Воркачев. – Москва : Гнозис, 2004. – 192 с.
5. *Восканян, Г.А.* Русско-персидский словарь / Г.А. Восканян. – Тегеран : Фарханге моасер, 2013. – 1258 с.
6. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 7602 с.
7. *Золфагари, Х.* Большой словарь персидских пословиц. Т. 1 и 2 / Х. Золфагари. – Тегеран : Моин, 2009 (1388). – 2509 с.
8. *Иготова, Н.Н.* Сезонные подарки в японской культуре: традиции и современность / Н.Н. Иготова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8 (70). – С. 82–85.
9. *Ильин, В.И.* Подарок как социальный феномен / В.И. Ильин // Академия подарка. – URL: <http://www.acapod.ru/2067.html?printable=Y> (дата обращения: 29.02.2020).
10. *Карагодина, А.А.* Лингводидактическая модель концепта «семья» в учебных текстах курса РКИ / А.А. Карагодина, И.А. Карагодина // Grand Altai Research & Education / Nauka i obrazovanie Bol'shogo Altaï: сетевое издание. – 2018. – Вып. 2 (9). – URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2018/2/articles/5_2.pdf (дата обращения: 19.02.2020).
11. *Карасик, В.И.* Антология концептов. В 6 т. Т. 1 / В.И. Карасик, И.А. Стернин. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 352 с.
12. *Карасик, В.И.* О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуника-

тивной деятельности : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 3–16.

13. *Курогли, Х.* Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова / Х. Курогли. – Тегеран : Гутенберг, 1992. – 616 с.

14. *Крючкова, Л.С.* Практическая методика обучения русскому языку как иностранному : учебное пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ / Л.С. Крючкова, Н.В. Мошинская. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 480 с.

15. *Моин, М.* Толковый персидский словарь / М. Моин. – Тегеран. – 2007(1386). – URL: <https://jadvalyab.ir/moein/%D9%85%DB%8C%D8%B2> فرهنگ معین در سایت جدول یاب (дата обращения: 10.06.2019).

16. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова). – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.

17. *Попова, З.Д.* Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 314 с.

18. *Степанов, Ю.С.* Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва, 1997. – 990 с.

19. *Хайям, О.* Сердце, дух и прах. Рубаи. Полное собрание / О. Хайям ; пер. с фарси И. Голубева. – Москва : РИПОЛ классик, 2016. – 496 с.

20. *Чафонова, А.Г.* Реализация лингвокультурологического подхода к обучению датских студентов русскому языку / А.Г. Чафонова // Вестник Воронежского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 139–142. – (Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация).

21. *Шерстобитова, И.А.* Концепт в методике преподавания русского языка как иностранного / И.А. Шерстобитова // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 11. – С. 114–119.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-77-82

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НАИМЕНОВАНИЙ ПРЕДМЕТОВ И ЯВЛЕНИЙ ТРАДИЦИОННОГО РУССКОГО БЫТА С ПОЗИЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

A.S. Mamontov

Kang Yinan

Статья посвящена проблеме освоения наименований предметов и явлений традиционного русского быта (НПЯТРБ) китайскими студентами продвинутого уровня. Целью работы выступает анализ НПЯТРБ как объекта изучения китайских студентов в рамках учебной дисциплины «Русский язык как иностранный» и построение методики лексикографической работы над этой группой языковых единиц. Лингвокультурологический подход позволяет выявить общее и различное в русской и китайской культуре, дает обширный материал для преодоления тех различий, которые препятствуют коммуникации носителей этих языков. В статье охарактеризованы НПЯТРБ как раздел безэквивалентной и неполноэквивалентной лексики, представлена тематическая классификация НПЯТРБ, а также подробно рассмотрена группа слов, означающих еду и напитки, с точки зрения их перевода на китайский язык. Чтобы понимать и правильно использовать в речи НПЯТРБ, важно знать не только их толкования, но и культурные коннотации. Для этого необходим учебный комментарий, содержащий экстралингвистические сведения. Сделаны выводы о том, что реализация принципов национально ориентированного преподавания, логике которого в полной мере соответствует изучение НПЯТРБ как языковых единиц с национально-культурным компонентом, способствует формированию межкультурной компетенции, что соответствует оптимальной модели обучения иностранному языку.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокультурология, наименования предметов и явлений традиционного русского быта, национально ориентированное обучение, методика, методология, лексика, лексикография.

NATIONAL CULTURAL SPECIFICITY OF TRADITIONAL RUSSIAN LIFE OBJECTS AND PHENOMENA NAMES FROM THE POINT OF VIEW OF A REPRESENTATIVE OF CHINESE LINGUACULTURE

Kang Yinan

A.S. Mamontov

The article discusses the problem of mastering names of traditional Russian life objects and phenomena by Chinese students of advanced level. The aim of the work is to analyze the names of traditional Russian life objects and phenomena as an object of study for Chinese students within the framework of the academic discipline "Russian as a Foreign Language" and to build up a lexicographical methodology for working on this group of language units. The linguistic and cultural approach reveals common and different cultures in Russia and China and provides extensive material to overcome the differences that hinder communication among speakers of these languages. The article describes the names of objects and phenomena of traditional Russian life as a section of non-equivalent and part-equivalent vocabulary, presents a thematic classification of the names of objects and phenomena of traditional Russian life, and also examines in detail a group of words meaning food and drinks, in terms of their translation into Chinese. In order to understand and use correctly in speech names of objects and phenomena of traditional Russian life, it is important to know not only their interpretations, but also cultural connotations. This requires a learning commentary with extra-linguistic information. It is concluded that the implementation of the principles of national-oriented teaching, the logic of which fully corresponds to the study of traditional Russian life objects and phenomena names as language units with a national cultural component, contributes to the formation of intercultural competence, which corresponds to the optimal model of teaching a foreign language.

Key words: russian as a Foreign Language, linguaculturology, names of traditional Russian life objects and phenomena, national-oriented training, vocabulary, lexicography.

Введение

Как известно, именно лексический состав языка максимально полно и достоверно отображает то, что можно назвать особенностями менталитета того или иного народа: национальный колорит, черты

материальной и духовной культуры и др. Факты окружающей действительности, осмысливаясь в сознании носителя языка, находят вербальный эквивалент в виде лексемы. Национально-культурная специфика, отличающая жизнь всякого этноса,

Кан Инань – аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).

Kang Yinan – PhD student, A.S. Pushkin State Russian Language Institute (Moscow).

E-mail: kangyn521@163.com

Мамонтов Александр Степанович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).

Mamontov Alexander Stepanovich – Doctor (Philology), Habil., Professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow).

E-mail: as-mamontov2@yandex.ru

© Мамонтов А.С., Кан Инань, 2021

естественным образом переходит в язык, образуя особое лингвокультурное пространство. Его составляют главным образом национально маркированные языковые единицы. В русском языке к этой области относятся несколько крупных словарных групп, в том числе наименования предметов и явлений традиционного русского быта (НПЯТРБ).

Основоположниками в изучении данной лексической общности являются Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. В своем фундаментальном труде «Язык и культура» (1973, первое издание) эти ученые впервые выделили и описали группу НПЯТРБ. К ней были отнесены слова, передающие русские национальные особенности и касающиеся повседневной жизни в самом широком смысле (например: *крынка, упряжь, крендель, соха, изба, баня, борона, рожок, балаган, свирель, барыня*) [1: с. 87–88]. НПЯТРБ преимущественно принадлежат к числу безэквивалентной или неполноэквивалентной лексики, т.е. обозначают неизвестные за пределами России реалии.

Несмотря на то что основная часть НПЯТРБ представляет собой устаревший пласт лексики, эти слова довольно активно используются в речи современных носителей языка, поскольку они часто встречаются в произведениях русской классической литературы и фольклоре (пословицы, поговорки, загадки, сказки и т.д.). Этим объясняется интерес к НПЯТРБ как объекту освоения студентами китайского происхождения, изучающих русский язык как иностранный (РКИ).

Между русской и китайской культурой есть глубокие различия, обусловленные несовпадением мировоззрения, религии, своеобразием исторического пути двух государств, их географического положения и т.д. НПЯТРБ, называющие каждый элемент того комплекса, который именуется обиходом, т.е. условий существования, жизненного уклада социума, повседневной жизнедеятельности человека в ее привычных проявлениях, установившегося порядка, домашней обстановки, ведения хозяйства, – все это характеризуют все, что связано с вещественным миром русских людей. Его постижение играет важную роль в освоении РКИ и совершенствовании коммуникативных навыков, поскольку позволяет погрузиться в культуру изучаемого языка и выстроить китайско-русское межязыковое взаимодействие.

Хотя НПЯТРБ, отражающие национально-культурную специфику русского языка, встречаются в текстах различных стилей и сфер общения, этот аспект лексикологии в целом недостаточно освоен и включен в практику преподавания РКИ в китайской аудитории. Кроме того, на сегодняшний день методическое обеспечение для студентов уровней В2 – С1 мало разработано, особенно в плане пособий национально ориентированного характера. Этим объясня-

ется актуальность нашего исследования. Мы полагаем, что лингвокультурологический подход к изучению НПЯТРБ позволит выявить общее и различное в русской и китайской культуре, даст обширный материал для преодоления тех различий, которые препятствуют коммуникации носителей этих языков.

Целью данной статьи выступает анализ НПЯТРБ как объекта изучения китайских студентов в рамках курса РКИ и построение методики лексикографической работы над этой группой языковых единиц. Исходя из поставленной цели, мы предполагаем решить следующие задачи: а) дать характеристику НПЯТРБ как особого раздела русской лексики; б) описать тематические группы НПЯТРБ с точки зрения степени эквивалентности их перевода; в) проследить параметры расхождения между НПЯТРБ и их китайскими соответствиями на примере группы лексических единиц со значением ‘еда и напитки’; г) предложить собственную модель построения национально ориентированного учебного комментария на сопоставительной основе.

Основная часть

Преподавание иностранного языка будет продуктивным, если оно учитывает национально-культурные особенности и поведенческие стереотипы его носителей. Этим объясняется эффективность лингвокультурологического подхода при обучении РКИ лиц, личностно сформировавшихся в совершенно иной ментальной среде. Такой подход позволяет нивелировать межкультурные противоречия, а также вызвать дополнительный интерес к изучаемому языку, поскольку он предоставляет возможность глубже постичь иную культуру.

В русской и китайской лингвокультуре есть области, характеризующиеся несовпадением – полным или частичным – семантического наполнения. К ним относятся историзмы, архаизмы, советизмы и др. Возникновение и употребимость в речи данных языковых единиц были во многом связаны с особенностями исторического развития Российского государства. Одна из таких областей – группа слов, которую вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым называют наименованиями предметов и явлений традиционного русского быта. Это пласт слов, несущих печать национально-культурной маркированности в силу их способности вербально воссоздавать вещественную картину русского мира. НПЯТРБ по определению наиболее всесторонне и достоверно отражают особенности жизни русских людей. Национально-культурная специфика отличает основное значение НПЯТРБ, которые называют компоненты материальной действительности.

Это объясняет, почему очень важно введение НПЯТРБ в активный словарный запас китайских обучающихся уровней В2 – С1: их знание дает возможность постичь особенности русской жизни

(традиции и обычаи), глубже понимать произведения писателей-классиков, использовать в речи многообразную палитру устойчивых выражений – словом, оттачивать коммуникативные навыки.

С точки зрения степени адекватности перевода НПЯТРБ на другие языки, в том числе китайский, мы можем преимущественно говорить о безэквивалентных словах, т.е. не имеющих в другом языке слов-аналогов, полностью совпадающих в семантическом значении, и неполноэквивалентных – тех, что имеют приблизительный перевод. В силу того что НПЯТРБ отражают в своей семантике особенности национальной культуры, лишь небольшое количество этих слов можно отнести к эквивалентной лексике. Рассмотрим это подробнее.

Всю совокупность НПЯТРБ можно разделить на несколько тематических групп.

1. Названия еды и напитков: *блин, борщ, брага, бублик, вареник, ватрушка, взвар, вязига, запеканка, калач, каша, квас, кисель, коврига, крупеник, кулебяка, курник, наливка, настойка, оладья, пирог, пышка, рассольник, растегай, самогон, сбитень, солянка, сочник, студень, уха, холодец, щи* и др.

2. Названия, связанные с жилыми помещениями: *балясина, воронец, горница, изба, каменка, клеть, конек, лага, матица, наличник, очаг, палата, печь, подзор, подклет (подклеть), подпол, сарай, светелка, светлица, сени, сруб, стропила, чердак, чулан, шесток* и др.

3. Названия утвари: *блюдо, горшок, кастрюля, колыбель, корчага, кочерга, кринка (крынка), кровать, лавка (скамья), ложка, палаты, плошка, рукомоийник, самовар, скамья, стол, стул, табурет, тарелка, ухват, ходики, чашка, чугунок* и др.

4. Названия предметов одежды и обуви: *армяк, картуз, кокошник, косоворотка, кофта, лапти, онучи, платок, платье, рубаха, сапоги, сарафан, сорочка, туфли, фата, чулки, шапка, юбка* и др.

5. Названия предметов труда: *веретено, вилы, грабли, долото, игла, коклюшка, коса, кочедык, кудель, лопата, маслобойка, молот, наковальня, плуг, прядка, пяльцы, рубанок, серп, скобель, спицы, струг, тесло, топор, цеп* и др.

6. Названия, связанные с общественными местами, хозяйственными постройками: *баня, голосник, гумно, житница, звонница, кабак, колокольня, кремль, крепость, лавка (магазин), овин, острог, паперть, парилка, предбанник, придел, прясло, собор, сусеки, трактир, церковь, чайная, часовня* и др.

7. Названия, связанные с транспортными средствами: *весло, гуж, лодка, оглобля, плот, подвода, розвальни, сбруя, седло, тройка, уключина, упряжь, хомут, чересседельник* и др.

8. Названия, связанные с играми и развлечениями: *балалайка, барыня (танец), баян, величальная, городки, гусли, жмурки, колыбельная, лапта, мат-*

решка, неваляшка, салочки, хоровод, частушка, шахматы, шахи и др.

9. Традиционные русские меры: *аршин, ведро, верста, вершок, гарнец, осьмина, пуд, сажень, фунт, чарка, четверик, четверть, шкалик, штоф* и др.

Из перечисленных групп полностью состоит из безэквивалентных языковых единиц лишь самая последняя, объединяющая традиционные русские меры. Все остальные включают по большей части безэквивалентную и неполноэквивалентную лексику. Есть в этих группах и слова, называющие межъязыковые лексические понятия, а значит, являющиеся эквивалентными (переводимыми). Например, *стол, стул*.

Рассуждая о безэквивалентной лексике, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров пишут, что безэквивалентные слова «приходится передавать описательными выражениями или с помощью пояснений» [1: с. 67]. Часто такие языковые единицы переходят в другие языки, сохраняя свой фонетический облик. Что касается китайского языка, то в силу особенностей его графики, как правило, русские безэквивалентные лексемы переводятся на китайский целой фразой. Неполноэквивалентные НПЯТРБ имеют приблизительный перевод, так как в китайском языке можно найти слово, обозначающее нечто подобное, однако перевод будет иметь оговорки и примечания.

Одна из самых частотных в плане современного словоупотребления групп НПЯТРБ – названия еды и напитков. Лексические единицы, составляющие ее, практически полностью входят в активную речь сегодняшних носителей русского языка, поскольку, несмотря на все изменения, происшедшие в быту, вкусовые пристрастия большинства россиян мало изменились и русская кухня остается в России по-прежнему популярной.

Особенности приготовления пищи на Руси оказались, разумеется, свое влияние на состав соответствующей лексики. Так как основную возможность тепловой обработки продуктов питания давала русская печь, блюда готовились преимущественно способом томления, выпекания, запекания. Это объясняет, почему большую популярность, например, приобрели различные заправочные супы. Их было довольно просто готовить в печи, из утвари были необходимы только чугунок, нож и половник. Продукты: мясо, птицу или рыбу, а также овощи – достаточно было лишь порезать, сложить в чугунок и залить водой. Чугунок ставился в растопленную печь на несколько часов, его не нужно было доставать, чтобы проверить готовность, перемешать. К тому же в условиях суровой зимы супы хорошо согревали и, будучи очень сытными кушаньями, давали силы людям, занимающимся преимущественно физическим трудом.

В числе НПЯТРБ мы обнаруживаем следующие обозначения различных супов: *борщ, похлебка, рас-*

сольник, солянка, уха, щи. С точки зрения перевода на китайский язык из этого ряда лишь слово *уха* 鱼汤 (здесь и далее при переводе НПЯТРБ мы опирались прежде всего на Большой русско-китайский словарь [4], подготовленный специалистами Хэйлунцзянского университета) можно отнести к неполноэквивалентным, так как в китайской кухне тоже есть рыбный суп, близкий по способу изготовления к ухе.

Большое распространение в России имеет окрошка – род холодного супа из овощей, вареных яиц и мяса, в котором бульон заменяется квасом. *Окрошка* – безэквивалентная лексема, которая переводится на китайский язык как 冷杂拌汤 (用克瓦斯饮料、蔬菜、肉丁或鱼肉做成的冷汤) ‘холодное жидкое кушанье из кваса с мелко накрошенными зеленью и мясом’.

Как можно заметить, все переводы названий русских супов на китайский язык имеют семантическую долю 汤 ‘суп’.

Еще одна значительная группа НПЯТРБ в тематическом разделе, связанном с национальной кухней, посвящена выпечке. Широкое разнообразие хлебобулочных и кондитерских изделий также объясняется наличием в каждом доме русской печи, прекрасно приспособленной для изготовления изделий из теста. Кроме того, в России во все времена в большом количестве выращивали пшеницу, рожь, ячмень, просо, овес, гречиху, поэтому выпечка из различных сортов муки, разнообразные блюда из круп составляют существенную часть русской кулинарии. К этому разделу относятся такие НПЯТРБ, как: *баба, баранка, блин, бублик, булка, ватрушка, калач, каравай, коврига, коржик, крендель, кулебяка, курник, оладья, печенье, пирог, плюшка, пряник, пышка, расстегай, рогалик, сайка, сочник, хлеб, шаньга* и др.

Родовым понятием по отношению к перечисленным НПЯТРБ выступает языковая единица *хлеб* – слово, означающее ‘пищевой продукт, выпекаемый из пшеничной и ржаной муки’. В китайском языке таким общим наименованием для всех пищевых продуктов, выпекаемых из муки, выступает 面包 (统称).

Хлеб сопровождал (а в скудные, неурожайные годы заменял) любую трапезу русского человека. Изготовленное только из муки, воды и закваски с добавлением соли, это дешевое, в меру калорийное и довольно сытное кушанье. Объем горнила русской печи позволял выпекать хлеб с запасом на целую неделю, что облегчало труд хозяйки. Недаром в народе получило распространение выражение «Хлеб всему голова».

Более гастрономически изысканным вариантом хлеба является *булка* – белый пшеничный хлеб, обычно круглой или овальной формы. В китайском

языке используется обозначение (圆形或椭圆形的) 小白面包 ‘маленький белый хлеб, обычно круглой или овальной формы’. Булки изготавливаются из муки более высокого сорта, чем обычный хлеб, и используются для приготовления бутербродов, подаются к чаю и кофе, т.е. в некотором смысле выступают в качестве вкусового дополнения к трапезе.

Слова, которые мы приводим ниже, являются обозначениями различных вариантов хлебобулочных изделий, отличающихся друг от друга формой, величиной, составом теста. Эти языковые единицы безэквивалентные: *калач* – 挂锁形面包 ‘пшеничный хлеб, по форме напоминающий замок с дужкой’; *каравай* – 大圆面包 ‘большой круглый хлеб’; так же переводится на китайский язык слово *коврига* – ‘большой круглый хлеб как из ржаной (первоначально), так и из пшеничной муки’; *крендель* – (B形或8字形) 小甜面包 ‘витая сдобная булка в форме буквы B или цифры 8’; *плюшка* – (圆形或椭圆形的) 白奶油甜面包 ‘сдобная булочка’ или 扁平白面包 ‘плоский и белый хлеб’; *пышка* – 油炸饼 ‘пышная круглая маленькая булочка из дрожжевого теста, иногда с небольшим отверстием в центре’; *рогалик* – 角形小面包 ‘маленькая булочка, имеющая форму рога’; *сайка* – 用小麦粉做成小长椭圆形面包 ‘небольшая продолговатая булочка из пшеничной муки’ или 梭形面包 – ‘хлеб в форме веретена’.

К этой группе слов примыкают НПЯТРБ *баба* – 烤成高圆柱型的甜面包 ‘кулич, выпекаемый в высокой цилиндрической форме’ или 种圆柱型的鸡蛋奶油面包 ‘сдоба с куриным яйцом в цилиндрической форме’; *баранка* – 小面包圈 ‘маленький бублик’; *бублик* – (较粗大的) 面包圈 ‘большая толстая баранка из некрутого теста’; *сухарь* – (烘干的) 面包干 ‘высушенный кусок хлеба; кондитерское изделие, печенье в виде такого ломтика’; *сушка* – (烤得很干的) 小面包圈 ‘сухое хлебобулочное изделие в виде маленькой тонкой баранки’.

Семантическая доля 面包 ‘хлеб’ входит в переводы всех слов – обозначений различных видов изготавливаемых из муки и печеных изделий.

Все вышеперечисленные наименования означают кушанья, приготовленные из дрожжевого теста без добавления других продуктов в виде начинки. Фаршированные мучные изделия представляют собой различные модификации *пирога* 大馅饼 ‘печеное изделие из раскатанного теста с начинкой’. Русская кухня знает несколько видов открытых и закрытых пирогов с самыми разнообразными сладкими и несладкими начинками.

Лексема *пирог* – неполноэквивалентное слово, так как в китайской кухне присутствует подобное блюдо, только начинка у китайских пирогов обычно несладкая (овощной, мясной фарш и т.д.) и изготавливаются они несколько иначе.

НПЯТРБ, означающие различные варианты традиционных русских пирогов, являются в подавляющем большинстве безэквивалентными словами. Хотя у китайцев распространены пироги с различными начинками, они преимущественно жарятся в масле, а не выпекаются: *ватрушка* – 中间抹上奶渣或果酱的一种卷边烤饼 ‘толстая лепешка с загнутыми краями и с покрытой творогом серединой’; сибирский вариант ватрушки *шаньга* (‘печеное изделие в виде ватрушки или лепешки’) переводится как *奶渣饼*, *酸奶油饼* ‘сырник, пирожок со сметаной’; *кулебяка* – (肉、鱼等陷的) 长形大烤饼 ‘вид закрытого мясного, рыбного или грибного пирога’; *расстегай* – 露馅的馅饼, 露馅的包子 ‘пирожок в форме лодочки с отверстием сверху с различными начинками (рыбной, мясной, грибной и др.)’; *сочник* – 种馅饼 (以奶渣、浆果为馅) ‘сложенная пополам в форме пирожка лепешка из различных видов теста с полуоткрытой или закрытой начинкой в виде рыбного фарша, тертого сыра и др.’.

К неполноэквивалентным словам, означающим различные виды пирогов, относится НПЯТРБ *курник* *курица* *鸡肉大馅饼* – ‘пирог с курицей или индюшатиной’ (в Китае пирог под таким названием изготавливают способом обжарки на сковороде с маслом).

Еще один раздел выпечки объединяет кондитерские изделия из недрожевого теста: *печенье* – 用烤面团做成且具有一定的形状的甜食制品 ‘кондитерское изделие из испеченного теста, имеющее определенную форму и рельеф’; на китайский язык чаще слово переводится как *烘烤的食品* ‘кондитерское изделие’ или *饼干* ‘печенье; бисквит’; *пряник* – 用蜜糖、糖或饴糖做的面粉类甜食, 多为厚饼状或矩形 ‘мучное кондитерское изделие на меду, сахаре или патоке в виде толстой лепешки или прямоугольника’; на китайский язык чаще слово переводится как (加香料的) *蜜饼* ‘медовый пирожок (пряник) со специями’; *коржик* – 用非发酵的面团做成得甜饼; 是(加香料的) 蜜饼的一种 ‘сладкая лепешка из недрожевого теста, вид пряников’ или *甜饼* ‘сладкая лепешка’.

Очень популярными мучными изделиями в России на протяжении веков остаются блины и оладьи.

Это не только широко распространенные в обычной жизни кушанья, но и ритуальные блюда. Блины сопровождают празднование языческого праздника Масленицы (проводы зимы), когда их едят с различными немясными добавками (масло, сметана, икра, варенье, мед др.), поскольку масленичная неделя предвещает Великий пост и существует запрет на употребления мяса. Также блины готовят к поминальному столу, которым завершается обряд похорон. Блины с медом вместе с кутьей обязательно подают к началу печального застолья.

Лексемы *блин* – 发面煎饼 (特指俄罗斯式的) ‘тонкая лепешка из жидкого теста, испеченная на сковороде’ и *оладья* – 油炸馅饼 ‘толстая мягкая лепешка из пшеничной муки, жаренная на сковороде’ принадлежат к неполноэквивалентным словам, поскольку подобные блюда распространены в Китае. Они несколько иначе изготавливаются и употребляются в пищу, но в целом очень похожи.

Остановимся еще на одной значительной группе НПЯТРБ, называющих различные напитки. Как и во многих других культурах, в русской кухне есть традиция изготовления безалкогольных и алкогольных (хмельных) напитков из зерна, меда, овощей и фруктов. Как правило, их наименования – безэквивалентные слова.

Лексемы, означающие безалкогольные напитки: *взвар* – (用野果、草或叶子煮出来的) 汁, 汤 ‘отвар с варившимися в нем сухими фруктами, ягодами’; *квас* – 克瓦斯 (苏联的一种清凉饮料) ‘русский напиток, приготовляемый из солода, воды и различных сортов хлеба’ (это слово – едва ли не единичный пример того, как русская языковая единица вошла в китайский язык, сохранив свой фонетический облик; в северо-восточных и северо-западных районах Китая, расположенных рядом с территорией России, квас довольно распространен, он либо импортируется, либо готовится китайскими заводами); *кисель* – 果子冻 (羹) ‘студенистое блюдо, приготавливаемое из ягодного или фруктового сока, молока с добавлением крахмала’; *морс* – 果汁清凉饮料 ‘прохлаждающий напиток, приготовленный из сока’; *простокваша* – 浓稠的酸牛奶 ‘загустевшее кислое молоко’ или *酸牛奶*, *凝乳* ‘кислое молоко, мацони’; *сбитень* – (古时用水、蜜、香料制成的) 热蜜水, *斯必腾* ‘горячий напиток из воды, меда и пряностей’ (это неполноэквивалентное слово, в Китае распространен подобный напиток с медом, в который добавляются лечебные травяные сборы).

Лексемы, означающие алкогольные напитки: *брага* – (俄罗斯人的一种) 家酿啤酒 ‘домашний

хлебный напиток, иногда более похожий на квас»; *вино* – 任意一种酒精饮品 ‘любой алкогольный напиток’; *медовуха* – 旧时民间醉人的蜂蜜饮品 ‘старинный народный хмельной медовый напиток’ или *蜜酒* ‘сладкое вино’; *наливка* – 果子酒、甜酒 ‘спиртной напиток, сладкая настойка на фруктах или ягодах’; *настойка* – 浸酒, 露酒 ‘алкогольный напиток, изготавливаемый путем настаивания спирта на различных плодах, косточках, пряностях, душистых и целебных травах’; *пиво* – 啤酒 ‘напиток из ячменного солода с небольшим содержанием алкоголя’; *самогон* – 家酿酒, 手工酿造的白酒 ‘спиртной напиток, изготавливаемый кустарным способом из корнеплодов, зерна, дрожжей, сахара.

Наливка, настойка и самогон – неполноэквивалентные слова, поскольку в Китае также изготавливают подобные напитки и, следовательно, имеют их привычные обозначения.

Очевидно, что при изучении НПЯТРБ в части названий еды и напитков как раздела лексики с национально-культурной спецификой китайским обучающимся важно знакомиться с экстралингвистическими сведениями, порой необходимыми для освоения русской речи. Помимо толкования НПЯТРБ нужно разъяснить его фоновую семантику в сопоставлении с фоновой семантикой китайского перевода. Кроме того, целесообразно охарактеризовать ситуацию, в которой используется то или иное слово, т.е. важную роль здесь играет национально ориентированный учебный комментарий.

Приведем пример того, как важно для понимания и правильного использования в речи НПЯТРБ знать не только их толкования, но и культурные коннотации, т.е. «социальную, эмоциональную и эмоционально-образную значимость языкового знака для той или иной лингвокультурной общности» [3: с. 24].

Языковые единицы *каравай* и *коврига* имеют одинаковый перевод на китайский язык 大圆面包.

В сущности, эти слова и на русском языке означают одно и то же – ‘большой круглый хлеб’. Однако если у слова *коврига* основное значение – хлеб в сугубо утилитарном назначении и одна из семантических долей подчеркивает отличие данного изделия от других по форме (коврига и каравай – это именно круглый хлеб, не формовой, не буханка), то слово *каравай*, кроме этого, отражает сакральную функцию хлеба. Только караваем (не ковригой) называют круглый хлеб при его использовании в различных обрядах. Здесь круглая форма свидетельствует о связи хлеба с культом солнца. Караваем встречают особо дорогих гостей, желая им мира и добра, выказывая свое уважение и радушие. Караваем приветствуют молодоженов после венчания

родители. В свадебных обрядах две половины каравай олицетворяют жениха и невесту.

Таким образом, изучение НПЯТРБ в сопоставлении с китайскими соответствиями, несомненно, дает возможность китайским студентам погрузиться в культуру изучаемого языка и одновременно более полно осознать факты собственной культуры, поскольку любое постижение нового осуществляется через сравнение с уже известным. Так формируются умения рассказывать по-русски и о своей родине, что развивает речевые навыки.

Заключение

Итак, изучение НПЯТРБ в ходе освоения РКИ позволяет создавать лексикографическую классификацию данного раздела лексики на основе анализа семантического пространства традиционного русского и китайского вещественного мира. С помощью сопоставления фактов двух национальных культур можно обнаружить специфические особенности и явления, дополняющие толкования лексических единиц, делающие их более доступными для иноязычной аудитории. Такая работа нацелена на межкультурное сближение, на более четкое понимание китайскими обучающимися русских реалий, выраженных в языке, и постижение того, что в конечном счете в своей совокупности называется культурным кодом народа.

Мы полагаем, что «в условиях сегодняшнего дня оптимальной может считаться лишь такая модель обучения языку как средству межкультурной коммуникации, которая в состоянии успешно справиться с задачей формирования не только и не столько лингвистической и коммуникативной компетенций, сколько так называемой межкультурной компетенции» [2: с. 147]. Эту задачу можно решить, реализуя принципы национально ориентированного преподавания, логике которого в полной мере соответствует изучение НПЯТРБ как языковых единиц с национально-культурным компонентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин, Е.М.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с.
2. *Мамонтов, А.С.* Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации / А.С. Мамонтов // Русистика. – 2019. – Vol. 17, № 2. – С. 143–156.
3. *Мамонтов, А.С.* Язык и культура: сопоставительный аспект изучения / А.С. Мамонтов. – Москва : Сов. писатель, 2000. – 187 с.
4. *大俄汉词典* = Большой русско-китайский словарь / 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所编 ; [南致善, 黄长霏责任编辑]. – 8-е изд., пересмотр. и доп. – 北京 : 商务印书馆, 2003. – VI, 2857 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-83-88

К ВОПРОСУ О ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Л.В. Минаева

В статье рассматривается вербальное выражение корпоративных ценностей, которые играют важную роль в процессе формирования положительного имиджа компании. Теория когнитивной лингвистики позволяет глубже проникнуть в механизм вербализации концептов, которые используются в формулировках корпоративных ценностей. Сначала в статье описывается значение корпоративных ценностей как части корпоративной культуры компании. Затем автор останавливается на основных положениях теории концепта. Далее внимание сосредоточивается на анализе концептов "integrity" и "leadership", которые чаще всего используются при описании корпоративных ценностей. Исследование показало, что вербализация этих концептов в англоязычном деловом дискурсе обусловлена принципами ведения бизнеса на мировом рынке.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, корпоративные ценности, корпоративный дискурс.

CONCERNING THE VERBALIZATION OF CORPORATE VALUES

L.V. Minaeva

The article considers the verbalization of corporate values which play an important role in shaping the positive image of a company. The cognitive linguistics theory helps to gain a deeper insight into the verbal expression of the concepts used by companies to formulate their corporate values. The first part of the paper outlines the significance of corporate values as part of corporate culture. Then the discussion addresses the basics of cognitive research of lexis. After that the focus moves on to the analysis of the concepts "integrity" and "leadership" which are most frequently used in the description of corporate values. The research shows that the verbal representation of the concepts in English business discourse is determined by the principles of doing international business.

Key words: cognitive linguistics, concept, corporate values, corporate discourse.

Корпоративные ценности представляют собой разделяемые сотрудниками организации значимые убеждения и принципы, закрепленные в стандартах и правилах поведения, которые являются составной частью корпоративной культуры. Последняя занимает заметное место в деятельности организации, и, согласно некоторым теориям, определяет саму суть любой организации [2; 7; 8; 10; 20; 23]. Она способна служить побуждающим и объединяющим началом организации, устанавливать порядок ее работы, позиционировать себя перед сотрудниками, клиентами и конкурентами в соответствии с избранной этой организацией стратегией. Особенно ярко это свойство корпоративной культуры проявляется в бизнесе. Корпоративная культура играет важную роль в процессе мотивации сотрудников, упорядочивания деятельности организации, повышения ее эффективности, стабилизации и взаимодействия компании со своей внешней и внутренней средой. Следует отметить и то, что корпоративная культура способствует органичному внедрению изменений в структуру и работу организации, обеспечивая способность последней к грамотной адаптации путем трансляции корпоративных ценностей как внутренней, так и внешней общественности [22].

Содержание корпоративных ценностей отражает принципы ведения бизнеса компании, ее представление о собственной идентичности, а вербализируются они в виде слов или словосочетаний. Последние используются в корпоративном дискурсе, который включает в себя тексты разного рода от небольшой по объему миссии до длинного и структурно сложного текста корпоративного журнала [13]. Они упоминаются в этих текстах, интерпретируются и иллюстрируются. Таким образом, корпоративные ценности становятся важным инструментом воздействия на сознание внутренних и внешних групп общественности. Они закрепляют в сознании целевых аудиторий определенные ценностные доминанты, лежащие в основе ведения бизнеса, которые находят реальное воплощение в естественном человеческом языке в виде слов и словосочетаний.

Как ключевые компоненты корпоративной культуры ценности во многом зависят от различных интерпретационных факторов, обусловленных актуализацией «культурного опыта», функционально значимого в жизни данного социума – людей, занимающихся бизнесом.

Представляется, что весьма продуктивным подходом к пониманию механизма разработки корпо-

Минаева Людмила Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой международной коммуникации Факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Minaeva Ludmila Vladimirovna – Doctor (Philology), Habil., Chair of International Communication, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: liudmila.minaeva@gmail.com

© Минаева Л.В., 2021

ративных ценностей, их регулятивной функции и потенциала как средства воздействия и формирования положительного имиджа организации является теория концепта, созданная в рамках когнитивной лингвистики [3; 4; 9; 12; 17–19].

Хотя само понятие концепта уже давно изучается лингвистами, именно сейчас его многочисленные определения «высветили» различные аспекты данного понятия. Установлено, что концепт, представляющий собой содержательную сторону словесного знака, за «которой стоит понятие, принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека» [21: с. 27], отражает содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека. По мнению Н.Н. Болдырева, концепты обобщают результаты познания человеком окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания. «Человек мыслит концептами» [3: с. 23–24]. При этом следует подчеркнуть, что концепт – это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [17: с. 40].

Таким образом, содержательная сторона концепта как многомерной ментальной единицы есть синтез языковых и культурных факторов, который ассоциируется со словесными знаками. Иначе говоря, концепт как мыслительный образ материализуется через слово в языке, а естественной формой бытования языка является речь. Полностью свой семантический потенциал как культурно-значимая единица слово, за которым скрывается некий концепт, раскрывает именно в речи, а точнее в составе дискурса, т.е. речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания [1].

Что же происходит в процессе вербализации корпоративных ценностей в контексте англоязычной деловой коммуникации? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, были отобраны 38 компаний, которые рекомендуются в качестве образца для подражания для тех, кто только начинает разрабатывать принципы своей корпоративной культуры [24; 25]. Утверждается, что корпоративные ценности данных компаний помогают, с одной стороны, мотивировать сотрудников, а с другой, располагают внешние группы общественности к компании.

Следует подчеркнуть, что все эти компании работают на мировом рынке, а некоторые еще и являются межнациональными или транснациональными. Несмотря на то что в этом случае они имеют свои филиалы или отделы в странах, обладающих разными национальными культурами, акцент дела-

ется именно на корпоративной культуре данной компании. Принцип «думай глобально, действуй локально» реализуется таким образом, что доминирующими в деятельности компании, работающей в разных странах, все равно, являются корпоративные ценности и корпоративная культура, а национальная культура должна учитываться лишь в той мере, в которой она не противоречит их сути и способствует их актуализации. Местные жители, работающие в компании, в идеале должны «пропитаться» корпоративной культурой и стать «людьми компании». Иначе говоря, компания представляет собой «государство в государстве» со своими правилами поведения и законами, но уважающее законы другой страны.

При этом следует отметить, что языком корпоративного общения является английский, который уже давно получил статус мирового и широко используется людьми разных национальностей для общения друг с другом [16: с. 149]. Так как он стал «посредником при взаимодействии носителей разных языков и культур в различных коммуникативных условиях и средах» [14: с. 48], то сфера бизнеса не стала исключением. Влияние международного английского языка, вышедшего за рамки национального общения, в силу мощи англоязычных держав и их продуктивных экономик, на процесс развития международного бизнеса очевидно [15: с. 31].

Переходя к рассмотрению языкового материала, следует сразу же отметить, что при вербализации корпоративных ценностей рассматриваемых компаний используются как слова, так и словосочетания. Так, ряд компаний предпочитают представлять свои корпоративные ценности в виде перечня отдельных слов, например:

Pinnacle Financial Partners: *Integrity; Fairness; Learning; Partnership; Results; Balance; Discipline.*

Другие компании для их описания используют словосочетания, например:

IKEA: *Humbleness and willpower; Leadership by example; Daring to be different; Togetherness and enthusiasm; Cost-consciousness; Constant desire for renewal; Accept and delegate responsibility.*

Нередко корпоративные ценности получают развернутое описание, выходящее за пределы простого словосочетания. Скорее, это мини-тексты, например:

Starbucks Coffee: *Creating a culture of warmth and belonging, where everyone is welcome;*

Acting with courage, challenging the status quo and finding new ways to grow our company and each other; Being present, connecting with transparency, dignity and respect; Delivering our very best in all we do, holding ourselves accountable for results.

И, наконец, некоторые компании описывают корпоративные ценности путем сочетания разных способов их вербализации, например,

Twitter: *Grow our business in a way that makes us proud; Recognize that passion and personality matter; Communicate fearlessly to build trust; Defend and respect the user's voice; Reach every person on the planet; Innovate through experimentation; Seek diverse perspectives; Be rigorous; Get it right; Simplify; Ship it.*

Как видно из приведенного иллюстративного материала, корпоративные ценности не относятся к категории бизнес-терминологии, имеющей свою специфику [11]. Компании, стремясь как можно полнее представить принципы своей работы, обращаются к ресурсам общего языка, но интерпретируют их по-своему. Ведь даже когда используется отдельное слово, компания снабжает его собственным определением, которое не повторяет лексикографические дефиниции. Так, например, слово «passion» имеет следующую дефиницию в словаре: “strong, deep, often uncontrollable feeling, especially of sexual love, hatred, or anger” (Longman Dictionary of English Language and Culture). Компании, указывая «passion» как корпоративную ценность, интерпретируют значение этого слова следующим образом:

Passion: Committed in heart and mind (Coca-Cola).

Passion means we use our drive and commitment to energize, engage and inspire others (Genentech).

Нетрудно заметить, что существует заметная разница между словарем и компаниями в толковании значения «passion». Ситуация напоминает разговор Алисы и Шалтая-Болтая из «Алисы в Зазеркалье», когда Шалтай-Болтай заявляет, что, когда он берет слово, оно означает то, что хочет он, не больше и не меньше.

Значит ли это, что, разрабатывая корпоративные ценности, компании берут слова, и они означают то, что компании «хотят, не больше и не меньше»? Значит ли это, что значение слова как единицы языка полностью игнорируется при его использовании в формулировке корпоративной ценности?

Рассмотрим более детально с позиций теории концепта те слова, которые чаще всего упоминаются в списках корпоративных ценностей компаний: «leadership» и «integrity».

Основное предположение когнитивной лингвистики состоит в том, что лингвистическое познание является частью человеческого познания в целом, и, следовательно, в языке находит отражение реальный мир. Для когнитивной лингвистики центральным понятием становится значение как фрагмент отражения действительности в сознании пользователя языком, заключенный в языковую оболочку, будь это значение слов или содержание-намерение предложений.

Поскольку концепт является ментальной категорией и тесно связан с процессом мышления и создания в сознании человека вербальной картины мира, он предоставляет огромные возможности для

интерпретации [6]. Следует подчеркнуть, что в плане вербализации концепт отличается от понятия. Особенностью вербализации концепта является то, что в этом случае в языке отражаются как объективно существующие свойства референта, так и разнообразные субъективные представления о нем, в то время как вербализация понятия предполагает выражение только объективных свойств референта.

Что касается «leadership», то, прежде всего, необходимо отметить значимость этого качества для компаний именно в современную эпоху – эпоху инноваций и технологического прогресса. Оно характеризует фирму как новаторского, энергичного игрока на рынке, который первым выводит на рынок необычные товары и услуги и нетривиально решает вопросы производства и отношений с целевыми аудиториями, работает энергично и эффективно.

Так, например, стремясь завоевать лидерство на рынке сотовой связи через свой бренд, Билайн-ВымпелКом подчеркивает, что бренд-лидер означает сильную компанию, а это, в свою очередь, подразумевает эффективность работы компании. Ориентируясь на разные целевые группы обществу, Билайн-ВымпелКом указывает на выгоду для них при общении с брендом-лидером, объясняя свое понимание лидерства.

Государственные органы: *Билайн – бренд-лидер:* сильный бренд – эффективная компания – максимальный вклад в экономику страны.

Клиенты: *Билайн – бренд-лидер:* сильный бренд – простые решения – яркие услуги – дружественный сервис.

Корпоративные клиенты, бизнес-партнеры, дилеры: *Билайн – бренд-лидер:* сильный бренд – эффективная компания – надежный партнер – взаимная выгода.

Эксперты, аналитики, акционеры: *Билайн – бренд-лидер:* сильный бренд – эффективная компания – максимальная ценность для акционеров.

Сотрудники, рекрутинговые агентства: *Билайн – бренд-лидер:* сильный бренд – сильная команда – лучший работодатель.

СМИ: *Билайн – бренд-лидер:* сильный бренд – эффективный менеджмент – дружественный подход – открытая компания. (Презентация компании на конференции «Дни PR в Москве».)

В английском языке слово «leadership» имеет следующую дефиницию:

being a leader; 2) ability to be a leader; 3) group of leaders (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

Из приведенного материала видно, что, поскольку «leadership» является производным от существительного «leader», то понятийно-дефиниционные характеристики рассматриваемого концепта отражают качества последнего.

В словаре общего языка «leader» определяется как:

- a person in control of a group, country, or situation;
- someone or something that is winning during a race or other situation where people are competing;
- editorial;
- UK (US concertmaster) the most important violin player in an orchestra.

В американском английском «leader» – это:

1) person in control, a person who manages or controls other people, esp. because of his or her ability or position;

2) someone or something that is the first or the most important.

(Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus)

В словаре делового английского «leadership» имеет следующее уточнение:

Leader involves establishing a clear vision, sharing that vision with others so that they will follow willingly, providing information, knowledge and methods to realize that vision, and coordination and balancing the conflicting interests of all members and stakeholders.

A leader steps up in times of crisis, and is able to think and act creatively in difficult situations. Unlike management, leadership cannot be taught, although it can be learned and enhanced through coaching and mentoring. Someone with great leadership skills today is Bill Gates who, despite early failures, with continued passion and innovation has driven Microsoft and the software industry to success.

(<http://www.businessdictionary.com/definition/leadership.html>)

Добавляется такая черта, как способность вдохновлять подчиненных на действия, которые ведут к достижению цели:

The act of inspiring subordinates to perform and engage in achieving a goal. A person or thing that holds a dominant or superior position within its field, and is able to exercise a high degree of control or influence over others.

Таким образом, помимо «власти», «контроля», «руководства» и «первенства» в деловом английском «leadership» расширяет число своих понятийно-дефиниционных характеристик за счет «влияния» и «воли к победе», «активности» и «творчества».

Обратимся теперь к анализу англоязычного корпоративного дискурса, который является частным случаем делового речевого общения. Следует подчеркнуть, что «общая стратегия делового общения – воздействие, цель которого – моделирование поведения собеседника в желаемом для говорящего направлении и коррекция модели мира слушателя» [5: с. 12]. В случае корпоративного дискурса коммуникантами являются компания и ее целевые группы ответственности, по отношению к которым компания и применяет стратегию воздействия.

В корпоративном дискурсе ценности находят отражение в разных контекстах, что позволяет реализовать ядерный и периферийный компоненты данного концепта [19]. Ядерный компонент, который содержит понятийно-дефиниционные характеристики, ближе всего к описанию корпоративной ценности, а его периферийные, т.е. образные, эмотивно-оценочные и ассоциативные характеристики – к иллюстрациям в корпоративной прессе, легендах и историях.

Так, например, «leadership» заявляется как одна из корпоративных ценностей компании Procter and Gamble и получает следующую интерпретацию:

We are all leaders in our area of responsibility, with a deep commitment to delivering leadership results.

We have a clear vision of where we are going.

We focus our resources to achieve leadership objectives and strategies.

We develop the capability to deliver our strategies and eliminate organizational barriers.

Корпоративная ценность подчеркивает, что все сотрудники компании являются лидерами, что предполагает быть первыми в своей области, занимать ведущие позиции, иметь четкий план действий и быть в состоянии устранять препятствия на пути к цели. Словосочетания *leaders in our area of responsibility, a clear vision, leadership objectives and strategies, to deliver our strategies* раскрывают концепт «leadership» в его понимании компанией. На передний план выходят такие характеристики, как контроль, который сочетается с ответственностью, четкое видение перспективы и стратегии, т.е. пути достижения цели, а также способов ее достижения.

В описании истории развития компании постоянно подчеркиваются ее лидирующие позиции в разработке и продвижении новых товаров в масштабах страны или мира:

Pert Plus/Rejoice shampoo quickly becomes one of the leading worldwide shampoo brands.

The Company expands its feminine protection expertise into a new global market with the acquisition of Tambrands. Tampax Tampon is the market leader worldwide.

Its superior performance at a reasonable price makes Tide the country's leading laundry product by 1950.

Лексемы *first, innovative, new* подчеркивают такие свойства концепта «leadership» в корпоративном дискурсе, как «первенство» и «творчество»:

The research labs were as busy as the plants. Innovative new products rolled out one after another – Ivory Flakes, a soap in flake form for washing clothes and dishes; Chipso, the first soap designed for washing machines; Dreft, the first synthetic house-hold detergent; and Crisco, the first all-vegetable shortening that changed the way consumers cooked. They were marketed through equally innovative techniques, including

radio "soap operas," product sampling and promotional premiums.

Иначе говоря, в корпоративном дискурсе компании акцентируются такие понятийно-дефиниционные характеристики концепта «leadership», как первенство, творчество, инновационность. Коннотация успешности «leadership» в контекстах усиливается за счет использования лексем *first, innovative, new*.

Что касается «integrity», то в словаре находим следующие дефиниции:

– the quality of being honest and having strong moral principles: personal/professional/artistic integrity to behave with integrity a man of great integrity;

– (formal) the state of being whole and not divided: to respect the territorial integrity of the nation. (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

В словаре делового английского «integrity» имеет практически такие же дефиниции:

– the quality of being honest and having strong moral principles that you refuse to change: "He was a journalist of immense skill and integrity".

– the quality of being whole and complete: "They do not independently check the integrity of the data that companies send to them." (Cambridge Business English Dictionary).

Примечательно, что в дефинициях используется прилагательное *honest*, значение которого предполагает правдивость поведения. Данное прилагательное дополняется указанием на необходимость обладания высокими моральными принципами.

Иначе говоря, главными понятийно-дефиниционными характеристиками концепта «integrity» являются «честность», «правдивое поведение», «порядочность», «следование высоким моральным принципам».

Излишне говорить о том, какую роль играют честность и порядочность в деловых отношениях. Достаточно вспомнить нерушимое «честное купеческое слово» русских купцов, которое служило основой многих сделок. Японские фирмы не имеют складов, потому что, если есть договор о поставках, то можно быть уверенным, что продукция будет доставлена в срок и в полном объеме. Фирма, которая обманывает потребителя и партнеров, недолго продержится на рынке. Один нечестный поступок может мгновенно разрушить репутацию компании, которая создавалась годами. Именно поэтому фирмы так трепетно относятся к данной корпоративной ценности и часто используют слово *integrity* для ее вербализации. Разворачивая ее, компании подчеркивают некоторые аспекты обозначаемого понятия, например,

1) Integrity: *We are honest, open, ethical, and fair. People trust us to adhere to our word.* (Adidas)

2) Integrity means we are consistently open, honest, ethical and genuine. (Genetech)

3) Integrity

We always try to do the right thing.

We are honest and straightforward with each other.

We operate within the letter and spirit of the law.

We uphold the values and principles of P&G in every action and decision.

We are data-based and intellectually honest in advocating proposals, including recognizing risks (P&G).

Путем употребления синонимов *honest* и *open* обогащается понятийно-дефиниционная характеристика концепта «integrity» «честность», поскольку *honest* подразумевает правдивое поведение, а *open* – отсутствие скрытности, открытость поведения. При этом *consistently* указывает на постоянный характер такого поведения.

Словосочетание *honest and straightforward with each other* еще больше уточняет данную характеристику, так как правдивое поведение (*honest*) неизбежно ассоциируется с прямой и недвусмысленной речью (*straightforward*), желанием вести открытый диалог.

Второй понятийно-дефиниционной характеристикой концепта «integrity» является «следование высоким моральным принципам». В рассмотренном материале актуализация данной характеристики осуществляется путем контекстуальной контактности *integrity* с такими единицами, как *ethical* и *fair*, выступающими в качестве сильных ассоциативных признаков «integrity». Словосочетание *operate within the letter and spirit of the law* продолжает и укрепляет ассоциативный ряд, подчеркивая, что «высокие моральные качества» немислимы при нарушении буквы закона. Причем фраза *people trust us to adhere to our word* актуализирует имплицитно-ассоциативный способ репрезентации концепта «integrity»: люди доверяют только тому, чьи высокие моральные принципы не вызывают сомнения, поскольку он не способен обмануть.

Таким образом, как показало проведенное исследование, в корпоративном дискурсе находит отражение весь комплекс понятийно-дефиниционных характеристик концептов «leadership» и «integrity», но за счет контекстуальной контактности с синонимичными лексемами или путем использования имплицитно-ассоциативного способа выражения вербализируются субъективные представления о референтах, характерные для сферы международного бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 136–137.

2. Асаул, А.Н. Культура организации: проблемы формирования и управления / А.Н. Асаул. – Санкт-Петербург : Гуманистика, 2006. – 203 с.

3. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная лингвистика / Н.Н. Болдырев. – Москва, Берлин : Директ Медиа, 2016. – 251 с.
4. *Вежибцкая, А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежибцкая. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 457 с.
5. *Гойхман, О.Я.* Профессиональное речевое взаимодействие: стратегии и роли / О.Я. Гойхман // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2015. – Т. 4, № 6. – С. 12–15.
6. *Гурова, Е.Ю.* Общетеоретические основы изучения концепта «лидерство» / Е.Ю. Гурова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2014. – № 5. – С. 99–103. – (Сер. Гуманитарные и социальные науки).
7. Изменение корпоративной культуры в организациях / Д. Денисон, Р. Хойшберг, Н. Лэйн, К. Лиф. – Санкт-Петербург : Питер, 2015. – 192 с.
8. *Дёмин, Д.* Корпоративная культура. 10 самых распространенных заблуждений / Д. Дёмин. – Москва : Альпина-Паблицер, 2020. – 154 с.
9. *Карасик, В.И.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 13–15.
10. *Капитонов, Э.А.* Корпоративная культура: теория и практика / Э.А. Капитонов. – Москва : Альфа-Пресс, 2005. – 352 с.
11. *Литягина, Е.А.* К вопросу об изучении английской бизнес-терминологии в отечественной и зарубежной специализированной литературе / Е.А. Литягина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 1. – С. 137–144.
12. *Лихачев, Д.С.* Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. В.П. Нерознака. – Москва : Ин-т народов России, 1997. – С. 280–287.
13. *Минаева, Л.В.* Корпоративный медиадискурс: риторический анализ / Л.В. Минаева // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2018. – № 2. – С. 8–15.
14. *Мулладжанова, Н.С.* Англоязычные опосредованные терминологические заимствования в русском языке как результат взаимодействия языков и культур / Н.С. Мулладжанова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 49–53.
15. *Прошина, З.Г.* Терминологическая сумятица в новом лингвистическом ракурсе: метаязык контактной вариантологии / З.Г. Прошина // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2015. – № 1. – С. 105–117. – (Серия: Теория языка, семиотика, семантика).
16. *Смит, Л.* Английский как вспомогательный язык международного общения / Л. Смит // Личность. Культура. Общество: междунар. журн. соц. и гуманитар. наук. – 2010. – Т. XII, Вып. 2. – № 57–58. – С. 149–154.
17. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – Москва : Академический проект, 2001. – 990 с.
18. *Степанов, Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 400 с.
19. *Стернин, И.А.* Концепт как структура / И.А. Стернин // Филологические записки. – Воронеж : Воронежский университет, 2007. – Вып. 26. – С. 190–198.
20. *Шарков, Ф.И.* Корпоративная культура в системе общественных связей и отношений / Ф.И. Шарков, Я.М. Прохоров, А.Л. Родионов. – Москва : АТиСО, 2002. – 122 с.
21. *Шведова, Н.Ю.* Русский язык: Избранные работы / Н.Ю. Шведова. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 638 с.
22. *Grof, A.* Communication in the creation of corporate values / A. Grof // Corporate Communications: An International Journal. – 2001. – Vol. 6, № 4. – P. 193–198.
23. *Ntongho, R.A.* Culture and corporate governance convergence / R.A. Ntongho // International Journal of Law and Management. – 2016. – Vol. 58, № 5. – P. 523–544.
24. Top 10 Core Values at the Top 10 Medium Sized Workplaces. – URL: <https://yscouts.com/culture-2/top-10-core-values-medium-workplaces/> (accessed: 15.11.2020).
25. 190 Brilliant Examples of Company Values // 6Q Blog. – No year. – URL: <https://inside.6q.io/190-examples-of-company-values/> (accessed: 10.01.2020).

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-89-96

ЭКСПЛИЦИТНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ АВТОРА В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: Я/ МЫ/ ИЛИ НЕКИЙ ВСЕОБЩИЙ РАЗУМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

И.Б. Ушакова

Статья посвящена сравнительному анализу степени манифестации авторского «я» в научных статьях на русском и английском языках. В работе представлены как результаты изучения методических рекомендаций по данному вопросу, так и анализ подборки научных статей гуманитарного (в основном лингвистического) профиля, написанных носителями русского и английского языков. Рассматриваются группы средств, которые применяются для авторизации изложения в текстах научных статей. Делается вывод о том, что выбор автора в пользу «безличного» или «личного» текста связан не только с локальным культурно-языковым кодом автора, но и с особенностями его индивидуального стиля, его склонностью к той или иной степени категоричности суждений.

Ключевые слова: авторское «Я», научные статьи по лингвистике, научный письменный стиль, «безличные» и «личные» тексты.

AUTHOR'S SELF-REPRESENTATION IN RESEARCH PAPERS IN RUSSIAN AND ENGLISH: I/ WE/ OR SOME UNIVERSAL MIND

I.B. Ushakova

The article deals with the comparative perspective on author's self-representation in research papers in Russian and English. It presents both the results of studying recommendations on this issue from academic and scientific writing guides, and the analysis of the humanities (mainly, linguistic) research papers corpus. The study shows different means used for authorial self-reference in these texts. It claims that the authors' choice in favor of an "impersonal" or "personal" text is associated not only with their local cultural and language codes, but also with the specifics of their individual style, their inclination to be more or less cautious in presenting their judgments.

Key words: authorial identity, linguistics research papers, academic and scientific writing, "impersonal" or "personal" texts.

Когда профессору-физику Джеку Хезерингтону сообщили, что он не может быть указан единственным автором своей научной работы, так как в ней употребляются местоимения «мы», «наш», то он предпочел не переписывать работу, а добавил в соавторы своего кота.

На первый взгляд, странно выводить в эпиграф научной статьи шутку. Однако нет необходимости доказывать, что анекдоты, шутки – это отражение актуальных проблем, волнующих представителей того или иного сообщества. Шутка, приведенная в эпиграфе, есть отражение реально существующего частного вопроса написания научного текста, а именно вопроса об эксплицитном выражении мнения автора в научных текстах. Осмелюсь предположить, что почти каждый, читающий данные строки и когда-либо писавший научные тексты, хоть раз задавал себе вопрос, насколько уместны и допустимы в научной статье явные указания на собственное

мнение. Ведь, по сути, вся работа – это отражение взгляда автора на ту или иную проблему. Почему у автора, являющегося единственным автором статьи, не поднимается рука написать *на мой взгляд, по результатам моего исследования* вместо *на наш взгляд, по результатам нашего исследования*?

В целом считается, что а) стиль научного письма должен быть объективен, лишен субъективности, и б) англоязычная практика научного письма склонна к более эксплицитному выражению собственного «я». В современной ситуации глобализации научной практики важно знать а) общие принятые требования по данному вопросу и б) реаль-

Ушакова Ирина Богдановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Факультета международных экономических отношений Хабаровского государственного университета экономики и права.

Ushakova Irina Bogdanovna – Doctor (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Economic Activity, Khabarovsk State University of Economics and Law.

E-mail: irina.ushakova.16@mail.ru

© Ушакова И.Б., 2021

ное положение дел в практике академического письма на русском и английском языках.

В данной статье будет проведен сравнительный анализ средств выражения мнения автора в научной работе (на материале русского и английского языков) с двух позиций:

1) с прескриптивной точки зрения, т.е. мы рассмотрим требования и методические рекомендации (русскоязычные и англоязычные);

2) с практической точки зрения, т.е. мы проведем анализ интересующего нас явления в научных статьях гуманитарного (преимущественно лингвистического) профиля русскоязычных и англоязычных авторов. Статьи отобраны методом случайной выборки.

Методические рекомендации по вопросу выражения мнения автора в научном тексте на русском языке

Анализ восьми работ на русском языке, посвященных написанию научного текста [6; 7; 11–14; 20; 22], позволяет сделать следующий вывод.

Среди прочих отличительных характеристик научного стиля отмечаются следующие:

- объективность изложения, понимаемая как соответствие излагаемого материала действительности, отсутствие субъективной оценочности; научный текст – это изложение, где автор и его оценка отодвигаются на задний план;

- безличность, понимаемая как стремление к крайне ограниченному использованию авторского «я», как проявление черт отвлеченности, обобщенности и объективности. Вопрос, что писать в научном тексте – *я* или *мы*, актуален в первую очередь для специалистов гуманитарных, но не технических наук, где провести лабораторный эксперимент и сделать открытие в одиночку часто просто невозможно [4; 13].

Что касается *я* и *мы*, то подавляющее большинство авторов рекомендует использовать *мы* вместо *я*, *наше* вместо *моё*, не злоупотребляя этими единицами в тексте.

Так, Е. Ярская-Смирнова пишет, что «повествование обычно ведется в безличной форме "Представляется, что..." или от первого лица во множественном числе "Мы полагаем, что..."». Реже повествование ведется от первого лица в единственном числе: "Я не могу согласиться с ..."» [22: с. 22].

Заслуживает внимания полная цитата описания В.В. Радаевым трансформации отношения научного сообщества к вопросу «я» или «мы»? в научном тексте: «... "я" или "мы"? В советское время думать над этим и многими другими вопросами не приходилось, ибо выбора никакого не было. Редакторы автоматически ставили "мы", "нас", "наше". Такая безличная форма воспринималась нами как один из продуктов советского строя, еще одно свидетель-

ство проведения сверху коллективистских установок. Поэтому, когда началась перестройка, я и мои молодые коллеги начали вставлять "я" вместо "мы" и были ужасно горды. Как будто одержали важную победу. А потом "мы" начало восстанавливаться. Выяснилось, что это не атавизм советской эпохи и не отрывка коммунистического коллективизма, а нормальное проявление академического стиля. Говоря "наше" вместо "мое", мы подчеркиваем то, что говорим от лица профессионального сообщества, что мы соединены с этим сообществом, придерживаемся его норм и правил. В своей работе мы обращаемся к этому сообществу и одновременно выступаем его представителями. В этом смысле написанное нами не является исключительно нашим личным продуктом, это продукт сообщества профессионалов. И в этом нет ничего, что бы затрагивало наше самолюбие и принижало наше достоинство. Напротив, это укрепляет нас. А если это "мы" по чему ласково и ударит, то по самолюбию маргиналов и "чайников", которые озабочены своим "ячеством". До гордого "мы" надо еще дорасти» [14: с. 288].

Некоторым особняком в данном контексте звучит мнение И.Б. Короткиной, которая считает, что *мы* в значении *я* звучит нелепо. Этот вопрос, по мнению автора, связан с ответственностью за текст и проведенное исследование. Если исследование проведено одним автором, то должно быть *я*. Однако и употребления *я* должны быть оправданными, и совершенно излишне на протяжении всего текста писать *я думаю*, *я считаю* или *я уверен* [6: с. 248]. Стоит подчеркнуть, что И.Б. Короткина активно пропагандирует в своей практике использование англоязычной методической литературы по академическому письму.

При этом все авторы отмечают, что использование *я* в русских письменных научных текстах является очень редким фактом.

При этом нам встретился лишь один автор, в категоричной форме запрещающий использование личного местоимения *я* в научном тексте [11: с. 98].

Чтобы избежать лишних *мы*, *нами* и т.п., рекомендуется использовать пассивные конструкции (*В статье рассматривается проблема...*, *Разработан комплексный подход к исследованию...*), безличные предложения (*Целесообразно предложить...*) и скрытый субъект (*Рассмотрим вопрос о...*). Такая стратегия устраняет необходимость фиксации субъекта действия и тем самым избавляет от необходимости вводить в текст работы личные местоимения [6; 12].

Следует отметить, что существуют употребления *мы* в научном тексте, которые можно записать такой формулой, как *мы = автор с читателем*. Автор как бы предлагает читателю совершить дей-

ствия вместе ним, приглашает его к союзу (*Как мы видим..., здесь мы встречаемся..., мы можем сделать вывод...*).

Методические рекомендации по вопросу выражения мнения автора в научном тексте на английском языке

Теперь обратимся к англоязычным методическим рекомендациям по написанию научных текстов. Западные коллеги не столь единодушны по вопросу целесообразности открытого выражения собственного «я» в научных текстах¹. С одной стороны, почти половина авторов проанализированных методических рекомендаций (3 из 8) следуют традиционной линии и советуют стремиться к безличности и объективности, использовать местоимения *we*, *our* или вообще избегать личных местоимений [27; 31; 36]:

In scientific writing, narrate with the pronoun “we”. This style serves a didactic purpose: “we” refers to “you” (the reader) and “I/we” (the authors) together. Sometimes, you may need to express an opinion. These cases should be made clear from context [27: с. 6].

Good scientific writing is characterised by objectivity. . . . The use of personal pronouns is unnecessary, and can lead to biases or unsupported assumptions. In scientific papers, therefore, personal pronouns should not be used. When you write a paper, unless you attribute an opinion to someone else, it is understood to be your own. Phrases such as ‘in my opinion’ or ‘I think,’ therefore, are superfluous and a waste of words . . . For the same reasons, the plural pronouns *we* and *our* are not used [31: с. 2–3].

Однако другая половина авторов считают, что традиционный научный стиль в целом тяжел для чтения, и рекомендуют более свободный научный стиль (“a more readable approach to academic writing”) [23; 29; 32; 34].

- It is best to write in the first person singular: *I will argue that...* Personally, I find the first person plural very pompous sounding: (e.g. *We will argue that...*). Above all, avoid the agentless passive construction. Never use phraseology like *It has been argued that ...* You would be amazed how often it is really not clear who has done the arguing [32: с. 2].

- If we examine the text of scientific articles it is clear that there is a generally accepted way of writing them. Scientific text is precise, impersonal and objective. It typically uses the third person, the passive tense, complex terminology, and various footnoting and referencing systems... I have argued in this chapter for a more readable approach to academic writing. However, these views are not shared by all [23: с. 3].

Примечательно, что есть методические рекомендации, в которых использование личных местоимений *I / me / my* описывается как позволительное для известных ученых (ученых «со статусом»), для остальных же предпочтительны конструкции с *we / us / our*:

- It is best for writers to avoid describing their findings in the first person *I / me / my*, since normally these pronouns would only be used by famous and important researchers or representatives of schools. In general, structures with *we / us / our* are preferred. This also has a rhetorical function: it implies the inclusion of the author as a co-member of a group [33: с. 30].

Результаты анализа текстов научных статей на русском и английском языках с точки зрения выраженности мнения автора

Анализ текстов научных статей с точки зрения выраженности мнения автора проводился следующим образом. Методом случайной выборки были собраны статьи гуманитарного профиля (преимущественно лингвистические), написанные носителями русского и английского языков и опубликованные в рецензируемых научных журналах² в период с 2000 по 2019 г. Подборка включала 50 статей на русском языке и 30 статей на английском языке. Качественный анализ представлял собой внимательное прочтение текста статьи с целью выявления способов и степени выражения личности автора научного текста. Были выбраны статьи с одним автором, поскольку такая выборка позволяет высветить чистоту случаев использования личных местоимений *я / мы*.

Прежде чем представить результаты собственного анализа, хотелось бы отметить, что в литературе по данной теме встречается немало работ, в которых подробнейшим образом описаны результаты сравнительных статистических подсчетов частотности средств выражения личности автора в научных текстах на разных языках (на материале английского, французского и немецкого [30], английского и итальянского [28], английского и словацкого [35], на материале работ, написанных носителями и не носителями английского языка (например, представителями китайской культуры [24]).

Не умаляя ценности количественных подсчетов и выводов на их основе, подчеркну, что вдумчивый анализ материала дает возможность увидеть текст каждой работы целиком и оценить с точки зрения читателя объем присутствия личности автора в тексте. В статистических математических подсчетах

¹ Об отсутствии единого мнения насчет «степени деперсонализации научного текста» см. также: [8: с. 145–146].

² Вопросы языкознания, Вестник СПбГУ. Язык и литература, Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология, Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, English Language and Linguistics, Journal of English for Academic Purposes, Written Communication, Korea TESOL Journal.

считается даже количество слов всего отобранного материала для выявления частотности и выводится средний показатель. Это также, как пресловутая «средняя температура по больнице»: средние показатели не отражают особенностей каждого случая. При этом в ходе качественного анализа каждой конкретной работы можно увидеть, что одна статья фактически обезличена, а автор другой статьи смело демонстрирует своё «я» в тексте.

Итак, сформулируем наблюдения.

В англоязычных статьях присутствие авторученого ярче выражено благодаря высказываниям с личными местоимениями *I / my / me*:

I will argue that... / I will propose...

I examine / present / suggest ...

My final example ... / in my account... / my question is...

From my own personal perspective...

What I have been tacitly assuming here is ...

As far as I am aware...

I would like to conclude ...

It seems likely to me that...

My own solution to this dilemma is this...

In the present article I explore and analyze...

I have tried to argue above that...

I challenge the argument ...

Instead I propose that...

Эти высказывания встречаются преимущественно в описании причин обращения к теме исследования в начале статьи, в описании задач, поставленных в исследовании, в части описания процедуры исследования.

В контексте это может выглядеть так:

• *Since 1996 I have been investigating how such a hypertext commentary might function. This project has focused on practical rather than theoretical issues, since I chose to approach the task by producing a commentary on the book of Amos.*

• *This is the most striking weakness I can see in Phillipson's arguments.*

• *Thus, however much this question has been considered in the past, I can assure readers who might believe otherwise that every one of the criteria discussed here has been suggested to me in the last two years or so as being a possible criterion for distinguishing compounds from syntactic constructions, and that I am not simply setting up a straw man.*

• *In addition to the text analyses, I interviewed one supervisor from each field... I used a semi-structured format consisting of a series of open-ended interview prompts.*

• *I shall begin by considering some possible criteria for distinguishing between syntactic constructions and compounds. I shall then ask whether these various possible criteria correlate with each other. It should be noted at the outset, however,*

that I am taking on an impossible task in this paper: I am trying to prove a negative. I take it as given that I cannot prove conclusively that there is no difference between two sets of constructions. All I can do, and what I shall attempt to do here, is suggest that criteria which have been advanced in the past as the basis for drawing a distinction do not have the effect that has been claimed for them. In other words, I shall argue not that it is impossible to draw a distinction between two classes of construction in this area, but that we do not appear to have sufficient reason to divide the class of noun + noun sequences into two separate classes whose behaviour can be distinguished in a consistent manner.

Последний пример был приведён полным текстом, чтобы показать, насколько частотным и непривычным (для русскоязычного читателя, привыкшего к другому научному стилю) может быть использование личного местоимения *I* в англоязычном научном тексте.

Помимо высказываний с личными местоимениями *I / my* голос автора передается с помощью таких выражений, которые позволяют выразить сомнение, разную степень уверенности или отношение к сообщаемой информации: *Surprisingly, ... It seems / appears that... Thus, it seems reasonable to assume that...; ...may be seen as rather unlikely...*

Использование местоимения *we* может также включать режим «мы = автор с читателем», так называемое «инклюзивное мы»:

• *The question we should consider is...*

• *Again, we can ask a similar question:...*

• *We may divide the scholars who have answered this question into two camps: the splitters and the lumpers.*

При этом небезынтересно отметить, что наряду с тактикой активного авторского голоса в англоязычных статьях традиционно используются выражения: *The article argues... The paper discusses... The study focuses on...* Подобные выражения абсолютно исключают автора из интеллектуального процесса порождения научной статьи (*Статья анализирует / обсуждает / фокусирует внимание ...*). Степень деперсонализации подобного текста схожа с традицией русского научного текста (*В статье рассматривается / анализируется / проводится исследование...*) с той лишь разницей, что в английском тексте – действительный (активный) залог, а в русском – страдательный (пассивный).

В русскоязычных статьях присутствие авторученого, безусловно, меньше. И оно менее заметно, если учесть, что русскоговорящему ученому трудно излагать свой материал через местоимения *я / мой*. Практически невозможно переступить укоренившееся «мы-скромности» (в формулировке С.Г. Тер-Минасовой [17: с. 120]). Однако это не всегда означает обезличенность русского научного текста.

Средствами включения личности автора являются следующие слова и выражения:

*Как представляется, ... / представляется, что ...
Разумеется, ...*

Можно предположить.... / Поэтому можно полагать, что...

Рискну предположить...

Как кажется....

Очевидно, что ...

Думаю, что...

Думается...

По-видимому, .../ по всей видимости, ...

Подчеркнем / отметим / заметим, что...

Ошибочно было бы все усечения связывать с ...

При этом нельзя не признать, что ...

Может, это излишне категорично, но верно по сути...

В завершение хочется выразить надежду, что ...

Если автор всё же использует личные местоимения, то это будут прежде всего *мы / наш* (мы-текст):

Наш тезис состоит в том, что ...

Нам ближе третий тип понимания...

Поскольку мы поддерживаем положение...

Мы полагаем / предлагаем / считаем...

По результатам нашего исследования...

Наши наблюдения показывают, что...

Примеры, когда исследователь называет себя в третьем лице единственного числа *автор*, встречаются реже:

В настоящей статье автор высказывает свои соображения по поводу...

Автор отдаёт себе отчёт ...

Автор настоящей статьи отнёс предложения...

Автор настоящей статьи провёл пилотное исследование ...

Статьи с эксплицитным выражением мнения автора в виде *я*-текста действительно являются редкостью:

Мне пришла в голову мысль...

Насколько мне известно...

Моей задачей в этой статье будет...

Я полагаю / я рассматриваю / я сужу / я поступаю...

Мне представляется...

Теперь мне бы хотелось более подробно рассмотреть...

Как я уже говорил ...

Хотелось бы отметить следующее наблюдение. При анализе статей из журнала «Вопросы языкознания» обратил на себя внимание факт большей частотности выражения *по-видимому* в сравнении с выражениями, синонимичными по значению. Анализ примеров позволяет предположить, что использование *по-видимому* – это тактика замены, избегания «коварных» выражений с личными местоимениями *на мой взгляд / на наш взгляд*.

Заметим также, что возможности русского языка позволяют авторам «озвучить» свой голос, избегая при этом личных местоимений первого лица единственного числа:

Думается / кажется вместо *мне думается / мне кажется*; *полагаю* / вместо *я полагаю*; *позволю / рискну* / *осмелюсь предположить* вместо *я позволю себе / я рискну / я осмелюсь предположить*....

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что не только в подборке статей на русском языке встречаются абсолютно обезличенные («объективные») работы, в которых автор приложил, очевидно, невероятные усилия, чтобы написать текст, ни разу не проявив себя. Однако количество таких работ на русском языке существенно больше, чем на английском (табл. 1). Не исключено, что полное отсутствие самоидентификации связано с такой позицией: раз традиционно *я* не используется, а *мы* неприемлемо для данного автора, то лучше вообще исключить любые личные местоимения и любые указания на личность автора.

Таблица 1

Сравнение русскоязычных и англоязычных научных статей по степени присутствия личности автора в тексте

Критерий	Статьи на русском языке (один автор)	Статьи на английском языке (один автор)
Личность автора присутствует (больше 5 случаев употребления средств авторизации)	27	21
Присутствие личности автора минимизировано (1–5 случаев употребления средств авторизации)	12	7
Безличный текст	11 ³	2
Всего	50	30

В нижеприведённой таблице мы видим распределение количества статей с *я*-текстом и *мы*-текстом в общем количестве статей с указанием на личное присутствие автора (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение русскоязычных и англоязычных научных статей по критерию авторского выбора между «я-текстом» и «мы-текстом»

Критерий	Статьи на русском языке (один автор)	Статьи на английском языке (один автор)
Я-текст (с включением «инклюзивного мы/we»)	3	28
Мы-текст	36	0
Всего	39	28

³ Интересно отметить, что большая часть этих статей (8 из 11) – это статьи по философии, области науки с высоким индексом субъективности, что, в принципе, справедливо по отношению ко всем гуманитарным наукам.

Обсуждение и выводы

Нельзя не согласиться с мнением исследователей, утверждающих, что традиция прятать свое личное «я» в целом, и в научном тексте в частности заложена в культурно-языковом коде народов с сильной коллективистской традицией⁴ [1; 19; 24; 35]. Такая ситуация «скромного авторского *мы*» [9] или вообще отсутствия указания на свою личность в тексте вполне объяснима, приемлема и даже предпочтительна для носителя языка, на котором говорят *мы с семьей / мы с друзьями* в отличие от стандартного английского сочетания *my family and I / my friends and I* (где *I* хоть и по-джентельменски на втором месте в подобных сочетаниях, но всегда в английском языке с заглавной буквы!). При этом в русском языке ещё есть глагол *якать* «слишком часто упоминать себя в речи, произнося я». И этот глагол имеет явную негативную коннотацию: *Друг мой начал задаваться и якать. Да что ты поминутно якаешь?* Как сказал один равнодушный автор, размышляя над вопросом «я или *мы* в научном тексте?»: *Конечно, сверх необходимости “якать” нехорошо, но “мыкать” еще хуже* (Скворцов А.К., д-р. биолог. наук)⁵.

Закономерно, очевидно, и следующее наблюдение: публикации в региональных рецензируемых журналах в целом более безличные, чем в центральных научных журналах. Можно сказать так: чем «периферичнее» автор (чем дальше он находится от центра), тем «скромнее» и «безличнее» текст его научной статьи.

Однако важно ещё раз отметить, что в англоязычных пособиях и исследованиях по научному стилю вопросу выражения голоса автора обязательно уделяется особое внимание. Это говорит о том, что это, во-первых, немаловажный вопрос, а во-вторых, и среди англоязычных авторов есть те, кто в стремлении к объективности и в инертном следовании раз и навсегда заведённой привычке, отработанной тактике создают довольно безличные, «сухие» тексты.

Так, в своей книге об эффективном научном стиле Х. Сворд пишет, что были времена, когда в научном тексте личные местоимения были под запретом: «Once upon a time, PhD students across the disciplines

were taught that personality should never intrude upon scholarly writing... *I* and *we* dared not speak their names» [34: с. 36]. Однако эти времена прошли, и большая часть рекомендаций по научному письму разрешает использование личных местоимений, при этом есть авторы, которые остались верны старой традиции («They still couch their arguments in an impersonal yet authoritative style that represents opinion as fact» [Ibid.]), когда их учили писать безлично, чтобы звучать по-научному: «Social scientists often tell me that they **have been trained** to avoid *I* and *we*, even though the APA Publication Manual, the dominant style guide in the social sciences, has advocated the use of personal pronouns since 1974. ... we're supposed to **sound objective, like scientists**» [34: с. 39].

В своей вдохновляющей работе Х. Сворд высказывает мнение о том, что более личные научные тексты являются более сильными по воздействию на читателя, более убедительными, по крайней мере, они честнее, поскольку явным образом представляют мнение как мнение, а не как объективную правду: «If the authors allowed themselves to speak as themselves their sentences would immediately become more energetic, more persuasive, and easier to understand. ... It is, however, more honest, making no attempt to camouflage opinion as historical truth» [34: с. 37–40].

Наблюдения позволяют предположить, что не смотря на объективно существующую тенденцию больше скрывать Я-автора в научных текстах на русском языке, чем на английском, всё же это также связано с индивидуальным стилем, научной и языковой свободой каждого конкретного автора. Среди статей на русском языке есть такие, в которых авторы смело используют разнообразные средства – маркёры их мнения, иными словами, есть авторы с очень «личными» текстами. При этом верно и обратное: среди англоязычных авторов встречаются те, которые предпочитают минимизировать (иногда до абсолютного нуля) своё присутствие в научном тексте. Таким образом, при наличии общей лингвокультурной традиции-характеристики научного стиля на том или ином языке (как более и менее личного), есть и индивидуальный стиль автора, который, видимо, с одной стороны, зависит от традиций научной школы автора, его опыта, иногда статуса в научной среде⁶, а с другой стороны, от свойств личности автора, степени категоричности, с которой автор привык высказывать собственную точку зрения.

Использование / неиспользование средств выражения мнения автора входит в поле вопроса о некатегоричности / категоричности научного стиля.

⁴ Однако примечательно, что в период становления научного стиля русского языка субъективная модальность присутствовала в текстах ученых. Так, анализируя научные труды М.В. Ломоносова, исследователи обнаруживают активную авторизацию в его научных работах, подчеркивая частотное употребление личных местоимений (*я/мой* в случаях выражения личного мнения и *мы/наш* в случаях описания экспериментов, проводимых с ассистентами) [5: с. 57–58].

⁵ http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NATURE/05_02/LANGUAGE

⁶ Как гласит известная пословица, *Quod licet Jovi, non licet bovi* («Что позволено Юпитеру, не позволено быку»).

Некатегоричность (обозначаемая также термином «хеджирование») рассматривается исследователями как крайне значимая стилевая черта научного текста⁷ [2; 16; 21; 25; 26]. Средства хеджирования (в том числе и фразы с личными местоимениями, и выражения, упоминавшиеся выше) позволяют автору формулировать суждение не как абсолютную истину, а как такое, которое «допускает существование альтернативных мнений» [10: с. 5]. Значит, с некоторым преувеличением можно утверждать, что отсутствие средств хеджирования в тексте должно восприниматься как маркёр текста, сообщающего абсолютное знание, и маркёр автора, абсолютно убеждённого в своем мнении. И здесь авторам научных текстов полезно будет поразмышлять над содержанием следующих цитат: *Категоричность – признак ограниченности* (Конфуций), *Противоположностью истины является другая истина* (Ж. Вольфром) и *Истина редко бывает чистой и никогда – однозначной* (О. Уайльд).

Учитывая всё вышесказанное, следует поддерживать мнение исследователей о том, что пренебрежение (или невладение) средствами выражения авторского «я» ведёт к гипертрофированной обезличенности и невыразительности научного текста, ослабляет его коммуникативный потенциал и не должно быть нормой научной речи [3; 7; 18; 19].

В заключение хотелось бы высказать призыв к коллегам, авторам научных статей быть более свободными и открытыми при написании своих работ. Современный научный стиль меняется вместе с меняющимся миром, хоть и не так быстро. И это не призыв начинать активно использовать местоимения *я / мой* в тексте статей, если это против нашего (возможно, существующего) национального характера и исторической памяти. Есть немало других упомянутых выше эффективных способов сделать текст немного более «личным» без потери при этом своей национально-культурной идентичности.

Выявление и подчеркивание отличий в стиле научного письма на русском и английском языках нередко приводит исследователей, занимающихся этой темой, к заключению о том, что авторам – носителям английского языка необходимо не только осознавать эти различия, но и учиться менять свой привычный стиль письма, избавляться от «локальных» специфических черт, особенно если есть цель быть успешным, высококонкурентным в глобальном академическом пространстве. Мне все же ближе позиция тех исследователей [15; 30], которые предлагают рассматривать и сохранять куль-

турное «локальное» разнообразие в письменной и устной научной практике как актив и возможность обогащения межкультурного взаимодействия⁸.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болсуновская, Л.М. Лексические средства выражения позиции автора в русском и английском научнотехническом письменном дискурсе (на материале текстов по геологии) / Л.М. Болсуновская // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 114 (10). – С. 488–509.

2. Горина, О.Г. Лингвистический хеджинг как коммуникативная стратегия (в русле корпусных исследований) / О.Г. Горина, В.Е. Храброва // Вестник Новосибирского гос. ун-та. – 2017. – № 3. – (Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-hedzhing-kak-kommunikativnaya-strategiya-v-rusle-korpusnyh-issledovaniy> (дата обращения: 18.12.2019).

3. Жаркынбекова, Ш.К. Выражение авторской позиции в научных статьях: метадискурсивные стратегии создания межличностных отношений / Ш.К. Жаркынбекова, А.А. Байбатырова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2019. – № 2. – С. 188–213.

4. Колесникова, Н.И. Что важно знать о языке и стиле научных текстов / Н.И. Колесникова // Высшее образование в России. – 2010. – № 3. – С. 130–137.

5. Комышкова, А.Д. Субъективная модальность научного текста XVIII века: к вопросу о формировании специфики научного стиля русского языка / А.Д. Комышкова, А.П. Судакowa // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 2. – С. 55–61.

6. Короткина, И.Б. Академическое письмо: процесс, продукт и практика : учебное пособие для вузов / И.Б. Короткина. – Москва : Юрайт, 2015. – 295 с.

7. Котюрова, М.П. Культура научной речи: текст и его редактирование : учебное пособие / М.П. Котюрова, Е.А. Баженова. – Москва : Флинта : Наука, 2018. – 280 с.

8. Кузнецова, Л.Б. «Актив или пассив? «Я» или «мы»? / Л.Б. Кузнецова, С.А. Сучкова // Высшее образование в России. – 2015. – № 8–9. – С. 143–148.

9. Лосева, А.П. Формы авторской скромности в современном русском языке / А.П. Лосева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – № 2 (48). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-avtorskoj-skromnosti-v-sovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения: 04.05.2020).

10. Милянчук, Н.С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Милянчук Наталья Сергеевна. – Владивосток, 2005. – 23 с.

11. Морозов, В. Культура письменной научной речи / В. Морозов. – Москва : Икар, 2008. – 268 с.

12. Особенности научной речи. – URL: <https://lektsii.org/5-73185.html> (дата обращения: 10.04.2018).

13. Правила написания научной статьи / Единая редакция научных журналов Балтийского федерального универ-

⁷ “Together this literature has demonstrated the **clear pragmatic importance of hedging as a discursive resource for expressing uncertainty, scepticism and open mindedness about one’s propositions**” (выделено мной. – И.У.) [26: с. 433].

⁸ “... every effort should be made to preserve the present plurality of linguacultures through adequate writing instruction in each language. Without such efforts there is a real danger that uniformity and monoculture will be the order of the day, seriously constraining the linguistic, conceptual and methodological richness afforded by the current diversity of linguacultures and world-views” [30: с. 144].

ситета им. И. Канта. – URL: https://journals.kantiana.ru/authors/imk/rules_for_writing_a_scientific_paper (дата обращения: 10.04.2018).

14. Радаев, В.В. Как написать академический текст? / В.В. Радаев // Вопросы образования. – 2011. – № 1. – С. 271–293.

15. Раевская, М.М. К вопросу об академической идентичности в глобализованном научном дискурсе / М.М. Раевская // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 18–25.

16. Темирбулатова, А.С. Научный текст: оценка, дисциплинарный контекст, хеджирование / А.С. Темирбулатова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 10-3 (52). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnyu-tekst-otsenka-distiplinarnuyu-kontekst-hedzhirovanie> (дата обращения: 18.12.19).

17. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межязыковой и межкультурной коммуникации / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2008. – 344 с.

18. Фомина, М.А. Языковая личность участника академического дискурса / М.А. Фомина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 172–177.

19. Хутыз, И.П. Особенности конструирования академического дискурса: ориентация на читателя / автора / И.П. Хутыз // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2015. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-konstruirovaniya-akademicheskogo-diskursa-orientatsiya-na-chitatelya-avtora> (дата обращения: 01.07.2020).

20. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста : учебное пособие / В.Е. Чернявская. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. – 128 с.

21. Щемелева, И.Ю. Лексические средства хеджирования в англо-американском академическом дискурсе: теория и ее практическое применение в курсе английского языка для академических целей / И.Ю. Щемелева // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ / отв. ред. Т.А. Барановская. – Москва : Pearson, 2013. – С. 320–330.

22. Ярская-Смирнова, Е. Создание академического текста : учебное пособие / Е. Ярская-Смирнова. – Москва : Вариант : ЦСПГИ, 2013. – 156 с.

23. Hartley, J. Academic Writing and Publishing: A practical handbook / J. Hartley. – New York : Taylor & Francis, 2008. – 198 p.

24. Hyland, K. Authority and invisibility: authorial identity in academic writing / K. Hyland // Journal of Pragmatics. –

2002. – 34. – URL: https://www.academia.edu/22895075/Authority_and_invisibility_authorial_identity_in_academic_writing? (accessed: 10.05.2018).

25. Hyland, K. Talking to the academy: Forms of hedging in science research articles / K. Hyland // Written Communication. – 1996. – Vol. 13, № 2. – URL: https://www.academia.edu/7567242/Talking_to_the_Academy_Forms_of_Hedging_in_Science_Research_Articles (accessed: 10.05.2019).

26. Hyland, K. Writing without Conviction? Hedging in Science Research Articles / K. Hyland // Applied Linguistics. – 1996. – Vol. 17, № 4. – P. 433–454.

27. Lipton, Z. Heuristics for Scientific Writing (a Machine Learning Perspective) / Z. Lipton. – URL: <http://approximatelycorrect.com/2018/01/29/heuristics-technical-scientific-writing-machine-learning-perspective/> (accessed: 12.03.2018).

28. Molino, A. Personal and impersonal authorial references: A contrastive study of English and Italian Linguistics research articles / A. Molino // Journal of English for Academic Purposes. – 2010. – № 9. – P. 86–10. – URL: https://www.academia.edu/10766783/Personal_and_impersonal_authorial_references_A_contrastive_study_of_English_and_Italian_Linguistics_research_articles?email_work_card=view-paper (accessed: 10.05.2019).

29. Practical guidelines for writing a paper in linguistics. – URL: <http://www.anglistik.rwth-aachen.de/global/> (accessed: 12.03.2018).

30. Siepman, D. Academic Writing and Culture: An Overview of Differences between English, French and German / D. Siepman // Meta. – 2006. – Vol. 51, № 1. – URL: <https://id.erudit.org/iderudit/012998ar> (accessed: 10.05.2019).

31. Smyth, T.R. Writing in psychology: A student guide / T.R. Smyth. – New York : Wiley, 1996. – 224 p.

32. Some guidelines for writing linguistic papers. – URL: <https://linguistics.washington.edu/some-guidelines-writing-linguistics-papers> (accessed: 12.03.2018).

33. Svobodova, Z. Writing in English: a Practical Handbook for Scientific and Technical Writers / Z. Svobodova, H. Katzorke, U. Jaekel // European Commission Leonardo da Vinci programme. – 2000. – 74 p.

34. Sword, H. Stylish Academic Writing / H. Sword. – Cambridge : MA : Harvard UP, 2012. – 220 p.

35. Walková, M. Author's self-representation in research articles by Anglophone and Slovak linguists / M. Walková, // Discourse and Interaction. – 2018. – Vol. 11, № 1. – URL: <https://doi.org/10.5817/DI2018-1-86> (accessed: 10.05.2019).

36. Wallwork, A. English for writing research papers / A. Wallwork // Springer Science+Business Media. – 2011. – 325 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-97-102

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ПСЕВДОНИМ НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Чжан Хунин*

Данная статья посвящена исследованию русскоязычного литературного псевдонима на фоне китайской лингвокультуры. Актуальность данного исследования определяется возрастающим интересом к изучению сопоставительного аспекта литературного псевдонима с позиции представителя китайской лингвокультуры. Основной целью данной статьи является исследование особенностей литературных псевдонимов в русском и китайском языках. Методы исследования – это метод анализа и синтеза, классификационный, сопоставительный, контрастивный и статистический методы. В результате анализа установлено, что псевдоним и культура находятся в симбиотических отношениях, поскольку культурные изменения способны вызывать изменения в содержании псевдонимов. Следовательно, мы вправе рассматривать литературный псевдоним как феномен лингвокультуры с учётом того, что языковые особенности русских и китайских псевдонимов являются свидетельством различий между двумя социокультурными системами. Данные различия позволяют считать, что литературный псевдоним, одновременно представляя собой своего рода исторический феномен, – продукт исторического развития, который возникает в определённых культурно-исторических условиях, вбирая в себя черты своего времени, тесно связанные с традиционными ценностями и жизненным опытом их носителей.

Ключевые слова: литературный псевдоним, лингвокультура, феномен, культура, история.

RUSSIAN PSEUDONYM IN THE BACKGROUND OF CHINESE CULTURE

Zhang Hong-ying

This article dwells on the study of the Russian-language literary pseudonym treated in the background of the Chinese linguistic culture. The relevance of this study is determined by the growing interest in studying the comparative aspect of a literary pseudonym from the position of a representative of the Chinese linguistic culture. The main purpose of this article is to study the features of literary pseudonyms in Russian and Chinese. Research methods are a method of analysis and synthesis, classification, comparative, contrastive and statistical analyzes. The study reveals that a pseudonym and culture are in a symbiotic relationship, since cultural changes can cause changes in the content of pseudonyms. Consequently, we have the right to consider a literary pseudonym as a phenomenon of linguaculture, taking into account the fact that the linguistic features of Russian and Chinese pseudonyms are evidence of the differences between the two sociocultural systems. These differences make it possible to consider a literary pseudonym, at the same time representing a kind of historical phenomenon, as a product of historical development that arises in certain cultural and historical conditions, absorbing the features of its time, closely related to traditional values and the life experience of their carriers.

Key words: literary pseudonym, linguaculture, phenomenon, culture, history.

Введение

Как известно, антропонимика – раздел ономастики, изучающий собственные имена людей, происхождение, изменение этих имен, географическое распространение и социальное функционирование, структуру и развитие антропонимических систем [3: с. 80]. Антропоним – это знак обращения человека, дифференцирующий личность, выполняющий номинативную, идентификационную функцию, сопровождающий личность на всю жизнь или на время.

В русском языке слово «псевдоним» происходит от греческого *pseudonymos* и означает лжеименный, носящий ложное имя. В толковом словаре Ушакова это слово истолковано как вымышленное имя, которым писатели, художники, артисты пользуются в публичных выступлениях [5]. В Толковом словаре Ожегова оно означает вымышленное имя писателя, артиста, политического деятеля [4]. Через анализ лексического значения слова псевдонима мы обратили внимание, что литература – основная сфера использования псевдонимов. Поэтому, когда русские исследователи говорят о псевдонимах, они чаще всего указывают на литературные псевдонимы писателей.

* По просьбе автора ее фамилию в русском варианте представляем в авторской орфографии.

Чжан Хунин – аспирант кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Филологического факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).

Zhang Hong-ying – PhD student, Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Faculty of Philology, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow).

E-mail: 1070761985@qq.com

© Чжан Хунин, 2021

Псевдонимы в сфере литературы в китайском языке называют «**笔名** (бимин, литературный псевдоним)». Термин «бимин» происходит от западного «pen name» – это литературный псевдоним, используемый автором при публикации работы. Термин появился в конце XIX – начале XX в.

Литературный псевдоним современных писателей – это скорее символ для писателей, скрывающих их истинные личности. В России и Китае встречаются случаи, когда литературные псевдонимы авторов более широко известны, чем настоящие их имена. Например, в Китае много грамотных людей знает писателей *М. Горького*, *А. Ахматову*, *Лу Синя* (**鲁迅**), *Бин Синь* (**冰心**), но мало кто из них знает Алексея Максимовича Пешкова, Анну Андреевну Горенко, Чжоу Шужэнь (**周树人**), Се Ваньинь (**谢婉莹**). И когда мы говорим об этих писателях, мы часто называем их по псевдониму.

Текущее исследование литературных псевдонимов в основном сосредоточено на сборе и проверке псевдонимов или интерпретации псевдонима с особым значением. Мало кто изучает псевдонимы китайских и русских писателей в сопоставительном аспекте, хотя это даёт возможности для расширения знаний о писателях, их жизни и деятельности, более глубокого понимания национальной специфики духа народов.

В качестве части антропонимической системы псевдоним представляет собой лингвистический, социально-исторический, культурный феномен. Находясь под влиянием национальной культуры, псевдонимы также имеют свои национальные культурные особенности.

Литературный псевдоним как социально-исторический феномен

Псевдоним является продуктом развития человеческой цивилизации в определенной степени. Как одна группа антропонимики литературный псевдоним представляет собой историческое явление. Появление псевдонимов произошло гораздо позже, чем возникновение фамилий, имён и отчеств.

В связи с социальными, политическими и историческими условиями, особенно с цензурой в России в XVIII–XIX вв., псевдонимы входят в русскую антропонимическую систему, пользуются большой популярностью среди таких социально-профессиональных групп, как писатели. Именно с этого времени псевдоним автора имеет особое значение. А.А. Бестужев публиковал повести под псевдонимом *Марлинский*, В.Я. Брюсов в некоторых случаях использовал фамилию по матери *Бакулин*.

Многие китайские учёные считают, что при династии Мин и Цин появился зародыш литературных псевдонимов в современном понимании. В этот период появился новый литературный жанр –

роман, который по-прежнему считается невлиятельным в литературном творчестве и не может входить в эlegantный зал литературы, а авторы романов вынуждены подписываться псевдонимом, например: «Цветы сливы в золотой вазе (Цзинь Пин Мэй **金瓶梅**)» опубликован под вымышленным именем *Ланлинский насмешник* (**兰陵笑笑生**).

Начиная с XX в. и до нашего времени литературные псевдонимы получили широкое распространение среди китайских писателей. После «Движения 4 мая» в XX в. китайское общество и его культурное развитие начали подвергаться так называемой трансформации и реформе, началось движение «Новая литература». Под влиянием политических условий в начале этого периода писатели часто вынужденно выступали под псевдонимами при публикации своих трудов, при этом использовали их в большом количестве: к примеру, известный писатель Лу Синь имеет более 200 псевдонимов.

Писатели иногда в качестве псевдонимов использовали имена реальных исторических личностей. Этот тип псевдонима в основном показывает, что писатель уважает и поклоняется определённому историческому человеку или помнит кого-то, кто оказывал большое влияние на его собственную жизнь и творчество. В качестве псевдонима философ С.А. Козлов взял имя легендарного великого князя киевского Аскольда. Публицист И.И. Ясинский взял себе псевдоним *Максим Белинский* в честь литературного критика В.Г. Белинского.

Писатель живёт в определённое время, социальные условия оказывают влияние на выбор псевдонима писателя, поэтому псевдоним отражает характерные черты эпохи. С одной стороны, лексическое знание псевдонима прямо отражает особенность времени. Не раз исходным для псевдонима в советское время избиралось слово «сталь» – синоним твёрдости, силы, выносливости (недаром говорят: стальные нервы, стальная воля). Отсюда подпisi: *Стальной, Стальное, Стальский* [1].

Максим Горький – это известный в России и Китае псевдоним Алексея Максимовича Пешкова, значение которого отражает тяжёлые условия жизни человека в период зарождения капитализма в России.

В конце династии Цин Ян Фу перевел книгу «Эволюция и этика» (труд британского биолога Томаса Генри Гексли, 1893), пропагандирующую точку зрения о «естественном отборе вещей, выживании наиболее приспособленных (**物竞天择, 适者生存**)». Переданные в этой книге прогрессивные идеи получили широкое признание и послужили толчком для распространения теории эволюции в Китае. На писателя Ху Ши (**胡适**) эта тенденция оказала большое влияние, ему очень понравилось слово *Ши* (**适** значит ‘приспособленный’), и он

иногда использовал его в качестве псевдонима, позже ставшего его официальным именем.

С другой стороны, социальные условия влияют на появление псевдонимов. В царской России за выступление в печати неприятности ждали авторов-офицеров, авторов-чиновников, авторов-дипломатов, авторов-студентов, которые вынуждены были скрывать своё истинное имя. А.А. Бестужев публиковал повести под псевдонимом *Марлинский*. В связи с расцветом антисемитизма лицам еврейской национальности пришлось скрывать свои истинные фамилии. Например, *Александр Володин* сменил настоящую фамилию Лифшиц. Литературный труд женщин считался позорным сто лет тому назад. Ф.М. Достоевский одобрил рассказы писательницы А.В. Корвин-Круковской и напечатал их в своём журнале «Эпоха» под псевдонимом *Юрий Орелелов*.

Изменчивость литературного псевдонима писателя также отражает особенность времени. Как обычно, человек редко меняет своё имя или фамилию, но количество псевдонимов авторов и их частые изменения беспрецедентны. В России В.И. Ленин взял себе 146 псевдонимов, Антон Павлович Чехов – 52 псевдонима, Сергей Сергеевич Гусев – 45 псевдонимов, Владимир Галактионович Короленко – 40 псевдонимов, Александр Алексеевич Богданов – 28. А в Китае Лу Синь (鲁迅) имеет 213 псевдонимов, Бажэнь (巴人) – 132 псевдонима, Мао Дунь (茅盾) – 121 псевдоним.

Одна из причин появления моря псевдонимов связана с социальными условиями. Например, у В.И. Ленина не было возможности подписаться своим именем, ведь уже с семнадцатилетнего возраста он находился под надзором полиции. Во время правления Северных милитаристов Лу Синю и Мао Дуню также пришлось публиковаться под псевдонимами, чтобы избежать надзора правительства, скрыть свою настоящую личность, пропагандировать передовую общественную мысль, критиковать социальное устройство и старую общественную мораль.

Литературный псевдоним как лингвистический феномен

В русском языке имя существительное делится на имя собственное и имя нарицательное, между которыми есть чёткая разница. Мы разделяем образование псевдонимов по связи с именами нарицательными и собственными. Как показано в таблице, имя собственное больше участвует в образовании псевдонима.

Фамилия является наиболее продуктивной и активной составляющей частью псевдонима. Создание и развитие фамилий в русском языке прошло несколько исторических процессов, фамилии обра-

зованы от прозвищ, географических названий, национальностей и имён жителей, отчуждения иностранных фамилий и альманахов, поэтому их число очень велико. Поскольку эти исходные формы предоставляют большие возможности для формирования псевдонима, российские писатели часто этим пользуются. Одновременно отчество, которое является важной особенностью русской антропимической культуры, также играет активную роль в формировании псевдонима, равно как и имя нарицательное, включая одушевлённые имена существительные, прилагательные, местоимения, числительные. Иногда даже предложение способно становиться псевдонимом.

Таблица

Образование псевдонимов

ФИО	Число псевдонимов	Число псевдонимов, связанных с именами нарицательными	Число псевдонимов, связанных с именами собственными
Чехов Антон Павлович	52	15	37
Гусев Сергей Сергеевич	45	20	25
Короленко Владимир Галактионович	40	17	23
Богданов Александр Алексеевич	26	5	21

В китайском языке нет списка личных имён, которые имеют очень близкое значение к именам нарицательным и могут быть произвольно выбраны из богатого китайского словаря, поэтому писатели имеют большую свободу выбора для формулирования псевдонимов. Происхождение, функции и наследование фамилии китайцами делают ее относительно фиксированной, и она не может быть изменена по желанию. Поэтому есть поговорка: «Я бы скорее потерял свою удачу, чем сменил фамилию». Поэтому композиция китайских литературных псевдонимов имеет свою особенность. При их образовании фамилию допустимо сохранить, но большинство писателей усердно работают над именем. Конечно, не исключен тот факт, что псевдоним и оригинальное имя совершенно неизвестны. Следует подчеркнуть – композиция китайского псевдонима в полной мере отражает фонетические и структурные характеристики китайского иероглифа, семантические характеристики китайских словосочетаний, демонстрируют глубокий национальный культурный колорит и т.д. и т.п.

В китайском языке псевдоним обычно обладает определенным значением. Например, за всю жизнь

писатель-революционер Ли Синь использовал более 200 псевдонимов, большинство из них содержат определённые значения. Созвучные слова фамилии и имени, словосочетания, фразеология и крылатые слова, которые играют большую роль в образовании литературных псевдонимов, придают псевдонимам глубокие значения. Например, *Чжун-юн* (*中庸zhōng yōng*) – псевдоним писателя Гу Юн-чжун (*顾用中gù yòng zhōng*), *Чжун-юн* значит “разумная середина”, а теория разумной середины может рассматриваться как наиболее существенная часть конфуцианства, и это стандарт самосовершенствования более поздних конфуцианских студентов и правило действия китайцев. Писатель Чэнь Юхуа (*陈佑华 chén yòu huá*) носит псевдоним Бай Хуа (*白桦bái huà*), в китайском языке Бай – это фамилия, а словосочетание *Бай Хуа* обозначает “березу”. Псевдоним *Ма Шуту* (*马识途 mǎ shí tú*) происходит от фразеологической единицы *лао ма ши ту* (*老马识途 lǎo mǎ shí tú*) «букв. старый конь дорогу знает (обр. в знач.: старый конь борозды не испортит – ‘многоопытный человек’)». Псевдоним писателя Ван Вэйго (*王卫国 wáng wèi guó*) *Луяо* (*路遥lù yáo*) происходит от крылатого выражения «*路遥知马力, 日久见人心*» «обр. в знач.: Сила коня познается дальней дорогой, а сердце человека – временем» [выражения из «*增广贤文*» (*zēngguǎng xiánwén* Китайская азбука династии Мин, Сборник наставлений для детей)].

Литературный псевдоним как культурный феномен

Антропоним является культурным феноменом. Антропоним появился в определенном культурном фоне, содержит определенные культурные знания и имеет обширные и тесные связи с экстралингвистическими факторами.

Очевидный уровень культурной информации псевдонима находится под влиянием традиционной и региональной культуры. В качестве части традиционной культуры литература часто является источником псевдонимов китайских и русских писателей, которые имеют свои особенности.

Русские писатели создали множество ярких и символических литературных персонажей, которые позже стали использоваться в качестве псевдонимом. Например, поставить вместо подписи имя какого-нибудь литературного персонажа: *Ленский* – Д.Г. Воробьев. *Онегин* – Владимир Александрович Ашкинази, *С. Рудин* – Протопопов Сергей Алексеевич, *Евгений Погодин* – Г.Б. Пузис. Псевдоним *Демьян Бедный* (Ефим Алексеевич Придворов) происходит от имени литературного героя, придуманного им самим. Поэт Б.В. Жиркович взял псев-

доним *Иван Кузьмич Прутков*, который связан с персонажем Козьмой Прутковым.

Китайские классические стихи часто являются источником псевдонимов писателей. Чжан Синьюань (*张心远*) придумал себе псевдоним *Чжан Хэньшуй* (*张恨水, Хэньшуй*, что значит «ненависть воды», был взят из стихотворения «Радость от встречи» Ли Юй (*李煜*, также известен как Ли Хоучжу *李后主*, 937–978, китайский поэт). Точно так же псевдоним *Чэн Цяньфань* (*程千帆*), имя Цяньфань (*千帆*) значит «тысяча парусников», происходит от стихотворения «Мимо потонувшего судна тысячи парусников проплывают, а над недужным деревом зеленеет весенняя поросль» (*沉舟侧畔千帆过, 病树前头万木春*) Лю Юйси (772–842, китайский поэт династии Тан).

В русском и китайском языках писатель берет псевдоним с учётом эффекта литературного творчества, псевдоним считается художественным приёмом. Прежде всего это указывает на характеристику жизненного опыта носителя псевдонима, связанную с направлением литературного творчества и мышлением носителя псевдонима. Использование псевдонима связано с работой и деятельностью писателя, и оно может обуславливать анализ их литературных произведений. С точки зрения внутренних исследований в литературе псевдоним считается ведущей линией интерпретации текста. С точки зрения внешнего литературного исследования псевдоним рассматривается как связующее звено между литературным общением и литературным признанием, которое может использоваться для изучения социальных условий литературных произведений. Понимание этих условий помогает понять автора. Изучение псевдонима с этой точки зрения имеет большое значение для интерпретации текста, особенно когда писатель использует новый псевдоним для публикации новых произведений. Псевдоним и произведение часто являются интертекстуальными.

Псевдоним *Максим Горький* отражает не только судьбу, но и направление творчества писателя. Жизнь молодого Алексея Пешкова была горькой, и писал он про горькую жизнь «в людях». *Темный Николай Артемьевич* – это псевдоним русского писателя Николая Артемьевича Лазарева, который подвергался репрессиям по подозрению в революционной деятельности и описывал тяжёлую жизнь рабочих в своих 7 рассказах и одном очерке [например, «Сироткин» (1904), «Обыск» (1905), «Юбилей Блохи» (1907)].

В начале двадцатого века Лян Цичао (*梁启超*) основал газету «Синьминь Цун Бао (*新民丛报*)», чтобы содействовать реформам и укреплять чувство патриотизма среди интеллигенции. Чтобы продвигать свою передовую «теорию Синьминь (*新*

民理论)», Лян Цичао взял псевдонимы «Синьминцзы (新民子)» и «Синьминь Китая (中国之新民)», публиковал прогрессивные статьи в журналах, энергично пропагандировал антиимпериалистический и антифеодальный патриотизм, дух независимости и предприимчивости. Это можно рассматривать как начало просветительской публикационной деятельности движения «Новая культура».

Псевдоним писателя Сяо Цзюнь (萧军, настоящая фамилия и имя Лю Хунлинь 刘鸿霖) связан с тем временем, когда он проживал в городе Циндао и переписывался с писателем Лу Синем. Фамилия «Сяо» объясняется тем, что ему нравится герой Сяо Эн (肖恩) из Пекинской оперы «Дом рыбалки и убийства (打渔杀家)», а также тем, что он из провинции Ляонин. В древние времена народ Ляонина носил фамилию Сяо (萧). Имя Цзюнь (军, означает 'армию') объясняется так, во-первых, потому что он был родом из вооружённых сил, слово «Цзюнь» подытоживает его ранний опыт, а во-вторых, потому что в то время, когда Гомиьндан находился на пике антикоммунистической активности и Чан Кайши мобилизовал белую армию для окружения и подавления Красной армии, Сяо Цзюнь был очень зол на это. Чтобы выразить поддержку Красной армии (红军), он разделил слово Красная армия (红军 хунцзюнь) на две части и создал два псевдонима: для себя (Сяо Цзюнь) и своей жены-писательницы (Сяо Хун 萧红, настоящая фамилия и имя которой – Чжан Сюхуань 张秀环). Сяо Цзюнь написал роман «Село в августе», в котором рассказывается о борьбе Северо-восточной народной революционной армии против Японии.

Псевдоним также содержит религиозный колорит, отражает вероисповедание. Так, Н.С. Лесков имеет множество псевдонимов, но псевдонимы *Смиренный ересиарх Николай*, *Священник П. Касторский*, *Псаломщик* имеют явный религиозный колорит.

В России есть немало случаев, когда при наличии однофамильцев один из них изменил свою фамилию. Н.Г. Михайловский опубликовал «Детство Темы» в журнале, редактором которого тоже был Михайловский. Тогда писатель придумал псевдоним *Н. Гарин*. Валентин и Евгений Катаевы были родными братьями, каждый стал писателем, и один из них сменил фамилию, став Евгением Петровым, используя для псевдонима свое отчество. «Двенадцать стульев» – это роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Автор, носивший слишком распространенную фамилию, иногда вместо того, чтобы заменить ее псевдонимом, добавлял к ней еще одно слово – получалась двойная фамилия (*Новиков-Прибой* – А.С. Новиков; *Иванов-*

Борецкий – М.В. Иванов; *Иванов-Грамен* – Н.К. Иванов и др.) [2: с. 47].

Это особое самобытное антропонимическое явление в русской культуре по сравнению с китайской культурой. Именно это явление отражает разницу между двумя носителями культуры. Фамилия в переводе на китайский язык – это двухсложное слово 姓氏 (*синси*), которое состоит из двух односложных слов: *син* [姓 (букв. «фамилия»)] и *си* [氏 (букв. «фамилия»)]. Хотя слова *син* и *си* являются синонимами, в самом начале *син* и *си* имели большое различие. В настоящее время многие китайские учёные считают, что слово *син* произошло от поклонения тотему. *Син* у китайцев возникло в матриархальном обществе, где поклоняются тотемам. В то время *син* отличало кровное родство одного первоначального предка женского пола от другого. До династии Западная Чжоу *син* отличалось кровным родством, а при династии Западная Чжоу *син* стало дублироваться: *син* и *си*. С этого времени *си* преобразовалось в ветвь *син* и использовалось для указания на различия социального положения дворянства одного первоначального предка мужского пола. После периода Воюющих царств *син* и *си* постепенно стали единым целым. Эта интеграция была завершена в династии Хань, т.е. появилась фамилия в современном понимании. Фамилии появились у всех людей. Но фамилия как социальное и политическое явление играет важную роль в обществе для социальной сплочённости. Китайские граждане очень редко изменяют свою фамилию. Тем не менее литературные псевдонимы часто использовались во время Движения «Новая культура», и при этом не было явления, когда использовался литературный псевдоним из-за наличия однофамильцев. В России, наоборот, фамилия в современном понимании появилась позже XV в., и в основном процесс образования фамилий закончился в XVIII–XIX вв. С точки зрения исторического развития фамилии в России гораздо менее важны, чем в Китае.

Псевдоним имеет связь с душевным переживанием личностей, например, боязнью неудачи. Почти все русские классики не подписывали настоящей полной фамилией своё первое произведение. Великий русский баснописец И. Крылов поставил подпись *И. Кр* под своим первым произведением. Гоголь поставил подпись *В. Алов* в «Ганц Кюхельгартен». Свое первое стихотворение «Весна» Лермонтов подписал буквой «L». Первая работа Н.А. Некрасова «Мечты и звуки» была опубликована под псевдонимом *Н.Н.* А в Китае хороший пример неуверенности в успехе обнаруживается в псевдониме «*Бин Синь (冰心)*» [настоящие фамилия и имя Се Ванъинь (谢婉莹)]. Сама писательни-

ца сказала: «В конце концов, я скромный студент университета. Я не зрелая в мышлении и письме. Я не смею использовать своё собственное имя. Я использовала псевдоним "Бин Синь"» [6: с. 218].

Писатели берут литературные псевдонимы в честь профессий, в память дорогих мест, семьи, друзей. Эти литературные псевдонимы представляют собой продукт памяти писателей, ракурс личного жизненного опыта с субъективным оттенком, полным сильного «человеческого прикосновения», что обеспечивает глубокое понимание писателя.

Прозаик Елена Сергеевна Венцель, будучи одновременно математиком, выбрала для себя интересный псевдоним *И. Грекова*. Она являлась преподавателем вуза в течение 52 лет, ею опубликовано множество монографий по математике, и некоторые из них (например, «Теория вероятностей») были переведены и получили распространение в Китае. Любовь к своей специальности она отразила в своем псевдониме «И. Грекова», образованном от слова «игрек». «Игрек» означает «неизвестный Y» в математике.

Писатели берут псевдонимы в честь своего места рождения, места проживания. И.В. Лотарев родился в Петербурге и взял себе псевдоним *Игорь Северянин*. Мамин Дмитрий Наркисович имеет псевдоним *Мамин-Сибиряк*, потому что у писателя глубокие чувства к сибирскому и уральскому региону, многие из его работ описывают жизнь людей в Сибири и на Урале. И.В. Федоров (*Омулевский*) для псевдонима использовал слово *омуль* – «сибирский сиг», указывая таким образом место своего рождения. После публикации первого сборника новых стихотворений «Богиня» под псевдонимом «*Можо (沫若)*», поэт Го Можо (郭沫若, настоящее имя Го Кайчжань 郭开贞) объяснил, что этот псевдоним не содержит каких-либо глубоких мыслей, а просто исходит от названий двух рек в его родном городе – Мошуй (沫水) и Жошуй (若水). Псевдоним родного города является результатом тоски писателя по родине.

Писатели берут псевдонимы в честь родных и друзей. Знаменитая русская поэтесса Анна Андреевна Горенко взяла себе псевдоним *Ахматова*. Согласно семейной легенде бабушка поэтессы родом из татарского ханства «Ахмат». Когда поэтесса была очень молода, семья переехала в Петроград, и, чтобы вспомнить предков, она использовала название Татарского ханства как псевдоним. *Лу Синь* – псевдоним и символ Чжоу Шужэня. Сам писатель

так объяснил причину использования первой части этого псевдонима: Лу – это фамилия его матери. Го Можо (郭沫若) использовал псевдонимы, такие как *Ду Цюань (杜荃)*, *Ду Янь (杜衍)*, *Ду Ваньшунь (杜顽庶)*. Го Можо любит слово «Ду (杜)», так как это фамилия его матери. А писатель Сяо Цзюнь носил другие псевдонимы «*Саньлан (三郎)*», «*Тоянь Саньлан (酆颜三郎)*» в память о друзьях. Слово «Саньлан (三郎)» объясняется тем, что Сяо Цзюнь с двумя друзьями стали названными братьями, среди них Сяо Цзюнь по возрасту занимал третье место, и отсюда псевдоним.

Выводы

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что псевдоним и культура находятся в симбиотических отношениях, поскольку культурные изменения способны вызывать изменения в содержании псевдонимов.

Следовательно, мы в праве рассматривать литературный псевдоним как феномен лингвокультуры с учётом того, что языковые особенности русских и китайских псевдонимов являются свидетельством различий между двумя социокультурными системами.

Данные различия позволяют считать, что литературный псевдоним одновременно представляет собой своего рода исторический феномен, продукт исторического развития, который возникает в определённых культурно-исторических условиях, вбирая в себя черты своего времени, тесно связанные с традиционными ценностями и жизненным опытом их носителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев, В.Г. Скрывшие свое имя (из истории анонимов и псевдонимов) / В.Г. Дмитриев. – Москва : Наука, 1978. – 312 с. – URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000070/st008.shtml> (дата обращения: 01.07.2020).
2. Мочалкина, К.С. Псевдонимы в системе современной русской антропимии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мочалкина Карина Сергеевна. – Волгоград, 2004. – 184 с.
3. Сызранова, Г.Ю. Ономастика : учебное пособие / Г.Ю. Сызранова. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013. – 248 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/193906> (дата обращения: 01.07.2020).
5. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь / Д.Н. Ушаков. 1935–1940. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/990674> (дата обращения: 01.07.2020).
6. 冰心. 记事珠[M]. 北京 : 人民文学出版社, 1982. – 342 с. (Бин Синь. Жемчуг, носимый для сохранения памяти. – Пекин : Изд-во Народной литературы, 1982. – 342 с.)

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-103-110

ОКСФОРДСКИЙ СЛОВАРЬ И ВАРИАНТЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА – ТЕНДЕНЦИЯ К КУЛЬТУРНОМУ ОБОГАЩЕНИЮ

З.Г. Прошина

В статье рассматривается проблема отражения крупнейшим словарем английского языка – Oxford English Dictionary – культурно-языкового богатства глобального плюрицентричного языка, дифференцируемого на ряд вариантов. Используя классифицирующую концепцию «трех кругов» Б. Качру, мы выяснили, что, несмотря на заявленную политику составителей третьего онлайн-издания OED избегать экзотизации и представлять повседневную культуру пользователей английского языка, словарь отражает лишь лексикон вариантов внутреннего и внешнего круга, т.е. признает лишь национальные и постколониальные варианты, что служит доказательством признания этих вариантов, а варианты расширяющегося круга, которых гораздо больше в количественном отношении, в словаре еще не упоминаются как варианты, и их присутствие зафиксировано в качестве языков-доноров для заимствований.

Ключевые слова: варианты английского языка; Большой Оксфордский словарь, заимствования, экзотизмы, национальные варианты, постколониальные варианты, варианты качрувианского расширяющегося круга.

THE OXFORD ENGLISH DICTIONARY AND WORLD ENGLISHES – TREND FOR CULTURAL ENRICHMENT

Z.G. Proshina

The article discusses the reflection by the Oxford English Dictionary the cultural and language treasury of world Englishes differentiating the global pluricentric language. Using the classifying conception of the three circles developed by B.B. Kachru, we found out that despite the OED3 editors' claim that now they avoid the principle of exoticization and they tend to represent the everyday culture of English users, the dictionary marks the lexicon of national and postcolonial varieties only, which is a proof of their status. Meanwhile, Expanding Circle varieties of English, which outnumber those of the Inner and Outer Circle, are not mentioned as varieties of English in the dictionary, and their lexicon is included as loan words from donating languages rather than Englishes.

Key words: varieties of English, Oxford English Dictionary, loanwords, exotic words, national (native) Englishes, postcolonial Englishes, kachruvian Expanding Circle Englishes.

Постановка проблемы

Богатство языка отражается его словарем. Знаменитый Оксфордский словарь английского языка (Oxford English Dictionary, OED), получившего статус глобального, очевидно, должен оправдывать ожидания «международности» и включать в свой состав, по крайней мере, слова не только англо-саксонских культур, но также и других народов, пользующихся языком глобального общения, хотя последние исследования показывают, что заимствования из других языков и культур даже в учебных словарях обычно подаются через призму англо-саксонского мировоззрения [12]. Целью данной статьи является рассмотрение современной политики редакторов всемирно известного словаря в отношении представления о культурах других стран, обслуживаемых английским языком, и расширении словаря за счет новых заимствований, представляющих концепты из других картин мира.

Краткая история словаря и заимствований, отраженных в нем

Известно, что работа над OED началась в середине XIX в., первые части словаря вышли в печать в 1884 г., а вся работа над первым изданием, редактором которого был шотландский лексикограф Джеймс Мюррей (James Murray), была завершена в 1928 г. Особенностью словаря был его исторический принцип, давший возможность проследить начало появления слова и его последующее развитие.¹ В последующие периоды пополнение словаря

¹ Впоследствии этот принцип был принят лексикографами других вариантов английского языка, создавших словари канадского варианта (Avis, W. S., Gregg, C. C., Drysdale, P., Leechman, D., and Scargill, M. H. (eds.) A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles. Toronto: Gage, 1967); австралийского варианта (The Australian National Dictionary. A Dictionary of Australianisms on Historical Principles. / Ed. by W. S. Ramson. Melbourne: Oxford University Press, 1988);

Прошина Зоя Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Proshina Zoya Grigorievna – Doctor (Philology), Habil., Professor, Department of Teaching Foreign Languages Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: proshinazoya@yandex.ru

© Прошина З.Г., 2021

происходило за счет дополнительных томов. Словарь выдержал два печатных издания (второе издание датируется 1989 г.), вырос до 20 томов, а в настоящее время идет активная работа над третьим изданием, начавшаяся с 2000 г. Третье издание словаря будет выполнено только в электронном виде, и завершение данного лексикографического проекта планируется к 2037 г. На сегодняшний день словарь содержит более 600 000 словарных статей. Пересмотр и пополнение словаря происходит поквартально, каждые три месяца.

Целенаправленная работа по расширению вокабуляра за счет включения слов, возникших за пределами Великобритании, стала активно проводиться при Роберте Бёрчфилде (Robert Burchfield), назначенном в 1957 г. главным редактором выпускаемых дополнений к OED. При нем с 1972 по 1987 г. в словарь были включены слова из американского, австралийского, новозеландского, южно-африканского, индийского, пакистанского и карибского вариантов английского языка. Правда, в 2012 г. произошёл уже вошедший в историю «словарный скандал» (“dictionary scandal”), когда газета “Guardian” обвинила Р. Бёрчфилда, умершего в 2004 г., в том, что он по своей собственной воле тайно изъём из словаря тысячи заимствований [8]. То, что из словаря были убраны именно заимствования, послужило обвинением (несправедливым, по мнению последующих редакторов OED) Р. Бёрчфилда, который при этом сам был не британцем, а новозеландцем, в англоцентризме [5]. Сара Оджилви (Sarah Ogilvie), одна из бывших редакторов OED, сделавшая это разоблачение, утверждала, что изъятие слов было грубым нарушением традиций Оксфордского словаря, который никогда не выбрасывал ни одного попавшего в него слова. Если слова выходят из употребления, они просто получают в словаре соответствующую помету (“If a word gets into the OED, it never leaves. If it becomes obsolete, we put a dagger beside it, but it never leaves.”) [8]. Впоследствии эта ситуация была исправлена, и «выброшенные» слова были восстановлены в следующем издании [19].

В третьем издании OED3, согласно Филипу Дуркину, заместителю главного редактора словаря, предполагается более трети слов, заимствованных из других языков, лексикограф называет и число этих новых языков – 24 [6: с. 24].

Нельзя сказать, что в прежних двух изданиях словаря заимствования отсутствовали. Однако их отбор был основан главным образом на принципе

«экзотичности» [14], определяемом с позиции британцев, либо участвовавших в колонизации, либо путешествовавших по странам мира и включавших в свой словарь наименования удивительных для себя вещей. Так в OED попали более 900 слов индийского происхождения [16], 400 заимствований из русского языка [2], 366 – из японского, 259 – из китайского, 11 – из корейского языков [1: с. 12]. В первых двух изданиях заимствованные слова воспринимались как «чужеродные» (alien) [14], а в первом издании они даже отмечались специальным знаком в виде двух вертикальных параллельных линий || (tramline). Публикация 4-томного приложения ко второму изданию под редакцией Р. Бёрчфилда происходила в период зарождения новых национальных и региональных вариантов английского языка, и в словарь стали включать в качестве иллюстративного материала письменные тексты: авторы которых были носителями соответствующих вариантов. Так, в словаре появились слова: из филиппинского английского *jeepney* «открытая маршрутка, вид общественного транспорта»; из индонезийского английского *kebaya* «национальное женское платье», *sambal* «индонезийский соус» и др. Третье издание OED под редакцией Джона Симпсона (John Simpson) до 2013 г., а с 2013 г. Майкла Проффита (Michael Proffitt) продолжает эту традицию и ставит достаточно амбициозную цель – показать широту распространения английского языка. Как пишет редактор отдела «мирового английского» Даника Салазар, “One of the main goals of the OED’s ambitious revision project is widening the geographical coverage of the dictionary” [14]. По ее утверждению, британский английский больше не рассматривается как доминирующая форма английского языка, а является лишь одним из вариантов языка наряду с другими вариантами, разделяя с ними общее лексическое ядро, но развиваясь в собственном направлении, что характерно и для его лексического состава. Это как раз и позволяет, вслед за Шарлоттой Бруэр, назвать OED «культурной сокровищницей» английского языка [4].

Новые пополнения словаря

Источниками пополнения лексикона, представляющего разные варианты английского языка, стали словари, например, *the Australian National Dictionary*, *the Dictionary of New Zealand English*, *the Dictionary of South African English on Historical Principles*, *the Dictionary of Caribbean English Usage*. К примеру, словарь канадизмов² способствовал включению в OED таких распространенных в Канаде слов, как *washroom* «туалет», *toque* «вязаная

новозеландского варианта (Orsman, H. *The Dictionary of New Zealand English: A Dictionary of New Zealandisms on Historical Principles*. Oxford: OUP, 1997); южно-африканского варианта (*A Dictionary of South African English on Historical Principles*. / Silva, P., Dore, W., Mantzel, D., Mueller, C., and Wright, M. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1996).

² Своего рода ответвлениями Большого Оксфордского словаря можно считать словари национальных вариантов английского языка – *New Oxford American Dictionary*, *Canadian Oxford Dictionary*.

шапка», *parkade* «многоэтажная автопарковка» и др. Кроме словарей, широко привлекаются интернет-источники, корпуса текстов, газеты, журналы, транслингвальная литература на английском языке.

Составители словаря приветствуют помощь отдельных пользователей (метод краудсорсинга) и создают группы национальных лексикографов, которые работают над списком слов и их словарным включением. В последние годы OED3 (третье издание Большого Оксфордского словаря) получил значительное пополнение за счет проектов, над которыми трудились и продолжают работать лексикографы, представившие индийский, гонконгский, малазийский, сингапурский, филиппинский, нигерийский, южно-африканский варианты английского языка.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди нововведений в OED3 есть не только слова письменных регистров речи, но и разговорные, так называемые “street words”, что вызывает серьезные дискуссии в ученом мире. Так, например, нигерийский историк Тими Солэе упрекает редакторов словаря, включивших в словарный лексикон глаголы, наречия, междометия, что приводит, по его мнению, к разрушению английской грамматики (“This amounts to accepting the debasement of English grammar”), к пиджинизации (“Pidginification”) английского языка, т.е. он считает, что лексикографы пошли неправильным путем [18].

Как отмечает Даника Салазар [14], составители словаря стараются отойти от принципа экзотизации лексики и ставят своей целью представление повседневной жизни пользователей вариантов английского языка. Таким образом, в OED3 отражены слова, номинирующие:

1) семейные отношения (например, из филиппинского английского взяты такие слова, как *ate* «старшая сестра», *kuya* «старший брат»; из индийского английского – *abba*, *bapu* «отец», *chacha* «дядя», *anna* «старший брат»; *cousin brother* «двоюродный брат», *cousin sister* «двоюродная сестра»);

2) речевой этикет (индийско-английское *Antieji* – вежливое обращение к женщине, старшей по возрасту; *Howzit* – южно-африканское приветствие от англ. ‘How is it going?’; *yaar* – фамильярное дружеское приветствие);

3) социальные отношения (из гонконгского английского *guanxi* «личные связи»; *kaifong* «ассоциация местных жителей в определенном районе»);

4) еду (из гонконгского английского *char siu* «свинина в сладко-кислом соусе», *milk tea* «черный чай со сгущенным молоком», *chilli crab* «краб, приготовленный в сладко-остром соусе»; из индийского английского *gosht* «блюдо из красного мяса», *mirch masala* «молотые специи» и др.);

5) жилье и места пребывания (из филиппинского английского *dirty kitchen* «кухня для ежедневно-

го приготовления пищи, в отличие от парадной кухни», *sari-sari store* «маленький магазин вблизи от дома»; южно-азиатское *hawker centre* «уличная торговля приготовленной пищей, продаваемой на лотках», восточно-азиатское и юго-восточно-азиатское *wet market* «мясной и рыбный рынок»; из индийского английского – *bhavan* «концертный зал», *lunch home* «маленький ресторанчик»; южно-африканское *Shackland* «трусобы, в которых люди селятся без разрешения»);

6) транспорт (индийский английский дал *tempo* «трехколесный вид грузового транспорта»; нигерийский – *danfo* «желтая маршрутка-микроавтобус», *okada* «такси-мотоцикл»);

7) одежду (из индийского английского *chuddies* «трусы, штаны или шорты, одеваемые как нижнее белье»; *churidar* “зауженные брюки под традиционный женский костюм»);

8) развлечения (из нигерийского английского *Kannywood*, *Nollywood* «нигерийская киноиндустрия»; *afrobeats* «стиль африканской попмузыки»);

9) эмоции, чувства, побуждения (из гонконгского английского – *add oil* «ну, давай!», выражение подбадривания; из филиппинского английского *kilig* «возвышенное чувство»; из индийского английского *maha* «очень», *achcha* «хорошо», *chhi-chhi* «ай-ай-ай», выражение неодобрения, *awesomesauce* «замечательно!»; нигерийского английского – *sef*, восклицание раздражения и нетерпения, используемое в конце предложения; южно-африканского – *eina*, восклицание от боли);

10) характеристики (из южно-африканского *dof* «глупый, малоинформированный», *voetstoots* «действие, выполненное без колебаний и неквалифицированно»; малазийского *shioh* «великолепный, супер»; сингапурского *blur* – «туповатый, плохо соображающий», *sabo king* «человек, причиняющий неудобства другим, особенно в эгоистических целях»);

11) политические реалии (из индийского английского *chakka jam* «блокирование дороги как форма социального протеста», *hartal* «форма протеста, при которой закрываются все магазины и предприятия»; филиппинского английского *to salvage* «арестовать и казнить без суда и следствия»; нигерийского *chop-chop* «взятки, коррупция»; южно-африканского *toyitoyi* «форма протестного марша, когда протестующие движутся, словно танцуя, и поют»).

Словарная информация

Словарь дает информацию об англоязычном произношении слова, ориентируясь на произношение британцев и американцев, но иногда также показывает, как произносится данное слово носителями самого варианта (рис. 1). Отмечаются орфографические варианты слова. Указывается степень частотности в современном употреблении; происхождение и этимология слова.

The image shows a screenshot of the Oxford English Dictionary (OED3) entry for the word "ate". The entry is titled "ate, n.2" and includes the following information:

- Pronunciation:** Brit. /'ateɪ/, U.S. /'ɑːteɪ/, Philippine English /'ɑːteɪ/
- Forms:** 1900s *ati*, 1900s– *ate*.
- Frequency (in current use):** ●●●●○○○○
- Origin:** A borrowing from Tagalog. **Etymon:** Tagalog *ate*.
- Etymology:** < Tagalog *ate*.

The entry is categorized as "Philippine English" and defines it as "An elder sister. Also used as a respectful title or form of address for an older woman. Cf. KUYA n." It includes several historical citations:

- 1937 *Philippine Mag.* Jan. 32/1 Minor brothers and sisters call the first born male a *koya* or *kuya*, and the female, *ati*.
- 1988 *Winnipeg Free Press* 5 Aug. 37/6 Left to cherish his memory is his...sister, Ate Glenda.
- 1997 L. LINDIO-McGOVERN *Filipino Peasant Women* iii. 54 Ate Delita...takes care of her elderly mother.
- 2011 *Candy* (Philippines) Nov. 42/2 I had a heart-to-heart with my *ate*.

Рис. 1. Слово *ate* в OED3

В дефиниции указывается прямое денотативное значение слова и его сопутствующие значения. Так, например, на рис. 1 видно, что слово *ate* в филиппинском английском не только называет старшую сестру, но также служит уважительным средством обращения к женщине, старшей по возрасту. По возможности показаны системные связи лексемы с другими лексемами – в случае *ate* мы видим своего рода антоним *kuya*, служащий для обозначения старшего брата.

Последующий иллюстративный контекст показывает первую обнаруженную фиксацию слова. Источниками фиксации могут быть как варианты внутреннего круга, так и варианты внешнего круга. Например, китайское слово *guanxi* «социальные связи, блат», пополнившее OED как слово гонконгского варианта английского языка, представлено четырьмя иллюстрациями, первая из которых взята из газеты “Washington Post” за 1979 г. (экзотическое слово *guanxi* написано курсивом), а последняя – из гонконгской газеты “South China Morning Post”, где слово *guanxi* не выделяется шрифтом:

1979 *Washington Post* 19 Dec. A16/1 A new marriage becomes...part of the village web of relationships, what the Chinese call *guanxi*.

<...>

2014 *South China Morning Post* (Hong Kong) (Nexis) 27 Oct. 15 There's a four-year wait to get in. My father was ushered in through the back door, thanks to a good *guanxi* there.

Иллюстративный материал, расположенный в хронологическом порядке, демонстрирует семантическое развитие слова в английском языке, если

такое происходит. Пример метафорического развития значения слова в индийском английском приводит Д. Салазар [16]: слово *jugaad*, заимствованное из хинди, было впервые использовано в английском языке в 1995 г. в значении «самодельный автомобиль, сделанный из недорогих материалов», а уже в 2002 г. оно использовалось в переносном значении «типично индийский способ гибкого инновационного подхода к решению проблемы». Интересно, что отделившийся от OED учебный онлайн-словарь *Lexico* предлагает уже только новое метафорическое значение слова *jugaad*: “A flexible approach to problem-solving that uses limited resources in an innovative way: ‘countries around the world are beginning to adopt *jugaad* in order to maximize resources’” [11].

Еще один пример – слово *Tokunbo* в нигерийском варианте английского языка использовалось для называния ребенка, родившегося за границей. Затем оно стало использоваться для наименования импортируемых в страну автомобилей, бывших в эксплуатации, и в OED введено как прилагательное, получив дефиницию «импортированная вещь, бывшая в употреблении», как, например, в сочетании *tokunbo car* [10].

Некоторые новые слова, появившиеся в OED из вариантов английского языка, оказываются старыми английскими словами, значение которых переосмыслено. Например, из индийского английского пришло слово *colony* со значением «жилой массив, микрорайон»; слово *hotel* – со значением «придорожное кафе; место, где можно поесть»; *mugging* расширяет свою семантическую структуру за счет

индийского употребления в значении «зубрежка без понимания материала»; *deemed university* «университет, получивший официальную аккредитацию». Слово *gist* в нигерийском английском имеет значение «слух, сплетня», *qualitative* имеет оценочное значение – «высокого качества»; *advanced* в филиппинском английском означает «спешащий (о часах)»: *My watch is advanced* – зафиксировано в 1997 г. В сингапурском английском зафиксировано новое значение слова *blur* – «медлительный, туповатый, плохо соображающий». В южно-африканском английском слово *bond* имеет значение «кредит под недвижимость», *café* – «небольшой магазин», *just now* – «через некоторое время». Все эти значения теперь есть и в оксфордском словаре.

В OED появились новые неожиданные для пользователей других вариантов словосочетания: например, из нигерийского английского в словарь пришли выражения *to rub minds* «проводить совместные консультации и выполнять работу совместно», *to put to bed* «родить ребенка», *Ember months* «последний квартал года», *next tomorrow* «послезавтра» *eat the money* «растратить деньги»; из филиппинского английского *dirty ice-cream* «мороженое из кокосового молока», *to accomplish a form* «заполнить форму», *a bold movie* «сексуальный или порнофильм». В гонконгском английском *lucky money* обозначает «денежный подарок, обычно вручаемый в красном конверте».¹

Новые включенные в словарь лексемы также показывают, что английский язык служит строительным материалом для образования новых слов, вербализующих культурно-специфичные концепты и концепты, свойственные многим культурам: например, в индийском английском мы видим словосложение *bus stand* «остановка автобуса, автовокзал», *to videograph* «сделать видеозапись кого-то или чего-то», *cat cafe* «место, где посетители могут поиграть с кошками»; аббревиатуру *FIR* < “first information report”>; сокращение и конверсию *to extern* «в качестве наказания вынудить кого-л. покинуть регион»; в нигерийском английском образование по типу словосложения *send-forth* «вечеринка по поводу отъезда кого-л.», конвертированное из предложения образование *tata put* означает торговку продовольствием; в филиппинском английском через словосложение появилось слово *comfort room* «туалет»; в сингапурском – *Chinese helicopter* «человек, получивший образование на

китайском языке и плохо знающий английский язык»; в гонконгском английском *sandwich class* «средний класс, доходы представителей которого превышают стоимость муниципального жилья, но еще недостаточны для покупки частного дома»; *compensated dating* «форма оплачиваемой эскортной работы, при которой молодая женщина является сопровождающим лицом или оказывает сексуальные услуги мужчине, намного старше ее, за деньги или предметы роскоши», явление характерное для Гонконга и Японии, так что иллюстрация словарем данной вокабулы взята из японской газеты: 1996 *Japan Times* 15 July Japan is now confronted by a growing group of young prostitutes who think of their activity as enjo kosai or compensated dating. Во многих вариантах английского языка находим английские слова, подвергнутые сокращению: в нигерийском английском *guber* (< *gubernatorial*), *agric* < *agricultural*, последнее слово значит «генетически модифицированные сельхозпродукты».

В качестве строительного словообразовательного материала могут привлекаться элементы разных языков: например, филиппинско-английское слово, недавно вошедшее в OED3, – *carinderia* «типичная филиппинская торговая точка с едой» образовано от тагальского *kari* «карри» + испанский суффикс *-teria* (ср. *cafeteria*); аналогично использование этого же суффиксоида в гибридном нигерийском слове *bukateria* «дешевый придорожный ресторан», где первый элемент слова взят из африканских языков хауса и йоруба.

Транслингвальная игра словами не может не заинтересовать лингвистов, и она представлена нововведениями в OED3. Любопытно в этом отношении слово *trapo* из филиппинского английского, которое также недавно зафиксировано словарем. Это уничижительное слово для называния политика, относящегося к коррумпированному правящему классу. Слово образовано путем контаминации от английского сочетания *traditional politician*. Однако на его семантическое развитие оказало влияние испанское слово, обозначающее чистящую тряпку и заимствованное в тагальский и другие филиппинские языки. Так, коррумпированный политик сравнивается с грязной тряпкой, метафорическая семантическая игра обусловлена культурно-исторической, политической и языковой практикой филиппинцев [15].

Займствования из русского языка

Словарь русской культурной терминологии на английском языке, созданный В.В. Кабакчи, содержит 2500 слов [3]. Однако в первых двух изданиях Оксфордского словаря было зафиксировано лишь 399 слов русского происхождения [13: с. 154], несмотря на то что, согласно Филипу Дуркину, русский язык занимает 14-е место среди языков-доноров для ан-

¹ Интересно, что для иллюстрации гонконгского концепта, выраженного на английском языке, используется также и китайский (материковый) источник: 2015 *China Daily* (Nexis) 24 June Chinese like to send gifts with good meanings... A high school gave lucky money to college entrance exam takers (<https://www.oed.com/view/Entry/110878#eid1210362060> (accessed: 23.01.2021)).

глийского языка [6: с. 25]. В третьем издании Оксфордского словаря добавлено 39 слов [13: с. 140]. Среди самых последних добавлений 2020 г. (сороковое по счету) оказалось слово *kompromat* (рис. 2), дефиниция которого звучит следующим образом: “In (Russian or Soviet) espionage: compromising information collected for use in blackmailing, discrediting, or manipulating a person, group, etc.” Обращает внимание указание на сферу использования этого слова в английском языке: область его применения – шпионаж и разведка.

Последними же добавлениями во второе издание словаря были слова тоже из политической сферы: *perestroika* (1981) and *glasnost* (1981). Как отмечает польская исследовательница русских слов, включенных в Оксфордский словарь, Мирослава Подхаецка [13], в первые два издания включались преимущественно слова из области политики и бытовые культурно-специфические слова, такие как *agit-prop*, *apparat*, *apparatchik*, *Bolshevik*, *Bolshevism*, *Bolshevist*, *Cadet*, *commissar*, *Dekabrist*, *Menshevik*, *Menshevism*, *Menshevist*, *Narodnik*, *proletkult*, *subbotnik*, *tovarish*, *udarnik*, *uprava*, *vozhd*; *Cheka*, *druzhina*, *GPU*, *Gulag*, *ispravnik*, *KGB*, *nagaika*, *NKVD*, *Ogpu*, *Okhrana*, *plet*, *prikaz*, *pristav*, *residentura*, *rezident*, *rezidentsia*, *ROA*, *sharashka*, *shefstvo*, *Smersh*, *sotnia*, *Stavka*, *stukach*, *ukase*, *vlast*, *zek*; *caback*, *dacha*, *isba*, *nushnik*, *ostrog*, *prospekt*, *stolovaya*, *terem*; *babushka*, *bashlik*, *burka*, *karakul*, *ribazuba*, *rubashka*, *saffian*, *sarafan*, *shapka*, *shuba*, *valenki*; *blin*, *borsht*, *chai*, *coulibiac*, *kasha*, *kefir*, *kielbasa*, *kissel*, *kvass*, *malossol*, *manna-croup*, *paskha*, *pelmeny*, *pirog*, *pirozhok*, *rassolnik*, *shchi*, *smetana*,

solyanka, *tvorog*, *ukha*, *zakuska*; *chark*, *kovsh*, *matryoshka*, *nefte*, *pech*, *samovar* и др. При этом часть русицизмов была, в свою очередь, заимствована из языков народов СССР (*choom*, *yurt*; *parka*, *koumiss*), некоторые имеют общее славянское происхождение, так что трудно отделимы от других славянских языков (ср. рус. *voevoda*, болг. и серб. *vojvoda*, чеш. *vojevoda*, пол. *wojewoda*) или испытали на себе влияние других языков (например, идиш – *pogrom*, тюркских – *shashlik*, французского – *knout*, *stroganoff*, греческого – *cosmonaut* и др.).

С учетом последних вхождений русицизмов в OED2 на первом месте оказалась новая тематическая группа – научно-техническая [7; 13], что свидетельствует, с одной стороны, о роли русских ученых в мировой науке, а с другой стороны, показывает новую тенденцию Оксфордского словаря включать в состав вокабул и термины, что обычно не свойственно отечественным толковым словарям и что заставляет говорить о «большем» объеме слов в английском языке.

Возвращаясь к вопросу о новых русицизмах, включенных в OED3, отметим, что они лишь относительно новые, что отмечается и В.В. Кабакчи [2], и М. Подхаецкой [13]. Почти все новые слова ждали своего часа, чтобы попасть в Оксфордский словарь, их письменная фиксация в англоязычных текстах состоялась уже давно, что демонстрируют сегодняшние иллюстрации словаря: *Osetin* (1788), *Popovtsy* (1875), *baba* (1882), *Baba Yaga* (1857), *osetrova* (1928), *narod* (1938). М. Подхаецка утверждает, что «новыми» в словаре оказались слова, зарегистрированные до периода 1990–2017 гг. [13: с. 141].

kompromat, n. Text size: A A

View as: Outline | Full entry Quotations: Show all | Hide all Keywords: On | Off

Pronunciation: ² Brit. /kɒmpɹəˈmæt/, U.S. /kɑmpɹəˈmæɪt/

Origin: A borrowing from Russian. **Etymon:** Russian *kompromat*.

Etymology: < Russian *kompromat* (1969 or earlier) < *kompro-* (in *komprometirujuščij...* (Show More)

In (Russian or Soviet) espionage: compromising information collected for use in blackmailing, discrediting, or manipulating a person, group, etc., esp. for political purposes. Also: a piece or a collection of such material. Categories »

1990 tr. in *Russ. Press Digest* (Nexis) Oct. *Kompromat* may include any deviations from the love for the CPSU declared by the generals... So that when an officer becomes unruly, there will be levers to influence him.

2006 A. V. LEIDENVA *How Russia really Works* iii. 77 The final two weeks of the elections witnessed an unprecedented *kompromat* war.

2018 *Economist Online* (Nexis) 8 Mar. It is not a stretch to think that the Russian secret services, who try to collect *kompromat* on almost anyone, would have tried it with Mr Trump when he was in town.

2019 *Financial Times* (Nexis) 12 Oct. 2 They are using private life-related *kompromats* against them.

(Hide quotations)

Рис. 2. Слово *kompromat* в OED3

Однако наше исследование выявило все-таки одно слово, задокументированное в 1990 г. и вошедшее в дополнительный список включенных в OED3 слов в 2020 г. (об этом слове мы уже писали выше – это *kompromat*). Вместе с тем мы можем согласиться с предположением М. Подхаецкой, что, вероятно, лексикографы руководствовались опасением включать в словарь те слова, которые еще не показали достаточную частоту употребления. Тем не менее выбор слов политической лексики, включенной в словарь, демонстрирует определенный фокус языковой картины мира, в которой представлены Россия и русские, – и это сделано именно с позиций британцев и американцев как сторонников другого миропорядка.

Русские заимствования в OED не представлены как часть русского варианта английского языка. Даже произносительная часть вокабул включает только британское или американское произношение, но не произношение русских пользователей английского языка. Например, статья о русском заимствовании *babushka* предлагает следующие произносительные формы: Brit. /bəˈbuːʃkə/, /baˈbuːʃkə/, /bəˈbʊʃkə/, /baˈbʊʃkə/, U.S. /bəˈbʊʃkə/, несмотря на то, что первым значением этого слова фиксируется “1. In Russia: a grandmother. More generally: an elderly Russian woman. Also as a form of address”, и англоговорящий русский скорее произнесет слово в этом значении с ударением на первом слоге, как в исходном языке, что отличает этот лексико-семантический вариант заимствования от второго, переосмысленного в американской языковой среде: “2. Originally North American. A headscarf tied under the chin, typical of those traditionally worn by (elderly) Russian women.” Третье значение, тоже переносное – “More fully *Babushka doll* = Matryoshka”. Самая первая фиксация слова – в его первом, исходном значении, относится к 1834 г. – слово регистрируется в переводном тексте с русского языка на английский. Продолжает оно свою жизнь в английском языке в этом значении и далее, последняя фиксация в словаре – 2005 г. (употреблено в журнале “Spectator”). Второе значение регистрируется англоязычным источником в 1937 г., последняя иллюстрация относится к 2003 г. Третье значение зафиксировано в 1948 г., последнее его упоминание – в 2007 г.

Подводя итог, отметим, какие именно русицизмы добавлены в третье издание OED [11]: *Adjar* (1848), *aulacogen* (1963), *baba* (1882), *Baba Yaga* (1857), *Bezpopovtsy* (1868), *Gay-Pay-Oo* (1923), *Mansi* (1854), *Mari* (1933), *maskirovka* (1972), *Megrel* (1967), *MiG* (1942), *Mir* (1986), *Molokan* (1814), *moncheite* (1963), *Mordva* (1883), *murmanite* (1924), *narod* (1938), *narodnost* (1945), *Nganasan* (1941), *nilas* (1960), *nitchevo* (1877), *nushnik* (1945),

Okhranka (1948), *OMON* (1989), *osetrova* (1928), *Ossetin* (1788), *Pamyat* (1987), *papiroso* (1856), *plyometrics* (1933), *politruk* (1942), *Popovtsy* (1875), *propiska* (1957), *proso* (1907), *Saperavi* (1926), *spartakiad* (1928), *Spetsnaz* (1982), *Suprematist* (1919), *Udmurt* (1910). К этому списку, составленному М. Подхаецкой, добавим *kompromat* (1990).

Заключение

В самом деле, Большой Оксфордский словарь стремится к охвату всего богатства английского языка, во всех его регистрах и функциональных сферах употребления. Изменение роли английского языка в современном мире отражается на новых тенденциях словаря показать его международную роль и культурноносную функцию вариантов английского языка. Как заметил нигерийский публицист Йоми Казим (Yomi Kazeem), включение слов нигерийского варианта английского языка в Оксфордский словарь – это кивок в сторону признания самого варианта (“It’s the latest nod for Nigerian English as a variant of its own.”) [10]. То же самое можно сказать и о других вариантах.

Однако в настоящее время OED отмечает только варианты двух качувианских кругов, внутреннего и внешнего [9]. Первый включает национальные варианты: британский, американский, австралийский, новозеландский и ирландский; второй представляет постколониальные варианты, ставшие со-официальными языками в своих государствах (южно-африканский, нигерийский, ганайский, индийский, сингапурский, малазийский, гонконгский и др.). Варианты расширяющегося круга в словаре не представлены – лексем, характерные для них, включены лишь как экзотические или лакунарные, но необходимые для международной коммуникации заимствования. В 2016 г. слов, ассоциируемых с Россией, насчитывалось 639, из них 402 представляли собой заимствования [7].

Китайские заимствования при этом нередко составляют часть гонконгского или сингапурского варианта английского языка, но сам китайский вариант, лексическое многообразие которого превышает число лексем смежных вариантов, не упоминается. По всей видимости, это вопрос будущего OED, если он действительно хочет претендовать на «культурную сокровищницу» мира, отраженную многочисленными вариантами глобального языка.

Вместе с тем, несмотря на утверждение о том, что британский и американский варианты являются равноправными со всеми другими вариантами [17], британоцентричность и американоцентричность продолжают проявляться в словаре, хотя сам факт включения материала по другим вариантам английского языка – это большой шаг вперед, демонстрирующий плюрицентрическую реальность современного английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богаченко, Н.Г.* История восточно-азиатских заимствований в английском языке (на материале Большого Оксфордского словаря) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Богаченко. – Владивосток, 2003. – 22 с.
2. *Кабакчи, В.В.* Реалии русской культуры в Большом Оксфордском словаре / В.В. Кабакчи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 16–22.
3. *Кабакчи, В.В.* The Dictionary of Russia. Англо-английский словарь русской культурной терминологии / В.В. Кабакчи. – Санкт-Петербург : Союз, 2002. – 576 с.
4. *Brewer, C.* English: Treasure-house of the language. The living OED / C. Brewer. – Yale University Press, New Haven, 2007. – 336 p.
5. *Doll, J.* Notes on a dictionary ‘scandal’: The truth about the words vanishing from the OED / J. Doll // The Atlantic. – 2012. – 29 Nov. – URL: <https://www.theatlantic.com/culture/archive/2012/11/notes-dictionary-scandal-truth-about-words-vanishing-oed/321056/> (accessed: 03.02.2021).
6. *Durkin, P.* Borrowed Words: A History of Loanwords in English / P. Durkin. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 491 p.
7. *Egorova, K.* The Russian contribution to the English language: a case of OED record / K. Egorova // Proceedings of the XVII EURALEX International Congress. Conference paper, September 2016. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/306264313> (accessed: 24.01.2021).
8. *Flood, A.* Former OED editor covertly deleted thousands of words, book claims / A. Flood // The Guardian. – 2012. – 26 Nov. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/nov/26/former-oed-editor-deleted-words> (accessed: 03.02.2021).
9. *Kachru, B.B.* Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle / B.B. Kachru // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / Edited by Randolph Quirk and H.G. Wid-dowson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – P. 11–30.
10. *Kazeem, Y.* These are the Nigerian English words added to the Oxford Dictionary / Y. Kazeem // Quartz Africa. – 2020. – 23 Jan. – URL: <https://qz.com/africa/1789168/nigerian-english-words-added-to-oxford-dictionary/> (accessed: 23.01.2021).
11. Lexico. Powered by Oxford. Oxford English and Spanish Dictionary, Thesaurus, and Spanish to English Translator. 2021. – URL: <https://www.lexico.com/definition/jugaad> (accessed: 21.01.2021).
12. *Lovtsevich, G.N.* World Englishes and learner lexicography: View from the Expanding Circle / G.N. Lovtsevich, A.A. Sokolov // Russian Journal of Linguistics: World Englishes in the Expanding Circle. Special Issue. / Ed. by C.N. Nelson and Z.G. Proshina. – 2020. – Vol. 24, № 3. – P. 703–721.
13. *Podhajecka, M.* Russian loanwords in the “Oxford English Dictionary” revisited / M. Podhajecka // Przegląd Ruscystyczny. – 2018. – № 2 (162). – P. 133–158.
14. *Salazar, D.* From ‘abaca’ to ‘kilig’: World English and the OED / D. Salazar // Oxford English Dictionary blog. – 2018. – 14 September. – URL: <https://public.oed.com/blog/abaca-kilig-world-english-oed/> (accessed: 20.01.2021).
15. *Salazar, D.* Philippine English in the October 2018 update / D. Salazar // Oxford English Dictionary blog. – 2018b. – 15 Oct. – URL: <https://public.oed.com/blog/philippine-english-in-the-september-2018-update/> (accessed: 23.01.2021).
16. *Salazar, D.* Release notes: Indian English / D. Salazar // Oxford English Dictionary blog. – 2017. – 28 September. – URL: <https://public.oed.com/blog/september-2017-update-release-notes-indian-english/> (accessed: 12.01.2021).
17. *Simpson, J.* Preface to the Third Edition of the Oxford English Dictionary / J. Simpson // Oxford English Dictionary. – 2000. – URL: <https://public.oed.com/history/oed-editions/preface-to-the-third-edition/> (accessed: 25.01.2021).
18. War of words as Nigerian English recognised by Oxford English Dictionary // BBC. – 2020. – 1 March. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-51448295> (accessed: 23.01.2021).
19. *Zimmer, B.* Lies! Murder! Lexicography! / B. Zimmer // The New York Times. – 2012. – 2 Dec. – URL: https://www.nytimes.com/2012/12/03/opinion/lies-murder-lexicography-dictionary.html?pagewanted=2&_r=0&hp&pagewanted=all (accessed: 03.02.2021).

СЛОВО И ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-111-115

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОБОГАЩЕННОЕ СЛОВО И ЕГО ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Е.Л. Лысенкова

В статье на основе исследования своеобразия обогащенных слов в поэтических произведениях немецкоязычного поэта Р.М. Рильке рассматривается прагматический потенциал художественного произведения.

Ключевые слова: прагматика, прагматическая функция, экспрессивно-стилистический подуровень, функционально-стилистический подуровень, Р.М. Рильке, идиостиль, прагматический потенциал.

POETICALLY ENRICHED WORD AND ITS PRAGMATIC POTENTIAL

E.L. Lysenkova

The article examines the pragmatic potential of a work of art based on the study of the specific features of enriched words in the poetic works of the German-speaking poet R.M. Rilke.

Key words: pragmatics, pragmatic function, expressive-stylistic sublevel, functional-stylistic sublevel, R.M. Rilke, idiostyle, pragmatic potential.

Предназначением любого художественного произведения является его воздействие на интеллектуальную и эмоциональную сферу читателя (прагматическая функция) и получение у него эстетической реакции на прочитанное (эстетическая функция). Прагматический и эстетический потенциал художественного произведения – это сложный многоаспектный комплекс, который выражен в тексте абсолютно всеми языковыми уровнями: фонетическим, морфологическим, лексическим и т.д. Однако приоритет, как мы знаем, принадлежит лексическому уровню, так как ведущим компонентом в художественной речи является слово.

Слово в художественном произведении выходит за рамки своего привычного значения и может приобретать дополнительные смыслы и необычные оттенки. Очень емко и точно охарактеризовал эту способность слова профессор Р.Р. Чайковский: «Слово в художественной речи – освобожденное и, благодаря этому, обогащенное слово. Уникально-авторским использованием обогащенных слов языка создается стилистико-смысловое богатство художественного текста. Именно поэтому художественная речь отличается своей силой, сочностью, сгущенностью, своей смысловой глубиной и стилистическим изяществом, своей особой ритмикой и

мелодичностью» [9: с. 17]. Эта особенность слова в художественном произведении многократно усиливает его прагматический и эстетический потенциал.

В данной статье мы остановимся на прагматическом потенциале художественных произведений, созданных благодаря использованию поэтически обогащенных слов, и для примера обратимся к поэзии выдающегося немецкоязычного мастера слова – Р.М. Рильке. Однако прежде нам необходимо определить смысл термина «прагматика».

Термин «прагматика» был предложен Ч. Моррисом. «Поскольку интерпретаторами большинства (а может быть, и всех) знаков являются живые организмы, – писал Ч. Моррис, – достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, что она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, иначе говоря, со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» (Цит. по: [8: с. 40]).

Прагматика – это раздел семиотики, в рамках которого изучаются отношения знаков к субъектам, которые их производят и интерпретируют. Обычно прагматика рассматривается в связке с семантикой и синтактикой. Первая из них рассматривает знаки в их отношении к обозначаемым (не имеющими

Лысенкова Елена Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Северного Восточного государственного университета (г. Магадан).

Lysenkova Elena Leonidovna – Doctor (Philology), Habil., Professor, Department of Foreign Philology, North-Eastern State University (Magadan).

E-mail: elysenkova71@mail.ru

© Лысенкова Е.Л., 2021

знаковой природы) объектам, вторая – отношения знаков между собой (синтаксис). Наиболее важным предметом изучения для прагматики является прагматический аспект языка. Термин «прагматика» многогранен – это не только особая область знания, но и определенные качества слова и текста, основанные на эффективности воздействия на адресата. В ряде работ прагматику соотносят с функциями языка. Прагматической информацией считается информация, связанная с эмотивной, волюнтаривной, аппелятивной, контактоустанавливающей и эстетической функциями [1: с. 25].

Любой текст по своей сути обладает свойством коммуникативности, так как содержит определенное сообщение, транслируемое от источника к реципиенту. Реципиент должен извлечь и понять сообщение, таким образом он вступает в отношения с текстом, совокупность особенностей которых можно определить как прагматические отношения. Данное воздействие может оказывать на читателя как интеллектуальный, так и более глубокий эмоциональный эффект. Таким образом, прагматический потенциал текста – это способность текста как прагматической единицы производить коммуникативный эффект и осуществлять прагматическое воздействие на адресата. Прагматический потенциал текста определяется совокупностью таких факторов, как содержание, использованные языковые средства передачи, способы построения смысловых связей.

С позиции лингвистики прагматический уровень художественного произведения можно разделить на два подуровня – экспрессивно-стилистический и функционально-стилистический. К первому относят системно-структурную организацию экспрессивных, эмоционально-оценочных, стилистически окрашенных языковых средств (морфологических, лексических, синтаксических), которые обладают прагматическим эффектом. Ко второму – стилистические приемы и типы выдвижения. Актуализация и особая организация речевых средств составляет стилистический прием, а также запускает процесс формирования различных типов выдвижения. В своей совокупности они создают объединение, концентрацию приемов [1: с. 26].

Каждое художественное произведение обладает определенным стилем, характером, который вкладывает в него автор, делая, вместе с тем, свою работу объектом культуры как универсального гуманистического явления. К одной из характерных особенностей авторского стиля, которые могут представлять несомненный интерес для прагматической лингвистики, мы можем отнести использование образных средств в художественном тексте. В применении тех или иных тропов не только раскрывается индивидуальная манера автора, но и с их помощью в первую очередь происходит непосред-

ственное воздействие на читателя, а следовательно, достижение прагматического потенциала. Мы рассмотрим такие средства, как метафоры и сравнения, и их прагматику, а также реализацию прагматического потенциала на синтаксическом уровне, выделив в текстах поэта антитезу и повторы, среди которых анафора и эпифора.

Как один из классических примеров тропов метафора представляет собой стилистическое средство, функция которого заключается в переносе значения на основе сравнения. Если изначально она рассматривалась риторикой и стилистикой исключительно как эстетическое средство выразительности, то на данный момент ученые причисляют метафору к универсальным когнитивным механизмам. Метафора включает в себе концептуализацию действительности и мировосприятия автора, является связующим звеном между внешним и внутренним миром. Отличительная черта метафоры – не столько наделение явлений и предметов иными качествами или характеристиками, сколько комплексное их наложение. Фактически совокупность данных факторов формирует абсолютно новую интерпретацию, которая за счет сложности или разнородности субъектов метафоры создает принципиально новый конструкт.

Прагматический потенциал метафоры заключается в воздействии на реципиента и способности влиять на его восприятие мира и себя самого. Метафоры обладают функциями воздействия на сознание, и данное воздействие регулируется специфическими особенностями. Механизм такого воздействия – сопоставление, осуществляемое по принципу аналогии. При этом наиболее сильное воздействие достигается путем использования разнородных объектов или сфер, непосредственная связь между которыми отсутствует. Таким образом, можно установить прагматический потенциал метафоры.

Стоит отметить, что метафоризация является важной составляющей человеческого мышления. Благодаря ей индивид может осуществлять процесс осмысления действительности, задействуя накопленный эмпирический опыт. В общем смысле метафоризация выполняет функцию интеграции старого и вновь полученного опыта [4: с. 132].

Для иллюстрации реализации прагматического потенциала в художественном тексте мы обратимся к стихотворению Р.М. Рильке «Сестры»:

*«Sieh, wie sie dieselben Möglichkeiten
anders an sich tragen und verstehn,
so als sähe man verschiedene Zeiten
durch zwei gleiche Zimmer gehn».*

«Die Schwestern», 1908¹

¹ Ссылки на произведения Р.М. Рильке даются по [10].

Метафора «...sähe man verschiedene Zeiten durch zwei gleiche Zimmer gehn» призвана усилить дуализм сущностей с целью создания у реципиента диссонанса между одновременно родственными, но в то же время разными явлениями.

Обратимся к другому произведению поэта, в котором на небольшой текстовой площади поэтом использовано несколько образных средств:

*«Mein Leben ist nicht diese steile Stunde,
darin du mich so eilen siehst.
Ich bin ein Baum vor meinem Hintergrunde,
ich bin nur einer meiner vielen Munde
und jener, welcher sich am frühesten schließt».*

«Mein Leben ist nicht diese steile Stunde», 1899

В данном случае образ дерева отождествлен с жизнью и ростом, но, вместе с тем, и с одиночеством и скоротечностью этой жизни.

Не меньший интерес с точки зрения воздействия представляет, на наш взгляд, и сравнение. Нередко цель сравнения заключается в установлении признаков эталона в сопоставляемом. В таком случае сравнение – не простое сопоставление объектов или явлений, уже знакомых реципиенту из опыта, а попытка установить признаки эталона в сопоставляемом. В отличие от этого сравнение, основанное на так называемом «ассоциативном фрейме», имеет опосредованное значение сопоставления, поскольку оно направлено на образность и имеет эмоционально-оценочную коннотацию. Прагматика такого сравнения реализуется в «сближении концептов в мышлении самого человека» [6: с. 92]. Таким образом, сохраняя в себе индивидуальность стиля автора, такое средство позволяет создать яркий и живой образ в сознании реципиента. Субъективность такого образа, проявляющаяся часто в нетривиальном и непрямом сравнении, характеризует языковую личность автора.

*«Sein Lächeln war so weich und fein:
wie Glanz auf altem Elfenbein,
wie Heimweh, wie ein Weihnachtsschnein
im dunkeln Dorf, wie Türkisstein
um den sich lauter Perlen reihn,
wie Mondenschein
auf einem lieben Buch».*

«Mädchenmelancholie», 1899

Данные сравнения, относящиеся к сочетанию «его улыбка», составляют весь фрагмент стихотворения (отметим тот факт, что в семи строчках произведения автор употребил пять развернутых сравнений), характеризуют того, о ком идет речь в этом отрывке, но больше, пожалуй, – саму лирическую героиню, от лица которой написано произведение. Сравнение идет с эмоционально окрашенными образами, которые передают ощущения уюта и теплоты, и соединяет визуальный и эмоциональный контекст.

Необычайно интересными нам представляются отрывки из хрестоматийного стихотворения Рильке «Смерть поэта»:

*«Er lag. Sein aufgestelltes Antlitz war
Bleich und verweigernd in den steilen Kissen...»*

*«Denn dieses: diese Tiefen, diese Wiesen
Und diese Wasser waren sein Gesicht».*

*«Und seine Maske, die nun bang verstirbt,
Ist zart und offen wie die Innenseite
Von einer Frucht, die an der Luft verdirbt».*

«Der Tod des Dichters», 1928

Семантическая емкость этого стихотворения основана, с одной стороны, на конкретности описания, с другой – на свободе поэтических ассоциаций. Эту же идею передает и синтаксис начала стихотворения: сочетание в первом фрагменте сверхлапидарного предложения «Er lag» и второго осложненного предложения. Мастерски использованы лексические синонимы *der Antlitz, das Gesicht, die Maske*, при этом каждый образ сопровождает определенный прием – эпитеты, метафора и сравнение. Не только философская аура, но и сочетание всех названных особенностей усиливает прагматический эффект этого произведения.

Благодаря непростою характеру антитезы, который часто рассматривается в рамках разных наук, в том числе и таких, как психология, философия, логика, риторика, стилистика и других, автор, умело используя этот стилистический прием, может также добиться усиления прагматического потенциала текста. Приверженцы разных подходов в лингвистике предлагают свои определения данной фигуры речи, но мы будем опираться на дефиницию И.Р. Гальперина, согласно которой антитеза является непосредственно противопоставлением двух образов, контрастных в своем воплощении, позволяющих обострить проблему противоречивости описываемого объекта или явления, или его несовместимость [3: с. 73].

Сама по себе антитеза представляет собой лексический прием, однако ученые учитывают также само построение антитезы и ее структуру. Современные классификации принимают это во внимание, поэтому антитезу можно считать лексико-синтаксическим приемом [5: с. 42].

Антитеза может представать в разной форме. Она может состоять из различных лексических единиц: как слова, словосочетания, так и предложения. Помимо этого, она может существовать не как самостоятельный прием, а в комбинации с другим способом выразительности, например сравнением или метафорой, создавая, тем самым, более сильное выражение идеи.

В данном отрывке из стихотворения Р.М. Рильке антитеза представлена в виде классического противопоставления «жизнь – смерть»:

*«Mein Leben ist nicht diese steile Stunde,
darin du mich so eilen siehst».*

*«Ich bin die Ruhe zwischen zweien Tönen,
die sich nur schlecht aneinander gewöhnen:
denn der Ton Tod will sich erhöh...».*

«Mein Leben ist nicht diese steile Stunde», 1899

Антитеза в этом примере осложнена метафорой, что значительно усиливает вложенный автором в смысл стихотворения трагизм и ощущение шаткости жизни.

Обратимся к повторам в произведениях поэта. Механизм повторов является наиболее выраженным способом усиления прагматического потенциала художественного текста. Такие категории, как целостность, связность и линейность текста, при исследовании позволяют выявить особую роль таких стилистических форм, которые при воздействии на референциальные опоры текста раскрывают свою специфику. Анафора – это одно из важнейших средств для реализации текстосвязующей, тексторазвивающей и текстоорганизующей функции. Благодаря им реализуется возможность организации, связывания, вокализации элементов и управления ими в тексте [7: с. 17]. Интенция автора при использовании в тексте анафоры заключается в попытке расширить характеристику действующих лиц или явлений, описываемых в тексте, а также выразить собственную оценку путем дополнения перечня раскрываемых сведений.

Повторы – достаточно частые стилистические фигуры в поэзии Р.М. Рильке. Примеры позволяют проиллюстрировать их влияние на прагматический потенциал художественного текста:

*«Ich bin ein Baum vor meinem Hintergrunde,
ich bin nur einer meiner vielen Munde...»*

«Ich bin die Ruhe zwischen zweien Tönen...»

«Mein Leben ist nicht diese steile Stunde», 1899

В данном примере из стихотворения «Mein Leben ist nicht diese steile Stunde» анафора призвана структурировать образность метафор, что способствует акцентуации восприятия реципиента, а также задает ритм.

*«Und das sind Wünsche: leise Dialoge
täglicher Stunden mit der Ewigkeit».*

*«Und das ist Leben. Bis aus einem Gestern
die einsamste Stunde steigt,
die, anders lächelnd als die andern Schwestern,
dem Ewigen entgegenschweigt».*

«Motto», 1897

Стоит отметить образность данного стихотворения, насыщенного средствами выразительности, одним из которых здесь также является анафора, строящая ассоциативные связи и усиливающая влияние лексических единиц на восприятие, благодаря чему строки приобретают характер девиза, что вполне соответствует названию стихотворения.

Другой прием, построенный на повторе, – эпифора. Эпифора – стилистический признак, заключающийся в повторении конечного элемента в двух или нескольких следующих друг за другом предложениях. Эпифора является стилистическим ресурсом преимущественно поэтического синтаксиса. Этот прием часто используется авторами для реализации необходимой ритмики речи. Именно благодаря сильному влиянию на общее построение произведения и его выразительности эпифора в большинстве случаев сочетается с анафорой и параллелизмом синтаксических структур. Эпифора призвана определять ритмику предложения путем интонационного выделения отдельных речевых элементов тождественными выражениями [2: с.117].

Обратимся к стихотворению «Wenn's Frühling wird»:

*«schon sind die ersten der Karossen
im Baumgarten».*

*«und bald stimmt ein auch die Kapelle
im Baumgarten».*

*«und draußen träumt das erste Pärchen
im Baumgarten».*

«Wenn's Frühling wird», 1895

Каждый раз возвращаясь к сочетанию «im Baumgarten», автор при помощи эпифоры обращает внимание читателя на данный образ.

*«...des jungen Herzens ungestümes Gähren
vergeht».*

*«...daß auch der größte Schmerz im Lauf der Jahre
vergeht»*

«Die Lehre des Lebens», 1894

В данном стихотворении строфы противопоставлены друг другу, и эпифора выполняет связующую функцию, которая подчеркивает мысль, выдвигаемую автором. Кроме того, можно заметить, что эпифора графически выделена вынесением ее на отдельную строку.

Мы рассмотрели некоторые способы достижения прагматического потенциала художественных произведений на примере поэзии одного из известнейших немецких классиков. Творчество Р.М. Рильке является примером виртуозного владения языковыми средствами, позволившими крайне эффективно использовать доступные инструменты воздействия на читателя исходя из уникального мироощущения автора. Использование средств выразительности в художественном тексте способствует усилению воздействия на реципиента, благодаря чему осуществляется реализация прагматического потенциала. Вышеназванные средства выступают не просто приемами эстетизации текста, но и полноценным отражением авторской концептуализации действительности, через которое писатель или поэт способен донести не только свое мировоззрение, но и повлиять на читателя с помощью яркости

образов. Таким образом, прагматика текста является сознательной или бессознательной реализацией интенций автора в соответствии с избранной коммуникативной стратегией и эстетическим отношением к действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова, Н.С. О связи теории регулятивности текста с прагматикой / Н.С. Болотнова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2008. – № 2 (3). – С. 24–30.
2. Брандес, М.П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник / М.П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
3. Гальперин, И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. – Москва : Высшая школа, 1981. – 335 с.
4. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2000. – 190 с.
5. Монахова, Е.В. Дискурсивные параметры функционирования стилистических приемов (на примере стилистического приема антитезы) / Е.В. Монахова // Вестник Московской международной академии. – Москва : ОЧУ ВА «ММА», 2015. – С. 40–47.
6. Никонова, Ж.В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка) / Ж.В. Никонова. – Нижний Новгород : ГОУ ВПО НГЛУ, 2007. – 309 с.
7. Савельева, Е.Б. Анафора как компонент прагматической релевантности жанра автобиографии / Е.Б. Савельева // Вестник РУДН. – Москва : РУДН, 2012. – С. 16–24. – (Серия «Лингвистика»).
8. Семиотика. Сборник переводов / под ред. Ю.С. Степанова. – Москва : Радуга, 1982. – 640 с.
9. Чайковский, Р.Р. Основы художественного перевода: вводная часть : учебное пособие / Р.Р. Чайковский. – Магадан : Изд-во СВГУ, 2008. – 182 с.
10. Rilke, R.M. Sämtliche Werke in 6 Bänden. B. 1. Gedichte / R.M. Rilke. – Frankfurt am Main : Insel Verlag, 1987. – 878 s.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-116-121

ОБРАЗ МИРА В ЛИРИКЕ И. АННЕНСКОГО: МЕТОДИКА ПОСТИЖЕНИЯ

Т.Ф. Панченко

Статья посвящена методике общения студентов-филологов с поэтическим текстом И.Ф. Анненского в условиях дистанционного обучения. Материалом статьи стали три стихотворения из сборников «Тихие песни» и «Кипарисовый ларец»: «Гармония», «Тоска», «Вербная неделя». Логика постижения своеобразия поэтического мира представлена через систему вопросов, активизирующих разные сферы читательского восприятия и приводящих к пониманию смысла. Доказана роль преподавателя и как организатора учебного диалога (преподаватель–студент), и диалога смыслового – читателя с автором (студент–художественный мир поэта). Результатом работы стало погружение в сложное «двоемирие» Анненского, которое строится на соединении символической и «вещной» (акмеистической) поэтики.

Ключевые слова: И.Ф. Анненский, «Гармония», «Тоска», «Вербная неделя», поэтика, «двоемирие», символизм, акмеизм, методика анализа лирики.

IMAGE OF THE WORLD IN I. ANNENSKY'S LYRIC POETRY: STEPS TO COMPREHENSION

T.F. Panchenko

The article discusses methods of introducing a poetic text of I. F. Annensky to students majoring in philology in the conditions of distance learning. The material of the article comprises three poems from the collections "Quiet Songs" and "Cypress Casket": *Harmony, Longing, Palm Week*. The logic of comprehending the originality of the poetic world is presented through a system of questions that activate different areas of reader's perception and lead to an understanding of the meaning. The role of the teacher as the organizer of the educational dialogue (teacher-student), and the semantic dialogue – the reader with the author (student-the artistic world of the poet) is revealed. The result is immersion in the complex Annensky's "worlds", based on coupling symbolic and "real" (acoustical) poetics.

Key words: I. Annenskii, "Harmony", "Tosca", "Holy week," the poetics, "worlds", symbolism, Acmeism, method of lyrical poetry analysis.

Введение

Поэт Иннокентий Анненский (1855–1909) – личность, безусловно, яркая, самобытная даже на фоне уникального Серебряного века. Он, действительно, не вписывается ни в одно литературное направление своего времени, одновременно являясь и ярким представителем зарождающегося символизма (переводил стихотворения Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо), и перерастая его, прозревая в образах «вещного мира» эстетику акмеизма.

К особенностям творчества И. Анненского только в 2000-х гг. обращались 23 исследователя, среди них авторы монографий: Л.Г. Кихней [9]; Н.В. Налегач [12]; А.А. Боровская [4], Э.В. Кельметр [8] и др. На сайте «Мир Иннокентия Анненского» [11] представлены 37 полнотекстовых диссертационных исследований творчества поэта с 1973 по 2015 г. Рассмотрены разнообразные научные поэтологические проблемы творчества, диало-

ги и «переключки» с поэтами-предшественниками, особенно – с античными философами.

Однако пути освоения его лирики, т.е. вопросы методики вхождения в текст и понимания смыслов творчества поэта исследованы мало. Чтобы преодолеть сложность «замутненного» смысла, чтобы «освоить», т.е. сделать своим, творчество непонятного поэта, необходимо знание не только общих алгоритмов чтения лирического текста, но и «сюжет» вхождения. Такими «ступенями», помогающими уяснению смысла, открытию нового художественного целого, пониманию индивидуального сложно устроенного мира поэта, становятся вопросы, направленные на активизацию разных сфер читательского восприятия. Творчески подойдя к выполнению задания, можно прочувствовать, т.е. «освоить» и ведущий мотив тоски в поэзии И. Анненского, и обнаружить новые рецептивные смыслы, скрытые от «первичного» восприятия.

Панченко Татьяна Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Panchenko Tatyana Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: tpanch@list.ru

© Панченко Т.Ф., 2021

Методика погружения в текст

Студенты, находящиеся сейчас в условиях удаленного дистанционного обучения, вынуждены самостоятельно изучать многие темы. Для этого и необходима организация общения с художественным текстом. Идея/концепты лирики всегда сложны для понимания. Есть, конечно, методологически значимые статьи, пособия (М.Л. Гаспаров [7]; В.Е. Холшевников [14]; Ю.М. Лотман [10] и др.), но освоение нового всегда происходит индивидуально.

Чтение, как точно определил В.Ф. Асмус, есть «труд и творчество» [2], в котором участвуют разные сферы психики человека: чувство, воображение, мышление, память. Деятельность читателя представляет собой очень сложный механизм, изучению которого посвящены работы Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, А.А. Ухтомского и др. Ими описан психологически сложный процесс не как линейный, а многослойный. Понимание начинается с «желания понять», как говорил Г. Гадамер [6: с. 73]. Смысл художественного, в частности – поэтического текста «оказывается всегда динамическим, текучим сложным образованием» [5: с. 346]. Он не равен сумме словарных значений каждой отдельной лексемы, постоянно видоизменяется в зависимости от контекста и интерпретации, а также от «глубины сосуда» (М. Цветаева) воспринимающего сознания читателя. Смысл высказывания – это не только вложенное в него говорящим/пишущим, но и то, что извлёк из него читатель/толкователь. Однако именно автор «подталкивает» читателя в определенном направлении поиска, он актуализирует тот «стимул», «реакцией» на который становится вариант читательского понимания/истолкования. Кроме того, смыслы художественного целого могут содержаться в потенциальном «свёрнутом» виде и раскрываться, когда «мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она себе не ставила <...> Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого...» [3: с. 335].

Несмотря на то что студент, профессионально изучающий филологию, находится на ступень выше, чем школьник-читатель, и способен преодолеть и «наивный реализм» общения с художественным текстом, и «нравственное самоуглубление», и даже «эпоху связей», словесная оценка прочитанного студентом не всегда находится в русле авторской идеи. Может преобладать или эмоционально-чувственное, или логическое восприятие, что в равной степени не преодолевает диспропорции между разными сторонами восприятия эстетического целого: первый уровень восприятия приводит к однозначности толкования, так как демонстрирует слияние искусства (вторичной реальности) с жизнью (первичной реальностью), второй – к схематизации содержания, подчинению эстетического

целого строгой логике и упорядоченности, так как в связи с ростом читательского самосознания происходит субъективная переакцентировка смысла, наполнение художественного произведения собственными этическими проблемами. Специфика вузовской методики общения с художественным произведением состоит в необходимости создания таких учебных диалогов, которые соединяли бы жизнеспособные элементы/приемы трех предыдущих этапов читательской эволюции с неуклонной поступательной работой самостоятельного мышления, активной предметной деятельностью студентов.

Деятельность преподавателя, организующего онлайн диалог, должна учитывать психолого-педагогические, читательские и культурологические особенности и потребности студентов. Приведём примеры учебных диалогов, которые помогают студентам проникать в тайны лирики Иннокентия Анненского, поначалу казавшейся непонятной, «вычурно» построенной и «бесмысленной»*.

Учебные диалоги: первичное восприятие

На лекционных занятиях, проходящих сейчас в дистанционном формате, мы предусмотрели возможность «обратной связи» через письменные ответы на вопросы стихотворений из разных тематических/мотивных групп, разных этапов творчества поэта. Нами были выбраны произведения «Гармония», «Тоска», «Вербная неделя» [1].

Каждое стихотворение – часть композиционного циклического целого. Так, многообразны «Трилистники» И. Анненского, в которых есть и «Трилистник Тоски», и «Тоска возврата», «Тоска», «Тоска медленных капель», «Тоска кануна», «Тоска синевы», «Тоска миража», «Тоска припоминания», «Тоска белого камня».

Субъектами в стихотворениях Анненского преимущественно выступают предметы, явления, абстрактные понятия. Например, в стихотворении «Тоска припоминания» субъекты действия – предметы «вещного», видимого мира: страница, строки, пятна, отсвет, буквы. В «Тоске белого камня» – абстрактные понятия, состояние и цвет: нищета, одурь, лиловатость.

Из девяти стихотворений цикла четыре содержат вопросительные предложения, иногда несколько, что может значить постоянный диалог лирического героя с самим собой, с окружающим миром, с читателем, признак рефлексии, устремлённости в глубину чувства (тоски).

Построены стихотворения в основном на описательных оборотах, определениях, обстоятельствах

* Выражаю благодарность студентке 3-го курса группы Б Б5117 по направлению подготовки 45.03.01 «Филология/преподавание русского языка и литературы» Дальневосточного федерального университета А.А. Зборовской за активное участие в диалогах.

образа действия. Например, в стихотворении «Тоска медленных капель»: *ночная тишина, дремотный дух, дрожжа набухают, падают мерно и чётко, недвижно-бессонная ночь, одинокая свеча, пышет тоскуя, присутствовать таясь, странный брак, безнадежная связь, тающие жизни.* Или строфа из стихотворения «Тоска синевы»: *...тучи сизой, / Чутко-зыбкой, точно волны, / Сумнолицей, темноризой, / Слез, как сердце, тяжело полной.*

Автор использует сложные прилагательные, являющиеся окказионализмами, индивидуально авторскими словоупотреблениями: *бело-альпий, златошвейный, зеленовейный, мутно-черный, постыло-знакомый, недвижно-бессонный, чутко-зыбкий, сумнолицый, темноризый*, – характеризующие не только его состояние, но и мир, окружающий героя-автора.

Строфы-предложения воспринимаются сложно из-за инверсионного синтаксиса: *«Мои ли без счета и меры / По снегу не тяжки концы?»* или

*Что ни день, теплей и краше
Осенен простор эфирный
Осушенной солнцем чашей:
То лазурной, то сапфирной.*

Прямой порядок слов: *«что ни день, эфирный простор теплей и краше осенен то лазурной, то сапфирной осушенной солнцем чашей»* – все равно сложен для восприятия.

«Гармония». По каждому из выбранных стихотворений студентам предложены вопросы, активизирующие разные сферы читательского восприятия, например, по стихотворению «Гармония» были сформулированы следующие:

– В чем особенность художественного пространства и времени этого стихотворения?

– Каким вам представляется лирический герой? Изменяется ли он?

– Какова общая тональность стихотворения? / Какие мотивы преобладают в стихотворении?

– Почему стихотворение называется «Гармония», если «существование» заканчивается?

В отличие от учащихся средней школы, постижение произведений у которых происходит дискретно: от эмоциональной отзывчивости к смыслу и потом к форме, – студенты-филологи идут другим путем, поскольку находятся на ином этапе читательской эволюции: от формы (через композицию, детали) – к эмоциям (тональности) и смыслу. Полагаем, что такой сюжет разбора/понимания стихотворения более логичен, поскольку отдельные наблюдения, образы, находки анализа соединяются в единую авторскую концепцию.

Центром оппозиции, создающим напряжение лирического конфликта, является противостояние пространств, организованных так: *«Я жадно здесь...»* – *«А где-то там...»* «Здесь» сначала воспринимается буквально: лирический герой созерцает осеннее ту-

манное утро на берегу моря. Однако, вчитываясь, мы не можем с уверенностью утверждать, что место лирического героя реально. Образ моря складывается из слов *волны, пена*, но волны имеют цвет посуды, неживого предмета (*«стертые эмалевые краски»*) – краски обычно на поверхности вещи), волны металлические (*«брызги серебра»*), а о пене лирический герой говорит, что любит ее, но это не значит, что видит ее в настоящем. Возможно, этот образ передает не место, а цвет и ощущение холода.

Стихотворение заканчивается в неопределенном месте. Точка отсчета – лирический герой («я»), но где он и его отражения («такие ж я») находятся, нет точного представления.

В первой строфе читаем, что лирический герой любит осенние утра, однако во второй строфе замечаем несоответствие: *«...здесь, покуда небо знойно, / Остаток дней туманных берегу»*. В настоящем еще есть туманные дни, однако время года предполагает зной. Зной обычно в полдень (знойный день) и в летнее время года, хотя в первой строфе утро и осень.

Из обнаруженной нами оппозиции пространства складывается специфика «двоемирия» И. Анненского.

В стихотворении два ощущения – холод тумана (утро) и зной неба (день), первому лирический герой отдаёт предпочтение. Ещё одно противопоставление – я (туман-волны-море) и *«такие ж я»* (огонь). Тем не менее какое-либо разделение кажется излишним. Всё стихотворение есть восприятие лирическим героем настоящего момента, он не выходит за пределы своего «я», хотя внутри «я» собирает мозаику из образов и ощущений. Перед нами психологическое состояние героя, т.е. «двоемирие» не внешнее, а внутреннее. Состояние лирического героя находится на границе миров и разделяется на настоящий момент, в котором нет тоски, и мир (вечных) отражений, в котором от тоски погибает кто-то похожий на лирического героя.

Противопоставления *«здесь»* и *«там»*, «я» и *«без счета»* / *«такие ж я»* указывают на одиночество лирического героя, при этом нельзя сказать, что это мучительное одиночество (дважды *«люблю»* и *«жадно берегу»*). Это гармония уединения. Лирический герой позволил кому-то другому («за него» умереть в тоске, а если его душа не тоскует, значит, герой в гармонии с самим собой).

Стихотворение отражает состояние покоя (это не минор или мажор, это элегическая «светлая грусть»). «Застывшие» волны, мимолётная прохлада осеннего утра, туман, заглушающий осенние краски, лёгкая пена (беспокойная, но это беспокойство не что иное, как успокаивающий ритм волны) – всё это *«здесь»*, а мятеж, огонь, тоска, безымянная масса – *«там»*, далеко, вне «я». Ощущается конечность покоя (*«остаток дней»*).

Отвечая на концептуальный вопрос, почему стихотворение называется «Гармония», если «существование» заканчивается, предполагаем, что конец существования отдалён от лирического героя и его настоящего, возможно, это сознательное, волевое отдаление от смерти, которое позволяет ощутить гармонию. Тоска – неотъемлемая спутница лирического героя И. Анненского, она будет с ним до конца, но в этом стихотворении тоска принадлежит «чьему-то» существованию, лирический герой продолжает жить.

«Тоска». Вопросы для проникновения в смыслы стихотворения «Тоска» были другие, концептуальным / проблемным был выделен следующий:

– Какие «этапы тоски» переживает лирический герой?

Любое человеческое состояние длится определенное время, которое человек может примерно определить (час веселья, день грусти, неделя отчаянья, месяц одиночества и под.). В стихотворении И.Ф. Анненского есть два указания на время: в первой строфе – это туманное утро, в третьей – неопределенно-длительное «неделями». Причем утро – это фиксация момента, лишь части неопределенно-длительного состояния. Следовательно, точного указания, как долго и с какого момента лирический герой находится в состоянии тоски, нет. Однако у лирического героя есть уникальный личный способ делить время тоски на этапы. Обычно этапы времени нам помогают мерить часы, календари, т.е. вещи. В стихотворении И. Анненского тоже должна быть вещь, которая является для лирического героя мериллом.

Тоска буквально – «стеснение» (в груди), «грусть» [15]. Сложно представить человека, тоскующего в открытом пространстве, первая же ассоциация с тоской – тиски, замкнутое пространство и заключённый в нём человек. Следующая ассоциация – квартира и комната, человеческое творение, часть вещественного мира. Из предметов интерьера в стихотворении И. Анненского внимание лирического героя приковано к цветам (в первой строфе) и центифолиям (в последней строфе). Центифолии же не что иное, как розы с множеством мелких и тесно сжатых лепестков, значит, в первой и последней строфе одни и те же цветы. Описание цветов складывается из таких словосочетаний: «стальной колер», «небывалый букет», «бледно-розовые овалы», «мазки на глянце». Лексемы *сталь*, *небывалый*, *овал*, *мазки* указывают на искусственность цветов (металл, выплавляемый человеком; то, чего нет в реальном мире, не бывает; геометрическая фигура, рассчитанная человеком; результат художественного творчества). Следовательно, розы изображены на плоскости. Множественная форма существительных «оваль», «букеты» указывает на большое количество изображений цветов, циклично расположен-

ных. Такой повторяющийся узор характерен для обоев. Их цвет – бледно-розовый и серый (сталь – глянец). Итак, лирический герой находится в комнате, стена/ы которой оклеены тусклого цвета обоями с мелким рисунком.

Причина внимания лирического героя к настенному рисунку кроется в третьей строфе. В одной комнате прошло множество однообразных дней, которые довели героя до болезненного состояния. Вследствие такого времяпровождения обыденный узор затянул всё внимание героя, он отмеряет «этапы тоски» по мере прохождения взгляда по рисунку обоев. Цветы располагаются по циклам – овалам, но глаза не могут плавно двигаться по рисунку, взгляд движется по точкам, отрезками, поэтому овал превратится в ромб, финальную фигуру стихотворения.

Итак, время пребывания в состоянии тоски лирический герой определяет визуально, бессмысленно бродя взглядом по узорам на обоях. Автор передал состояние сосредоточенности, только ложной. Мы видим то же, что и герой, однако он погружен в свои личные размышления, нам заметно его внешнее состояние и сокрыто от нас внутренне, переданное одним словом – тоска.

«Вербная неделя». Для диалога со стихотворением 1907 г. «Вербная неделя» нами были сформулированы другие вопросы и задания:

– Где, по-вашему, происходит действие стихотворения?

– Составьте картину предметного мира стихотворения. Какие слова являются символами / маркерами смерти?

– Какая музыка сопровождает текст?

– Что такое «слезы...вербы»?

– Какой видит лирический герой Вербную неделю?

– В чем, по мысли лирического героя, духовный смысл Вербной недели?

– Какие общекультурные ассоциации / аллюзии вызывает стихотворение?

Ответы на них сложились в следующий текст. В стихотворении нет точного указания на место действия. Главный субъект стихотворения – Вербная неделя, время перед строгим постом Светлого пасхального Воскресения. Мы (читатели) наблюдаем, как неделя уходит. Но видим все это глазами героя. Состояние погоды, атрибуты похорон, церкви – все это лишь проходящие мимо картины. И. Анненский ведет читателя по пути уходящего времени, чтобы у него была возможность (интенция) поймать чувство лирического героя, вне зависимости от места читателя и лирического героя.

Пространство стихотворения двомирно: предметы «вещного мира» (*снежная льдина*, *иконы*, *черные ямы/могила*) неразрывны с нематериальными (*благонные дымы*, *похоронные звоны*, *глубокие глаза икон*, *«лазари»*). Трудно назвать их пред-

метами, поскольку это ощущения, ассоциации, т.е. субъективно-авторское восприятие, которое символично и в цвете, ведь желтый красив утром, вечером он превращается в грязный (цвет фонаря), поэтому ассоциативен болезни. Время стихотворения переходное, это сумрак – умирание дня. Поэтому мотив смерти прежней жизни передается через другие приметы: «*мертвый апрель*» – пейзаж еще без зелени, голая земля, мертвая. «*Пустыня*» – безжизненное пространство. «*Последняя, погиблая льдина*» – обречённая растаять, умереть. «*Замереть*» – остановка, смерть движения. «*Похороны*» – обряд прощания с мертвым человеком. «*Черная яма*» – могила. «*Ночь*» – смерть дня. «*На ущербе*» – завершение лунного цикла. «*Невозвратимый*» – окончанный, принявший смерть. «*Замиранье звуков похоронных*» – звук колокола, уже затихающий, убывающий звук, умирающий, переходящий в тишину. «*Уплывала*» дважды, «*плыли слезы*» – беззвучное движение воды. Таким образом, в стихотворении запечатлена смерть звука.

Возможно, что и соцветия ивы (вербы), качающиеся на ветру, но находящиеся в мертвенной атмосфере, не предполагают цветения. Веточки ивы освящают в церкви на Вербное воскресенье, в этом стихотворении верба, скорее, символ прощания, ее цветение воспринимается лирическим героем как оплакивание. «*Жаркие слезы*» вербы напоминают капли воска на горящих свечах в церкви. Образно же представляется ребенок, держащий в руках веточки вербы и оплакивающий смерть как факт ее существования.

Для лирического героя Вербная неделя – это тихое приближение к смерти. Идея приближающегося возрождения (Пасхи) – это победа над смертью, но в мире лирического героя нет места этому чуду, возрождение для него – это борьба со смертью, и борьба эта будет безуспешной, время приведет все

к смерти. Текучесть времени позволяет событиям проходить мимо лирического героя, его жизнь есть наблюдение за постоянной смертью вокруг, однажды смерть заберет и его. Принятие смерти как части движения времени лишает стихотворение беспросветного трагизма. Лирический герой созерцает движение жизни, жизни как возможности наблюдать смерть до ее прихода.

Духовный смысл Вербной недели – в возможности прикоснуться к таинству воскрешения, которое человеку недоступно, осознать и принять недоступность воскрешения для человека.

В весеннем фольклоре есть хороводы, которые исполнялись после похода на кладбище. Хороводные песни тягучие и печальные, в них отражалась история смерти, но в них не было безутешной скорби. Сам акт пения и совместного движения в фольклорном танце являлся фактом принятия смерти как неотъемлемой части существования. В обрядовом фольклоре смерть лишена окраски «страшная», сообщение о ней не несет знака «минус». Есть послепасхальные хороводы, в которых о смерти говорится шутливо. Человек может смеяться над тем, что принимает как данное, истинно существующее. Таким образом, в народной традиции смерть, похороны, старость, болезнь – амбивалентные естественные составляющие жизни. Стихотворение И.Ф. Анненского кажется схожим с таким пониманием смерти.

Общекультурные ассоциации позволили найти картину, которую по тематике и цветовой гамме можно соотнести со стихотворением (иллюстрация). Это, на наш взгляд, картина Алексея Саврасова «Ранняя весна. Половодье» (1868).

Березы погружаются в вечерний сумрак, справа уже надвигается ночная тьма. Земля голая, ещё кое-где покрытая снегом. Состояние покоя и внутренней тишины.

Ранняя весна. Половодье. Картина А. Саврасова

Заключение

Таким образом, диалогично выстроенное общение преподавателя со студентами при изучении художественного мира Иннокентия Анненского оказалось продуктивно. Постигание поэтического мира проходило не только репродуктивно, но и творчески. Вопросы преподавателя активизировали читательскую мысль студентов, потому что соответствовали трём фазам вхождения в художественный текст: «вчувствование», «противочувствование», «интерпретация» [13]. Художественные смыслы открывались студентам постепенно, по мере ответа на вопросы-«ступеньки» и, постепенно укрупняясь, складывались в концептуально значимые открытия. Художественное «двоемирие» Анненского, общекультурные символы сна, сумерек, ребенка, реки и др. создают перекличку с поэтами-символистами. Однако активное осмысление мира через вещи, реальные детали быта сближает с поэтикой акмеистов. Образ мира индивидуален, но в то же время отмечаем в нем черты истинно русского менталитета, о чем свидетельствуют поэтические ассоциации.

Уверены, что подобная методика диалога действительна при общении с произведениями и других литературных родов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анненский, И.Ф.* Стихотворения и трагедии / И.Ф. Анненский ; вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А.В. Федорова. – Ленинград, 1990. – URL: <http://annensky.lib.ru/books/book1.htm> (дата обращения: 16.12.2020).
2. *Асмус, В.Ф.* Чтение как труд и творчество / В.Ф. Асмус // Вопросы литературы. – 1961. – № 2. – URL: <https://voplit.ru/article/chtenie-kak-trud-i-tvorchestvo/> (дата обращения: 16.12.2020).
3. *Бахтин, М.М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1979. – С. 328–335.
4. *Боровская, А.А.* Эволюция жанровых форм в русской поэзии первой трети XX века / А.А. Боровская. – Астрахань : Издат. дом «Астраханский университет», 2009. – 210 с.
5. *Выготский, Л.С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. Проблемы общей педагогики / Л.С. Выготский ; общ. ред. А.В. Запорожец. – Москва : Педагогика, 1982. – 504 с.
6. *Гадамер, Г.-Г.* Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер ; пер. с нем. – Москва : Искусство, 1991. – 368 с.
7. *Гаспаров, М.Л.* «Снова тучи надо мною...»: Методика анализа / М.Л. Гаспаров // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. – Москва, 1997. – С. 9–20. – URL: <http://philology.ru/literature2/gasparov-97b.htm> (дата обращения: 19.12.2020).
8. *Кельметр, Э.В.* Язык тела в поэзии Иннокентия Анненского / Э.В. Кельметр, Н.А. Рогачева // Культура и текст. – 2013. – № 2 (15). – С. 137–149.
9. *Кихней, Л.Г.* Иннокентий Анненский. Вещество существования и образ переживания / Л.Г. Кихней, Н.Н. Ткачева. – Москва : Диалог-МГУ, 1999. – 123 с.
10. *Лотман, Ю.М.* О структуре стиха / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1996. – С. 18–252.
11. Мир Иннокентия Анненского. – URL: <http://annensky.lib.ru/diss.htm> (дата обращения: 19.12.2020).
12. *Налегач, Н.В.* Поэтика отражений И. Анненского и феномен поэтического диалога в русской лирике XX века : монография / Н.В. Налегач. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2012. – 260 с.
13. *Панченко, Т.Ф.* Общение писателя и читателя при изучении драматургии А.П. Чехова : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Т.Ф. Панченко. – Санкт-Петербург, 1996. – 18 с.
14. *Холшевников, В.Е.* Анализ одного стихотворения / В.Е. Холшевников. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1985. – 248 с.
15. *Шанский, Н.М.* Этимологический словарь / Н.М. Шанский. – URL: <https://gufo.me/dict/shansky/toska> (дата обращения: 15.01.2021).

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-122-128

КОНЦЕПТ СОПРИСУЩНОСТИ (CO-INHERENCE) В ТВОРЧЕСТВЕ ЧАРЛЬЗА УИЛЬЯМСА

О.Б. Лукманова

Статья посвящена исследованию концепта «соприусность» (*co-inherence*) как одного из центральных в творчестве английского поэта, писателя и литературного критика Чарльза С. Уильямса (1886–1945), а также разных граней воплощения этого концепта в его художественном и нехудожественном творчестве. Посредством биографического, художественного и сравнительно-исторического методов прослеживается история термина «соприусность», заимствованного автором из патристической литературы, рассматривается изначальное содержание этого термина и анализируется то уникальное его толкование, которым оперировал сам Уильямс. Видя в соприусности универсальный онтологический принцип, Уильямс усматривал его основное действие во всех проявлениях взаимного обмена и заместительной любви (включая деторождение, товарно-денежный обмен, эмпатию, взаимные услуги, ходатайственную молитву, самопожертвование), утверждая, что евангельскую заповедь «носить бремена друг друга» можно и нужно исполнять на всех уровнях бытия, беря на себя грехи, заботы и страдания другого. Более того, благодаря взаимной соприусности всех творений Творцу, существующему вне времени и пространства, принцип взаимнообмена и заместительной любви может действовать, несмотря на временную и географическую разделенность людей, так что, одновременно пребывая в Боге, они могут и должны брать на себя тяготы друг друга. В результате Уильямс нередко выстраивает художественный мир своих романов на средневековой вертикали Данте, перенесенной в современность, создавая хронотоп многомерной одновременности, а одним из важнейших воплощений соприусности в его творчестве является город как сложная и упорядоченная сеть постоянно идущего взаимнообмена и заместительной любви, что делает его соприусным Граду Божьему. Соответственно для Уильямса отказ человека от участия в соприусности всегда означает отказ от своей онтологической сущности и неизменно ведет к «сошествию в ад», а именно: к распаду личности и полному исчезновению.

Ключевые слова: Чарльз Уильямс, соприусность, взаимопричастность, путь замещения, взаимный обмен, заместительная любовь, город, хронотоп одновременности.

THE CONCEPT OF CO-INHERENCE IN THE WORK OF CHARLES WILLIAMS

O.B. Lukmanova

The article examines the concept of coinherence (or co-inherence) as one of the central and unifying concepts in the life and work of Charles Stansby Williams (1886 – 1945), English poet, writer, and literary critic, also known as “the third Inkling” in conjunction with C. S. Lewis and J.R.R. Tolkien. Through a close study of the writer’s biography and letters as well as his poetry, novels, theological treatises and essays we trace the origin of the term “coinherence,” borrowed from the Church Fathers in the meaning of mutual indwelling of the Persons of the Holy Trinity, uncover the unique interpretation that Williams gave to the term, and look at various ways he used to integrate it into his writing. Understanding coinherence as a fundamental ontological principle of comprehensive mutual interdependence, exchanged life, and substitution as direct fulfillment of the Gospel commandment “to carry each other’s burdens,” Williams portrays it as a necessary condition of any truly human existence and expounds its universal nature on every level of life, from childbirth to money as a means of exchange, to mutual services of empathy, to intercessory prayer, and to self-sacrifice for another’s sake. In his thinking, people can carry each other’s burdens even through barriers of space and time, since they are simultaneously co-inherent to each other and to God who exists both outside of time and space and in all time and space. Thus, in his novels Williams often employs a version of Dante’s vertical chronotope of simultaneity, and one of the most important symbols that reflect the nature of coinherence is the City as a web of continuous mutual exchange and substitution, in its turn co-inherent to the City of God. Williams portrays refusal to participate in the principle of co-inherence as “descent to hell” which is seen as a gradual unraveling of any personhood and ultimate annihilation.

Key words: Charles Stansby Williams, coinherence, substitution, the Way of Exchange, the City, chronotope of multi-level simultaneity.

«...[В своей книге] Вы преспокойно упоминаете о соприусности (англ. *coinherence* или *co-inherence*, если следовать орфографии самого Уильямса; перевод здесь и далее мой. – О.Л.), как будто это вещь всем известная. Я лично не очень понимаю, что это такое», – писал Т.С. Элиот своему

хорошему другу, поэту, писателю и богослову Чарльзу Уильямсу (1886–1945) в сентябре 1942 г., давая отзыв на присланные ему главы новой книги Уильямса о Данте [5: с. 358]. Соприусность (перевод мой. – О.Л.; альтернативный перевод Н.В. Эппле: «взаимопроникновение, взаимопри-

Лукманова Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Высшей школы лингвистики, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород).

Lukmanova Olga Borisovna – Doctor of Philology, Associate Professor, N.A.Dobrolubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod).

E-mail: estson@gmail.com

© Лукманова О.Б., 2021

частность» [3]), как трактовал ее сам писатель, а также ее связь с «Путем взаимообмена» (*The Way of Exchange*) и «заместительством» (*Substitution*) с самого начала является объектом пристального внимания литературоведов и богословов, исследующих творчество этого «самого странного из инклингов»^{*}.

В статье, посвященной Уильямсу, переводчик Н.Л. Трауберг говорила, что сама доктрина соприсущности «сокрушает сердце», а слово ‘*coinheritance*’ «почти совсем непереводаемое», и лучше всего его можно понять, припомнив призыв апостола: «Носите бремена друг друга» [2]. Позаимствовав этот сравнительно малоизвестный термин из патристической литературы, Уильямс основывал свое учение о соприсущности на христианской доктрине перихорисиса (др.-греч. *περιχώρησις*), согласно которой ипостаси Троицы единосущны и взаимно «обитают» друг в друге, и этот концепт действительно «золотой нитью связывает воедино практически всю художественную прозу, поэзию, богословие и духовную практику Уильямса» [6: с. 6]. Еще в 1937 г., в критическом обзоре трактата У.Б. Йейтса «Видение», Уильямс писал, что самым потрясающим предложением книги является цитата из Гераклита: «Бессмертные – смертны, смертные – бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают». Он нашел у Йейтса и Гераклита намеки на ту самую доктрину взаимопроникновенного сосуществования и заместительной любви, которую впоследствии назвал соприсущностью: «Если мир действительно основан на столь глубоком взаимном обмене, что мы еще даже не начали прозревать его, подобные предложения на миг освещают нам бездну. Если это так, то прежде чем исправлять какое-либо национальное или межнациональное зло, нам следует отыскать принцип какого-нибудь такого взаимного обмена. «Цивилизация, – пишет г-н Йейтс, – есть стремление сохранить самоконтроль». Только отыскав принцип взаимопричастности, взаимообмена жизнью (*exchanged life*), мы сможем сохранить самоконтроль, утратив его, а не утратив его, мы не сможем его сохранить» [5: с. 280]. Из частного письма, написанного Уильямсом в сентябре 1939 г., становится ясно, насколько радикальным, всепроникающим и онтологически фундаментальным было для него это понятие: «Наша *соприсущность в Гитлере и его в нас, и во Христе, и друг в друге* (курсив мой. – О.Л.), и так далее... Я ощу-

щаю этот темный момент куда глубже, чем все разговоры о причинах и принципах; так и так, мы – едино» [5: с. 301].

Первое прямое пояснение того, как сам Уильямс понимал соприсущность, он дал в историческом трактате «Он сошел с Небес» (*He Came Down from Heaven*, 1938) [11: с. 83], а важным художественным воплощением этого концепта стало стихотворение «Талиессин на смерть Вергилия» (*Taliessin on the Death of Virgil*) из сборника поэм «Талиессин в Логрисе» (*Taliessin through Logres*), опубликованного в том же 1938 г. Сказитель Талиэссин, являющийся архетипической фигурой мифического Поэта, описывает долгое и жуткое падение умершего Вергилия в ад, от которого в конечном итоге его спасают все те, кто читал его стихи в последующие столетия: простираясь из будущего, почитатели и ученики как бы сплещают для поэта спасительную «сеть послушной любви» и обретают для него искупление:

Virgil was fathered of his friends.
He lived in their ends.
He was set
on the marble of *exchange*.

Отцами Вергилия стали его друзья.
Он ожил в том,
Как они закончили свою жизнь.
Его водрузили
на пьедестал *замещения*.

(курсив мой. – О.Л.)

Описывая Логрис, духовное королевство, сосуществующее одновременно с мирской Британией подобно тому, как в одном и том же человеке сосуществует небесное и плотское начало, Уильямс одновременно закладывает основы учения о соприсущности или «пути взаимообмена и замещения», опирающегося на «чистую одновременность всего» [1: с. 307], а также на то, что можно назвать инкарнационным перформативным богословием (*incarnational performance theology*) [7: с. 210], где слово (поэзия, литургия, молитва), соприродное созидательному Слову, активно влияет на физическую и социальную реальность.

Исходя из классических библейских выражений доктрины перихорисиса (Отец пребывает в Сыне и Святом Духе; Сын в Отце и Святом Духе; Святой Дух в Отце и Сыне; «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (Ин. 14:10); «Мы многие – одно тело во Христе, а порознь – друг для друга члены» (Рим. 12:5) и т.д.), а также из фрактальной природы мира, Уильямс утверждает, что ни один человек не является независимым от других и люди с самого начала «живут друг другом», питаются физической, интеллектуальной и духовной жизнью других людей, черпая от них энергию. Он приводит примеры на

^{*} *The Oddest Inkling*, онлайн-сообщество, посвященное жизни и творчеству Ч. Уильямса. URL: <https://theoddestinkling.wordpress.com/>. Инклинги – неофициальная литературная дискуссионная группа в Оксфордском университете, существовавшая в 1930–1949 гг., куда, помимо Уильямса, входили Дж. Р.Р. Толкиен, Кл. С. Льюис, У. Льюис, О. Барфилд и др.

естественном, социальном, интеллектуальном, межличностном и духовном уровне, перечисляя чадорождение (где мать в буквальном смысле носит в себе ребенка, питая его своим телом), деньги (как средство замещения), искусство (как способ опосредованно усваивать переживания художника, питаться его духовной и интеллектуальной энергией), эмпатию и внешние акты заботы (когда один человек берет на себя тяготы другого), и, наконец, ходатайственную молитву, заместительную жертву Христа и любую жертву вообще, включая молитву «заместительной любви», которую Уильямс напрямую или косвенно описывал в своих романах и которой учил своих последователей [12: с. 147–153].

По словам одной из исследовательниц творчества Уильямса Барбары Ньюман, он, «подобно еще одному гениально эзотерическому поэту Уильяму Блейку, был решительно настроен спасти христианское богословие от нездоровой привычки отделять дух от плоти» [6: с. 18]. В частных письмах, разъясняя практику соприсущного замещения, Уильямс ссылался, в том числе, и на св. Серафима Саровского, который в 1832 г. вызвал к себе Елену Мантурову, сестру Дивеевской общины, и дал ей послушание умереть вместо ее тяжело заболевшего брата Михаила, который был ему еще нужен [4: с. 64]. Так далеко сам Уильямс не заходил, но, тем не менее, считал, что соприсущность предполагает исполнение евангельского повеления «носить бремена друг друга» в самом буквальном смысле слова [6: с. 6], и в 1939 г. по настоянию друзей, высоко ценивших его идеи, даже создал «Орден соприсущности» (*The Companions in the Co-inherence*), члены которого, следуя принципу и практике «взаимозамещения в любви», время от времени должны были нести беспокойство и даже физическую боль друг друга (чаще всего даже не зная того, чье бремя они разделяют), а также практиковать ту или иную добродетель от имени другого человека. Например, когда зимой 1944 г. Мэри Элис Хэдфилд (которая впоследствии стала биографом писателя) предстояло плыть с ребенком по заморозившимся водам, Уильямс, будучи главой Ордена соприсущности (или, по его собственным словам, «лейтенантом этой превосходной абсурдности»), поручил одной из участниц Ордена Лоис Ланг-Симс взять на себя ее страх, «смирно предложив Всевышнему себя вместо нее» [4: с. 53]. Впоследствии Уильямс точно так же брал на себя головную боль самой Лоис Ланг-Симс, переживания и тревоги других членов Ордена [5: с. 293], а еще один «инклинг» Кл. С. Льюис практиковал такое замещение, чтобы облегчить боль своей жены, умиравшей от рака. Кроме того, в Оксфорде существует предание, согласно которому Уильямс предложил Богу свою жизнь за тех, кто страдает от Второй мировой войны, и умер ровно через неделю после установления мира [2].

Цели, практики и принципы существования Ордена соприсущности были изложены в трех разных текстах: в послесловии к историческому трактату «Схождение голубицы» (*The Descent of the Dove*, 1939), в частном документе, который был разослан членам Ордена примерно в то же время, и в несколько более позднем стихотворении «Основание Сообщества» (*"The Founding of the Company"*) из сборника «Край летних звезд» (*The Region of the Summer Stars*, 1944). Однако идеи заместительной соприсущности (причем задолго до того, как Уильямс «официально» их сформулировал) неизменно присутствовали и в его поэзии, и в художественной и нехудожественной прозе, представленные в самых разнообразных аспектах и преломлениях и рассматриваемые на самых разных уровнях человеческого существования. Например, в эссе «Прощение грехов» (*The Forgiveness of Sin*, 1942) Уильямс представляет себе подлинно христианское общество в виде «гильдии, члены которой вместо преступников, сознавших в своих преступлениях, будут брать на себя причитающееся тем по закону наказание – может быть, даже вплоть до смертной казни» [12: с. 173], а рассуждая о двух основных путях познания Бога (апофатическом и катафатическом), не видит в них противоречия и утверждает их изначальную соприсущность и взаимопроникновение. Так, уже в первом опубликованном романе «Война в небесах» (*War in Heaven*, 1930) Уильямс использует двух известных христианских святых, олицетворяющих собой путь принятия и путь отрицания, в качестве своеобразной мистической рамки своего повествования и соединяет их в духовном пути протагониста-мистика: если в начале книги архидьякон приходской церкви Фардла упоминает, что в его библиотеке есть редкое издание «Восхождения на гору Кармель» св. Иоанна Креста, то ближе к концу, ожидая смерти от рук врагов, он сидит у окна с «Откровениями божественной любви» Юлианы Нориджской. Первая книга косвенно намекает на грядущие испытания самоотречения, а вторая напоминает о том, что в конечном итоге, по словам Св. Юлианы, «все будет очень хорошо», и для Уильямса оба эти аспекта сосуществуют в единстве, содержат друг друга, являясь неотъемлемой частью любого духовного становления [7: с. 444].

Еще одним постоянным выражением мотива соприсущности в творчестве Уильямса является взаимопроникновение и заместительное существование города и деревни, порядка и хаоса, малого и большого, обыденного и ритуального, временного и вечного, которые обычно воспринимаются дихотомически [9: с. 103–104]. Как отмечала поэт и драматург Энн Райдлер, отредактировавшая два сборника эссе Уильямса, «...большинство из нас

видели в улицах Лондона только хаос, но Уильямс, глядя на то же зрелище, главным образом, видел образ (или, судя по употреблению и функции слова «образ» в идиолекте Уильямса, точнее было бы сказать «воплощение». – О.Л.) – несовершенный, жалкий, героический и величественный образ – Порядка» [8: с. xlviii]. В «Старших Арканах» (*The Greater Trumps*, 1932) в руке полицейского, властно останавливающего движение на лондонской улице, ему (или, вернее, героине романа Сибил Коннингсби, идущей по мистическому пути Любви, а значит, умеющей видеть соприсущность эпического, безвременного, трансцендентного ритуала и обыденного, повседневного действия) видится универсальный, вечный и сверхъестественный символ порядка и закона – причем символ в значении, схожем с тем, в каком Святые дары являются «символами» или «акциденциями» в момент их пресуществления в Тело и Кровь Христа. В городской торговле, транспорте, обмене новостями и т.п. можно и нужно разглядеть «единение через свободный обмен», в физической тесноте – способ проявить любовь к ближнему, а во всей повседневной жизни города – «постоянный обмен учтивостями духа», великий обмен обоюдного долга, ежедневное предложение себя другим [12: с. 103].

Глядя на Лондон, где происходит действие большинства его романов, Уильямс (вместе со своими протагонистами) ощущал реальное присутствие в нем, соприсущность ему иного Города (или Града) – того самого, который апостол Иоанн прозревал с острова Патмос, король Артур и его рыцари знали в Саррасе, и который «хотя бы в мечтах грезится всем подлинным политикам» [9: с. 104–105]. Для него самого «сверхъестественное присутствие постоянно, требуя лишь несколько большей осознанности, чтобы его увидеть», а «обычный тротуар в Сити в любой момент мог растаять, открывая под собой куда более основательную мостовую Вечного Града Божьего» [5: с. 85]. В романе «Канун Дня всех святых» (*All Hallows' Eve*, 1945) лондонская Темза становится для героини (которая, оказавшись по ту сторону смерти, смотрит на реальность прозревшими, духовными глазами) не просто мутным и грязным напоминанием о вездесущем человеческом грехе, а олицетворением заместительной любви: река смиренно собирает в себя и уносит прочь весь мусор большого города, в каком-то смысле неся на себе его бремя, очищая его своей тихой и незаметной жертвой и тем самым исполняя закон любви и взаимопричастности. Таким образом, Уильямс дает понять, что осознание и активное применение принципов соприсущности дает человеку совершенно реальный, осязаемый доступ к Граду Божьему уже сейчас, и уже само признание этой связи рождает в человеке добрую

волю по отношению к своему городу и любовь к нему – которая всегда является одновременно любовью и жизнью Христа в этом человеке и осознанием этой жизни и любви. В романе «Сошествие в ад» (*Descent into Hell*, 1937) возвращение погибшего самоубийцы в город рассматривается как возвращение к взаимнообмену любви в Граде Божьем и, следовательно, как один из признаков спасения и возрождения. Напротив, самоизоляция, отказ от участия в общем деле и в обычной жизни даже маленького городка становится для другого героя этого романа еще одной ступенькой к гибели.

Одним из самых ярких и наглядных воплощений мотива соприсущности в романах Уильямса являются образы протагонистов-мистиков и их практика заместительного взаимнообмена, вплоть до описания ее техники. В конечном итоге главное притяжение Уильямса состояло и состоит в его способности выстроить и показать тот мир, который он так явно видел в реальности, ту сеть «взаимообмена влюбленным восхищением и восторгом, сеть взаимной и рассеянной по всему миру молитвы» [6: с. 22]. Сибил Коннингсби («Старшие Арканы») являет собой пример святого-мистика с тренированным воображением и волей, и в ее случае соприсущность проявляется в полной подчиненности намерениям Любви, какими бы они ни были, результатом чего является полное соединение с этой Любовью и радость в ответ на любое ее проявление: «Она открыла истинный закон, когда узнала, что имеет право и силу владеть всем просто потому, что ею полностью владеет Иной... и незачем ни пытаться, ни радоваться: надо только оставаться в покое и позволить радоваться [в ней и через нее] самому Божеству, поскольку того требует Его собственная природа». Исследователи не раз отмечали, что художественная проза Уильямса нередко является, по меньшей мере, двухадресной: в своих романах помимо широкой публики он обращался к тем, кто считал себя его учениками, и в образах, рассуждениях и поступках персонажей воплощал важные для его богословия духовные принципы, порой доводя их почти до уровня инструкции. Один из примеров такого косвенного обучения повседневной практике соприсущности можно усмотреть, например, в описании того, как Сибил исцеляет ногу старого Аарона Ли: «От сострадания начала ныть и ее собственная лодыжка, и это было нормально, ведь Сибил не собиралась отделаться обычным легковесным сочувствием, нет, она всерьез соединила свою жизнь и жизнь Аарона. Сейчас она была его заступницей; две слившиеся природы легко понимали друг друга. ... На миг Сибил вздрогнула, но не от боли, – ей передан страх Аарона. Но страх тут же растворился в ней и исчез, попросту растаял, не найдя пищи в ее душе, а вместе с ним ушла и боль».

Наконец, еще одним и, пожалуй, самым понятным, классическим проявлением соприсущности является заместительная жертва, сама по себе соприсущная жертве Христа, содержащаяся в ней и содержащая ее. В образах юной и неопытной Хлои из романа «Иные миры» (*Many Dimensions*, 1931) и куда более укорененного в мистической духовности архидиакона из Фардла («Война в Небесах») Уильямс дает понять, что для совершения заместительного акта любви необходимо не только полностью ангажированное воображение, но и воля, целиком и без всяких условий подчиненная Любви и направленная на совершение Ее неведомых человеку намерений, а не на «использование» мистической силы для исполнения собственных желаний или прошений. Лишь смутно представляя, что именно она делает и что последует за ее поступком, Хлоя предлагает себя в качестве «пути» для камня из короны царя Соломона, а архидиакон стремится только исполнить волю Грааля, какой бы она ни была, и обоим это решение стоит земной жизни, но Любовь живет в их смерти, в которой они сами также обретают жизнь. Умершая Лестер («Канун Дня всех святых») в какой-то момент понимает, что должна будет умереть вместо (также умершей) Бетти, потому что просто не может позволить ей снова умереть, и идет на это с готовностью, убеждая в необходимости этого шага своего (пока живого) мужа. Взаимопроникновение жизни и смерти, а также близкое соседство и обоюдное влияние друг на друга живых и мертвых в художественном мире Уильямса также является еще одной гранью универсального принципа соприсущности.

Именно в двух последних романах, «Сошествие в ад» и «Канун дня всех святых», Уильямс, пожалуй, подробнее всего показывает читателю, как могут выглядеть заместительная любовь на всех уровнях, как и какие именно бремена друг друга могут брать на себя люди и какие плоды это приносит, а также что происходит, если человек отказывается вступать на путь соприсущности и взаимного замещения и, тем самым, идет вразрез с собственной онтологической сущностью [10]. От предыдущих пяти эти два романа отличаются тем, что в них Уильямс отходит от привычного мотива магического предмета, сакрального амулета, вокруг которого разыгрывается основная коллизия, и, по словам Кл. С. Льюиса, высоко их оценившего, «та форма Зла, с которой [Уильямс] имеет дело на этот раз, куда более реальна, чем то Зло (с заглавной буквы З), которое действует в других книгах...» [5: с. 279]. В них также с особой отчетливостью подчеркивается одновременность существования и взаимное влияние друг на друга людей разных столетий (через вневременность или безвременность существования всех в Боге). Уильямс (чья доктрина о соприсущности и Пути заме-

щения, помимо всего прочего, опиралась и на «образ Беатриче» у Данте (*The Figure of Beatrice: A Study in Dante*, 1943) переносит средневековую потустороннюю вертикаль в Лондон двадцатого века, но не только для того, чтобы раскрылся «истинный смысл того, что было, что есть и что будет» [1: с. 307], а также и для того, чтобы показать, что все люди, умершие и живые, фактически и осязаемо соприсущны друг другу, потому что соприсущны Богу, и для соприсущности, взаимного обмена и замещения ни географическое, ни временное измерение не имеет значения и не является преградой.

Так, в «Сошествии в ад» обычное лондонское предместье Баттл-Хилл (*Battle Hill*) становится многомерным сосредоточием смерти, «словно смертные потоки стремились сюда издалека, как в стоячий водоворот, ... где живые все ярче ощущают движение и влияние одновременно присутствующих там мертвых». Опираясь на очевидную символическую насыщенность этого «холма черепов» (в том числе, через аллюзии на Голгофу как место (или холм) главной битвы человеческой истории, вобравшее в себя всю смерть мира), автор представляет целый ряд происходящих здесь смертей и исследует взаимное влияние этих смертей друг на друга и их соприсущность искупительной смерти и воскресению Христа. Это обычные смерти обычных людей, похороненных под холмом; смерть давно умерших солдат, павших за чужие амбиции во время многочисленных битв; смерть-спасение христианина-мученика, сожженного на костре во время правления Марии I; смерть-избавление самоубийцы, искавшего покоя; радостная и послушная смерть пожилой Маргарет Анструзер; духовная смерть историка Уэнтворта, сознательно выбирающего ад, и т.п. В хронотопе многомерной одновременности самоубийца из одного времени и историк из другого стоят на одном и том же месте, размышляя о собственной смерти, и освещенная лунным светом веревка из смерти первого становится настоящим предостережением для второго. В параллельной линии сюжета Маргарет Анструзер, приняв сознательное решение умереть, своим послушанием и радостью спасает скитающегося по холму мертвеца-самоубийцу, который впервые видит, «что чьи-то любовь и сила подчинили себя его нуждам, и он может ими воспользоваться», так что его катастрофа (как «падение вниз» через своевольное повешение) оборачивается эвкатастрофой, соприсущной великой эвкатастрофе Голгофы.

Помимо всего прочего, в этом же романе Уильямс очень подробно и неоднократно описывает принцип и даже «технику» практики соприсущности. Он отчасти выводит самого себя в образ поэта Питера Стенхоупа, автора фантастической, «потусторонней» пьесы, написанной поэтическим сло-

гом. Незадолго до этого Уильямс написал драматическую пьесу в стихах «Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский» (*Thomas Cranmer of Canterbury*, 1936), и имя «Питер Стенхоуп» уже тогда было частью его автомифологизации. В отношениях адепта соприсушности Стенхоупа и юной Паулины Анструзер, которая фактически становится его ученицей, отражаются взаимоотношения Уильямса с его собственными учениками, вплоть до того, что перед инициацией в практику соприсушности учитель дает ученице новое имя, как это часто бывало в реальности. Когда Паулина признается Стенхоупу, что испытывает жуткий страх от все учащающихся встреч со своим двойником (который, по принципу соприсушности, является потенциальной, будущей Паулиной, существующей с ней одновременно, уже вступившей на «нечеловеческий», сверхъестественный и «ужасно благой» путь святости), поэт предлагает ей помощь и говорит, что может взять ее страх на себя, чтобы она могла встретиться с собой по-настоящему, представляя такой обмен как нечто совершенно естественное и само собой разумеющееся: «Мы все знаем, что такое страх и беспокойство... Когда вы уйдете отсюда, подумайте про себя, что я взял на себя ваши страхи. Вы бы тоже сделали это для меня, если бы мне это было нужно, да и для любого другого. Ну и я возьму это на себя. Я стану думать о том, что приходит к вам, и представлять его, и знать, и бояться. А вам тогда бояться станет нечего... Это легко, легко для нас обоих. Нужно только решение... А мне совсем не трудно немного понести вашу ношу».

Приняв предложение Стенхоупа, Паулина на собственном опыте постигает практику соприсушности и ближе к концу романа уже сама, вступив в русло многомерной одновременности, не только исполняет поручение умирающей бабушки и помогает раскаявшемуся самоубийце найти дорогу в город, но и сама берет на себя страх своего дальнего предка, мученика Струзера, давая ему возможность взойти на костер с ликованием и в этой радости увидеть и обрести спасение. При этом она оказывается одновременно практически в четырех или даже пяти временных плоскостях: в одной точке пространства пересекаются время мученика при Марии Тюдор, время-«лимбо» самоубийцы из прошлого, лиминальное время перехода в вечность ее бабушки, собственное время Паулины и потенциальное время, в котором пребывает ее двойник-*doppelganger*: Паулина, уже занявшая «свое место за столом взаимного обмена» и потому способная наделить нынешнюю Паулину радостью, которую та, в свою очередь, отдает мученику, горящему на костре. Между всеми участниками ситуации протянуты нити взаимного обмена и замещения, но даже этот необычайный пример показан как абсо-

лютно равный по сути и соприсушный обычному обмену повседневной жизни, где каждый «четко осознает свое дело и его значение для себя, но в должное время с готовностью подчиняет себя делу другого», признавая в этом последнем не менее важное проявление Града или Божьего Царства.

Помимо прямого, позитивного описания сути и действия принципа соприсушности Уильямс поясняет его также и косвенно, «от противного», через извращенную форму соприсушности и заместительной любви, которую практикует Лоренс Уэнтворт. Не в силах смотреть в глаза фактам (которые Уильямс приравнивает к радости, какими бы сиюминутно неприятными и огорчительными они ни были), Уэнтворт создает себе суккуб женщины из собственного желания и собственной природы, фактически становясь богом для нее и себя. Отрекшись от щедрости взаимного обмена и заместительной любви, Уэнтворт погружается в алчное себялюбие, и суккуб, «существующий только в нем, только от него и только для него», все больше заменяет ему реальность. По контрасту со спасенным самоубийцей, который, даже совершая свой акт отчаяния, думает о других людях, а потом решительно разворачивается к городу и его обитателям, Уэнтворт ненавидит город и взаимный обмен города как проявление чужой нужды, претендующей на его участие: «Это все происки Города, а он не потерпит Города – никакого Города, никаких агитаторов, никаких реклам, никаких попрошаек! Нет, нет, нет! Никаких людей, кроме него, никакой любви, кроме его собственной». Интересно, что ад, в который постепенно сходит Уэнтворт, по мысли Уильямса, тоже оказывается городом, городом Гоморрой: это извращенный образ истинного Града, но куда более страшный, чем Содом, где все-таки присутствует взаимный обмен. В отличие от него жители Гоморры «зачинают сами себя от собственного самообожания; они живут, питаются и не могут насытиться только самими собой и только сами, ибо творение... есть милость Божья, а они отрицают факты творения». Несмотря на множество возможностей развернуться к Сиону («В конечном итоге выбор один: либо Сион, либо Гоморра») и принять помощь и спасение, Уэнтворт лишается способности понимать, называть и даже воспринимать реальность, и его гибель состоит именно в окончательной отрезанности от всех, кроме самого себя, что приводит к полному распаду личности и пустоте. Питер Стенхоуп подчеркивает универсальность этого принципа, ссылаясь на текст Ветхого Завета и размышляя о том, что десять колен Израиля в конечном счете исчезли именно потому, что отказались иметь «часть в Давиде» (3 Цар. 12:16) и попытались сами спасти себя.

Принцип соприсущности и предполагаемая автором одновременность взаимного обмена и замещения может иметь и иные негативные последствия, ибо, по словам Уильямса, «время вины за убийство, задуманное в одном поколении, приходится нести поколению следующему», так что принцип «Носите бремена друг друга» обретает здесь иное, весьма зловещее звучание [9: с. 109]. Тем не менее главным плодом соприсущности для Уильямса является именно эвкатастрофа, т.е. неожиданный поворот к радости и реальности Города, включающего в себя «факты Божьей славы», благодаря тому, что один всегда берет на себя бремя и страдание другого: «Принцип замещения лежит в корне не только естественной, но и сверхъестественной, универсальной жизни», и подлинные моменты эвкатастрофы возникают, когда Небо и земля соприсущны друг другу, когда осуществляется взаимный обмен между естественным и сверхъестественным [12: с. 102–109]. Если у Данте Вергилий, не получивший крещения, имеет доступ к Чистилищу только в качестве наблюдателя, то для Уильямса принцип взаимного обмена действует и из будущего, и благодаря этому друзья Вергилия – т.е. все те, кто в разных столетиях узнал в его стихах великую поэзию и последовал его неосознанно высказанному пророчеству, – могут участвовать в его искуплении, молясь за него из разных времен без каких-либо помех географии, времени или смерти. Для тех, кто подобно Паулине, Стенхоупу, Маргарет Анструзер и Сибил Коннингсби, уже находятся в истинном Городе, любая катастрофа фактически является эвкатастрофой, возможностью для осуществления взаимного обмена или практики заместительной любви. Соприсущность в таком понимании слова была совершенно осязаемой, фактической реальностью для самого Уильямса, и именно ее он всю жизнь пытался представлять и воплощать в своем творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М.М.* Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – Москва : Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. *Трауберг, Н.Л.* Миры и глубины Чарльза Уильямса / Н.Л. Трауберг // Истина и жизнь. – 2005. – № 1. – URL: <http://trauberg.com/texts/istina-i-zhizn-5-2005/> (дата обращения: 30.11.20).
3. *Эппле, Н.В.* Кем был человек, вдохновивший Льюиса и Толкина на создание волшебных миров / Н.В. Эппле. – Горький : Медиа, 2020. – URL: <https://gorky.media/context/kem-byt-chelovek-vdohnovivshij-lyuisa-i-tolkina-na-sozdanie-volshebnyh-mirov/> (дата обращения: 30.11.2020).
4. *Lang-Sims, L.* Letters to Lalage: The Letters of Charles Williams to Lois Land-Sims / L. Lang-Sims. – Kent : Kent State University Press, 1990. – 97 p.
5. *Lindhop, G.* The Third Inkling / G. Lindhop. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 464 p.
6. *Newman, B.* Charles Williams and the Companions of the Co-inherence / B. Newman // Spiritus: A Journal of Christian Spirituality. – 2009. – Vol. 9, № 1. – P. 1–26.
7. *Newman, B.* Eliot's Affirmative Way: Julian of Norwich, Charles Williams, and Little Gidding / B. Newman // Modern Philology. – 2011. – Vol. 108, № 3. – P. 427–461.
8. *Ridler, A.* Introduction to The Image of the City by Charles Williams / A. Ridler // Williams C. The Image of the City. – Berkley, CA, Apocryphile Press. – 2007. – P. ix – lxxii.
9. *Wells, B.* Eucatastrophe and Co-inherence in the Utopian Urban Vision of Charles Williams / B. Wells // Colloquy. Text. Theory. Critique. – Melbourne : Monash University. – 2011. – Vol. 21. – P. 101–114. – URL: www.arts.monash.edu.au/ecps/colloquy/journal/issue021/wells.pdf (accessed: 30.11.2020).
10. *Wendling, S.* Charles Williams: Priest of the Co-inherence / S. Wendling // Inklings Forever. – 2006. – Vol. 5. – Article 29. – URL: https://pillars.taylor.edu/inklings_forever/vol5/iss1/29 (accessed: 30.11.2020).
11. *Williams, C.* He Came Down from Heaven: And The Forgiveness of Sins / C. Williams. – Berkley, CA : Apocryphile Press, 2005. – 200 p.
12. *Williams, C.* The Image of the City / C. Williams. – Berkley, CA : Apocryphile Press, 2007. – 199 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-129-133

К ВОПРОСУ СОСТАВЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ К ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Е.С. Федорова

Мы рассматриваем новую рукопись, которая содержит документальный исторический материал. Текст писался около столетия назад. Автор княгиня Вера Лобанова-Ростовская принадлежит традиционной российской культуре, к высшему слою аристократии, образование получила в 80-е гг. XIX в. Отдельно следует отметить религиозность автора, описание религиозных реалий (Оптина пустынь, Троице-Сергиева лавра и пр.) и, следовательно, христианизированный язык повествования. Анализ лексики текста показывает: без специального предварительного филологического комментария невозможно корректное историческое исследование.

Ключевые слова: окказиональное значение, лексическая единица, историко-документальный текст, комментарий.

ON COMPILING A LEXICAL COMMENTARY ON HISTORICAL SOURCES

E.S. Fedorova

We are considering a new manuscript that contains documentary historical material. The text was written about a century ago. Its author, Princess Vera Lobanova-Rostovskaya, belongs to the traditional Russian culture, to the highest layer of the aristocracy that was educated in the 1880-s. The author is characterized by religiosity as she describes religious realities (Optina pustyn, Trinity-Sergius Lavra, etc.) and, consequently, her description is the Christianized language of narration. The analysis of the vocabulary of the text shows that without a special preliminary philological commentary it is impossible to make a correct historical study.

Key words: occasional meaning, lexical unit, historical documentary text, comment.

Публикатор романа княгини Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской «О российской трагедии XX века до и после 1917 года. Воспоминания матери», (Москва: Минувшее, 2020), внук автора, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский предпослал изданию следующие слова, лаконично выразив сущность произведения: роман «написан в русле "толстовской традиции", хорошим классическим русским языком, предлагая хронике одного семейства и обширную историческую панораму, касаясь политики и быта разных сословий. Роман пропитан глубокой религиозностью автора, вера движет всеми ее поступками» [3, Т. I: с. 5].

В ответ на реплику выскажем некоторые наблюдения над языком произведения.

Документальность изложения событий отражается в языке романа

Роман охватывает период пятнадцати лет перед Октябрьским переворотом до вынужденного бегства семьи от большевиков на исходе 1921 г. То есть описываемые события заканчиваются столетие назад. Текст создавался сразу вслед за событиями – в течение 12 лет.

Это монументальное полотно – роман-эпопея. Однако автор строго основывается на своих днев-

никовых записях. Можно утвердительно говорить о строгой, детальной верности факту. Таким образом, это документальный роман, что, конечно, дает колоссальный материал для историка.

Важно отметить, что принцип хроникальности всецело отражается в языке. Характерная особенность текста княгини Лобановой-Ростовской – внимание к фонетическому и семантическому облику слова, и к синтаксису народной речи, речи разных сословий, которым она не принадлежала, областным говорам – на фоне авторской речи, четко нормализованной и правильной – разумеется, в соответствии с нормами её времени.

Без предварительного филологического комментария невозможна корректная работа историка

Роман написан человеком, родившимся в 1870 г., сформированным в недрах традиционной российской культуры. Казалось бы, для истории языка – небольшой срок.

Но при более пристальном взгляде в текст оказывается: без предварительного комментария филологов, без поисков подлинных эквивалентов значений слов, как заимствованных, так и принадлежащих русскому литературному языку, для историков могут оказаться непонятыми или превратно

Федорова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доктор культурологии, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Fedorova Ekaterina Sergeevna – Doctor (Culture Studies), Habil.; Doctor (Philology), Professor, Department of Theory in Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: ledentu@mail.ru

© Федорова Е.С., 2021

понятыми смыслы сказанного, а поэтому – суть взаимоотношений персонажей и даже реалии ситуаций и событий.

Мы обнаруживаем, что в первой четверти XX в. множество на первый взгляд понятных слов живут в своих окказиональных значениях. Неточное их толкование может привести к историческим искажениям. В нашем издании мы стремились дать такие пояснения к лексике романа, чтобы историки не попали в «лингвистические» ловушки. Приведем некоторые примеры.

Окказиональные значения литературных слов в народной речи

Так, ухо автора улавливает и передает особые значения общеупотребительных литературных слов, без понимания их невозможно оценить реальные взаимоотношения персонажей, понять суть происходящего. Перед нами диалог: горничная говорит буфетчику: «*скоромник ты и художник*». А наблюдающая за сценой хозяйка видит в этих словах серьезный конфликт людей. Почему? Горничная осуждает пустого человека. Ибо слово «скоромник» употреблено в переносном значении: не тот, кто ест скоромное (т.е. не постное, нарушает пост), а нахальный, нарушающий приличия человек. Слово «художник» здесь тоже употреблено в неодобрительном смысле. Называется не профессия, а дается оценка: «художник» здесь эпитет, т.е. «позволяющий себе художества» (*простореч.*) – озорные или дурные выходки. Здесь слово употреблено как синоним слову «артист» в том значении, в котором оно нередко употребляется в современной разговорной речи, например, в выражении: «ну, ты артист!» (близкое здесь к значению слова «авантюрист»).

Займствования

Обратим внимание на иностранные слова, которые представляют займствования, еще не усвоенные повсеместно, но имеющие хождение в среде аристократов и переданные в романе то кириллицей, то латиницей – в зависимости от того, насколько «плотно» данное слово уже вошло в узус данной среды, насколько привычно глазу. Это прежде всего англицизмы, присущие высшему слою аристократии (мы знаем подобные из текстов, посвященных детству Набокова), но также и галлицизмы, свойственные речи дворянства на протяжении длительного периода со второй половины XVIII в. вплоть до октябрьского переворота. (Разумеется, они остались в речи носителей этого языка и в эмиграции). И некоторые немецкие займствования, специфически свойственные южным губерниям Российской империи. Наличие последних свидетельствуют о корнях автора – чертах лексического портрета её матери.

К особым значениям **англицизмов** в тексте не следует подходить с позиций сегодняшнего дня.

Так, слово *tube* многожды появляется в тексте, мы привыкли понимать его и как «трубу», «шину», или переосмыслять как наименование английского метро. Но если мы возьмем современный англо-русский словарь [5], среди 19 значений не будет представлено того, что именуется этим словом в тексте, а именно: *резиновая ванна для купания маленьких детей*.

Или: «каждый из супругов нес с собой pliant». В английском это прилагательное: «гибкий, податливый, уступчивый, мягкий». В языке Серебряного века, в данной среде, это *складной стул*.

Кириллицей написан англицизм *бифти*: «лечите больную, давайте бифти». Это *beaf-tea*, буквально «чай из говядины», бульон из костей. Теперь в английском не употребительно.

Так же кириллицей и как склоняемое единое слово передано словосочетание *cabin box* – *кабинбоксы* – здесь в значении «ручная кладь».

Важной положительной характеристикой для загадочного персонажа, втайне помогающего княгине, становится **галлицизм**: «для юного поколения барон был воплощением *vieux jeu*» – ныне устаревшее во французском языке выражение, которое значит «старомодный», а здесь, как счел необходимым комментировать сам автор: *старосветский* человек, т.е. человек старого воспитания, близкого и понятного княгине. Заметим, что «старомодный» несет негативный оттенок, здесь же употребляется в сугубо положительном смысле. Кстати заметим, барон «появляется в нашем городе в начале *Великой войны*» – без пояснения также непонятно. А так именовали Первую мировую, таким образом, можем поставить дату появления важного персонажа – 1914 г.

Многие галлицизмы написаны кириллицей, это, конечно, займствования более раннего происхождения, и в данной среде прочно вошли в узус. Например, *флёрделис*, написанное в одно слово. Флёрделис (фр. *fleur de lys*) – это «цветок лилии», гербовая фигура, служившая знаком отличия правящих монархов из рода Бурбонов. «Мать вся была окружена старинными вещами... У неё в шкапу можно было увидеть и французские книги из Королевской библиотеки, в характерных переплётках из натуральной кожи с *флёрделис* на первых двух внутренних сторонах начала и конца книги» [3, Т. I: с. 85]. То есть мы должны понимать, что в семье Лобановых-Ростовских хранилась книга с подлинной печатью Людвига XVI.

Кириллицей написано и слово *этаблисмент*: князь «просто болел душой, думая о хозяйском *этаблисменте* в зале» [3, Т. I: с. 316]. И это не опечатка слова «истеблисмент». А устарелое во фран-

пузском языке значение слова *établissement* «уютный уголок, составляющий ансамбль из нескольких предметов мебели».

Как склоняемое слово кириллицей дано слово *франзоля* в значении «французская булка»: «Купили две франзоли и тут же на улице стали их есть» [3, Т. I: с. 605]. Употребление выявляет южно-русскую языковую основу. В Одессе греческие калачники выпекали франзоли (от новогреч. «белый хлеб цилиндрической или круглой формы», что, в свою очередь, является заимствованием, означающим «французский»)*.

Германизмы представлены в бытовых примерах: «дайте ему *эмс* с молоком». Слово *эмс* написано с маленькой буквы кириллицей – это название минеральной воды по названию курорта в г. Эмс Германии, где бывали многие русские, например Достоевский.

Или русскими буквами написанное *кюммель-кухен* «булочка с тмином» – слово, имевшее хождение в южно-русских областях, отмечаемое и академическим российско-украинским словарем [6]. Употребление слова кириллицей свидетельствует о детстве автора, проведенном в имении родителей в Екатеринославской губернии (тогда одной из южных губерний России, ныне Украина).

Фонетические искажения в заимствованиях

Слуги, привыкшие к речи хозяев, тоже перенимают заимствования – в искаженном виде. Кириллицей и как склоняемое слово передается выражение: «Пожалуйста *нашу туфату* посмотреть, первый сорт вышла» [3, Т. I: с. 561]. Оказывается, это не опечатка слова «туфта», а метафора кушанья, которое он приготовил из всех скудных продуктов, которые оказались под рукой. Слово – от фр. выражения *touffe à toi* (*touffe* – пучок, куст), т.е. собрать «пучком» все имеющееся; сборная солянка.

Или торговец в Одессе употребляет искаженное заимствование из английского. «Теперь тряпки не идут. У них своей *харлы-марлы* некуда девать» [3, Т. II: с. 299]. Это англ. *hurly-burly* – сумятица, суматоха, переполох. В портовой Одессе, где смешивались разные наречия, вполне могло быть в ходу выражение, услышанное от английских моряков.

Еще пример из народной речи: *фальцетное зеркало* (сближение с *фальцетом*, «высоким голосом, неправомерно»), а на самом деле – парадные зеркала, ограненные *фацетом* – скошенной плоскостью (*facette* – заимствование, через немецкий, из французского «грань»).

* Этимологические словари дают разные версии стран заимствования. Например, Толковый словарь Бабиниотиса дает происхождение *франтцёла* от турецкого *francala* – рулон [1]. Другие обычно предполагают происхождение от итальянского *franciola*.

Историзмы

Невозможно осознать взаимоотношения в романе без понимания историзмов, т.е. слов, обозначающих объекты и понятия, которых ныне нет.

«...у Мама была горничная Аннушка, степенная, умная, внушительная видом, немолодая девушка, напоминающая *начётчицу*» [3, Т. I: с. 87]. (Начетчик – в старообрядчестве: человек, начитанный в богословских книгах.) Употребленное слово, исходя из религиозного мирозерцания автора, следует воспринимать как положительную характеристику.

Или выражение «*пойти в монополюку*» – это казенная лавка, продающая спиртное, ибо с 1912 г. по предложению графа Витте монополия на торговлю водкой была у государства.

Или: «Отец ее рано умер, она воспитывалась в Николаевском сиротском институте и оставлена *пепиньеркой* за отличие» [3, Т. I: с. 105]. Что это за судьба такая? Оказывается, это должность «классной дамы» (наблюдательницы за поведением учениц) и кандидатки в учителя Института благородных девиц.

Или: «Есть ли у Вас *колокольчики?*» [3, Т. II: с. 297] А это бумажные деньги, выпущенные Деникиным в 1919 г. и имевшие изображение Царь-колокола.

Или: «окончила с *шифром* Смольный монастырь» [3, Т. II: с. 358], что здесь означает слово *шифр*? Была отличницей в Смольном институте благородных девиц (который располагался на территории бывшего монастыря), и за это полагался шифр – золотой вензель в виде инициала Екатерины Второй, который носили на белом банте с золотыми полосками. Награда давала возможность стать фрейлиной при дворе.

Или: субстантиват (здесь) *людская*. «Я пошла к крыльцу *людских*. Оно выходило на *полускат*» [3, Т. I: с. 98]. *Людские* – помещения, где жили слуги. *Полускат* – архаизм, здесь – «небольшая возвышенность, горка, спускающаяся вниз». Об архаизмах в документальном романе – ниже.

Ну и, конечно, нуждаются в комментариях наименования устаревших предметов одежды, обуви, мебели, транспорта, ушедших в небытие профессий: *башлык, зипун, поддевка, тарантас, подвода, розвальни, прасол, чумак* и пр. Без их толкования иной раз непонятны оттенки отношения автора. А это важно для понимания идей повествования, например: «улицы нашего города стали наполняться волынскими беженцами, белые суконные *зипуны* которых так отличались от темных *поддевок* наших крестьян. Это было очень показательно, и сердце забило тревогу» [3, Т. II: с. 496] Или: «Важно расхаживали увесистых размеров *чумаки*, смотря на все равнодушными и сытыми глазами» [3, Т. II: с. 311]. Это слово южно-русских

губерний означает «занимавшиеся торгово-перевозным промыслом»: в эпоху всеобщего голода люди этой профессии оказывались в более выгодном положении и внешне разительно отличались от стремительно нищавшего населения. Или, например: «пирожки наподобие *филипповских*» [3, Т. I: с. 125], которые подавали в монастыре, – означают высшее качество, ибо в булочных Филиппова продавалась образцовая выпечка.

Архаизмы

Архаизмы обозначали явления, которые и сейчас присутствуют в нашей жизни, но именуется другими словами. Например, среди семантических архаизмов слово *наверное* означало не «сомнение» – «может быть», а противоположенное значение – «наверняка, точно». «Это земное в нас плачет, а сколько во всем этом *наверное* было небесной красоты умиления и чудес» [3, Т. I: с. 234]. Согласитесь, важно отличить, что это утверждение, а не сомнение. Или «Где нам с вами сомневаться да печалиться! Князя вы *наверное* вскоре же дождетесь» [3, Т. II: с. 626].

Или: «*нарочито* построенный временный деревянный театр» [3, Т. I: с. 157]. Или: «*Нарочито* так не сделать, как Ангел Хранитель устроил!» [3, Т. I: с. 186]. *Нарочито* означает «для данного случая, специально». Слово нейтрально. Сейчас наречие «нарочито» означает: «умышленно, преднамеренно, нарочно» и окрашено отношением к происходящему.

Или: «*кандальшик из душегубов*» [3, Т. I: с. 152] – закованный в кандалы преступник за то, что совершил убийство.

Или: «*дамская комната*» на вокзале означает вовсе не то, что мы подумаем, а «зал ожидания для женщин» [3, Т. I: с. 187].

Или вот такое редкое значение слова *хибарка* в специфическом употреблении в церковном обиходе: в Оптиной пустыни название домиков, где старцы принимали посетителей, в том числе и женщин, которым не позволялось входить в ограду мужского монастыря: «В Оптиной пустыни есть скит, в котором живут: в правой хибарке от святых ворот старец отец Иосиф, а в левой – старец отец Варсонофий» [3, Т. I: с. 196].

Или: «она жила в одном из флигелей имения на пенсии и была "*бабушкой*" почти всего села» [3, Т. I: с. 331]. Оказывается, здесь это не «старейшина» или «родственница всего села», а «повитуха», т.е. акушерка, помогающая при родах.

Или «они ходили как тени, с *испытymi* лицами землистого цвета» [3, Т. II: с. 269]; «за решётками полуподвального этажа, виднелось какое-то серое месиво из *испытых*, но живых ещё теней, потерявших и вид, и образ человеческий от холода, голода и грязи» [3, Т. II: с. 243]. Мы это слово употребля-

ем в значение «лицо сильно пьющего человека» – тогда «изнуренный, истощенный».

Или: «ночлег на *сеннике*» [3, Т. I: с. 370] – вовсе не в сарае, а на матрасе, набитым сеном.

Пример **грамматического архаизма**: множественное число местоимения по отношению к одному человеку в знак почтения. Здесь – женского рода. Речь идет о дочери автора, княжне Ольге: «...*оне* в хорошей гостинице устроились и нашли добрых людей, которые им помогают» [3, Т. II: с. 338].

Словообразовательный архаизм: Мелкая рыба *горчлива* [3, Т. II: с. 394]. Аффикс прилагательного *горчливый* (ср. с *ворчливый*) стилистически выделяет устаревшее слово, в современном языке то же самое понятие передается с помощью глагола: рыба горчит.

Фонетический архаизм: *монструозный* в значении ужасный: «Ничего *монструозного* не произошло» [3, Т. II: с. 351]. Автору, знающему французский с детства, ближе произношение с гласной [y] (как, например, в слове «бюро»), т.е. здесь наблюдается прямое фонетическое воспроизведение французского прилагательного *monstrueux* [mɔ̃struø] с русифицированным окончанием. Хотя данное прилагательное действительно заимствовано в русский язык через посредство французского, современному русскому присуще произношение, которое ближе к латинскому исходному прилагательному *monstruosus* [monstruosus], где произносится гласная [u], – от *monstrum* [monstrum].

Церковнославянизмы – органичное проявление «христианизированного языка»

Итак, «роман пропитан глубокой религиозностью автора, вера движет всеми ее поступками» [3, Т. I: с. 5]. Церковнославянизмы органично живут в языке Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской. Без понимания их значений, как и без понимания того, как естественно живут в языковом сознании автора *христианизированные тексты*, *христианизированная история* отечества, невозможно оценить как крупные идеи произведения, так и детальные смыслы повествования. Продолжая идею В.Н. Топорова о «христианизированной» жизни и истории Руси, Н.Н. Запольская указывает, что «христианизация» любого «созданного» книжного текста проявлялась в том, что его семантическая структура обязательно включала два уровня: буквальный смысл и небуквальный – духовный смысл [2: с. 32].

Глубокое подспудное знание автором житийных текстов и текстов Священного Писания на церковно-славянском бросают свой глубокий отсвет на семантическое поле лексики, избираемой Лобановой. Так, невозможно понять смысл названия целой части книги «*Самочиние* и расплата». *Самочиние* – «действие по собственному разумению, хотению и

по собственной воле», а не в соответствии с путями христианина. Здесь – у слова отрицательная, уходящая в христианскую традицию, коннотация.

Также название книги шестой романа – «*Послушание* выше молитвы» – невозможно понять без понимания идеи христианской этики: в данном случае это исполнение труда, посланного высшими силами конкретному человеку в конкретных обстоятельствах, труда самого земного, каждодневного и, казалось бы, мало связанного с духовными сущностями, который на самом деле является более действенной духовной практикой, чем и самое молитва. *Послушание* здесь – не выполнение требования слушаться, а выполнение обязанностей христианина, которые внутренне согласованы с волей Божьей, т.е. синоним богоугодного действия.

Или: «не могу больше есть, а то будет *от лукавого*» [3, Т. II: с. 400] – т.е. чрезмерно, слишком, не от Бога.

Или: «люблю я Юлию, вот бы ее *миром помазать*, то совершенно нашею бы стала» [3, Т. I: с. 141–142]. Здесь это означает – присоединить англиканку (христианку, принадлежащую к англиканской церкви) к православию таинством миропомазания.

Еще один пример: «скатерть стелили *покоем*» [3, Т. II: с. 473]. Здесь «покой» обозначает не «тишину, спокойствие», а наименование буквы «П» в церковнославянском алфавите: «Азь, Буки,.. Покой...».

Особый случай – неологизм *бумагоисступление*. С одной стороны, слово образовано архаически, как многие пришедшие из греческого в ранний период становления славянской письменности церковные слова, – путем калькирования основ. Это именно та черта (как, например, в слове *богословие*), которая отличает греческие заимствования от исконных славянских слов – ибо сложение двух корней как словообразовательный способ не существовал в славянских языках. С другой стороны, создание подобного слова – остроактуальная реакция на события «сегодняшнего» дня, которая использует эмоционально выразительную имитацию архаики для яркого создания нового понятия. В своем роде, словообразовательный *оксюморон*.

«Ясно одно – это нелепейшее *бумагоисступление* придумано исключительно для того, чтобы настолько утомить ноги и душу обывателя, что он уже становится после этого абсолютно неспособным на проявление какой бы то ни было энергии в другом направлении» [2, Т. II: с. 324].

Сокращения, так бурно развивавшиеся в начале XX в. и внешне напоминающие современные, тоже могут ввести в заблуждения. Так, невозможно понять фразы: «нельзя передать переживаний несчастного *парткома*» [3, Т. I: с. 469], если не

учитывать, что сокращение «партком» в 1919 г. имеет значение не партийный комитет, а партизанский командир.

Мы видим характерные для времени и другие сокращения: *политком* – политический комиссар, *преддомкома* – председатель домового комитета и пр.

Мемы

И, наконец, то, что мы сегодня называем «мемы» – связанные выражения, передающие культурную информацию, понятную широкому социуму и популярные в употреблении:

растворенные остроги: «Деревня наполнилась подозрительным элементом из растворенных острогов» [3, Т. I: с. 297]. Мем эпохи октябрьского переворота – из тюрем массово выпущены уголовники как социально близкий элемент;

грядущий хам: «Мать Мария рассказывала про обитель, *грядущего хама*, уже и туда протягивающего свои отвратительные лапы» [3, Т. I: с. 299]. В свое время эта метафора в комментарии не нуждалась. Сейчас – необходимо пояснение. «Грядущий хам» – сборник, составленный Д. С. Мережковским в 1906 г. и изданный в Петербурге, где в его одноименной статье было предсказано скорое появление сил, уничтожающих русскую и мировую культуру, – «хама», питаемого мещанством, пошлостью, хулиганством, атеизмом и пр. [4].

Нам думается, приведенный материал показывает, сколь подвижны значения лексического состава языка. Таким образом, научные издания, готовые к публикации ранее неизвестные рукописи, должны принять как необходимую для будущих исторических исследований базу – предварительные филологические исследования, а затем и комментарии к публикуемому тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабиниотис, Г.Д.* Словарь новогреческого языка с комментариями для правильного словоупотребления / Г.Д. Бабиниотис. – Афины : Центр Лексикологии, 1998. – 2064 с. (Μπαμπινιώτη Γεωργίου Δ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. – Αθήνα: ΚΕΝΤΡΟ ΛΕΞΙΚΟΛΟΓΙΑΣ, 1998.)
2. *Запольская, Н.Н.* Церковнославянская книжность: христианизация текста и языка / Н.Н. Запольская // Славянский альманах 2011. – Москва : Индрик, 2012. – С. 32–40.
3. *Лобанова-Ростовская, В.Д.* О российской трагедии XX века. До и после 1917 года: воспоминания матери (1903–1919). В 2 т. / В.Д. Лобанова-Ростовская. – Изд. испр. и доп. – Москва : Минувшее, 2020. – 1288 с.
4. *Мережковский, Д.С.* Грядущий Хам : сборник / Д.С. Мережковский. – Москва : Изд-во Т8, 2018. – 130 с.
5. Современные англо-русские словари. – URL: <https://eng-rus-muller-dict.slovaronline.com/62046-tube> (дата обращения: 05.12.2020).
6. Русско-украинский словарь: 80 000 слов. – Киев : Изд-во АН УССР, 1962. – 803 с.

МОДИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АФОРИЗМАХ Г. КУДСЦУЗА

С.Ю. Щербина

Актуальность статьи определяется необходимостью уточнить признаки фразеологизмов, которые постулирует лексикология: фразеологизмы как узуальные единицы языка обладают устойчивостью, воспроизводимостью, идиоматичностью и семантической целостностью. Иногда к этим признакам добавляют раздельнооформленность или наличие в их составе двух или более компонентов. Моделируемость или узуальная вариативность фразеологизмов некоторых типов тогда также рассматривается как часть языковой системы. Текстологический подход позволяет несколько иначе взглянуть на феномен устойчивых идиоматических выражений. Выясняется, что в речи встречаются также авторские модификации фразеологизмов, поскольку устойчивость и идиоматичность узуальных фразеологизмов не являются абсолютными. А их раздельнооформленность иногда допускает структурные изменения. Целью исследования является проверка гипотезы, что в афоризмах возможны подобные авторские модификации. Их новизна, неожиданность и парадоксальность позволяют автору достичь желаемого прагматического эффекта. Для проверки данной гипотезы был использован сборник афоризмов самобытного немецкого писателя и философа Ганса Кудсцуза.

Ключевые слова: афоризм, фразеологизм, узуальность, моделируемость, модификация, прагматический эффект, устойчивость, идиоматичность, раздельнооформленность.

MODIFICATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN KUDSTSUZ'S APHORISMS

S.J. Shcherbina

The urgency of the research is determined by the necessity to highlight the attributes of phraseological units, postulated by lexicology: phraseological units possess stability, recurrence, idiomaticity and semantic integrity. Sometimes formal separability and two or more component structure are added to these attributes. Modelability or systematic variability of phraseological units of some types are sometimes viewed as part of language system. Textological approach allows one to look at the phenomenon of set idiomatic expressions from a different perspective. As the research shows, speech presents a lot of author's modifications of phraseological units, as their recurrence and idiomaticity are not absolute. Besides, their separability and multi-component structure sometimes allow for structural change. The aim of the research is to check the hypothesis that such author's modifications are quite possible in aphorisms. Their novelty, suddenness and paradoxicality allow the author to reach the desired pragmatic effect. To check the hypothesis, the author of the article used the collection of aphorisms of the original German writer and philosopher Hans Kudstsz.

Key words: aphorism, phraseological unit, modelability modification, pragmatic effect, stability, idiomaticity, multi-component structure.

Введение

В статье рассматриваются некоторые приемы модификаций фразеологизмов в афоризмах Ганса Кудсцуза [12], который обыгрывает наряду с устойчивыми выражениями также пословицы и крылатые выражения, в том числе библейские цитаты. В сборнике афоризмов даже имеется раздел, озаглавленный «Диалектика пословиц», в котором, однако, не все примеры являются пословицами. Это свидетельствует о широком взгляде писателя на природу пословиц и представляет отдельный интерес для исследования. Вместе с тем с научной точки зрения строгое отграничение пословиц, например, от крылатых выражений или прочих устойчивых сочетаний также не всегда возможно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить словари, справочники и интернет-контент. С одной сторо-

ны, такое положение объясняется недостаточной разработанностью теории фразеологии и паремиологии. С другой стороны, этимологию фразеологических единиц в принципе сложно проследить, что приводит к различным трактовкам их статуса.

К проблеме варьирования во фразеологии

В разделах лексикологии, посвященных фразеологизмам, как правило, утверждают, что они обладают четырьмя признаками: устойчивостью, воспроизводимостью, идиоматичностью и семантической целостностью. В текстах самых разных стилей, однако, нередко встречаются их модифицированные формы. На первый взгляд возникает логическое противоречие между теорией и практикой. Как получается, что узуальные фразеологизмы, которые являются словосочетаниями или предложениями и представляют по сути готовые к упо-

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Shcherbina Sergei Yurievich – Doctor (Philology), Associate Professor, German Department, Faculty of Philology, Translation and Intercultural Communication, Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: sjus60@mail.ru

© Щербина С.Ю., 2021

треблению комплексные знаки вторичной номинации, все же варьируются в речи?

Более пристальное изучение указанной проблемы в работах по теории фразеологии позволяет понять, что некоторые признаки фразеологизмов, как, например, устойчивость и стабильность, нельзя считать абсолютными [10: с. 209; 20: с. 65–66; 7: с. 307–308]. В структурно-семантическом плане это объясняется раздельнооформленностью и разной степенью (идиоматической) спаянности фразеологизмов, которые состоят, как минимум, из двух компонентов с разной степенью переосмысления исходных лексем [5: с. 21–22]. Таким образом, вариативность в принципе возможна, и ее следует рассматривать как некую опцию с целью создания желаемого прагматического эффекта [9: с. 59].

Принято различать узуальные и окказиональные модификации фразеологизмов. Первые кодифицированы и описаны в соответствующих справочниках. Вторые возникают в ткани текста и представляют особый интерес для нашего исследования.

Причины употребления фразеологизмов в афоризмах

Предварительно можно назвать следующие основания. Во-первых, фразеологизмы являются единицами вторичной номинации, в которых понятие или образ представлены в свернутом виде. Таким образом, они идеально подходят для интеграции в афоризм, который известен своей лапидарностью. Во-вторых, раздельнооформленность подавляющего большинства фразеологизмов при определенных условиях допускает морфосинтаксическую подвижность слов во фразеологизме [9: с. 59], что открывает возможности для модификаций. В-третьих, некоторые типы фразеологизмов, как, например, пословицы, являются не словосочетаниями, а предложениями [17: с. 9–10]. Они образованы по определенным синтаксическим моделям и характеризуются выраженным ритмико-интонационным рисунком [13: с. 319; 17: с. 110–111; 18: с. 11; 20: с. 200–201]. Здесь просматриваются определенные параллели в первую очередь с краткими афоризмами, которые состоят из одного предложения. В-четвертых, пословицы, как и афоризмы, могут выражать субъективное мнение. Считается, что пословицы выражают общепринятые нормы поведения и ценности и, следовательно, объективны. Однако они могут и противоречить друг другу даже в системе ценностных координат социума, т.е. выражать некоторый субъективизм [19: с. 369]. Поскольку именно субъективность типична для афоризма, пословица может служить подходящим исходным материалом для этого жанра, в котором авторы стремятся выразить собственную точку зрения на мироздание. Другими словами, на передний план выступает прагматический потенциал паремий. В-пятых, важным является

не столько простое воспроизводство (репродуцируемость) фразеологизмов, а синтаксически и ситуативно выверенное применение в тексте [9: с. 59].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что для креативного употребления фразеологизмов, в том числе пословиц, в речи имеются необходимые структурно-семантические предпосылки на уровне языковой системы. По мере же становления лингвистики текста как научного направления постепенно в фокусе исследований оказалась роль фразеологизмов в текстообразовании [2: с. 121–122; 8: с. 700; 6: с. 94].

Выяснилось, что модификации фразеологизмов возможны в текстах некоторых функциональных стилей, в частности в беллетристике, текстах СМИ и рекламе. Так, иногда различают две основные возможности креативного использования фразеологизмов в политических текстах: двойную актуализацию и «формальную» модификацию (усечение, расширение, замену компонентов) [22: с. 50]. Термин «формальная» модификация, однако, не совсем удачен, так как подобные трансформации фразеологизма неизбежно влекут за собой изменение его прагматики. Модификации пословиц в текстах СМИ выполняют помимо контактоустанавливающей функции задачу на эмоциональном уровне поставить под сомнение устоявшиеся морально-ценностные обобщения [21: с. 125]. Потенциал пословиц и крылатых выражений в текстах различных жанров подробно изучен в публикациях американского германиста В. Мидера [14; 15]. Особый интерес представляет также его исследование модификаций пословиц, обусловленных культурной спецификой разных языков [16: с. 432].

Типы модификаций фразеологизмов в афоризмах Г. Кудсцуза

В вышеупомянутом сборнике Г. Кудсцуза собраны примерно 500 афоризмов, которые состоят преимущественно (90 %) из одного предложения и содержат около 30 модифицированных фразеологизмов. Принадлежность к исходным фразеологизмам, а также их разрядам (устойчивое выражение, крылатое выражение, пословица) определялась по репрезентативному словарю Л.Э. Бинович и Н.Н. Гришина [1], так как более современного отечественного лексикографического источника не существует. Кроме того, мы опираемся в статье также на переводы, предложенные в словаре. При необходимости мы обращались также к другим словарям и справочникам.

Уже при беглом просмотре текстовых примеров становится очевидным, что Г. Кудсцуз отдает предпочтение модификациям пословиц, которые составляют примерно две трети от общего количества фразеологизмов, использованных в афоризмах.

Свой анализ мы начнем, однако, с библейских аллюзий, которые давно стали крылатыми выражениями.

(1) *Dass Gott die Vögel, die nicht sähen und nicht ernten, doch ernährt, freut die Katze am meisten.*

Первый пример основан на Евангелии от Матфея (гл. 6, ст. 26): *Sehet die Vögel unter dem Himmel an: sie säen nicht, sie ernten nicht, sie sammeln nicht in die Scheunen; und euer himmlischer Vater nährt sie doch. Seid ihr nicht viel mehr als sie“?* Словарь содержит только фразеологизм „ernten, wo man nicht gesät hat“ («жать, где не сеял», «пользоваться плодами чужого труда») с пометой «библ.».

Синтаксис афоризма значительно отличается от оригинала: вместо двух предложений (повелительного и вопросительного) он состоит из одного сложноподчиненного предложения. При этом рема (придаточное предложение) расположена в позиции к главному и создает напряжение, а придаточное эксплицирует парадокс. Больше всех кошка рада именно тому обстоятельству, что птицы не сеют, и не жнут.

(2) *„Seid klug wie die Schlangen“; und die Schlange war so klug, den Menschen um das Paradies zu bringen.*

Интересно, что второй пример также заимствован на Евангелии от Матфея (гл.10, ст. 16): *„Siehe, ich sende euch wie Schafe mitten unter die Wölfe; darum seid klug wie die Schlangen und ohne Falsch wie die Tauben“* [4: с. 138].

Именно благодаря Священному Писанию змея стала символом ума, что отмечено в узуальном фразеологизме, который построен на сравнении „Klug wie eine Schlange sein“ («быть умной как змея»). Не случайно зачин афоризма «Будьте умными, как змея/змеи» отмечен кавычками как цитата и несет положительную коннотацию. Во второй части истории ему противопоставлена тоже «умная» змея, из-за совета которой человек был изгнан из рая.

Обратимся теперь к фразеологизмам со структурой словосочетаний, чтобы выяснить приемы предпочтительных модификаций.

Так, в третьем примере обыгрывается известный фразеологизм с пейоративной коннотацией „zwischen zwei Stühlen sitzen“ («сидеть между двух стульев»):

(3) *Das Beste an zwei Stühlen ist, dass man zwischen ihnen sitzen kann.*

«Если имеются два стула, можно отлично сидеть между ними» звучит не только неожиданно, но и иронично. Думается, что автор таким образом провоцирует реципиента и подталкивает к размышлению. В синтаксическом плане мы наблюдаем расширение и усложнение структуры фразеологизма, компоненты которого образуют две части сложного предложения.

Переоценка фразеологизма в следующем примере приводит к неожиданному наблюдению:

(4) *Wer ein Dach über dem Kopf hat, sieht nicht mehr den Himmel über sich.*

Разговорно окрашенный фразеологизм „ein Dach über dem / überm Kopf haben“ («иметь крышу над го-

ловой») имеет положительную коннотацию. Но во второй части афоризма указывается, что при этом «не видно больше небо над головой». Другими словами, утверждение (положительное) сменяется на отрицание, текст в целом получается «амбивалентным», неоднозначным. Возможно, автор намекает на потерю перспективы, устремленности вдаль или ввысь, на приземленность и обыденность вплоть до мещанства.

Критическая оценка известных обстоятельств эксплицитно выражена и в следующем афоризме:

(5) *In einem goldenen Käfig sind wir ebenso unfrei wie in einem eisernen.*

Алгоритм модификации узуального фразеологизма „in einem goldenen Käfig sitzen“ («находиться в золотой клетке», т.е. в хорошем месте, но в неволе) выглядит следующим образом. Сначала автор произвел замену глагола „sitzen“ («сидеть») на глагол бытия „sein“ («находиться/быть»), а затем своего рода расширение (экспансию) при помощи „unfrei wie in einem eisernen“, где ключевым словом является прилагательное „eisern“ («железный»). Кроме того, налицо прием амбивалентности: двойной актуализации или параллельного «прочтения» прямого и переносного значения прилагательного «золотой». Таким образом, автор подчеркивает, что принципиальной разницы между золотой клеткой и железной нет. Автор выступает как некий комментатор и ниспровергатель прописных истин, которые он видит в другом свете.

Аналогичный прием использован и в следующем примере. В нем дается авторское толкование крылатому выражению «Счастливого часу не бьют» из пьесы Ф. Шиллера «Пикколомини», которое в русском языке известно благодаря цитате из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» «Счастливые часов не наблюдают»:

(6) *Dem Glücklichen schlägt keine Stunde, weil er immer weiß, was sie geschlagen hat.*

В данном афоризме не только подхватывается и развивается законченная мысль, которая в принципе не требует дальнейшей экспликации или обоснования. Тем самым усложняется синтаксическая структура, когда из простого предложения получается сложносочиненное. Одновременно используется и амбивалентность выражения „die Stunde schlägt“, так как оно демотивируется во второй части предложения.

Седьмой пример представляет собой антитезу в виде хиазма с обыгрыванием известного фразеологизма „die Nerven verlieren“ («терять нервы»):

(7) *Wo wir die Nerven verlieren, gewinnen uns die Nerven.*

Происходит неожиданная смена фокуса при помощи персонификации: не мы теряем нервы (самообладание), а нервы побеждают нас. Краткость и просодия предложения только усиливают прагматический эффект хиазма, а ритмико-интонационная модель чем-то напоминает пословицу.

Не случайно, что по модели хиазма построен и следующий афоризм, который обыгрывает цитату Й. Жебера, иногда приписываемую Наполеону „Genie ist Fleiß“ («гений – это труд»):

(8) „Genie ist Fleiß“, aber nur, wenn es der Fleiß eines Genies ist.

Противительный союз „aber“ («но») открывает антитезу, которая затем сопровождается условием, эксплицируемым союзом „wenn“ («если»). Вторую часть афоризма можно перевести следующим образом: «(только) если это труд гения». Поскольку мы уже обращались к феномену хиазма, его трактовке и прагматическому потенциалу на материале афоризмов других авторов [3: с. 288], заметим лишь, что это достаточно распространенный прием, и творчество Г. Кудсцуза тому подтверждение.

Однако его излюбленным приемом использования фразеологизмов, безусловно, является обыгрывание пословиц. На их долю приходится примерно две трети фразеологических модификаций. Начнем их анализ с модификации известной пословицы „Keine Rose ohne Dornen“ («Нет розы без шипов»):

(9) Tausend Dornen ohne Rosen.

В структуре „Kein X ohne Y“ не только зеркально поменялись местами „X“ («роза») и „Y“ («шипы»), но и „kein“ («ни одна») и „Tausend“ («тысяча»). Поэтому при схожести структуры кардинально изменился весь смысл высказывания и прагматика: «Тысячи шипов без розы / а розы нет». Следовательно, использован прием замены утверждения отрицанием.

В следующей модификации той же самой пословицы происходит смещение фокуса: «Роза – это совесть ее шипов».

(10) Die Rose ist das gute Gewissen ihrer Dornen.

Узуальная (исходная) паремия означает, что для достижения результата, символом которого выступает роза, приходится сталкиваться с неприятностями («шипами»). В данном примере роза выступает моральным обоснованием своих шипов.

Модификация пословицы в следующем примере использует достаточно распространенную модель паремий „Kein X ohne Y“, как в примере 9:

(11) Keine Ausnahme ohne Regel.

В узуальной паремии обратная последовательность: „Keine Regel ohne Ausnahme“ («Нет правила без исключения»). Здесь имеет место логическая перестановка вследствие изменения тематического рисунка предложения: «Нет исключений без правила». Под влиянием эффекта неожиданности реципиент вынужден попытаться переосмыслить старую истину.

Совсем иначе та же самая пословица вплетена в ткань следующего афоризма:

(12) Das Alltägliche: die interessante Ausnahme von der langweiligen Regel des Ewigen.

Автор философствует о том, что «Повседневность – (это) интересное исключение из скучного правила вечного». Исходная пословица угадывается по лексемам „Ausnahme“ («исключение») и „Regel“ («правило»), но предмет рассуждения выходит далеко за ее рамки. Г. Кудсцуз, который был писателем и философом, «неожиданно» рассмотрел изюминку жизни не в вечном („Ewiges“), а в повседневном („Alltägliche“). Возможно, он таким образом полемизирует с представлениями верующих людей или церкви.

Социальная полемика, по-видимому, была отправной точкой для обыгрывания распространенной пословицы „Einmal ist keinmal“ («Один раз в счет не идет / не считается»):

(13) „Einmal ist keinmal“ für den Henker, nie für sein Opfer.

Продолжение „für den Henker, nie für sein Opfer“ («для палача, но никогда для его жертвы») превращает очевидное утверждение в нетривиальное размышление, так как фактически отрицает и ставит под сомнение исходную мысль.

Аналогичный прием использован для переоценки паремии „Lügen haben kurze Beine“ «У лжи короткие ноги»:

(14) „Lügen haben kurze Beine“; und lange Arme.

Авторское противопоставление „und lange Arme“ неожиданно меняет устоявшуюся моральную оценку лжи, а также ее последствий. Нужно отметить, что Г. Кудсцуз использует здесь – как и в некоторых примерах выше – такое графостилистическое средство, как кавычки. Можно было бы предположить, что таким способом он отграничивает исходный фразеологизм от собственного комментария или идеи. Вместе с тем сложно говорить о его последовательности в использовании кавычек в цитируемом сборнике. Так, в кавычки взяты только две из четырех литературных и библейских цитат, а также две пословицы.

Последним приведем пример, построенный на созвучии глаголов „beten“ («молиться») и „betteln“ («просить милостыню»), т.е. на каламбуре:

(15) Not lehrt betteln.

Таким способом «Нужда научит молитвы читать» модифицируется в «Нужда научит просить милостыню». Видимо, здесь, как и в примере 12, ставятся под сомнения религиозные устои и моральные представления общества.

Выводы

Анализ показал, что в афоризмах Г. Кудсцуза встречаются исключительно модифицированные фразеологизмы. Таким образом, вместо воспроизведения готовых узуальных единиц мы наблюдаем их встраивание в измененном виде в текст. В контексте современных воззрений на фразеологизмы данное обстоятельство не удивляет, а позволяет

скорректировать некоторые теоретические положения на сущность устойчивых выражений и предикативных единиц с переносным значением.

Прежде всего это относится к структурно-семантическим особенностям узуальных фразеологизмов: раздельнооформленности (многокомпонентного состава) и разной степени идиоматичности. Первая открывает определенные возможности для структурных окказиональных изменений, вторая делает потенциально возможной двойную актуализацию, т.е. игру на столкновении прямого и переносного значения.

Другими факторами, которые определяют использование фразеологизмов в афоризме, выступает их синтаксическая моделируемость и ритмико-интонационный рисунок. В полной мере сказанное относится к пословицам, которые отражают, казалось бы, незыблемые морально-этические нормы социума. Но вследствие трансформации и переосмысления в афоризмах они эксплицируют субъективное мнение автора.

Помимо двойной актуализации Г. Кудсцз использует сравнение, противопоставление (антитезу) и хиазм, игру слов, усечение и расширение структуры, а также субституцию. В некоторых случаях он комбинирует два или несколько приемов.

Важным графостилистическим средством выступает закавычивание. Г. Кудсцз прибегает к этому приему только в афоризмах, которые выходят за рамки простого предложения или состоят из двух предложений. В таком случае возможен своего рода авторский комментарий или субъективная оценка. Вместе с тем не во всех примерах кавычки служат для выделения использованных литературных и библейских цитат. Ими отмечены также две пословицы. Возможно, автор дистанцируется таким способом от привычного для социума, но чуждого ему лично мнения.

Проанализированные примеры не выходят за рамки одного предложения, что обусловлено не только спецификой жанра, в том числе таким факкультативным признаком афоризма, как минимальный объем [11 с. 14], но и стилем писателя. Г. Кудсцз действительно предпочитает простой синтаксис, хотя в цитируемом сборнике иногда встречаются также афоризмы, которые состоят из двух или трех предложений.

Представляется, что изучение модификаций фразеологизмов является перспективным научным направлением в рамках текстологического подхода. В этом плане большую помощь могло бы оказать использование компьютерного банка данных Института немецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бинович, Л.Э.* Немецко-русский фразеологический словарь / Л.Э. Бинович, Н.Н. Гришин ; под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1975. – 656 с.
2. *Голуб, И.Б.* Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – 4-е изд. – Москва : Айрис-пресс, 2003. – 408 с.
3. *Снежкова, И.А.* Хиазмы в афоризмах Карла Крауса / И.А. Снежкова, С.Ю. Щербина // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 11. – С. 285–289.
4. *Böttcher, K.* Geflügelte Worte. Zitate, Begriffe und Sätze in ihrem geschichtlichen Zusammenhang. 1. Aufl / K. Böttcher. – VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1981. – 780 S.
5. *Burger, H.* Phraseologie – Kräuter oder Rüben? Traditionen und Perspektiven der Forschung / H. Burger // Wortverbindungen mehr oder weniger fest / Hrsg. von K. Steyer. – Berlin, New York : W. de Gruyter, 2004. – S. 19–40.
6. *Černyševa, I.* Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede / I. Černyševa. – Moskau : Vysšaja škola, 1980. – 144 s.
7. *Černyševa, I.* Lexikalisch-phraseologische Variabilität / I. Černyševa // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – 1980. – Heft 3. – S. 307–310.
8. *Dobrovolskij, D.* Textbildende Potenzen der Phraseologismen / D. Dobrovolskij // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – 1980. – Heft 6. – S. 690–700.
9. *Feilke, H.* Kontext – Zeichen – Kompetenz / H. Feilke // Wortverbindungen mehr oder weniger fest / Hrsg. von K. Steyer. – Berlin, New York : W. de Gruyter, 2004. – S. 41–60.
10. *Fleischer, W.* Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Leipzig : Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. – 250 s.
11. *Fricke, H.* Aphorismus / H. Fricke. – Stuttgart : J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1984. – 168 s.
12. *Kudszus, H.* Jaworte, Neinworte / H. Kudszus ; Hrsg. Von J. Günther. – Frankfurt/M : Suhrkamp Verlag, 1970. – 102 s.
13. *Lenz, B.* Hundert Sprichwörter, hundert Wahrheiten. Linguistische Analyse eines Sprichwort-Typs / B. Lenz // Sprachwissenschaft. – 1993. – Bd. 18. – S. 316–358.
14. *Mieder, W.* Antisprichwörter I / W. Mieder. – Wiesbaden : Verlag für deutsche Sprache, 1982. – 235 s.
15. *Mieder, W.* Sprichwörter im modernen Sprachgebrauch // Ergebnisse der Sprichwortforschung / W. Mieder ; Hrsg. Von W. Mieder. – Europäische Hochschulschriften: Reihe Deutsche Literatur und Germanistik (Bd. 192). – Bern, Frankfurt/M, Las Vegas : Peter Lang, 1978. – S. 213–238.
16. *Mieder, W.* „Andere Zeiten, andere Lehren“. Sprach- und kulturgeschichtliche Betrachtungen zum Sprichwort / W. Mieder // Wortverbindungen mehr oder weniger fest / Hrsg. von K. Steyer. – Berlin, New York : W. de Gruyter, 2004. – S. 415–443.
17. *Peukes, G.* Untersuchungen zum Sprichwort im Deutschen: Semantik, Syntax, Typen. – 1. Aufl / G. Peukes. – Berlin : E. Schmidt, 1977. – 183 s.
18. *Röhrich, L.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. – Bd.1 / L. Röhrich. – Freiburg, Basel, Wien : Verlag Herder, 1973. – 624 s.
19. *Ruef, H.* Das Sprichwort als Ausgestaltung eines Paradoxons – Zur Geschichte eines deutschen Sprichworts / H. Ruef // Zeitschrift für deutsche Philologie. – 1986. – Heft 3. – S. 369–382.
20. *Seiler, F.* Deutsche Sprichwörterkunde / F. Seiler. – München : Beck, 1967. – 458 s.
21. *Wotjak, B.* Der Gag heiligt die Mittel? Modifikationen und Vernetzungen von Sprichwörtern im Text / B. Wotjak // Sprachpflege. – 1989. – Heft 9. – S. 125–129.
22. *Wotjak, B.* Rede-, „Wendungen“ in „Wende“-Reden / B. Wotjak // Deutsch als Fremdsprache. – 1991. – Heft 1. – S. 47–51.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-139-145

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ И ОЦЕНОЧНОСТИ В ЗАГОЛОВКЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗДАНИЙ THE GUARDIAN, THE TELEGRAPH И THE INDEPENDENT)

В.Ю. Варзапова

Статья посвящена изучению проявлений категории эмотивности и оценочности в заголовках британских газет. Актуальность статьи обусловлена тем, что заголовки в компактной форме не только сообщают читателю о фактах действительности, но и выражают отношение автора заголовка. Цель статьи – системно описать лексические средства, способствующие реализации оценочного и эмоционального компонента в заголовках британских сетевых газет, которые послужили материалом исследования. Методом лексико-фразеологического анализа и анализа словарных дефиниций были определены лексемы, в которых эти категории составляют денотативный компонент их лексического значения, лексемы, называющие чувства и эмоции, междометные единицы, лексические единицы, актуализирующие эмотивные и оценочные коннотативные компоненты значения, которые могут использоваться в составе как синонимических, так и антонимических пар, а также окказионализмы, иноязычная и нестандартная лексика.

Ключевые слова: заголовок, эмотивность, оценочность, лексическая единица, денотативное значение, коннотация, прагматическое воздействие.

LEXICAL WAYS OF EXPRESSING EMOTIVITY AND EVALUATIVITY IN HEADLINES OF ENGLISH MEDIATEXTS (ANALYSIS OF THE HEADLINES FROM THE GUARDIAN, THE TELEGRAPH AND THE INDEPENDENT)

V.Y. Varzapova

The article deals with studying such categories as emotivity and evaluativity categories reflected in the headlines of British online newspapers. Applicability of the article is determined by the fact that headlines are not only the linguistic structures which briefly inform its readers about the reality but are also the means of 'expressing authors' attitude toward the information provided. The article is aimed at specifying lexical ways which help the author express the categories under study in British online newspapers. Lexical-phraseological method enables to describe emotive and evaluative linguistic means such as words in their denotative meaning, words naming feelings and emotions, interjections, words in their connotative meaning which can be used in synonymous and antonymous collocations, nonce words, foreign and substandard words.

Key words: headline, emotivity, evaluativity, lexeme, denotative meaning, connotation, pragmatic impact.

Введение

Заголовок современного медиатекста, будучи единицей медиадискурса, представляет собой яркое проявление как «локального», так и «глобального слова». Содержание любого заголовка раскрывается при актуализации слов и словосочетаний в заголовке как в акте речи и формировании высказывания, наделённого определённым смыслом, который складывается из смыслового содержания предмета сообщения и его понимания адресантом заголовка. В качестве «слова локального» заголовок семантически связан с озаглавливаемым медиатекстом, отражая тему, идею или какой-либо аспект его содержания. В качестве «слова глобального» заголовок является составной частью медиадискурса, который способствует процессу распространения

массовой информации на численно большие, распродоточенные аудитории с целью воздействия на оценки, мнения и поведение людей.

Любое сообщение в СМИ создаётся людьми и для людей. В этой связи в исследовании заголовка чрезвычайно важен человеческий фактор, и, следовательно, нельзя не учитывать эмоциональный и оценочный компонент коммуникации, направленной от адресанта адресату, способствующий реализации прагматического потенциала заголовка.

Цель данной статьи – изучение способов проявления эмотивности и оценочности на материале заголовков англоязычных изданий *The Guardian*, *The Independent* и *The Telegraph*.

Оценка основана на сравнении и сопоставлении свойств действительности с учетом выработанных

Варзапова Виктория Юрьевна – старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Varzapova Victoria Yurievna – Senior Lecturer, the Department of the English Philology and Intercultural communication at Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: victoria_matushi@mail.ru

© Варзапова В.Ю., 2021

в определенном обществе общечеловеческих ценностей, правил и норм, а также национальной картины мира и культурных установок. Оценка входит в семантическую структуру слова и может составлять как денотативный, так и коннотативный компонент значения лексической единицы. Оценочное отношение к понятию, соотнесённому со словом, реализуется посредством оценочного компонента, который актуализируется в пределах аксиологической шкалы между полюсами «хорошо» и «плохо».

На лингвистическом уровне оценка и эмоции часто тесно взаимосвязаны, так как оценочная лексика может заключать в себе эмотивный компонент. В.И. Шаховский утверждает, что эмотивность – это «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отражённые в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [4: с. 24]. Е.М. Вольф, в свою очередь, отмечает, что «при классификации эмоций по группам важная роль принадлежит оценочному аспекту, который позволяет характеризовать эмоции как положительные и отрицательные» [1: с. 229].

Субъективное отношение адресанта к событиям, описываемым в заголовке, может проявляться не только через использование лексем, в которых оценочный и/или эмоциональный компонент входит в состав их лексического значения, но и через использование лексем, изначально лишённых эмотивности и оценочности, которые в контексте заголовка приобретают эти значения.

Если рассматривать заголовок в качестве формальной структуры, то лексические единицы, обладающие эмотивной и оценочной семантикой, в единстве структурной организации с другими лексемами в составе заголовка составляют план его выражения. Однако при реализации прагматического потенциала, направленного на реализацию воздействующей функции, в контексте заголовка сетевого медиатекста такие лексические единицы, маркированные с точки зрения коннотативности, используются метасемиотически, они становятся выражением для нового содержания – оказать речевое воздействие на адресата, склонив его к заранее заданному адресантом восприятию заголовка.

Лексемы, в которых оценочность и эмотивность составляют денотативный компонент лексического значения

Лексико-фразеологический анализ заголовков показал, что для выражения оценочного отношения в исследуемом материале используются лексемы, которые актуализируют денотативный компонент лексического значения. Среди них – прилагательные *good* и *bad*, в том числе в форме сравнительной и превосходной степени: *Good Friday Agreement: The peace deal that ended The North Ireland troubles*

20 years ago (Ind. 21.01.2019); Why Joe Biden is better than Donald Trump for the US economy (Guard. 29.09.2020); A bad example until the very end: Trump's refusal to concede defeat is sending shock waves around the world (Ind. 15.11.2020); It's too late to undo the worst of the damage caused by the government (Ind. 15.11.2020).

Использование прилагательных *wrong* и *right* является ещё одним продуктивным способом проявления оценочности в тексте заголовка: *The pollsters were wrong – again. Here's what we know so far (Guard. 04.11.2020); The Crown finally gets Princess Diana right – why did it take so long? (Ind. 15.11.2020).*

Для выражения категории эмотивности в тексте заголовка могут использоваться лексические единицы, прямо называющие эмоции и чувства, например: *Britain's buy-and-let boom is over – we should rejoice (Guard. 08.02.2020)*

Глагол *rejoice (to feel or show great happiness about something [5])* используется в заголовке с целью призыва к положительной эмоции.

Приведем ещё несколько примеров, когда заголовки содержат в своем составе лексические единицы – наименования эмоций, выражающие отрицательную оценку: *Boris Johnson blames care home owners for deaths from coronavirus (Ind. 06.07.2020)*. Вербальное обозначение чувства вины, вменяемой Борисом Джонсоном, осуществляется посредством глагола *to blame (to say or think that someone or something did something wrong or is responsible for something bad happening [5])*.

Shameful data reveals NHS treatment of minority ethnic staff (Ind. 17.02.2020). Вышеприведённый заголовок апеллирует к чувству стыда, описывая отношение Национальной службы здравоохранения к персоналу, принадлежащему к этническому меньшинству. Описывая данные об этом как *shameful (deserving to blame, or being a reason for feeling ashamed [5])*, адресант выражает негативную оценку действий Национальной службы здравоохранения.

Fears of regional conflict in Horn of Africa after rocket attacks on Eritrea (Guard. 16.11.2020). При помощи лексемы *fear (an unpleasant emotion or thought that you have when you are frightened or worried by something dangerous, painful, or bad that is happening or might happen [5])* адресант описывает чувство, которое вызывает военный конфликт. Однако из контекста заголовка не ясно, кто же испытывает данное чувство. Таким образом, субъективное негативно-оценочное отношение к происходящему подаётся как объективное.

'Everyone is outraged and sad': Canada shocked by killing of rare white moose (Guard. 16.11.2020). Анализируемый заголовок интересен тем, что полностью построен на градации, основанной на ис-

пользовании лексем *outraged* (feeling anger and shock [5]) и *sad* (unhappy or sorry [5]), в денотативном значении которых содержится негативная эмоциональная оценка. Экспрессивность и без того эмоционально окрашенного заголовка усиливается за счёт употребления глагола *shocked* (to offend or upset someone by doing or saying something that they consider is immoral or unacceptable [5]), который используется для описания эмоционального состояния, в котором, по мнению автора, пребывают жители Канады. Приём градации позволяет дать крайне негативную оценку всей ситуации.

Междометные единицы

Междометные единицы не называют эмоции и чувства, а используются для их звукового обозначения. Их значение раскрывается только в контексте каждого отдельного заголовка и позволяет создать эффект живого общения. Данные лексические единицы придают заголовку определённое эмоциональное звучание и способствуют выражению эмоционального отношения автора к описываемым событиям, например: *Hairstyles and hemlines? Pah. It's rubbish to say girls and boys can't cope in the same school* (Tel. 13.05.2015); *Too late? Pah. I learnt to swim aged 38 – and I didn't even trim my pubes!* (Tel. 23.03.2015). Междометие *pah* (used for showing either that something annoys you or that it does not interest you [5]) в контексте заголовка в виде расчленённой синтаксической конструкции служит для эмоционального выражения скептического отношения к идее, представленной в первой части заголовка и синтаксически выраженной при помощи эллиптического вопросительного предложения. Обоснование такого отношения приводится в последнем элементе расчленённой присоединительной синтаксической конструкции.

Ouch: *Relationship coach and family therapist Hal Runkel reveals the one word to defuse every row* (Ind. 05.06.2017). В анализируемом заголовке междометие *ouch* (used to express sudden physical pain [5]) используется для выражения чувства боли, которое человек испытывает во время ссоры.

London Bridge attack: Bystanders cried 'Oi, oi, cowards!' while fighting back against terrorists (Ind. 05.06.2017). Категория эмотивности в данном заголовке проявляется за счёт повторения междометия *oi* (used as not very polite way of getting someone's attention, especially when you are angry [5]), используемого в качестве средства грубого и невежливого привлечения внимания того, кому оно адресовано.

Совмещение экспрессии синтаксической конструкции и лексического способа выражения эмотивности в виде междометия позволяет создать заголовки, привлекающие внимание читателя как необычностью формы за счёт использования конструкций разговорного синтаксиса, так и своим

содержанием, что, безусловно, усиливает воздействующий потенциал заголовка.

Эпитеты

Рассмотрим случаи, когда эмоциональность и оценочность в заголовке англоязычного медиатекста проявляется посредством актуализации коннотативных компонентов лексического значения. Использование таких лексических единиц в контексте заголовка позволяет усилить его прагматическое воздействие на читателя.

Для выражения эмотивной оценки в заголовках используется большое число эпитетов, например: *Eight adorable animals that are eaten around the world* (Tel. 12.01.2015). Эпитет *adorable* (used to describe someone or something that makes you love or like them, usually because they are attractive and often small [5]), обладающий ярко выраженной положительной коннотацией, позволяет автору заголовка заставить читателя почувствовать жалость по отношению к восхитительным животным, которых убивают ради того, чтобы употребить их в пищу.

'Stupid' *tourists spotted dangling over 150 ft-high cliff edge near Beachy Head* (Tel. 23.03.2015). Оскорбительный эпитет *stupid* (silly or unwise; showing poor judgment or intelligence [5]), которым адресант заголовка эмоционально охарактеризовал туристов, позволил также дать негативную оценку их поступку.

В качестве приёма усиления прагматического воздействия на читателя в тексте заголовка адресант нередко прибегает к лексическому повтору эпитетов, например: *MLB 15: The Show review: It's the perfect baseball game... perhaps a little bit too perfect* (Ind. 06.04.2015); *Oscars 2017: The subtle and not so subtle political statements made at this year's ceremony* (Ind. 27.02.2017).

Синонимия и антонимия как средства усиления эмотивности и оценочности

Отбор лексических средств, раскрывающих смысловое содержание заголовка, является чрезвычайно важным инструментом, который влияет на то, чтобы информация, передаваемая заголовком, воспринималась адресатом заранее заданным адресантом образом. Для этой цели адресант заголовка прибегает к синонимическому и антонимическому сочетанию языковых единиц, обладающих эмоциональной и оценочной коннотацией, что позволяет усилить воздействующий эффект, производимый заголовком.

В заголовках часто используются синонимы, семантические различия которых минимальны. В общем контексте различия между синонимами нивелируются, в результате чего происходит усиление эмоционального или оценочного коннотативного компонента значения. Адресанты заголовков для достижения этой цели могут прибегать к

использованию синонимических пар прилагательных, которые выступают в качестве эпитетов и выражают оценочное отношение адресанта к людям, событиям и явлениям действительности, о которых говорится в заголовке: *China shuts 'obscene and lascivious' dating websites* (Ind. 17.02.2015) – *obscene* (offensive, rude or shocking, usually because of being too obviously related to sex [5]) и *lascivious* (expressing a strong desire for sexual activity) [5]); *Theresa May's 'strong and stable' mantra looks weaker than ever in the face of an MI5 security review* (Ind. 29.05.2017) – *strong* (powerful, firm and determined [5]) и *stable* (firmly fixed or not likely to move or to change [5]).

Восприятие существующей действительности в единстве и борьбе противоположностей служит в качестве основы для использования в тексте заголовка антонимических пар, которые актуализируют в сознании читателя оценочную оппозицию «плохо»–«хорошо». Как правило, в качестве антонимов выступают соотносительные явления, принадлежащие к одной и той же категории действительности в качестве взаимоисключающих понятий. В собранном материале в качестве компонентов таких антонимических пар используются как прилагательные, так и существительные, например: *Britain's unluckiest (or luckiest) family see two homes destroyed* (Tel. 17.02.2015); *Playing Wayne Rooney in midfield is not a snub – it's a huge compliment* (Tel. 17.02.2015) – *snub* (an insult that involves not giving someone any attention or treating them as if they are not important [5]) и *compliment* (a remark that expresses approval, admiration or respect [5]).

Воздействующий потенциал заголовка, содержащего оценочную оппозицию, может усиливаться за счёт аллитерации, как, например, в следующем заголовке: The National Trust: Trash or Treasure?

Контекстуальное противопоставление слов с эмоциональной и оценочной коннотацией и нейтральной лексики

Для создания определенного эмоционального настроения и усиления прагматического воздействия на читателя адресант заголовка может прибегнуть к контекстуальному противопоставлению слов с эмоциональной/оценочной коннотацией и нейтральной лексики: *'Inspiring' Tory slogan: A Britain living within its means* (Tel. 12.01.2015). Совместное использование эпитета *inspiring* (encouraging, or making you feel you want to do something [5]), обладающего положительной коннотацией, и идиомы *live within means* (to spend less money than you receive as income [5]) позволяет автору заголовка выразить ироничное отношение к лозунгу членов консервативной партии. Вполне очевидно, что мало найдется тех, кто с воодушевлением воспримет лозунг о том, чтобы «жить по средствам» или экономить.

Заголовок *Norfolk's rising violent crime includes man 'hit with biscuit' and child 'brushed with nettle'*

(Ind. 22.06.2015) является ещё одним примером подобного рода. Словосочетание *violent crime*, образованное эпитетом *violent* (using force to hurt or attack [5]), обладает отрицательной оценочной коннотацией. Совместное использование этого словосочетания с перечислением преступлений, которые в контексте заголовка попадают под разряд «жестоких» (*'hit with biscuit* и *'brushed with nettle'*), придаёт заголовку юмористически-иронический оттенок, что позволяет адресанту заронить в сознании читателя сомнения в том, насколько описываемые деяния попадают под разряд жестоких преступлений.

Реализация эмотивности за счёт лексических единиц, изначально лишённых эмоциональной окрашенности

Перейдем к рассмотрению случаев, когда способность заголовка оказывать особое эмоциональное воздействие на читателя создаётся за счёт использования лексических единиц, которые изначально лишены эмоциональной окрашенности. Будучи употреблены в неожиданном контексте, такие лексические единицы усиливают экспрессивность заголовка, являясь способом выражения эмоционального отношения автора к ситуации, описываемой в заголовке.

О.Е. Филимонова полагает, что при анализе языковых средств репрезентации эмотивности необходимо обратиться к конкретной коммуникативной ситуации, так как лексемы, в структуре которых не содержится сем эмоционального состояния, в особом контексте, передающем индивидуальный эмотивный смысл, могут репрезентировать эмотивную ситуацию [3: с. 135].

1. Зевгма

Нарушение правил смыслового согласования лексических единиц в контексте заголовка придаёт ему неповторимую выразительность, позволяя создавать шутивно-ироничные заголовки: *Fondue, techno, Zaha Hadid: this is what happens when you let a computer plan your holiday* (Ind. 27.02.2017); *John Major's Brexit speech: Former PM warns about over-optimism, nationalism and Donald Trump* (Ind. 27.02.2017). Использование в перечислительном ряду компонентов, которые ни логически, ни семантически не связаны между собой, интригует читателя и придаёт заголовку неповторимую эмоциональную выразительность, которая служит средством привлечения внимания.

2. Иноязычные вкрапления и окказионализмы

Анализируя прагматический потенциал газетного текста, Е.В. Покровская выделяет категорию интенсивности, которую определяет следующим образом: «Интенсивность – это семантическая категория, которая выполняет функцию усиленного воздействия на адресата и связана с субъективным выбором адресантом экспрессивных средств интен-

сификации высказывания» [2: с. 139]. Одной из составляющих интенсивности является семантика «необычности», так как необычность не оставляет читателя равнодушным, вызывая его интерес. В материале заголовков анализируемых британских изданий семантика «необычности» создается через использование иноязычных слов и окказионализмов.

Использование иноязычных вкраплений в контексте заголовка создает контраст на уровне языкового кода и приводит к эмоциональному усилению его отдельных частей. Иноязычная лексика маркирована с точки зрения категории социолингвистической обусловленности, которая в узком понимании может трактоваться как категория культуро-специфичности. Очевидно, что для адекватного понимания таких лексических единиц адресату требуется наличие фоновых знаний, которые позволят соотнести данные лексические единицы с реалиями и фактами жизни определённого лингвокультурного коллектива. Однако ориентация на массового читателя проявляется в том, что в заголовках используются иноязычные лексические единицы, которые сохранили изначальные графические особенности, присущие тому или иному иностранному языку, но утратили семантическую новизну. Они прочно вошли в лексический состав английского языка и зафиксированы в словарях английского языка.

Примером подобного заимствования из французского языка может служить фраза *joie de vivre*, например: *Raised by Wolves, review: Caitlin Morgan's sitcom has got joie de vivre to spare (Ind. 23.03.2015)*. Судя по справочным источникам, данная фраза часто используется в английском языке и имеет в англоязычных словарях свою дефиницию (a feeling of great happiness and enjoyment of life [5]). Адресант заголовка намеренно использовал эту фразу, синонимичную фразе на английском языке, создав контраст на уровне языкового кода с целью привлечения внимания читателей, описывая то положительное эмоциональное состояние, которое он испытал от просмотра сериала.

Следующий заголовок, содержащий заимствование *über-*, пришедшее из немецкого языка, является другим примером подобного рода: *Faiza Seth: interior designer to the world's über-rich creates ultra-luxe Mayfair home (Ind. 22.06.2015)*. Префиксу *über-* даётся следующая дефиниция в англоязычном словаре: (humorous) used before nouns to mean extreme or extremely good or successful [5]. Синонимичный англоязычный префикс *super-* не создает в тексте заголовка контраст на уровне языкового кода. Возможно, адресант заголовка предпочел использовать префикс *über-* в связи с тем, что он приобрел в английском языке добавочную негативную коннотацию как выразитель крайней степени чего-либо и

его использование является более эффективным средством выражения эмоциональности по сравнению с префиксом *super-*, который такой коннотацией не обладает.

В качестве иноязычных вкраплений могут служить слова или фразы на французском языке, которые прочно укоренились в составе английского и других языков мира, благодаря историческому влиянию французского языка. Например: *My déjà vu is so extreme I can't tell what's real any more (Ind. 05.06.2017)*. Известная фраза *déjà vu* привлекает внимание читателя за счёт нетипичного для английского языка написания и усиливает выразительность заголовка.

Выбирая иноязычную форму при создании заголовка, автор отказывается от использования синонима, существующего в родном языке, в пользу альтернативного способа выражения на иностранном языке, хоть и зафиксированного в англоязычном словаре. Переключение с одного языкового кода на другой создаёт графический контраст. В процессе интерпретации иноязычной лексической единицы в составе заголовка читатель соотносит значение этой единицы, если оно ему известно, с соответствующей единицей родного языка, которая обладает схожим значением. Эффект воздействия на читателя при этом может меняться в зависимости от способности читателя интерпретировать содержание иноязычного вкрапления, опираясь на свои фоновые знания. Таким образом, включение иноязычного вкрапления в текст заголовка – это своего рода реверанс в сторону образованности читателя, который, по мнению автора заголовка, должен обладать фоновыми знаниями, которые необходимы для интерпретации такой лексической единицы.

Другим продуктивным способом, направленным на реализацию прагматического потенциала заголовка, является использование окказионализмов, которые позволяют сделать заголовок необычным в плане языкового выражения и служат средством реализации категории эмотивности.

В заголовках могут использоваться окказиональные лексические единицы, сложные по структуре, образованные путём объединения несовместимых в семантическом плане лексем. Если одна из лексем указывает на то или иное проявление эмоций, то эмоциональное воздействие на читателя усиливается, как, например, в заголовке, содержащем окказионализм *'joyflation'*, который является результатом объединения лексем *joy* и *inflation*: *Britons told to get ready for 'joyflation' by economists (Tel. 12.01.2015)*.

Другим примером может служить заголовок, содержащий окказионализм *mockumentary*, который образован слиянием лексем *mock* и *documentary*, что в сочетании с идиоматическим выражением

ем *scare the bejesus out of* (to frighten, to annoy or bore someone very much [5]) позволяет создать эмоционально выразительный заголовок, привлекающий внимание читателя: *Ukip: The First 100 days review: A mockumentary to scare bejesus out of electorate* (Ind. 16.02.2015).

Приведем еще один пример: *Carrot-cino: Coffee hipsters have finally gone too far* (Ind. 05.06.2017). Лексическая единица *carrot-cino* побуждает к прочтению текста статьи, для того, чтобы читатель узнал, что окказионализм, созданный путём слияния лексемы *carrot* с усечённой формой лексемы *cappuccino*, используется в тексте заголовка для обозначения необычного и модного способа подачи кофе в моркови, из которой вынули внутреннюю часть.

Нестандартная лексика

Частотным средством оказания эмоционального воздействия на читателя, способствующим усилению экспрессивности заголовка, является нестандартная лексика (усечения, коллоквиализмы и обценная лексика).

1. Усечения

Усечения актуализируют в заголовке коннотативный компонент своего значения и придают ему сниженную разговорную тональность. В тексте заголовка такие лексемы используются не столько как средство компрессии, сколько как средство проявления эмотивности, в связи с тем что в большей степени способствуют выражению эмотивности, нежели полные формы, например: *Lemon water: a healthy way to start the day or silly celeb fad?* (Tel. 13.05.2015); *Celebs on demand: shoutout app Cameo hopes to expand in UK* (Guard. 28.02.2020). *Celeb* – усечённый вариант лексемы *celebrity*.

В заголовке *Put it away: Texas passes law against dick pics* (Tel. 07.09.2019) *Pics* – усечённая форма существительного *pictures*.

Усечению в контексте заголовка могут также подвергаться прилагательные: *Fab food festivals for February* (Ind. 01.02.2019). *Fab* – это усечённый вариант прилагательного *fabulous*. Усиление экспрессивности данного заголовка достигается ещё и за счёт аллитерации.

В заголовках также могут употребляться усечения, образованные с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса *-ie*: *Jamie Oliver goes veggie: six things we learnt about the chef* (Tel. 13.05.2015). Усечение *veggie* < *vegetarian* обладает гипокористической (ласкательной) окраской и реализует интенцию адресанта выразить положительную оценку, что способствует усилению воздействующего потенциала заголовка.

Заголовок *David Cameron cutie 'caught naked with married headmaster'* (Tel. 12.01.2015) интересен тем, что употребление в его составе суффиксированного усечения служит средством проявления

иронического отношения к описываемому объекту, которое в рамках отрицательно-заряженного контекста приносит коннотацию отрицательной характеристики.

2. Коллоквиализмы

Конкуренция в борьбе за читательскую аудиторию обусловила тенденцию к полиадресатности, или ориентированности на представителей разных социальных групп, которая проявляется в отборе лексических средств, используемых для создания заголовков. Установка на экспрессивность и реализацию воздействующей функции в современных англоязычных заголовках проявляется через использование стилистически и эмоционально окрашенной лексики, которая является средством стилизации под разговорную речь. Разговорная речь носит универсальный характер, ею пользуются все члены общества, независимо от социального статуса, уровня образования и половой принадлежности. Этот факт объясняет использование коллоквиализмов, цель которых – установление контакта с предполагаемым читателем. Следует заметить, что в большинстве своём коллоквиализмы приносят в заголовок отрицательную коннотацию: *Sam Cook ups Essex tempo to put skids under Eddie Byrom's Somerset revival* (Guard. 24.09.2020). Коллоквиализм *put skids* (to cause something such as a plan to fail [5]) используется адресантом для выражения скептического отрицательного отношения к тому событию, которое описывается в заголовке.

Which toff lived at Bunkerton Castle? (Guard. 04.01.2020). Посредством коллоквиализма *toff* (a rich person from a high social class [5]) автор заголовка выражает некое пренебрежение к тому, кого он подразумевает, что может косвенно восприниматься в качестве отрицательной оценки.

3. Обценная лексика

Лексико-фразеологический анализ собранного материала заголовков позволяет сделать вывод о том, что в заголовках британских изданий, относящихся к изданиям качественной прессы, может использоваться и обценная лексика, которая, с одной стороны, придает заголовку сниженную разговорную тональность, а с другой стороны, способствует выражению отрицательной оценки описываемого явления, события или лица. Подчиняясь требованиям цензуры, в лексических единицах, принадлежащих к классу обценной лексики, печатается лишь первая буква, а оставшаяся часть слова забивается звёздочками, соответствующими количеству букв. В большинстве случаев такие лексемы заключены в одиночные кавычки, сигнализирующие о том, что данная фраза не принадлежит адресанту заголовка, а является цитатой, например: *Rangers' finance director said Three Bears consortium 's*** themselves' when they thought offer was accepted* (Tel.

17.02.2015); *Police apologize for telling woman her 'F**k Boris' T-shirt was illegal* (Ind. 14.07.2020); *MSNBC cuts off correspondent as he replies 's***' and 'f***' to anchor question about transition* (Ind. 11.11.2020).

Заключение

Заголовок, зарождаясь как «слово локальное», как конкретный акт речи, созданный адресантом с целью передать содержание озаглавливаемого медиатекста, при реализации своего прагматического потенциала становится «словом глобальным». Он является частью дискурса печатных СМИ, призванных не просто распространить информацию, обращенную к массовой аудитории и доступную для всех, но и транслировать определённые смыслы. Использование лексических средств, способствующих проявлению оценочной и эмотивной интерпретации события в тексте заголовка, позволяет как эксплицитно, так и имплицитно раскрыть смысл заголовка, под которым понимается смысловое содержание предмета сообщения и его истолкование адресантом заголовка.

Анализ лексико-фразеологического состава заголовков изданий *The Telegraph* и *The Independent* позволил сделать вывод о том, что для реализации их прагматического потенциала в качестве средств выражения эмоционального и оценочного содержания может быть использован широкий диапазон лексических средств, маркированных в плане категорий коннотативности, идиоматичности, социолингвистической обусловленности. В контексте заголовка лексические единицы могут вступать в

различные сочетания (синонимические и антонимические пары, повторы), использоваться для создания стилистических приёмов, например зевгмы. В заголовках может происходить столкновение единиц разной территориальной окраски (иноязычные вкрапления), эмоциональной и социальной значимости (оказионализмы, усечения, коллоквиализмы, обценная лексика), что в контексте заголовка позволяет усилить реализацию прагматической функции заголовка, оказывая определенное манипулятивное воздействие на адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
2. Покровская, Е.В. Понимание современного газетного текста и его языковые характеристики : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Евгения Васильевна Покровская. – Москва, 2004. – 276 с.
3. Филимонова, О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентаций эмоций в английском тексте : учебное пособие / О.Е. Филимонова. – Санкт-Петербург : Книжный дом, 2007. – 448 с.
4. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 190 с.
5. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 17.11.2020).
6. The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/> (accessed: 17.11.2020).
7. The Independent. – URL: <https://www.independent.co.uk/> (accessed: 15.11.2020).
8. The Telegraph. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/> (accessed: 17.11.2020).

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-146-151

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИИ «СТРАХ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. КИНГА (АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ)

О.В. Егорова

В.В. Васюк

Эмоции, представляя собой особую реальность, являются отражением этнокультурной специфики модели мира. Одной из базовых и присущих каждой культуре, по мнению многих специалистов, является эмоция страха. Способность языковых элементов вступать в отношения друг с другом позволяет говорить о лексике языка как о системе. Наличие этих отношений обуславливает существование различных группировок внутри системы языка. Одним из способов объединения лексем является тематическая группа. Актуальность данного исследования определяется анализируемым материалом, репрезентирующим эмоцию *страх* не только как тематическую группу, но и как многоаспектное проявление человеческих эмоций. Данное исследование позволяет проследить, каким образом представлена тематическая группа «Страх» в английском языке на современном этапе его развития.

Цель данной работы состоит в выявлении средств языковой репрезентации проявления эмоции *страх* в современном английском языке на материале работ американского писателя Стивена Кинга «Кладбище домашних животных» и «Оно». В ходе исследования использовались следующие методы: метод контекстуального анализа, а также метод количественного анализа. Исследование лексики, репрезентирующей эмоции в тексте художественного произведения, позволяет интерпретировать мир эмоций героев, а также раскрыть главную тему художественного произведения. Следовательно, в контексте литературы жанра «хоррор» целесообразно говорить об использовании различных средств репрезентации тематической группы «Страх», так как главной задачей автора является создание атмосферы страха и ужаса в произведении.

Ключевые слова: языковая репрезентация, тематическая группа, эмоция страха, художественный текст, жанр «хоррор».

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE EMOTION «FEAR» IN THE WORKS OF S. KING (ANALYSIS OF THE THEMATIC GROUP)

O.V. Egorova

V.V. Vasyuk

Emotions, representing a special reality, are a reflection of the ethno-cultural specifics of the world model. The emotion of fear is one of the basic and inherent in every culture. The ability of language elements to enter into relations with each other allows us to talk about the vocabulary of a language as a system. The presence of these relations determines the existence of various groupings within the language system. One of the ways to combine them is a thematic group. The relevance of this study is determined by the analyzed material, which represents the emotion of fear, not only as a thematic group, but also as a multidimensional manifestation of human emotions. This study allows us to trace how the thematic group "Fear" is represented in the English language at the present stage of its development.

The purpose of this work is to identify the means of linguistic representation of the manifestation of the emotion of fear in modern English on the material of the works "Pet Cemetery" and "It" by the American writer Stephen King. In the course of the study, the following methods were used: the method of contextual analysis and the method of quantitative analysis. The study of the vocabulary that represents emotions in the text of a work of art allows us to interpret the world of emotions of characters, as well as to reveal the main theme of the work of art. Therefore, in the context of the literature of the horror genre, it is advisable to talk about the use of various means of representing the thematic group "Fear", since the main task of the author is to create an atmosphere of fear and horror in the work.

Key words: language representation, thematic group, emotion of fear, work of art, horror genre.

Егорова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, декан Факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Egorova Olga Vladimirovna – Doctor (Philology), Dean, Faculty of Philology, Translation and Intercultural Communication, Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: egorovo@yandex.ru

Васюк Вероника Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации Факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Vasyuk Veronika Vladimirovna – Doctor (Philology), Chair of English Philology and Intercultural Communication, Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: veronika_223@mail.ru

© Егорова О.В., Васюк В.В., 2021

Язык, будучи тесно связанным с мышлением, является средством репрезентации наших мыслей и эмоций. На сегодняшний день изучение эмоциональной сферы как наиболее сложной из всех систем человека определяет особый интерес для исследований в области филологии и лингвистики.

Этнокультурная специфика модели мира включает в себя эмоции как отражение особой реальности. Одной из базовых и присущих каждой культуре, по мнению многих специалистов, является эмоция страха. Страх является неотъемлемой частью жизни человека, имеет высокую социальную значимость, именно поэтому исследование языковой репрезентации данной эмоции вызывает особый интерес современных лингвистов.

Актуальность работы связана с незначительным количеством работ, отражающих особенности языковой репрезентации эмоций, и, как следствие этого, малоизученностью лексической наполняемости тематической группы «Страх». В связи с тем, что язык не является статичной системой, в лексическом составе языка постоянно происходят какие-либо изменения, а это значит, что наполняемость тематической группы «Страх» также изменяется. Данное исследование позволяет изучить, как представлена тематическая группа «Страх» в английском языке на современном этапе его развития.

Известно, что помимо своей номинативной функции языковые единицы могут обладать эмоциональным значением, которое выражает то или иное субъективное отношение говорящего к предмету разговора. Закрепляясь в семантике лексических единиц, эмоции, переживаемые человеком, получают отражение в языке, формируя эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры [4].

Таким образом, объектом исследования данной статьи выступит тематическая группа «Страх», представленная различными языковыми средствами.

Предметом исследования являются языковые средства репрезентации эмоции страха в английском языке на материале романов Стивена Кинга «Кладбище домашних животных» и «Оно», являющиеся неотъемлемым компонентом тематической группы «Страх».

Страх – одна из фундаментальных эмоций. В психологии страх рассматривается как эмоциональное состояние, вызванное полученной информацией о реальной или предполагаемой угрозе / опасности [3]. Страх как эмоциональное состояние отражает защитную биологическую реакцию человека или животного при переживании им реальной или мнимой опасности для его здоровья и

благополучия. Следовательно, для человека как биологического существа возникновение страха не только целесообразно, но и оправдано. Однако для человека как социального существа страх часто становится препятствием для достижения поставленных целей. Как было уже отмечено, эмоция страха проявляется как защитная реакция человека на реальную угрозу или мнимую опасность, следовательно, страх имеет физиологические, поведенческие и когнитивные признаки проявления. Основными структурными компонентами эмоции страха являются: причина страха, признаки страха (физиологические, когнитивные, поведенческие), преодоление страха. Каждый из этих компонентов вербализируется определенными средствами языка.

Причины страха могут быть природными или культурными (приобретенными). К данным причинам страха можно отнести как индивидуальные различия, основанные на биологических особенностях человека, так и различия, определяемые индивидуальным опытом. Природные причины страха – это неожиданное приближение опасности, одиночество, неосведомленность, боль, неизвестность и др.

Проявления страха у человека также могут описываться по-разному. От страха можно окаменеть, потерять дар речи, вздрогнуть, задрожать, онеметь, а также можно ощущать мурашки и неприятный холод. Страх может изменить внешность человека. Он искажает и искривляет лицо испытывающего страх человека. Человек бледнеет, возникает ощущение, которое описывается как «волосы встали дыбом» или «поседел от страха». Страх может свести с ума или спровоцировать смерть.

Физиологи описывают страх как ощущение, связанное со снижением тонуса мускулатуры, учащенным сердцебиением, повышением кровяного давления, расширением зрачков, потоотделением, приливом крови к мускулам. Говоря о поведенческом проявлении страха, как правило, указывают на такие действия, как бегство и все, что может помочь предотвратить опасность. На уровне невербального поведения чувству страха соответствуют широко открытые глаза, приоткрытый рот. В отношении интеллектуальной деятельности и речи страх может проявляться в заикании, спутанности мыслей.

Эмоция страха известна с незапамятных времен, еще в Библии описывается страх за свою душу, за возможность спасения. В философии страх рассматривается не только как внешнее проявление, но и как внутреннее, сопровождающее и влияющее на существование индивида, развитие его

личности [1]. В психологии страх описывается не только как кратковременная и ситуативная эмоция, но и как устойчивое и длительное чувство, оказывающее негативное воздействие на моральную и физическую сторону жизни человека [1].

Для человека страх является источником познания нового, за ощущением страха нас ждет нечто новое и неизведанное, то, что можно познать и чего достичь лишь посредством преодоления страха.

Наличие в языках разных народов большого набора языковых средств, которые отличаются особой спецификой лексики и синтаксиса, только подтверждает жизненную важность и базовый характер данной эмоции [2].

Очевидно, что изучение языковой репрезентации эмоции *страх* в английском языке целесообразно проводить на материале литературы жанра «хоррор», спецификой которого как раз и является обращение авторов произведений к данной эмоции, создание и поддержание атмосферы постоянного напряжения, заставляющего работать воображение читателя, вызывая у него необходимые эмоции, в том числе и эмоцию *страх*. Главная цель подобной литературы – вызвать ощущение страха у читателя, что оправдывает наличие в произведениях этого жанра языковых средств, репрезентирующих тематическую группу «Страх».

Такие писатели, как Эдгар Алан По, Стивен Кинг, Мэри Шелли и др. намеренно создают вокруг своих персонажей такие условия и декорации, при которых персонажи сталкиваются с необъяснимыми явлениями, ужасающими их и даже сводящими с ума.

Несомненно, особый интерес в рамках данного исследования представляют работы нашего современника, американского писателя С. Кинга. В своих работах автор использует широкий спектр языковых средств, репрезентирующих тематическую группу «Страх», и, как следствие этого, заставляет читателя испытывать саму эмоцию. В число таких средств входят не только непосредственно номинации самой эмоции, но и языковые средства, описывающие эмоциональные и физиологические изменения состояния человека, его поведенческие и вербальные реакции. Создавая атмосферу страха, С. Кинг не только описывает состояние героев, переживающих данную эмоцию, но и тщательно подходит к описанию места действия (дремучий лес, безлюдное место, заброшенный замок и т.д.). С особой точностью автор создает ощущение страха, детально описывая погоду, как правило, это туман, дождь, гроза.

Один из анализируемых романов «Кладбище домашних животных» (Pet Sematary [6]), написан-

ный в жанре готической литературы, был опубликован в 1983 г. По сюжету романа семейная пара с детьми переезжает в небольшой вымышленный городок Ладлоу. Через какое-то время они узнают о расположенном недалеко от их дома кладбище домашних животных, которое способно оживлять мертвых. Вскоре в семье происходит трагедия, погибает один из детей, которого потерявший от горя голову отец решает воскресить при помощи этого кладбища. Поднимая в романе тему страха за жизнь близких и описывая отчаяние, которое испытывает главный герой, потерявший ребенка, готовый на все, только бы вернуть его любой ценой, автор передает его эмоциональное состояние, охватывающий его страх, когда он понимает, что то, что вернулось домой после воскрешения, не его умерший ребенок, а нечто страшное, то, что впоследствии убивает его жену, а его самого сводит с ума.

В романе «Оно» (It [5]), опубликованном в 1986 г., С. Кинг поднимает проблему влияния психологических травм, полученных детьми в детстве, на их взрослую жизнь. Семеро детей из вымышленного города Дерри пытаются одолеть чудовище, которое убивает детей, являясь им в облике клоуна. Повествование ведется в двух временных диапазонах – в период детства героев и в период их взрослой жизни. В процессе чтения читатель узнает, что монстр способен принимать любые облики, связанные со страхами человека. Только объединившись, дети смогли победить чудовище и отправить в спячку. Вернувшись к обычной жизни, вскоре ребята забывают о случившемся и покидают Дерри. Прошло 27 лет, чудовище возвращается, и город снова потрясает волна убийств. Героям приходится вернуться и теперь навсегда уничтожить монстра.

Создавая в своих романах атмосферу страха и ужаса, вовлекающую и завораживающую читателя, С. Кинг мастерски оперирует различными языковыми средствами. Анализ лексем, номинирующих тематическую группу «Страх», в романах «Кладбище домашних животных» и «Оно» выявил, что наиболее часто используется лексема *fear* (23 упоминания в романе «Кладбище домашних животных» и 129 упоминаний в романе «Оно»). Наиболее частотными также оказались такие лексемы, как *fright* (25/125), *horror* (25/88), *afraid* (22/91), *terror* (18/64) и *alarm* (19/43).

Однако можно заметить, что атмосфера страха создается не только с помощью номинаций рассматриваемой тематической группы, но также при помощи дополнительных языковых средств. *Страх* в рассказах С. Кинга представляется источником сильных эмоций и переживаний и вы-

ражается через разные языковые приемы. Так, например, в ходе анализа романа «Кладбище домашних животных» были выявлены случаи употребления метафор при описании автором появления страха и ужаса у персонажа: *Louis glanced at the raked dirt of Gage's grave and felt a wave of awe and horror course through him* [6: с. 48]. Решаясь на отчаянный шаг похоронить своего погибшего сына на кладбище домашних животных, главный герой с ужасом понимает, что он сделал.

Интересен случай использования метафоры и в следующем примере, когда автор описывает многообразие эмоций, которые переживает герой: *At last he sat on the verge of the grave with the body in his lap, his feet dangling in the hole, his face a horrible livid color, his eyes black holes, his mouth drawn down in a trembling bow of horror and pity and sorrow* [6: с. 57]. Осознание того, что он выкопал тело своего погибшего ребенка, вызывает в нем одновременно и ужас, и жалость. Читатель не остается равнодушным к переживаниям главного героя. Но ужас, столь ярко воссозданный с помощью метафор, передается и читателю, заглушая чувство сопереживания безутешному отцу.

Испытываемый героем ужас передают используемые автором метафоры «*crawl of horror*» и «*bullet of fear*», описывающие появление ужаса у героя: *Louis felt a hopeless crawl of horror in his belly* [6: с. 16]; *I'm going to scream. I can feel it. And he could too* [6: с. 14]; *it was roaring up from inside, nothing but a big cold bullet of fear* [6: с. 14]. Герой ощущает на физическом уровне, как появляющийся ужас заполняет его, вырываясь наружу, подобно пуле из ствола пистолета, которую невозможно сдержать. Использование глаголов *scream*, *roar*, а также прилагательных *hopeless* и *cold* в сочетании с данной метафорой позволяет автору в полной мере передать тот ужас, который испытывает наш герой, находясь на грани потери сознания от увиденного.

В следующем фрагменте С. Кинг описывает состояние героини в момент встречи с человеком, которого она считала мертвым. Для усиления эмоции страха, испытываемой героиней, автор прибегает к использованию гиперболы: *...she stood there ... too scared to move...* [5: с. 94].

Введение эпитетов также помогает создать яркий образ, способный внушить страх и ужас. Например, в романе «Оно» автор повествует о встрече Джорджа, брата одного из семи ребят, которым впоследствии придется бороться с Пеннивайзом и самим клоуном у водостока. Заманив мальчика, монстр хватает его и тащит в «эту ужасающую темноту» своего «убежища»: *...it pulled George toward that terrible darkness...* [5: с. 4].

Или, например, словосочетания «*terrible image*» и «*sickening horror*», которые используются в романе «Кладбище домашних животных» при описании мертвой девочки: *Before his closed eyes rose a terrible image of Ruthie coming to his thirteenth birthday party with her decaying eyeballs hanging on her cheeks and blue mould growing in her red hair, and this image provoked not just sickening horror but an awful doomed love* [6: с. 10]. В данном эпизоде с помощью языковых средств создается ощущение того «тошнотворного ужаса», который возник в душе героя одновременно с любовью к погибшей девочке. Ощущение необъяснимого ужаса преследует героев на протяжении всего романа, держа в напряжении и читателя.

Рассмотрим еще один пример использования эпитета в романе «Кладбище домашних животных». Испуг, эксплицируемый эпитетом *frightened*, описывается как проявление естественной реакции на что-то страшное: *What's wrong? he wondered, confused and frightened* [6: с. 5].

В следующем предложении автор сравнивает главного протагониста романа «Оно» с дьяволом, что вызывает сильные эмоции страха и ужаса по отношению к его образу. Интерес представляют и использованные для описания образа Пеннивайза эпитеты: *hideously grinning clown*, *vampire smile*. Упоминание красного цвета служит созданию угнетающей атмосферы, так как известно, что чаще всего этот цвет ассоциируется с тревогой, опасностью, чем-то таким, что может вызвать страх и негативные эмоции: *So once again Bill Denbrough found himself racing to beat the devil, only now the devil was a hideously grinning clown whose face sweated white greasepaint, whose mouth curved up in a leering red vampire smile, whose eyes were bright silver coins* [5: с. 108].

В своих романах С. Кинг прибегает к использованию олицетворения, тем самым делает страх «живым», усиливая его ощущение, делая этот «оживший» страх ярким и сильным, создавая гнетущую атмосферу в произведении.

Пример олицетворения можно найти уже на первых страницах романа «Кладбище домашних животных». Только приехав в новый дом, главный герой уже чувствует, что с этим местом что-то не так: *He took Gage up the stairs, walking through hot slanting September sunshine, and as he reached the landing, such a premonition of horror and darkness struck him that he stopped-stopped cold-and looked around in surprise, wondering what could possibly have come over him... , ... the fear was suffocating him...* [6: с. 5]. Описание предчувствия того, что должно произойти что-то страшное, как бы готовит читателя к мрачным и ужасающим событиям,

которые произойдут в дальнейшем, и создает эффект напряженного ожидания. Интуиция подсказывает герою и читателю, что, несмотря на спокойную атмосферу, царящую в начале романа, стоит опасаться чего-то страшного, что обязательно произойдет.

В этом же романе часто встречается прием сравнения, с помощью которого создается ощущение страха, знакомого читателю, а потому сближает его с героем и заставляет ярче переживать его эмоции: *Then Jud turned toward him, the hood seeming to surround a blankness, and for one moment Louis imagined that it was Pascow himself who now stood before him, that the shining light would be reversed, trained on a grinning, gibbering skull framed in fur, and his fear returned like a dash of cold water* [6: с. 21]. Сравнение страха со всплеском холодной воды оправдано тем, что ощущение страха часто проявляется всплеском холода внутри.

Помимо этого, при описании процесса проявления эмоции страха с физиологической точки зрения автор уделяет особое внимание изображению реакции организма, которую может вызвать страх. Например, в следующем предложении автор описывает голос, от которого «кровь стынет в жилах», появляются мурашки на коже, а волосы «встают дыбом»: *...voice chilling his flesh, bringing out the goosebumps, making the hackles on the back of his neck rise* [6: с. 42].

В романе «Оно» как реакцию на страх автор описывает дрожь по телу: *bone-deep shudder wracks his body* [5: с. 81], крик: *He wanted to scream but the tiny sounds crawling out of his throat seemed to be the best he could manage* [5: с. 70]. Показано, как затрудняется речь и меняется голос, когда телом овладевает страх. Это можно проследить и в следующих примерах: *...he tried to winch some word out of his stubborn throat...* [5: с. 19], *...Ellie's voice was wild and tight with alarm...* [6: с. 17].

Достаточно часто автор описывает место возникновения и перемещения страха в теле, например в горле: *The terror leaped down Stan's throat all at once – it was like swallowing something hot* [5: с. 120]. Здесь также можно увидеть, как автор сравнивает ощущение ужаса с тем ощущением, которое мы испытываем, когда глотаем что-то горячее. Страх может возникать в животе: *Louis felt a hopeless crawl of horror in his belly* [6: с. 16], в грудной клетке: *...terror leaped into his chest...* [5: с. 120], в кишечнике: *...dread gripped his bowels...* [5: с. 120].

В следующем примере описывается «перемещение» ощущения страха по телу от одной ноги к другой: *Rachel waited, now in a kind of constant low-grade panic, shifting from foot to foot...* [6: с. 56].

В романах С. Кинга страх вызывает неприятные ощущения, например, мерзкое, тошнотворное: *...and Rachel saw with spiraling, sickening horror that it really wasn't Zelda at all-how could she have made such a stupid mistake...* [6: с. 64], удушающее: *Nothing except the fear that was suddenly suffocating him...* [5: с. 81], перехватывает дыхание в попытке закричать: *Henry uttered a breathless scream and staggered backward* [5: с. 273]. Страх может вызывать мышечный спазм, например, подкашиваются ноги или трясутся колени: *... Rachel felt that knee-weakening fear again... then it danced away* [6: с. 52]. Страх может вызвать безумный ужас, способный ввести в состояние обморока: *A swooning, mad terror struck him and his flesh began to creep avidly, seeming to actually move up and down his arms and along his belly in waves...* [6: с. 11].

Описывая момент, когда человеком овладевает страх, С. Кинг часто наделяет эту эмоцию способностью «наполнять» тело: *He stood at the head of the stairs, forward motion temporarily spent, filled with fear...* [5: с. 25], *She was staring at him, her face full of perplexity and terror, and he might have felt sorry for her if his heart had not already been so filled with terror for himself* [5: с. 24].

В романе С. Кинга как естественная реакция на страх описывается учащение биения сердца: *... his heart hurrying in his chest...* [5: с. 2], *... her heart running like a rabbit in her throat...* [5: с. 15].

Часто страх выступает как нечто потустороннее, противоположное рациональному, необъяснимое: *Up ahead, Pascow was only a moving shadow, and now Louis's terror seemed to have crystallized into a bright sculpture in his mind: I am following a dead man into the woods, I am following a dead man up to the Pet Semetary, and this is no dream* [6: с. 13].

Стивен Кинг в своих работах приписывает страху способности живого существа к перемещению в пространстве, совершению действий. Страх «способен прыгать» – *...fear leaped into his belly...*, «передвигаться с разной скоростью» – *to come, to shoot, to rush, to creep, to slip (...fear rushed through him..., ...terror began to creep over him...)*, «расти» – *to grow (...terror would grow in him...)*, «просыпаться» – *to awaken (...terror awakened in his heart...)*, «завладевать», «хватать» – *to take, to seize, to settle, to grip, to wrap (...panic seized him..., Horror rolled through Louis, gripping his warm heart in its cold hands, squeezing [6: с. 11])*, «наносить удар» – *to strike (...terror struck him...)*.

Таким образом, проведенный анализ языковых средств репрезентации тематической группы «Страх» в работах С. Кинга показал, что наряду с лексемами, номинирующими рассматриваемую тематическую группу, её репрезентирует ряд язы-

ковых средств, таких как эпитеты, метафоры, олицетворения, гиперболы и др. Помимо этого, автор уделяет особое внимание описанию физической реакции своих персонажей на ощущение страха. В большинстве случаев описывается выражение лица. Часто в работах С. Кинга страх наделяется способностью перемещаться по телу и вызывать неприятные ощущения в разных частях тела.

Рассматриваемая тематическая группа «Страх» репрезентируется не только лексемами, номинирующими ее, но и посредством ряда других языковых средств и приемов. Исследование лексики, репрезентирующей эмоции в тексте художественного произведения, позволяет интерпретировать мир эмоций героев, а также раскрыть главную тему художественного произведения. Следовательно, в контексте литературы жанра «хоррор» целесообразно говорить об использовании различных средств репрезентации эмоции страх, так как главной задачей автора является создание атмосферы страха и ужаса в произведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ляшенко, Н.А.* К вопросу о языковых средствах вербализации концепта fear в современном английском языке / Н.А. Ляшенко, Е.А. Баталина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-1 (76). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-yazykov> (дата обращения: 05.06.2020).
2. *Морозова, И.О.* Репрезентация концепта «Страх» в английском и русском языках / И.О. Морозова. – URL: <http://festival.1september.ru/articles/590673/> (дата обращения: 25.04.2020).
3. *Изард, К.Э.* Психология эмоций / К.Э. Изард ; пер. с англ. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 464 с.
4. *Шаховский, В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – 3-е изд. – Москва : Либроком, 2009. – 208 с.
5. *King, S.* It / S. King. – URL: [www.rulit.me>books/it-read-177605-81.html](http://www.rulit.me/books/it-read-177605-81.html) (accessed: 08.01.2021).
6. *King, S.* Pet Sematary / S. King. – URL: [www.booksonline.com.ua>view.php?book=100794](http://www.booksonline.com.ua/view.php?book=100794) (accessed: 08.01.2021).

НОМИНАЦИИ АВТОСТЕРЕОТИПОВ ГОНКОНГЦЕВ (НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОНКОНГСКИХ АВТОРОВ)

Ю.В. Самохина

Данная статья продолжает исследования автора в области гонконгского варианта английского языка и культуры говорящих на нем людей и посвящена анализу стереотипов и автостереотипов гонконгцев (на основе произведений гонконгских авторов), изучению языковой личности среднестатистического гонконгца через используемые ими обращения и самоименования. В итоге рассматривается вопрос о том, существует ли у гонконгцев кризис самоопределения или они точно знают свое место в мире. Данное исследование основывается на содержательном анализе текста, а также на лингвистическом и сравнительном методах анализа.

Ключевые слова: стереотип, автостереотип, самоименования, среднестатистический гонконгец, гонконгский вариант английского языка, обращения в гонконгском варианте английского языка.

THE NAMING OF HONG KONGERS' AUTOSTEREOTYPES (BASED ON THE NOVELS WRITTEN BY HONG KONG AUTHORS)

Y.V. Samokhina

This article continues the authors' research on Hong Kong variety of the English language and the culture of its speakers, based on the novels written by Hong Kong authors, and discusses the analysis of stereotypes and autostereotypes, as well as the research of Hong Kongers' linguistic identity through the terms of address and self-naming, which they use. Finally, the author looks for a decision of the problem whether Hong Kongers have an identity crisis or they know exactly where they are. This research is based on the content-related text analysis and on linguistic and comparative methods.

Key words: stereotype, autostereotype, self-naming, average Hongkonger, Hong Kong variety of the English language, forms of address in Hong Kong English.

Введение

Как справедливо отмечает Рэй Хечт из «Шэньчжэнь Дэйли» в предисловии к книге “No City for Slow Men” Джейсона Энга, «Гонконг застрял где-то посередине, между материковым Китаем и остальным миром, что вызывает кризис самоопределения» [16], поэтому Гонконг и его жители представляют значительный интерес для исследований в области межкультурной коммуникации. Данная работа будет сосредоточена на попытке выделить черты, присущие среднестатистическому гонконгцу, понять их самовосприятие и рассмотреть языковую личность гонконгцев через призму обращений и самоименований.

Чтобы раскрыть эту идею более полно, в статье используется термин «стереотип». Впервые его использовал в 1922 г. Уолтер Липпман, для которого социальный стереотип – это образец, «"программирующий" межличностные и межгрупповые отношения, в том числе предрассудки и предубеждения, встающие между социальными группами, нациями, странами, расами и т.д. <...> Система стереотипов

представляет собой социальную реальность. <...> Представляется очевидным, что стереотипы оказывают значительное, если не решающее, влияние на формирование мнений» [7: с. 126–127]. Согласно определению из Кэмбриджского словаря стереотип обозначает «группу сформированных людьми идей о том, каков кто-то или что-то; и в частности – ложные идеи» [18]. В психологии социальным стереотипом называется «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей» [1]. Стереотипы нередко рассматриваются как негативные восприятия какой-то группы, однако они могут быть и позитивными. Примером этого может служить миф об образцовом этническом меньшинстве, который стал прочно ассоциироваться с людьми азиатского происхождения в США.

Чаще всего указываются этнические стереотипы. В рассматриваемой в данной статье книге “NoCity for Slow Men” гонконгский автор Джейсон

Самохина Юлия Валерьевна – старший преподаватель Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Samokhina Yulia Valerievna – Senior Lecturer, Academic Department of the English Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: julia.bekisheva@gmail.com

© Самохина Ю.В., 2021

Энг, описывая способы расслабления, пишет: «У японцев есть их онсэнэ (горячие источники), у индусов – йога, а русские пьют водку и играют на балалайке» [16: с. 38]. Это широко распространенный этнический стереотип, не имеющий ничего общего с реальностью.

Интересен также пример Анны Вежбицкой, которой она описывает в статье про ситуацию с австралийцами англо-саксонского и англо-кельтского происхождения, которым вербальное поведение некоторых иммигрантов кажется странным и непонятным. Например, «...они кричат и визжат, они перебивают других людей, они затевают жаркие споры без видимой причины, они говорят в такой манере, которая воспринимается как резкая, категоричная и надменная, они решительно заявляют о своих идеях и решительно противоречат другим людям и т.д.» [2: с. 137].

Номинации автостереотипов гонконгцев

Что касается гонконгцев, то, если мы наберем в поисковой строке Гугла “Why Hong Kongers are...”, список результатов будет следующим: несчастные (на первом месте), такие грубые, работают без продыху, уродливые и тому подобные. Это может продемонстрировать стереотипное отношение к гонконгцам и их восприятие со стороны иностранцев.

Группа этнических стереотипов делится на автостереотипы и гетеростереотипы. В данной статье важную роль будут играть автостереотипы, поэтому подробнее остановимся на них. «Автостереотипы – это мнения, суждения, оценки, относимые к данной этнической общности ее представителями. Как правило, эмоционально окрашенный, устойчивый собственный образ складывается у народа (этноса). Этнические автостереотипы большей частью содержат комплекс положительных оценок о действительных или воображаемых специфических чертах собственной этнической группы» [12]. Многие авторы рассматривают национальный автостереотип как некий идеализированный образ. Г.Т. Тавадов, например, считает, что «групповые автостереотипы в большинстве случаев позитивны, а гетеростереотипы имеют гораздо более широкий эмоциональный диапазон» [10: с. 241]. Основная задача автостереотипов – это отделение «нас» от «них». Однако М.Г. Лебедько говорит также о том, что человек обращается к этническим стереотипам в мультикультурном контексте в том случае, «когда у него нет достаточного личного опыта общения в контактирующей культуре» [6: с. 73]. И в данном случае на помощь приходят стереотипы.

Данное исследование проводилось на основе книг, написанных на английском языке гонконгскими авторами, такими как Джэйсон Энг [15; 16], Джэнис Ли [14] и Сю Си [13; 19]. Всего в выборке было рассмотрено пять книг и отобрано 340 обра-

щений, при этом из них 30 самоименований и 46 вариантов именовании иностранцев. На основании данного материала автор рассмотрел автостереотипы гонконгцев, а также сделал попытку показать языковую личность жителей Гонконга через изучение обращений и автоэтнонимов (самоименований народа), используемых в книгах данных авторов. Данное исследование основывается на содержательном анализе текста, а также на лингвистическом и сравнительном методах анализа.

Под обращением мы понимаем речевой акт, единицу межкультурной коммуникации, «слово или словосочетание, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь. В выборе обращения большое значение имеют социальный статус коммуникантов, степень их знакомства и близости, социальная дистанция. Обращения культурно обусловлены. <...> В разных языках и культурах в разные периоды имеются свои собственные законы для создания обращений. <...> В азиатских культурах термины родства используются при обращении не только к родственникам, но и к незнакомым людям; в китайской культуре выделяются также нумерологические термины родства» [3: с. 274].

Вслед за К.А. Куриловой мы считаем, что классификация обращений должна включать не только прямые обращения, но и именованья (косвенные обращения) и самоименования, являющиеся важными этикетными знаками в процессе коммуникации. Обращение, именование и самоименование тесно связаны и потому, что в обозначении адресата, адресанта и упоминаемого им лица выражается отношение к другим участникам общения [5: с. 57].

Эта статья является попыткой обрисовать образ среднестатистического гонконгца. И главный пункт, который должен быть упомянут, это, конечно же, самоопределение гонконгцев. Они пытаются защитить свою индивидуальность всеми доступными способами и уделяют огромное внимание своей уникальности и независимости.

Вопрос о самоопределении является для них ключевым пунктом. Как пишет Джэйсон Энг в своей книге, «Наша индивидуальность всегда является поводом для разногласий. Большинство из нас даже не знает, как лучше назвать себя» [16: с. 187]. И это на самом деле так. В изученных в процессе исследования книгах встречались такие самоименования, как *Hong Konger*, *Cantonese people*, *Hong Kong people*, *Hong Kong Chinese*, *Chinese Hong Konger*, *local Chinese* или просто *Chinese*.

Но при этом гонконгцы всегда четко противопоставляют себя китайцам, которых называют *Chinese Mainlanders* или *overseas Chinese*. Это происходит потому, что они боятся, что, потеряв свою индивидуальность, превратятся в обычный китайский город [16: с. 191]. Именно поэтому гонконгцы

пытаются всеми силами дистанцироваться от материкового Китая.

Вопрос самоопределения также влияет на отношение и даже появление предрассудков по отношению к иностранцам, которые для жителей Гонконга не равны. Европейцев, проживающих в городе, гонконгцы скорее назовут экспатами, в то время как филиппинцев и индонезийцев – иммигрантами, причем к ним относятся как к «необразованным и ленивым» [16: с. 216].

Но стоит отметить, что гонконгцы настолько сильно стараются обособить себя от остального мира, что чаще всего называют иностранцев *gweilo* ‘заморский черт’ или даже *foreign devils* [13: с. 50]. Но хуже всего материковым китайцам, потому что предубеждение к ним скорее социальное. В разговорах друг с другом гонконгцы называют их *locustus* ‘саранчой’ (из-за их поведения) или придумывают другие прозвища [16: с. 233]. Чтобы еще сильнее продемонстрировать обособленность своей группы, у гонконгцев есть такое понятие, как ‘те люди’ (*you people*), которое они используют для людей, не входящих в их социальную группу по территориальному признаку. И это является выдающимся примером защиты собственной обособленности.

А как сами гонконгцы воспринимают себя? Как пишет Джэйсон Энг, «...стереотипный житель Гонконга – это ускоренный кролик Energizer, сжимающий в одной руке сумочку от Гуччи, а в другой – последнюю модель смартфона» [16: с. 80]. Гонконгцы гонятся за брендами, потому что для них важны внешние показатели успешности и демонстрация статуса.

Для гонконгских мужчин есть самоназвание – *apartment male*, – которое относится к типичному представителю мужского пола, одному из тех, кто много работает, но при этом плохо разбирается в жизни. При этом на работе его обходят женщины, которые лучше говорят на английском и более внимательны к деталям [15: с. 196]. Типичная же представительница женского пола имеет «синдром принцессы» – думает, что она – центр Вселенной, и требует постоянного внимания и дорогих подарков при любом удобном случае [15: с. 199]. Таковы автостереотипы гонконгцев о самих себе.

Как можно заметить из примеров выше, отношение к уровню английского языка заложено у гонконгцев уже на уровне автостереотипов. Английский язык для них является одним из двух официальных, и гонконгцы считают, что хорошее знание английского поможет им преуспеть в карьере и получить более высокую должность. Поэтому, если вы спросите гонконгца, знает ли он английский язык, он может посчитать это оскорбительным и спросить: «А ты?» [16: с. 50].

Важно отметить также тот факт, что нередко гонконгцы берут себе английские или англосаксонские имена в дополнение к своему китайскому имени, потому что Гонконг – бывшая британская колония, а английский является языком лингва франка в деловом мире, а также в Интернете. Однако иногда вместо традиционных имен гонконгцы берут себе странные прозвища, и можно встретить «респектабельных людей с именами Devil, Mistress или Nitrogen» [16: с. 49]. Кроме этого, можно встретить заимствование японских, итальянских или французских имен, таких как: Suki, Yuko, Giovanni, Jaques [16: с. 50].

Кстати, гонконгцы настолько любят свой город, что могут обратиться к нему как к живому человеку – например, *Dear HK* ‘дорогой Гонконг’.

Гонконг – это город вечного движения, где у жителей нет возможности остановиться и отдохнуть. Если ты останавливаешься, ты выбываешь из гонки. Гонконгцы – настоящие мастера в мультизадачности, и поэтому совершенно не понимают медлительных людей, в частности иностранцев. Про таких они говорят, что они “crawl like ants” ‘ползают как муравьи’ и даже “keep the world from spinning” – ‘мешают миру вращаться’.

Жители Гонконга так же, как и материковые китайцы, имеют традицию разделения в языке именованных родственников по отцовской и материнской линии, например: 1) *Kongkong* – дедушка по материнской линии; 2) *Ye-ye* – дедушка по отцовской линии; 3) *Mah-mah* – бабушка по отцовской линии; 4) *Po-po* – бабушка по материнской линии; 5) *yeeta* – старшая сестра матери. Кроме этого, они стараются следовать традиционному китайскому пути уважения и заботы о старших, однако делать это в современном Гонконге невероятно трудно, особенно принимая во внимание возрастающее число взрослого населения и крайне высокие цены на недвижимость.

Выводы

Вопрос о самоопределении всегда являлся сложным для Гонконга по историческим и политическим причинам. Почти век Гонконг был Британской колонией, а затем суверенитет Гонконга передали Китаю. Но, несмотря на это, а может быть и из-за этих причин жители Гонконга называют себя не китайцами и не британцами, а только гонконгцами, четко отделяя себя от остальных материковых китайцев и всего остального мира.

Гонконгцы – действительно «вещи в себе», они работают до изнеможения, постоянно находятся в движении, чтобы найти свое место в городе, который никогда не спит. Но при этом, несмотря на их погоню за материальными благами, у них сформирована своя, устойчивая культура, которая проявляется не только в их поведении и отношении к

миру, но и проросла в английский язык, сделав его еще одним из мировых вариантов английского – гонконгским вариантом английского языка.

Вслед за Л. Смитом [17: с. 9], З.Г. Прошиной [8; 9] и С.С. Ильиной [4] мы считаем, что английский язык – это средство говорящих на нем представителей всех стран рассказать остальному миру о своей идентичности, культуре, политике, религии и способе жизни. Соответственно, попав в гонконгскую среду, английский язык «как зеркало культуры» [9: с. 14; 11] является отображением различных образов менталитета и мышления народов, живущих в Гонконге. Именно благодаря этому в языке, а в частности в обращениях и самоименованиях, можно увидеть пласт культуры гонконгцев, то, что сохраняет их идентичность и делает непохожими на остальных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев, В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов / В.С. Агеев. – URL: <https://psyfactor.org/lib/stereotype6.htm> (дата обращения: 23.09.2019).
2. Вежбицкая, А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» / А. Вежбицкая // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Деметьев. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 136–159.
3. Жукова, И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина ; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – Москва : Флинта: Наука, 2013. – 629 с.
4. Ильина, С.С. Обращения в сингапурском варианте английского языка / С.С. Ильина. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 209 с.
5. Курилова, К.А. Обращения в современном китайском языке (к вопросу о речевом этикете китайцев) : учебное пособие / К.А. Курилова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 280 с.
6. Лебедько, М.Г. Переход от этнических стереотипов к общей идентичности в мультикультурном контексте / М.Г. Лебедько // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 2 (26). – С. 68–74.
7. Ослон, А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» / А. Ослон // Социальная реальность. – 2005. – № 4. – С. 125–141.
8. Прошина, З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии : монография / З.Г. Прошина. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 474 с.
9. Прошина, З.Г. Варианты и разновидности английского языка / З.Г. Прошина // Язык и культура : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, Россия. 14–17 сентября 2001 г.). – Москва, 2001. – С. 264–265.
10. Тавадов, Г.Т. Этнология : учебник для вузов / Г.Т. Тавадов. – Москва : Проект, 2002. – 352 с.
11. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. – Москва, 2000. – 262 с.
12. Этнические автостереотипы и гетеростереотипы. – URL: <https://arheologija.ru/etnicheskie-avtostereotipy-i-geterostereotipy/> (дата обращения: 12.08.2019).
13. City Voices Hong Kong Writing in English 1945 to the Present / Ed. by Xu Xi and Mike Ingham. – Hong Kong : Hong Kong University Press, 2003. – 402 p.
14. Lee, Y.K. J. The Piano Teacher / Y.K. J. Lee. – Harmondsworth : Penguin, 2009. – 326 p.
15. Ng, J.Y. Hong Kong State of Mind / J.Y. Ng. – Hong Kong : Blacksmith, 2010. – 221 p.
16. Ng, J.Y. No City for Slow Men / J.Y. Ng. – Hong Kong : Blacksmith, 2010. – 269 p.
17. Smith, L. English as an International Language / L. Smith // Readings in English as an International Language / Ed. by Larry E. Smith. – Oxford : Pergamon Press, 1983. – P. 7–12.
18. Stereotype // Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/stereotype> (accessed: 04.10.2019).
19. Xi, Xu. Dear Hong Kong / Xi Xu. – Hong Kong : Penguin, 2017. – 144 p.

СЛОВО И ИНОКУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-156-160

ЮМОР КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ И ЛОКАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК И ИДЕОЛОГИЙ

А.В. Жиганова

А.О. Лалетина

Обилие англицизмов в современном русском языке сопровождается усилением метаязыковой рефлексии обывателей во всех контекстах, в том числе юмористическом. В статье приводится анализ юмористических этюдов, в основе которых лежит столкновение «проглобальной» и «пролокальной» языковых идеологий. Несмотря на противопоставление этих точек зрения на развитие языка, их узнаваемость в юморе выполняет положительную консолидирующую и просветительскую функцию.

Ключевые слова: языковая идеология, русский язык, иностранный язык, англицизмы, юмор, метаязыковая рефлексия, языковая игра.

GLOBAL AND LOCAL LANGUAGE IDEOLOGIES IN HUMOR

A.V. Zhiganova

A.O. Laletina

The influx of Anglicisms into the Russian language over the past three decades has given rise to the Russian speakers' verbalized metalinguistic reflection in multiple contexts, including humorous sketches and performances. We analyze two humorous sketches based on the juxtaposition of "proglobal" and "prolocal" language ideologies. We argue that these ideologies are recognized by the audience, however, despite the polarity of viewpoints, humor consolidates the audience and brings awareness to the social process.

Key words: language ideology, Russian language, foreign language, Anglicisms, humor, metalinguistic reflection, language play.

Влияние глобального английского на локальные коммуникативные практики, а также мощный приток заимствований являются следствием глобализационных процессов и языкового контакта. Параллельное функционирование и взаимодействие языка глобального, английского, и локального языка позволяет говорить о массовом характере современного билингвизма, который присутствует почти во всех странах мира [11: с. 123–124]. Активное использование англицизмов в различных контекстах, как и любое другое динамичное изменение языковой системы, ведет к необходимости реорганизации представлений о языке, что, в свою очередь, порождает обилие метаязыковой рефлексии в речи обывателей. Под метаязыковой рефлексией понимаются «относительно законченные метаязы-

ковые высказывания, содержащие комментарий к употребляемому слову или выражению» [1: с. 8].

По своей функции рефлексивы делятся на коммуникативные и концептуальные. Последние по своему содержанию могут быть социально-оценочными. Виды и функции метаязыковой рефлексии в современном российском обществе описаны достаточно подробно [4; 12; 14]. Авторы отмечают, что оценочное высказывание может быть как положительным, так и отрицательным, как выраженным эксплицитно, так и быть имплицитно. При этом в отечественном языкознании практически отсутствуют работы, рассматривающие организационную структуру представлений о том или ином языковом или коммуникативном процессе [6].

Жиганова Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород).

Zhiganova Anna Vladimirovna – Doctor (Philology), Associate Professor, Department of English and Professional Communication, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod).

E-mail: ann-zhil@yandex.ru

Лалетина Александра Олеговна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород).

Laletina Alexandra Olegovna – Doctor (Philology), Department of English Philology, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod).

E-mail: alaletina@yandex.com

© Жиганова А.В., Лалетина А.О., 2021

Для системного анализа представлений о языке возможно использовать понятие «языковая идеология», которое вслед за К. Вулард и Б. Шифелин понимается как «мост между теорией языка и теорией общества, потому что соединяет коммуникативное действие с политическими и экономическими проявлениями власти» [21: с. 72]. Определение языковых идеологий, или идеологий языка, включает в себя представления, отношения и убеждения относительно языка, которые социальны по своей природе и связаны с его функционированием. Представления о языке обуславливают использование определенных языковых единиц, которые, в свою очередь, формируют и формулируют определенные представления о языке. И языковые формы, и языковые идеологии отражают общественные процессы и, как любые общественные процессы, являются весьма спорными.

Метаязыковая рефлексия и языковая идеология являются понятиями одного порядка, отражающими языковую картину мира, при этом рефлексия – это внешнее проявление представлений, вербализованная манифестация убеждений, в то время как идеология – организованная система представлений о языке, объединенных общим тезисом. Метаязыковые рефлексивы могут фиксировать как положительное, так и отрицательное отношение, например, к заимствованиям или переключению кода, однако языковая идеология организует эти представления в некую систему, например, «проглобальную» (динамичность и неизбежность языковых контактов) или «пролокальную» (необходимость защиты локального языка как способ сохранить свою идентичность). Проглобальная и пролокальная языковые идеологии могут по-разному проявляться в различных контекстах и необязательно разделяются всеми участниками интеракции. Например, участники и жюри музыкального шоу «Голос» в большей степени ориентированы на исполнение песен на английском языке как возможность подчеркнуть свои вокальные данные и показать причастность к мировому музыкальному наследию, в то время как зрители предпочитают песни на русском языке как составляющую локальной идентичности и культурного наследия [15].

Языковая идеология может выражаться в так называемой имплицитной метаязыковой рефлексии, например, когда отрицательное или положительное отношение к языковому явлению включается в коннотацию слова: «пиар», «агрессивный», «позитивный» [5; 7]. Шуточное обыгрывание заимствований, характерное для билингвальной языковой игры [19; 20], например «Наша Russia!», широко используется в сфере развлечений для создания общего идеологического фона, ассоциирующегося с молодежной аудиторией, стремительностью и динамизмом современной повседневности.

Материалом настоящего исследования послужили две сценические зарисовки юмористического жанра популярных телепередач «Уральские пельмени» [13] и «Камеди клуб» [2]. Сюжетной основой зарисовок является профессиональная дискуссия: собрание комитета по поводу замены («импортозамещения») ряда иностранных слов русскими и решение организационных вопросов по хозяйственной части в коммерческой организации.

Выбор юмористических зарисовок обусловлен их обращенностью к актуальным общественно значимым темам, затрагивающим, в том числе, и вопросы метаязыковой рефлексии. Юмор представляет собой «одно из существенных оснований для личностно-экзистенциального и общественного самоопределения в ситуации ценностно-нормативной неопределенности» и служит для реализации таких значимых функций, как аксиологическая и прагматическая [8: с. 1–2]. Лингвистической основой юмора является сочетание несочетаемого, психологической – эффект обманутого ожидания. Языковая игра как один из наиболее ярких юмористических приемов способствует осмыслению лингвистических процессов в положительном ключе, «переводя речевую (и соответственно социокультурную реальность) в игровую плоскость» [9: с. 8].

Работа над материалом состояла в расшифровке двух видеофрагментов с последующим выявлением заимствований, определением их частотности в национальном корпусе русского языка, выделением синонимов и проведением морфологического и стилистического анализа отобранных единиц.

Проанализированные видеофрагменты иллюстрируют столкновение противоположных идеологий о языке в двух аспектах: с точки зрения их стилистики и восприятия народом, с одной стороны, и как компонента конструирования профессиональной и социальной идентичности, с другой.

Сюжетная зарисовка «Уральских пельменей» посвящена попытке произвести «импортозамещение» иностранных слов – найти подходящую замену наиболее частотным англицизмам в ответ на санкции Евросоюза. Сотрудники комитета в ходе совещания обозначают те заимствования, которые, с их точки зрения, представляют наибольшую угрозу, и подбирают русскоязычные синонимы, чтобы впоследствии внедрять эти эквиваленты в обиход: «Эти их "крейзи" мы как раз должны раздавить бульдозером русского языка». Наиболее яркими раздражителями оказываются лексические единицы, относящиеся к сфере современных технологий, профессиональной деятельности, экономики.

Так, обыгрывается слово «менеджер», которое употребляется для обозначения широкого спектра работ и носит отрицательную коннотацию, по мнению участников встречи. Поскольку менеджеры в

понимании народа «предлагают всякое ненужное», то «*втюхиватель* по продажам» рассматривается как равнозначный синоним «менеджера по продажам». Взамен «гаджетов» и «планшетов» следует говорить «*залипоны*», а вариация «залипад» основана на игре и смешении слов «залипать» и «айпад».

Синонимы, которые предлагают участники дискуссии, образованы по продуктивным словообразовательным моделям русского языка, например, с использованием суффикса «-ник» («*бродильник*» («гипермаркет»), «*кабальник*» («кредитка»), «*деньрожденник*», «*забывальник*» («пин-код») «*токупальник*» («портмоне»)) или сложением основ («*деньгоплюв*» («банкомат»), «*себяфотка*», «*себялюбка*», «*самоцёлк*» («селфи»), «*бокосвисальня*» («фастфуд»), «*лапосос*» («дефолт»)). Комичность номера создается посредством противопоставления нейтральных, универсальных терминов и их эмоционально окрашенных русскоязычных эквивалентов, отражающих истинный, скрытый смысл этих понятий. Как отмечает комитет, выражение «*палка-самоцёлка*» (как замена «селфи-палки») звучит очень по-русски, как «скатерть-самобранка». Предлагаемые русскоязычные синонимы стилистически ярко окрашены и вызывают эмоциональный отклик как у участников обсуждения, так и у зрителей также в силу того, что эмоциональная связь с родным языком, как правило, сильнее, чем с иностранным [18: с. 201].

Некоторые предложенные языковые единицы требуют специального пояснения: «*вошки*» вместо «лайков» образованы от слова «во» (жест одобрения). Омонимичность данного неологизма с уменьшительно-ласкательным вариантом лексемы «вошь» усиливает юмористический эффект эпизода: «Вчера Елена Степановна оставила под Витиным *самоцёлком* свою *вошку*».

Отдельного внимания заслуживает англицизм «*крейзи*» (crazy), так как попытка подобрать синоним, в полной мере отражающий аксиологические коннотации данного слова, оказывается настоящим вызовом для собеседников: «Я хотел "*крейзи*", конечно, сказать, но "*крейзи*" же нельзя, Вы сами сказали». Эквиваленты, предлагаемые одним из героев эпизода Симаковым, звучат оскорбительно для руководителя: «Симаков, Вы как-то обидно импортозамещаете!» / «Симаков, Вы сейчас "*крейзи*", надеюсь, хотели сказать?»

Кроме того, итог совещания в целом свидетельствует о том, что данный подход не решает проблему, а только затрудняет понимание текста, который невозможно понять без дополнительных пояснений: «Все россияне возьмут свои *кабальники*, снимут рубли в *деньгоплювах*, пойдут в *бродильник*, купят отечественных *залипонов*, наделают *самоцёлков* и наставят друг другу *вошек*. И никакой *лапосос* нам не страшен».

Таким образом, неприятие засилья англицизмов в русском языке на современном этапе, с одной стороны, сталкивается с невозможностью адекватной замены новейших заимствований русскоязычными эквивалентами.

Видеофрагмент шоу «Камеди клуб» также представляет собой совещание, но несколько другого плана. Участники дискуссии являются сотрудниками типичной современной коммерческой организации и, в отличие от комитета из «Уральских пельменей», не пытаются избавиться от англицизмов, а наоборот, неосознанно используют их в речи. Комизм сценки состоит в том, что данная лексика употребляется ими при решении простого, не требующего обсуждения действия относительно способа размещения таблички на двери. В этой связи неуместно и странно звучат такие выражения, как «*консолидироваться десижн-мейкерам*, организовать *локальные брейн-сторминги*, провести *брифинг* со всеми *департаментами*, учитывая все *андейты* и *дедлайны*» (decision-makers, brain storming, briefing, updates, deadlines), «скоординировать наших *лид-менеджеров* по вопросам *дверного нейминга*» (lead managers, naming).

В речи собеседников постоянно возникает смешение кодов английского и русского языков: «*Мессидж* нашего *дисижна* состоит в том, что мы хотим избежать *фейловости* этого самого *дисижна*, чтобы не было никакого негативного *бэкграунда*» (message, decision, fail, background). Недоумение вызывает не только неоправданная замена русских слов иностранными, но и те шаги, которые требуется совершить для принятия несложного решения, например, «перед *лэндингом* таблички *инициализировать фидбэк* от нашего офиса» (landing, feedback).

Тем не менее собравшиеся называют данную процедуру «*смарт-задачей*» и предлагают целый ряд действий: «Наш *ассистант менеджер закупаем* сегодняшний *департамент митинг*, где будут отражены все сегодняшние озвученные *биг айдиа*, и он скинет это в *линке* в телеписьма или в *аттаче*» (assistant manager, copy and paste, department meeting, big idea, link, attach). / «Я как глава департамента *медиа и диджитал промоушена* подготовил презентацию в *ки ноте*» (media and digital promotion, Keynote). / «Я создал телеграм-канал, потому что сервисы *вотсапа* слишком слабые, а у телеграма прокси-серверы – *биг дата*, поэтому всё будет *сейфти* и будет всё *изи*» (WhatsApp, big data, safety, easy).

Как видно из приведенных примеров, англоязычные заимствования включаются в русский текст по принципам транскрипции и русской огласовки. При этом наблюдается две тенденции. С одной стороны, присутствует следование нормам английского языка и использование фраз, построен-

ных по принципу номинативного управления (существительное + существительное), нетипичных для русского языка: «*десижн-мейкинг* система» (decision-making), «это противоречит нашей *метал-фри философии*» (metal free philosophy), «эта *инициатив* просто *бриллиант*» (initiative, brilliant). С другой стороны, к некоторым англицизмам добавляются русскоязычные аффиксы, и смена кода происходит на уровне морфем, глаголы спрягаются, а существительные склоняются: «*апрувить*» (approve), «*зааксептить*» (accept), «мы будем держать этот вопрос на *холде*» (on hold).

Реплики-реакции «*ту мач*» (too much) и «*вай?*» (why?), которые не закрывают языковые лакуны, а являются коммуникативными заимствованиями-дублетами русских слов, подчёркивают, что переключение кода несет смысловую нагрузку по маркированию идентичности [3], а использование английского языка является частью сформированной коммуникативной практики сотрудников современных организаций [17].

Конфликт в данной ситуации реализуется через присутствие человека из народа, «завхоза», который ждёт инструкций по прикреплению таблички, но не понимает, о чем идет речь. В частности, он не реагирует на обращение к себе как к «*саплай менеджеру*» (supply manager) и периодически просит начальство говорить более понятным языком: «Я завхоз». / «Вы можете взять русские буквы и сделать русское слово?» / «Вы говорите какими-то словами из Икеи!» / «Что это за система?» / «Вы что делаете? Вы что, издеваетесь надо мной?» / «Я русский человек, я в школе учил английский. Какой мне надо было выучить язык, чтобы вас понимать?»

Данный монолог представляет собой развернутый пример метаязыковой рефлексии о явлении заимствования и более широких процессах повседневности. Упоминание шведского мебельного магазина ИКЕА, в котором все модели мебели носят шведские названия, отражает, во-первых, непривычность для русского уха «чужих» слов и, во-вторых, подчеркивает популярность и узнаваемость данной коммуникативной проблемы. В другой реплике используется языковой приём морфологического обыгрывания заимствований, которые при сохранении иноязычного корня приобретают русскую морфологическую структуру. При этом сохраняется наивность, или обывательская природа, представлений о языке, что слова состоят из букв.

Обращение к национальному корпусу русского языка [10] показывает, что лексема «менеджер» (1314 вхождений) является более частотной, чем «завхоз» (523 вхождения), причём в период с 2010 г. по настоящий момент наблюдается постепенный выход слова «завхоз» из употребления.

Парадоксально, что на протяжении разговора на замечания завхоза остальные присутствующие отвечают коммуникативными формулами, недавно пришедшими в русский язык и характерными для общения в коммерческой среде: «Я Вас услышал» / «Вы были услышаны». Но данная фраза носит лишь формальный характер, и непонимание нарастает к концу сценки, в связи с чем сотрудники приходят к следующему выводу: «Просто *юнит* не из нашего *комьюнити*» (unit, community). Таким образом, англицизмы являются элементом конструирования идентичности, трансляции современных ценностей и принципов профессиональной коммуникации в российском офисе международной компании [6; 16].

Оба видеосюжета демонстрируют столкновение двух идеологий: отторжение англицизмов в русском языке большей частью населения и намеренное внедрение их в речь сотрудниками современных организаций.

С одной стороны, идеология чистоты языка поддерживает постулат о минимизации нововведений/заимствований в локальном языке. С другой стороны, проглобализационная идеология исходит из тезиса о том, что заимствованные концепты глобальной экономики не равны локальным аналогам. Живая и бурная реакция аудитории (аплодисменты, смех в зале) свидетельствует об узнавании данных идеологических позиций: прорусской, или пролокальной, с одной стороны (заимствований много, заимствования непонятны), и проглобальной, с другой стороны (заимствования заполняют лакуны, русские аналоги эмоциональны). Примечательно, что столкновение данных идеологических позиций в юмористическом жанре не создает конфликта среди аудитории, а напротив, играет консолидирующую роль. Вынося конфликт на сцену, исполнители, таким образом, ведут просветительскую работу, так как повышают осознанность социальной природы конфликта вокруг происходящих в языке изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вепрева, И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – Москва : ОЛМА-Пресс, 2005. – 377 с.
2. Все резиденты Comedy Club – Важное совещание. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=nm5G-1Et0LE&feature=emb_title (дата обращения: 05.01.2021).
3. Жиганова, А.В. Переключение языкового кода как средство конструирования социальной идентичности / А.В. Жиганова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 18. – С. 19–26.
4. Иванников, Е.Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву / Е.Б. Иванников // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 1 (55). – С. 337–347.

5. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз. – Москва : Знак, 2008. – 232 с.
6. Лалетина, А.О. Глобализация и идеологии языка в современной России: анализ метаязыковой рефлексии в профессиональной сфере / А.О. Лалетина // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 15. – С. 56–65.
7. Левонтина, И.Б. Русский со словарем / И.Б. Левонтина. – Москва : Азбуковник, 2010. – 364 с.
8. Мусийчук, М.В. Юмор на грани или грани современного юмора в современных социально-коммуникативных процессах / М.В. Мусийчук // Мир науки: Социология, филология, культурология. – 2018. – № 3. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/03SCSK318.pdf> (дата обращения: 05.01.2021).
9. Мусийчук, М.В. Функции юмора в языковой игре как основа развития интеллектуальной активности личности / М.В. Мусийчук, А.П. Павлов // Мир науки. – 2016. – Т. 4, № 2. – URL: <http://mir-nauki.com/PDF/06PDMN216.pdf> (дата обращения: 05.01.2021).
10. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 05.01.2021).
11. Прошина, З.Г. Дистинктивные признаки вариантов английского языка, неродного для его пользователей / З.Г. Прошина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 3 (56). – С. 123–128.
12. Ривлина, А.А. Языковой контакт в «наивном» метаязыковом отражении (на материале взаимодействия современного русского языка с английским) / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 4 (32). – С. 85–90.
13. Уральские пельмени. Импортзамещение слов. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=Etkj8huA_F4 (дата обращения: 05.01.2021).
14. Хоригути, Д. Метаязыковая рефлексия в зеркале префиксации заимствованных глаголов в русском языке / Д. Хоригути // Стылістыка: мова, маўленне і тэкст. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – С. 306–312.
15. Aleshinskaya, E. Language Practices and Language Ideologies in the Popular Music TV Show “The Voice Russia” / E. Aleshinskaya, E. Gritsenko // Language & Communication. – 2017. – № 52. – 45–59.
16. Gritsenko, E.S. English as a Meaning-making Resource in Russian-based Professional Communication / E.S. Gritsenko // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2016. – Vol. 236. – P. 174–180.
17. Gritsenko, E. English in the International Workplace in Russia / E. Gritsenko, A. Laletina // World Englishes. – 2016. – Vol. 35, № 3. – P. 440–456.
18. Pavlenko, A. ‘Stop Doing That, Ia Komu Skazala!’: Language Choice and Emotions in Parent/Child Communication / A. Pavlenko // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2004. – Vol. 25, № 2 & 3. – P. 179–203.
19. Rivlina, A. Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play / A. Rivlina // World Englishes. – 2015. – Vol. 34, № 3. – P. 436–455.
20. Rivlina, A.A. Russian English and what it is not / A. Rivlina // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – Vol. 24, № 3. – P. 649–668.
21. Woolard, K.A. Language Ideology / K.A. Woolard, B.B. Schieffelin // Annual Review of Anthropology. – 1994. – Vol. 23. – P. 55–82.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-161-165

ВЛАДИВОСТОК КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ЛОКУС В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

Е.М. Бутенина

Топоним «Владивосток» – эксцентрический город «на краю» культурного пространства в терминологии Ю.М. Лотмана – рассматривается как локус перехода (в прямом и переносном смысле) на материале рассказов Сомерсета Моэма и Мориса Кеннеди, а также романа Уильяма Джерхарди «Тщета». Для Владивостока (как и для Петербурга, уроженцы которого основали тихоокеанский форт и стали его первыми жителями) ключевыми «топографическими индексами» (термин В.Н. Топорова) служат вокзал и мосты. В аспекте переходности важны и различные досуговые заведения (рестораны, театры, клубы), поскольку они также маркируют бытование вне дома. Помимо культурных объектов значим природный локус моря, разделяющего, но и соединяющего дальние точки суши.

В статье делается вывод, что именно после романа У. Джерхарди Владивосток вошел в англоязычное литературное сознание как некий далекий, практически недостижимый топос несбывшихся надежд, поскольку в такой роли он выступает, например, в одноименном рассказе ирландца М. Кеннеди. Все расширяющийся ареал изучения городских текстов позволяет открывать новые страницы в русской и зарубежной литературе. Особый потенциал в этом аспекте у «эксцентрических» приморских городов – Петербурга, Владивостока, Нью-Йорка, – поскольку морские выходы изначально определяли их мультикультурный облик и особое ощущение места, которое, конечно, не исчерпывается возможностью перехода, обозначающего лишь одну из многих граней локусов «на краю».

Ключевые слова: топоним-символ, эксцентрический город, топографический индекс, С. Моэм, М. Кеннеди, У. Джерхарди, культурный трансфер.

VLADIVOSTOK AS A TRANSFER LOCUS IN ENGLISH FICTION

Е.М. Butenina

The paper discusses Vladivostok – “an eccentric city on the edge of cultural space”, in Yuri Lotman’s terms – as a locus of intercultural transfers (both in direct and indirect sense) in Somerset Maugham’s and Maurice Kennedy’s short stories as well as in William Gerhardt’s “novel on Russian themes” *Futility*. For Vladivostok (as for St. Petersburg whose natives founded the Pacific fort and became its first residents), railway stations and bridges are the key “topographic indices”, in Vladimir Toporov’s terms. For the transfer aspect various leisure institutions (restaurants, theatres, clubs) are also important as they mark existence outside home. Besides these cultural facilities, the locus of sea is important as it both divides and connects distant land locations.

The paper argues that after Gerhardt’s novel Vladivostok entered English literary consciousness as a distant, practically unreachable topos of unfulfilled dreams. At least, this is the city’s function in the Irish author Maurice Kennedy’s short story titled “Vladivostok”. The expanding circle of city texts in cultural studies enables to discover new pages in literature. The “eccentric” marine cities such as St. Petersburg, Vladivostok, or New York have a special potential for such studies, since the sea routes initially determined their multicultural identity and a unique location sense for which the transfer possibility is just one of the many facets.

Key words: symbolic toponym, eccentric city, topographic index, S. Maugham, M. Kennedy, W. Gerhardt, cultural transfer.

Что это за слово, «Владивосток»? Что оно значит? Я его знал когда-то, и связано оно с большой страной. По-моему, она называется Россия.

Ян Флеминг. «Живешь лишь дважды»

Вопросом «Что это за слово, "Владивосток"?» задавался не только герой Яна Флеминга, пытаясь преодолеть амнезию и собираясь для этого отправиться из Японии в Россию. Город на перекрестке Европы и Азии встречается в прозе еще как минимум трех англоязычных писателей XX в. и играет в ней роль локуса межкультурного перехода (в прямом и переносном смысле). По Ю.М. Лотману,

Владивосток (как и Петербург, уроженцы которого основали тихоокеанский форт и стали его первыми жителями) можно назвать эксцентрическим городом, поскольку он «расположен "на краю" культурного пространства: на берегу моря» [8: с. 31]. Согласно наблюдениям В.Н. Топорова в числе ключевых «топографических индексов» Петербурга – вокзалы и мосты, и последние определяют «ко-

Бутенина Евгения Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Butenina Evgeniya Mikhailovna – Doctor of Philology (Habil.), Professor, Linguistics and Intercultural Communication Department, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: butenina.em@dvfu.ru

© Бутенина Е.М., 2021

эффицент "прерывности" – "непрерывности", или "разъединенности" – "слитности" (соотношение пространств, внутри которых коммуникация совершается легко, во всяком случае беспрепятственно, из улицы в улицу, к пространствам, достижение которых из данного связано с затруднениями)» [12: с. 40].

Для Владивостока как для символического топонома – точки перехода в англоязычной прозе вокзал и мосты также играют значимую роль, но важны и различные досуговые заведения (рестораны, театры, клубы), поскольку они тоже маркируют бытование вне дома. Помимо культурных объектов важен природный локус моря, разделяющего, но и соединяющего дальние точки суши. Все эти аспекты создания городского топоса рассматриваются на материале прозы англичан Сомерсета Моэма и Уильяма Джерхарди, а также ирландца Мориса Кеннеди.

Сомерсет Моэм (1874–1965), как известно, некоторое время был агентом британской разведки и с августа по ноябрь 1917 г. находился с секретной миссией в Петрограде, куда добрался поездом из Владивостока. В приморский порт писатель прибыл на пароходе из Йокогамы [19: с. 122]. Этот путь в тот же период повторяют, по крайней мере, два его героя: первоначальный повествователь в рассказе «Сон» ("The Dream", 1924) и Эшенден в рассказе «Белье мистера Харрингтона» ("Mr. Harrington's Washing"), завершающем сборник «Эшенден: Или тайный агент» (*Ashenden: Or the British Agent*, 1927).

Рассказчик «Сна» планирует отправиться в Петроград на Транссибирском экспрессе и обедает в вокзальном ресторане Владивостока, где подсаживается к малопривлекательному внешне человеку, чье лицо, однако, «его заинтересовало». Вскоре незнакомец, оказавшийся русским, излагает рассказчику историю о кошмаре, который преследовал его жену: ей снилось, что муж сбрасывает ее с площадки верхнего этажа в лестничный колодец. С того дня незнакомец не мог избавиться от мысли, как легко было бы совершить это преступление. Свое повествование он завершает фразой: «По странному стечению обстоятельств, она была найдена однажды ночью у подножья лестницы. Сломала себе шею» [9: с. 367] и хищно накидывается на принесенное мясо. Рассказчик признается, что до сих пор не может понять, была ли эта история злой шуткой или признанием в убийстве. Моэм начинает знакомство с Россией своего автобиографического героя с вокзала, традиционного для неожиданных откровений топоса, и первый же встреченный им русский оказывается возможным убийцей, в отличие от героя Достоевского, не испытывающим никаких мук раскаяния.

Рассказ «Белье мистера Харрингтона» начинается с прибытия во Владивосток агента Эшендена – сдержанного, ироничного и желающего испытать свои силы в хитросплетениях внешней политики.

Увидев «низкий берег и белый город», герой, вопреки ситуации в пункте назначения, «почувствовал приятное волнение». Его знакомство с русскими также состоялось на вокзальном перроне, где толпы пассажиров пытались отвоевать себе место в поезде: «Свет вокзальных ламп был тускло холодным, и белые лица этих людей были как белые лица мертвецов, терпеливо или с боязнью, с отчаянием или с раскаянием ждущих приговора в Судный день» [9: с. 153]. В отличие от русских классиков Моэм не развивает тему страдания, сразу же после этого наблюдения вводя трагикомическую фигуру заглавного героя, американца мистера Харрингтона, готового биться за свои права в любых обстоятельствах, что и приводит его к печальному финалу в охваченном революцией Петрограде (подробнее об этом см.: [10]).

В прозе Моэма Владивосток представлен только топографическим индексом вокзала, что наделяет топоним характеристикой транзитности, но лишь намечает ее драматичность. Дополнительные качества название города обретает в прозе петербургского англичанина Уильяма Джерхарди (1895–1977), автора первой англоязычной монографии о Чехове (*Anton Chekhov: A Critical Study*, 1923). Джерхарди вырос в России, покинул ее с дипломатическим корпусом в 1918 г. (подробнее об этом см.: [7]), но в 1919 г. приехал во Владивосток для работы в Британской военной миссии. В мае 1920 г. он отправился в Англию, прибыл туда в августе [13; 15: с. 152–153] и вскоре описал этот путь в трагикомическом романе «Полиглоты» (*The Polyglots*, 1925) [4; 16].

Пребывание в Петрограде и Владивостоке писатель отразил в своем литературном дебюте, «романе на русские темы» «Тщета» (*Futility: A Novel on Russian Themes*, 1922 [14]). Дебют был высоко оценен писателями-современниками: в первом русском издании романа (переведенного уроженцем Владивостока Максимом Немцовым [5]) приводятся восторженные отзывы Кэтрин Мэнсфилд, Герберта Уэллса, Грэма Грина, Ивлины Во, Арнольда Беннетта, Чарльза П. Сноу (однако во второй половине XX в. Джерхарди был незаслуженно забыт, и сейчас исследователи прикладывают усилия, чтобы возродить интерес к его творчеству [17]). Текст предваряет предисловие Эдит Уортон к первому американскому изданию, в котором писательница объясняет уникальность романа Джерхарди: автор принадлежит двум культурам, о которых пишет, поэтому может «сочувствовать обеим, и изображать их для нас так, как они сами друг друга видят» [5: с. 10].

Джерхарди наполняет повествование чеховскими аллюзиями, порой самоиронично-нарочито. Первая часть романа называется «Три сестры», и в ней рассказчик, русский англичанин, которого называют Андрей Андреич, знакомится с дочерьми

петербургского промышленника Николая Васильевича Бурсанова Соней, Ниной и Верой. История безответной любви рассказчика к Нине составит основу сюжета, но, несмотря на драматизм и даже трагичность описываемых событий, из-за обилия фарсовых элементов роман можно назвать комедией в чеховском смысле.

Когда Николай Васильевич решает разобраться с делами своих полумифических золотых приисков в Сибири, он вместе с семьей едет во Владивосток, который все они вскоре покинут навсегда, отправляясь в эмиграцию. Автобиографические герои Мозма пересекают Россию с востока на запад и затем благополучно возвращаются домой, как и сам автор. Русские герои Джерхарди совершают путь с запада на восток, и конечный пункт Транссибирской магистрали становится для них точкой исхода через Китай, как и для многих их соотечественников, поэтому их путь домой несравнимо драматичнее.

Однако некоторое время герои Джерхарди проводят в точке перехода. Надо отметить, что Владивосток начала XX в. вызывал восхищение путешественников. Так, авторы изданного в 1914 г. иллюстрированного сборника «Азиатская Россия» писали: «Наконец чисто европейским портовым городом представляется русская твердыня на берегах Восточного океана – Владивосток, не без основания называемый Тихоокеанским Константинополем¹ <...> В архитектурном отношении многие городские постройки могут удовлетворить самого строго ценителя. Густая телефонная сеть, электрический трамвай, замощенные большей частью улицы, электрическое освещение, богатые магазины, несколько театров, садов, памятники адмиралам Невельскому и Завойко <...> – все это напоминает столицу» [1: с. 312]. Конечно, с 1914 г. город постепенно утрачивал свою привлекательность. Тем не менее второе десятилетие XX в. остается уникальным периодом в истории Владивостока. Спасаясь от войн и революций, сюда добирались представители творческой интеллигенции из разных регионов России, в том числе из столиц, и, несмотря на тяжелые времена, в городе нередко проводились различные культурные мероприятия.

Рассказчик Джерхарди замечает, что его «путанные воспоминания о Сибири² возвращаются, в основном, чередой танцев, ужинов, концертов, садовых приемов, регулируемых климатом и временем года» [5: с. 77] и наиболее подробно описывает до-

вольно колоритные танцы, которые посещали его герои. «Русские танцы» проводились в «Зеленой гимназии», созданной в начале XX в. для обучения девочек. Демонстрируя независимость нрава, три сестры – «каждую вел какой-нибудь офицер союзников» – «танцевали фокстрот вопреки всему собранию» [5: с. 75]. Помимо русских танцев проводились и англо-американские «у адмирала». Хаос, царивший повсюду, на этом мероприятии отразился в одновременной игре двух джазовых ансамблей: гавайский струнный «подрагивал томным жалобным вальсом», а духовой оркестр «едва ли не вышибал искры, то и дело разражаясь опьяняющим уанстепом» [5: с. 77].

После танцев у адмирала семья Бурсановых отправилась «в концерт», где «оркестр изрыгал жалобные ноты знакомого чехословацкого марша», а затем давали увертюру к «Тангейзеру» [5: с. 82]. Выбор музыкальных номеров, очевидно, – дань чешским союзникам и многочисленной немецкой диаспоре, жившей во Владивостоке в начале XX в. Кроме того, рассказчик отмечает присутствие в ложах высокопоставленных лиц других иностранных армий, что отражает мультикультурное городское сообщество того периода.

Однако во время всех этих развлечений «на заднем плане сгушались тучи политической обстановки» [5: с. 77]. Посещение некоторых заведений в это смутное время внезапно оказалось под запретом для русских офицеров. Так, генералу Белогоевскому, чтобы не быть изгнанным из популярного ресторана «Золотой Рог», пришлось закрыть свои погоны английским макинтошем, символически воплотившим ненадежную защиту союзников [5: с. 64].

Но подобные ограничения, конечно, совершенно незначительны на фоне боевых действий, в которых гибли люди. Описание вооруженных противостояний во Владивостоке Джерхарди сосредоточивает вокруг вокзала, к которому прилегает железнодорожный мост. Так, он описывает мятеж в ноябре 1919 г. под предводительством чешского генерала Радолы Гайды, перешедшего на сторону большевиков: на здание вокзала наступали гайдовцы, а защищали его юнкера из школы на Русском острове, проходившие обучение у англичан. Писатель выделяет «одного бесстрашного юнкера в британском хаки», который лежал на виадуке «полностью на виду и трещал из пулемета; потом затих». После боя вокзал и площадь перед ним были завалены убитыми [5: с. 103–104]. Так, исход по привычным локусам стал невозможен, а «коэффициент разъединенности пространства», по Топорову, достиг предела, как и в описанном в первой части романа Петрограде.

Ключевой природный топос, связывающий Петроград и Владивосток в «Тщете», – это, конечно,

¹ Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский приказал основать военный пост Владивосток в бухте, которую предложить назвать Золотой Рог из-за ее сходства с одноименной бухтой в Стамбуле (до 1930 г. Константинополь).

² Джерхарди синонимически использует названия «Дальний Восток» и «Сибирь», что характерно и для современных носителей английского языка.

море. Роман начинается с того, что Андрей Андреевич провожает в эмиграцию корабль с семьей Бурсановых и решает рассказать свою историю с самого начала. Их знакомство состоялось в «приморском поселке в десяти верстах от Петербурга» на даче Бурсановых – «деревянном строении, висевшем над самым морем» [5: с. 12]. Локус «над морем» – довольно уязвимое положение на краю суши – встречается еще раз в конце романа, когда рассказчик и Нина гуляют по центру Владивостока: «Мы прошли по Алеутской, купавшейся в солнце, свернули на Светланскую и забрели в сад, нависавший над морем» [5: с. 136].

Хотя даже в конце повествования у героев случались приятные прогулки «вдоль моря, залитого солнцем» [5: с. 118], но в целом символика водной стихии созвучна тревожному времени перемен. Даже срединная точка пути героев с запада на восток – «хрустальное море» Байкала – ненадолго дала им ощущение гармонии «странного света, стеклянистой воды, снега, елей и безупречного покоя»: вскоре «на всю эту безмятежность красоты налетел страшный и яростный шторм и принялся хлестать огромные волны в чернильной тьме ночи» [5: с. 87]. Море служит важным источником метафоры Джерхарди: фразу «бескрайнее море русской жизни, казалось, смыкается надо мной» его герой повторяет дважды, в начале и в конце романа [5: с. 12, 105], настолько точно она отражает его состояние. На последней странице истории рассказчика «захлестывало море горести» [5: с. 144].

Хотя главный герой нередко описывает общее состояние «полнейшей безысходности» и «черного отчаяния» и собственные приступы тоски и горести, все же молодость позволяет ему и замечать красоту окружающего мира, и думать о своей любви с примесью самоиронии. Он не раз называет себя Тристаном, который покинул возлюбленную, уехав в Англию, но все же вернулся во Владивосток и в нетерпении «кинулся по знакомым улицам, изгибам, поворотам к их дому» [5: с. 134] (холмистый ландшафт города тоже играет свою роль в повествовании, отражая перепады настроений и отношений героев). Однако Изольда не бросилась в объятия Тристана, а лишь сообщила, что обзавелась кенаром и называет его «Андрей Андреевичем», потому что в нем тоже есть «что-то несолидное» [5: с. 136]. Подобное признание неизбежно предвещало расставание навсегда, которое и произошло через несколько дней.

Вероятнее всего, именно после романа Джерхарди Владивосток вошел в англоязычное литературное сознание как некий далекий, практически недостижимый топос несбывшихся надежд. По крайней мере, именно в такой роли Владивосток выступает в одноименном рассказе ирландца Мориса Кеннеди (1924–1992). Как замечает автор за-

метки в «Айриш таймс», в год выхода в 1954 г. рассказ «вызвал сенсацию» и многократно включался в различные антологии. Символично, что посмертно изданный вдовой писателя сборник прозы Кеннеди называется «Путь во Владивосток» (*The Way to Vladivostok*, 2000). В предисловии к сборнику, к сожалению, вышедшему малым тиражом и практически недоступному зарубежному читателю, критик Августин Мартин говорил о немалом значении Кеннеди для ирландской литературы XX в. и о чеховском характере его дарования [20].

Действие рассказа Кеннеди происходит в небольшом приморском городке; никаких названий, кроме заглавного Владивостока и трех сибирских городов, автор не упоминает. Главные герои – девятнадцатилетний застенчивый Джо Уолш и юная, но более умудренная жизненным опытом Айрис (на фабрике, где она работает, случилась авария, и девушка решила провести неожиданные выходные у моря) – знакомятся на побережье и спустя пару дней расстаются, скорее всего, навсегда. На прощание, уже на вокзале Айрис рассказывает Джо историю о русском солдате и русской девушке, отправившихся из Москвы по Транссибирской магистрали в пустом вагоне. Героиня Кеннеди в несколько раз увеличивает продолжительность пути через Россию, и он становится эпически бесконечным. При этом персонажи истории ведут гротескный диалог: «через две недели» путешествия, когда они «были в какой-то глуши», солдат замечает, что в вагоне холодно. Еще через две недели, в Омске, спутница соглашается с ним. Через неделю, в Томске, солдат интересуется, не закрыть ли окно. Еще неделя в пути, и в Иркутске он получает утвердительный ответ. Спустя две недели, когда им «остается три недели до Владивостока», солдат встает и восклицает: «Хватит этой любовной болтовни!». Айрис без улыбки смотрит на Джо и заканчивает: «Они поженились во Владивостоке и с тех пор жили несчастливо. Правда, милая история?» [18: с. 273–274].

Ответ Джо заглушает предотъездный шум паровоза, но Айрис успевает сказать: «Хватит этой любовной болтовни. Я не вернусь. Я уезжаю во Владивосток утром. Ты опоздал на поезд» [18: с. 274]. Героиня Кеннеди со всем максимализмом молодости дает отповедь своему случайному знакомому за их несостоявшуюся историю любви, в которой, по ее мнению, не должно быть затянувшихся пауз, иначе конечным пунктом станет совместное несчастье. Город, по отношению к Ирландии находящийся на краю света, в рассказе ирландского писателя играет роль метафорического перехода от романтического ожидания к разочарованию.

В рассказах Сомерсета Моэма и Мориса Кеннеди Владивосток связан с топосом вокзала, поэтому буквально или символически маркирует момент

трансфера не только из одной точки пространства в другую, но и из одного этапа жизни в другой. В романе Джерхарди город изображен более подробно, пребывание в нем героев не лишено светлых моментов, но, учитывая описываемые времена, он также становится местом исхода и прощания. В отношении Уильяма Джерхарди можно согласиться с наблюдением Т.Г. Теличко о том, что он был в числе англичан, для «которых Россия реальная оказалась не менее интересной, чем Россия художественная», и они «не удовлетворились ролью ироничного наблюдателя и бесстрастного исследователя. Погрузившись в русский космос, они безоглядно и безгранично приняли боль и радость этой страны» [11: с. 163].

Джерхарди, назвавший Владивосток «дальневосточным Парижем» [5: с. 143], одновременно поэтизирует и конкретизирует город, вводя в англоязычный художественный дискурс некоторые урбанонимы: названия улиц Алеутской и Светланской, ресторана «Золотой Рог», женской «Зеленой гимназии». Тональность описания им Владивостока значительно отличается, например, от автобиографического романа потомка русских эмигрантов Жозефа Кесселя «Смутные времена. Владивосток 1918–1919 гг.» (*Les temps sauvages*, 1975). Для рассказчика Кесселя город сужен до ночного клуба «Аквариум», упомянутого десятки раз [6]. Джерхарди (1895–1977) и Кессель (1898–1979) – практически ровесники, оба находились во Владивостоке на военной службе примерно в одно время, но первый написал об этом сразу по возвращении на родину, а второй – более полувека спустя. Конечно, не только поэтому «Тщета» – по-чеховски тонкий и печальный роман о несостоявшейся любви, а «Смутные времена» – авантюрно-мелодраматическая история и причудливая попытка соединить Стивенсона и Достоевского, но временная дистанция молодого и зрелого мировидения тоже наложила свой отпечаток, в том числе на изображение «города на краю».

Изучение символического содержания топонимов составляет неотъемлемую часть осмысления литературных городских текстов. Особый потенциал в этом аспекте у «эксцентрических» приморских городов – Петербурга, Владивостока, Нью-Йорка (см., например: [2; 3]) – поскольку морские выходы изначально определяли их мультикультурный облик и особое ощущение места, которое, конечно, не исчерпывается возможностью перехода, обозначающего лишь одну из многих граней этих локусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом / Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. – Санкт-Петербург : Т-во «А.Ф. Маркс», 1914. – 576 с.
2. Бутенина, Е.М. Нью-йоркский текст современной русско-американской прозы / Е.М. Бутенина // *Studia Litterarum*. – 2019. – Т. 4, № 3. – С. 158–171.
3. Бутенина, Е.М. Петербургский текст современной русско-американской прозы / Е.М. Бутенина // *Вопросы литературы*. – 2017. – № 3. – С. 289–301.
4. Джерарди, У. Нашествие варваров [Полиглоты] / У. Джерарди ; пер. с англ. Э. Паттерсон; предисл. В. Сержа. – Москва ; Ленинград : Госиздат, 1926. – 192 с.
5. Джерхарди, У. Тщета: Роман на русские темы / У. Джерхарди ; пер. с англ. М. Немцов. – Владивосток : Валентин, 2016. – 148 с.
6. Кессель, Ж. Смутные времена. Владивосток 1918–1919 гг. / Ж. Кессель ; пер. с фр. Н. Сакун. – Владивосток : Рубеж, 2012. – 142 с.
7. Красавченко, Т.Н. Уильям Джерхарди: английский писатель с русским акцентом о революции и гражданской войне / Т.Н. Красавченко // *Quaestio Rossica*. – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 941–957.
8. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // *История и типология русской культуры*. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2002. – С. 208–221.
9. Моэм, У.С. Эшенден, или Британский агент. Рассказы / У.С. Моэм ; пер. с англ. А.И. Кудрявицкий, И.А. Бернштейн. – Москва : Республика, 1992. – 538 с.
10. Петрушова, Е.А. Русская тема в сборнике новелл Сомерсета Моэма «Эшенден, или Британский агент» / Е.А. Петрушова // *Россия в литературе Запада : коллективная монография* / отв. ред. В.П. Трыков. – Москва : МПГУ, 2017. – С. 164–174.
11. Теличко, Т.Г. «Фантазии на русские темы» в английской литературе начала XX века / Т.Г. Теличко // *Россия в литературе Запада : коллективная монография* / отв. ред. В.П. Трыков. – Москва : МПГУ, 2017. – С. 148–163.
12. Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В.Н. Топоров. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. – 616 с.
13. Davies, D. William Gerhardie: A Biography / D. Davies, A. Davies. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1990. – 411 p.
14. Gerhardie, W. Futility. A Novel on Russian Themes / W. Gerhardie ; preface by M.B. Holroyd. – Suffolk : Penguin Books, 1971. – 184 p.
15. Gerhardie, W. Memoirs of a Polyglot / W. Gerhardie. – London : Robin Clark, 1990. – 381 p.
16. Gerhardie, W. The Polyglots / W. Gerhardie ; preface by M.B. Holroyd. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1987. – 328 p.
17. Kelly, R. The Inspirational Gerhardie / R. Kelly // *Faber*. – 2011. – 28 Feb. – URL: <http://www.faber.co.uk/blog/the-inspirational-william-gerhardie> (accessed: 20.12.2020).
18. Kennedy, M. Vladivostok / M. Kennedy // *Irish Short Stories*. – London : Faber and Faber, 1960. – P. 253–275.
19. Meyers, J. Somerset Maugham: A Life / J. Meyers. – New York : Knopf Doubleday Publishing Group, 2005. – 610 p.
20. Quality, not quantity // *Irish Times*. – 2000. – Oct 7. – URL: <https://www.irishtimes.com/news/quality-not-quantity-1.1106966> (accessed: 20.12.2020).

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-166-171

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ВОСПРИЯТИЯ ИНОКУЛЬТУРЫ КАК КАТЕГОРИЯ ИМАГОПОЭТИКИ*

А.А. Забияко

Е.В. Сенина

В статье представлены результаты исследования механизмов возникновения и функционирования художественного образа восприятия как центральной категории имагопоэтики. Авторы отмечают проблемы в методологическом оснащении отечественной литературоведческой имагологии: недостаточное понимание необходимости междисциплинарной практики литературоведческого и этнопсихологического анализа и описательный подход к критериям и категориям имагопоэтики.

Ключевые слова: имагология, художественный образ восприятия, стереотип, имагопоэтика, Россия, Китай, художественные приемы.

IMAGERY PERCEPTION OF FOREIGN CULTURE AS A CATEGORY OF IMAGOLOGICAL POETICS

A.A. Zabiako

E.V. Senina

The article presents the results of research into the mechanisms of occurrence and functioning of the imagery of perception as the central category of imagopoetics. The authors note problems in the methodological equipment of the domestic literary imagology: lack of understanding of the need for interdisciplinary practice of literary and ethnopsychological analysis and a descriptive approach to the criteria and categories of imagopoetics.

Key words: imagology, imagery of perception, installation, stereotype, imagopoetics, Russia, China.

Литература и художественная публицистика воспринимающих друг друга этносов запечатлевают не только «эволюцию форм поэтического сознания» [3: с. 32], но и эволюцию форм этнического сознания – в присущей литературе образной форме. Художественная мысль способствует закреплению, воспроизведению и продуцированию в общественном сознании представлений воспринимающих этносов друг о друге на определенном историческом этапе.

За последние десятилетия в отечественном литературоведении весьма подробно исследованы проблемы восприятия европейским сознанием (немцами, британцами, французами) образов русских, и наоборот, русскими – представителей европейских народов, разрабатываются парадигмы художественной репрезентации «образов России» в европейских литературах [19; 20; 28].

На наш взгляд, центральной категорией имагопоэтики является понятие **художественный образ восприятия**. При осмыслении понятия «образ восприятия» в литературоведческом понимании представляется целесообразным обратиться к концептуальному ядру категории – психологическому понятию «восприятие». В психологии восприятие трактуется как «субъективный образ предмета, явления

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

Забияко Анна Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Zabiako Anna Anatolievna – Doctor (Philology), Habil., Professor, Head of the Department of Russian Literature and World Art at Amur State University (Blagoveshchensk).

E-mail: sciencia@yandex.ru

Сенина Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел России.

Senina Ekaterina Vladimirovna – Doctor (Philology), Senior Lecturer, Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Laotian Languages, MGIMO University.

E-mail: e.senina@my.mgimo.ru

или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов» [16]. Субъективность образа в воспринимающем сознании определяется тем, что восприятие может быть преднамеренным и непреднамеренным, оно зависит от прошлого опыта человека, установок, знаний, содержания и задач выполняемой деятельности, индивидуально-психологических различий людей (потребности, склонности, интересы, мотивы, эмоциональное состояние и т.д.) [16]. Этим обусловлена разница в восприятии одних и тех же явлений разными людьми или же одним и тем же человеком в разное время.

Понятие «образ» является одним из ключевых в трудах философов, искусствоведов, психологов, филологов, поскольку эти области знания исследуют особенности человеческого познания, при котором воспринимающее сознание отражает образы окружающего мира. Согласно классическим философским трактовкам образ «...являет нашему взору не абстрактную сущность, а конкретную ее действительность» [5: с. 345]. С философской точки зрения образ – это «явление, возникающее как результат запечатления одного объекта в другом, выступающем в качестве воспринимающей формации – духовной или физической; образ есть претворение первичного бытия в бытие вторичное, отраженное и заключенное в чувственно доступную форму» [13: с. 102].

Когда в отношении взаимного восприятия вступают народы и культуры, в этническом сознании возникают образы взаимного восприятия.

Суть работы этнического сознания [12] состоит «в понимании и переживании группой феномена этничности. Именно поэтому этническое сознание выступает, прежде всего, как этническое самосознание – как направленность сознания этноса на постижение своей природы» [18: с. 125]. В процессе этнической идентификации устанавливаются признаки различия и признаки сходства, выражаемые в категориях «свое» – «чужое» [12; 15]. При этом категория «чужие», отличительные признаки «чужих групп» выступают исходным критерием для сравнения в воспринимающем сознании.

В процессе восприятия этническое сознание пересотворяет реальность в «модусе схватывания» – «специфическом синтезе признаков в определенную идеальную целостность, способ комбинирования единиц восприятия в композицию смыслов» [12: с. 226].

Важнейшим фактором формирования образов взаимного восприятия при взаимодействии культур является этническая картина мира – образовавшаяся на основании этнических констант, с одной стороны, и ценностных доминант, с другой, представления человека о мире – отчасти осознаваемых, отчасти бессознательных.

В каждой национальной культуре доминируют свои этнокультурные константы, определяющие особенности мировоззрения, религиозности, этнической психологии, художественного творчества, исторической судьбы народа [15: с. 133]. Константы этнической культуры формируют представления народа об основополагающих сторонах человеческого существования (время, пространство, святое, отчизна, чужбина, отношение к предкам, отношение к труду и т.д.).

Этнокультурные константы накладывают отпечаток на характер межэтнических отношений и сильнее проявляются в тех геополитических пределах, где этносы сосуществуют. Так, этническое сознание русских на Дальнем Востоке исторически актуализировано соседством с Китаем и присутствием китайцев, и наоборот, этническое сознание северо-восточных китайцев во многом определяется взаимодействием с русскими и их присутствием в Китае с XVII в. по наши дни.

Так как этническое сознание интенционально направлено на познание «другого» и самопознание в конечном счете, то логично было бы определить важнейшие механизмы взаимовосприятия этносов. Ими являются механизмы стереотипизации [32] и рефлексии, способствующие созданию «зеркального образа», соответственно – в построении «образов взаимного восприятия» (автостереотипы и гетеростереотипы, присущие тому или другому этносу) [2; 7; 27: с. 289].

Любопытно в данном ракурсе сопоставить этнические авто- и гетеростереотипы русских и китайцев. Ли Иннань, ученый-россиевед, билингв, знающий и понимающий изнутри и китайскую, и русскую культуру, пишет, в частности, об этой коллизии столкновения «своего» и «чужого»: «Как известно, в русской культуре поведение в публичном пространстве (на улице, в общественных местах и т.п.) строго регламентируется и считается одним из важнейших критериев воспитанности, культурного уровня человека. Публичное пространство находится под общественным контролем, и нарушение правил поведения вызывает резкое осуждение. При этом в частном пространстве (семья, дом) человек ведет себя гораздо свободнее, следуя не столько каким-то правилам, сколько своим чувствам, эмоциям, сиюминутному настроению. Недаром русская поговорка гласит: «Дома как хочи, а в людях как велют».

В китайской культуре действуют прямо противоположные стереотипы поведения. Конфуцианская этика всегда придавала особое значение регламентированию поведения внутри семьи, установлению внутрисемейной иерархии и соответствующих правил поведения. Семейный этикет служил той базовой моделью, на которой строи-

лись общественный порядок и правила поведения между людьми, связанными теми или иными социальными отношениями. Одно из самых известных изречений Конфуция: “Пусть правитель будет правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном”, – глубоко укоренилось в национальном менталитете. Современный китаец в стенах дома, в кругу родных и знакомых по-прежнему скован этикетными правилами, но, выходя на улицу, он оказывается в урбанистическом пространстве, неконтролируемом конфуцианской этикой. Он чувствует себя свободным и может вести себя, как ему удобно. Люди, двигающиеся вокруг, не принимаются во внимание. “Прохожий” (лужэнь – букв. “уличный человек”) в китайском языке имеет дополнительное значение “человек, с которым нет никаких отношений”. Отсюда древний фразеологизм: “ши тун лужэнь” (“смотреть, как на прохожего”), означающий холодное, равнодушное отношение (ср. в русском языке “смотреть, как на пустое место”). Люди, встреченные в публичном пространстве, остаются вне поля общения, внимания, на них не распространяются традиционные правила вежливости» [17: с. 144].

Еще один из важнейших механизмов восприятия этносами друг друга – каузальная атрибуция, приписывание причин поведения, чувств, намерений, мыслей и достижений индивидов на основании групповой принадлежности [27: с. 279]. Добавим – и внешнего облика. Данный процесс осуществляется чаще всего неосознанно – либо на основе идентификации с другим человеком, т.е. при приписывании другому тех мотивов или чувств, которые сам субъект, по его мнению, обнаружил бы в аналогичной ситуации [21]. В культуре данный механизм действия этнического сознания отражен многообразно: в языке он становится причиной появления обидных этнонимов (этнофолизмов), определяющих «чужой этнос». Например, «желтопузые», «желтолицы», «косоглазые» – по отношению к китайцам со стороны русских; «лаомаоцзы» (заморские бараны; волосатики), «дабицзы» (длинноносые) – по отношению китайцев к русским.

Культурные различия, запечатлеваясь в сознании, как правило, приобретают оценочные характеристики, маркируются как положительные или отрицательные, предварительные психологические установки играют определяющую роль в оценке воспринимаемого. Так, в фольклоре русских Трехречья – этнолокальной общности потомков русских, исторически проживающих бок о бок с китайцами, это явление продуцирует тематический комплекс частушек, в которых в обобщенной образной форме высмеиваются нечистоплотность китайцев, непривычный запах, от них исходящий, необычные гастрономические пристрастия:

Ты китаец, ты китаец,
Ты – не русский человек:
Кошку жарил, хвост оставил
Своей жонке на обед! [9: с. 240–241].

Процессы установления «своего» в «чужом» обусловлены рефлексией. Понять другого – значит осознать его отношение к себе как к субъекту восприятия. В частности, при помощи рефлексии восприятие «своего» в «чужом» уподобляется удвоенному зеркальному отражению [21: с. 255].

Объективно говоря, установка на нахождение общего способствует устранению отчуждения и внутреннему сближению с носителями иной культуры [17: с. 142]. К примеру, северо-восточные китайцы и русские дальневосточники с удовольствием констатируют, что отличаются от жителей центральных регионов своих стран могучим телосложением и особым гостеприимством, щедростью в угощении, прямоотой характера*. Данные самохарактеристики представителей разных этносов, обусловленные проживанием в сходных климатических и геополитических условиях дальневосточного фронта [8], позволяют им лучше найти общий язык друг с другом.

Итак, образ взаимного восприятия – это явление, возникающее как результат формирования дифференцированного целостного представления о «другом» у контактирующих этносов, зависящее от картины мира воспринимающих субъектов, пространственно-временных условий, этнического сознания, констант и стереотипов, прошлого опыта, собственных оценок и установок.

Чтобы понять «другого», писатель пытается осознать его отношение к себе как к субъекту восприятия. Таким образом, взаимное восприятие этносами друг друга в литературе уподобляется удвоенному зеркальному отражению, т.е. творцы, отражая другую культуру, отражают и себя в зеркале восприятия этого «чужого» («другого»).

Художественные образы восприятия одним этносом другого обусловлены исторической ситуацией, в которой происходит встреча этносов, этническими константами воспринимающих культур, этническими, политическими, социокультурными установками каждого конкретного автора. В процессе возникновения художественного образа восприятия представителем одного этноса другого авторская точка зрения на отображаемую действительность (точка зрения на представителя «чужого» этноса) напрямую будет зависеть от этнической установки писателя, его способности к восприятию этноинтегрирующих признаков «чужого» этноса.

Образ «чужого» («другого») в литературе должен представлять собой не столько особое, отдель-

* Материалы полевых наблюдений А.А. Забияко. 1993–2018 гг.

ное эстетическое образование, сколько вариант ментальных структур – моделей, ценностных систем, свойственных изучаемой культурно-исторической эпохе, языку, культуре. Литературные образы, трактуемые как «образы восприятия», связываются с социальными и этнопсихологическими стереотипами, с универсальными константами культуры, с социально-историческими и культурно-психологическими контекстами эпохи.

Обратим внимание и на имманентную зависимость образа художественного от общественно-политических и религиозных установок той или иной эпохи, «...потому что больше, чем в расе, общественный человек живет в истории, в народе» [4: с. 23]. А.Н. Веселовский считал, что человечество стремится к универсальности, именно подсознательное, безотчетное узнавание в «чужом» «своего» позволяет людям находить общий язык, а культурам – смешиваться [6]. Следуя за А.Н. Веселовским, мы можем сказать, что феномен восприятия этносов в литературном творчестве становится результатом работы механизма суггестивности – неразложимого сочетания этнической, идеологической и художественной интенциональности [31]. В современном гуманитарном знании для определения такого рода неразложимой системы базисных категорий используется понятие «фрейм» [14; 29].

Художественный образ восприятия одним этносом другого представляется вариантом межкультурного диалога, в котором фреймы этнического, религиозного, политического, поэтического сознания воплощены в художественном слове.

Авторы статьи детально исследовали образы взаимного восприятия русских и китайцев, запечатленные в публицистике и литературе [10; 11; 23; 24; 25; 26], – художественные образы, отразившие процессы взаимного восприятия русских и китайцев с XVII в. вплоть до 40-х гг. прошлого века [10; 24]. Учитывая сложные межэтнические, этносоциальные и общественно-политические процессы XIX–XX столетий, особенно – развитие международных отношений России и Китая, русских и китайцев, необходимо обратить внимание на следующее: этноцентризм русских и китайцев исторически сопряжен с политоцентризмом этих этносов (русских и ханьцев) как государствообразующих.

Образ восприятия Китая и китайцев в русской литературе к началу XX столетия имел определенную историю, берущую начало в XVII в. и отразившую по большей степени стереотипное проецирование на образ «чужого» политических и этнокультурных представлений русских писателей о себе, своей стране, ее истории (от «недвижного Китая» до «желтой опасности») [11].

Китайская литература практически не была знакома с образом России и русских вплоть до середи-

ны XIX в. в силу исторически сложившейся закрытости Поднебесной от внешнего мира. Специфическая природа художественных образов восприятия русских проявилась в годы становления новейшей китайской литературы, когда писатели левого крыла смогли воочию наблюдать русских у себя на родине – в качестве эмигрантов (Цюй Цюбо, Сяо Цзюнь, Сяо Хун, Дин Лин и др.) [11; 25]. Несмотря на разность художественных дарований китайских авторов, их объединила общая установка по отношению к русским беженцам: разочарование в силе и мощи «заморских дьяволов», утративших Родину, материальный достаток, не знающих чужие обычаи [11].

В то же время в советской литературе в 20-е гг. XX в. сложился в основном сочувственный образ «революционного ходи», сумевшего преодолеть классовые предрассудки и выступившего на защиту новорожденного социалистического Отечества (Вс. Иванов, М. Булгаков, В. Маяковский и др.) [10]. И в том, и в другом случае идеологический фрейм стал призмой, определенным образом искажающей реальность. Однако в лучших образцах и китайские, и русские писатели смогли выйти за границы идеологических фреймов и зафиксировать интереснейшие наблюдения за представителями воспринимаемой культуры, разрушающие автостереотипы и гетеростереотипы (М. Булгаков «Зойкина квартира» – Сяо Цзюнь «Третье поколение», Сяо Хун «Горе Софии» и др.) [10; 24].

Таким образом, художественный образ восприятия одним этносом другого не может являться прямым источником сведений об этнических стереотипах и в целом этнических картинах мира, как это пытаются представить некоторые имагологи [20; 30]. Внутренний диалогизм художественного образа соединяет в себе авторскую точку зрения и точку зрения реципиента, объективное и субъективное, соответственно в художественном образе восприятия представление о «чужом» и «своем» коррелируют, находятся в диалогических отношениях. В 80-е гг. прошлого века к типологически сходным идеям пришел французский литературовед Д.-А. Пажо [22; 33].

Репрезентативной убедительностью обладает все же не индивидуальный образ восприятия, а типологическая система образов восприятия одним этносом другого, присущая определенной эпохе и социальной группе. В данной целостности художественные образы восприятия одним этносом другого обладают большей глубиной, могут опровергать стереотипы, воссоздавать и пересоздавать онтологические, ценностные характеристики этноса в сложности возможных противоречий, разносортных оценок и изменчивых черт.

Наибольшей степенью достоверности в создании образов художественного восприятия, на наш взгляд, обладает та совокупность произведений,

что определяется понятием «художественная этнография» – результат художественного освоения авторами культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса [8: с. 21–58]. В начале XX в. на Дальнем Востоке (в Приморье, Северной Маньчжурии) данное направление активно развивали ученые-этнографы Н.А. Байков, П.В. Шкуркин, В.К. Арсеньев [8: с. 242–282]. В произведениях этих авторов художественные образы восприятия инокультуры и ее представителей складывались, во-первых, в соответствии с типологической логикой работы научного сознания [8: с. 45–56]. Вместе с тем каждый автор создавал эти образы в соответствии с доминирующим фреймом восприятия (политическим, идеологическим) – потому, например, художественные образы воспринимаемых этносов у Байкова и Шкуркина и будут отличаться, несмотря на научную достоверность изображаемого [8: с. 45–56]. Байков, будучи сторонником идеи «панмонголизма», использует не только научные описания разных этнических типов, но и прямые характеристики, декларативные монологи («В горах и лесах Маньчжурии», «По белу свету» и др.). П.В. Шкуркин, знающий китайскую и маньчжурскую культуры изнутри, владеющий языками и настроенный прокитайски, в своих этнографических рассказах в основном использует повествовательный прием «двойной этнической точки зрения», когда повествовавшая инстанция незаметно переходит от русского офицера к китайцу, маньчжур и т.д. («Хунхузы», «Игроки»). В совокупности художественных и научных произведений В.К. Арсеньева, Н.А. Байкова, П.В. Шкуркина и создается, например, образ восприятия китайцев начала XX в., населяющих территории дальневосточного фронта.

Отдельного разговора о последовательности и целостности заслуживают образы восприятия и приемы имагопоэтики в повествованиях, основанных на усилении беллетристического начала и имитации жанрового канона воспринимаемой литературы (в дальневосточной эмиграции это творчество Б. Юльского, М. Щербакова, П. Северного, Г. Кочурова и др. [24: с. 145–153]). Своей спецификой характеризуется содержание художественных образов восприятия и имагопоэтика в лирических текстах, где индивидуальность, импрессионизм восприятия сочетаются с экономностью средств его выражения (в творчестве Л. Андерсен, А. Паркау, А. Несмелова, Н. Светлова и др.).

Итак, образ художественного восприятия моделируется этническими, религиозными, политическими и художественными фреймами воспринимающего сознания и является базовой категорией имагопоэтики. В качестве воспринимаемых объек-

тов (первообразов) выступают пространственные и временные феномены, представления о святости, праведном и неправедном, этнические типы, культурные и литературные традиции и др. Приемы создания художественного образа восприятия инокультуры определяются, в первую очередь, художественной интенциональностью, родожанровой природой произведения и стратегиями выражения авторской субъектности. Наиболее продуктивным является исследование в синхроническом аспекте художественных образов взаимного восприятия этносами друг друга, приводящее к корреляции фреймов воспринимающих сознаний и созданию целостного представления о воспринимаемых культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева, Г.М.* Социальная психология / Г.М. Андреева. – Москва : Аспект Пресс, 2003. – 229 с.
2. *Богомолова, Н.Н.* Образы американца и советского человека в восприятии московских студентов и на страницах молодежной прессы / Н.Н. Богомолова, Т.Г. Стефаненко // Вестник МГУ. – 1991. – № 3. – С. 3–11. – (Сер. 14. Психология).
3. *Веселовский, А.Н.* Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Москва : Высшая школа, 1989. – 404 с.
4. *Веселовский, А.Н.* Социальные идеалы и идеалы искусства / А.Н. Веселовский // Традиционная культура. Научный альманах. – 2018. – Т. 19, № 1. – С. 13–35.
5. *Гегель, Г.В.Ф.* Эстетика. В 4 т. Т. 3 / Г.В.Ф. Гегель. – Москва : Искусство 1968. – С. 342–359.
6. *Говенько, Т.В.* К истории идеалов: неизвестная работа А.Н. Веселовского / Т.В. Говенько // Традиционная культура. Научный альманах. – 2018. – Т. 19, № 1. – С. 31–35.
7. *Донцов, А.И.* Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра / А.И. Донцов, Т.Г. Стефаненко // Социальная психология в современном мире : хрестоматия / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2012. – С. 78–83.
8. *Забияко, А.А.* Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина : монография / А.А. Забияко ; М-во образ. и науки РФ, Амурский гос. ун-т. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 437 с.
9. *Забияко, А.А.* Фольклор русского населения Трехречья как способ сохранения этничности // А.П. Забияко, А.А. Забияко // Русские Трехречья: основы сохранения этнической самобытности. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 340 с.
10. *Забияко, А.А.* Образ восприятия Китая и китайцев в советской литературе и публицистике 1920–1940 / А.А. Забияко, Е.В. Сенина // Rossica Olomucensia. – 2019. – Vol. LVIII, № 1. – P. 67–86. – URL: https://www.ff.upol.cz/fileadmin/userdata/FF/katedry/sla/dokumenty/rusistika/Rossica/Rossica_2019_1_Zabiako_Senina.pdf (дата обращения: 05.11.2020).
11. *Забияко, А.А.* Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920–1940 гг. / А.А. Забияко, Е.В. Сенина // Emigrantologia Slowian. – Opole. – 2016. – Vol. 2. – P. 19–32. – URL: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/wp-content/uploads/02.-Zabijako-Senina-Obraz.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).

12. *Забияко, А.П.* Категории «свой» – «чужой» в этническом сознании / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах : материалы III междунар. науч. конф. / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2003. – Вып. 5. – С. 224–228.
13. *Забияко, А.П.* Образ / А.П. Забияко // Культурология. XX век. Энциклопедия. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. – Т. 2. – С. 102.
14. *Забияко, А.П.* Фреймы в религиоведении / А.П. Забияко // Вестник Российского общества преподавателей религиоведения. – 2008. – № 1. – С. 33–35.
15. *Забияко, А.П.* Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений / А.П. Забияко // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2009. – С. 124–140.
16. *Зинченко, В.П.* Восприятие / В.П. Зинченко // Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – Москва : АСТ, 2008. – С. 106–107.
17. *Ли, Иннань.* Русские и китайцы: Образ «другого» / Ли Иннань // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2010. – Вып. 9. – С. 140–147.
18. Мы и они. Конформизм и образ «другого» : сб. ст. на тему ксенофобии / отв. ред. Л.С. Васильев. – Москва : КДУ, 2007. – 224 с.
19. *Ощепков, А.Р.* Имагология / А.Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.
20. *Папилова, Е.В.* Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.) : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.08 / Е.В. Папилова. – Москва, 2013. – 198 с.
21. *Поляков, О.Ю.* Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо / О.Ю. Поляков // Филология и культура. – 2013. – № 2. – С. 181–184.
22. *Сенина, Е.В.* Металитературная рефлексия китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов / Е.В. Сенина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 1 (57). – С. 145–153.
23. *Сенина, Е.В.* Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01 / Е.В. Сенина. – Москва, 2018. – 247 с.
24. *Сенина, Е.В.* Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо / Е.В. Сенина // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 4. – С. 158–166.
25. *Сенина, Е.В.* Образ русской женщины в китайской литературе 20–40-х годов XX века / Е.В. Сенина, А.А. Забияко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3 (51). – С. 275–282.
26. *Стефаненко, Т.Г.* Этнопсихология : учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 368 с.
27. *Трыков, В.П.* Имагология и имагопоэтика / В.П. Трыков // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 120–128.
28. *Филлмор, Ч.* Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // НЗЛ. – 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 24–25.
29. *Хузиятова, Н.К.* Образ России в художественной публицистике Фэн Циция (опыт концептуального анализа) / Н.К. Хузиятова, М.Е. Панина // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2017. – Т. 16, № 4: Востоковедение. – С. 79–84. – (Серия: История, филология).
30. *Юнг, К.Г.* Жизненный рубеж / К.Г. Юнг // Проблемы души нашего времени. – Москва : Прогресс, 1994. – 336 с.
31. *Lippman, W.* Public opinion / W. Lippman. – New York : Harcourt, Brace and Company, 1922. – 427 p.
32. *Pageaux, D.-H.* Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle / D.-H. Pageaux // Synthesis. – Bucarest, 1981. – VIII. – P. 169–185.

ТВОРЧЕСТВО И ЯЗЫК ОЛЬГИ ГРУШИНОЙ: ЛОКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Е.С. Лебедева

Творчество русской англоязычной писательницы Ольги Грушиной уже давно привлекает лингвистов и литературоведов. Отечественными и зарубежными учеными описаны и изучены ее романы «Жизнь Суханова в сновидениях», «Очередь», «Сорок комнат», проанализированы короткие рассказы писательницы, очерки и рецензии. В результате этих исследований удалось увидеть, как русский автор-транслингв выстраивает англоязычный текст своего произведения, какими техниками пользуется для передачи особенностей родной культуры. Сама Ольга Грушина позиционирует себя как русского автора, и, анализируя тексты ее произведений, мы находим тому подтверждение. Расширяя материал исследования и ставя перед собой новые задачи, автор данной работы анализирует посты Ольги Грушиной в социальной сети Twitter, находит и выделяет особенности русской культуры, которые отражаются в англоязычных твитах писательницы. Локальная культура Грушиной транслируется в мир посредством глобального языка – английского, в данном случае американского варианта английского языка, а значит, имеет широкий круг читателей по всему миру, для которых русская культура не является родной. В настоящем исследовании нам также было интересно посмотреть на то, каким образом русская культура Грушиной воспринимается англоязычными читателями с разным культурным опытом. Для решения этой задачи автором исследования были проанализированы посты в социальной сети Instagram, размещенные англоязычными читателями романов Грушиной, для которых русская культура и язык не являются родными.

Ключевые слова: локальная культура, культурно-языковая личность, транскультурная идентичность, транслингвальная литература.

OLGA GRUSHIN'S LANGUAGE: A GLOBAL PERSPECTIVE ON LOCAL CULTURE

E.S. Lebedeva

The writings of the Russian English-speaking author Olga Grushin have long been studied by Russian and international linguists and literary scholars, and revealed the way the Russian translanguing writer builds her English-language text, what techniques she uses to convey features of her native culture. Olga Grushin positions herself as a Russian author, which is confirmed by the analysis of her writings. The present paper expands the material of the research and focuses on the analysis of the Twitter posts made by Olga Grushin. As Grushin's local culture is transmitted to the world through the global language - English, a wide range of readers for whom Russian culture is not native have access to her texts. This study also looks at how Grushin's Russian culture is perceived by English-speaking readers with different cultural background through their reviews of her novels in the Instagram.

Key words: local culture, transcultural identity, translanguing literature, culture and language personality.

Творчество русской англоязычной писательницы Ольги Грушиной уже давно привлекает лингвистов и литературоведов. Отечественными и зарубежными учеными (Е.М. Бутенина, З.Г. Прошина, Е.С. Лебедева, J. Hansen, S. Kellman, A. Wanner) изучены вышедшие романы писательницы (The Dream Life of Sukhanov, The Line, Forty Rooms), а также проанализированы короткие рассказы, очерки и рецензии авторства Ольги Грушиной (З.Г. Прошина, Е.С. Лебедева [4]).

Подобные исследования выполняются в русле транслингвального подхода к изучению английского языка и в рамках научной парадигмы контактной вариатологии английского языка [7], одним из направлений которой является изучение влияния

локальных культур на глобальный английский язык, который в силу глобализации контактирует практически со всеми культурами и языками на планете. В результате контакта английского языка с русской культурой первый, под влиянием русской языковой личности говорящего, функционирует как средство трансляции русской идентичности [5: с. 157], которая наиболее ярко находит свое отражение в текстах транслингвальных писателей. Под транслингвизмом понимается литературное творчество писателей, которые выбрали языком своего творчества не родной для себя язык или помимо родного пишут на втором языке [11: с. 563; 12: с. 16]. В результате исследования таких произведений удалось понять, как русский автор-транслингв выстраивает

Лебедева Екатерина Сергеевна – старший преподаватель Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Lebedeva Ekaterina Sergeevna – Senior teacher at Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: lebkaterina@gmail.com

© Лебедева Е.С., 2021

англоязычный текст своего произведения, какими техниками пользуется для передачи особенностей родной культуры.

Развивая ранее высказанную мысль [3; 4] о транскультурной идентичности Ольги Грушиной, которая сформировалась в результате опыта жизни и творчества в двух культурах и нашла свое отражение в текстах ее романов, автор данного исследования ставит цель проанализировать медиатексты писательницы, опубликованные в глобальной социальной сети *Twitter*, чтобы изучить транскультурный опыт личности автора, найти отражение русской культуры в повседневных сообщениях и выделить особенности авторского стиля транслинга. Более того, одной из задач данного исследования стал анализ постов и хештегов в глобальной сети *Instagram*, опубликованных англоязычными читателями романов Грушиной и посвященных ее творчеству. Нам было интересно, как воспринимается автор глобальным сообществом читателей, чувствуют ли они русскую культуру писательницы и как определяют творчество Грушиной.

В рамках данного исследования были проанализированы 470 сообщений Ольги Грушиной, опубликованные ею в собственном аккаунте *Twitter* (@olgagrushin) в период с 01.01 по 31.12.2020 г. В шапке аккаунта писательница обозначает основную тематику аккаунта: *books, art, tea* (книги, искусство, чай). Исходя из обработанных нами данных, Ольга Грушина действительно большую часть аккаунта посвящает мировой литературе разных эпох: читает, делится своими впечатлениями и цитатами со своими подписчиками, дает рекомендации. Также в шапке Ольга Грушина дает информацию и о себе: *Granta's Best of Young American Novelists; Russian American; 4 novels (@PutnamBooks) incl NYPL @young_lions winner THE DREAM LIFE OF SUKHANOV*. Писательница не забывает о своих наградах, дает ссылку на издательство, которое печатает ее романы и, что важно для данного исследования, определяет себя как «американку русского происхождения» (*Russian American*), т.е. публично заявляет о своей транскультурной идентичности.

Прежде чем перейти к анализу сообщений, необходимо отметить, что сообщение в сети *Twitter*, или «твит», является одним из жанров медиатекста, который сочетает в себе разнородные вербальные, визуальные, аудиовизуальные компоненты в едином смысловом пространстве [9: с. 163]. А это означает, что анализу в данном случае подвергается не только текстовое сообщение, но и аудиовизуальные компоненты, его сопровождающие (картинки, фотографии, музыкальные треки и др.).

Много сообщений Грушина посвящает прогулкам и наблюдениям за природой и природными явлениями. Среди этих сообщений выделяются два:

от 13 января: *Fog in the woods this morning. (Reminded me of my favorite childhood animated film from 1975, Hedgehog in the Fog – a Soviet classic by #YuriNorstein.)* и от 21 декабря: *Fog in the woods this morning*. Оба сообщения содержат две картинки: одна – фото туманного леса недалеко от дома писательницы, вторая – картинка из мультфильма «Ежик в тумане». Интересно отметить, что, когда «ежик в тумане» появляется в твиттере Грушиной в первый раз, писательница переводит название мультфильма и дает пояснение: туман напомнил ей любимый в детстве мультфильм. Во втором сообщении уже знакомый подписчикам Грушиной «ежик» остается без пояснений. Для носителя русской культуры «Ежик в тумане» является очень символическим и многоплановым мультфильмом, который в какой-то степени отражает национальную психологию и философию России, где препятствия не так важны, шум, звон и шелест сопровождают каждый шаг на пути к цели, а надежда на чудо не умирает даже в сумраке [1]. Такую ассоциацию может вызывать «русскость» языковой личности Ольги Грушиной.

Подобное восприятие природы вокруг отражается и в другом сообщении от 6 июля: *A walk in the woods today: my daughter walking into a Russian 19th-century landscape. (On the right: a 1895 painting "A June Day" by #IsaakLevitan.)* В твите писательница публикует две картинки: одна – фото пейзажа, американский лес и вдаль ее дочь, вторая – фото картины Исаака Левитана, знаменитого русского художника XIX в. В американском лесу, недалеко от дома, русская душа Грушиной видит русский пейзаж, что в очередной раз напоминает нам о том, что писательница выстраивает свой ассоциативный ряд через призму своей родной культуры.

Родная культура отражается и в праздничных традициях семьи писательницы: на Новый год елку украшают новогодними игрушками советских времен: сообщение от 17.12.2020 г. *A few vintage Soviet ornaments from my childhood on our tree*. Советское прошлое писательницы находит свое отражение не только на страницах ее романов, но и в повседневной жизни, просачивается в американский культурный уклад, показывая транскультурные трансформации, происходящие с человеком, который существует в двух культурных пластах одновременно. Отдельное внимание следует уделить и языковым особенностям, которые отражают русские новогодние традиции: 18.01.2020 *Since it is reasonably close to the holidays and I'm still packing away my ornaments – the Russian Old New Year was only four days ago...* Семья Грушиной, как становится ясно из твита, празднует старый Новый год, или Новый год по старому стилю, который не был забыт в народе, хотя и празднуется не так масштабно [8]. Празднование старого Нового года не свойственно амери-

канской культуре, поэтому Грушина определяет его как «русский старый Новый год».

Однако самые многочисленные сообщения составляют твиты, посвященные книгам. В этих медиатекстах мы находим подтверждение тому, как в одном человеке существуют две разные культуры, формируя новую, транскультурную идентичность. Рассмотрим некоторые примеры: 14.12.2020 *Spent the weekend reading children's books for a small project. Antony Pogorelsky's "Black Hen" (1829) is not known in English – w/ good reason, my daughter tells me (there are flogging, betrayal & much sadness) – but it was my childhood favorite. Magical. #RussianClassics.* В сообщении есть фотография отрывка из повести Антония Погорельского «Чёрная курица, или Подземные жители», которую Грушина читает на русском языке и с которой знакомит свою дочь, последняя, в свою очередь, объясняет отсутствие перевода на английский тем, что в сказке присутствуют наказания, предательство и очень много грустных моментов, тогда как для Грушиной в детстве эта сказка была одной из любимых. Русская литература присутствует на страницах социальной сети Грушиной в больших количествах: Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Александр Пушкин, Владимир Набоков, Михаил Булгаков. Интересно отметить, что Анну Ахматову и Осипа Мандельштама Грушина читает только на русском языке, о чем свидетельствуют фотографии в сообщениях. Однако цитирует их на английском, приводя свой личный перевод стихотворения Ахматовой «Я живу, как кукушка в часах...»: 30.01.2020 *Morning coffee with #AnnaAkhatova:*

*I live like a cuckoo in a clock,
I don't envy birds in forests,
They wind me, and I sing –
Do you know, such a fate
I could wish
Only upon an enemy.*

(1911; translation mine) #Russianpoetry. В случае со стихотворением Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны» Ольга Грушина приводит перевод Кларенса Брауна и Вильяма Мерлина со своими правками: 10.11.2020 #OsipMandelstam on the fear surrounding a dictator:

*Ringed with a scum of chicken-necked bosses,
He toys with the tributes of half-men.
One whistles, another meows, a third snivels.
He alone pokes his finger and booms.*

Stalin Epigram (1933) (Transl. Brown & Merwin w/ my edits). В этой строфе Грушина правит последнюю строчку, у переводчиков она звучит так: He pokes out his finger and he alone goes boom [10]. Такое тонкое языковое наблюдение свойственно человеку, который в равной степени чувствует и использует два языка, и только тогда, когда в основании личности лежит русская культура и чувство-

вание русского языка. Интересно отметить, что посты о произведениях Пушкина и Булгакова сопровождают фотографии двух книг: одна – оригинал на русском языке, другая – перевод на английский. Остается неотвеченным вопрос: на каком языке перечитывает русских классиков сама Грушина, однако создается впечатление, что русскую литературу писательница предпочитает читать на родном языке. Из всех постов выделяются сообщения о книгах Владимира Набокова: во-первых, их больше всего по количеству (8), во-вторых, только один пост содержит фотографии последнего романа писателя «Дар» на двух языках, фотографии других книг («Conversations with Vladimir Nabokov», «Пнин», книга Набокова «Николай Гоголь») Грушина выкладывает в сеть на английском языке, и подразумевается, что читает их тоже на английском. Обилие Набокова в жизни Грушиной можно объяснить тем, что их роднят транскультурные трансформации, произошедшие с каждым из них в жизни между двух языковых систем и литературных традиций.

Интересное наблюдение и сравнение можно сделать, проанализировав язык сообщений. Так, в следующем примере Ольга Грушина комментирует появление нового книжного шкафа: 31.10.2020 *That wonderful feeling of possibility that is a newly built – and briefly, gloriously, empty! – bookcase.* Лексические ряды, которые передают эмоциональное отношение автора высказывания и усиливают восприятие адресатом, – это фирменный стиль Грушиной-писательницы. Подобные ряды мы находим в текстах ее романов, где экспрессивный синтаксис служит для создания образности и выполняет художественную функцию [3: с. 110]. Предварительный анализ твитов Ольги Грушиной подтверждает выводы, сделанные в ходе лингвистического и лингвокультурологического анализа текстов ее романов: писательница-транслингв в своей основе имеет трансформированную транскультурную идентичность, которая вобрала в себя качества двух культур – локальной – русской, которая лежит в основе, и глобальной – англофонной, которая является на поверхности.

Одной из задач работы с медиатекстами в рамках данного исследования стал анализ восприятия творчества Грушиной англоязычными читателями с точки зрения культурных ассоциаций. Для выполнения этой задачи были отобраны 125 постов социальной сети Instagram путем сплошной выборки по хештегу #olgagrushin. В процессе анализа авторы данного исследования обращали внимание на хештеги, которыми авторы постов отмечают свои публикации. Вслед за А.В. Полонским и А.А. Беловодской мы понимаем хештег как «форму выражения сознания медийного человека» [6: с. 237–238] и признаем его связь как лингвистического феномена с особен-

ностями концептуализации действительности современным медиатизированным сознанием [2: с. 61]. В результате исследования удалось установить, что самым популярным оказался роман «Сорок комнат» – ему посвящено 73 поста, однако всего лишь 5 постов несут в себе информацию о культурной ассоциации, возникающей у читателя по отношению к автору. Эти посты содержат хештеги «русские авторы», «русская литература»: #russianauthors (1) #russianlit (1) #russianliterature (2). Некоторые авторы в своих постах прямо публикуют о том, что воспринимают Грушину как русского автора, и ее романы как источник информации о культуре советской России: *This weekend I finished my third #olgagrushin novel. She's a beautiful writer and her books taught me a lot about Soviet culture... and myself. I absolutely loved her most recent book, Forty Rooms, and thoroughly enjoyed her first book, The Dream Life of Sukhanov. I found the story of The Line to be less compelling but still loved the author's use of language.* Примечательно, что такие ассоциации выстраиваются у тех, кто прочли все три вышедших романа, или у читателей славянского происхождения. Так, например, пользователь из Сербии оставила хештеги «русская душа», «литература иммигрантов», «Москва», «Россия»: #RussianSoul #SlavicSensibility #ImmigrantProse #Moscow #Russia, что говорит о том, что воспринимается Грушина как автор-иммигрант, в основе языковой личности которого лежит русская идентичность.

Следующий роман по количеству постов – «Жизнь Суханова в сновидениях» (30 публикаций), однако его сопровождают самые многочисленные и разнообразные культурные ассоциации: #soviet (1) #repression (1) #revolution (1). Идущие в одном посту хештеги #America #Russia и в другом посту #russianliterature #russian #fiction #american можно толковать как восприятие Грушиной как русско-американского автора. Статистика анализа хештегов, относящих роман к русской или американской литературе, выглядит таким образом: #american #american literature (1) #russianliterature (8) #russianbooks (2) #russia (3) #russian (1), из чего можно сделать вывод о том, что в большей степени читатели видят в Грушиной русского автора. Роман «Очередь» собрал 7 постов, из которых три имеют культурные ассоциации: #russianlit (1) #russian#literature (1) #americanliterature #russianliterature #russia (1). Как видно из хештегов, всего один пользователь относит Грушину и к американской, и к русской литературе. Следует отметить, что 15 публикаций посвящено анонсируемому роману 2021 г. «The Charmed Wife» и ни одна из них не содержит культурных ассоциаций.

В ходе анализа медиатекстов Ольги Грушиной удалось увидеть, как отражается родная культура

писательницы в англоязычных публикациях ее англоязычной повседневной жизни. Локальное, в данном случае «русскость», находит свое отражение в глобальном контексте английского языка социальных сетей. Одной из основных особенностей культурно-языковой личности Ольги Грушиной является сочетание двух культур в одном англоязычном пространстве. Безусловно, данное исследование является лишь началом работы с медиатекстами писательницы и публикациями-отзывами ее англоязычных читателей и будет продолжено в дальнейшем с применением методов анализа медиалингвистики, количественной лингвистики и больших данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев, Е. Юрий Норштейн: «Ежик в тумане» появился после криков и сердечных капель / Е. Арефьев // Комсомольская правда. – 2016. – 15 сент. – URL: <https://www.kp.ru/daily/26582.3/3596752/> (дата обращения: 20.12.2020).
2. Беловодская, А.А. Об исследовательском потенциале изучения хэш-тега как медиадискурсивного феномена / А.А. Беловодская // Медиалингвистика. – 2019. – № 6 (1) – С. 60–74.
3. Лебедева, Е.С. Культурно-языковая личность Ольги Грушиной как писателя транслинга / Е.С. Лебедева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2020. – № 1 (17). – С. 107–112.
4. Лебедева, Е.С. Транслингвизм и транскультуральность за пределами художественной литературы (на материале научно-популярных статей и книжных обзоров Ольги Грушиной) / Е.С. Лебедева, З.Г. Прошина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 2 (6). – С. 273–279.
5. Лебедева, И.Л. Русский вариант английского языка сети инстаграм: миф или реальность? / И.Л. Лебедева // Вестник Московского университета. – 2018. – № 4. – С. 156–165. – (Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).
6. Полонский, А.В. Медиалект: язык в формате медиа / А.В. Полонский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2018. – Т. 37, № 2. – С. 230–239. – (Сер. Гуманитарные науки).
7. Прошина, З.Г. Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. = World Englishes paradigm / З.Г. Прошина. – Москва : Флинта : Наука, 2017. – 208 с.
8. Старый Новый год: история праздника // Культура.РФ. Традиции. 2013–2020. – URL: <https://www.culture.ru/materials/253020/staryi-novyi-god-istoriya-prazdnika> (дата обращения: 27.12.2020).
9. Чичерина, Н.В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности / Н.В. Чичерина // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2007. – № 9(47). – С. 159–166.
10. From Poems of the Thirties: 286 [The Stalin Epigram] / By Osip Mandelstam translated by Clarence Brown and W.S. Merwin (1973) // Poetry Foundation. 2020. – URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/141943/from-poems-of-the-thirties-286-the-stalin-epigram> (accessed: 30.12.2020).
11. Kellman, S.G. Reflections on Nimble Tongues / S.G. Kellman // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2020. – № 17 (4). – С. 562–565.
12. Kellman, S.G. The Translingual Imagination / S.G. Kellman. – Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2000. – 160 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-176-181

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК АСПЕКТ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ПЕРЕНОСА В КОНТАКТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С.М. Пак

В статье рассматриваются заимствования в аспекте культурно-языкового переноса в этнической (русской) литературе на английском языке на примере творчества американской писательницы русско-еврейского происхождения Хелен Литман. Актуальность исследования связана с коммуникативной ценностью оригинальной культуры как для интерпретации авторского стиля и замысла, так и для разработки теории русского варианта английского в терминах контактной вариантологии. Поскольку в основе идейно-художественного содержания исследуемого литературного материала лежит сложная история интеграции в новую, американскую жизнь, и «русское» содержание воплощается в англоязычную языковую форму, «отсыл» в прошлое воплощается в многочисленных случаях лексических и понятийных заимствований. Представлены такие типы заимствований, как экзотизмы, описывающие прототипические русские исторические или бытовые реалии; транскрибированные русские слова, называющие реалии, лакунарные для американской культуры, в том числе междометия; зоонимы, обозначающие прототипические для русской культуры человеческие свойства и представляющие собой случай понятийного заимствования; жаргонные или сленговые слова; фразеологические кальки. Последние представляют собой искусственные языковые образования, характеризующиеся неполным семантическим соответствием. Большое количество примеров объясняется отсутствием в лингвокультурном пространстве США культурных реалий, характерных для страны исхода героев Х. Литман; с другой стороны, частотны русские слова, семантически эквивалентные английским, но придающие национальный колорит повествованию. Следы переноса культурной идентичности в творчестве билингвальных писателей, обнаруженные в работе на материале заимствований, позволяют глубже раскрыть авторский замысел, а также расширяют проблематику исследования контактной литературы.

Ключевые слова: заимствование, контактная литература, культурно-языковой перенос, билингвизм, лингвокультурная идентичность.

BORROWINGS AS AN ASPECT OF LINGUACULTURAL TRANSFER IN THE CONTACT LITERATURE IN ENGLISH

S.M. Pak

The article explores borrowings in terms of linguacultural transfer in the ethnic (Russian) fiction written in the English language, the material being works of Helen Litman, an American writer of Russian-Jewish ancestry. The research significance is related to communicative value of the original culture both for interpretation of the author's style and purport as well as for developing the theory of Russian English in terms of the World Englishes paradigm. Since the primary message of H. Liman's writings is the difficulty of integrating into a new reality, reference to the past is embodied in numerous cases of lexical and conceptual borrowings. The author explores such types of loans as exoticisms describing Russian prototypical historical, and everyday life concepts which are absent in American culture; Russian transcribed words including exclamations, slang words, incorporated in the texts; zoonyms as a particular case of conceptual borrowings, and phraseological calques. Numerous examples are conditioned by the absence of Russian culture-specific concepts in American linguacultural continuum. Traces of transferring cultural identity in bilingual writers' fiction, which are found in this article, make it possible to infer the author's purport as well as broaden the research field of contact fiction.

Key words: borrowing, contact fiction, cultural transfer, bilingualism, linguacultural identity.

Введение

Этническая литература на иностранном (английском) языке (контактная литература, в терминах Б. Качру) [15] представляет собой объект интердисциплинарный, поскольку дает богатейший материал для лингвокультурологических исследований (проявления контактов языков и культур, би- и мультикультурализма), психолингвистических – в терминах бикультурной языковой идентичности, в том числе проблем художественного билингвизма [3; 7; 9]. Исследователи данной проблематики исходят из особой функции оригинальной языковой культуры

как коммуникативно ценностной для описания «чужой» культуры, изучая этническую литературу на русском языке. Следует признать релевантность этого подхода для описания оригинальной культуры средствами «чужого» языка. Так, англоязычные по форме, но русские по ментальности художественные произведения создают писатели, эмигрировавшие в США (Г. Штейнгард, А. Улинич, Э. Литман и др.). Их тексты предоставляют и материал для разработки русского варианта английского языка качруанского расширяющегося круга как в лингвистическом, так и лингводидактическом ас-

Пак Светлана Михайловна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурной коммуникации Факультета международных экономических отношений Хабаровского государственного университета экономики и права.

Pak Svetlana Mikhailovna – Doctor (Philology), Habil., Associate Professor, Head of Chair of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Economic Activity, Khabarovsk State University of Economics and Law.

E-mail: pak_sm@mail.ru

© Пак С.М., 2021

пекте. В данном случае контакт культур проходит как по линии бикультурной языковой личности, так и с точки зрения восприятия текста представителями одной и/или другой культуры. Степень и глубина реализации своей культуры в тексте, написанном на чужом языке, варьируется в зависимости от уровня освоения второй культуры (классическим примером являются тексты В. Набокова как абсолютного билингва), а также идейно-художественной задачей автора. Часто писатели наполняют английскую языковую форму русским содержанием намеренно, передавая чувства бывших соотечественников. Так, например, сборник рассказов Эллен Литман «The Last Chicken in America» [16], взятый в качестве материала для данного исследования, посвящен мучительному процессу вхождения русскоязычных иммигрантов в американскую культуру; полон реминисценций о прошлой жизни, тоски и ностальгии, как следствие, русское содержание – смысл и идейное наполнение произведения. Т.Н. Толстая в рецензии на роман А. Макина «Французское завещание», написанный в эмиграции на французском языке, пишет: «Странно видеть, как, уходя из сферы притяжения русской литературы, русский человек, надев чуждый ему костюм чужого языка, не мытьем, так катаньем, не криком, так шепотом заставляет обратить на себя внимание совершенно чужих и равнодушных в сущности людей, чтобы, отчаянно жестикулируя, объяснить по поводу того, откуда, как, с чем и зачем он к ним пришел» [13]. «Сфера притяжения» велика, очевидно, не только у русской литературы, но и у русской души, и русско-американские писатели оставляют на страницах своих книг «следы» родной культурно-языковой идентичности.

Самым явным способом сохранения и передачи исходной лингвокультурной идентичности в контактной литературе являются заимствования, представляющие предмет данного исследования.

Виды заимствований

Известно, что заимствования из языка-донора в язык-рецептор характеризуются разной степенью интеграции, маркером которой является фиксированность в словарях принимающего языка и морфологическая освоенность, от *алиенизмов*, *экзотизмов* или *варваризмов*, сигнализирующих об иной культуре [11: с. 19], наименее ассимилированных в заимствующем языке [11: с. 48] и создающих эффект инокультурного присутствия [11: с. 465], до устоявшихся заимствований, подчас не осознаваемых как таковые даже носителями языка. Важным механизмом заимствований является калькирование – «процесс образования новых слов, выражений и оборотов по иноязычным лексическим, фразеологическим и синтаксическим моделям» [11: с. 150]; соответственно выделяют семантические и структур-

ные кальки, последние включают словообразовательные, синтаксические и фразеологические образования. Сама калька определяется как «заимствование в виде буквального перевода иностранного слова или выражения, т.е. точного воспроизведения его средствами принимающего языка с сохранением морфологической структуры и мотивировки» [2: с. 229].

Исследуемый литературный материал рассказов Эллен Литман дает большой корпус заимствований из русского языка (русизмов) разных типов, причем весь корпус заимствованных единиц можно разделить на языковые и понятийные заимствования. Под последними в работе понимаются заимствования и последующая вербализация культурных концептов [8]. В большинстве случаев эти элементы маркированы в тексте курсивом. Анализ позволил выделить следующие типы заимствованных слов.

1. *Экзотизмы, описывающие прототипические русские исторические или бытовые реалии, лакунарные для американской культуры.*

В рассказе “Dancers” герои – танцоры русского танцевального шоу “Caviar”. Писательница так описывает сценическое действие: “There were women in long sarafans and beaded kokoshniks. Cossacks with fake mustaches strutted in their dancing sharovars. Someone showed up dressed as a bear...” [16: p. 109]. «Длинные сарафаны», «украшенные бусинами кокошники», «казаки в шароварах», «ряженые под медведя» – все это создает стереотипный русский национальный колорит. Слова переданы методом практической/переводческой транскрипции, или трансфонации [11: с. 419]: ‘Sarafans’, ‘kokoshniks’, ‘sharovars’ не зафиксированы *Longman Dictionary of English Language and Culture* (1992) [17] и *MacMillan English Dictionary for Advanced Learners* (2002) [18]; однако ‘cossack’ очевидно в силу своей историографической значимости фиксируется в *Longman Dictionary of English Language and Culture*: ‘a member of a people who lived on the plains of S Russia and the Ukraine, famous for their skill in riding horses, their fierce fighting, and their characteristic way of dancing with the knees bent, their body low, and the arms folded in front of their body’ [17: p. 287]. Именно этот когнитивный сценарий описывается в приведенном контексте.

Другим примером является слово *borscht/борщ*, вошедшее в тезаурус американской культуры в сочетании Borscht Belt, «Борщовый пояс», сеть отелей в Катскильских горах, так называемые «Еврейские Альпы» (Jewish Alps) в штате Нью-Йорк, основанные евреями-переселенцами из Российской империи и позднее из СССР [6]. Слово ‘borscht’ зафиксировано словарями как ‘beetroot soup often served with sour cream’ [17].

В повествовании отсутствует толкование и курсивное выделение; слово дается как узуальное: “They sit down and eat the borscht, and the taste is all off, there is no taste...” [16: p. 167].

2. Транскрибированные междометия.

Приведем примеры.

“Aaah, here’s the child,” your mother says...” [16: p. 140].

“She was up there, performing her courageous acts of love – fake love, green card love – and in the morning she would be at work, cheerful and breathless, hurrying to a meeting, gasping, exhaling her *okhs* and *akhs*...” [16: p. 186].

Для передачи коммуникативной функции русских междометий автор привлекает прилагательное ‘breathless’, глагол ‘exhale’, создающие эффект мажорности речи, неискренности и лицемерия.

3. Жаргонные/сленговые слова.

В анализируемом произведении используется молодежный/студенческий сленг, естественный в среде молодых иммигрантов, причем встречаются жаргонизмы, типичные для разных эпох. Приведем примеры:

“He looks to be the kind my parents adore. The best student in class, always in the first row. A geek, a *botanist*, as we used to call them at my Moscow school” [16: p. 12].

Популярное обозначение «учащийся, не интересующийся ничем, кроме учебы, умник, чужак» словом «ботаник» передано буквально; для объяснения смысла привлекается англоязычный аналог ‘geek’. *MacMillan English Dictionary* дает узкую дефиницию (someone who is boring, especially because they seem to be interested only in computers’ [18]), в то время как *Longman Dictionary of English Language and Culture* трактует слово расширительно как ‘a stupid or annoying person’ [17]. Поскольку словари не дают пометку «студенческий жаргон/сленг», автор указывает на сферу использования русского слова (школа в Москве).

Другой пример.

Контекст: молодежная вечеринка –

“Leonard plops next to Vika, loops his arm around her. “Hello, chica,” he says.

Vika giggles, uneasy – she likes the attention, but doesn’t know how to take it. When Leonard puts his hand on her knee, she squirms away. He says, “Are you dissing me, gal?” [16: p. 145].

В одном контексте используется транскрибированное русское слово «чика», этимологически восходящее к американскому английскому ‘chick’ с тем же прагматическим значением «молодая привлекательная девушка», и английский аналог ‘gal’, маркируемый словарями как неформальный синоним к слову ‘a girl’.

4. Зоонимы, обозначающие прототипические для русской культуры человеческие свойства.

Несколько вводных замечаний. В научной литературе функционируют несколько терминов, обозначающих животных, – зоосемизмы, зоонимы, анимализмы, анималистическая лексика, зооморфизмы. Зооним трактуется «как наиболее удобный термин для выявления этнокультурной специфики анималисти-

ческой лексики ... лексико-семантический вариант слова, которое выступает в качестве любого родового названия животных и метафорического названия при анализе лексики с позиций эмоционально-оценочной характеристики личности» [10: с. 489]. Зоосемия понимается как «надсовокупность», функционирующая во всех языках и объединяющая наиболее близкие родовидовые совокупности [5]. Зооморфизмы – единицы фразеологии с зоокомпонентом. Многие лексемы указанной лексической группы – наименования представителей животного мира как метафоризованные характеристики человека – имеют культурно-обусловленные коннотации, закрепленные в национальном языке как часть его когнитивного базиса. Зоосемизмы наряду с наименованием цветов и частей человеческого тела трактуются в научной литературе как слова – культурные символы, составляющие культурно специфическую основу фразеологического состава каждого языка [1: с. 38].

Приведем примеры из анализируемого материала.

Контекст: герой – пожилой иммигрант – тщетно пытается учить язык на курсах, организованных еврейским общинным центром; он комментирует реплики недовольной им преподавательницы:

“This puny thing, this peewit! She had no right to speak to him this way” [16: p. 49].

Зооним ‘peewit’ определяется в толковых словарях как ‘a small black and white European bird’ [18], как звукоподражательный синоним слова ‘lapwing’ (a small bird with raised feathers on its head; its cry sounds like the name peewit [17]). Электронный словарь *Multitran* переводит это слово как «чибис, луговка, сорочий жаворонок, пигалица» [6]; последний вариант, очевидно, актуализируется объяснительным семантическим эквивалентом ‘this puny thing’; негативная коннотация, присущая русскому слову «пигалица», нивелирована в контексте.

Для русской культуры зооним «осел» однозначно репрезентирует глупого человека; «козел» – негативная характеристика мужчины. Для американской культуры аналогичная отрицательная коннотация реализуется словом ‘jackass or other stronger words not related to animals’ (из беседы с информантом – носителем американской лингвокультуры Д. Уоркманом, преподавателем английского языка в Хабаровском государственном университете экономики и права). *Longman Dictionary* маркирует слово ‘goat’ как ‘esp. BrE informal, esp. derog or humour’: ‘a man who is very active sexually; esp. one who is old or not sexually attractive’ [17]; *MacMillan Dictionary* также включает сему «старый»: ‘an insulting word for an old man, especially one who shows a great sexual interest in women’ [18].

Рассмотрим пример.

Контекст: родители Маши неожиданно для нее утешают ее, когда молодой человек – любимец родителей девушки – оставил ее, возможно беременную.

“It’s probably nothing, they say, probably stress... And Aleck? We don’t need Aleck... But my father says, Aleck is a goat, and we laugh...” [16: p. 32].

Рассмотрим примеры зооморфизмов.

Контекст: отец Маши упрекает ее в легкомысленности.

“...Your mother is barely breathing and all you care for is running around with your tail in the air” [16: p. 160].

Устойчивое выражение «носить, задрать хвост» применимо в русском языке для негативной оценки легкомысленного неразумного поведения и не используется в англоязычных странах.

В другом месте [16: p. 80] используется фразеологизм *‘like water off a goose’* – как с гуся вода, однако в американской лингвокультуре распространена идиома *‘like water off a duck’s back’*; «гусь» – прототипическая домашняя птица для русской культуры.

5. Транскрибированные русские слова, называющие реалии, лакунарные для американской культуры.

Большое количество примеров объясняется отсутствием в лингвокультурном пространстве США культурных реалий, характерных для страны исхода героев Э. Литман; с другой стороны, частотны русские слова, семантически эквивалентные английским, но придающие национальный колорит повествованию.

Несколько примеров.

Слово *‘intelligentsia’* – пример устоявшегося заимствования, освоенного словарями без пометки о заимствовании (*the people in a society who are the best educated and the most interested in art, science, literature etc. at an advanced level* [18]). В контексте рассказа “The Last Chicken in America” слово снабжается атрибутами «московская (интеллигенция)», «дети из хороших еврейских семей, посещавшие хорошие школы»:

“We are the Moscow intelligentsia, the kids from good Jewish families. The other stuff happens among simpler people – pimply guys from trade schools, ... the one who always get in trouble” [16: p. 25–26].

Приведем примеры транскрибированных безэквивалентных слов, снабженных разъясняющим описанием.

Контекст: воспоминания героев о покинутой родине.

“He said he also liked the boulevards, and Eskimo ice cream sticks for twenty-five kopeks” [16: p. 95]. ‘Ice cream sticks’ является необходимым элементом для актуализации значения русизма ‘Eskimo’.

“She brought me Russian candy, a gluey caramel, Moo-Moo. ... She smiled. There was a speck of caramel stuck to her teeth” [16: p. 191].

Карамель-ирис «Му-му» для многих – конфета «со вкусом детства»; нотки ностальгии, очевидно, и переданы в данном контексте.

Наконец, автор использует названия популярных в СССР блюд, медицинских препаратов, при

этом сам контекст позволяет догадаться о значении лексем (*volokardin, kasha*):

“You don’t want to remember, but you do anyway – the ringing of the phone, the metallic rattle of the emergency room gurneys, the broken bottle of *volokardin* on the kitchen floor.” [16: p. 148].

“Most nights I was given a plate of buckwheat *kasha* with milk...” [16: p. 190].

К русским словам, создающим национальный колорит в контексте произведения, относятся следующие лексемы, передающие, как правило, отрицательную оценку людей и используемые в разговорной речи; слова снабжаются переводами: *ubozhestvo, bezdelnik, obuza*. Слово *ubozhestvo* в контексте ссоры героев сопровождается английским семантическим эквивалентом ‘a cripple’ [16: с. 83]; *obuza* – ‘deadweight’; *bezdelnik* – ‘deadbeat’ [16: с. 168], *gomic* – ‘homosexual’ [16: с. 113].

Также транскрибируются слова из языков идиш или иврит, описывающие реалии еврейской культуры: *seder* (пасхальный ритуал), *yermolka* (национальный мужской головной убор).

6. Фразеологические кальки.

Фразеологические кальки, во многом составляющие специфику анализируемого «русского английского», в основе имеют неполное семантическое соответствие, что неизбежно при попытках описать одну языковую культуру на языке другой. В результате возникают искусственные языковые образования. Подчеркнем, что русский характер английского языка Э. Литман «высвечивается» также прямыми указаниями автора, что язык общения героев – русский.

Контекст: героиня, почувствовав отчуждение собеседника, переходит на английский язык, тем самым обозначая потерю интимности, большую дистанцию: “Oh well,” she said in English. “Thanks for coming.” [16: p. 191].

Очевидно, что вся предыдущая часть диалога была по-русски. Русскоязычный читатель «считывает» те интенции, импликации, которые часто не улавливаются англоязычным читателем.

Пример. Контекст: герой обсуждает с другом семьи состояние смертельно больной жены.

“She doesn’t look bad.”

“You should have seen her this morning” [16: p. 163].
[= Ты бы видела ее сегодня утром]

В английском предложении используется модель сослагательного наклонения «нереальное условие», подразумевающее догадку, критику, сожаление [19: с. 603]. Эти прагматические значения не реализуются в клишированной русской фразе, это скорее речевой акт отрицания предыдущей реплики.

Для анализа корпуса фразеологических калек необходимо определить классифицирующие признаки разрядов фразеологизмов. В научной литературе

основным критерием рассматривается степень семантической спаянности компонентов; выделяются, по классификации В.В. Виноградова, семантически неразложимые единицы (фразеологические сращения), мотивированные переносным значением компонентов, образные единицы (фразеологические единства), семантически разложимые обороты аналитического характера (фразеологические сочетания) [4]. Широкая трактовка фразеологии [12, 14] предполагает выделение фразеологических выражений – «несколько-словных воспроизводимых устойчивых выражений» [12: с. 186]. Не вдаваясь в детали дискуссии о категориальных свойствах отдельных типов устойчивых выражений, согласимся с подходом Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко [1], выделяющих фраземы, для которых характерна та или иная степень обобщенно-целостного значения, и остальные семантически и синтаксически членимые выражения, среди которых – паремии, устойчивые номенклатурные наименования, терминологические сочетания, крылатые выражения, речевые штампы, афоризмы.

Для удобства и системности изложения мы будем рассматривать

(а) фраземы-кальки (калькированные фразеологические сращения; калькированные фразеологические сочетания; калькированные фразеологические единства);

(б) калькированные устойчивые выражения (устойчивые номенклатурные наименования, речевые клише/штампы; пословично-поговорочные речения).

Для характеристики устойчивых выражений, используемых в материале, был привлечен Дэвид Уоркман, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Хабаровского государственного университета экономики и права.

Рассмотрим примеры.

К категориальным свойствам фразеологических единиц, помимо прочих, относят непереводаемость, а также культурную обусловленность [1: с. 30]. Эти признаки максимально релевантны для сращений – немотивированных и непроемких единиц, в состав которых часто входят устаревшие языковые формы. «Фраземика – неистощимый источник познания самого языка как развивающейся и изменяющейся системы. Причем в ней отображены не столько законы функционирования самого языка, сколько его реликты (остаточные фрагменты, «отголоски» древнейших эпох)» [1: с. 6]. Этими соображениями объясняется крайне малое число калькированных фразеологических сращений в исследуемом материале (*Firs and sticks!* / *Елки-палки!* *God's Dandelion* / *божий одуванчик*, *in the devil's antlers* / *у черта на рогах*, *Grey in the beard, devil in the ribs* / *Седина в бороде, бес в ребро*).

Комментарии информанта показали, что смысл этих выражений носителю непонятен, например, да-

ется следующее толкование *Grey in the beard, devil in the ribs: as a man gets older, he is more ill-tempered, or he is more likely to do things he knows are wrong*.

Фразеологические сочетания обладают относительной сочетаемостной свободой, это, по словам В.В. Виноградова, – «устойчивые фразеологические группы, в которых значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако, остаются несвободными» [4: с. 157]. В количественном отношении примеров этого рода больше, чем других типов фразеологизмов, поскольку эти «фразеологические группы образуются реализацией несвободных, связанных значений слов и составляют самый многочисленный и семантически веский разряд устойчивых сочетаний слов в русском языке» [1: с. 160].

К этой группе относятся созданные Э. Литман кальки относительно устойчивых предикативных фразем [1: с. 193] (*my head is splitting* / *голова раскалывается*), наречных фразем (*dressed up as if for a parade* / *вырядиться как на парад*; *think with your head* / *думай своей головой*; *to get into ones' soul* / *залезть в душу*, *drunk like a cobbler* / *пьян как сапожник*).

Калькированные фразеологические единства характеризуются свойством потенциальной образности, т.е. «значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства... По большей части, это выражения, состоящие из слов конкретного значения и имеющие заметную экспрессивную окраску... Итак, внутренняя цельность многих выражений обусловлена единством образного значения» [5: с. 141].

Например, в тексте калькируются фраземы *штататься Бог знает где* / *Masha's been...hanging around God knows where*; *два сапога пара* / *Two boots make a pair*; *гори оно синем пламенем* / *May it burn in blue flames*; *и в подметки не годится* / *not to be worth the soles of one's shoes*; *Тунг тебе на язык!* / *Ulcer on your tongue!* *to pour it on, from an empty bowl into a hallow one* / *переливать из пустого в порожнее*.

Эти единицы либо непонятны информанту, либо трактуются неправильно, например, *'ulcer on your tongue'* – *'something or someone that causes pain or is unpleasant to be around but you can't get away from, is used in situations of frustration or unhappiness with someone or something that is constantly causing pain'* [*некто или некто, вызывающие боль или дискомфорт, от чего нельзя избавиться*].

Ко второй группе – калькированные устойчивые выражения разных типов – следует отнести искусственные относительно устойчивые русифицированные выражения, составляющие основу живой практики языка, описывающие, в частности, национально-специфические феномены, номенклатур-

ные наименования, речевые шаблоны, например, Маша вспоминает свое советское прошлое:

“...my composition on *Fathers and Sons* was sent to the regional Olympics... I might have graduated with a silver medal” [16: p. 13].

“In college... the student life was fun, with weekend parties, ...guitars, and mandatory stints at potato farms” [16: p. 83].

“After college, they assigned you somewhere, and you began your life as a junior research assistant. ... My boss encouraged me to finish my candidate dissertation. ... By then I was married, safely tucked into my own society cell” [16: p. 83].

Создается пространство русской/советской культуры с его новоязом (*кандидатская диссертация, младший научный сотрудник, окончить школу с серебряной медалью, районная олимпиада, ездить «на картошку», семья – ячейка общества*). Эти устойчивые сочетания воспроизводятся как готовые фразеологические единицы.

Автор прибегает и к калькированию русских паремий. В лингвистической литературе отличительным признаком пословично-поговорочных речений называют «наиздательный смысл», суждение, лежащее в основе паремий, в отличие от понятий, описываемых фраземами [1: с. 242], ср. используемые в рассказах речения: *two boots make a pair / два сапога пара* – фразема (комплексный эквивалент слову «одинаковые»); *in a fishing lull, even a lobster is fish / на безрыбье и рак рыба* или *We're not playing at spillikins here / Мы не в бирюльки здесь играем* (мнение). Последняя поговорка интересна тем, что слово «бирюльки» сохранилось в русском языке только в составе данного пословичного речения, а перевод на английский язык со словом ‘spillikins’ (осколки, фрагменты) лишил его смысла для англоязычного читателя.

Заключение

Данная работа вносит определенный вклад в разработку проблематики лексических заимствований, в сопоставительные исследования пословичных менталитетов. Следы переноса культурной идентичности в творчестве билингвальных писателей можно обнаружить, кроме лексического, и на таких уровнях художественного дискурса, как преобладающие номинативные и коммуникативные стратегии, в том числе в терминах речевого этикета, специфика реализуемой когнитивной базы в терминах способов вербализации концептов и манифестации когнитивных оснований языковых категорий. Таким образом, транслингвальная художественная литература представляет собой обширный источник материала для лингвистических и лингвокультурологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко, Н.Ф.* Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. *Арнольд, И.В.* Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – Москва : Флинта: Наука, 2012. – 376 с.
3. *Бахтикиреева, У.М.* Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / У.М. Бахтикиреева. – Москва : РУДН, 2005. – 40 с.
4. *Виноградов, В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – С. 140–161.
5. *Киприянова, А.А.* Функциональные особенности зооморфизмов: На материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Киприянова. – Краснодар, 1999. – 217 с.
6. Мультигран. Словарь. – URL: <https://www.multigran.com/> (дата обращения: 13.01.2021).
7. *Николаев, С.Г.* Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.Г. Николаев. – Ростов-на-Дону, 2006. – 48 с.
8. *Новикова, Т.Б.* Заимствование лингвокультурных концептов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Б. Новикова. – Волгоград, 2005. – 22 с.
9. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Спец. выпуск. – 2016. – № 2 (50). – С. 10–168.
10. *Саблина, О.Б.* Отражение национального менталитета в зоосемизмах (на примере фразеологических единиц русского и немецкого языков) / О.Б. Саблина // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2 (81). – С. 482–491.
11. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович ; под ред. М.Г. Лебедева, З.Г. Прошиной. – Москва : Флинта: Наука, 2013. – 632 с.
12. *Телия, В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
13. *Толстая, Т.Н.* Русский человек на randevу / Т.Н. Толстая // Знамя. – 1998. – № 6. – URL: <https://znamlit.ru/archive.html> (дата обращения: 09.12.2020).
14. *Шанский, Н.М.* Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1985. – 192 с.
15. *Kachru, B.* Models for non-native Englishes / B. Kachru // Readings in English as an International Language / Ed. by L. Smith. – Oxford : Pergamon Press, 1983. – P. 69–86.
16. *Litman, E.* The Last Chicken in America: a novel in stories / E. Litman. – New York, London : W.W. Norton & Co, 2007. – 240 p.
17. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Edinburgh Gate, England : Longman, 1992. – 1528 p.
18. MacMillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. – Oxford : Macmillan, 2002. – 1675 p.
19. *Swan, M.* Practical English Usage / M. Swan. – Moscow : Vysšaja Škola, 1984. – 552 p.

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ НЕМЕЦКИХ СЛОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Е.Н. Ширлина

Статья посвящена трансплантированным в английский текст немецким словам с точки зрения их перевода. В ней рассматриваются виды трансплантатов (заимствования и иноязычные вкрапления), основные взгляды на их перевод, способы введения немецких трансплантатов в англоязычный текст и их функции в текстах, принадлежащих к разным стилям, а также факторы, влияющие на выбор переводческой стратегии и способов перевода. Кроме того, анализируются стратегии и основные способы перевода немецких трансплантатов на русский язык и предлагается алгоритм их перевода.

Ключевые слова: трансплантация, заимствование, иноязычное вкрапление, функциональный стиль, адаптация, форенизация, экспликация, псевдогерманизм.

TRANSPLANTATION OF GERMAN WORDS INTO ENGLISH TEXTS AS A TRANSLATION PROBLEM

E.N. Shirlina

The article deals with German words transplanted into English texts as a translation problem. It examines the types of transplanted words (borrowings and foreign language inclusions), the main views on their translation, methods of introducing German transplanted words into English texts and their functions in texts which belong to different styles, as well as factors influencing the choice of translation strategy and translation methods. In addition, strategies and main methods for translating transplanted German words into Russian are analyzed and a translation algorithm is offered.

Key words: transplantation, borrowing, foreign language inclusion, functional style, adaptation, foreignization, explication, pseudo-German word.

Введение

В XX в. в центре внимания исследователей оказались контакты английского языка как языка международного общения с другими языками и их взаимное влияние друг на друга. К представлению об английском языке как языке международного общения, используемом не только носителями, добавилась его особая роль в качестве языка-посредника. В результате данного процесса знакомство с другими культурами часто происходит через посредничество английского языка, при котором отдельные элементы этих культур проникают в англоязычный текст в форме иноязычных вкраплений, которые автор текста нередко передаёт, используя приём трансплантации.

Перевод трансплантатов, т.е. иноязычных слов, заимствованных из третьего языка, сохранивших исходный графический облик или подвергшихся частичной адаптации, можно отнести к сфере опосредованного перевода. З.Г. Прошина определяет опосредованный перевод как «перевод с языка-посредника, включающего языковые элементы третьего языка», при котором в исходном тексте могут

встречаться реалии, относящиеся к культуре третьего языка, или элементы интерференции третьего языка [12: с. 301]. Она отмечает, что такой перевод должен выполняться в соответствии с традициями и конвенциями прямого перевода, без ложных переносов и корреляций [11: с. 179].

Говоря об английском и немецком языках, следует отметить, что, с одной стороны, общая система письма не создаёт для переводчика таких трудностей, как, например, в случае с переводом китайских или арабских вкраплений в английский текст. С другой стороны, возникает проблема идентификации немецких трансплантатов, которые, кроме того, подвергаются в английском языке частичной фонографической и морфосинтаксической адаптации.

Виды трансплантатов

Трансплантаты можно разделить на две основные группы, которые будут отличаться по способу перевода: заимствования и иноязычные вкрапления.

Среди заимствованных слов, зафиксированных в англоязычных словарях, около 820 пришли из немецкого языка [13: с. 87]. Большая часть была заимствована из научной литературы и публици-

Ширлина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, магистрант программы переводоведения Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Shirlina Elena Nikolaevna – Doctor (Philology), Master's degree student, Translation Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University.

E-mail: shirl2005@yandex.ru

© Ширлина Е.Н., 2021

стики [4: с. 111]. В настоящее время в связи с ростом числа международных контактов происходит проникновение слов и из других сфер через устную речь. Тот факт, что английский язык продолжает заимствовать немецкие слова, О.Д. Гришагина, Е.Г. Ножевникова объясняют возросшей ролью словосложения в английском словообразовании. В результате заимствуется всё больше немецких сложных слов [3: с. 44].

Следует отметить, что заимствования редко являются полными синонимами существующих в языке английских слов. Чаще всего они представляют собой стилистические синонимы или приобретают дополнительные оттенки значения, поэтому при их переводе следует опираться на их значение, зафиксированное в словарях английского языка. Так, например, слово “angst”, которое в немецком языке имеет значение «страх», пришло в английский язык из трудов философа Мартина Хайдеггера в значении “a feeling of deep anxiety or dread, typically an unfocused one about the human condition or the state of the world in general” и часто используется в сочетаниях “middle-aged angst” и “teen(age) angst”, расширило своё значение в принимающем языке, распространившись на сферу культуры. Оно стало дополнительно обозначать жанр произведений непрофессиональных авторов, который описывает сильные душевные страдания персонажа, а также драматичную музыку в стилях тяжёлый металл, панк-рок, гранж, эмо и альтернативный рок.

Более обширную и сложную для перевода группу трансплантатов представляют собой иноязычные вкрапления. Вслед за О.В. Фельде мы понимаем под иноязычными вкраплениями полное или частичное включение слов, словосочетаний, предложений и отдельных фрагментов текста на чужом языке, а также вставки фрагментов «ломаной» речи иностранцев в семантико-стилистическое окружение принимающего языка [14: с. 187]. Их особенность состоит в том, что они ещё не ассимилированы языком и поэтому не закреплены в толковых словарях.

Исследованиям иноязычных вкраплений уделяется большое внимание в работах лингвистов XX в.: Б.Н. Павлова, Г.С. Скребова, О.С. Сапожниковой, Ю.Т. Листровой-Правда, Л.П. Крысина, В.И. Андрусенко и др. Сам термин был введён А.А. Леонтьевым (1966). Он рассматривает иноязычные вкрапления как внесистемные по отношению к данному языку элементы, как «сосуществование» двух текстов [2: с. 38].

Наибольший интерес и наибольшую сложность для перевода представляют собой иноязычные вкрапления, которые не являются интернационализмами и носят окказиональный характер.

Иноязычные вкрапления могут быть как стилистически нейтральны, так и стилистически марки-

рованы, поскольку вступают в контраст с основным содержанием текста. Они выполняют различные функции в зависимости от стиля и типа текста, а также его коммуникативной задачи. Наиболее полно, на наш взгляд, исследованы функции иноязычных вкраплений в текстах художественной литературы. Это связано с тем, что иноязычные вкрапления всегда широко использовались в литературе.

В сочетании с коммуникативной функцией эстетическая функция является определяющим моментом особой организации художественного текста. Кроме того, отличительной чертой художественного текста является его экспрессивность, поэтому иноязычные вкрапления в первую очередь выполняют художественно-стилевые задачи и иногда отражают индивидуальное словоупотребление. Они могут служить средством создания национального колорита, раскрытия характера персонажа, создания ключевого фрагмента текста, без которого невозможна реализация авторского замысла [7: с. 142].

В текстах публицистического стиля иноязычные вкрапления служат для привлечения внимания читателя (экзотизация, языковая игра), обозначения места действия, создания национального колорита, дистанцирования автора от слов третьих лиц, демонстрации оценки и критической позиции автора. Кроме того, иноязычные вкрапления могут выступать как средство интертекстуализации, представляя собой цитаты или аллюзии.

В научных текстах использование иноязычных вкраплений тесно связано с проблемой терминологической эквивалентности. В гуманитарных науках, в частности, в философии, психологии и переводоведении, некоторые термины являются национально-специфическими, отражая их принадлежность определённой теории или даже авторство конкретного учёного, поэтому часто трансплантируются в англоязычный текст без перевода или в сопровождении объяснительного перевода или эквивалента. Кроме того, терминологические системы некоторых областей научного знания, особенно сравнительно молодых, ещё находятся в процессе становления. В них параллельно может существовать несколько терминов, которые различаются по объёму значения и положению в терминотехнике. Это может привести к параллельному существованию собственного термина и термина, заимствованного из другого языка путём трансплантации, что создаёт дополнительные трудности для переводчика, который должен понимать, имеет ли он дело с терминологическими синонимами (например, при «параллельном подключении» [5: с. 52]) или с разными терминами.

При анализе текстов, относящихся к разным функциональным стилям, мы обратили внимание на то, что выбор оптимального переводческого ре-

шения в значительной степени зависит от стиля текста и доминирующей функции, которую трансплантат выполняет в тексте.

Перевод трансплантатов на русский язык

В переводоведении трансплантаты традиционно относят к безэквивалентной лексике, обозначающей реалии. Среди способов передачи инокультурных реалий можно выделить: механический перевод (транслитерацию, транскрипцию, трансплантацию), калькирование, гипо-гиперонимический перевод, приближенный перевод (аналоговую замену), описательный перевод, экспликацию, перевод при помощи семантических неологизмов, опущение. Часто переводчику приходится прибегать к комбинации этих приёмов.

С. Влахов и С. Флорин приходят к заключению, что определяющим фактором при переводе является степень знакомства адресата перевода с вкраплением [1: с. 263]. Нередко трансплантаты являются понятными без перевода. И, напротив, то или иное иноязычное вкрапление может быть понятно адресату оригинала, но совершенно чуждо для адресата перевода.

В современном переводоведении принят комплексный подход к передаче иноязычных вкраплений. Так, например, В.Ю. Немонезная [9], Т.М. Метласова и О.В. Шимарова [8] выделяют следующие доминантные способы их перевода:

1) сохранение иноязычного вкрапления в исходной форме без перевода;

2) перевод иноязычного вкрапления представлен в сноске;

3) культурная адаптация иноязычного вкрапления.

В.Ю. Немонезная отмечает тенденцию к трансплантации иноязычных вкраплений в сочетании с объяснительным переводом [9].

Для перевода трансплантированной в оригинальный текст лексики также может использоваться трансплантация. В первую очередь это касается перевода эргонимов, т.е. названий организаций. Однако трансплантаты могут затруднять понимание текста, поэтому для адекватного перевода часто требуется сочетание трансплантации с экспликацией или использование параллельного подключения.

При переводе иноязычных вкраплений, которые в тексте оригинала не сопровождаются сносками и смысл которых не раскрывается в контексте, переводчик сохраняет иноязычную форму и дополняет переводом в сноске, что позволяет сделать перевод максимально эквивалентным. В случае, если автор произведения вводит иноязычные вкрапления с прямым или косвенным пояснением, переводчик прибегает к транскрипции или транслитерации, сохраняя элемент иноязычности в переводном тексте. Трансплантаты сохраняют свой иноязычный облик и не сопровождаются переводческим ком-

ментарием, если значение иноязычного вкрапления понятно реципиенту без помощи переводчика либо оно является элементом колорита, для восприятия которого не нужна смысловая нагрузка [10: с. 30].

В.В. Кабакчи подчёркивает роль типа текста и его коммуникативных задач [6: с. 57]. Так, в научных текстах трансплантаты (в терминологии автора «ксенонимы») появляются в виде многочисленных заимствований (нередко из нескольких различных языков одновременно), а их значения эксплицируются с помощью параллельного подключения, внутритекстового пояснения на родном языке, хотя нередко используются и кальки [6: с. 58]. Параллельные подключения выполняют функцию вторичной номинации, их использование объясняется необходимостью сделать текст с трансплантатами понятным для широкого круга читателей [6: с. 59]. В.В. Кабакчи также обращает внимание на то, что в путеводителях трансплантаты играют особую роль, поскольку турист может воспользоваться ими для идентификации нужного объекта [6: с. 62–63].

В художественных текстах основная функция эстетическая, а не информативная, поэтому далеко не всегда возможно использовать параллельные подключения.

Как уже говорилось ранее, для адекватного перевода трансплантатов из третьего языка важно идентифицировать их в тексте и определить их тип (заимствование или иноязычное вкрапление).

Идентификации способствуют такие способы введения трансплантатов в англоязычный текст, как:

1) сохранение исходного графического облика трансплантата:

That Gemütlichkeit is deceptive, though, because at the core of the drama of this opening act of the opera there's a tussle over the function, purpose, and philosophy of art and music (The Guardian, 2013);

2) шрифтовые приёмы выделения и заключение в кавычки:

*Beyond these is the **Bruchland** of the North German plain: sandy-soiled, marshy and latticed by canals (The Guardian, 2019);*

3) сочетание трансплантации с объяснительным переводом или параллельное подключение:

*Sunday's protest was the latest of several recent actions known in Germany as *Ende Gelände* (Here and no further) that aim to peacefully disrupt digging operations in major mines (The Guardian, 2017);*

4) комбинация из нескольких способов:

*Could they not have said "*schmeckt geil!*" (*tastes great!*)? (The Guardian, 2012).*

Заимствованные слова переводятся в соответствии с их значением в языке-реципиенте и, как правило, не служат для передачи национального колорита, хотя могут использоваться в качестве стилистического средства: *If so this is a ghastly *geist**

for a shitty *zeit* (The Guardian, 2005) – от заимствования „*zeitgeist*“ – дух времени. Однако в данном случае переводчику важно передать именно языковую игру, а не подчеркнуть иностранное происхождение слова.

Отдельной проблемой является перевод псевдогерманизмов, сложных слов, которые образованы соединением немецкой основы и компонента не обязательно немецкого происхождения [3: с. 44]. Они образованы по активным моделям немецкого языка (нередко за основу берётся конкретное слово), но либо не существуют в немецком языке, либо имеют в нём другое значение. В качестве примера псевдогерманизма, не существующего в немецком языке, можно назвать слово “*Schublade*brief” (выдвижной ящик стола + письмо), которое описывает концепт “the letter you write, but never send” (‘письмо, которое написали, но не отправили’). Идея оказалась популярной, и в Твиттере было создано новое понятие *Schublade*tweet для описания неопубликованных сообщений (the one for unposted tweets) [3: с. 46].

Примером псевдогерманизма второго типа может служить существующее в немецком языке слово “*Spannungsbogen*” (характер напряжённости событий художественного произведения). Американский писатель Фрэнк Герберт в своём романе «Дюна» использует его в другом значении: “waiting for the right moment to act despite action now securing some of your goal” или “judicious self-restraint” (‘умение сдерживать себя и, ощутив желание, не спешить удовлетворить его’).

Адекватный перевод таких лексем на русский язык возможен при понимании значения составляющих её основ, значения словообразовательной модели, а также с учётом контекста употребления.

При переводе иноязычных вкраплений важно учитывать стиль текста и его коммуникативную задачу. В соответствии с ними переводчик выбирает стратегию перевода трансплантата (культурная адаптация или форенизация) и оптимальный способ перевода.

Так, в научных текстах трансплантаты обычно выполняют терминологическую функцию или цитатную функцию, указывающую на конкретного автора и его работы. В них трансплантаты, как правило, не подвергаются адаптации, сопровождаются маркерами, идентифицирующими их как единицы другого языка, и объяснительным переводом либо английским эквивалентом. Это позволяет переводчику трансплантировать термин в русский текст, сохранив объяснительный перевод или параллельное подключение:

Hilbert and Ackermann [1928, p.1] in 1928 speak of a sentence in a deductive theory being a ‘logical consequence’ (*logische Folgerung*) of other sentences. – Гильберт и Аккерман [1928, с.1] в своей работе

1928 г. говорят о высказывании в теории дедукции как о ‘логическом выводе’ (*logische Folgerung*) из других высказываний.

В публицистических текстах, в которых трансплантаты выполняют функцию привлечения внимания, документализации или создания местного колорита – как правило, в сочетании с другими функциями, – выбор адекватного перевода зависит от доминирующей коммуникативной задачи. Так, в тех случаях, когда функция передачи местного колорита не является главной и компенсируется другими языковыми средствами, когда у переводчика нет возможности добавить объяснительный перевод или комментарий (например, в заголовках), когда трансплантат не является именем существительным и образует устойчивое сочетание с английским словом, целесообразнее отказаться от трансплантации и прибегнуть к другим способам перевода, например, смысловому развитию:

What makes this a city of *krank* callers (The Guardian, 2002). – Почему именно жители этого города [Берлина] чаще всего вызывают скорую помощь.

В тех случаях, когда семантика трансплантата играет менее важную роль, чем передача местного колорита, речевая характеристика или оценка, особенно если реципиентам перевода хорошо известно немецкое слово, можно использовать механический перенос:

Christian Democrat (CDU) leader Angela Merkel, the ‘*iron frau*’, is poised to unseat the Social Democrats’ Gerhard Schroeder, promising a plethora of hard-hitting, business-friendly reforms (The Guardian, 2005). – Лидер социал-демократической партии (CDU) Ангела Меркель, «*железная фрау*», может сместить с поста другого представителя социал-демократов, Герхарда Шрёдера, пообещав провести множество кардинальных, благоприятных для бизнеса реформ.

Выводы

Перевод трансплантатов представляет собой актуальную проблему с точки зрения опосредованного перевода, поскольку в современном информационном пространстве преобладают тексты на английском языке, в которых другие культуры находят своё отражение в числе прочего в форме иноязычных вкраплений. Для переводчика, как устного, так и письменного, такие тексты могут представлять сложность, особенно если язык трансплантатов не является его рабочим языком.

Для того, чтобы наиболее адекватно перевести англоязычный текст с немецкими трансплантатами, переводчику необходимо их идентифицировать и определить их доминирующую функцию в данном тексте. Исходя из этого, а также принимая во внимание степень знакомства реципиентов текста перевода с трансплантатом, переводчик делает выбор в

пользу культурной адаптации или форенизации и использует соответствующие способы перевода: в первом случае – замену эквивалентом, смысловое развитие, опущение и т.д., а во втором – механический перенос, как правило, в сочетании с объяснительным переводом или в сопровождении эквивалента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Влахов, С.* Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1980. – 416 с.
2. *Геранина, И.Н.* К определению понятия «иноязычное вкрапление» / И.Н. Геранина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Беллинского. – 2007. – № 4 (8). – С. 38–39.
3. *Гришагина, О.Д.* Псевдогерманизмы в современном английском языке: особенности образования и функционирования / О.Д. Гришагина, Е.Г. Ноженикова // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании : Всероссийская (с междунар. участием) герменевтическая конф., посвящ. памяти заслуженного деятеля науки, проф., д-ра филол. наук Георгия Исаевича Богина. – Тверь : ТвГУ, 2018. – С. 43–47.
4. *Зинчук, Е.А.* Немецкие заимствования в лексической системе современного английского языка / Е.А. Зинчук // Вестник Московского университета. – 2013. – № 4. – С. 110–116. – (Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).
5. *Кабакчи, В.В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 238 с.
6. *Кабакчи, В.В.* Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат / В.В. Кабакчи // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – Санкт-Петербург : СПбГУЭФ, 2007. – С. 51–70.
7. *Манина, С.И.* Иноязычные вкрапления в аспекте прагматики / С.И. Манина // Культурная жизнь юга России. – 2008. – № 2 (27). – С. 141–143.
8. *Метласова, Т.М.* Функционирование иноязычных вкраплений в художественном тексте и особенности их перевода на русский язык (на примере романа Т. Пратчетта «Ведьмы за границей») / Т.М. Метласова, О.В. Шимарова. – URL: <https://docplayer.ru/40985058-T-m-metlasova-o-v-shimarlova-saratovskiy-gosudarstvennyy-universitet-im-n-g-chernyshevskogo.html> (дата обращения: 20.12.2020).
9. *Немонежная, В.Ю.* Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема: На материале русских переводов произведений А. Конан Дойла на историческую тематику : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Ю. Немонежная. – Москва, 2006. – URL: https://newdissser.ru/_avtoreferats/01002977925.pdf (дата обращения: 23.12.2020).
10. *Нидзий, Г.В.* Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема (на материале романа Грегори Дэвида Робертса «Шантарам» в переводе Льва Высоцкого и Михаила Абушика на русский язык) / Г.В. Нидзий, О.В. Добрынина // Научные тенденции: Филология, Культурология, Искусствоведение : сб. науч. тр. по материалам XII Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26 апр. 2018 г.). – Санкт-Петербург, 2018. – С. 26–31.
11. *Прошина, З.Г.* Опосредованный перевод и принцип обратимости перевода / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1 (41). – С. 179–185.
12. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович ; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – Москва : Флинта: Наука, 2013. – 632 с.
13. *Смирнова, А.Н.* Процесс ассимиляции немецких заимствований в английском языке / А.Н. Смирнова, Н.Б. Хромова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2016. – № 17. – С. 86–90.
14. *Фельде, О.В.* Иноязычные вкрапления / О.В. Фельде // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : слов.-справ. / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2014. – С. 187–188.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Philosophy of Logic* / Ed. by Dale Jacquette. – Elsevier, 2007. – 1200 p.
2. *The Guardian*. – URL: www.theguardian.com/international (accessed: 25.12.2020).

ЛАНДШАФТ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И РЕКУРРЕНТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Е.В. Терехова

В статье даётся определение лингвистического ландшафта в текстах разной функциональной отнесенности. Также рассматриваются конструкции, получившие название рекуррентных, и композиты. И те, и другие находят широкое применение в текстах, принадлежащих различным функциональным стилям речи. Далее анализируется лингволандшафт, основа функционирования изучаемых двухкомпонентных новообразований, и объясняется значение, которое они приобретают в контексте лингвистического ландшафта англоязычных СМИ.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт; лингволандшафт; композиты; «экстренная» лингвистика; рекуррентные конструкции; двухкомпонентный; новообразования.

THE IMPORTANCE OF RECURRENCE CONSTRUCTIONS IN ORGANIZING THE LANDSCAPE OF ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

E.V. Terekhova

The article defines the linguistic landscape in texts of various functional affiliation. Also considered are the constructions, called recurrent, along with the composites. Both are widely used in texts of different functional styles of speech. Further, the linguistic landscape which serves as the basis for the use of the newly formed bicomponent collocations and the composites under consideration is analyzed, and the significance they acquire in the process of interaction with the linguistic landscape of the English-language media is explained.

Key words: linguistic landscape; linguolandscape; composites; “emergency” linguistics; recurrent constructions (RC); bicomponent; newly formed collocations.

Введение

Под словом «ландшафт» мы понимаем следующее общее его определение: «Рельеф земной поверхности, общий вид и характер местности. То же, что пейзаж. Например: *Географический л. Горный л.* Прилагательное: *Ландшафтная/-ый живопись/заказник*» [5: с. 219]. К области исследования лингвистического ландшафта учёные приступили относительно недавно. Сегодня можно отметить как интересный факт то, что, по выражению Марка Себба, «парадигма языковых ландшафтов (*language landscape*) быстро развивалась, и, хотя с ней связано несколько ключевых имён, в настоящее время она не имеет чёткой ортодоксальности или теоретического ядра» [14: с. 73].

Поддерживая высказанный М. Себба факт отсутствия единого ядерного определения парадигмы этого слова, а соответственно и словосочетания или, в нашей терминологии, рекуррентной конструкции (РК), мы приведём расширенное определение того, что, предположительно, принимается и понимается под термином *лингвистический ландшафт (лингволандшафт)*. Это языковые образования, которые используются в тех случаях,

когда глаз выделяет и отмечает осознанно или неосознанно языковые знаки на промышленных, административных и торговых зданиях [11]. Иногда подобная видимость и узнаваемость этих знаков на разных языках и разной степени грамотности встречается на заборах и стенах жилых домов – *граффити*, но этот жанр настенной лингвистики или живописи и то, как он «работает», в рамках этой статьи не рассматривается. Часто лингвистический ландшафт может определяться как перекрёсток сразу нескольких научных дисциплин, например таких, как социолингвистика, социология, социальная психология, география и экономическая география, а также медиа-ландшафт (или СМИ-исследования). В статье анализируются лишь некоторые наиболее репрезентативные примеры РК и композитов, составляющих конкретный лингволандшафт, а также объясняются приёмы и тактики их контекстного и внеконтекстного перевода.

Рекуррентные конструкции и композиты: определения

Что может побудить учёного использовать в научных текстах эмоциональные языковые средства для передачи или называния базовых научных

Терехова Евгения Викторовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского Дальневосточного отделения РАН (г. Владивосток).

Terekhova Yevgeniya Viktorovna – Doctor (Philology), Habil., Head of Foreign Languages Department, Far Eastern Branch, Russian Academy of Science (Vladivostok).

E-mail: evgeniavlad@gmail.com

© Терехова Е.В., 2021

понятий или терминов в своей научной области? В этой статье центральным объектом изучения и перевода выступают рекуррентные конструкции и композиты, поскольку они, обладая новизной, небанальностью и свежестью, охотно принимаются авторами и начинают тиражироваться. Конкретные дискурсивные значения эти конструкции приобретают в динамически разворачивающемся контексте лингвистического ландшафта.

В свете нашего высказывания выше о дискурсивных значениях РК и композитах нам хотелось бы подчеркнуть один важный факт. В этой статье мы не акцентируем внимание на принципиальных различиях между дискурсом и текстом, хотя считаем их существенными и важными. Мы разделяем мнение Е.А. Кожемякина, что дискурс – это область лингвистического и социального, являет собой актуальный динамический процесс, который потенциально может быть незавершённым. А текст – это исключительно лингвистическая категория с зафиксированным конечным результатом деятельности человека. В дискурсивном ландшафте значения высказывания всегда динамически формируются и развиваются в процессе воспроизводства словосочетаний. По меткому выражению учёного, «...в дискурсе смысл сказанного – всегда в последующих высказываниях, в то время как в тексте смысл – в том, что уже сказано. У дискурса диалогичная и полифоничная природа, у текста – монологичная» [4: с. 27–28].

Например, область медицины, в которой сегодня так активно возникают рекуррентные конструкции и композиты, лидирует относительно прочих, поскольку включает в себя непрекращающееся воспроизводство высказываний, относящихся к функциональной научной области медицины: от выписки рецептов и постановки диагноза до алгоритма лечения и врачебных рекомендаций/практик при выписке пациента из больницы [13] и жарких, порой яростных дискуссий о пользе и вреде отдельных вакцин и вакцинирования. По определению, это всё – дискурс, в то время как порождаемые конкретные медицинские заключения в конце каждого дня, проведённого больным в стационаре, вносимые его лечащим врачом в историю болезни, – это тексты.

В фокусе нашего исследования находится конечный лингвистический продукт – *рекуррентные конструкции и композиты*, под которыми мы понимаем особый тип устойчивых идиоматических выражений, которые могут характеризоваться инновационностью, чёткой соотнесённостью как с ситуацией, так и с хронологией фактического события. Рекуррентными же эти конструкции становятся благодаря интенсивной тиражируемости главными изданиями СМИ (*mainstream*). Рекуррентные конструкции – это такие неоднословные словосочетания, которые в содержательном плане

характеризуются слабо идиоматичным значением, т.е. их план содержания слабо поддаётся описанию посредством стандартных правил [3: с. 27].

Композиты – это сложные слова или дериваты с полнозначным аффиксом, формирующим новое лексическое значение слова. Основное свойство данного термина – его двусоставность. Рекуррентные конструкции, как и композиты, также отличает чётко выраженная двукомпонентность. Анализ сложных слов всегда проблематичен, что сопряжено с большим разнообразием контекстов, под влиянием которых можно воспроизвести различные «лексико-фразеологические варианты» слов или композитных сложных слов [2: с.171].

Итак, рекуррентные конструкции, словосочетания двух и более слов, предполагают, что их перевод следует начинать с семантического анализа их компонентов, пытаюсь выделить *маркированный член* конструкции. Именно он способствует концентрации РК вокруг некоторого «опорного» концепта. Маркированность несёт в себе новизну, свежесть и воспроизводимость. Когда искомым компонент определён, причём этот подход применим к любой РК, например, «**лингвистический**» относительно понимания немаркированного компонента «ландшафт», тогда можно приступать к анализу всей, чаще всего двукомпонентной конструкции для последующего перевода. В результате мы получаем нестандартный перевод конструкции, с помощью которого её понятие передаётся по-новому. Иными словами, полученная рекуррентная конструкция употребляется терминологически, что справедливо как для РК «**лингвистический** ландшафт», так и для образованного от неё композита «**лингволандшафт**».

Ниже мы проанализируем, опишем и переведём ряд примеров рекуррентных конструкций и композитов, которые были заимствованы из англоязычных текстов, и покажем, какие подходы применялись для каждого из них, чтобы стало возможным вывести значение и сделать перевод каждой отдельной конструкции, без чего *передача всего отрезка текста* с английского на русский язык может быть затруднена или неверна.

В некоторых примерах, которые были разделены на несколько небольших групп или кластеров, имеет место *переинтерпретация прямого значения слова*, в других случаях трудности возникают при поиске значения конструкций по причине их *непрозрачности, нестандартности* или *нетривиальности* информации, передаваемой *маркированным компонентом* РК. Поскольку речь идёт о двукомпонентных конструкциях, можно предположить, что эти последние могут существовать в языке также и в виде свободных сочетаний слов. Однако, попадая в текст определённой функционально-

коммуникативной принадлежности, они могут измениться. Нас интересуют именно вторые, *несвободные, связанные и/или устойчивые* словосочетания, выражения или, как они названы у нас, *конструкции*. А таковыми они становятся, когда, утрачивая свой свободный статус, попадают в *медийный ландшафт политического дискурса или иного текста в области научного функционального стиля*, которые связывают их [8: с. 62].

Одна из причин трудностей, возникающих при исследовании РК, «работающих» в рамках лингво-ландшафта политики, *mainstream media* или любого другого, кроется в их динамичном характере. Методы и подходы, используемые для анализа слов, словосочетаний и предложений в статике, в качестве стабильных элементов языковой системы в целом слабо вписываются в лингволандшафт текстов, изобилующих РК. Это также справедливо и для перевода этих несвободных словосочетаний в силу сложности определения значения, обусловленного нетривиальностью маркированного компонента.

Рекуррентные конструкции активно включаются в организацию как ландшафта англоязычных СМИ, так и любого иного, в котором они были обнаружены. Учитывая факт, что язык существует в акте коммуникации, напрашивается вывод, что любое значение РК определяется относительно конкретной формы её функционирования в лингво-ландшафте. Поскольку при семантическом анализе исследователь всегда имеет дело с речью, значения анализируемых конструкций и их компонентов выводятся из наблюдаемых случаев их употребления «в соответствии со специфическими коммуникативными задачами того или иного функционального стиля речи» [6: с. 17].

Анализ внеконтекстных рекуррентных конструкций и композитов

Согласно коммуникативно-функциональному подходу к переводу перевод-результат следует рассматривать как текст, созданный в определенной коммуникативной ситуации с определенной целью и выполняющий определенную функцию. Именно в этом заключается принципиальное отличие коммуникативно-функционального от текстоцентрического подхода, согласно которому перевод заменяет собой оригинал, воспроизводя настолько полно и точно, насколько это возможно, содержание оригинала и его коммуникативно-релевантные формальные признаки [7: с. 112].

Анализ выделяемых нами рекуррентных и композитных конструкций, далее называемых композитами, показывает, что эти устойчивые словосочетания трудно переводимы с английского на русский язык, и наоборот, если использовать текстоцентрический подход. Приведём ряд РК и композитов, рассматриваемых вне контекста, и сделаем их анализ, перевод или описание.

1. *“Political and economic landscape”* – «**политико-экономический ландшафт**».

2. *“Linguistic landscape”* – «**лингвистический ландшафт**».

3. *“Emergency linguistics”* – *«**экстренная/ чрезвычайная лингвистика**».

4. *“Glut of weapons”* – «**насыщенность** оружием».

5. *“Lamestream media”* – «**неуклюжие** СМИ» («*mainstream media* – **главные/основные** СМИ»; (ср.: *“Lame duck”* – «**гадкий утёнок; банкрот; неудачник; калека; неперезбранный член**»); *“Trash-stream Internet”* – «**Мусорный Интернет**» или «**Чёрный Интернет**».

6. *“Nuggets from the stupidity mine”* – *«**самородки золота из шахты глупостей**».

7. *“Cluster effect”* – «**кластерный эффект**» – концентрация людей в общественных местах, что способствует ускоренному распространению инфекции.

8. *“Red zone”* – «**красная зона**» («**опасная зона**») – это географический район или место, классифицируемые как имеющие самый высокий уровень инфицированных лиц, которые должны быть помещены под карантин.

9. *“Heroes in white”* – «**Герои в белых халатах**».

10. *“Patient zero”* – «**нулевой пациент**» – первый случай или первый зарегистрированный пациент в эпидемии коронавируса, (ср. *“ground zero”* and *“zero intention”*).

11. *“Super-spreader”* – «**инфицированный человек, который передаёт инфекцию большему, чем в среднем, числу других**».

12. *“Comorbidity”* – одно или несколько заболеваний; или заболеваний, перенесённых пациентом одновременно с основным заболеванием; заболеваемость; смертность; болезненность; *“сопутствующие»* заболевания или причины смерти.

13. *“Asymptomatic patient”* – «**бессимптомный больной/носитель**» – инфицированные пациенты, не имеющие никаких признаков инфекции, болезнь которых протекает бессимптомно. Таких людей иногда называют «**молчаливые носители**».

14. *“Immune-compromised patient”* – «**человек (пациент) с ослабленной иммунной системой**», т.е. менее способный бороться с инфекциями и другими заболеваниями; «**пациент с ослабленным иммунитетом**» или «**иммунокомпрометированный больной**».

Рассмотрим примеры 1 и 2. Эта группа имеет один общий компонент – немаркированное слово *“landscape”*. Их маркированные компоненты различаются: *“political and economic”* – у первой конструкции, *“linguistic”* – у второй. Обе РК не относятся к числу новообразований: они регулярно появляются в текстах СМИ и трудности для перевода

не представляют. Интересно лишь употребление сложного слова в русском языке в отличие от английского, «*политико-экономический*» и “*political and economic*”, что мы относим к специфике языка.

Примеры *3 и 4 разнятся как маркированными, “*emergency*” и “*glut*”, так и немаркированными компонентами: *«*экстренная/чрезвычайная*», «*насыщенность/избыток*» и “*linguistics/weapons*”. При анализе примера 3, который отмечен звёздочкой как дословный перевод, мы столкнулись с необходимостью переинтерпретации прямого значения слова, которое не отражает конкретную ситуацию: «*экстренной*» бывает «*скорая помощь*», «*чрезвычайной* – *ситуация*», но не «*лингвистика*». Это событие является нетривиальным, непрозрачным, с нестандартным использованием маркированного компонента; таким же будет и перевод, по сути – описание РК: «*Экстренная необходимость в специальных глоссариях, вызванных пандемией*». Пример 4 демонстрирует образование инновационных метафорических моделей: например, перевод РК “*glut of weapons*” как «*насыщенность рынка оружием*» в своей основе опирается на перенос и переосмысление буквального значения, относящегося к области медицины, в частности, физиологии. Это состояние объевшегося человека (в нашем примере – мирового рынка вооружений), где маркированным компонентом конструкции, «ответственным» за метафоризацию, является слово “*glut*” – «*обжора/избыток*».

Небезынтересно также проанализировать примеры 5 и 6. В примере 5 нельзя не отметить появление внутреннего образа, воссозданного по уже имеющейся модели: “*Lame-duck*” – “*Mainstream*” – “*Lamestream media*”, “*Trash-stream*”. В противовес «*mainstream*», «*lamestream*», заимствованное из устойчивого словосочетания «*хромой утёнок / неудачник*», придаёт этой РК негативную аксиологию, позволяет интерпретировать этот образ предложенной нами конструкцией – «*хромые/неуклюжие*» СМЛ.

Последняя из приведённых конструкций появилась совсем недавно. Об этом свидетельствует ещё не успевшее утвердиться её написание: было обнаружено три варианта написания этого рекуррентного композита: раздельно, через дефис и слитно, *Trash stream/Trash-stream/Trashstream Internet*. Процесс превращения словосочетания из свободного в связанное отличается сильной эмоциональной окраской и сверхсильной негативной аксиологией, чего нельзя не заметить в переводе. Первым появился перевод, простой, пословный: «*Мусорный Интернет*». Второй можно назвать передачей концептуального, ядерного значения всей конструкции: «*Чёрный Интернет*».

Ниже рассматривается кластер с примерами 8 и 9, маркированными компонентами РК выступают те, которые принадлежат к определённой цветовой гамме, «*красная зона*» и «*Герои в белых халатах*». Возникшая на наших глазах конструкция “*Trash-stream Internet*” не имеет слова «*чёрный*» в своём составе. Однако контент передач, который обозначен этой РК, настолько иногда оказывается грязным и опасным для жизни, поскольку участники «стрима – stream» снимают смерть людей в прямом Интернете, что основным переводом сегодня выступает РК «*Чёрный Интернет*».

Перевод примера *6 – “*Nuggets from the stupidity mine*” – «*самородки золота из шахты глупостей*», как и в примере *3, дословный. Однако он также не прост для переинтерпретации, поскольку обладает и образностью, и идиоматичностью, и внутренней формой, и библейской аллюзией. В нашей повседневной жизни мы, не задумываясь, переводим маркированное слово РК “*Nuggets*” как «*Наггетсы*», концепт которого – коробочка с закуской из Макдоналдса в виде обжаренных в сухарях кусочков куриных грудок. Но есть и второй компонент конструкции – “*mine*”, с определяющим его именем существительным “*stupidity*” – «*тупость, глупость*», который вместе с первым может передать большой объём глупостей как «*шахта глупостей*».

Ниже мы проанализируем новый кластер с примерами типичного научного геологического лингволандшафта. В одном из них сравнивается продолжительность жизни горных пород (это геологические объекты) с жизненными циклами живого существа. Переинтерпретация прямого значения слова «*шахта*» в переносное также может означать и слово «*рот*». Происходит полная переинтерпретация концепта, что поднимает его до уровня Библейского фразеологизма: “*Out of the Babes’ Mouth*” – «*Устами младенца глаголет истина*». Этот подход позволяет передать значение анализируемой РК на базе иного концепта, что делает возможным прибегнуть к окончательной передаче (описанию) конструкции следующим образом: «*И глупый человек может иногда изречь мудрую мысль*». В нашем примере оригинальная РК заимствована из политических текстов, она неплохо «прижилась» в области политического лингволандшафта.

Примеры 7, 8 и 9 демонстрируют типичную модель образования РК. Лингвистический ландшафт, частью которого выступает термин “*cluster*” – «*кластер/кластерный*», «работает» в физико-математической, инженерно-механической и многих других технических областях. Учёные этих научных направлений давно позаимствовали этот термин, транслитерировали его на русский язык, как и множество подобных ему слов-терминов, и этот пласт слов-терминов, включая такие как «ком-

пьютер» (русскоязычный аналог ЭВМ не прижился) и многие другие, очень хорошо «вписался» и адаптировался в многочисленных областях знаний. Мы сочли возможным проанализировать эту рекуррентную конструкцию потому, что сегодня наблюдается рост лингвистической нагрузки и случаев употребления этой РК. «**Кластерный эффект**» чаще всего используется для обозначения ситуаций «концентрации людей в общественных местах, что способствует ускоренному распространению инфекции». Аксиология новообразования в области медицины негативная.

Примеры 8 и 9, “*Red zone*” – «**красная зона**» и “*Heroes in white*” – «**Герои в белых халатах**», в которых отбор маркированных компонентов, группирующихся вокруг концепта конструкций, был сделан в пользу прилагательных, передающих конкретный цвет, что несёт очень большую лингвистическую нагрузку, определяемую ландшафтом. Цвет красный в большинстве функциональных стилей речи, особенно в технических областях употребления, означает сигнал опасности: стоп, остановись, огонь, пожар, нельзя двигаться в этом направлении и т.д.

Национально-культурный ландшафт может наделять цвет, как красный, так и белый, совсем иной нагрузкой. Русский язык ставит знак равенства между словами «**красный/красивый**», например: «**Красная площадь/красна девица**». В ландшафте китайской культуры этот цвет считается священным: свадебное платье невесты имеет традиционно красный цвет. Пандемия отвела красному цвету новую нагрузку: «географический район или место, классифицируемые как имеющие самый высокий уровень инфицированных лиц, и которые должны быть помещены под карантин, самый высокий уровень опасности, «**красная зона**».

Все отрицательные события, съёмки, вся грязь и мерзость Интернета были маркированы **чёрным** цветом, получив название «**Чёрный Интернет**». Можно привести всем известный пример с космосом, в котором существуют «**Чёрные дыры**». Однако сегодня это свободное словосочетание, так как мы до сих пор не знаем, что именно составляет ядерный концепт этих дыр, так как неизвестно, что там происходит.

В рамках этой модели образования РК рассматривается и в примере 9 – инновационное, возникшее совсем недавно словосочетание “*Heroes in white*” – «**Герои в белых халатах**». Анализ примера с этой конструкцией аналогичен предыдущему. Укажем лишь на факт того, что в русском языке словосочетание «**Люди в белых халатах**» синонимично термину: «**врач/доктор**». Этим можно объяснить включение отсутствующего в английском языке слова «**халатах**» при переводе на русский:

приём декомпрессии, поскольку транслитерация этого новообразования *«**Герои в белом**» может быть неправильно понята.

Появление примера РК 10, “*Patient zero*” – «**нулевой пациент**», а впоследствии её анализ и перевод был вызван к жизни пандемией коронавируса, к сожалению, не на пустом месте, а на базе уже существующей модели, датированной 2001 г. В приведённом выше примере маркированным компонентом конструкции выступает порядковое числительное «**нулевой**», немаркированным – «**пациент**». Первый случай или первый зарегистрированный пациент в эпидемии коронавируса, (ср. “*ground zero and “zero intention*”).

Сравнение двух, на первый взгляд, не очень экспрессивных устойчивых словосочетаний, «**нулевой уровень**» и «**нулевой пациент**», анализ их общего маркированного компонента, числительное «**нулевой**», позволяет увидеть, как вербализация смысла конкретного и чрезвычайно важного, сверхзначимого события в жизни одного общества, а затем и всей планеты помогает найти способ и новообразованные конструкции для именованья двух новых, трагических явлений. Первая модель образования рекуррентной конструкции уходит в прошлое, к номинации печально знаменитого события 2001 г., когда самолёт, ведомый террористом-смертником, протаранил и разрушил две башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Место трагедии с тех пор называют “*Ground Zero*”, «**нулевой уровень**» или эпицентр взрыва; отправная точка. Время удара было тоже «зашифровано» в цифрах: “*9/11 – Nine /Eleven*”, «**девятое сентября**». Новый пример, несомненно, образован по модели первого, датированного 2001 г. Можно предположить, что даже много лет спустя после указанных событий психика людей, потерявших своих родных и близких в результате взрывов или пандемии, будет камуфлировать исходную боль, используя «стерильные» нулевые обозначения, отказываясь вызывать в памяти образы сопутствующих катастроф.

И, наконец, последний кластер примеров, 11–14, объединён в одну группу. Она представлена сложными словами или *композирами*, имеющими весьма продуктивную, одну общую для всех модель образования, исключая последний, 14-й пример. А именно: второй компонент, выделенный жирным шрифтом и курсивом, – маркированный, первый таковым не является. В примере 14 порядок следования компонентов обратный: маркированным выступает слово “*spreader*”.

Также примечательно то, чем передаётся этот немаркированный компонент во всех четырёх примерах. В порядке следования это элементы “*Super-, Co-, A-, -compromised*”. (a) *Super* – это префиксоид, первая часть сложных слов (композитивов), обозна-

чающая «высшее качество, повышенное, усиленное действие сверх». (б) *Co-* является префиксом с семантикой «присутствия нескольких человек, участников процесса или действия, т.е. основная отличительная особенность слов с этим префиксоидом – *совместность*». (в) *A-*, мы полагаем, также можно отнести к словообразовательным префиксам, заимствованным из латинского языка. Его употребление придаёт слову отрицательное значение, поэтому в переводе не нуждается, так как является международным. Один из наиболее часто используемых в текстах научной прозы, лингволандшафт которых изобилует такими словами, например, *anormal* – «аномальный», «ненормальный»; *amoral* – «аморальный»; *anomalous* – «неправильный», «аномальный»; *asymmetry* – «асимметрия», «нарушение симметрии»; *asynchronous* – «асинхронный», «не совпадающий во времени». И (г) *Immune-*(*compromised*) – это композит, первый компонент которого является полнозначным словом, несущим основную смысловую нагрузку. Лингволандшафт этого сложного слова не вызывает сомнений: областью его использования являются тексты функционального стиля научной прозы (ср: “immunology”, “immunocompetent”, “immunogenetics”, “immunochemistry”). Значение первого, маркированного компонента «*иммунный/-ая*» ограничивает значение второго, «*скомпрометированная*». Окончательные варианты перевода этого композита – см. пример 14.

Анализ рекуррентных конструкций и композитов в составе микротекстов

Анализ рассматриваемых далее контекстных рекуррентных конструкций и композитов, в которых маркированные компоненты выделены жирным курсивом, были заимствованы нами из нескольких типов лингволандшафта: политического, медицинского, экономического, военного. Как уже указывалось, специфика их перевода на русский язык определяется коммуникативно-функциональным подходом, если принимать во внимание в процессе принятия решений лингвистические и экстралингвистические факторы и их интерпретацию. Рассмотрим примеры в контексте:

(1) “*The guessimates* are that US shale needs about \$60, Saudi Arabia – about \$80, while Russia is OK at \$45 and can get by even on \$25 for some time. So, Moscow’s still smiling, even if a little grimly”. – «Предполагается (Догадки заключаются в том) что на (добычу) сланцевой нефти США потребуется около \$60 (за баррель), Саудовской Аравии – около \$80, в то время как у России всё будет в порядке при \$45. Какое-то время она сможет протянуть даже при стоимости \$25 долларов/баррель. Так что Москва по-прежнему улыбается, хотя и мрачновато» [10].

Guessimates = *guess* + *estimate*, это сложное слово, композит, состоящее из основ двух слов: *guess*, перевод: «*домысел, догадка, предположение*» + основа слова *estimate*, перевод «*оценка, расчёт, калькуляция*». Общий смысл – основывающаяся на догадке /слепых расчётах /интуиции и ни на чём ином.

(2) “Herself a veteran of the US military forces, Representative Gabbard *soldiers on*, the only would-be Democratic president calling for an end to this most dangerous new Cold War.” – «Сама ветеран Вооружённых сил США, член Палаты Представителей Габбард *продолжает служить как солдат*, единственный потенциальный кандидат в президенты от демократов, призывающий положить конец этой самой опасной новой холодной войне».

(3) “*Zero intention*: Kim Jong-un does not want to go to war with the United States. He has *zero intention* of ever using his arsenal in an offensive strike against either the United States or any of our allies” [12] [AA – из личного архива автора]. – «Ким Чен Ын не хочет воевать с США. У него нет *абсолютно никаких намерений* использовать свой арсенал в наступательном ударе против США или любого из наших союзников».

(4) The use of fear *to galvanize* the US population started immediately after WW2 when our government began competing with the USSR to build the biggest empire. Not one war we've been involved in since then had anything to do with defense, though most were portrayed that way... A group of *neocons* (*neoliberals*) led by Cheney *began harvesting blackmail dirt* using the NSA beginning in 2002 (Russ Tice claimed Cheney had tapped Senator Obama’s phones). They *puppetized* Obama and they've *puppetized* Trump, and they will continue the lost fight for world empire until our *massive war debt* destroys us. – «Использование страха, чтобы *стимулировать* (*гальванизировать, возбуждать, оцинковывать* – *galvanize*) население США, началось сразу после Второй мировой войны, когда наше правительство стало *конкурировать с СССР за создание самой большой империи*. Ни одна война, в которой мы участвовали с тех пор, не имела ничего общего с обороной, хотя большинство из них изображалось именно так. Группа *неоконсерваторов* (*neoliberals*, часто *neocons*) во главе с Чейни начала *сбор компромата* (*harvest blackmail dirt*) для шантажа через АНБ с 2002 г. (Расс Тайс утверждал, что Чейни прослушивал телефоны сенатора Обамы). Эти *кукловоды, как марионеток, использовали* Обаму, *затем Трампа*, и они будут продолжать проигранную борьбу за мировую империю, пока наш огромный военный долг не уничтожит нас».

Анализ примера (1) интересен своим «двухвалентным» композитом “*guessimate*”, поскольку в нём можно любую из основ условно принять за

маркированную. Только автор знает, что он хотел передать и основа какого слова – “*guess*” – «догадка» / «слепой домысел» или “*estimate*” – «калькуляция» / «расчёт» – будет являться в нём маркированной. Переводчик с опорой на свои фоновые знания и интуицию выбрал первую – “*guess*”.

Пример (2) иллюстрирует новообразованный фразовый глагол “*to solder on*” по аналогии с уже известными фразовыми глаголами “*to go on*”, “*to keep on*”, “*to hold on*” и др. Именно он вынудил переводчика прибегнуть к приёму декомпенсации при переводе.

Пример (3) упомянут при анализе конструкций в примере 10, в котором подробно были рассмотрены и переведены два примера рекуррентных конструкций: “*Patient zero*” – «*нулевой пациент*» и “*ground zero*” – «*нулевой уровень*». В примере “*zero intention*” модель та же, “*zero*” – это маркированный компонент, “*intention*” – немаркированный. Однако русский язык не допускает постановки двух слов *«*нулевые намерения*» вместе. Можно сказать «*иметь намерения*», но нет возможности указать их силу и глубину. Переводчик прибегнул к приёму декомпенсации. И полное отрицание наличия каких-либо намерений было передано лексическими (наречие «*абсолютно*») и грамматическими средствами: отрицание «*нет*» и отрицательное местоимение «*никакой*»: «*нет абсолютно никаких намерений*».

Пример (4) привлекателен двумя необычными для политического ландшафта глаголами, “*to galvanize the US population*” и “*to puppetize Obama and Trump*”. Ни одно из значений глагола “*galvanize*” (см. варианты выше) контекст примера не пропускал, поскольку областью его применения является узкая сфера химических научных текстов, а не политический дискурс. Было найдено самое близкое по значению слово, устраивающее словосочетание оригинала: «*стимулировать*» население США.

Второй заслуживающий внимания глагол – “*to puppetize Obama and Trump*”. Такого глагола в русском языке не оказалось, нашлось только имя существительное: «*куклы*», «*марионетки*» (“*puppets*”). Аксиология первого слова нейтральная, второго – отрицательная. И вновь на помощь приходит приём декомпенсации: «*Эти кукловоды, как марионеток, использовали*» Обаму, затем Трампа.

Также заслуживает внимания образец рекуррентного композита – “*neoccons*” (“*neoconservatives*” – «*неоконсерваторы*»). Его трудно назвать новообразованием, он довольно прочно обосновался в политическом ландшафте американских СМИ, востребован и активно тиражируется.

И, наконец, самый яркий последний пример из этого же фрагмента “A group of *neoccons* led by Cheney *began harvesting blackmail dirt*” – «Группа во главе с Чейни *начала сбор компромата*». Во-

первых, переводчик прибегнул к приёму компрессии: в русском языке перевода использован композит, образованный стяжением двух основ: «*компрометирующие материалы*» – «*компромат*». А во-вторых, в переводе утрачена образность. Поскольку глагол “*to harvest*” имеет только одно значение: «собрать урожай», в английской конструкции Чейни занимается не *«*сбором урожая зерновых*», а «*сбором шантажирующей грязи*». Однако стилистика перевода нейтральна, аксиология композита отрицательная, но отвратительный образ сборщика грязи отсутствует. К тому же подобные переводы могут допускаться в политико-дипломатических целях.

РК играют важную роль в политическом дискурсе. Если взять за определение дискурса краткое и ёмкое определение Н.Д. Арутюновой, что это есть «*речь, погружённая в жизнь*» [1: с. 137], или дискурс – *это речь, вписанная в коммуникативный акт*, то любой англоязычный политический текст или текст газетного mainstream обладает набором как *общих*, так и *специальных признаков*, которые в значительной степени определяются спецификой дискурсивного развертывания и функциональными характеристиками изучаемого лингвистического ландшафта. К числу *первых* относятся признаки, присущие политическим текстам СМИ, которые созданы *журналистами* и распространяются посредством прессы, радио, телевидения, Интернета. К числу *вторых* мы отнесли только *существенные признаки, характеризующие тексты, созданные политиками-аналитиками*, такие тексты часто относят к числу институциональных.

Анализ рекуррентных конструкций и композитов в научном ландшафте

Для сравнения мы приведём несколько примеров лингволандшафта геологической направленности, анализ которых также представляет интерес. Научный лингвистический ландшафт даже с точки зрения изучения отдельно используемых глаголов в составе конструкций несёт свою конкретную нагрузку. Можно предположить, что текстам чисто научной принадлежности, по определению, не свойственны новизна, эмоциональная окраска и образность. Рассмотрим примеры, чтобы показать отличительные свойства геологического лингволандшафта как области науки с характерными для неё конструкциями. Они важны как для речемыслительного процесса и его динамического развертывания, так и для функционирования устойчивых словосочетаний даже такого «каменного» ландшафта, как геологический.

(а) Передача возрастных характеристик: “*Older and younger deposits; young minerals; older molybdenite crystals*”. «*Старые и молодые месторождения; молодые минералы; старые кристаллы молибденита*».

(б) Сравнение продолжительности существования геологического объекта с жизненным циклом живого существа: “The *overall life of the porphyry systems*; to bracket the *life span of porphyry systems*; *long-lived magmatic-hydrothermal events*; zircon is a mineral that *survives most of the geologic processes*”. «*Общая продолжительность жизни порфировых систем; долгоживущие магмато-гидротермальные события*; циркон – это минерал, который *выживает в большинстве геологических процессов*».

(в) Способность иметь взаимоотношения: “Rocks that have *clear crosscutting relationships* in the field; *magmatic fluid interaction*”. «Породы, имеющие *четкие поперечные связи* в поле; *взаимодействие магматических жидкостей*».

(г) Семейные связи: “The *daughter Pb isotopes*”; “*inherited cores*”; “*parent/daughter nuclide ratios*”; «*Дочерние изотопы Pb*»; «*Унаследованные ядра*»; *соотношение нуклидов родитель / дочь*».

Анализ контекстных и внеконтекстных конструкций, заимствованных из научного геологического ландшафта [9: с. 78], с большой долей уверенности показывает, что побудить учёного-геолога использовать в речевой деятельности, в том числе и в научных текстах, для передачи или называния базовых научных понятий (терминов) в его научной сфере может, прежде всего, стремление подчеркнуть новизну изучаемого объекта.

Все четыре примера отличает сравнение живой природы, включая её высшее творение, человека, и неживой, образность и метафоризация. Используемые приёмы способствуют реализации смысло-различительной функции конкретных геологических объектов через экспрессивные устойчивые рекуррентные конструкции и композиты, делая их действенным инструментом именования новых явлений и способствуя их последующему употреблению (тиражированию).

Выводы

Итак, роль и функционирование рекуррентных конструкций и композитов в англоязычном лингвистическом ландшафте обусловлены восприятием данных словосочетаний конкретным языковым социумом. Свои дискурсивные значения эти конструкции получают в динамически разворачивающемся дискурсе. Семантический анализ маркированных членов РК указывает на их концентрацию вокруг некоторого «опорного» концепта, закрепляя за ними то значение, информацию о котором передаёт денотат языкового знака, что подкрепляется наблюдаемыми фактами употребления анализируемых словосочетаний.

Неоднозначность выводимости значения и усложнение способа указания на денотат проявляются в расширении формы слова, его нестандартной передаче, в том числе переинтерпретации, метафоризации и соответственно в трудностях перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 5-е. – Москва : Либроком : URSS, 2009. – 569 с.
3. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва : Знак, 2008. – 656 с.
4. Кожемякин, Е.А. Дискурс-анализ в современном социальном-гуманитарном знании / Е.А. Кожемякин // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – № 3. – С. 25–39.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд. – Москва : Русский язык, 1990. – 917 с.
6. Разинкина, Н.М. Стилистика английского научного текста / Н.М. Разинкина. – Москва : Либроком : URSS (Москва), 2015. – 210 с.
7. Сдобников, В.В. Использование коммуникативно-функционального подхода к оценке качества перевода / В.В. Сдобников. – Москва : Флинта : Наука, 2015. – 112 с.
8. Терехова, Е.В. Рекуррентные конструкции в современном английском политическом дискурсе: статус и функционирование / Е.В. Терехова. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 176 с.
9. Терехова, Е.В. Функционально-стилистическая образность метафоры в научном тексте / Е.В. Терехова, Т.Н. Великова // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе : коллективная монография / отв. ред. Д.Б. Никуличева. – Москва : Институт языкознания РАН, 2017. – С. 77–81.
10. Armstrong, P. Russian Federation sitrep / P. Armstrong. – 2020. – May 28. – URL: <https://patrickarmstrong.ca/2020/05/28/russian-federation-sitrep-28-may-2020/> (accessed: 18.01.2021).
11. Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R.Y. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – Vol. 16, № 1. – P. 23–49.
12. Levis, D.L. America’s fear-based foreign policy needs to go / D.L. Levis // The National Interest: Network magazine. – 2019. – June, 10 – URL: <https://nationalinterest.org/blog/skeptics/america-%E2%80%99s-fear-based-foreign-policy-needs-go-62077> (accessed: 15.11.2020).
13. Li, Yuming. Language lessons of COVID-19 and linguistic disaster preparedness / Li Yuming. – URL: <https://www.languageonthemove.com/language-lessons-of-covid-19-and-linguistic-disaster-preparedness> (accessed: 02.12.2020).
14. Sebba, M. Review of linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo / M. Sebba // Writing System Research. – 2010. – Vol. 2, № 1. – P. 73–76.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-195-201

**«БОГ» И «ЧЕРТ» В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)**

Л.В. Полубиченко

Статья посвящена рассмотрению индивидуально-авторской семантики и прагматики слов *бог* и *черт* в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на фоне отраженного в словарях их общенародного функционирования в литературном языке с учетом происхождения слов и связанных с ними разнообразных ассоциаций, представлений и переживаний. Показано, что переводческие стратегии доместикации и форенизации текста не позволяют в полной мере донести булгаковский замысел до англоязычного читателя.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, доместикация, форенизация, бог, черт, М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита».

**GOD AND DEVIL IN LANGUAGE AND SPEECH
(THE CASE OF MIKHAIL BULGAKOV'S *THE MASTER AND MARGARITA*
AND ITS ENGLISH TRANSLATIONS)**

L.V. Polubichenko

The article studies the specific semantics and pragmatics of the Russian words *bog* (*god*) and *chert* (*devil*) in Mikhail Bulgakov's novel *The Master and Margarita* against the background of their popular use reflected in dictionaries of the Russian literary language; the etymology of the words as well as their various connotations and associations are also considered. Having put the translation strategies of foreignization and domestication to the test, the research reveals that none of them is adequate to convey Bulgakov's creative vision to English-speaking audiences.

Key words: translation, artistic translation, domestication, foreignization, god, devil, Mikhail Bulgakov, *The Master and Margarita*.

Писателей недаром называют художниками слова: на основе общенародных ресурсов национального языка они способны создавать уникальные художественные произведения, отличающиеся ни на кого не похожим, индивидуально-авторским использованием, казалось бы, самых обычных, всем известных слов. Самобытный стиль больших художников слова, их оригинальное словоупотребление неизменно вызывают интерес филологов – литературоведов, лингвистов, переводоведов.

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1940) [1], впервые опубликованный в журнальном варианте только в 1966/67 г., по своим художественным достоинствам признается шедевром отечественной литературы XX в. и при этом не одно десятилетие будоражит умы своей морально-этической и религиозной проблематикой вплоть до того, что это произведение из школьной программы некоторые считают «апологией сатанизма», «евангелием от сатаны» и не рекомендуют право-

славному человеку даже открывать. На ранних стадиях работы над романом, которая продолжалась более 10 лет, до последних дней жизни автора, в известном письме правительству от 28 марта 1930 г. сам Булгаков действительно назвал свое творение «романом о дьяволе» [3: с. 420–421], а окончательному тексту в качестве эпиграфа предпослал слова Мефистофеля из гетевского «Фауста»: «...так кто ж ты, наконец? – Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Эпиграф настраивает на восприятие основной проблематики «Мастера и Маргариты» как борьбы добра и зла, воплощением которых в христианской традиции являются бог и дьявол, что, естественно, находит отражение и в семантике соответствующих слов языка. Задача настоящей статьи – рассмотреть «локальное» функционирование слов *бог* и *черт* в булгаковском романе, выявив индивидуально-авторскую специфику их семантики и прагматики на «глобальном» фоне отраженного в словарях их общенародного

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка для естественных факультетов Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Polubichenko Lydia Valerianovna – Doctor (Philology), Habil., Professor, Chair of English for Science Faculties at Lomonosov Moscow State University.

E-mail: lpolubichenko@mail.ru

© Полубиченко Л.В., 2021

употребления в литературном языке, и проследить, насколько удастся воспроизвести ее в переводе. А поскольку в данном случае речь идет не просто о словах, а о репрезентантах важнейших культурных концептов, в полной мере глобальное представление о них потребует учета происхождения слов и связанных с ними разнообразных ассоциаций, понятий, представлений и даже переживаний [7: с. 43].

Семантика лексем *черт* и – особенно – *бог* под влиянием дехристианизации языка и культуры, происходившей в советский период, была представлена в словарях русского языка непоследовательно и неполно, что и отметила Н.В. Шведова, изучавшая русские фразеологизмы с данными словами. На основе критического осмысления и обобщения опыта их лексикографирования начиная с В. Даля ею была предложена следующая семантическая структура лексем *бог* и *черт* [10: с. 17–30]:

БОГ

1. В религиях (политеистических и монотеистических) одно из высших, стоящих над миром неземных существ, или создатель вселенной, всего сущего, высший разум, управляющий миром.

2. Воплощение доброты, всемогущества, абсолютной благодати, вечности, независимости, величия, славы, истины и т.п.

3. Разг. Устар. Образ, икона, скульптурное и т.п. изображение бога.

4. Перен. О человеке могущественном, обладающем властью над другими людьми.

5. Перен. О предмете поклонения, восхищения, обожания.

6. Звательная форма божье употребляется как междометие для выражения восторга, удивления, огорчения, раздражения и др.

ЧЕРТ

1. Вообще нечистая сила, враг рода человеческого, искуситель человеческих душ.

2. Воплощение зла, темной сверхъестественной силы.

3. Перен. Прост. Груб. Отрицательная оценка человека.

4. Перен. Прост. Фам. Положительная оценка ловкого, удачливого человека.

5. Прост. Груб. Твор. пад. ед. ч. чертом в значении наречия – зло, лихо, залихватски, молодцевато.

6. Прост. Груб. Имен. пад. ед. ч. черт употребляется как междометие для выражения сильной досады, неудовольствия, восхищения, удивления и т.п.

Видно, что в дефинициях, где возможно, учитывается парность взаимопротивопоставленных по оси «добро–зло» концептов, обозначаемых словами *бог* и *черт*, что становится еще заметнее при обращении к наиболее распространенным из их многочисленных синонимов: *господь*, *отец небесный*, *всемогущий*, *всевышний*, *создатель*, *творец*, с од-

ной стороны, и *дьявол*, *сатана*, *демон*, *бес*, *враг* (рода человеческого), *лукавый*, *окаянный*, *нечистый*, *нечистая сила*, *искуситель*, с другой. Кроме того, обе лексемы развили переносные значения, обе могут использоваться в разговорном стиле речи (где слово *черт* реализует свои грубопросторечные значения), обе способны употребляться в качестве междометий. Согласно частотным спискам слов русского языка, составленным на основе текстов Национального корпуса русского языка, созданных в промежутке между 1970 и 2002 г., оба слова входят в перечень 5000 наиболее частотных слов, причем *бог* занимает в нем 244-ю позицию с частотностью 376,63 вхождений на миллион слов, тогда как *черт* – только 1100-е место, почти в 4 раза уступая слову *бог* в частотности (99,77 вхождений) [9]. Исследование фразеологических единиц со словами *бог* и *черт* подтверждает выявленную по частотным спискам тенденцию: фразеологизмов со словом *бог* значительно больше, чем с компонентом *черт* – 283:182. Особенно интересно, что в местоименных фразеологизмах существительные *бог* и *черт* перестают соотноситься друг с другом как антиподы, полностью утрачивают свое лексическое значение и становятся взаимозаменяемыми (*бог/черт знает что*, *бог/черт знает какой*) [10: с. 10–11].

Используемое в русском переводе Библии слово *бог* очень древнее: общеславянское *bogъ* восходит к индоевропейскому *bhag-*, означавшему «наделяющий богатством, бог», причем религиозное значение развилось у слова позднее [6]. Все перечисленные выше синонимы слова *бог* имеют общеславянское происхождение, и даже заимствованное из латыни *всемогущий* (ст.-слав. *всьеомгъишь*) представляет собой не транскрипцию или транслитерацию, а поморфемную кальку с латинского *omnipotens* [8].

Хотя общеславянское слово *черт* «не имеет ни общепринятой, ни вообще надежной этимологии» [7: с. 883], происхождение его безусловно дохристианское, и использовалось оно в славянской мифологии в применении к злему духу [5]. В переводах библейских текстов связанное с язычеством слово *черт* не фигурирует, для обозначения противостоящих божественному началу сил используются заимствованные слова *сатана* (из древнееврейского: противник, враг) и *дьявол* (из греческого: клеветник). «Черт – персонаж вполне народный, прямо-таки живущий среди нас» [7: с. 884]. Общеславянское слово *бес* обозначает «тот же персонаж, но в другом стиле, в стиле церковной письменной культуры» [7: с. 885]; именно этим словом переводится в Библии греческое *δαίμων*, которое тоже было заимствовано в русский язык через старославянский как *демон* [8]. «Среди чертей и бесов царит иерархия <...> старший над всеми, главный бес – *Сатана*» [7: с. 885]. «Если черт, слово и концепт,

связывает нас с глубинными пластами народной славянской культуры, то Дьявол и Сатана как культурные концепты включают нас в культуру Европы» [7: с. 886].

Сделав странствующего философа Иешуа Га-Ноцри – как бы Иисуса Христа, Сына Божия – и сатану Воланда персонажами своего романа, М.А. Булгаков сознательно вступил в игру смыслами, лейтмотивами, трактовками, ключевыми словами и стереотипными образами, накопившимися в мировой культуре за многовековую историю истолкования библейских сюжетов. В этих вопросах воспитанный в церковной семье писатель достаточно хорошо ориентировался с детства, а потом много читал дополнительно. «У Булгакова было церковное детство. Оба его деда были священниками, а отец, Афанасий Иванович Булгаков, – профессор Киевской Духовной Академии, оставившим ряд монографий по сравнительному богословию. Крестный отец Михаила – профессор Киевской Духовной Академии Н. Петров, – несмотря на большую разницу в возрасте, был позже другом своего крестника. Знаменитый богослов протоиерей Сергей Булгаков также находился с ним в родстве. Венчал Михаила Афанасьевича протоиерей Александр Глаголев, будущий новомученик» [2].

Соответственно необходимость употребления в романе слов *бог* и *черт* и их синонимов диктуется замыслом и образной системой произведения, и слова эти самым естественным образом вплетаются в ткань повествования в разных значениях и функциях: *бог* встречается в тексте 69 раз, *Иисус* – 16, *Христос* – 5, *господь* – 3, *черт* – 66, *дьявол* – 11, *нечистая сила* – 9, *сатана* – 8, *демон* – 5, еще несколько слов этих синонимических рядов – по 1–2 раза. Входило ли в замысел автора предложить собственную концепцию личности, жизни и значения Христа в истории человечества, создав новое евангелие («от Булгакова» или «от Воланда», каждый вправе решать сам, по-своему интерпретируя образы романа и тем самым реализуя уже давно признанную за читателем функцию «соавтора» художественного произведения. Лично мне кажется, что вряд ли, несмотря на немалое количество работ, авторы которых придерживаются прямо противоположной точки зрения. Мне представляется, что и сами слова *бог* и *черт*, и обозначаемые ими религиозно-мифологические персонажи для Булгакова не цель, а только средство для художественного высказывания о соотношении добра и зла в мире вообще и особенно – в окружавшей его советской действительности, порой казавшейся беспросветной. К концу романа, как будто не полагаясь полностью на композиционно-образные средства выражения своей мысли о гармоничном устройстве мира, где добро и зло изначально взаимосвязаны и взаимоуравнове-

шены, Булгаков на всякий случай еще и четко ее вербализует, причем трижды (!): *Все будет правильно, на этом построен мир* (Воланд) и *Все у вас будет так, как надо* (Маргарита, дважды).

Таким образом, свою **основную и наиболее очевидную задачу в романе слова *бог* и *черт* выполняют, называя участвующих в действии либо обсуждаемых героями неземных существ высшего порядка**, реализуя тем самым свои первые словарные значения.

Вторая функция слов *бог* и *черт* в романе – создание речевых портретов персонажей.

Сразу отметим, что в ершалаимских главах черт вообще не упоминается ни под каким именем ни персонажами, ни автором. А вот слово *бог* используется достаточно часто, но по-разному: римлянин Пилат всегда употребляет его во множественном числе – *боги*, тогда как иудеи Иешуа, Киафа и Левий Матвей – в единственном, что отражает поли- и монотеизм их веры.

В московских главах использование слов *бог* и *черт* характеризует человека быстро и вполне определенно, что особенно ценно в случае проходных персонажей. Так, например, во время знаменитого «сеанса черной магии с разоблачением» в театре Варьете по предложению кого-то из публики Бегемот оторвал конференсье Бенгальскому голову, и из ложи женский голос произнес единственную фразу *Ради бога, не мучьте его!*, сразу обратившую на себя внимание Воланда (позже в своем хрестоматийном наблюдении о москвичах, «которых испортил квартирный вопрос», он резюмирует: *Люди как люди. <...> Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца...*). Или одна из немногих реплик поэта Рюхина *Да ну их к черту!*, произнесенная по самому ничтожному поводу, просто кричит о безысходном отчаянии человека, вдруг осознавшего свою бездарность.

Понятно, что никто из свиты Воланда бога не упоминает, их лексика – *черт*, *чертовка*, *сатана*. В речи же самого Воланда в ходе ученой дискуссии с Берлиозом легко чередуются слова *бог* и *дьявол* (понятно, что слово *черт* там стилистически неуместно), но самое забавное, что в своем кругу Воланд поминает черта не реже некоторых москвичей (*А, черт вас возьми с вашими бальными затеями!*, *На кой черт и кто станет его резать?*, *И на кой черт тебе нужен галстук, если на тебе нет штанов?*).

Не менее забавно наблюдать, как у отдельных персонажей богобоязненные речи уживаются с нарушением и церковных заповедей, и гражданских законов: торгующий печально знаменитой «осетриной второй свежести» буфетчик Соков черта не упоминает никогда и апеллирует исключи-

тельно к богу (*Господи боже мой!, Христа ради*), как, впрочем, и «красавица Анна Ричардовна» – личный секретарь и, судя по всему, любовница председателя Зрелищной комиссии (*Слава богу!, Я всегда, всегда останавливала его, когда он чертыхался! Вот и дочерыхался*). Особенно красноречив набожный взяточник Никанор Иванович Босой (*Богом клянусь!, Бог истинный, бог всемогущий, Господь меня наказует за скверну мою* и т.д.), не оскверняющий уст своих запретным словом *черт* и старательно заменяющий его, как и положено верующему человеку, эфемизмами *шут* и *нечистая сила* [7: с. 881].

Третьей особенностью функционирования слов *бог* и *черт* в «Мастере и Маргарите» является их использование для создания разнообразных комических ситуаций и эффектов. К некоторым упомянутым выше примерам можно добавить неоднократное использование приема актуализации компонента *черт* в содержащих его фразеологизмах, когда после употребления такого выражения каким-нибудь любящим чертыхнуться москвичом свита Воланда немедленно реализует его буквальное значение. Именно это произошло с уже упоминавшимся председателем Зрелищной комиссии, от которого на рабочем месте остался только костюм (продолжавший, впрочем, весьма эффективно исполнять обязанности своего хозяина): *Ну, тут уж, конечно, терпение Прохора Петровича лопнуло, и он вскричал: «Да что ж это такое? Вывести его вон, черти б меня взяли!» А тот, вообразите, улыбнулся и говорит: «Черти чтоб взяли? А что ж, это можно!» И, трах, я не успела вскрикнуть, смотрю: нету этого с кошачьей мордой и си... сидит... костюм...*

Нечто похожее происходит и с Маргаритой, но поскольку она не рядовой чертыхающийся москвич (хотя бытовые, приземленные выражения *черт знает что, к черту на кулички, к черту его, к чертовой матери* и ей не чужды; однако, чтобы не создавать ложного впечатления, следует добавить, что такое словоупотребление уравнивается в ее речевом портрете использованием междометия *Боже!*, причем исключительно в присутствии Воланда или членов его свиты), в ее случае актуализируется внутренняя форма куда более высокого по стилю фразеологизма *продать / заложить душу дьяволу*. Стоит ей подумать *Дьяволу бы я заложил душу, чтобы только узнать, жив он или нет!*, как рядом с ней на скамейке оказывается Азазелло и предлагает ей чудодейственный крем для участия в бале сатаны.

Наконец, последнее, что привлекает к себе внимание в связи с рассмотрением функционирования слов *бог* и *черт* в романе, это **использование обращения к высшим силам *О боги, боги!* (с не-**

большими вариациями) в качестве одной из текстовых скреп. У булгаковского произведения сложная структура романа в романе; временные, географические и стилистические пласты в нем переплетаются самым причудливым образом, мистика и фантастика соседствуют с «объективным» реалистическим повествованием, острая сатира и тонкая ирония сменяются романтически возвышенными пассажами, непричесанная разговорная речь сочетается с суконым языком канцелярских штампов. Внутренняя цельность всего построения обеспечивается самыми разными средствами, не в последнюю очередь – чисто языковыми, одним из которых является лексический повтор.

Впервые восклицание *О, боги, боги!* появляется в начале вставного романа о Понтии Пилате в авторской речи применительно к страдающему от мигрени прокуратору: *О боги, боги, за что вы наказываете меня?* Здесь голоса автора текста (то ли Воланда, который на Патриарших прудах начинает этот рассказ о Пилате, то ли мастера, который написал о нем роман, то ли самого Булгакова?) и его героя Пилата как бы сливаются, но затем, в той же главе, голос Пилата отделяется от авторского, и прокуратор повторяет свое обращение к богам еще дважды – сначала мысленно (*О, боги мои!*), а потом и вслух (*О, боги, боги!*). Переходя в московские главы, этот мотив возникает в авторской речи (на этот раз вполне определенно – в речи самого Булгакова, с грустной иронией наблюдающего за времяпрепровождением советских писателей в ресторане дома Грибоедова) и связывает московские главы с ершалаимскими общим мотивом страдания. Вновь фраза возникает в авторской речи при описании мучений покинутой мастером Маргариты (*Боги, боги мои! Что же нужно было этой женщине?!*), а потом звучит уже из уст мастера, возвращенного Воландом Маргарите прямо из «дома скорби» (*И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня? О боги, боги...*), связывая таким образом реальный мир с потусторонним миром нечистой силы. С этой фразы начинается написанная по большей части ритмизованной прозой последняя глава книги «Прощение и вечный приют», где наступает развязка обоих романов – и главного, и вставного. Наконец, в эпилоге связанное с мольбой *Боги, боги!* всеобщее страдание постепенно затухает, и слова эти можно теперь услышать только раз в год, в «весеннее праздничное новолуние», из уст оставшегося в Москве «ученика мастера» – бывшего поэта Ивана Бездомного, а ныне профессора Ивана Николаевича Поньрева, которому в эту единственную мучительную для него ночь неизменно еще и снится Понтий Пилат, поднимающийся со «спутником» по дороге из лунного света и также произносящий – но уже совсем не так страдальчески, как в

начале повествования – свое *Боги, боги*, с которого началось развитие данного лейтмотива.

Если теперь обратиться к переводам «Мастера и Маргариты», то в интересующей нас области передачи средствами английского языка русских слов *бог* и *черт* и обозначаемых ими концептов вырисовываются две проблемы – глобальная (в том смысле, как это слово было употреблено в начале статьи), т.е. вытекающая из асимметрии ресурсов сопоставляемых языковых систем, представляющих две разные культуры, и локальная, связанная со способностью переводчика проникнуть в замысел автора и воплотить его в своем тексте. Ниже будут проанализированы два самых, пожалуй, известных перевода романа: ранний – британца Майкла Гленни (Michael Glenny, 1967, далее – G) [11] и более поздний – американского переводческого тандема супругов Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky, 1997, далее – P&V) [12], один из которых является носителем русского языка и культуры. Эти переводы представляют для настоящего исследования особый интерес, так как автор первого последовательно придерживается стратегии одомашнивания / доместикации текста, тогда как американский перевод иллюстрирует прямо противоположный подход, получивший в переводоведении название отчуждения / форенизации текста.

На первый взгляд общесистемных проблем с переводом слов *бог* и *черт* и их синонимов возникать не должно, так как речь идет о родственных языках индоевропейской семьи и христианских культурах с общим греко-римским античным наследием. Ключевыми словами-репрезентантами концептов «Бог» и «Черт» в английском языке можно считать *god* и *devil*, причем каждое из них имеет длинный ряд синонимов – слов и словосочетаний, среди которых особенно частотны *deity, father, creator, maker, almighty, omnipotent, preserver, lord, immortal, supreme being* и пр., с одной стороны, и *fiend, demon, Satan, dickens, deuce, tempter, enemy, evil spirit, evil one, prince of darkness* и т.д., с другой (когда речь идет о христианской религии, многие из них могут употребляться с определенным артиклем и писаться с большой буквы). Сопоставление этих английских слов с приведенными выше наиболее употребительными русскими лексемами тех же понятийных рядов показывает, что подавляющее большинство из них являются прямыми словарными эквивалентами (в частности, благодаря общему происхождению: *Сатана / Satan* – из древнееврейского, *дьявол / devil, демон / demon* – из греческого, *всемогущий / almighty, omnipotent* – русская и английская кальки с латинского *omnipotens*, а также его английская транслитерация) и употребляются в аналогичных контекстах.

Тем не менее даже при поверхностном их сопоставлении выявляются различия.

Русское слово *демон* объединило в себе значение, пришедшее из древнегреческой мифологии (низшие божества, посредничающие между богами и людьми, не обязательно злые, способствующие или препятствующие человеку в исполнении его намерений), с христианским толкованием (злые духи, сбивающие человека с пути истинного), тогда как в английском языке мифологическое значение нередко маркировалось орфографически (*daemon* вместо стандартного правописания *demon*) или даже орфографически и фонетически (*daimon*), что, однако, постепенно уходит из языка, если судить по современным словарям. Ни в одном из переводов их авторы не воспользовались возможностью заострить внимание читателя на этом нюансе значения, что, впрочем, едва ли предусматривалось и замыслом оригинального текста, где слово *демон* относится к покидающим Москву членам свиты Воланда, принявшим свой истинный облик: *демон-паж* – *page-demon* (G), *demon-page* (P&V); *демон безводной пустыни* – *demon of the waterless desert* (G; P&V); *демон-убийца* – *murderer-demon* (G), *killer-demon* (P&V); *юноша-демон* – *page-demon* (G), *demon-youth* (P&V).

Наблюдаемое в русском языке стилистическое разграничение бытового, «народного» *черта* и высокого, «европейского» *дьявола* в английском языке стирается: наиболее естественным и частотным эквивалентом обоих является слово *devil*, и эта особенность языковых систем большого значения не имеет, пока автор русского текста, подобно Булгакову, не начинает использовать стилистическое различие русских слов в художественных целях. Рассмотрим фрагмент разговора Маргариты с мастером на следующий день после бала у Сатаны и его возвращения:

– Ты сейчас невольно сказал правду, – заговорила она, – **черт** знает, что такое, и **черт**, поверь мне, все устроит! – глаза ее вдруг загорелись, она вскочила, затанцевала на месте и стала вскрикивать: – Как я счастлива, как я счастлива, как я счастлива, что вступила с ним в сделку! **О, дьявол, дьявол!**

'Just now you unwittingly spoke the truth,' she said. 'The devil does know what it was and the devil believe me, will arrange everything!' Her eyes suddenly flashed, she jumped up, danced for joy and shouted: 'I'm so happy, so happy, happy, that I made that bargain with him! Hurrah for the devil!' (G)

'You unwittingly spoke the truth just now,' she began, 'the devil knows what it is, and the devil, believe me, will arrange everything!' Her eyes suddenly flashed, she jumped up and began dancing on the spot, crying out: 'How happy I am, how happy I am, how

happy I am that I struck a bargain with him! Oh, Satan, Satan! (P&V)

Авторы обоих переводов почувствовали стилистический сдвиг в речи Маргариты и нашли вполне адекватные средства его воспроизведения в английском тексте.

Встречаются случаи несовпадения внутренней формы межъязыковых семантических эквивалентов: например, там, где в русском языке используются слова *нечистый* и *нечистая сила*, в английском им соответствуют *devil, evil spirit, evil forces, evil one, wicked one* и пр. Частотное в русском языке выражение *нечистая сила*, как отмечалось выше, используется в романе 9 раз, и в его передаче отчетливо отразились избранные переводчиками стратегии. М. Гленни, придерживающийся стратегии одомашнивания текста, добивается гладкости и естественности его звучания, что в данном случае обеспечивается употреблением привычных для британского читателя выражений *forces / powers of evil, evil spirit / spirits / forces* и *devil*, в то время как американские переводчики, стараясь погрузить читателя в русскую/советскую культуру, в том числе и посредством воспроизведения языковых особенностей оригинала, идут на нарушение привычных норм сочетаемости и форенизируют свой текст, последовательно используя режущую носителью английского языка уху кальку *unclean powers*.

Сами слова *god* и *devil* тоже активно участвуют в образовании фразеологизмов, что полностью соответствует ситуации в русском языке, и в обоих языках такие фразеологические единицы иногда оказываются весьма экспрессивными, фамильярными и даже грубыми. Фразеология, как известно, отражает определенные фрагменты языковой картины мира народа, прежде всего – ее нижних ярусов, связанных с повседневной жизнью, бытовыми явлениями, проблемами и ценностями, которые нередко не совпадают в разных культурах, что не может не отражаться на пословном составе и соответственно внутренней форме семантически и прагматически соответствующих друг другу русских и английских фразеологических единиц.

Так, Маргарита говорит Азазелло: *...согласна проделать эту комедию с натиранием мазью, согласна идти к черту на кулички*. В английском языке в такой ситуации могут употребляться несколько фразеологизмов с совершенно иным вербальным наполнением [13], одним из которых и воспользовался Гленни: *I'll go to the ends of the earth!* Пивер и Волохонская конструируют собственную «идиому», максимально лексически повторяющую частично скалькированный оригинал: *I ... agree to go to the devil and beyond!* Аналогичная ситуация складывается с несколько раз употребленными в романе идиомами *к чертовой матери* и

к чертовой бабушке: Гленни либо выбирает один из существующих английских эквивалентов иного лексического состава (*You can all go to hell!*), либо вовсе опускает фразеологизм, компенсируя потерю экспрессивности иными средствами, тогда как Пивер и Волохонская стараются во что бы то ни стало сохранить упоминание о черте (*...помер к чертовой матери от удара на своем сундуке с валютой и камнями – ...died of a stroke, devil take him, on his chest of currency and jewels; всех их к чертовой бабушке перебить – make the devil's own wreck of them; сию минуту он головой вниз полетит к чертовой матери в преисподнюю – at any moment he would go flying down to the devil's dam in the nether world* и др.), для чего им приходится обращаться к фразеологизмам с иным значением либо, как в последнем примере, возрождать устаревшие и давно выпавшие из языка единицы. На этом пути как можно более точного воспроизведения формальных характеристик оригинального текста американские переводчики, как мы видели, нередко создают чуждые английскому языку словосочетания, воспринимаемые читателем как языкотворчество, а это уже входит в явное противоречие с замыслом Булгакова и искажает создаваемые им образы, особенно в тех главах романа, где действуют заурядные персонажи-москвичи, речь которых намеренно типизирована, шаблонна и начисто лишена оригинальности [4].

Продолжая обсуждение трудностей, связанных с восприятием переводчиком авторского замысла, хотелось бы подробнее остановиться еще на одном аспекте, обусловленном упомянутой выше утратой существительными *бог* и *черт* своего лексического значения в некоторых типах фразеологизмов, где они становятся взаимозаменяемыми. В английской фразеологии это явление тоже представлено, и это означает, что переводчику, исповедующему подход доместикации текста, постоянно угрожает опасность, поддавшись соблазну более естественного звучания одного из возможных эквивалентов, серьезно исказить замысел оригинала, если выбор слова *бог* либо *черт* в таких «обратимых» фразеологизмах для автора принципиален (понятно, что сторонникам форенизации текста такие просчеты не грозят).

В частности, фразу *черт знает* Гленни обычно переводит как *God knows*, что, надо признать, звучит по-английски естественнее и употребляется куда чаще, чем пословное соответствие *devil knows*, тем более, что вариант *бог знает* тоже встречается в романе, однако варианты со словами *черт* или *бог* используются автором для речевых характеристик разных персонажей, что переводчиком совершенно не учитывается. Вот типичный пример:

...черт ее знает, кто она такая.

God knows who she is. (G)

Devil knows who she is. (P&V)

Мало того, в целом ряде случаев Гленни просто «для естественности» добавляет содержащие слово *God* фразеологизмы и восклицания туда, где в оригинале не было и намек на бога (как, впрочем, и на черта), например:

Что же это с памятью, граждане? А?

God, how embarrassing! What an appalling thing to forget!

What was wrong with his memory, citizens? Eh?

В результате в лексиконе таких, например, героев, как Степа Лиходеев или Иван Бездомный, появляется слово *бог/God*, совершенно им не свойственное – Степе вообще никогда, а Ивану – до перерождения, но, тем самым, важный контраст речи Ивана «ветхого» и нового стирается.

При таком вольном подходе к заменам слов *бог* и *черт* во фразеологизмах у Гленни не воспроизводятся и многие комические ситуации, основанные на актуализации значения слова *черт* в составе фразеологической единицы. В следующем, например, типичном контексте черт-то как раз и знает, где именно находится перенесенный его свитой в Ялту Лиходеев:

– Да он уже уехал, уехал! – закричал переводчик, – он, знаете ли, уж катит! Уж он черт знает где! – и тут переводчик замахал руками, как мельничными крыльями.

'He's already gone,' cried the interpreter. 'He's on his way there. God knows where he is by now.'

'He's already gone, gone!' the interpreter cried. 'He's already wheeling along, you know! He's already devil knows where!'

В теории художественного перевода сегодня можно уже считать прочно утвердившимся представление о том, что переводы культурно значимых, классических текстов нужны разные, и если они выполнены знающими свое дело профессионалами, то каждый обретет своего читателя. Тем не менее, на примере передачи средствами английского языка русских слов *бог* и *черт*, концептуально важных для отечественной культуры вообще и для романа М. Булгакова в частности, мы попытались показать, что бескомпромиссно и последовательно

проводимые подходы доместикации и форенизации текста, как и любые крайности, ведут к просчетам, которых позволил бы избежать более гибкий, компромиссный подход.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – URL: <https://masterimargo.ru/book-3.html> (дата обращения: 10.01.2021).

2. Кураев, А.В. Мастер и Маргарита: За Христа или против? / А.В. Кураев. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/master-i-margarita-za-xrista-ili-protiv/#p64> (дата обращения: 10.01.2021).

3. Лакшин, В.Я. Открытая дверь: Воспоминания и портреты / В.Я. Лакшин // Булгакиада. – Москва: Моск. рабочий, 1989. – 448 с.

4. Полубиченко, Л.В. Речевой портрет коллективной культурно-языковой личности как проблема художественного перевода / Л.В. Полубиченко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2020. – Т. XVII, Вып. 1. – С. 20–24.

5. Православная энциклопедия. Электронное издание. Т. XIV. Демонология. – URL: https://www.pravenc.ru/text/171673.html#part_3 (дата обращения: 07.01.2021).

6. Семёнов, А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка / А.В. Семёнов. – URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения: 05.01.2021).

7. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва: Академический Проект, 2004. – 992 с.

8. Фасмер, М. Этимологический онлайн-словарь русского языка / М. Фасмер. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 05.01.2021).

9. Шаров, С.А. Вторая версия частотного списка / С.А. Шаров. – URL: <http://www.interface.ru/home.asp?artId=36210> (дата обращения: 10.01.2021).

10. Шведова, Н.В. Фразеологизмы с компонентами «бог» и «черт» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Шведова. – Курган, 2004. – 266 с.

11. Bulgakov, M. The Master and Margarita / M. Bulgakov; Translated by Michael Glenny. – London: Collins and Harvill Press, 1967. – URL: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/eben001_mastermargarita_glenny.pdf (accessed: 07.01.2021).

12. Bulgakov, M. The Master and Margarita / M. Bulgakov; Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky, 1997. – URL: https://libcom.org/files/eben002_mastermargarita_pevear.pdf (accessed: 07.01.2021).

13. Lubensky, S. Russian-English Dictionary of Idioms / S. Lubensky. – New York: Random House, 1995. – 1017 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-202-209

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОДОВОГО ОТЧЕТА КАК ОТДЕЛЬНОГО ТИПА ТЕКСТА

И.В. Леонова

Т.Ю. Метелева

Д.Д. Цурцумия

Статья посвящена годовому отчету как отдельному типу текста. Авторы статьи последовательно описывают историю, структуру, содержание годового отчета и, опираясь на транслатологическую классификацию текстов, определяют его транслатологические характеристики, релевантные для выбора переводческой стратегии.

Ключевые слова: годовой отчет, транслатологические характеристики, когнитивная информация, эмоциональная информация, оперативная информация, эстетическая информация, источник, реципиент, коммуникативная задача, мера переводимости.

TRANSLATOLOGICAL FEATURES OF ANNUAL REPORT AS A SEPARATE TEXT TYPE

I.V. Leonova

T.Yu. Meteleva

D.D. Tsurtsumia

The article analyzes an annual report as a separate text type. Being focused on its history, structure, and content, the authors highlight translational features of an annual report which are considered to be relevant for its translation strategy.

Key words: annual report, translational features, cognitive information, emotive information, operative information, aesthetic information, source, recipient, communicative task, degree of translatability.

В настоящее время многие типы текстов претерпевают изменения, обусловленные разнообразными реалиями современного мира и быстро меняющейся политической, экономической, культурной и социальной обстановкой. Под влиянием экстралингвистических стилеобразующих факторов подвергаются трансформации и экономические тексты, в частности один из их типов – годовой отчет компании. Естественным образом, вслед за изменением стратегий создания данного текста, меняются и стратегии его перевода.

Под годовым отчетом понимают документ, в котором компании либо организации предоставляют информацию о результатах своей деятельности,

а также показывают свою приверженность принципам подотчетности и прозрачности [6: с. 6]. Однако, несмотря на широкую распространенность данного типа текста, его транслатологические особенности не получили должного внимания со стороны ученых-переводоведов.

В данной статье мы опишем транслатологическую классификацию текстов как основу нашего исследования, затем проанализируем историю, содержание и структуру годового отчета и определим транслатологические характеристики этого типа текста, релевантные для выбора переводческой стратегии.

Леонова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (г. Москва).

Leonova Irina Vladimirovna – Doctor (Philology), Associate Professor, Department of Modern Languages and Communication, National University of Science and Technology “MISIS” (Moscow).

E-mail: i.krykova@misis.ru

Метелева Татьяна Юрьевна – переводчик акционерного общества «Концерн Титан-2» (г. Санкт-Петербург).

Meteleva Tatiana Yurievna – translator, Joint Stock Company Concern Titan-2 (Saint Petersburg).

E-mail: tmeteleva@bk.ru

Цурцумия Джунa Джумбериевна – магистрант Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Tsurtsumia Dzhuna Dzhumberievna – Graduate Student, School of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics (Moscow).

E-mail: ddsurtsumiya@edu.hse.ru

© Леонова И.В., Метелева Т.Ю., Цурцумия Д.Д., 2021

1. Транслатологическая классификация

При определении транслатологических характеристик годового отчета как отдельного типа текста в данной статье будет использоваться классификация, предложенная И.С. Алексеевой. Обобщая труды разных исследователей, автор вводит пять параметров для создания транслатологической классификации: вид информации, коммуникативное задание, источник, реципиента, объективную меру переводимости [1: с. 264]. Последовательно и кратко опишем каждый параметр.

В любом тексте – но в разном соотношении – выделяются четыре вида информации: когнитивная, оперативная, эмоциональная, эстетическая. Когнитивной считается информация, которая сообщает объективные сведения о внешнем мире. Она характеризуется тремя основными параметрами, которые оформляются определёнными равноуровневыми языковыми средствами: объективностью (например, модальность реальности, пассивность, термины, фон нейтральной литературной нормы языка), абстрактностью (например, сложные синтаксические структуры, формальные средства когезии, десемантизированные глаголы), плотностью (например, разнообразные сокращения) [1: с. 249–251]. Когнитивная информация наиболее выражена в научных и официально-деловых текстах.

Оперативной принято называть информацию, которая предписывает определенные действия и побуждает к их совершению. Как правило, в качестве языковых средств, оформляющих оперативную информацию, выступают глагольные конструкции со значением необходимости, модальные слова, лексические усилители [1: с. 251]. Оперативная информация доминирует в таких типах текстов, как законодательные, религиозные, научно-технические инструктивные тексты.

Эмоциональная информация, а точнее языковые средства, оформляющие ее, воздействуют на реципиента, вызывая у него определенные эмоции. Основными параметрами выступают субъективность (например, сослагательное наклонение, эмоционально-оценочная лексика), конкретность (например, привязка содержания к конкретному времени, семантически полноценные глаголы), образность (например, фразеологизмы, сравнения, клишированные метафоры). Эмоциональная информация характерна для таких типов текста, как беллетристика, реклама, личное письмо [1: с. 252].

Вербальная эстетическая информация, выделяемая И.С. Алексеевой как подвид эмоциональной информации, вызывает у читателя чувства прекрасного. Основными средствами, оформляющими эстетическую информацию, принято считать авторские индивидуальные языковые средства. Ярким

примером текстов, содержащих преимущественно эстетическую информацию, могут служить тексты художественной литературы и авторской публицистики [1: с. 253].

Определение коммуникативного задания играет важную роль при анализе текста, предназначенного для перевода, поскольку таким образом выявляется цель создания текста оригинала, которую необходимо сохранить. Например, в научно-популярных текстах коммуникативное задание обычно заключается в упрощенной передаче читателю новых для него сведений и в попытке увлечь его этой информацией [2: с. 212].

Параметр источника также важен при анализе текста. Источник может быть коллективным, групповым и индивидуальным. Дальнейшие стратегии переводчика во многом зависят от источника текста. К примеру, источник научной статьи по нейробиологии является групповым, поскольку автор представляет определённую научную школу, ссылается на труды своих предшественников и современных ученых; кроме того, его статья публикуется в конкретном журнале, в котором подразумевается корректура и редактура. Выявление типа источника способствует более тщательному анализу текста оригинала, облегчает понимание этого текста, а также помогает более осознанно подходить к выбору языковых средств при переводе. Реципиент, как и источник, может быть коллективным, групповым и индивидуальным. От данного параметра зависит дальнейший выбор языковых средств.

Мера переводимости варьируется от первой до третьей в зависимости от сложности текста, а также отсутствия или наличия в нем элементов непереводаемости [1: с. 263].

Транслатологическая классификация обладает рядом преимуществ за счет своей системности и логики. Главное достоинство классификации заключается в наличии релевантных для перевода параметров. Помимо этого, в данной модели классификации уделяется особое внимание типам текстов, которые часто встречаются на практике, а также сформулированы стратегии для перевода таких типов текста. Более того, достоинством классификации можно считать наличие такого важного параметра, как доминирующий вид информации, который активно используется в процессе обучения студентов отделений перевода и переводоведения процедуре предпереводческого анализа текста.

2. История развития типа текста «годовой отчет»

Годовой отчет – это «отчет, подготавливаемый для акционеров компании и в других целях ежегодно в конце каждого финансового года компа-

нии» [4]. Годовой отчет является документом, обязательным к публикации в общем доступе, для ряда компаний, определенным Федеральным законом «Об акционерных обществах», Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Федеральным законом «О некоммерческих организациях» [11]. Доступность информации, входящей в годовой отчет компании, обеспечивается главным образом публикацией на электронных ресурсах, в частности на официальном сайте компании. Печатные версии годовых отчетов направляются акционерам.

Перед тем как перейти к истории годового отчета, необходимо разграничить понятия «годовой отчет» в русском языке и *annual report* в английском языке. Традиционно термины *annual report* и «годовой отчет» принято считать эквивалентными. Действительно, в англо-русском толковом словаре финансов *annual report* определяется как «годовая отчетность (*annual accounts*) и отчет правления компании, выпускаемые для акционеров и в соответствии с Законами о компаниях поступающие в Палату по регистрации компаний» [16: с. 20]. Термин *annual accounts* определяется как «финансовая отчетность организации, ежегодно публикуемая, как правило, в соответствии с требованиями закона» [16: с. 19–20].

Анализируя годовой отчет для акционеров, существующий в Российской Федерации с 1998 г., О.В. Довбыш утверждает, что он является наиболее близким аналогом документа под названием *annual report*, хотя и упоминает об остающихся на момент публикации исследования различиях между данным видом отчетности на английском и на русском языках ввиду отсутствия в российской практике документа, соответствующего его западному аналогу. Также О.В. Довбыш особо подчеркивает, что ряд годовых отчетов, издаваемых российскими компаниями с сугубо рекламными целями, никак не может быть сопоставлен с западными образцами годовых отчетов; автор указывает на то, что российские годовые отчеты такого типа созданы для того, чтобы продемонстрировать реципиенту исключительно положительные элементы в развитии предприятия, а функции достоверного информирования они не выполняют [7: с. 25–36].

В 2017 г. в справочнике «Международные стандарты аудита» было законодательно введено понятие «годовой отчет». Кроме того, в Международных стандартах финансовой отчетности официально фиксируются цели и информационное наполнение годовых отчетов, а ориентированность современных годовых отчетов на русском языке на данные стандарты подтверждена Министерством финансов РФ.

Таким образом, «*годовой отчет*» и *annual report* в рамках современной корпоративной отчетности можно считать эквивалентными. Следовательно, годовые отчеты компаний для акционеров российских компаний, опубликованные в течение последних трех лет, допустимо использовать в качестве аналоговых текстов при переводе.

Далее перейдем непосредственно к истории годового отчета. Первые отчетные документы, по свидетельству историков, относятся еще к III тысячелетию до нашей эры [9: с. 66]. Т.Н. Малькова отмечает, что система учета в Древнем Египте во многом стала основой для формирования современного бухгалтерского учета: учетный труд в Древнем Египте был четко организован, писцы подробно описывали хозяйственную деятельность, а собранные ими сведения проверялись. По свидетельству автора, никакой другой информации, кроме фактов о хозяйстве, данных о доходах и расходах, в данных документах нет. Интересно, что за запись не соответствующей действительности информации писец лишался должности. Папирусы с зафиксированной информацией о хозяйственной деятельности не скрывались, доступ к ним был свободным [9: с. 66].

Отчетным документом, по мнению исследователя, является также Палермский камень, на котором зафиксированы исторические события за определенный период. Камень был выставлен на всеобщее обозрение и создавался в немалой степени как памятник для потомства [9: с. 65].

Одна из самых ранних книг, представляющих собой отчет о деятельности компании, была написана Франческо ди Марко Датини и опубликована в 1367–1368 гг. Анализируя данный исторический документ, М.И. Кутер, М.М. Гурская и А.М. Мусаян сообщают, что книга разделена на две части, первая из которых содержит информацию о притоке наличных денежных средств, вторая же – об оттоке [8: с. 56]. В книге содержатся только факты о хозяйственной деятельности компаний Франческо Датини в Пизе и Барселоне, причем каждая из записей датирована. Очевидно, что документ содержит исключительно когнитивную информацию, представляя объективные факты, не подлежащие сомнению.

Несмотря на вышеописанные исторические документы, основоположником учета и отчетности принято считать не Франческо Датини, а Луку Пачоли, который в своем «Трактате о счетах и записях», опубликованном в 1494 г., сформулировал постулаты для составителей счетов и отчетных документов. Изучавший жизнь и деятельность итальянского математика Я.В. Соколов говорит о том, что выработанные Лукой Пачоли правила касались не

только финансового учета, но и графической организации информации – деления по столбцам [13].

Началом истории собственно годового отчета как типа текста можно считать XIX в., когда в Англии четко сложилась традиция составлять отчеты с годичной периодичностью [17: с. 458]. Появление данной практики связано с промышленной революцией и расположением фабрик одной и той же компании на большом расстоянии друг от друга, что мешало эффективно ими управлять. По мнению М. Чэтфилда, регулярный порядок отчетности позволял не только осуществлять управление предприятиями на расстоянии, но и учитывать большое количество деталей, необходимых для определения стратегий управления. Именно годовая периодичность была признана наиболее удобной, так как, хотя работникам и платили посуточную или ежемесячную заработную плату, некоторые статьи расходов компании касались годового периода [17: с. 458].

До конца XIX в. каждый автор отчетных документов хоть и придерживался сформулированных еще в Средневековье принципов, но определял форму представления собранной информации в соответствии с требованиями собственной компании. В 1899 г. в Российской империи была создана Инструкция о применении Положения о государственном промысловом налоге, которая, как считает Я.В. Соколов, является одной из первых попыток стандартизировать порядок отчетности [14: с. 269–271]. Исследователь не считает эту попытку удачной, так как она осталась не примененной на практике.

В 1909 г. Конгрессом США был принят корпоративный налог, благодаря которому календарный год был официально определен как норма для представления отчетности, которая сохранилась до сих пор.

В первые же годы существования СССР появились формы для представления отчетности крупными фирмами, которые были обязаны публиковать отчеты за фиксированный период, содержащие строго установленный объем информации, в газетах [14: с. 269–271].

По мнению Т. Ли, изменение функций годовой отчетности отмечено в 60–70-х гг. XX в. Тогда возникла тенденция не только включать в годовые отчеты финансовую информацию, но и добавлять в них фотографии и различные изображения продукции, схемы процессов производства. Годовой отчет стал использоваться как способ отражения корпоративной идентичности и создания привлекательного имиджа. Автор отмечает изменения рецепивента данного типа текста: он был рассчитан не

только на акционеров и работников, но и на широкий круг потребителей продукции, производимой компанией. Годовые отчеты также использовались финансовыми аналитиками для определения потенциала компании, а рекрутерами – в качестве средства привлечения новых работников [20: с. 216].

3. Годовой отчет: структура и содержание

В настоящее время существуют международные стандарты, определяющие содержание годового отчета. В своем исследовании М.С. Санталова подчеркивает необходимость составлять данный документ в соответствии с общепринятыми принципами бухгалтерского учета (*Generally Accepted Accounting Principles*), которые применяются согласно национальному законодательству или в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности (*International Financial Reporting Standards*). Это, по мнению автора, делает отчет сравнительно простым для анализа инвесторами [12: с. 73].

В соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности структура годового отчета для акционеров должна быть следующей:

- титульный лист;
- общая информация;
- обращение председателя совета директоров;
- информация об обществе;
- изложение мнений и аналитических выводов руководства общества; доля рынка, маркетинг и продажи;
- ценные бумаги и акционерный капитал;
- структуры и принципы корпоративного управления;
- экологическая, социальная и экономическая устойчивость;
- заключение и отчет ревизионной комиссии;
- заключение независимого аудитора общества;
- финансовая отчетность, примечания и комментарии [11].

Исследование международной консалтинговой компании КПМГ (*KPMG*) показывает, что все годовые отчеты в основном состоят из четырех смысловых блоков: описания результатов деятельности, финансовой отчетности, корпоративного управления и вознаграждения и другой информации [10: с. 11].

Типичную структуру годового отчета можно рассмотреть на примере любой крупной компании, которая его предоставляет ежегодно. Проследим структуру данного типа текста на примере годового отчета компании *British Petroleum (BP)* за 2013 г. [21: с. 203].

Отчет начинается с оглавления, состоящего из следующих разделов: информации о стратегии компании, корпоративном управлении, финансовой

отчетности и другой дополнительной информации (включая информацию для акционеров). Важно отметить, что в разделе дополнительной информации также предоставляются отдельные сведения для акционеров, так как данная компания является коммерческой.

После оглавления годового отчета можно увидеть краткую информацию о компании, где излагаются основные функции, цели и миссии организации. Примечательно, что связность данного раздела также обеспечивается различными средствами оформления информации: нумерацией пунктов, выделением различных частей текста курсивом, предоставлением таблиц, графиков [21: с. 204].

В этом же разделе присутствует сообщение от президента, управляющего компанией либо исполняющего обязанности директора. Данный раздел особенно интересен с точки зрения его коммуникативной функции. Основная функция данного раздела состоит в информировании читателей о содержании годового отчета, затрагиваемых проблемах, различных тенденциях, а также в установлении хороших отношений с читателями [21: с. 205]. Многие компании и организации также используют данный раздел для того, чтобы продемонстрировать свою значимость в решении различных вопросов. Также важно отметить, что его функция зависит от типа компании. Если это коммерческая организация, то в своем обращении президенты компаний выделяют свои сильные стороны и предоставляют цифры, статистику, подтверждающие эти факты. Делается это для того, чтобы привлечь как можно больше потенциальных инвесторов, поскольку, согласно результатам некоторых исследований, инвесторы обращают внимание не столько на финансовую отчетность, сколько на письмо президента компании [22: с. 328]. Если это некоммерческая организация, то в своем обращении президенты организаций либо исполняющие их обязанности пытаются показать важность решения глобальных проблем, информировать общественность о вкладе организации в развитие общества и решение различных проблем.

Во втором разделе компании предоставляют информацию о корпоративном управлении, своей организационной структуре (члены руководства, отделы и управления, кадры, должности), а также описывают бюджет компании (расходы, сборы, вознаграждения). Данный раздел был включен в годовой отчет относительно недавно и впервые был использован в одном из официальных докладов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1999 г. [22: с. 206].

В третьем разделе в годовых отчетах, как правило, описывается финансовое состояние компании. Этот раздел представлен для узкого круга реципиентов, поскольку частотность употребления терминов высока, и они будут понятны только тем реципиентам, которые имеют специальные знания [18: с. 63].

В четвертом разделе указывается дополнительная информация о компании. Данный раздел будет особенно интересен акционерам и инвесторам, поскольку здесь представлен перечень необходимой для них информации: перспективы развития компании, отчет о выплате дивидендов, сведения о налогах и т.д.

Годовой отчет наряду с обязательной информацией о финансовой отчетности компании представляет также дополнительную информацию, которая носит нефинансовый характер. Нефинансовая информация позволяет инвесторам оценивать перспективы развития бизнеса [10]. В текстах годового отчета также можно встретить информацию об экономическом субъекте, которая позволяет оценивать экономический, социальный, экологический и другие потенциалы, тенденции развития компании, ее стратегии. Помимо этого, годовой отчет сопровождается описательными, объясняющими и познавательными отрывками текстов, которые предлагаются читателю [3: с. 259]. В текстах данного типа переплетаются разные смысловые области и семантические уровни, формируя единый связный текст [3: с. 250].

Таким образом, годовой отчет представляет собой такой тип текста, который структурно и содержательно является сложным и многофункциональным, но, тем не менее, единым целым.

3. Годовой отчет как транслатологический тип текста

Прежде чем перейти к транслатологическим характеристикам годового отчета, кратко обозначим его функционально-стилистическую принадлежность. Годовой отчет – особый и сложный текст, относящийся к официально-деловому стилю. Годовой отчет является конвенционализированным типом текста, выполняющим определенную коммуникативную функцию и отвечающим специфическим требованиям аудитории [19]. Данный тип текста характеризуется строгой формой изложения, имеет свою структуру (общая информация, финансовая отчетность, корпоративное управление). Годовому отчету присущи такие черты, как лаконичность, конкретность, объективность изложения, клишированность [7].

Пользуясь определением Н.К. Гарбовского, годовой отчет можно отнести и к научно-профессио-

нальному стилю [5: с. 38]. Информация, содержащаяся в текстах данного типа, представляет профессиональную оценку финансового состояния компании либо организации. Соответственно текст изобилует терминами, что также позволяет говорить о чертах научно-технического стиля. Также текст характеризуется богатым арсеналом вспомогательных систем, в частности изобразительных материалов [7].

Текст годового отчета иногда сообщает информацию читателю в нестандартной для делового документа форме, в связи с чем наблюдаются черты научно-популярного стиля, так как тексты годового отчета сообщают новую информацию читателю в несколько упрощенной форме (в разделе «Справка»), иногда объясняя некоторые термины и экономические явления внутри текста.

Годовому отчету также присущи некоторые черты рекламного стиля, так как он постепенно становится инструментом продвижения компании. Создатели отчета пытаются предоставить информацию о деятельности компании в наиболее выгодном свете.

Таким образом, в текстах годового отчета, помимо официально-делового стиля, наблюдается присутствие элементов научно-профессионального, научно-популярного и рекламного стилей, что позволяет нам выделить в нем все виды информации.

Признаки присутствия когнитивной информации в годовом отчете:

1. Предельно четкое и ясное изложение мысли.

2. Объективность:

а) на уровне слов: избытие терминов (*underwriting, leverage, spreads*)*, нейтральный фон лексики, который характеризуется употреблением слов общенаучного описания (*modality, institute, expertise*), использование клише и устойчивых фраз;

б) на уровне предложения: пассивный залог, глагольные конструкции с пассивным значением, безличные предложения, преобладание настоящего времени глагола.

3. Абстрактность:

а) на уровне слов: обилие сложных слов (*multilateralism*), абстрактная лексика (*moment, prospect*), номинативность;

б) на уровне предложения: логический принцип построения предложений (средства когезии текста, сложные синтаксические структуры, графические и шрифтовые средства).

4. Плотность: использование компрессионных способов выражения информации (лексические

сокращения, аббревиатуры, которые расшифровываются на отдельной странице (*WTO, FY*), графические признаки (двоеточие, скобки)); также присутствует большое количество изобразительных материалов, которые позволяют иерархически классифицировать информацию.

Признаки присутствия эмоциональной информации в годовом отчете:

1. Субъективность:

а) на уровне слова: наличие эмоционально-оценочных слов (*enormous benefits, remarkable progress*), с помощью которых компании описывают итоги своей деятельности с положительной стороны, присутствие сослагательного наклонения и модальных глаголов;

б) на уровне предложения: средства, создающие эффект сближения автора с читателем: 1-е или 3-е лицо подлежащего (*I take this opportunity to thank...; I am confident that...*), прямое обращение к читателю.

2. Образность: экономические метафоры (*factory of the world*).

3. Конкретность: риторические вопросы и предложения с инверсией, наличие усилительных конструкций (*Did you know that when the WTO was established, e-commerce barely existed?*).

4. Другие признаки: наличие фразовых глаголов (*call for, scale up*), преобладание практически положительной оценки, выражающейся с помощью числовых данных и прилагательных, использование нестандартных шрифтов с целью привлечения внимания читателя. Здесь же можно говорить о **некоторых чертах эстетической информации** – реципиенты получают удовольствие при чтении материала, который красочно оформлен. Помимо этого, А.В. Федоров также отмечал, что даже научный текст может обладать «эстетикой логики», т.е. логическое построение текста, его связность могут вызвать чувства прекрасного у читателя [1: с. 255].

Признаки присутствия оперативной информации в годовом отчете:

1. Поскольку тексты годовых отчетов направлены на привлечение дополнительных источников дохода, инвесторам предоставляется положительная информация о результатах деятельности компании.

2. По сравнению с когнитивной и эмоциональной информацией языковые средства в оперативной информации не так разнообразны: наблюдается использование повелительных конструкций, побудительных средств, модальных глаголов, сослагательного наклонения (*Policies must create condition for people to succeed; collective action is important to modernize trade system*). Важно отметить, что в

* Здесь и далее используются примеры из текста годового отчета Международного валютного фонда за 2019 г. на английском языке (*IMF Annual Report 2019*).

текстах годового отчета некоммерческих организаций оперативная информация оформляется с помощью слов, вызывающих тревогу у реципиента, чтобы побудить его к выполнению определенных действий (*new risks have emerged*), также используются прилагательные с отрицательной оценкой, чтобы призвать разные государства к определенным решениям (*adverse economic condition*).

В создании годового отчета принимают участие разные отделы организации. Так, финансовый отдел и бухгалтерия играют важную роль в создании платежного баланса, расходов, доходов и других финансовых показателей. Менеджеры проекта осуществляют надзор за подготовкой годового отчета, фотографы следят за оформлением дизайна годового отчета. Также важную роль в создании годового отчета выполняют авторы текста, редакторы, верстальщики, а также переводчики (если это международная организация) [23: с. 5]. Таким образом, работа над годовым отчетом осуществляется командой специалистов организации, т.е. в данном случае можно говорить о *групповом источнике*.

Тексты годового отчета, как было упомянуто выше, направлены на широкий круг реципиентов. Важно упомянуть, что если это коммерческая организация, то в качестве основных реципиентов будут выступать акционеры, инвесторы [19: с. 240]. Таким образом, читателей годового отчета *коммерческих компаний* можно отнести к *групповому реципиенту*. Читателями годового отчета некоммерческих организаций могут быть потенциальные инвесторы, волонтеры, средства массовой информации, исследователи, государственные органы и учреждения, общественность [6]. Таким образом, реципиент в текстах годового отчета *некоммерческих компаний* будет *коллективным*.

Коммуникативное задание текстов годового отчета будет «комплексным» [3: с. 258]. Для коммерческих организаций коммуникативное задание будет заключаться в информировании о достижениях, перспективах развития компании, а также в предоставлении положительной информации о компании с целью привлечения потенциальных инвесторов и формировании имиджа. Коммуникативное задание некоммерческих организаций более обширно. С помощью годового отчета НКО информируют общественность о вкладе организации в развитие общества и регулировании проблем на

мировом уровне, пытаясь продемонстрировать надежность и значимость организации в глазах сотрудников и волонтеров, а также они повышают свою репутацию в глазах реципиентов [6].

Рассмотрим меру переводимости. Отсутствие явных элементов непереводимости (реалий) позволяет отнести тексты годового отчета ко *второй группе переводимости*, поскольку наблюдается широкое использование терминов и некоторых образных средств, характерных для экономических текстов (метафор, сравнений), усложняющих процесс перевода.

Для наглядности и ясности нами была создана таблица, отражающая транслатологические характеристики типа текста «годовой отчет», где:

- +++ – яркая выраженность параметра;
- ++ – средняя выраженность параметра;
- + – низкая выраженность параметра.

При всем обилии средств, передающих эмоциональную информацию, а также в некоторой степени оперативную и эстетическую, годовой отчет относится к *примарно-когнитивным текстам*. Таким образом, среди доминант перевода приоритетное положение будет занимать лексика, обеспечивающая когнитивную информацию: термины и слова общенаучного описания.

Особого внимания заслуживают и средства, оформляющие эмоциональную информацию: эмоционально-оценочные слова, риторические вопросы, инверсии, а также образные средства (метафоры, сравнения). При переводе важно сохранить принцип подотчетности, который стремительно пытаются показать компании, а также приверженность к прозрачности информации, что обеспечивается с помощью когнитивной и эмоциональной информации.

Таким образом, проанализировав годовой отчет как транслатологический тип текста, мы можем сделать вывод о том, что текст данного типа представляет особую сложность при переводе. Наличие *всех* видов информации, оформленных самыми разнообразными языковыми средствами в текстах годового отчета, обуславливает данное суждение и требует от переводчика особых умений и навыков, связанных как с осуществлением качественного предпереводческого анализа, так и с выполнением репрезентативного перевода [15] данного типа текста.

Таблица

Транслатологические характеристики типа текста «Годовой отчет»

Тип текста	Вид информации				Источник			Реципиент			Мера перевод.		
	Ког.	Эм.	Оп.	Эст.	Колл.	Груп.	Инд.	Колл.	Груп.	Инд.	I	II	III
Годовой отчет	+++	++	+	+		+++		++	+++			+++	

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева, И.С.* Введение в переводоведение : учебное пособие для филол. и лингв. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ; Москва : Академия, 2004. – 352 с.
2. *Алексеева, И.С.* Профессиональный тренинг переводчика : учебное пособие для переводчиков и преподавателей / И.С. Алексеева. – Санкт-Петербург : Союз, 2001. – 288 с.
3. *Быкова, М.В.* Отчет о деятельности предприятия как тип экономического текста / М.В. Быкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Вып. 1, Ч. 2. – С. 257–262. – (Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика).
4. *Вулфел, Ч.Дж.* Энциклопедия банковского дела и финансов / Ч.Дж. Вулфел ; Корпорация Федоров. – Самара, 2003. – 1584 с. – URL: <https://finance.cofe.ru/O/OTCHET-GODOVOY> (дата обращения: 21.12.2020).
5. *Гарбовский, Н.К.* Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале русского и французского языков) / Н.К. Гарбовский. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – 144 с.
6. *Гордеева, А.А.* Публичный годовой отчет о работе НКО. Руководство по использованию / А.А. Гордеева. – Санкт-Петербург : Центр развития некоммерческих организаций, 2012. – 41 с. – URL: <http://www.crno.ru/assets/files/rekomendacii.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).
7. *Довбыш, О.В.* Английская финансовая терминология и проблемы ее перевода на русский язык (на материале годовых финансовых отчетов зарубежных компаний) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О.В. Довбыш. – Москва, 2003. – 186 с.
8. *Кутер, М.И.* Первая книга притока и оттока наличных (Entrata e Uscita) в компаниях Франческо Датини / М.И. Кутер, М.М. Гурская, А.М. Мусаэлян // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2015. – № 4 (170). – С. 55–65. – (Серия 5: Экономика).
9. *Малькова, Т.Н.* Древняя бухгалтерия: какой она была? / Т.Н. Малькова. – Москва : Финансы и статистика, 1995. – 301 с.
10. Подготовка корпоративной отчетности: международное исследование КПМГ. – URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2016/07/kz-scg-business-reporting.pdf> (дата обращения: 08.01.2020).
11. Раскрытие информации. Структура Годового отчета // Корпоративное управление : учебный курс / П.А. Кальницкая. – URL: http://e-biblio.ru/xbook/new/xbook301/book/index/index.html?go=part-016*page.htm (дата обращения: 10.04.2020).
12. *Санталова, М.С.* Годовой отчет компании как эффективное средство коммуникации с инвесторами / М.С. Санталова // Вопросы экономики и управления. – 2015. – № 2. – С. 70–76.
13. *Соколов, Я.В.* Лука Пачоли: человек и мыслитель / Я.В. Соколов // Пачоли Л. Трактат о счетах и записях. – Москва : Финансы и статистика, 2001. – С. 171–230.
14. *Соколов, Я.В.* Очерки по истории бухгалтерского учета / Я.В. Соколов. – Москва : Финансы и статистика, 1991. – 400 с.
15. *Тюленев, С.В.* Теория перевода : учебное пособие / С.В. Тюленев. – Москва : Гардарика, 2004. – 336 с.
16. Финансы: Толковый словарь: Англо-русский / Б. Батлер, Б. Джонсон, Г. Сидуэлл [и др.] ; под ред. И.М. Осадчей. – Москва : ИНФРА-М, Весь Мир, 1998. – 493 с.
17. *Chatfield, M.* The History of Accounting: an International Encyclopedia / M. Chatfield, R. Vangermeersch. – New York : Garland, 1996. – 649 p.
18. *Ditlevsen, M.* The Diversity of the Annual Report in an International Context / M. Ditlevsen // Fachsprache. – 2010. – Vol. 32, № 3–4. – P. 163–178.
19. *Groot, E.* Corporate Communication and the Role of Annual Reporting / E. Groot // The Routledge Handbook of Language and Professional Communication. – 2014. – P. 237–250.
20. *Lee, T.* The changing form of the corporate annual report / T. Lee // The Accounting Historians Journal. – 1994. – Vol. 21, № 1 – P. 215–232.
21. *Mautner, G.* Handbook of Business Communication: Linguistic Approaches / G. Mautner, F. Rainer. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2017. – 713 p.
22. *Nickerson, N.* Dear Shareholder, Dear Stockholder, Dear Stakeholder: The Business Letter Genre in the Annual General Report / N. Nickerson, E. Groot // Gillaerts P., Gotti M. Genre Variation in Business Letters. – Bern : Peter Lang, 2005. – P. 324–346.
23. *Stittle, J.* Annual Reports: Delivering Your Corporate Message to Stakeholders / J. Stittle. – Aldershot : Gower Publ., 2003. – 270 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-210-214

«НИЗВЕРЕЖЕНИЕ ИСХОДНОГО ТЕКСТА»: НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ

Г.Т. Хухуни

И.И. Валуйцева

А.А. Осипова

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой взаимоотношения исходного и переводного текста, в частности – необходимости перевода соответствовать оригиналу. Однако в ряде работ представлена позиция, согласно которой такое соответствие является необязательным, а руководствоваться следует только требованиями реципиента и / или инициатора перевода. Указанный подход прослеживается в диахронии и уточняются его возможные обоснования.

Ключевые слова: исходный текст, переводной текст, перевод, адекватность, эквивалентность, соответствие, реципиент, инициатор, заказчик, потребность.

“DETHRONIZATION” OF THE SOURCE TEXT: PRESENT AND PAST

G.T. Khukhuni

I.I. Valuitseva

A.A. Osipova

The paper deals with some aspects connected with the problem of relation between the source and target text, especially the necessity of correspondence between them. Many modern authors postulate such equivalence inexpedient, and argue that target text must exclusively meet the requirements of the recipient and / or the initiator. The said approach and its justifications in diachrony are analyzed.

Key words: source text, target text, translation, adequacy, equivalence, initiator, client, demand.

Введение

Вопросы, относящиеся к проблеме соотношения оригинала и перевода, и рассуждения о его «точности», «верности», «духе и букве», позднее – «адекватности», «реалистичности», «полноценности», «эквивалентности» и т.п., ставились на протяжении всей истории перевода, как минимум, на протяжении двух с лишним тысяч лет – с момента высказывания по этой тематике древнеримских деятелей культуры. Подчеркнем, что в предлагаемой статье рассматриваются главным образом вопросы, относящиеся к художественному переводу в широком

смысле слова, хотя приводимые примеры им не ограничиваются. Положение о развитии по спирали проявляется в данной области наглядным образом: периодически на разных этапах развития теории и практики межъязыковой передачи происходит возвращение к названным вопросам, а высказываемые в ходе их обсуждения идеи, претендующие на новаторство, напоминают то, что много раз говорилось и писалось предшественниками. Однако каждая эпоха вносила в эти утверждения моменты, обусловленные именно её насущными задачами, и обосновывала их по-своему.

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

Khukhuni Georgy T. – Doctor (Philology), Habil., Professor, Chair of Linguistics and English Studies, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Regional University.

E-mail: khukhuni@mail.ru

Валуйцева Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

Valuitseva Irina Ivanovna – Doctor (Philology), Habil., Professor, Chair of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Regional University.

E-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Осипова Анна Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой контрастивной лингвистики Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета.

Osipova Anna Aleksandrovn – Doctor (Philology), Habil., Associate Professor, Chair of the Contrastive Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Teacher Training State University.

E-mail: assya@yandex.ru

© Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А., 2021

Обсуждение

Начать предлагаемую статью мы бы хотели с одной цитаты из исторического труда, имеющей, на первый взгляд, к нашей теме отдалённое отношение. Говоря о том, как выглядели отчёты русских дипломатов XVII в. о зарубежных переговорах и каким образом передавались в них слова иностранных монархов (так называемые статейные списки), авторы труда отмечают, что «<...> в той части, в которой излагался ход переговоров, в статейных списках кое-что приукрашивалось; иностранных государей заставляли говорить языком "холопов" московского государя» [2: с. 240].

Если задать человеку вопрос, можно ли такую *подачу* произнесённых на чужом языке слов назвать межъязыковой *передачей*, соответствующей *переводу*, скорее всего, последует отрицательный ответ. Переводчиков заподозрят либо в незнании оригинала, либо в намеренном его искажении, вызванном не слишком благовидными соображениями. Один из современников – Григорий Котошихин – давал именно такое объяснение: «<...> и те все речи, которые говорены, и которые не говорены, пишут они в статейных списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выставляючи свой разум на обманство, чтоб достать у царя себе честь и жалованье большое» [2: с. 240–241].

Обратимся теперь к работе В.В. Сдобникова «Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода», где представлен иной взгляд на интересующую нас проблему, получивший в последние десятилетия широкое распространение в зарубежном переводоведении и определённую популярность в нашей стране. Согласно ему «<...> главным в переводном акте становится не соответствие перевода исходному тексту в семантическом и даже в функциональном отношении, а соответствие созданного в результате переводческого акта продукта потребностям и ожиданиям получателя или инициатора перевода» [13: с. 27].

При буквальном толковании процитированного постулата пришлось бы признать, что неназванные составители статейных списков XVII в. действовали в полном соответствии с принципом, провозглашаемым в качестве нового и прогрессивного подхода уже в веке XXI, поскольку созданный ими «продукт» полностью отвечал «потребностям и ожиданиям» как «инициатора / заказчика перевода» (им, по всей вероятности, мог быть глава Посольского приказа), так и «получателя перевода» (таковым должен был стать, наверное, сам «царь всея Руси»).

Вывод, сделанный нами на основании приведенного примера, носит несколько утрированный характер. Однако он позволяет проиллюстрировать следующие моменты. Во-первых, то, что понимает под переводом обыденное сознание – «текст, пере-

ведённый с одного языка на другой» [14: с. 624] – отнюдь не всегда разделяется специалистами в данной области, а во-вторых – что изложенный выше подход может претендовать на новизну не столько в абсолютном, сколько в относительном смысле слова. Обратившись к прошлому теории и практики перевода, можно убедиться, что отречение от «текстоцентричности» имеет весьма давнюю историю. И хотя основания и причины такого отказа могли не совпадать, результаты его практической реализации нередко оказывались весьма похожими.

Если говорить о периоде, охватывающем приблизительно последние два десятилетия прошлого и первые два десятилетия нынешнего века, то наиболее часто упоминают в этой связи скопос-теорию. Хотя в нашу страну она пришла несколько позднее, чем в зарубежное переводоведение, однако названная концепция в той или иной степени нашла своё освещение в ряде отечественных работ – как положительное [13], так и негативное [15]. Имеет место и стремление, не отказываясь от установок скопос-теории, «синтезировать» ее с текстоцентричностью, поскольку «оба подхода взаимно дополняют друг друга <...> Соединяются они в рамках деятельности парадигмы» [1: с. 186].

Не останавливаясь сейчас на подробном анализе разнонаправленных точек зрения, заметим, что дискуссия между представителями названных подходов (порой о «дискуссии» можно говорить только условно, так как многие из тех, кого представители скопос-теории относят к сторонникам «текстоцентричного подхода», покинули этот мир до ее распространения и в дискуссии участия принимать не могли) коснулась и двух понятий, ставших для переводческой мысли прошлого века во многом основными – эквивалентности и адекватности. Использовались они разными авторами, причем содержание, которое вкладывалось ими в названные термины, не всегда совпадало. В целом, у представителей лингвистического подхода (говорим о *подходе*, а не о «лингвистической теории перевода», поскольку она представляет собой своего рода конгломерат, объединяя достаточно разнородные концепции) наметились следующие тенденции.

1. Не видеть между ними принципиальной разницы. Так, В.С. Виноградов считал, что «понятия адекватности, тождественности, полноценности и даже аналогичности остаются в том же семантическом поле, что и термин "эквивалентность" и иногда дублируют друг друга» (отдавая, со ссылкой на Л.К. Латышева, преимущество эквивалентности, поскольку этому термину присуща «меньшая категоричность» [4: с. 18]).

2. Увязывать термин «адекватность» с отношением «исходный / переводной текст», а эквивалентность – с «переводной текст / реципиент». Так

обстоит дело, например, у В.Н. Комиссарова, считавшего, что «эквивалентный перевод – это перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности», тогда как «адекватный перевод – это просто "хороший" перевод, оправдывающий надежды и ожидания участников межъязыковой коммуникации или лиц, осуществляющих оценку качества перевода» (с оговоркой, что такое употребление является «нестрогим» [8: с. 152])¹.

В исследованиях, связанных с принципами скопос-теории (за последние десятилетия появился и ряд концепций, не являющихся ее ответвлениями в собственном смысле слова)², наблюдалось стремление если не вообще отказаться от критерия эквивалентности, то придать ему второстепенно-подчиненное положение – что вполне соответствует выдвинутому одним из ее основоположников тезису. Проиллюстрируем его: «Чего <...> определенно не существует, так это "одного" исходного текста. <...> Существует лишь некоторый специфически интерпретируемый исходный текст <...> Исходный текст низведен со своего пьедестала, а перевод освобожден от этой фикции» (Цит. по: [10: с. 164]); «<...> критерий эквивалентности смещается на второстепенную позицию не только со своей главенствующей позиции в иерархии факторов, обуславливающих принятие решения, но и как критерий оценки перевода. <...> эквивалентность превращается в специфическую разновидность адекватности» [10: с. 168–169]³.

Отметим, что против рассмотрения эквивалентности (в отличие от адекватности) как критерия оценки качества перевода выступал и В.Н. Комиссаров, большая часть трудов которого по переводу написана именно с лингвистических позиций. Он указывал, что «оценочная трактовка эквивалентности делает излишним употребление термина "адекватность"», в связи с чем подвергал критике и высказывание Ю. Найды о создании на языке перевода «ближайшего естественного эквивалента» оригиналу» [8: с. 118].

¹ Ср. формулировку З.Г. Прошиной, отмечающей, что адекватность (adequacy) понимается как «сохранение функционально-прагматической эквивалентности текста», а эквивалентность (equivalence) – как «смысловая близость исходного и переводного текстов» [9: с. 304, 309].

² См. соответствующий раздел книги А.С. Десницкого [5], в которой представлен обширный обзор ряда концепций, в первую очередь, с позиций перевода Библии.

³ Ср. трактовку этого вопроса в работе одной из наиболее известных современных представительниц скопос-теории: "Equivalence may be one possible aim when translating but it is not considered to be a translation principle valid for once and for all <...> If the translation brief requires some other relationship between source and target text the generic concept will be adequacy" [18: p. 204].

Как нам представляется, такая критика не вполне справедлива, поскольку, во-первых, американский переводовед говорил не просто об эквивалентности, а подразделял ее на формальную и динамическую (позже – функциональную), которая в определенной степени и соответствует понятию адекватности. Более того, сам В.Н. Комиссаров, рассматривая первый уровень эквивалентности, упоминает о переводах, в которых «близость к оригиналу будет минимальной <...> И тем не менее они вполне выполняют свою функцию и их вряд ли можно улучшить» [8: с. 120]. А «улучшение» / «ухудшение» – все же категория оценочная.

Однако упоминание Ю. Найды переводит наше рассмотрение в плоскость диахронии (хотя, по меркам истории науки, и относительно недавней). Знакомясь с некоторыми новыми концепциями, можно обнаружить в них ряд моментов, напоминающих то, о чем говорили и писали их предшественники – даже в тех случаях, когда от них стремились отмежеваться. В этом смысле сопоставление высказываний представителей скопос-теории со взглядами их американского коллеги представляет определенный интерес. О том, чем их воззрения различались, написано много; причем чаще всего упоминается в этой связи именно отношение к понятию эквивалентности⁴. Если обратиться к конкретным примерам, то приемы той и другой теорий в плане конечного результата в ряде случаев весьма похожи. Удачный пример приводится В.В. Сдобниковым, когда при передаче объяснений иностранного специалиста по технике безопасности при обращении с новым оборудованием переводчик заменил сложное техническое описание фразой: «Значит, так. Если вы нажмете вот на эту кнопку, то здесь так грохнет (на самом деле он использовал другое, более экспрессивное слово), что мало не покажется» [11]. Сравним с предложенным Ю. Найдой вариантом для передачи призыва Иоанна Крестителя к покаянию: «Плюньте себе под ноги» как наиболее естественного для носителей языка шиллук в Южном Судане, которым он был предназначен⁵.

Заметим, что именно Библии – как ни покажется это странным – больше всего повезло в последние десятилетия на версии (в данном случае не используем лексему «перевод»), выполненные по принципу, согласно которому воспроизведение оригинала – в лучшем случае, вещь второстепенная, а в крайнем случае – вообще ненужная. Мотивировалось это самыми различными соображениями, включая гендерную, расовую, нетрадиционно-сексуальную и

⁴ См., в частности, названную выше монографию А.С. Десницкого [5: с. 87–93], где соответствующая часть носит название «Скопос вместо эквивалента».

⁵ См. об этом: [3].

прочую «политкорректность». Подобная установка объясняется по-разному. Например, делается акцент на том, что воспроизводится «предположительная реакция получателя оригинального сообщения», как это имело место у Ю. Найды и его коллег, противопоставлявших «новую» точку зрения «старой»⁶. При другом подходе подчеркивается, что если будет соблюдена «лояльность намерениям авторов», то они вполне могут согласиться на любые изменения, обусловленные нуждами принимающей культуры. Об этом писали некоторые представители скопос-теории⁷ и т.п. Однако о том, сколь зыбки и субъективны подобные критерии, говорилось много, да и авторы, их выдвигавшие, признавали потенциальную опасность произвола со стороны переводчиков или заказчиков⁸. Применительно к библейскому тексту рассуждения о «лояльности намерениям автора» и о том, что он может согласиться на *любые изменения*, которых требует принимающая культура, вызывают некоторое недоумение.

Расцвет такого рода версий (правда, по отношению к Библии о «низведении с пьедестала исходного текста» напрямую все же говорят не слишком часто) начинается с середины XX в., однако и здесь обнаруживаются предшественники, появление которых было опять-таки вызвано разными причинами. Можно вспомнить и представителя древнеанглийской книжности – Эльфрика. Он устранял некоторые фрагменты Ветхого Завета (в частности, о многоженстве патриархов) с довольно своеобразным с позднейшей точки зрения объяснением, что сделано это, дабы некоторые его соотечественники не стали бы им в этом подражать и переносить ветхозаветные нормы в современную ему эпоху, перестав тем самым быть христианами⁹. Далее, в исто-

рии перевода известен французский классицист, творивший в совсем другую эпоху и руководствовавшийся принципом *plaire au lecteur et perfectionner son auter* («угождать читателю и совершенствовать автора»). Он заявлял, что «старался очистить священное писание от всего грубого и неясного», хотя и испытывал при этом – в отличие от некоторых своих позднейших коллег – некоторые сомнения в том, соблюден ли в данном случае упомянутый выше принцип «лояльности»: «Кто знает, может я грешу против промысла господня <...> Ведь до сих пор господь желал, чтобы его слово было окутано туманом» [б: с. 442].

Число примеров такого рода, относящихся к разным странам и к разным историческим эпохам, можно было бы увеличить, однако вряд ли в этом есть особая необходимость. Думается, их объединяет один принципиальный момент – стремление распространить понятие перевода практически на все виды межъязыкового посредничества, не проводя между ними какого-либо разграничения¹⁰. Вероятно, в какой-то степени это объясняется тем, что в классическом переводоведении действительно наблюдалось несколько пренебрежительное отношение к другим способам репрезентации содержания в исходном сообщении / тексте содержания, нежели собственно перевод. На наш взгляд, здесь вообще не стоит усматривать некую иерархию (будь то провозглашение превосходства «верной и полной передачи» или, напротив, её «приспособление» к реципиенту / заказчику). Напротив, признав их явлениями разного порядка, хотя и соприкасающимся в ряде случаев, мы получаем возможность – перефразируя известное изречение – судить и то и другое «по законам, ими самими над собой признанными».

Заключение

Отмеченные выше моменты не отрицают необходимости в ряде случаев принимать во внимание те факторы, на которые указывали представители концепций «динамической эквивалентности», скопос-теории и других теорий, и в тех случаях, когда речь идет о собственно переводе. Он, по нашему мнению, остается именно передачей *исходного текста*. В этом отношении «текстоцентричность» представителей отечественного переводоведения XX в. сохраняет свою значимость и ныне. Позволим себе в этой связи сослаться на слова В.Н. Комиссарова о том, что «обобщенное рассмотрение всех видов языкового посредничества не устраняет необходимость специального научного анализа наиболее сложного

⁶ “The older focus in translating was the form of the message, and translators took the particular delight in being able to reproduce stylistic specialities... The new focus, however, has shifted from the form of the message to the response of the receptor... This response must then be compared with the way, in which the original receptors presumably reacted to the message when it was given in its original form” [17: p. 1].

⁷ “If authors can be sure that translators will respect their communicative interests or intentions, they may even consent to any changes or adaptations needed to make the translation work in the target culture” [19: p. 117]. См. также аналогичные рассуждения автора в [20; 21].

⁸ “<...> there would be no restriction to the range of possible ends; the source text could be manipulated as clients (or translators) saw fit” [21: p. 33].

⁹ Приводим современный английский перевод: “I fear that if someone foolish reads this book, or hears it read, that someone might wish to think that one might live now under the new law just as the old fathers lived, when in the time before the old law was established, or just as people lived under the law of Moses. <...> If anyone wishes to live now, after the coming of Christ, just as people lived before the law of Moses, or under the law of Moses, that one is not a Christian” [16].

¹⁰ «<...> такие виды языкового посредничества, как сокращенный перевод и адаптация <...> должны рассматриваться как виды собственно перевода, а не адаптивного транскодирования» [12: с. 29].

и важного аспекта разнообразной деятельности переводчика – осуществления собственно перевода, имеющего целью создание текста, способного полноценно заменить оригинал в процессе межъязыковой коммуникации» [7: с. 83]. Конечно, слова о «наиболее сложном и важном аспекте» несут на себе некоторый отпечаток иерархического подхода, но в целом суждение классика отечественного переводоведения представляется справедливым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева, И.С.* Антропоцентризм и текстоцентризм в современной теории и философии перевода / И.С. Алексеева // Вестник Воронежского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 183–187. – (Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация).
2. *Бахрушин, С.В.* Дипломатия в XVII столетии / С.В. Бахрушин, С.Д. Сказкин // История дипломатии. – Москва : ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство, 1941. – С. 204–250.
3. *Валуцьева, И.И.* Может ли Иоанн Креститель призывать плевать себе под ноги, или Всегда ли прагматическая цель оправдывает лингвистические средства? / И.И. Валуцьева, Г.Т. Хухуни // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст., посвящ. памяти В.Н. Телия. – Москва : МАКС Пресс, 2016. – С. 56–61.
4. *Виноградов, В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – Москва : Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
5. *Десницкий, А.С.* Современный библейский перевод: теория и методология / А.С. Десницкий. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. – 432 с.
6. *Кари, Э.* О переводе и переводчиках во Франции / Э. Кари // Мастерство перевода 1964 : сборник. – Москва : Советский писатель, 1965. – С. 429–463.
7. *Комиссаров, В.Н.* Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых / В.Н. Комиссаров. – Москва : ЧеРо, 1999. – 132 с.
8. *Комиссаров, В.Н.* Современное переводоведение : курс лекций / В.Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС, 2000. – 192 с.
9. *Прошина, З.Г.* Теория перевода : учебное пособие для вузов / З.Г. Прошина. – Москва : Юрайт, 2019. – 320 с. (текст на англ. яз.).
10. *Прунч, Э.* Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Э. Прунч. – Москва : Р. Валент, 2015. – 512 с.
11. *Сдобников, В.В.* Инвариант перевода: миф или реальность? / В.В. Сдобников. – URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/18/sdobnikov_v._v.-invariant_perevoda-mif_ili_realnost.pdf (дата обращения: 14.12.2020).
12. *Сдобников, В.В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Сдобников. – Москва, 2015. – 48 с.
13. *Сдобников, В.В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Сдобников. – Нижний Новгород, 2015. – 492 с.
14. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2008. – 1175 с.
15. *Чайковский, Р.Р.* Свет и тени российского переводоведения / Р.Р. Чайковский // Вестник Московского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 5–25. – (Сер. 22. Теория перевода).
16. *Ælfric's Preface to Genesis: a Translation.* – URL: <https://brandonwhawk.net/2014/07/30/aelfrics-preface-to-genesis-a-translation/> (accessed: 18.12.2020).
17. *Nida, E.A.* The Theory and Practice of Translation / E.A. Nida, Charles R. Taber. – Leiden : Brill, 1982. – 218 p.
18. *Nord, C.* Functionalism in Translation Studies / C. Nord // The Routledge Handbook of Translation Studies. – London : Routledge, 2013. – P. 201–212.
19. *Nord, C.* Jack of All Trades, Master of None? / C. Nord // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – С. 114–121.
20. *Nord, C.* Loyalty and Fidelity in Specialized Translation / C. Nord // Artigos e comunicações: Confluências – Revista de Tradução Científica e Técnica. – 2006. – № 4, Maio. – P. 29–41.
21. *Nord, C.* Manipulation and Loyalty in Functional Translation / C. Nord // Current Writing: Text and Reception in Southern Africa. Routledge. – 2002. – P. 32–44.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-215-223

ПРОТИВОСТОЯНИЕ И КОМПРОМИСС: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЭСЕРОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОКТЯБРЕ 1917 – АПРЕЛЕ 1918 ГОДА

В.Л. Кузьмин

С.М. Нечитайлов

В статье рассматривается деятельность дальневосточных эсеровских организаций в период с октября 1917 по апрель 1918 г. Авторы освещают раскол в Партии социалистов-революционеров, усугубившийся после событий Октября 1917 г., отношение правых эсеров к октябрьским событиям и роспуску Учредительного собрания, их тактику в новых условиях. Более подробно изучается тактика дальневосточных эсеров, их союз с меньшевиками и готовность к сотрудничеству с ценовыми элементами для противостояния большевикам в регионе, а также их первые выступления против советской власти.

Ключевые слова: большевики, Дальний Восток, интеллигенция, крестьянство, меньшевики, партия, полиция, пролетариат, социалисты-революционеры, Учредительное собрание.

CONFRONTATION AND COMPROMISE: THE ACTIVITIES OF THE FAR EASTERN SOCIALIST-REVOLUTIONARY ORGANIZATIONS IN OCTOBER 1917 – APRIL 1918

V.L. Kuzmin

S.M. Nechitajlov

This article examines the activities of the Far Eastern Socialist-Revolutionary organizations in the period from October 1917 to April 1918. The authors highlight the split in the Party of Socialist-Revolutionaries, aggravated after the events of October 1917, the attitude of the Right Social Revolutionaries to the October events and the dissolution of the Constituent Assembly and their tactics in new conditions. The tactics of the Far Eastern Socialist-Revolutionaries, their alliance with the Mensheviks and their readiness to cooperate with eligible elements to oppose the Bolsheviks in the region, as well as their first actions against Soviet power, are studied in more detail.

Key words: Bolsheviks, Far East, intelligentsia, peasantry, Mensheviks, party, police, proletariat, socialist-revolutionaries, Constituent Assembly.

25–26 октября 1917 г. в результате штурма Зимнего дворца власть в Петрограде перешла в руки большевиков. Эсеры и их союзники меньшевики расценили это событие как нарушение процесса исторического развития и перехода к социализму. В качестве протеста против такого поворота событий правые эсеры и меньшевики покинули II съезд Советов, проходивший 25–27 октября 1917 г.

25 октября 1917 г. ЦК ПСР выпустил воззвание «Ко всей революционной демократии России»,

осуждавшее захват власти большевиками за месяц до созыва Учредительного собрания. По мнению эсеров, лишь оно имело право решать вопрос о власти. ЦК ПСР заявил, что законной может быть только власть, организованная Демократическим совещанием, поэтому он будет стремиться к созданию «политического центра, который явится сосредоточением всех революционных сил страны для борьбы с большевиками и возможными попытками контрреволюции». ЦК призывал всех «соблюдать спокой-

Кузьмин Василий Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского медико-социального института.

Kuzmin Vasily Leonidovich – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines at the St. Petersburg Medical and Social Institute.

E-mail: kvl-14@yandex.ru

Нечитайлов Сергей Максимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Nechitajlov Sergei Maximovich – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: history@festu.khv.ru

© Кузьмин В.Л., Нечитайлов С.М., 2021

стве, воздерживаться от отдельных вооружённых выступлений, лишь беспощадно подавлять всякие попытки погромов, насилий и грабежа» [28: с. 30].

Политика эсеров после Октябрьской революции 1917 г. во многом продолжала линию на коалицию с буржуазией. Но в партии произошёл окончательный раскол. Левые эсеры, возглавляемые М. Спиридоновой, по ряду вопросов встали на позиции большевиков. В отличие от правых эсеров они отрицали возможность коалиции с буржуазией, но считали необходимым достичь компромисса всех демократических сил. Левые эсеры были сторонниками «однородного социалистического правительства», состоящего из представителей всех социалистических партий – от энесов до большевиков [10: с. 18].

Что касается правых эсеров, то они в вопросах идеологии шли за меньшевиками. Как и меньшевики, они считали необходимым коалицию с буржуазией, но не отрицали и идеи «однородного социалистического правительства», рассматривая его как средство мирного вытеснения большевиков [10: с. 18]. Поэтому после Октябрьской революции правые эсеры не решились сразу перейти к вооружённой борьбе, планируя после созыва Учредительного собрания перехватить власть у большевиков парламентским путём.

После II Всероссийского съезда Советов деятельность правых эсеров велась в двух направлениях. Сразу же после событий Октября 1917 г. они занялись подготовкой к созыву Учредительного собрания. Уже 26 октября 1917 г. правые эсеры опубликовали свою избирательную платформу. В ней содержались требования введения широких прав и свобод, неприемлемости сепаратных переговоров России со странами Четверного союза, создания краевого и областного самоуправления и расширения полномочий земств и городских Дум, установления федеративной демократической республики, введения государственной монополии на важнейшие отрасли промышленности, социализации земли, рабочего законодательства и т.п. [28: с. 32–36]. В то же время вместе с меньшевиками правые эсеры начали создавать организации, целью которых провозглашалась защита завоеваний Февральской революции и Учредительного собрания. В Петрограде правые эсеры 28 октября образовали Комитет спасения Родины и революции, а также Центральный совет стачечных комитетов учреждений и ведомств. В Москве был создан Комитет общественного спасения, объединивший все антибольшевистские силы. На заводы и в воинские части Москвы и Петрограда направлялись агитаторы для проведения митингов и собраний с требованием создания однородно-социалистического правительства и созыва Учредительного собрания для передачи ему власти [10: с. 21, 22; 11: с. 187].

Не исключали правые социалисты и возможность коалиции с новой властью. За это были и левые эсеры с представителями профсоюзов, возглавляемых Всероссийским союзом железнодорожников (Викжель) [16: с. 313]. Даже часть большевистского ЦК (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, В.П. Милютин, В.П. Ногин, А.И. Рыков) выступила за создание «однородного социалистического правительства» без В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, но во главе с В.М. Черновым. Ультиматум Викжеля остановить все железные дороги, пока не будет сформировано «однородное социалистическое правительство» грозил серьёзными осложнениями для РСДРП (б), но руководство большевиков спасли левые эсеры. Они согласились войти в состав Совета Народных Комиссаров (СНК).

Провал попытки компромиссов между большевиками и умеренными социалистами произошёл как из-за нежелания первых идти на изменение состава СНК, так и из-за непоследовательности вторых. Большевики не могли простить эсерам и меньшевикам саботажа ими попыток компромиссов до Октября 1917 г., когда, по мнению В.И. Ленина, был возможен переход власти в руки Советов мирным путём [19: с. 113–118; 20: с. 133–139; 16: с. 390–391].

26 ноября – 5 декабря 1917 г. состоялся IV съезд ПСР, отметивший наличие разногласий в партии, которые сохранились, несмотря на уход левых эсеров. Руководство эсеров решило, что в связи с намерением большинства местных Советов не допустить свержения советского правительства, следует отказаться от попыток насильственной ликвидации власти большевиков. Съезд высказался за продолжение коалиционной политики под лозунгом Учредительного собрания, а партийным организациям ставилась задача принимать меры для защиты Учредительного собрания в случае необходимости [10: с. 22, 23].

Некоторое время после победы Октябрьской революции в центре страны на Дальнем Востоке было затишье. Связано оно было с тем, что эсеры и меньшевики, которые имели ключевые посты в местных органах власти, задержали сообщение о победе большевиков. Телеграммы о событиях 25–26 октября 1917 г. в Петрограде были получены на Дальнем Востоке комиссаром Временного правительства эсером А.Н. Русановым. Он решил обсудить их на экстренном заседании Хабаровского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями эсеровской и социал-демократической организаций. На заседании, состоявшемся 26 октября 1917 г., правые социалисты приняли резолюцию, осуждавшую вооружённое выступление большевиков с целью передачи власти Советам. Хабаровский Совет требовал принять все меры для созыва Учредительного собрания в назначен-

ный срок. Право опубликования телеграмм было предоставлено А.Н. Русанову после того, как Исполнительный комитет Хабаровского Совета получит точные сведения и вынесет соответствующую резолюцию [13: с. 320].

Как и в центре страны, дальневосточные эсеры были против перехода власти к большевикам. Партийные органы эсеров и меньшевиков во Владивостоке и Благовещенске, а также возглавляемые ими организации и учреждения выносили резолюции протестов. С 31 октября по 3 ноября 1917 г. в Хабаровске проходила Дальневосточная краевая конференция правых эсеров. Её участники высказались против захвата власти Советами и за передачу власти Учредительному собранию, которое должно было решить вопросы о войне, земле и др. [5: л. 63]. Не ограничиваясь только декларациями, эсеры совместно с меньшевиками попытались сплотить вокруг себя силы для борьбы с большевиками. В Хабаровске они стремились заручиться поддержкой Амурской речной флотилии, но встретили отказ её представителей на заседании Исполкома Совета. Благовещенский эсеро-меньшевистский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, выражавшую протест против захвата власти большевиками [29: с. 25]. 8 ноября 1917 г. под предлогом потери связи с центром в городе образовали Комитет охраны общественного порядка. Военная и гражданская власть в Благовещенске и Амурской области перешла в руки правых эсеров – наказного атамана казачьего войска депутата IV Государственной Думы И.М. Гамова, городского головы А.Н. Алексеевского и правительственного комиссара Н.Г. Кожевникова.

Парадоксом развития политической ситуации на Дальнем Востоке стали выборы в Учредительное собрание. В центре власть принадлежала большевикам, а на Дальнем Востоке она всё ещё находилась в руках комиссара Временного правительства А.Н. Русанова. В выборах в Учредительное собрание на Дальнем Востоке участвовало около 50 % зарегистрированных избирателей. Большевики получили 18,3 % голосов (по стране – 23,4 %), кадеты – 8 % (4,4 %), эсеры – 43,8 % (39,4 %), остальные приходились на национальные группы и прочих. Это свидетельствует о том, что влияние большевиков в регионе было меньше, чем в целом по стране, а влияние правых социалистов и кадетов, напротив, больше. Но в крупных промышленных центрах было другое соотношение голосов. В крупных городах большевики получили 33 % голосов, а во Владивостоке и Харбине – 50 и 27,3 % соответственно. Кадеты в дальневосточных городах получили около 21 %, эсеры – 20, 7 %, а меньшевики – 13, 6 % [14: с. 100, 101; 30: с. 219, 363–366; 35: с. 418–423].

Было избрано 12 депутатов в Учредительное собрание от Приморско-Амурского округа. От дальневосточных эсеров прошли В.К. Выхристов, Л.И. Загибалов, М.С. Мандриков, Ф.И. Сорокин, А.Н. Алексеевский, В.Г. Петров, Н.Г. Кожевников. Большевики потерпели на выборах полное поражение [28: с. 253, 254; 32: с. 21, 22].

Вступая в противоборство с большевиками, эсеры совместно с меньшевиками вновь решили прибегнуть к коалиции с кадетами. Соединенными усилиями правые социалисты принялись создавать различные комитеты по борьбе с «анархическими элементами». Уникальным отражением единения этих политических сил на Дальнем Востоке стал так называемый Амурский союз республиканцев, действовавший в Амурской области. Платформа союза включала и традиционные кадетские требования, и положения, близкие к программам ПСР и РСДРП. Её 4-й пункт требовал образования государственного земельного фонда из кабинетских, удельных, монастырских, казённых земель, принудительного отчуждения за справедливое вознаграждение за счёт государства крупновладельческих земель для предоставления фонда населению в трудовое пользование. Такой симбиоз оказался возможным, скорее всего, из-за отсутствия помещичьего землевладения и крупных частных земельных владений на Дальнем Востоке. В 5-м пункте платформы провозглашалась необходимость рабочего законодательства «на основе программы-минимум социалистической рабочей партии». Флаг Амурского союза республиканцев представлял собой зелёное полотно, разделённое по диагонали узкой красной полосой. Возглавлял Союз глава Амурского областного КОБа Н.И. Шишлов. К апрелю 1917 г. в нём насчитывалось примерно 150 чел. В состав его входили главным образом предприниматели, торговцы, офицеры [9: л. 1].

Появление на Дальнем Востоке первых декретов советской власти привело к росту симпатий местного населения к большевикам. В середине ноября 1917 г. декреты получили широкое распространение в крае, что позволило им приступить к большевизации Советов.

18 ноября 1917 г. эсеро-меньшевистский Исполком Владивостокского Совета был переизбран по требованию рабочих и солдат. Большинство в нём получили большевики, а пост председателя занял большевик Константин Суханов. 29 ноября Исполком принял постановление о переходе власти к Совету и признании Совета Народных Комиссаров. 6 декабря 1917 г. такая же резолюция была принята на заседании Хабаровского Совета. Правые эсеры совместно с меньшевиками в качестве протеста оставили заседание. В итоге в состав Исполкома вошли лишь большевики с левыми эсерами. Под

влиянием вооружённых демонстраций солдат пере- выборы в Советы в главных центрах Дальнего Востока были проведены с ноября по декабрь 1917 г. Большинство мест в новых Советах досталось большевикам и левым эсерам. Правые эсеры уже не могли повлиять на такой ход событий и ограничивались совместными протестами с меньшевиками. 26 декабря 1917 г. в их руках оставался Хабаровский Дальневосточный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов. Он высказался против захвата власти Советами и потребовал созыва Учредительного собрания [5: л. 56]. Но такие декларации уже не оказывали никакого влияния на население.

Популярность эсеров стремительно падала. Обладая всей полнотой местной власти, им совместно с меньшевиками не удалось решить поставленные перед ними задачи. Их бездействие при ухудшающейся продовольственной ситуации на Дальнем Востоке привело к потере авторитета среди населения. Это усугубило раскол в рядах дальневосточных эсеров и привело к окончательному размежеванию организаций на правых и левых эсеров. После I съезда левых эсеров в Петрограде, который состоялся в конце ноября 1917 г., в Благовещенске, Владивостоке и ряде других населённых пунктов Дальнего Востока началось образование самостоятельных организаций правых и левых эсеров.

На декабрь 1917 г. был назначен III краевой съезд Советов, местом проведения которого стал Хабаровск. На нём должен был окончательно решиться вопрос о власти на Дальнем Востоке. Осознавая, каким будет это решение, местные эсеры попытались перехватить инициативу у большевиков. Бывший комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке А.Н. Русанов 11 декабря 1917 г. созвал совещание из представителей от земских и городских учреждений. На этом совещании было образовано Временное бюро Дальневосточного краевого союза земств и городов в составе 6 человек. Его председателем стал эсер Тимофеев [33: с. 192, 193]. Временное бюро провозгласило себя высшим органом власти в крае и объявило своей целью доведение региона до Учредительного собрания.

Однако большевикам легко удалось предотвратить эту попытку передачи власти земствам. Представители Краевого комитета Советов 11 декабря 1917 г. поместили А.Н. Русанова и его секретаря эсера В.В. Граженского под домашний арест [15: с. 22–31; 17: с. 137–141]. Начавший работу 12 декабря 1917 г. III съезд Советов Дальнего Востока на первом и втором пленарном заседании принял решение принять все дела у А.Н. Русанова и освободить его и В.В. Граженского из-под стражи.

На III съезде Советов Дальнего Востока, состоявшем из представителей Приморской и Амурской областей, присутствовало 84 делегата, из которых

46 были большевиками, 27 – левыми эсерами, 9 – меньшевиками и 2 – беспартийными. Было образовано три фракции: большевистская, меньшевистская и левоэсеровская. Возглавили деятельность съезда большевики.

Главным вопросом, который решал съезд, был вопрос о власти. Меньшевики выступили против передачи власти Советам под предлогом необходимости дожидаться созыва Учредительного собрания, но их позиция не получила поддержки. 14 декабря 1917 г. III съездом Советов Дальнего Востока было провозглашено установление Советской власти в крае и избран Краевой исполнительный комитет Советов в составе 8 большевиков и 4 левых эсеров. Председателем комитета стал А.М. Краснощёков, а секретарём – М.И. Губельман. Меньшевики отказались войти в крайисполком.

Почти одновременно с III съездом Советов во Владивостоке работало Приморское областное земское собрание. Участвовавшее в его работе крестьянство потребовало своего представительства в крайисполкоме. Правый эсер А. Медведев, председатель собрания, высказался за коалицию земств и Советов рабочих и крестьянских депутатов. Делегаты от Приморского областного земства Думкин, Щепетнов и Кучеренко прибыли на III съезд Советов Дальнего Востока в последний день его работы и поставили вопрос о включении в Краевой комитет Советов представителей земских и городских самоуправлений, вызвавший горячие дебаты. Часть делегатов (представитель Приморского областного земства Кучеренко, Козлов и др.) рассматривала земские органы представительством крестьянства, так как крестьянских Советов на Дальнем Востоке почти не было, и считали необходимым включить представителей земств в Краевой комитет Советов. Другая часть делегатов (председатель Владивостокского Совета Бугаев, Громадский и др.) доказывали неприемлемость подобного решения, так как это помешает проведению декретов Совета Народных Комиссаров. Некоторые депутаты (Минаев, Любарский) не возражали против земств, но отмечали несоответствие их политики интересам крестьянства. В результате голосования с незначительным перевесом (за – 26, против – 25, воздержались – 4) было принято решение о включении в состав исполкома по два представителя от Приморского и Амурского областных земств и по одному от Николаевска-на-Амуре и Сахалина [12: с. 31–33].

В итоге сформированный Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов и самоуправлений носил коалиционный характер, хотя ведущую роль в нём играли большевики и левые эсеры. Земствам в этой коалиции были предоставлены не только хозяйственные, но и политические функции. Они имели право под кон-

тролем Советов издавать нормативные акты в пределах своей компетенции, выступать от имени краевой власти Советов и самоуправлений и т.д. По мнению историка Э.М. Щагина, соглашение с Приморским земством давало возможность революционным силам расколоть антисоветский блок, способствовало изоляции правых эсеров и меньшевиков. Он считал это соглашение Советов с земством политически оправданным компромиссом [37: с. 211–213]. Однако такая коалиция не смогла долго продержаться.

Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов и самоуправлений быстро осуществил свои первые социально-экономические мероприятия: установил рабочий контроль над производством, национализировал многие предприятия, отделил церковь от государства и школу от церкви, ликвидировал старую судебную систему и начал строительство новой. Велась борьба по охране природных богатств Дальнего Востока, создавался советский государственный аппарат. Аналогичные мероприятия были проведены Советами в Забайкальской области. В начале апреля 1918 г. начала создаваться Красная армия.

Недовольные проведением на Дальнем Востоке мероприятий, способствующих становлению советской власти, эсеры, а вместе с ними и меньшевики негативно отнеслись к коалиции Советов и земств. Решение о признании советской власти и делегировании на III краевой съезд Советов сельского учителя большевика П. Лехова, левого эсера Б. Думкина и беспартийного, но сочувствующего большевикам С. Щепетнова объяснялось значительным влиянием большевиков во Владивостоке. В то же время Амурское земство, большинство в котором имели эсеры и меньшевики, а также Сахалинское и Николаевское земства отказались отправлять своих представителей в Краевой исполнительный комитет.

Но и в Приморье отношения между большевиками и их политическими противниками в лице эсеров и меньшевиков накалялись. Эсеры и меньшевики преобладали в Приморской земской управе, которая стала органом местной власти и находилась во Владивостоке. Поскольку они не собирались передавать власть Советам, гласные земства – большевики и сочувствующие им левые эсеры – отказались от своих мандатов и вышли из состава управы [3: с. 24, 25].

В январе 1918 г. среди владивостокских эсеров произошёл раскол. 1 января 1918 г. состоялось собрание городского района Владивостокской организации ПСР и отдельных членов других районов, на котором была создана новая организация ПСР, отмежевывавшаяся и от левых, и от правых эсеров. Её деятели считали революцию в России не буржу-

азной и не социалистической, а народно-трудовой. Они провозглашали необходимость отказаться как от коалиции с буржуазией, так и от установления диктатуры (в документе точно не указывалось, какой). По их мнению, законодательная власть в стране должна принадлежать Учредительному собранию, а функция Советов – защита завоеваний революции и руководство идейно-политической жизнью масс. Задачами Учредительного собрания они видели заключение мира, социализацию земли, установление федеративной республики, введение контроля над производством и распределением и т.д. [7: л. 16]. 15 января 1918 г. левые эсеры во Владивостоке провели организационное собрание, выявившее разрыв с правыми эсерами. Оно положило начало существованию самостоятельной организации левых эсеров [6: л. 8]. Последние стремились примирить социалистический лагерь путём создания объединённых органов власти из представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, крестьянских и казачьих Советов, городских самоуправлений и земств. Но правые эсеры и меньшевики настаивали на передаче власти земским и городским самоуправлениям, считая, что Советы должны руководить идейно-политической жизнью трудящихся, а не поглощать органы местного самоуправления, выполняющие административно-хозяйственные функции [7: л. 7].

Всероссийское Учредительное собрание, на которое эсеры возлагали свои надежды, начало работу 5 января 1918 г. в Петрограде. Правые эсеры, получившие в результате выборов большинство мест, планировали сделать свою программу государственным законом, сформировать правительство, дезавуировать решения II Всероссийского съезда Советов и распустить Совнарком. С этим большевики смиряться не собирались, предложив Учредительному собранию принять Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Принимая её, эсеры добровольно отказывались от своих планов государственного строительства, на что ПСР не собиралась идти. Декларация была отвергнута эсеровским большинством (237 голосов против 138) [28: с. 244–308]. Большевики вышли из этого противостояния кардинальным способом, приняв 6 января 1918 г. Декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания. В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В.И. Ленин напомнил слова лидера меньшевиков Г.В. Плеханова на II съезде РСДРП в 1903 г. о том, что если парламент окажется контрреволюционным, то пролетариат должен разогнать его. Долгое время отечественные историки оправдывали разгон большевиками Учредительного собрания, но за последние годы этот шаг был подвергнут критике за ликвидацию представительного органа, избранного населе-

нием на демократических выборах. Ряд исследователей считают, что это действие привело к гражданской войне и обострило обстановку в стране. В то же время существует точка зрения, что Учредительное собрание в тех условиях было нежизнеспособным из-за слабости демократических парламентских традиций в России, не отражало подлинных симпатий населения (выборы были проведены по старым партийным спискам, составленным до Октября 1917 г.), а многие насущные вопросы уже были радикально решены II Всероссийским съездом Советов [1: с. 182; 21: с. 290, 291, 312, 313; 24: с. 20–27; 30: с. 324; 34: с. 284–286, 355].

Роспуск Учредительного собрания усилил конфронтацию между эсерами и меньшевиками, с одной стороны, и большевиками – с другой. Правые социалисты сделали много для демократизации жизни в России, организации работы Советов, в особенности крестьянских депутатов. Готовя свою земельную реформу, эсеры собрали 242 крестьянских наказа, требования которых учёл и В.И. Ленин в «Декрете о земле», направленном на укрепление и расширение социальной базы советской власти. Декрет запрещал куплю-продажу земли и закреплял уравнительное землепользование. По признанию В.И. Ленина, победа большевиков была обеспечена и эсеровской аграрной программой [18: с. 24–27; 22: с. 30].

Если во время корниловского мятежа объединение демократических сил страны смогло предотвратить гражданскую войну, то к началу и весне 1918 г. этого не произошло. По мнению В.И. Ленина, союз большевиков с эсерами и меньшевиками сделал бы гражданскую войну в России невозможной [23: с. 221–222]. Похожую оценку высказал лидер ПСР В.М. Чернов на Четвёртом съезде ПСР (26 ноября – 5 декабря 1917 г.) [28: с. 65, 67]. Но захватившие власть в Октябре 1917 г. большевики стремились удержать её любой ценой. Ещё в 1917 г. они дважды предлагали эсерам и меньшевикам взять власть в свои руки и создать собственное правительство, обещая со своей стороны снять требование диктатуры пролетариата и вооружённого восстания, но оба раза правые социалисты выступили за коалицию с кадетами, считая необходимым для России период длительного буржуазного развития. Лишь на Демократическом совещании в сентябре 1917 г. правые социалисты отказались от блока с кадетами, но из-за отсутствия единства на данном форуме последний состав Временного правительства А.Ф. Керенского оказался коалиционным. Эсеро-меньшевистское руководство Предпарламента не смогло убедить его перехватить инициативу у большевиков, чтобы предотвратить Октябрьское вооружённое восстание. Таким образом, эсеро-меньшевистская альтернатива развития политической ситуации в России была похоронена.

Лишь после захвата власти большевиками эсеры и меньшевики стали требовать создания «однородного социалистического правительства» [19: с. 113–118; 20: с. 133–139; 28: с. 51; 36: с. 168–171].

После роспуска Учредительного собрания эсеры и меньшевики не решились сразу перейти к вооружённому выступлению против советской власти, ограничившись отдельными протестами. В марте 1918 г. Бюро Сибирской группы членов Учредительного собрания выступило с протестом против разгона последнего, заявив о стремлении к созыву Сибирского Учредительного собрания и созданию местной сибирской власти. Была сформирована Особая Сибирская делегация Всероссийского Учредительного собрания в составе А.А. Иваницкого-Василенко (для Западной Сибири), А.Н. Кругликова (для Восточной Сибири), Е.Ф. Роговского и Н.П. Пумпянского (для Дальнего Востока). Она должна была вести пропаганду и координировать действия местных эсеров, но цели вооружённой борьбы против Советов пока не ставились [8: л. 121–124]. Не дождавшись всеобщего возмущения разгоном Учредительного собрания, эсеры продолжили легальное существование в условиях новой власти. До лета 1918 г. многие местные партийные организации ПСР и РСДРП продолжали участвовать в политической жизни, работая в Советах, профсоюзах, кооперации и выдвигая своих кандидатов на выборах в эти организации.

На Дальнем Востоке эсеры также преимущественно ограничивались лишь протестами против разгона Учредительного собрания. Так, во Владивостоке местный комитет ПСР совместно с Приморской областной земской управой и комитетом объединённых меньшевиков присоединились к резолюции протеста городской Думы против действий большевиков [31: с. 2]. Лишь в некоторых районах Дальнего Востока правые социалисты попытались взять власть в свои руки. 2 января 1918 г. в Забайкалье на II областном съезде сельского населения и земств был избран коалиционный Народный совет, руководство в котором принадлежало правым социалистам. I областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Забайкалья, проходивший в это же время, принял решение о вхождении своих представителей в Народный совет, чем одобрил идею коалиции, предложенную меньшевистской фракцией. Находящиеся в составе объединённой РСДРП большевики выступили против коалиционной власти и начали проводить агитацию за установление власти Советов. 24 января 1918 г. Народный совет объявил о переходе власти в границах области в его руки. Им была провозглашена политика прекращения гражданской войны и направлена делегация к есаулу Семёнову, чьи казаки в начале января 1918 г. напали на

ст. Маньчжурия и перепороли нагайками ополченцев дружин и замучили членов местного станционного Совета, с просьбой не наступать на Читу [3: с. 40]. Местные большевики пытались справиться с ситуацией собственными силами: Читинский Совет рабочих и солдатских депутатов созвал собрание красногвардейцев, на котором было принято решение создать штаб и подчиняться только исполкому Совета. Но 28 января 1918 г. 1-й Читинский казачий полк разоружил красногвардейцев. Кризис был разрешён только 16 февраля 1918 г., когда прибывшие с фронта революционно настроенные 1-й Аргунский и 2-й Читинский казачьи полки разогнали Народный совет. Часть его членов была арестована, и власть перешла в руки Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов [2: с. 35–36].

В январе–феврале 1918 г. советская власть добилась почти повсеместного прекращения работы городских Дум и земских комитетов. Их полномочия перешли Советам и военно-революционным комитетам. Эсеры и меньшевики имели успех только в Движении уполномоченных – выборных представителей рабочих фабрик и заводов, защищавших их экономические и политические интересы перед властями [16: с. 322–323]. 24 января 1918 г. большевики прекратили деятельность Хабаровской городской управы, как и других дум [4: л. 1, 28].

26 января 1918 г. в Благовещенске состоялся Дальневосточный съезд земств. Он провозгласил властью Дальневосточный краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, после чего началась ликвидация земских учреждений в Амурской области. 25 февраля 1918 г. IV крестьянский съезд Амурской области постановил упразднить земство и организовать Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

15 февраля 1918 г. в Хабаровске Приамурское земское собрание признало, что власть в центре и на местах должна принадлежать Советам. Вместо земства был избран Совет крестьянских депутатов. Одновременно с земствами ликвидировались и городские Думы. Вместо земств повсеместно создавались Советы крестьянских депутатов, а Думы заменялись комиссариатами городского хозяйства. Исключение составила Приморская область. Здесь сильную позицию земства подкрепляло наличие иностранных консульств. Но и в Приморье земская управа была распущена 25 апреля 1918 г., а 5 июня 1918 г. городская Дума была лишена Владивостокским Советом властных полномочий [27: с. 166]. Местные эсеры выступали в печати с протестами против поглощения городских и земских самоуправлений Советами. Земцы предлагали создать Народные советы, которые бы состояли из земств, городских управ, казаков и Советов. Такие же предложения выдвигали в Приморье и Сахалин-

ской области. Подобный Народный совет был образован в Николаевске-на-Амуре, но он проработал только до 1 июня 1918 г.

Скорее всего, проект Народного совета был не более чем иллюзией. Отдельные авторы считают, что создание такого переходного органа власти в 1918 г. могло бы предотвратить развитие гражданской войны и лишило бы Антанту повода начать интервенцию на Дальнем Востоке. Земство и Советы, в равной степени претендовавшие на всю полноту власти, могли бы прийти к компромиссу и создать так называемый Народный совет, в котором вместе могли бы работать земство, городская управа, казаки и Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [25: с. 150–151; 26: с. 11]. Однако к этому времени между эсерами и меньшевиками, главенствовавшими в земствах, и большевиками, преобладавшими вместе с левыми эсерами в Советах, установились слишком глубокие противоречия. Роспуск Всероссийского Учредительного собрания, большинство в котором имели правые эсеры, в начале января 1918 г. также не способствовал достижению компромисса в социалистическом лагере. Кроме того, правые меньшевики и эсеры стояли за продолжение войны «до победного конца», а большевики, несмотря на дискуссии в своей партии, стояли за заключение Брестского мира. Оставались неизменными разногласия между правыми социалистами и большевиками по аграрному и другим вопросам. Но самым острым на данное время противоречием между эсерами с меньшевиками, с одной стороны, и большевиками, с другой, был вопрос о властных полномочиях земств и Советов. Правые социалисты считали единственными полномочными органами власти земства и городские Думы, а Советам отводили роль идеологических и профессиональных организаций рабочих и крестьян. Эсеры даже соглашались считать Советы военными органами защиты революции. Каждая социалистическая партия имела свой взгляд на будущее устройство России и Дальнего Востока, поэтому предполагаемая коалиция Советов, Дум и земств вскоре погрязла бы в доктринальных и политических спорах, за которыми неминуемо последовал бы кризис власти и заполнение её вакуума Белым движением. Да и сами Думы и земства, возглавляемые эсерами и меньшевиками, стремились к неограниченной власти. Уверенности им придавала поддержка консульского корпуса, имевшего директивы своих правительств не признавать органы советской власти и иметь дело только с городскими самоуправлениями и земствами [27: с. 164; 29: с. 51–54]. Страны Антанты, планировавшие вмешательство во внутренние дела России ещё с ноября 1917 г., ставили своей целью ликвидацию советской власти и готовы бы-

ли сделать ставку на любые антибольшевистские силы. Они желали добиться возвращения старых долгов России и национализированной собственности и вернуть её солдат на поля Первой мировой войны. Что касается их геополитических планов в отношении России, то они считали необходимым её дезинтеграцию и расчленение на ряд небольших государств, которые превратились бы в объект международной политики. Несмотря на некоторые разногласия к планам Великобритании и Франции присоединились США и Япония. С реализацией их геополитических проектов Россия могла потерять статус великой державы, перестав быть одним из центров международной политики со своими национальными интересами.

Первые открытые выступления против советской власти эсеры и меньшевики провели в Амурской области. Здесь правый эсер, бывший член IV Государственной Думы, атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов поднял восстание в поддержку бывшего комиссара Временного правительства на Дальнем Востоке А.Н. Русанова. Областное земство и городская управа, которую возглавлял бывший комиссар Временного правительства по Амурской области и глава областной организации ПСР Н.Г. Кожевников, поддержали выступление. Казаками Гамова 6 марта 1918 г. был арестован Амурский облисполком. В попытке создать вооружённые силы для борьбы с Красной гвардией атаман объявил мобилизацию населения в возрасте от 18 до 50 лет, но она провалилась. К вечеру 12 марта 1918 г. мятеж был подавлен, а И.М. Гамов бежал в китайский город Сахалин. Значительную роль в быстром подавлении «гамовского» мятежа сыграли демобилизованные солдаты, что подтверждает влияние большевиков в армии. Установка эсеров и меньшевиков на «войну до победного конца» оттолкнула от них их главную социальную опору – крестьян, которые составляли основу российской армии. Таким образом, Декрет о мире и подписание Брест-Литовского мирного договора обеспечили большевикам временный успех в борьбе за власть на Дальнем Востоке.

Кроме правых эсеров и меньшевиков, против Брестского мира выступили и недавние сторонники большевиков – левые эсеры. Но, в отличие от центра России, дальневосточные организации левых эсеров сохранили коалицию с большевиками в связи с серьёзной опасностью интервенции. На Дальнем Востоке левые эсеры были примиренчески настроены и к правым социалистам. В газете «Дальняя Краина» 14 марта 1918 г. была опубликована резолюция одного из собраний левых эсеров, в которой предлагалось создать объединённый областной комитет. В него должны были войти по два представителя от областного земства, от исполни-

тельного бюро Приморского областного Совета крестьянских депутатов, от Советов рабочих и солдатских депутатов и от городских самоуправлений. Платформой для коалиции должны были стать решения III краевого съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и III съезда крестьян Приморской области [7: л. 17–18]. Часть эсеров, именовавших себя «центровиками», продолжали быть сторонниками создания в Приморье и Владивостоке власти земств и городских Дум при условии полного контакта с народными массами через Советы [7: л. 18].

Для укрепления своей власти большевики решили ускорить течение событий на периферии. Ещё в январе 1918 г. на Дальний Восток прибыл представитель ВСНХ С.Г. Уралов. Он потребовал прекратить контакты с учреждениями и организациями, которыми руководили правые эсеры и меньшевики. IV Дальневосточный съезд Советов в апреле 1918 г. разорвал коалицию с земствами и переименовал Краевой комитет Советов и самоуправлений в Дальневосточный Совет народных комиссаров (Дальсовнарком). Власть полностью перешла в руки большевиков. Окончательно потеряв последнюю возможность легально направить Россию по буржуазно-демократическому пути, к концу весны 1918 г. дальневосточные организации ПСР встали на путь открытой борьбы с советской властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Второй съезд РСДРП. Июль – август 1903 г. Протоколы. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 850 с.
2. Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне гражданской войны. – Москва : Наука, 1968. – 390 с.
3. *Голионко, В.П.* В огне борьбы / В.П. Голионко. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 296 с.
4. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 1106. – Оп. 1. – Д. 1.
5. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 35.
6. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 37.
7. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 205.
8. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 365.
9. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. П-44. – Оп. 2. – Д. 647.
10. *Гусев, К.В.* История «демократической контрреволюции» в России / К.В. Гусев. – Москва : Знание, 1973. – 64 с.
11. *Гусев, К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. Исторический очерк / К.В. Гусев. – Москва : Мысль, 1975. – 383 с.
12. Дальсовнарком. 1917–1918 гг. : сб. док. и материалов. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1969. – 375 с.
13. *Иконникова, Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны / Т.Я. Иконникова. – Хабаровск : Изд-во Хабаровского гос. пед. ун-та, 1999. – 365 с.
14. *Иконникова, Т.Я.* Политические настроения дальневосточников в 1917 году / Т.Я. Иконникова // Вестник ДВО РАН. – 1993. – № 1. – С. 95–101.

15. *Иконникова, Т.Я.* Учитель, депутат, комиссар, эмигрант... Заметки об А.Н. Русанове / Т.Я. Иконникова // Россия и АТР. – 1998. – № 2. – С. 22–31.
16. История политических партий России : учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «История» / под ред. А.И. Зевелёва. – Москва : Высшая школа, 1994. – 447 с.
17. *Лазарева, Л.И.* Роль и место А.Н. Русанова в общественно-политической жизни Дальнего Востока в начале XX в. / Л.И. Лазарева // Четвёртые Гродековские чтения : Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России : материалы регион. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 2004. – Ч. 1. – С. 137–141.
18. *Ленин, В.И.* Доклад о земле 26 октября (8 ноября) на Втором Всероссийском съезде Светов рабочих и солдатских депутатов 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 г. / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. – Москва, 1974. – С. 24–27.
19. *Ленин, В.И.* О задачах пролетариата в данной революции / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 31. Март – апрель 1917. – Москва, 1969. – С. 113–118.
20. *Ленин, В.И.* О компромиссах / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 34. Июль – октябрь 1917. – Москва, 1969. – С. 133–139.
21. *Ленин, В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 37. Июль 1918 – март 1919. – Москва, 1969. – С. 235–338
22. *Ленин, В.И.* Речь в защиту тактики коммунистического интернационала 1 июля на III Конгрессе Коммунистического интернационала 22 июня – 12 июля 1921 г. / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 44. Июнь 1921 – март 1922. – Москва, 1970. – С. 23–33.
23. *Ленин, В.И.* Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 34. Июль – октябрь 1917. – Москва, 1969. – С. 214–228.
24. *Литвин, А.* «В борьбе обретёшь ты право своё!». Судьба самой многочисленной партии России / А. Литвин // Наука и жизнь. – 1991. – № 3. – С. 20–27.
25. *Мухачёв, Б.И.* 80 лет со дня окончания гражданской войны на Дальнем Востоке / Б.И. Мухачёв // Россия и АТР. – 2003. – № 1. – С. 148–152.
26. *Мухачёв, Б.И.* Освещение истории революций 1917 г. и гражданской войны в 3-м томе «Истории Дальнего Востока России» / Б.И. Мухачёв // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 80-летию окончания гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. – Благовещенск, 2002. – С. 9–14.
27. *Мухачёв, Б.И.* Политическая деятельность Владивостокской городской думы в марте 1917 – июле 1918 гг. / Б.И. Мухачёв // Известия РГИА ДВ. – 1998. – Т. III. – С. 158–168.
28. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 1055 с.
29. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.). Документы и материалы. – Владивосток : ИИАЭН ДВО РАН, 1997. – 304 с.
30. *Протасов, Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели / Л.Г. Протасов. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 368 с.
31. Рабочая газета. Орган объединённых социал-демократов меньшевиков г. Владивостока. – 1918. – 11 января.
32. *Рудник, С.Н.* Политические партии на Дальнем Востоке в 1917 году : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.Н. Рудник. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 1992. – 26 с.
33. *Рудник, С.Н.* Революционные события 1917 года в крае / С.Н. Рудник // Очерки истории родного края. – Хабаровск, 1993. – С. 176–195.
34. *Семенникова, Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций / Л.И. Семенникова. – Брянск : Курсив, 1996. – 526 с.
35. *Спирин, Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.) / Л.М. Спирин. – Москва : Мысль, 1967. – 438 с.
36. *Шемякин, А.Л.* 1917 год: меньшевистская альтернатива / А.Л. Шемякин // Полис. – 1993. – № 1. – С. 162–172.
37. *Щагин, Э.М.* Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 – лето 1918 гг.) / Э.М. Щагин. – Москва : Изд-во МПГИ, 1974. – 368 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-224-231

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: СООТНОШЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ УНИКАЛЬНОСТИ И УНИВЕРСАЛИЗМА В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Часть вторая

В.А. Смоляков

В статье рассматривается вопрос о значении «азиатских ценностей» и конфуцианства для политического развития восточно-азиатских государств. Автор приходит к выводу, что фактор культуры надо рассматривать в связи с другими факторами – уровнем экономического и социального развития, зрелостью политических институтов, эффективностью государственного управления. Процессы демократизации в регионе будут развиваться медленно и волнообразно. Пути демократического транзита в разных странах будут зависеть от местных особенностей.

Ключевые слова: Восточная Азия, демократизация, модернизация, фактор культуры, конфуцианство, универсалистские тренды.

EASTERN ASIA: RELATIONSHIP OF CULTURAL UNIQUENESS AND UNIVERSALISM IN THE DEVELOPMENT OF POLITICAL SYSTEMS

(Part Two)

V.A. Smolyakov

This article considers the importance of "Asian values" and Confucianism for the political development of East Asian states. The author concludes that the cultural factor should be considered in connection with other factors - the level of economic and social development, the maturity of political institutions, and the efficiency of state governance. The processes of democratization in the region will develop slowly and wavily. The ways of transit to democracy in different countries will depend on local peculiarities.

Key words: East Asia, democratization, modernization, cultural factor, Confucianism, universalist trends.

Рассмотренный в предыдущей статье вопрос о соотношении культурной уникальности восточно-азиатского мира и глобальных универсалистских трендов имеет отношение не только к развитию экономики. Необычайный экономический рост, наблюдаемый в восточно-азиатских странах, поставил в центр внимания вопрос о роли политических механизмов и о политической специфике стран Восточной Азии. Культурологический подход утверждает, что духовные ценности обуславливают основополагающие схемы социальной организации, включая модели политических систем, а также формы и особенности международных отношений между странами с разными культурными типами. В соответствии с данным подходом в определённых пределах допустимо, а иногда и необходимо прибегать к дихотомическому упрощению ради проведения базовых сравнений [23]. Особую актуальность в последние десятилетия приобрело сопоставление культурных моделей, которые развивались на протяжении истории в раз-

ных концах мира: с одной стороны, это Синская модель Восточной Азии с Китаем в качестве ее культурного центра, а с другой – Западная, европейско-американская модель [23]. Проблема заключается в том, что, с одной стороны, культурологические сравнения предостерегают исследователя от недооценки культурных особенностей регионов. Но, с другой стороны, они иногда преуменьшают, а то и вовсе отрицают гомогенизирующие последствия глобализационных сил, а также общезначимый характер теорий политического развития регионов и международных отношений. В связи с этим интерес представляет вопрос о том, в какой степени и в каких формах глобальные тенденции преломляются через призму восточно-азиатской уникальности в сфере политического развития восточно-азиатских государств.

В порядке первого приближения следует отметить, что ведущая особенность политического развития восточно-азиатских стран в сравнении с другими регионами мира заключается в преобладании

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.

Smolyakov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences at Khabarovsk State University of Economics and Law.

E-mail: smolyakov46@mail.ru

© Смоляков В.А., 2021

устойчивых авторитарных или гибридных режимов. А.А. Храмушин, заместитель директора Института политического и военного анализа, отмечает несоответствие между успешным развитием экономики и отсутствием развитой демократии. Он пишет: «В давно ставшем первой экономикой мира Китае демократия даже не имитируется, аналогичная ситуация в стремительно растущем Вьетнаме. Чисто имитационной является демократия в других "азиатских тиграх" – Индонезии, Малайзии, Таиланде и Сингапуре (здесь с автором трудно согласиться, поскольку общепризнано, что в Малайзии – гибридный режим, а в Таиланде и Сингапуре не демократии, а полуавторитарные режимы. – В.С.). Особенно показателен Сингапур... По уровню жизни, по экономической конкурентоспособности, по внедрению новейших технологий, по почти полному отсутствию преступности и коррупции он находится на вершинах мировых рейтингов... (однако) по развитию демократии сильно отстает от очень многих стран Африки» [4]. По данным исследовательского центра Пью, по состоянию на конец 2017 г. из 167 стран с населением не менее 500 тыс. человек каких-либо демократий в мире было 96, что составляет 57 % от общего числа стран. По этим же данным, только в 21 стране (13 %) были автократии, в остальных сорока шести странах (28 %) существуют гибридные режимы, объединяющие элементы как демократии, так и автократии [22]. Восточная Азия на общем фоне выглядит более авторитарной. Демократии в этом регионе мира составляют менее трети (31 %) среди шестнадцати стран региона. Сравнительный анализ, основанный на подсчете индексов, полученных в результате опросов экспертов, свидетельствует, что среди всех регионов мира Восточная Азия по степени авторитарности уступает только странам «исламского ядра» (Большого Ближнего Востока и Центральной Азии) [3]. Уникальность Восточной Азии видится также в том, что здесь сохраняются коммунистические режимы, которые в остальной части мира были демонтированы (единственным исключением является Куба). Сохраняется, несмотря на ветер перемен, тоталитаризм в Северной Корее. Во Вьетнаме, Китае и Лаосе рыночная экономика совмещается с де-факто однопартийными коммунистическими авторитарными режимами. Юго-Восточная Азия характеризуется большим разнообразием режимов и форм правления – от дефектной демократии в республике Филиппины до абсолютной теократической (с признаками тоталитарности) монархии в Брунее [3: с. 71–126]. Данный субрегион отличается преобладанием электоральных авторитаризмов (гибридных режимов). Сингапур, например, управлялся Народной партией действия с момента обретения независимости под руководством Ли

Куан Ю весь период между 1959 и 1990 гг. Эта же партия остаётся у власти и в настоящее время.

Дальнейшее развитие модернизации ставит на повестку дня вопрос о предпосылках и перспективах демократизации политической жизни в странах Восточной Азии. В этом плане одна из особенностей Восточной Азии состоит в том, что появившиеся на волне демократизации в конце 1980-х гг. демократические режимы в Южной Корее, Тайване, Индонезии и Монголии остаются не вполне зрелыми или глубоко укоренившимися. Государство в Восточной Азии контролирует различные формы жизнедеятельности, оставляя лишь ограниченное пространство для гражданского общества. Сильное правительство, наделенное ответственностью за удовлетворение коллективных потребностей, отсутствие распространённых на Западе либерально-демократических практик и долговечность политических элит являются нормой жизни восточно-азиатских социумов. Р. Роуз и Доу Чул Шинь пишут по этому поводу: «...неспособность почти двух третей восточно-азиатских стран стать и оставаться демократическими, по-видимому, более решительно поддерживает предварительное утверждение о том, что демократия не подходит для любого типа общества...» [26: р. 332]. В корреляции с политическим застоём находится и социальная сфера. В последние два десятилетия в Тихоокеанской Азии неравенство увеличилось на 42 процентных пункта. Причем темпы его роста превышают аналогичные темпы в Африке и Латинской Америке [22].

После поражения 1945 г. и временной оккупации Япония первой из стран Азии вступила на путь демократизации. Однако доминирующее положение в партийной системе страны с 1950-х гг. занимает Либерально-демократическая партия Японии, а оппозиционные партии остаются слабыми и нестабильными [2: с. 152–159]. Эксперты центра Пью (Pew Research Center) полагают, что «нынешняя эпоха стабильности» в Японии является результатом «фрагментированной и ослабленной оппозиции», а для японского политического процесса типичны «апатия избирателей, умеренная межпартийная конкуренция и ослабление каналов подотчетности» [11]. О существенных различиях между политической культурой стран региона, с одной стороны, и западной демократической культурой – с другой, можно судить по отношению граждан к основным институтам демократии (свобода совести, слова, СМИ и т.д.). Как явствует из данных, приводимых экспертами Фордом и Р. Хаасе, если принцип свободы для оппозиционной деятельности в Австралии поддерживают 63 % граждан, то в Японии – только 40 %, а в Индонезии – 24 %. Несколько лучше выглядят в этом ряду Филиппины (54 %) и Южная Корея (51 %). В политической

жизни стран региона эксперты отмечают такие негативные тенденции, как элитарная коррупция, углубление внутренней поляризации, усиление расовой и этнической напряженности, ограничение пространства для гражданского общества, а также укоренение «недемократических практик» и проявления популизма в Индонезии (Джоко Видодо – «Джокови») и на Филиппинах (Родриго Дутерте) [11]. Так что следует признать, что восточно-азиатские демократии отличаются от несколько приукрашенного западного демократического идеала [14; 17: р. 40]. К тому же опыт Камбоджи, Мьянмы, Филиппин и Таиланда демонстрирует возможность движения вспять от достигнутых демократических рубежей. Если суммировать особый, «азиатский стиль демократии», то можно выделить следующие его черты: во-первых, отсутствуют четкие разделения между публичной и частной сферами, между официальными и неформальными отношениями, что является проявлением свойств конфуцианской политической культуры; во-вторых, в отличие от западных плюралистических демократий политическая власть в Восточной Азии является моноцентричной, а не диффузной; в-третьих, политика с учётом отдельных исключений остаётся, несмотря на появление демократических институтов, чрезмерно персонифицированной; в-четвёртых, демократия ограничивается существованием партийных систем с одной доминирующей либо даже гегемонистской партией, а также закрытыми от общественности неформальными связями между политическими, бюрократическими, экономическими и военными элитами; в-пятых, большую роль в социальных связях и политике играет клиентелизм (отношения патрон–клиент); в-шестых, всюду в регионе наблюдается дефицит публичной состязательности при доминировании неформальных внутриэлитных сделок; в-седьмых, в идейно-политическом спектре либо совсем отсутствуют, либо крайне слабы левоцентристские или левые партии (как либеральные, так и социал-демократические); в-восьмых, структуры гражданского общества в странах региона недостаточно развиты и не имеют между собой сложившихся транснациональных связей. Последнее обстоятельство отрицательно сказывается и на процессе регионализации Восточной Азии.

В поисках ответа на вопрос об источниках дефицита демократической культуры в Восточной Азии значительная часть специалистов в области политической социологии занялась исследованием двух главных вопросов: во-первых, в какой степени функционирование политических институтов в странах Восточной Азии связано с особенностями её политической культуры и, во-вторых, способна ли эта культура изменяться под влиянием модернизации? На этот счет в политической науке имеются

разные мнения. Популярная либеральная точка зрения состоит в том, что индустриализация, урбанизация и рост образованности в конечном счете ведут к росту среднего класса, размыванию культурных различий, разрушению традиционных ценностей и институтов. Естественным следствием «модернизации» становится демократизация. Этот тезис подкрепляется тем фактом, что Монголия, Южная Корея, Тайвань и Индонезия в течение длительного времени управлялись военными хунтами или имели однопартийный режим. Правительства в этих странах препятствовали политической либерализации. Но в то же время они парадоксальным образом способствовали созданию её правовых, экономических, социальных и культурных предпосылок путём укрепления авторитарной политико-правовой стабильности. Эти авторитарные режимы были настроены на конкурентную борьбу и развитие экспорта. Решая данную сверхзадачу, они властно подавляли идущие снизу социальные требования и ограждали управленческие элиты от политического давления. Заметим, что было бы неправильно приписывать всем авторитарным режимам большую эффективность по сравнению с демократиями. В современном мире есть немало диктатур в Африке, Азии и Латинской Америке, но они, в отличие от «государств развития» Восточной Азии, характеризуются беззаконием, высокой степенью коррупции и неэффективным управлением. Следует отметить, что уникальная культура стран Восточной Азии обусловила редкий синтез авторитаризма, с одной стороны, и правовых гарантий бизнесу – с другой. В связи с этим явлением в научной литературе по вопросам развития Восточной Азии в конце 1990-х гг. даже появилось специальное понятие – *нелиберальная демократия* (illiberal democracy), выдвинутое канадским политологом, ныне работающим в университете Цинхуа в Пекине, Д. Беллом и его коллегами, а затем развитое в работах Ф. Закарии и др. [8, р. 147–169; 1; 32: р. 22–43]. Аналогичный взгляд выказывают политологи Р. Роуз и Доу Чул Шинь: «...устойчивый нелиберальный способ демократического управления во всех оставшихся демократических странах Восточной Азии поддерживает утверждение о том, что введение демократии до создания современных политических институтов, таких как верховенство права и многочисленные группы гражданского общества, способно привести только лишь к неполной демократии» [26: р. 333]. Таким образом, страны региона двигались схожими путями: сначала создавались предпосылки для развития капитализма посредством постепенного укрепления минимума гражданских прав и свобод, необходимых для функционирования рынка, а затем на этой базе начинался демократический транзит.

Подводя итог сказанному выше, поставим вопрос: обязательно ли экономический рост ведёт к демократизации режимов? Однозначного ответа на этот вопрос нет. То обстоятельство, что демократические институты создавались в Азии после прохождения государствами стадии экономической модернизации, казалось бы, подтверждает данную точку зрения. Крупный исследователь этой проблемы, цитировавшийся выше Шинь, пишет: «Вопреки теории модернизации, которая утверждает, что демократия является экономически обусловленной, демократия, например, расцвела в одной из беднейших стран мира (Монголия). Вопреки представлению о том, что демократия требует иудео-христианской или либеральной политической культуры, она успешно зародилась и в буддийских (Монголия и Таиланд), конфуцианских (Южная Корея и Тайвань) и мусульманских (Индонезия) странах» [27: р. 164]. В то же время имеющиеся факты свидетельствуют о том, что многие страны региона, добившись успешной экономической модернизации, продолжают оставаться под властью авторитарных режимов. Поэтому, как представляется, в методологическом отношении зафиксированная выше корреляция не означает, что всегда должна существовать прямая причинно-следственная связь между экономикой и политическим развитием.

Хотя большинство политологов согласны с тезисом о том, что граждане Восточной Азии не испытывают сильной приверженности к демократии, академическое сообщество так и не пришло к единому мнению относительно причины этого явления. Ни одна из существующих на сегодняшний день теорий не даёт сколько-нибудь полного объяснения тому факту, что весьма значительная доля жителей Восточной Азии не проявляет сильной приверженности к демократической системе правления. Так, определённая часть политологов пытаются объяснить отмеченные выше особенности политического развития общими для всех народов Большой Восточной Азии чертами культуры, которая отдаёт предпочтение иерархии, гармонии, консенсусу и избеганию конфронтации. В связи с этим теория модернизации подвергается критике сторонниками парадигмы, которую иногда определяют (в соответствии с её ведущим методологическим аргументом) как «культурный детерминизм». Крупный исследователь восточно-азиатской политической культуры Люсиан Пай пишет, что восточно-азиатские общества, столкнувшись с задачей создания современных национальных государств, обычно реагируют на это формированием патерналистских форм власти, которые удовлетворяют их глубокую психологическую потребность в чувстве защищённости. Эта тяга к патернализму может показаться признаком авторитарной полити-

ческой культуры, но Пай утверждает, что она обеспечивает важную в жизни обычного человека социальную солидарность и групповую лояльность. В качестве вывода он пишет: «...мой тезис состоит в том, что любая политическая власть в высшей степени чувствительна к культурным нюансам и что, следовательно, культурные вариации имеют решающее значение в определении направления политического развития... Азиатские народы исторически всегда обладали богатым разнообразием концепций власти. Однако у всех у них общим знаменателем является идеализация благосклонного, патерналистского лидерства и легитимация подвластности» [24: р. 4–5].

В 1990-е гг., в ответ на призывы Запада к демократизации политической жизни в азиатских странах, была выдвинута концепция особых «азиатских ценностей». Большинство исследователей считают, что укоренившиеся в странах региона «азиатские ценности», по крайней мере, определённый набор ценностей, связанных с политической властью, действительно влияют на поддержку режима, поскольку усиливают принятие статус-кво, и сохранение недемократического режима. В частности, эта концепция побудила некоторых восточно-азиатских лидеров, таких как бывшие премьер-министры Сингапура Ли Куан Ю и Малайзии Махатхир Мохамад, выдвинуть модель авторитарного правления под названием «Азиатская демократия» [17: р. 40; 19; 18; 2]. Ставя мир и процветание общества выше прав и свобод его отдельных граждан, эти деятели отстаивали восточно-азиатскую модель, представляя её в качестве основанного на групповой солидарности благожелательного или мягкого авторитарного правления и противопоставляли её западной либеральной демократии, основанной на ценностях индивидуализма и плюрализма. Приводимый ниже сводный список «азиатских ценностей», противопоставляемых западной политической культуре, как представляется, с тех пор несколько не устарел. Он включает в себя следующие черты: 1) нерасчленённость частной жизни и публичных ролей; 2) подчинённость и преданность индивида группе вместо личностной автономии и индивидуализма; 2) ценность гармонии, предпочтение стабильности и консенсуса конфронтации и оппозиционности; 3) коллективизм и коммуитаризм стоят выше политического плюрализма; 4) приоритетность социально-экономических прав и благосостояния перед гражданскими и политическими свободами; 5) лояльность и почтение в отношении всех форм авторитета, включая родителей, учителей и правительство [29: р. 19–23]. Многие политологи признают, что особые азиатские ценности, отличные от западных, действительно существуют, и они оказывают влияние на

отношение к существующему политическому порядку, поскольку обеспечивают принятие статус-кво. Исходя из этой посылки, они пишут об «особой восточно-азиатской политической системе» и утверждают, что даже полиархические институты в Азии функционируют не так, как на Западе, поскольку слишком существенны различия между культурами, сформировавшимися под влиянием конфуцианства, и культурами, сформированными западным индивидуализмом. Согласно регулярно проводимым Азиатским барометром (ABS) опросам в странах региона значительной поддержкой пользуются идеи сильного правительства, социального консерватизма и в то же время свободной рыночной экономики [6]. Очевидно, что в политическом плане это может вести к ужесточению государственной власти в интересах «общего блага» и формированию покорного населения, которое принимает официальную иерархию как оправданную древней традицией. Нелиберальные культурные ценности коллективизма, иерархизма и конформизма, укоренившиеся в массовом сознании и поведенческих паттернах восточно-азиатских народов, создают культурную матрицу для функционирования политических институтов и препятствуют формированию демократической культуры [9: р. 143–154].

Подводя итог изложенным выше культурологическим аргументам, можно выделить следующие общие черты, реально присущие восточно-азиатским политическим системам.

1. Они всегда организованы в большей степени вокруг экономических, нежели политических целей; их главная задача – содействовать экономическому росту и благосостоянию, а не расширять тот круг индивидуальных прав и свобод, который является нормой жизни на Западе.

2. В этих системах укоренена идея «сильного» правительства и вошло в традицию уважение к государству.

3. Руководитель (или лидер) здесь в принципе пользуется почитанием в духе конфуцианской традиции лояльности, дисциплины и долга. В связи с этим можно отметить, что в этом плане следует рассматривать и решение КПК о снятии ограничений на занятие Си Цзиньпином должностей руководителя партии и государства. А вот на западный взгляд в этом можно усмотреть какие-то скрытые, а то и открытые, тенденции к авторитаризму.

4. Наконец, в восточно-азиатских обществах существует связь между иерархическими паттернами социетальных структур и авторитарным политическим строем. Центральным элементом социума является семья, в которой формируется почтительное отношение к авторитету и «групповое мышление» с его закрытостью в отношении таких

принципов, как автономия личности, права человека и соперничество в их западном понимании.

В поисках ответа на вопрос об источниках недоразвития демократической культуры в странах Восточной Азии все большее число политологов и социологов обращаются к конфуцианскому культурному наследию региона [12: р. 18–33; 28: р. 143–160]. Конфуцианство или его современную версию – постконфуцианство многие авторы определяют как этическую систему, которая делает основной упор на «семейную преданность, социальную иерархию и социальную гармонию». Эти три нормы лежат в основе «пяти правильных отношений», которые являются общепризнанной основой конфуцианства [10]. Не лишним будет заметить, что конфуцианство было бы ошибочно напрямую отождествлять с более широким и немного устаревшим понятием «азиатские ценности». Как было отмечено в предыдущей статье, конфуцианство не имеет общепризнанного влияния во всех странах Большой Восточной Азии. Однако оно защищает отвечающие традиционным ценностям почти всех народов региона этические нормы социальных отношений, которые предполагают признание иерархии, необходимость социальной гармонии и компромисса, уважения и почтения к семье, а также благожелательности в отношениях между правительством и народом [21; 10: р. 143–154]. Главным аргументом, обосновывающим непреходящее значение конфуцианства для объяснения особенностей политических систем Восточной Азии, является признание уникальности Китая. Люсиан Пай в одной из своих работ высказал парадоксальный тезис о том, что Китай – это «цивилизация, притворяющаяся государством» [25: р. 1161]. На этой почве появилась концепция «конфуцианской демократии», которая якобы самой историей предназначена быть отличной от либерального политического устройства. Упомянувшийся выше политолог Д.А. Белл, исходя из предположения, что Китай представляет собой отличающуюся от других стран «модель правления», которую нельзя причислить ни к либеральной демократии, ни к авторитаризму, разработал теорию «политической меритократии» – «оптимального гибрида демократии и меритократии». В книге «Китайская модель: политическая меритократия и пределы демократии» (2015) Белл утверждает, что модель демократической меритократии, которая представляет собой меритократию наверху, экспериментирование в середине и демократию внизу, способна служить примером для остального мира. Меритократия в китайском стиле является морально легитимным способом отбора и расстановки отличающихся выдающимися способностями и верностью долгу, «доблестью» (virtue) руководителей высшего уровня государственного управления.

По мнению Д.А. Белла, этот метод эффективнее зависящих от предпочтений электората либерально-демократических правительств. Данная модель, считает Д.А. Белл, находится в гармонии с китайской историей, учением Конфуция, культурой, а также накопленным Китаем и Сингапуром политическим опытом [7]. Однако основанная на предположении, что правление не обязательно должно полностью базироваться на народном выборе, теория «политической меритократии» была подвергнута критике за недостаточную эмпирическую обоснованность и откровенный элитаризм. В качестве примера такой критики можно рассмотреть теоретические доводы, изложенные в монографии Сун Мун Кима «Конфуцианская демократия в Восточной Азии: теория и практика» (2014), автор которой выдвигает следующее возражение: концепция меритократии основана на циничной трактовке человеческой природы и, следовательно, способности граждан мудро выбирать своих лидеров [16: р. 85]. С. Ким согласен с тем, что «граждане Восточной Азии, исторически конфуцианских стран все еще глубоко пропитаны конфуцианскими привычками и нравами» [16: р. 4]. В связи с этим он рассматривает вопрос: соответствует ли демократия культурному контексту Восточной Азии и совместима ли она с ним? С.М. Ким заявляет, что на поставленный им вопрос уже дан утвердительный ответ самим фактом существования демократических режимов в Южной Корее и на Тайване. Однако Ким не ограничивается простой констатацией и переносит плоскость дебатов на обсуждение темы об «особом режиме конфуцианской демократии», подходящем для Восточной Азии [16: р. 247]. Речь у него идёт о том, какая форма демократии действует, будет действовать и должна действовать в Восточной Азии. По мнению Кима, либерализм или, по крайней мере, «либеральный дискурс и либерально-демократические институты» [16: р. 10] не должны применяться в Восточной Азии так же, как на Западе, а демократия должна соответствовать социальной и политической культуре региона. Свою теорию Ким иллюстрирует, ссылаясь на пример Южной Кореи. По словам Кима, «...чрезвычайная жизнеспособность корейского демократического гражданского общества может быть объяснена с точки зрения социальной практики *chǒng*, семейных ласковых чувств корейцев и особой гражданской добродетели – то, что я называю "*ugi* (мы)-ответственностью», – которую она порождает» [16: р. 207]. Оценки С. Кима представляются небезосновательными в свете проведённых в 2019 г. службой Пью опросов, которые показывают, что граждане Южной Кореи (в отличие от большинства других стран) в основном удовлетворены тем, как функционирует демократия в их государстве. Если соглас-

но полученным в 27 странах результатам доля граждан, недовольных тем, как демократия работает в их стране, после 2017 г. оказалась на уровне 51 процента (и только 45 процентов были удовлетворены), то в Южной Корее (несмотря на коррупционный скандал, импичмент президента Пак) обнаружилась противоположная тенденция: доля недовольных здесь снизилась с 69 до 35 % [30].

Критика концепции исключительности восточно-азиатской культуры и концепции особого, «азиатского стиля демократии» развивается по нескольким направлениям. Во-первых, этим идеям противопоставляются как теоретические рассуждения, так и конкретные социологические исследования, которые указывают на то, что «культуры не являются статичными сущностями..., они изменяются на протяжении истории – внутрикультурно и межкультурно – и поэтому являются динамичными. Они также допускают значительные различия внутри самих себя» [23]. Конфуцианство, как и любые другие политические культуры, меняется. Политический социолог Шинь, основываясь на разработанной им шкале приверженности «патерналистской меритократии», приходит к выводу, что ценности индивидов, как и больших групп населения, со временем меняются. «Традиционные ценности преобладают среди азиатов старшего возраста, менее образованных и имеющих более низкий доход, т.е. тех, кто в меньшей степени подвержены влиянию идей, технологий и экономической деятельности, которые всё больше определяют современную жизнь в развитом и развивающемся мире» [6]. Признавая, что в Восточной Азии, как и в других регионах планеты, действуют факторы, ведущие к универсализации, мы не должны упускать из виду, что признание динамики культур не должно приводить нас к другой крайности, а именно – к мультикультуралистскому утверждению о принципиальной гибридности всех культур. Уже цитировавшийся выше культуролог Карл-Хайнц Поль пишет: «В противовес этой модной точке зрения я хочу подчеркнуть медлительность процессов культурных изменений – или инертность» [23]. Во-вторых, экономическая модернизация подрывает роль традиционной политической культуры в легитимации недемократических режимов, а граждане становятся все более критичными к политической власти. Рационалистический момент в политических взглядах жителей Восточной Азии обнаруживается, в частности, в том, что они оценивают свои правительства не на «входе» (т.е. руководствуясь своими ожиданиями или культурными предрасположенностями), а на «выходе», т.е. по результатам их деятельности. Благополучие, коррупция, социальное равенство-неравенство – вот главные критерии оценки. Исходя из полученных результатов, иссле-

дователи приходят к выводу, что основной фактор легитимности и устойчивости авторитарных режимов таится в эффективном государственном управлении. А роль традиционных ценностей, хотя и не исключается, но остаётся вторичной. В-третьих, политические культуры, в том числе и конфуцианство, могут выступать не только в качестве матриц, формирующих паттерны поведения и политические институты. Ценности и нормы сами по себе являются объектом воздействия и модифицируются в интересах как авторитарных, так и демократических режимов. Джоэл С. Фетцер и Дж. Кристофер Сопер, опираясь на результаты опросов, проведённых в четырёх восточно-азиатских государствах, пишут: «Хотя авторитарные режимы нашли и продолжают находить много ресурсов в конфуцианстве для поддержки своего правления, сегодняшние либерально-демократические государства в Восточной Азии начали создавать пространство для развития действительно независимого конфуцианства, которое либо политически "нейтрально" или даже поддерживает демократию и человеческое достоинство» [10]. Эти же авторы в другой работе отмечают, что уровень поддержки такой характерной переменной, как «социальная иерархия», под влиянием «эффекта демократизации» за пять лет снизилась на 30 процентов в демократической Южной Корее, на Тайване и даже в полуавторитарном Сингапуре [9: р. 143–154]. Полученные Азиатским барометром результаты опросов показывают, что конфуцианство хотя и поддерживает социальный консерватизм, но все же может вполне успешно сосуществовать с демократическими порядками и институтами. Более того, многочисленными исследованиями и наблюдениями подтверждается утверждение, что в самой природе конфуцианства заложен рационализм и терпимость к иному. На известной карте мировых культур Р. Инглхарта и его коллег конфуцианство по уровню рациональности и стремления личности к самовыражению находится в верхней части шкалы, выше ислама, католицизма и православия [13].

Итак, имеет ли культурная уникальность значение для политического развития восточно-азиатских государств? А также является ли подход к политической культуре, придающий этому фактору политического развития обществ определяющее значение, более оправданным, чем институциональный или политико-экономический подход к пониманию проблем демократизации в Восточной Азии? Представляется, что фактор культуры надо рассматривать в комплексе с другими факторами – уровнем экономического и социального развития, зрелостью политических институтов, эффективностью государственного управления. При этом ни одному из этих факторов не следует придавать

первенствующую роль в сложном процессе социально-политического развития восточно-азиатских обществ. Иначе говоря, ключом к пониманию такого сложного явления, как политическое развитие и демократизация, является системный подход как оптимальный метод исследования любого сложного явления, имеющего несколько измерений, который связывает как институциональные, так и экономические и (или) культурные аспекты. Гипотезы и «азиатских ценностей», и «конфуцианской демократии» неверны в своем самом важном утверждении, согласно которому демократия не может возникнуть и работать в Восточной Азии, а сам по себе культурный фактор якобы является непреодолимым препятствием на пути политической модернизации. Но и противоположный аргумент, согласно которому модернизация автоматически приведёт к демонтажу авторитарных режимов, также представляется необоснованным. Необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что консервации восточно-азиатских авторитарных и гибридных режимов будут способствовать не только внутренние, но и внешние факторы. Речь идёт уже не о «продвижении демократии» в Азию Соединёнными Штатами и другими западными странами. На современном этапе мирового развития всё больше проявляет себя тенденция к некоторому ослаблению влияния Запада, а демократия теряет популярность даже в тех странах, где еще недавно казалась особенно устойчивой. В статье политолога Кристофера Клаасена, опубликованной в журнале «Обзор американской политологии» (сентябрь 2019) заостряется внимание на следующем: несмотря на то, что демократических стран становится все больше, в западных странах удовлетворение самим политическим строем, судя по опросам, снижается. В то же время растет запрос на популистскую альтернативу [15]. Представляется, что в настоящее время государства Юго-Восточной Азии оказались в ситуации выбора: с одной стороны, происходит ослабление идущего с Запада демократического импульса, а с другой – растёт влияние Китая, который бросает Западу вызов не только экономический, но и вызов ценностный. В этой ситуации немалое значение будет иметь «мягкая сила» – заразительный пример китайской модели правления (которая, по мнению большинства политологов, является «авторитаризмом», но с точки зрения других авторов, – «политической меритократией»). Этот вызов нацелен против институциональных основ функционирования «западной либерально-демократической модели», – пишет директор Института научной информации АОН Китая, профессор Чжан Шухуа [5: с. 99].

Таким образом, из всего изложенного выше можно сделать следующий вывод: по всей вероят-

ности, не следует ожидать, что в скором времени в западной части тихоокеанского побережья будут ликвидированы авторитарные и гибридные режимы, а вместо них скоро появятся полные демократии. И всё же совокупность взаимодействующих между собой социально-экономических и культурных факторов будет работать против них. По всей вероятности, в этом регионе экономического прогресса процессы демократизации также будут развиваться, но медленно и волнообразно. А конкретные эволюционные пути, по которым пойдут различные страны, будут зависеть от местных особенностей и условий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закария, Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария. – Москва : Ладомир, 2004. – 383 с.
2. Смоляков, В.А. Особенности и эволюция партийной системы Японии / В.А. Смоляков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1. – С. 152–159.
3. Смоляков, В.А. Политическое развитие стран Восточной Азии / В.А. Смоляков, Т.И. Захарова. – Хабаровск, 2016. – 208 с.
4. Храмчишин, А.А. Станет ли Москва младшим братом Пекина. Какое место в «единой судьбе человечества» готовят России лидеры Поднебесной / А.А. Храмчишин // Независимая газета. – 2018. – 29 июня.
5. Шухуа, Чжан. Перемены в мировой политике и новая эпоха Китая / Чжан Шухуа // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 3. – С. 96–108.
6. Asian Barometer // A Comparative Survey of Democracy, Governance and Development: Working Paper Series, Jointly Published by Globalbarometer. – Working Paper Series. – 2015. – № 64.
7. Bell, D.A. The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy / D.A. Bell. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2015. – xii+318 p.
8. Bell, D.A. Towards Illiberal Democracy in Pacific Asia. Class Culture in Pacific Asia / D.A. Bell, D. Brown, K. Jayasuriya, D. Jones (eds) // Comparative Politics. – 1998. – Vol. 30, № 2. – P. 147–169.
9. Fetzer, J.S. The Effect of Confucian Values on Support for Democracy and Human Rights in Taiwan / J.S. Fetzer, J.C. Soper // Taiwan Journal of Democracy. – 2007. – Vol. 3, № 1, (July) – P. 143–154.
10. Fetzer, J.S. Confucianism and Democratization in East Asia / J.S. Fetzer, J.C. Soper // APSA 2010 Annual Meeting Paper. – 2010. – July 22. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1644476> (accessed: 10.10.2020).
11. Ford, L.W. Democracy in Asia Brookings institute / L.W. Ford, R. Haase. – 2021. – January 22.
12. He, B. Four Models of the Relationship between Confucianism and Democracy / B. He // Journal of Chinese Philosophy. – 2010. – Vol. 37, № 1. – P. 18–33.
13. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change and Democracy / R. Inglehart, C. Welzel. – New York : Cambridge University Press, 2005. – 333 p.
14. Inoguchi, T. Asian Style Democracy / T. Inoguchi // Paper presented paper presented at the United Nations University Conference on the Changing Nature of Democracy, St. Anthony's College, Oxford University. – 1996. – July.
15. Klaasen, C. In the Mood for Democracy? Democratic Support as Thermostatic Opinion / C. Klaasen // American Political Science Review. – 2019. – Vol. 114, Is. 1 (September). – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/in-the-mood-for-democracy-democratic-support-as-thermostatic-opinion/> (accessed: 04.11.2020).
16. Kim, Sungmoon. Confucian Democracy in East Asia: Theory and Practice / Kim Sungmoon. – Cambridge University Press, 2014. – 321 p.
17. Lawson, S. Politics and Cultural Myths: Democracy Asian Style versus the West/ Stephanie Lawson / S. Lawson // The Asia-Pacific Magazine. – 1996. – June. – P. 1–43.
18. Lee Kuan Yew. Society vs. the Individual / Lee Kuan Yew // Time. – 1993. – 14 June.
19. Mahathir bin Mohamad. No Freedom without Responsibility / Mahathir bin Mohamad // New Straits Times. – 1995. – 20 May.
20. Norris, P. Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited / P. Norris. – New York : Oxford University Press, 2011. – 327 p.
21. Oldstone-Moore, J. Understanding Confucianism / J. Oldstone-Moore. – London : Duncan Baird Publishers, 2003. – 112 p.
22. Pew Research Center. – 2019. – April 29. – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/05/14/more-than-half-of-countries-are-democratic/>. (accessed: 10.10.2020).
23. Pohl, Karl-Heinz. Chinese and Western Values: Reflections on the Methodology of a Cross-Cultural Dialogue / Karl-Heinz Pohl // Age of Globalization. – 2013. – № 3. – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/158040/> (accessed: 14.11.2020).
24. Pye, L. Political Culture and Political Development / L. Pye, co-Editor and co-author // Studies in Political Development. – Princeton : Princeton University Press, 1965. – Vol. 5. – P. 4–5.
25. Pye, L. Social Science Theories in Search of Chinese Realities / L. Pye // The China Quarterly. – 1992. – № 132 (December). – P. 1161–1170.
26. Rose, R. Democratization Backwards: The Problem of Third-Wave Democracies / Richard Rose, Doh Chull Shin // British Journal of Political Science. – 2001. – Vol. 31, № 2. – P. 331–354.
27. Shin, D.C. The Third Wave in East Asia Comparative and Dynamic Perspectives / Doh Chull Shin // Taiwan Journal of Democracy. – 2009. – Vol. 4, № 2. – P. 91–173.
28. Spina, N. Confucianism and Democracy: A Review of Opposing Conceptualizations / Nicholas Spina, Doh C. Shin, and Dana Cha // Japanese Journal of Political Science. – 2011. – Vol. 12, № 1. – P. 143–160.
29. Subramaniam, S. The Asian Values Debate: Implications for the Spread of liberal Democracy / Surain Subramaniam // Asian Affairs An American Review. – 2000. – March. – P. 19–23.
30. Wike, R. Many across the globe are dissatisfied of democracy is working / R. Wike, L. Silver, A. Castillo // Pew Research Center. – 2019. – April 29. – URL: <https://www.pewresearch.org/global/2019/04/29/dissatisfaction-with-performance-of-democracy-is-common-in-many-nations/> (accessed: 12.04.2020).
31. Zakaria, F. Culture Is Destiny: A Conversation with Lee Kuan Yew / F. Zakaria // Foreign Affairs. – 1994. – Vol. 73, № 2.
32. Zakaria, F. The Rise of Illiberal Democracy / F. Zakaria // Foreign Affairs. – 1997. – Vol. 76, № 6. – P. 22–43.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-232-237

ГОСТЕПРИИМСТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАК ФАКТОР УСПЕШНОГО ОСВОЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В.А. Чернов

С.В. Бобышев

Т.А. Лушкина

В статье рассматривается гостеприимство народов, живших на русском Севере, как образ их жизни. На основе изучения описаний путешествий исследователей Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки выявлено, что гостеприимство было свойственно практически всем народам, большим и малым, миролюбивым и воинствующим, кочевым и оседлым. Гостеприимство было средством выживания в диких и суровых условиях Севера. Это позволяло не только местным народам, но и путешественникам и исследователям Сибири и Дальнего Востока в любых условиях находить кров и пищу, преодолевать значительные расстояния, не имея с собой больших запасов продовольствия и необходимой одежды.

Ключевые слова: Дальний Восток, коренные народы, айны, чукчи, якуты, юкагиры, тунгусы, гостеприимство.

HOSPITALITY OF INDIGENOUS PEOPLES AS A FACTOR OF SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF THE FAR EAST

V.A. Chernov

S.V. Bobyshev

T.A. Lushkina

The article examines the hospitality of the peoples living in the Russian North as a way of their life. Based on the study of the descriptions of the travels of the explorers of Siberia, the Far East and Russian America, it was revealed that hospitality was characteristic of almost all peoples, large and small, peaceful and militant, nomadic and sedentary. Hospitality was a means of survival in the wild and harsh conditions of the North. This allowed not only local peoples, but also travelers and explorers of Siberia and the Far East in any conditions to find shelter and food, which made it possible to travel long distances without having with them large supplies of food and necessary clothing.

Key words: Far East, indigenous peoples, Ainu, Chukchi, Yakuts, Yukagir, Tungus, hospitality.

Феномен быстрого освоения русскими огромных пространств Сибири и Дальнего Востока связан со многими факторами, одним из которых являлось гостеприимство местного коренного населения, жившего в суровых климатических условиях.

Если продвижение передовых отрядов казаков на восток от Урала нередко осложнялось сопротивлением народов, населявших эти территории, то одиночные или следовавшие небольшими группами ученые, путешественники, миссионеры, купцы

и прочие пришлые, оказавшиеся волею судьбы в этих местах, скорее всего встречали на Дальнем Востоке гостеприимных аборигенов или инородцев, как их в основном называли.

На территории Сибири и Дальнего Востока проживали разнообразные большие и малые народы, относящиеся к различным этническим группам. Все они отличались своим укладом, видом деятельности, вероисповеданием, агрессивностью или миролюбием, но практически всем им было свой-

Чернов Владислав Афиногенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Управления аспирантуры, докторантуры и подготовки научных кадров Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Chernov Vladislav Afinogenovich – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Management of Postgraduate Study, Doctoral Studies and Scientific Training at Far Eastern State Transport University.

E-mail: vl.af.chernov@mail.ru

Бобышев Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Bobyshev Sergei Vasilievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: history@festu.khv.ru

Лушкина Татьяна Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Lushkina Tatiyana Alekseevna – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: tlushkina@list.ru

© Чернов В.А., Бобышев С.В., Лушкина Т.А., 2021

ственно гостеприимство, направленное не только на представителей своего рода или племени, но и на пришлых путешественников.

Как писал один из первых исследователей Дальнего Востока Николай Васильевич Буссе, «Гостеприимство есть необходимая черта быта народа, находящегося ещё на низшей степени развития. Невозможность брать с собой достаточно пищи ни для себя, ни для собак, или какого-либо товара для платы за продовольствие, заставляет дикарей, по необходимости, принять общепользительный обычай, по которому они находят везде дом и пищу» [4: с. 98]. Этот обычай принимать у себя любого путника, застигнутого непогодой, дать ему пищу и тепло очага, способствовал выживанию в суровых условиях. Как отмечал Пётр Михайлович Головачёв, известный русский историк Сибири, «взаимное гостеприимство совершенно необходимо для тунгусов¹ при их беззаботности и бродячей жизни» [7: с. 161].

Гостеприимство в первую очередь было свойственно миролюбивым народам, к которым исследователи Дальнего Востока относили гольдов (нынешних нанайцев), айнов. «При всей бедности, гольды народ добродушный, гостеприимный и семейственный. Они живут дружно, делятся всяким куском и отличаются честностью во всём своём обиходе, на охоте же по-товарищески поддерживают друг друга. Старики у них пользуются уважением» [18: с. 442]. «Гостеприимство среди айнов весьма развито, они постоянно в сношениях между собою, узнают и передают новости и угощаются взаимно» [3: с. 621]. «И так как айны для ловли рыбы, промыслов морских зверей и проч. – постоянно все находятся в разъездах, то взаимное угощение никому не приходится в ущерб, а женщины остаются по всем юртам, управляют всем как бы общим хозяйством» [4: с. 99].

Гостеприимностью отличались и сибирские народы. «Остяки² добросердечны, услужливы, честны и гостеприимны; остяк никогда не оставит в нужде своего ближнего и поэтому у них никогда не бывает нищих, просящих по юртам и чумам подаяния. Остяки живут между собою мирно; убийств между ними не бывает и даже кражи – и то только у русских – весьма редки» [8: с. 27]. «Самоеды³ миролюбивы, честны и добродушны; на

промыслах же ловки и проворны; гостеприимство считается у них делом самым обыкновенным. Они не злопамятны, но вспыльчивы; смертоубийств между ними почти никогда не случается, а воровство считается за величайший стыд» [8: с. 33].

Даже такое качество, присущее некоторым народам, как лень, не становилось препятствием для того, чтобы проявлять гостеприимство для случайных путников. «Особенность вогулов⁴ составляют лень и беспечность; в случае нужды вогул скорее готов перенести и голод, и холод, чем идти против желания своего на промыслы. Вообще же вогулы кротки, честны и гостеприимны и, несмотря на свою бедность, они всегда готовы помочь в нужде друг другу» [17: с. 49].

Гостеприимство было одним из способов выживания в суровых условиях Севера, поэтому оно было присуще и не совсем миролюбивым народам, таким как чукчи, коряки и др. «Как кочевые, так и оленные чукчи стоят на низкой степени развития. Они грубы, завистливы, подозрительны, жадны и крайне нечистоплотны. Воровство у них не только не запрещается, но и поощряется, лишь бы вор не попался; иначе его за неловкость побьют. Даже смертоубийство у них не считается за преступление. Но рядом с этими дурными сторонами в чукчах есть и хорошие качества: они честны и гостеприимны; они уважают своих начальников; они способны, изобретательны, трудолюбивы и бережливы» [6: с. 505].

Вот что писал о коряках первый православный епископ Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки Иннокентий: «...они известны всем как немирные, беспокойные и наглые (они хотели убить даже г. Рикорда); но я ничего не могу сказать об них худого. Во все время пятидневного нашего у них пребывания, никто из нас ни от кого не видел никакой обиды, ни оскорбления, напротив того они так показали себя честными, что из повозок наших, стоявших на улице без всякого караула, не потерялось ничего; они не тронули даже водку, которую многие из них видели и нюхали; одну вещь, забытую нами у них при отъезде, они возвратили нам. Кроме того, ожидали, встретили и проводили меня с полным вниманием и радушием. Когда я при расставании с ними стал говорить их старшине, что я слышал об них, что они люди худые, а вот я нашёл в них людей добрых, честных и гостеприимных, то он сказал мне: "мы добры, кто к нам добр и справедлив"» [23: с. 127]. Это качество коряков подтверждал и Николай Васильевич Слюнин, известный российский исследователь природы и коренных народов Дальнего Востока: «Гостеприим-

¹ Современное название – эвенки.

² Остяки (ханты) – коренной малочисленный угорский народ, проживающий на севере Западной Сибири, в основном в Ханты-Мансийском автономном округе.

³ Самоеды, самодийцы – общее название коренных малочисленных народов России: ненцев, энцев, нганасан, селькупов и ныне исчезнувших саянских самодийцев (камасинцы, койбалы, моторы, тайгийцы, карагасы и сойоты), говорящих (или говоривших) на языках самодийской группы, образующих вместе с языками финно-угорской группы уральскую языковую семью.

⁴ Вогулы (манси) – малочисленный народ в России, коренное население Ханты-Мансийского автономного округа.

ство и помощь нуждающемуся составляют отличительную черту бродячего коряка. Раз вы к нему относитесь с доверием и справедливо, по его понятиям, он готов сделать для вас всё» [20: с. 392].

Иннокентий даже проранжировал северные народы, с которыми ему приходилось общаться, по «степени» гостеприимства: «Не одни Алеуты, как я думал прежде, умеют или умели делиться последней рыбою с голодающими, не одни они терпеливы, кротки, послушны, миролюбивы, набожны и проч. Почти все народцы (названия народов они, по малочисленности своей, не стоят), живущие в пределах Камчатской епархии, имеют такие же качества; только по набожности и приверженности к вере и слышанию слова Божия, Алеуты стоят в первом разряде. Даже некрещенные Коряки и Чукчи имеют много добрых свойств и обычаев. Гостеприимство, уважение к себе или к своему добродетельному имени, честность в данном слове, готовность помогать голодающим без всякого вознаграждения, – есть общий обычай едва ли не всех здешних туземцев. В некрещенных и независимых видны следы древних обычаев» [1: с. 202].

Кочевые народы, в отличие от оседлых, чаще всего испытывавшие на себе суровость природы, как раз и отличались большим радушием к гостям. «Гостеприимство у тунгусов развито в самых широких размерах. Прошенный или не прошенный, тунгус входит под кров незнакомого или знакомого – безразлично, садится к огню, берёт из рук или из рта у хозяина трубку и затем уже ведёт себя в высшей степени скромно. Обычай и приличие, однако, требуют, чтобы гостю предложили отведать какой-нибудь пищи, и только тогда уже последний принимается за еду» [10: с. 365]. Ради гостя хозяева готовы были забить оленя или накормить его чуть-ли не последним, чем сами располагали. Как писал в 1913 г. Борис Михайлович Житков, русский и советский зоолог, путешественник и исследователь Севера России, «...для почётного гостя исправный самоед не постеснится заколоть оленя, но продаёт неохотно» [13: с. 257].

Вацлав Серошевский, российский и польский этнограф-сибиревед, вспоминал: «Когда в 1884 году, застигнутый метелью в Верхоянских горах, я остановился ночевать в тунгусском стойбище, начальница его, вдова, долго извинялась перед нами, что не в состоянии убить для нас оленя, так как собственных у неё нет; в конце речи, с низкими поклонами, она положила перед нами по вяленому языку дикого оленя, говоря: "хоть это возьмите". Где бы я не встречал тунгусов на юге и севере, всюду они считали своей обязанностью накормить прибывшего, поделиться запасами, подарить на дорогу» [19: с. 226].

Как отмечали многие исследователи, посещавшие ненцев в прошлые столетия, тундровики, неза-

висимо от своего экономического благосостояния, нередко готовы были идти на серьезные жертвы ради достойного приёма гостя. Александр Алексеевич Борисов, русский художник, первый живописец Арктики, писал в своих путевых очерках об отношении тундровых жителей к гостям: «Самоед принял нас очень гостеприимно. Сейчас же хромой, убогий мальчик, работник Маеры, выбрал сани, которые похуже, и изрубил их на дрова. Потом он развёл костер и начал кипятить чайник. Подали айбырдат⁵ и чай» [2: с. 41]

Гостеприимство было свойственно даже тем, кто старался уединиться и не стремился к общению с сородичами. «За Верхо-Янским хребтом отстоят одна юрта от другой часто вёрст на двести, так, что ближайшии соседи не видятся иногда по целым годам. К такому необыкновенно великому удалению побуждается якут не столько нуждой в пастбищах, сколько своим характером: имея уже однажды сильную склонность к уединению и отчуждению, он всячески старается уклоняться, где только можно, от взаимных связей с другими. Несмотря на то, путешественник, проезжающий по якутским пустыням, найдёт в каждом из разбросанных на великом расстоянии жильё радушиное гостеприимство и готовность поделиться с ним, чем только богаты хозяева» [5: с. 190].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что гостеприимство было не просто свойственно северным коренным народам, а часто преобладало над другими их обычаями и привычками. Это характерно и для дальневосточников, и для сибиряков. «Гостеприимство почитается у них первой обязанностью: знакомые и незнакомые одинаково принимаются у них в домах» [21: с. 48]. «В них есть что-то рыцарское и благородное, прибавим мы. Самый последний бедняк примет вас в своём чуме, точно владетельный князь. Мне случилось посетить совершенно обнищавшего старика с целью помочь ему; он принял подарок с благодарностью, но без низкопоклонства и угостил меня "диким чаем", единственным его достоянием, с такой утончённой вежливостью, что я не решился отказать от напитка, несмотря на его противный вкус. Гостеприимство у них до сих пор священный обычай» [19: с. 225].

У некоторых северных народов даже была потребность продемонстрировать свою гостеприимность напоказ, так как быть негостеприимным считалось плохим тоном. «Домовладелец прямо щеголяет числом своих гостей, а полное их отсутствие считается неприличным» [11: с. 185]. Тот же Иннокентий описывал традиции индейского племени колоши, жившего на Аляске: «Судя по тому, что

⁵ Айбырдат – значит есть сырое оленьё мясо. Слово самоедское, принято у русских оленеводов и зырян [2: с. 18].

Колоши имеют обычай и как бы закон созывать гостей знакомых и незнакомых на свои праздники и игрушки и угощать их, чем только могут, иногда даже до того, что у самих после гостей не остается ничего; и что также они, как видно иногда, принимают и угощают приезжих не неприятелей и знакомых (но всякого ли и всегда ли, не могу сказать за верное), можно сказать, что гостеприимство колошам не чуждо» [24: с. 628].

Гостеприимство северных народов помогало многим путешественникам, но этим качеством иногда «беззастенчиво» пользовались. «Декабрь и январь месяцы, самые холодные, юкагиры проводят дома, и если пища есть, то проводят время весьма весело. Каждый день то в одном, то в другом доме собирается молодежь для танцев и игр. В это время в юкагирские посёлки по Ясачной под разными предложениями и без всяких предлогов являются якуты и, пользуясь первобытным гостеприимством, живут по неделям и едят приготовленную рыбу, так что в самый лучший год пища юкагирам не хватает до февраля» [14: с. 518]. «Все дома в Петропавловске были теперь переполнены приезжими, так как каждый камчадал имеет здесь своих знакомых, гостеприимством которых и пользуется. По здешним понятиям считается совершенно в порядке вещей запросто приезжать к хозяину и жить у него на хлебах. Так уж принято повсеместно во всей Камчатке» [11: с. 185].

С другой стороны, уверенность тундровых кочевников и путешественников в том, что везде их могут не только принять, обогреть и накормить, но и снабдить запасами в дорогу, позволяла облегчить сборы и само путешествие. Выбирая маршрут поездки, принимали во внимание различные факторы для снижения рисков, поэтому, как правило, учитывали местонахождение чумов оленеводов. Так, Б.М. Житков писал, что у оленеводов можно было не только переждать ненастье, остановиться на ночлег, выяснить местонахождение следующих чумов по дальнейшему пути, определиться на незнакомой местности, но и восполнить запас продуктов, а иногда даже и заменить уставших оленей в своей упряжке при условии обмена их на обратном пути. «В конце концов по очень многим направлениям – хотя не всюду – на Ямале можно ездить на перекладных оленях, если путешественник подготовит или сам создаст себе хорошую репутацию среди самоедов. Молва по тундре распространяется со сказочной быстротой» [13: с. 209].

Гостеприимство помимо гольдов и айнов было свойственно и другим народам, населяющим берега Амура, таким как нивхи, негидальцы или самагиры⁶,

⁶ Самагиры – горинские нанайцы, субэтническая группа нанайцев, проживающих в бассейне реки Горин, малочисленный тунгусо-маньчжурский народ в Приамурье.

на что указывал и архиепископ Иннокентий. «О Негидальцах и прочих инородцах все отзываются весьма хорошо. Они вообще все живут опрятно, гостеприимны и любят помогать нуждающимся, более чем Тунгусы; имея лучшее хозяйство и потому более средств к пропитанию своему, они всегда помогают нашим Тунгусам во время их голодовок» [23: с. 239]. И далее Иннокентий сообщает о том, что ему «протоиерей пишет, что он более и более убеждался в том, что Самогирцы (жители самого устья реки Амгуни) и Негидальцы или Негидальцы, обитающие по самой Амгуни, – народ кроткий, ласковый, гостеприимный, честный и, следовательно, добрый» [23: с. 478]. «По характеру гиялки⁷ пылки, как тунгусы, при первом знакомстве недоверчивы и сдержанны, но на самом деле общительны; в умственном отношении гиялки даровиты, любознательны и искусны в разных работах: они гостеприимны и честны» [7: с. 175].

У многих северных народов гостеприимство не ограничивалось лишь кровом и едой. Они могли не только предоставить оленей на смену уставшей упряжке, но и сопроводить путника, незнакомое с местностью, до следующего чума или уже знакомой местности, или выехать навстречу путешественнику. Владимир Петрович Евладов, топограф, этнограф-экономист, научный сотрудник Всесоюзного Арктического института, вспоминал: «Самоеды Ямала давно знали о нашем прибытии, оказывали всяческое содействие, проявляли предупредительность и внимание. Ни тени недовольства приездом незваных гостей, ни тени страха перед “начальством” не наблюдалось. Дети, и те ожидали нас. В одном месте навстречу нам выехал восьмилетний мальчик. Отец его объяснил, что мальчик никогда ещё не видел русских и боялся, как бы они не проехали мимо. Он выехал звать нас к себе в гости» [12]. И это было свойственно не только ненцам. Например, Иннокентий сообщал о коряках следующее: «Из Олюторска отправились мы 9 числа Февраля и того же дня вечером приехали к юрте кочующих Коряков, хозяева которой приняли нас радушно, младший выехал ко мне навстречу за несколько вёрст, а другой, Онлох, жалованный саблею, дряхлый старик принял меня усердно; и всех, кто был со мною (и приехал по спонутью), накормил их и собак и наделил на дорогу, и за все это отнюдь не требовал платы и едва взял следующее ему за прогоны. Гостеприимство у них есть первая добродетель» [23: с. 126].

Как мы видим, испытывающему в чём-то нужду путнику всегда могли помочь: починить повреждённые нарты, одежду либо подарить необходимое снаряжение для дальнейшей дороги, и нередко

⁷ Гиялки – устаревшее название нивхов.

это был действительно очень ценный подарок. Как вспоминал Евладов, «Брат Нумеды Хэуку Пуйко решил подарить мне нож, “какого нет на Ямале” ... Ненцу вручить нож русскому человеку, значит – выразить огромное уважение и подчеркнуть его достоинства. Это похоже на вручение наградного (холодного) оружия» [12]. «Алеуты вообще гостеприимны; они всякого приезжего гостя встретят на пристани, и каждый из них готов принять его к себе и угостить всем, чем только может и что имеет; а хозяйка дома, если нужно, починит ему камлейку, обтяжку и проч.» [24: с. 309].

У некоторых северных народов гостеприимство не ограничивалось только предоставлением крова, питания, транспорта или снаряжения, «... в прежние времена обычай гостеприимства у кочевников даже требовал от хозяина уступки собственной жены или дочерей в пользование гостя. И Миддендорф говорит, что обычай этот еще существовал у самоедов в его время» [15: с. 76]. Эта сторона гостеприимства также была вынужденной традицией в давние времена, позволявшей избежать вымирания рода из-за кровосмешения и родственных браков. Необходима была «свежая» кровь для тех кочевников, которые жили удалённо друг от друга и, кроме родственников, никого не встречали на пути.

Практически на всей огромной территории русского Севера, Сибири, Дальнего Востока и русской Америки проживавшие здесь коренные народы отличались бескорыстным гостеприимством. Несмотря на различия в традициях, обычаях, нравах, образе жизни, условиях проживания и привязанности к местности, они с уважением относились ко всем, кто приходил в их дом. Уже позже некоторые их представители стали перенимать привычки «пришлых» людей, но справедливости ради отметим, что и «пришрое» население также славилось здесь своим гостеприимством.

Гостеприимство свойственно многим дальневосточникам и сибирякам, особенно в отдалённых и слабо заселённых местностях. Проезжая через Сибирь на Камчатку, Карл Владимирович Дитмар, российский геолог, исследователь Камчатки, писал: «Поздно вечером мы заехали к одному богатому крестьянину, приятелю Четкова, и должны были провести всю ночь напролёт за угощением. Я был поражён обилием яств, которым этот крестьянин проявлял своё чисто сибирское гостеприимство, – гостеприимство, нередко оказывающееся весьма благодетельным после утомительных странствований по диким пустыням Сибири» [11: с. 9]. И далее: «Хозяин мой, как истый сибиряк, был безгранично гостеприимен и счёл бы величайшим оскорблением с моей стороны, если бы я осмелился предложить ему денег за квартиру и обильный стол» [11: с. 30].

Подобный случай был описан в 1813 г. в журнале «Сын Отечества»: «Г-жа П. проездом через... деревню, в Сибири, остановилась у крестьянского до-

ма, чтобы взять отдых и покой с дальнего пути. Добродушные и гостеприимные крестьяне приняли к себе приезжую с радостью и усердием. Между тем, как хозяин хлопотал ввести на двор карету и пособлял людям выносить из неё дорожные припасы, усердная и проворная хозяйка побежала в другую избу готовить обед. Куры, утки, гусь, поросенок, часть баранины и говядины, капуста, масло, яйца и молоко, не говоря уже о хлебе всегда в Сибири водятся у поселян в довольстве, и все это употреблено было доброй хозяйкой на обед для г-жи П., который к настоящему времени и был подан, с необыкновенной там у поселян оговоркой: не погневайся пожалуйста, матушка наша! кушай на здоровье, что Бог послал! – Г-жа П. отобедавши, осталась у них до вечера. Вечеру подан был для нее ужин; потом, по просьбе хозяев, она осталась и ночевать. На другой день ко времени приготовлен был для нее и завтрак» [16: с. 81]. Помимо обильного угощения и ночлега хозяева ещё снабдили незнакомую гостью продуктами на дорогу и категорически отказались брать за это деньги. Но при выходе из комнаты она всё-таки «положила тихонько десятирублевую ассигнацию на печку, и простясь с почтенными сими поселянами – уехала». Через несколько вёрст её нагнал старший сын хозяев и вернул деньги со словами: «как вы Бога не боитесь, сударыня! За нашу ласку, хлеб, соль вы вздумали над нами насмеяться: подбросили деньги. Батюшка и матушка послали меня, сказать вам это, и вот ваши деньги прислали обратно – извольте взять!» [16: с. 82].

Всё это не способствовало появлению постоянных дворов и других средств размещения, которые были характерны на трактах и в населённых пунктах европейской России. В описании своего путешествия, вышедшем в свет в 1796 г., Иоганн Сиверс, исследователь природы Сибири, ботаник, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, сообщал, что «гостиницы принадлежат в Сибири к самым редким вещам; зато, конечно, ни в какой стране на свете нет большего гостеприимства. Каждый путешественник хорошего поведения везде, особливо у доброго сельского народа, может быть уверен в самом сердечном приёме» [22: с. 183].

В середине XIX в. Якутск был самым крупным городом на Востоке Российской империи. Тот же Дитмар, проезжавший через город в 1851 г., сообщал о нём: «Гостиниц здесь нет, а потому, по сибирскому обычаю, я через полицию сейчас-же получил частную квартиру у здешнего купца Андрея Алексева Сахарова, человека пожилого и очень любезного... Сахаров делал по отношению ко мне всё от него зависевшее: угостил меня с чисто сибирским гостеприимством и поместил очень хорошо в просторной комнате» [11: с. 22]. Известный русский писатель Иван Александрович Гончаров, воз-

вращаясь после путешествия на фрегате «Паллада» через Якутск, писал, что «он главный город области этого имени, лежит под 62° северной широты, производит торг пушиными товарами и что, как я узнал теперь, в нём нет... гостиницы» [9: с. 667]. Немногочисленные проезжие останавливались у знакомых или просто у местных жителей, которые могли снабдить проезжего человека всем необходимым, в том числе и одеждой, соответствующей суровым условиям путешествия [25: с. 23]. На вопрос Гончарова об отсутствии гостиниц или трактиров принимавший его в доме купец ответил: «Но ведь так, скажут мне, не напасёшься вещей, если каждый день будут являться проезжие, и устанешь угощать: оно бестолково. Если каждый день будут проезжие, тогда будет и трактир...» [9: с. 676].

Таким образом, распространённое среди практически всех северных, сибирских и дальневосточных народов такое их качество, как гостеприимство, позволяло выживать любым путникам, застигнутым непогодой, при условии, если вблизи находилось какое-либо жилище представителя коренного народа. Суровые природные условия и непредсказуемая погода не позволяли точно рассчитать необходимое количество продовольствия и снаряжения для организации длительных путешествий, что нередко являлось основной причиной гибели первопроходцев. Для путника хозяева готовы были уделить не только место у очага, но и пищу и питьё, не жалея для этого даже последнего, что у них было. Такое качество северных народов позволяло им выживать в суровых условиях Севера, и оно же являлось серьёзным фактором успешного продвижения различных исследователей по огромным территориям Дальнего Востока, что способствовало быстрому освоению данного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков, И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников / И.П. Барсуков. – Москва: Синоид. тип., 1883. – 805 с.
2. Борисов, А.А. У самоедов: От Пинегы до Карского моря: Путевые очерки с автобиографической заметкой и с 36 снимками с картин автора, из коих 15 в красках / А.А. Борисов. – Санкт-Петербург: Изд-во А.Ф. Девриена, 1907. – 104 с.
3. Бродович. Айно / Бродович // Азиатская Россия: иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии / сост. А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков, С. Чефранов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1905. – С. 620–626.
4. Буссе, Н.В. Остров Сахалин и экспедиция 1853–54 гг. Дневник 25 августа 1853 г. – 19 мая 1854 г. / Н.В. Буссе. – Санкт-Петербург, 1872. – 163 с.
5. Врангель, Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершённое в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедицией, состоявшей под начальством флота лейтенанта Фердинанда Фон-Врангеля. Ч. I / Ф. Врангель. – Санкт-Петербург, 1841. – 360 с.
6. Географо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / сост. А. Кириллов. – Благовещенск, 1894. – 551 с.
7. Головачев, П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. С многими рисунками / П. Головачев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1905. – 400 с.
8. Голодников, К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири / К. Голодников. – Тобольск, 1882. – 181 с.
9. Гончаров, И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. В 2 т. Т. 2 / И.А. Гончаров // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – 714 с.
10. Грум-Гржимайло, Г.Е. Описание Амурской области / Г.Е. Грум-Гржимайло. – Санкт-Петербург, 1894. – 655 с.
11. Дитмар, К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. 1. Исторический отчёт по путевым дневникам / Карл фон-Дитмар; пер. с нем. – Санкт-Петербург, 1901. – 765 с.
12. Евладов Владимир Петрович // Губкинская централизованная библиотечная система. – URL: <http://gcbs.ru/cbs/pub/Personalii/Evladov.html> (дата обращения: 01.09.2020).
13. Житков Б.М. Полуостров Ямал: отдельный оттиск из XLIX «Записок ИРГО» / Б.М. Житков. – Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 350 с.
14. Иохельсон. У юкагиров / Иохельсон // Азиатская Россия: иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии / сост. А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков, С. Чефранов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1905. – С. 515–522.
15. Нансен, Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / Ф. Нансен; авториз. пер. с норвеж. А. и П. Ганзен. – Магадан: Кн. изд-во, 1969. – 304 с. – (Дальневосточная историческая библиотека).
16. П... В... Сибирское гостеприимство / П... В... // Сын Отечества, исторический и политический журнал. – 1813. – Ч. 6. – С. 81–82.
17. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / сост. А.И. Дмитриев-Мамонов, К.М. Голодников. – Тобольск, 1884. – 522 с.
18. Родевич, В.М. Сунгари от истока до впадения в Амур (Материалы по исследованию реки Сунгари партией Министерства Путей Сообщения в 1904 году) / В.М. Родевич. – Санкт-Петербург, 1906. – 721 с.
19. Серошевский, В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. В 2 т. Т. 1 / В.Л. Серошевский; под ред. проф. Н.И. Веселовского. – Санкт-Петербург: Изд-во ИРГО, 1896. – 748 с.
20. Слюнин, Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. В 2 т. Т. 1 / Н.В. Слюнин. – Санкт-Петербург, 1900. – 734 с.
21. Степанов, Г. Заметки о быте якутов Колымского округа / Г. Степанов // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. 1860–1861. Кн. 3. – Санкт-Петербург, 1862. – С. 42–52.
22. Сукачев, В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири: очерк / В.П. Сукачев. – Москва, 1891. – 270 с.
23. Творения Иннокентия, митрополита Московского. В 3 кн. Кн. 2 / Собр. Иваном Барсуковым. – Москва: Синод. тип., 1887. – 492 с.
24. Творения Иннокентия, митрополита Московского. В 3 кн. Кн. 3 / Собр. Иваном Барсуковым. – Москва: Синод. тип., 1888. – 658 с.
25. Чернов, В.А. История становления гостиничного дела на Востоке Российской империи: монография / В.А. Чернов. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. – 231 с.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-238-240

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.Ф. ПЕЧЕРИЦЫ И А.В. БОЯРКИНОЙ «КОНЦЕПЦИЯ СИ ЦЗИНЬПИНА "СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА": ОТ ИДЕИ ДО ПРАКТИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ»

В.А. Смоляков

Дана политологическая оценка содержания монографии В.Ф. Печерицы и А.В. Бояркиной «Концепция Си Цзиньпина "Сообщества единой судьбы человечества": от идеи до воплощения».

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Си Цзиньпин, Сообщества единой судьбы человечества.

REVIEW ON THE MONOGRAPH BY V.F. PECHERITSA AND A.V. BOYARKINA «THE CONCEPT OF XI JINPING "COMMUNITIES OF THE COMMON DESTINY OF HUMANITY": FROM IDEA TO PRACTICAL IMPLEMENTATION»

V.A. Smolyakov

The author gives a political assessment of the monograph by V. F. Pecheritsa and A.V. Boyarkina «Communities of the common destiny of humanity: from idea to implementation».

Key words: People's Republic of China, Xi Jinping, Communities of the Common Destiny of Humanity.

Китайская Народная Республика превратилась в глобального игрока и сейчас имеет больше влияния на мировую экономику и региональную безопасность, чем когда-либо в прошлом. В связи с этим актуальной задачей становится глубокое изучение внутренних истоков внешней политики Китая с учётом того, что эта политика формируется под влиянием многообразных факторов. Вопрос о том, в какой степени политика и экономика современного Китая соответствуют общим тенденциям развития большинства стран мира, а в какой степени отличаются неповторимыми особенностями, разделяет исследователей этой страны на два лагеря. Одни авторы считают, что китайское общество рано или поздно пройдет через стадию модернизации и станет в конечном счете таким, «как все». Другая группа авторов придерживается противоположного взгляда, согласно которому Китай – это уникальная страна. Знарок китайской политической культуры Люсьен Пай в одной из своих работ высказал афористичный тезис о том, что Китай – это «цивилизация, притворяющаяся государством» [2: с. 1162]. Если мы согласимся с утверждениями об уникальности китайской политической культуры, корни которой уходят в глубокую древность, к религиоз-

но-философским учениям Конфуция, Лао Цзы, Мэн Цзы, буддизма, то нам придётся признать, что насущной задачей становится переосмысление той концептуальной оснастки, которая у нас сложилась под влиянием европейского опыта и которая не всегда является релевантной для понимания и объяснения хитросплетений китайской политики.

Следует отметить, что в самом Китае, как и в ряде азиатских стран, а также на Западе, появилось направление, которое выдвигает идею о необходимости разработки особой, восточно-азиатской теории международных отношений. Трудно полностью согласиться с этими утверждениями, но в то же время приходится признать, что отечественная политическая наука нуждается в более глубоком осмыслении реалий внешней политики Китая с учётом влияния на неё такого фактора, как укоренившиеся в обществе традиционные взгляды китайцев на мир и на место Китая в нем. Вышедшая во второй половине 2020 г. во Владивостоке монография, подготовленная известными дальневосточными политологами В.Ф. Печерицей и А.В. Бояркиной «Концепция Си Цзиньпина "Сообщества единой судьбы человечества": от идеи до практического воплощения», в значительной степени вос-

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.

Smolyakov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences at Khabarovsk State University of Economics and Law.

E-mail: smolyakov46@mail.ru

© Смоляков В.А., 2021

полняет этот пробел и помогает разобраться в интереснейшем аспекте внешней политики КНР – её духовных мотивах и обоснованиях, которые коренятся, как полагают авторы, в «фундаментальных положениях китайской традиционной культуры». Ценность рецензируемой монографии состоит еще и в том, что она написана на основе анализа и перевода аутентичных китайских текстов, которые часто содержат в себе символы и закодированные культурные смыслы, иногда недоступные для тех, кто опирается на вторичные переводные источники.

Предметом исследования В.Ф. Печерицы и А.В. Бояркиной является выдвинутая лидером КНР Си Цзиньпином в 2013 г. концепция «Сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ). Авторы анализируют главное понятие – «Сообщество единой судьбы человечества», которое образовано из следующих иероглифов: женьлэй – «человечество», миньюнь – «судьба» и гунтунти – «сообщество». Книга состоит из восьми глав, в которых данная концепция подробно рассматривается во всех аспектах, начиная от истоков её зарождения, дальнейшего творческого развития в трудах современных китайских ученых-обществоведов и, наконец, до вклада в идеологическое обоснование позиций Китая по глобальным проблемам современности. В монографии констатируется, что лидер КНР Си Цзиньпин предлагает реализовать концепцию «Сообщества единой судьбы человечества» в качестве модели глобального управления в пяти направлениях: политике, безопасности, развитии (экономическом, социальном, технологическом и т.д.), культуре и экологической среде. Исходя из данной констатации, авторы отмечают, что Пекин намечает «реструктурировать глобальное управление с целью интеграции с миром и достижения глобального лидерства».

Авторы не без оснований утверждают, что для того, чтобы глубже понять современную политику Китая, её внешнеполитические принципы и тенденции, крайне важно углубиться в историю политической культуры страны, в сформированные ею традиции. Через всю работу красной нитью проходит идея, согласно которой внешнеполитическая идеология КНР базируется не только на китайской версии марксизма. Эта идеология имеет оригинальное обоснование – традиционную политическую культуру Поднебесной, которая определяется теми историческими событиями, которые на протяжении тысячелетий формировали китайскую цивилизацию. Прделанный авторами сравнительно-исторический анализ дает убедительные доказательства того, что идеи о «единой судьбе» человечества находятся уже в трудах древних китайских мыслителей. Интересным является замечание авторов насчет такой характеристики концепции СЕСЧ, как «трансцендентность, т.е. выход за определен-

ные границы, преодоление национальной идентификации» [1: с. 8–27]. В.Ф. Печерица и А.В. Бояркина в этом же логическом ряду рассматривают высказывания древнекитайских авторов, в которых выражена система «тянься» («все-под-небесами») – важная часть древней культуры Китая. В литературных памятниках, пишут авторы, часто встречаются также следующие положения: «когда идут по великому пути, Поднебесная принадлежит всем» – из древнего трактата, или принцип «великого единения» («大同») Конфуция, который также утверждал, что «Поднебесная принадлежит всем» [1: с. 8–27]. В монографии подчеркивается, что ведущей идеей Конфуция является тезис об «общей судьбе народов» и мире. Интересно, что эти высказывания вполне соответствуют китайской политической традиции, согласно которой «Мир» и «Китай» не имеют существенных размежеваний. Ведь мир в представлении китайцев – это все то, что находится на Земле под Небесами, Китай же традиционно рассматривался как центр Вселенной, «Срединное государство» [3: р. 5–18]. В монографии показано, что сначала это мировоззрение оформилось в систему взглядов «тянься» («天下»); а затем и в цельную внешнеполитическую теорию, характеризующую мир в Поднебесной и вокруг нее. Важной составляющей этих представлений является диалектическая идея о том, что миру присущи «множество» и «разнообразие», а именно сосуществование множества различных культур, религий, ценностей и политических систем. Авторы пишут: «Этот идеал сосуществования множества разнородных состояний, противоречий и конфликтов и лежит в основе концепции "Сообщества единой судьбы человечества"» [1: с. 8–27]. Авторы монографии обращают внимание также на то, что идеи «тянься», «гунтунти» и другие сравниваются китайскими идеологами с западной культурной традицией, в которой на первом плане находятся индивидуализм и соперничество. В этом отношении оправданной выглядит и постановка следующей проблемы: на каких морально-этических основаниях должна будет строиться «новая китайская модель мироустройства»? Или этот порядок будет строиться на индивидуализме и рационализме, каковые представляют собой фундаментальные основы европейской политической философии, или Восток восторжествует, а Запад будет повержен? Или же восторжествует известное правило, оправдывающее ценностный плюрализм будущего мира – «живи и жить давай другим»? В разбираемой монографии подчеркивается, что традиция китайской политической мысли утверждает мирное сосуществование и позитивное взаимодействие между разнообразными культурами и моделями развития как основы

обеспечения гармоничных международных отношений [1: с. 8–27]. В то же время, как нам представляется, в монографии было бы неплохо не только обозначить, но и более рельефно раскрыть также другую сторону проблемы – что концепция СЕСЧ, несмотря на декларируемый миролюбивый дух, призвана противостоять западной идеологии в борьбе за влияние значительно усилившегося Китая в мировом масштабе.

Одна из наиболее распространённых точек зрения состоит в том, что внешнеполитическая идеология, которую разрабатывает Коммунистическая партия Китая, служит достижению как долгосрочных, так и текущих интересов государства. А обращение к древним традициям – это якобы всего лишь прием стилизации с использованием узнаваемых китаеведами или самими китайскими гражданами привлекательных декоративных элементов, призванных прикрывать традиционную политику в духе «Realpolitik», которая далека от идеологических или моральных соображений. В отличие от осторожных скептиков, которых особенно много среди западных политологов и экспертов по Китаю, оценки авторов монографии в отношении мотивов и долгосрочных целей Китая во внешней политике в значительной степени оптимистичны. Выводы авторов монографии противостоят утверждениям, иногда озвучиваемым также российскими либерально настроенными комментаторами, согласно которым Китай отказался от заветов Дэн Сяопина «не высовываться» и вместо этого перешел к напористой и агрессивной внешней политике, ставящей целью экспансию и установление контроля над Восточной и Центральной Азией, Африкой и Латинской Америкой, или что его инициатива ОПОП направлена на экономическое и политическое подчинение независимых государств. Насыщенная интереснейшими фактами из истории китайской политической мысли, цитатами, выдержками из работ классиков и ссылками как на литературные памятники прошлого, так и современные политические документы, монография служит убедительным аргументом против таких упрощений. В противоположность этим взглядам авторы монографии приходят к выводу, что современная концепция «Сообщества единой судьбы человечества», творчески развитая и дополненная современными учеными, является продолжением традиционной китайской культуры, важнейшей частью которой выступают

идеи о единстве мира и общих интересах народов. В монографии раскрывается связь древних политико-философских идей с современной идеологией Коммунистической партии Китая. Ценности и идеи древности стали частью идеологии «китаизированного марксизма», которым руководствуется КПК в своей деятельности. Богатый материал, представленный в рецензируемой книге, подводит читателя к пониманию того, что древние философские традиции тесно связаны с социальными реальностями, поскольку глубоко укоренились в китайском общественном сознании и уже в силу этого могут служить фактором внешнеполитического процесса.

Но не будем утомлять уважаемого читателя пересказом содержания и цитатами из книги. Все интересные подробности он найдет после прочтения этой полезной для углубленного понимания китайской политической культуры монографии. Из всего сказанного можно сделать вывод, что работа В.Ф. Печерицы и А.В. Бояркиной – это на сегодняшний день пионерное исследование, которое открывает новую главу в изучении ценностных и культурных предпосылок внешнеполитического курса КНР. Данная монография вполне способна стимулировать научные дискуссии о том, является ли знание многовековых культурных традиций Китая необходимым и актуальным для понимания внешнеполитического поведения Китайской Народной Республики в первой половине XXI в. Авторы приводят убедительные аргументы в пользу положительного ответа на данный вопрос. Изложенный на почти двухстах страницах научный труд написан хорошим языком и легко читается. Представляется, что монография должна попасть в учебные планы университетских курсов по китайской политике, а также найти свой путь к широкому кругу читателей – от исследователей-синологов до студентов, аспирантов и всех тех, кто интересуется историей политической культуры и современной политикой Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бояркина, А.В. Концепция Си Цзиньпина «Сообщества единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения : монография / А.В. Бояркина, В.Ф. Печерица. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2020.
2. Pye, L. Social Science Theories in Search of Chinese Realities / L. Pye // China Quarterly. – 1992. – № 132.
3. Zhao Tingyang. A Political World Philosophy in Terms of All-under-heaven/ Zhao Tingyang // Diogenes. – 2009. – P. 221.

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-241-244

**ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД ЯПОНИЕЙ.
РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ
С.А. ПОНОМАРЁВА «3 СЕНТЯБРЯ – ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД ЯПОНИЕЙ»**

Б.И. Ткаченко

Рассматривается содержание сборника документов и материалов, посвящённых борьбе в 1995–2020 гг. сахалинской и общероссийской общественности, ряда губернаторов Сахалинской области и Сахалинской областной Думы за восстановление в российском календаре 3 сентября как Дня Победы над Японией, установленного Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1945 г.

Ключевые слова: Сахалинская область, Курильские острова, Россия, Япония, территориальный спор, рецензия.

**VICTORY OVER JAPAN DAY. REVIEW OF THE COLLECTION OF DOCUMENTS
AND MATERIALS «SEPTEMBER, 3 – VICTORY OVER JAPAN DAY»
BY PONOMARYOV S.A.**

B.I. Tkachenko

The content of a collection of documents and materials dedicated to the struggle in 1995–2020 of the Sakhalin and all-Russian public, a number of governors of the Sakhalin region and the Sakhalin Regional Duma for the restoration of September 3 in the Russian calendar as Victory over Japan Day, established by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR in 1945, is considered in the article.

Key words: Sakhalin Oblast, Kuriles Islands, Russia, Japan, territorial dispute, review.

В канун 2021 г. в Южно-Сахалинске вышел в свет сборник документов и материалов «3 сентября – День Победы над Японией» (Южно-Сахалинск, 2020). Его составителем является сахалинский исследователь С.А. Пономарёв, публичный политик, публицист, профессиональный юрист, длительное время работавший в правоохранительных органах и органах государственной власти Сахалинской области, выгодно отличающийся от других своей принципиальной позицией, один из инициаторов парламентских слушаний по Курильскому вопросу в 2001 г. на Сахалине и в 2002 г. в Москве в Государственной Думе Российской Федерации.

С.А. Пономарёв известен в кругу учёных-международников как яростный поборник защиты территориальной целостности Российской Федерации, в данном случае – применительно к территориальной целостности России на Дальнем Востоке в отношении притязаний Японии на российские Курильские острова.

В числе его более 700 научных и публицистических работ это шестая книга, в том числе «Наши Курилы и японские притязания» (2003), «Русские Курилы. История и современность» (2014, в соав-

торстве), «Курильский аспект. Деятельность органов власти и общественности Сахалинской области по сохранению территориальной целостности России. 1947–2019 годы» (2019). Опубликованная книга «3 сентября – День Победы над Японией» представляет собой закономерный итог многолетней работы Сергея Алексеевича Пономарёва в качестве исследователя, политика и публициста по проблеме восстановления Дня Победы над Японией на федеральном уровне и кодификации современного российского законодательства о днях воинской славы.

Актуальность издания данного научно-справочного сборника документов и материалов обусловлена памятными датами 2020 года. В этот год памяти и славы в Российской Федерации, связанный с 75-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне и 75-летием окончания Второй мировой войны, на Дальнем Востоке актуализировалась задача защиты исторической правды и памяти о защитниках Отечества, необходимости сохранить и защитить военную победу наших предков, одержанную над Японией в 1945 г. В условиях современных международных отношений и государственной политики Японии на пересмотр итогов Второй миро-

Ткаченко Борис Иванович – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Tkachenko Boris Ivanovich – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok).

E-mail: boristkachenko@inbox.ru

© Ткаченко Б.И., 2021

вой войны, прежде всего в японо-российских отношениях, требуется внести ясность в понимание вопроса о государственном признании Дня Победы над Японией как дня воинской славы России.

Сборник документов и материалов объёмом 224 страницы посвящен борьбе в 1995–2020 гг. сахалинской и общероссийской общественности, ряда губернаторов Сахалинской области и Сахалинской областной Думы за восстановление в российском календаре 3 сентября как Дня Победы над Японией, установленного Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1945 г. и сохраняющего свою юридическую силу и поныне.

Научная новизна данного сборника заключается в том, что он содержит документы и материалы по широкому кругу вопросов, связанных с двусторонними отношениями России и Японии в XX и XXI вв. и событиями внутренней политики в России, связанными с мероприятиями патриотической российской общественности по сохранению памяти о военной победе над Японией, одержанной в 1945 г.

Автором сборника представлен комплекс мероприятий, проведенных в инициативном порядке Сахалинской областью за четверть века – с 1995 по 2020 г. и направленных на установление дня воинской славы России – «День Победы над Японией (1945 год)», роль в этих мероприятиях российской общественности, ветеранского движения, органов государственной власти Сахалинской области.

В сборник включены более 100 документов, он содержит материалы, связанные с военным противостоянием России и Японии в 1904 и 1939 гг., участием Японии в антисоветском блоке с 1936 г., вступлением СССР в войну с Японией (1945) и международно-правовым закреплением одержанной победы над ней в первый послевоенный период, что свидетельствует об историко-фактологической целостности научно-справочной базы сборника по заявленной автором теме.

День Победы над Японией рассматривается в книге как культурная и правовая ценность общества, а попытки его замалчивания и переименования – как проявления фальсификации отечественной истории, подлежащие публичному разоблачению и осуждению. Подчеркивается значение обновлённой Конституции Российской Федерации для восстановления и кодификации Дня Победы над Японией в российском общенациональном законодательстве.

Представленные в сборнике документы и материалы свидетельствуют об исключительной активности действий Сахалинской областной Думы, иных органов власти и общественности Сахалинской области по защите целостности территории Сахалинской области как субъекта Российской Федерации.

Автором сборника документов проделана колоссальная работа по отысканию необходимых до-

кументов и материалов по исследуемой теме, ставшей частью жизни С.А. Пономарёва, который занимался этим вопросом многие годы и знает суть существующей проблемы изнутри.

Работа составителя С.А. Пономарёва по концепции сборника, подбору документов и комментариям к ним осуществлялась им в инициативном порядке в качестве председателя Сахалинского областного отделения Русского географического общества и заместителя председателя Межрегионального общественного движения «За территориальную целостность Российской Федерации «Русские Курилы», а ранее – в качестве депутата Сахалинской областной Думы трех созывов (1996–2000, 2000–2004, 2004–2008), заместителя председателя Сахалинской областной Думы в 1996–2000 гг. и заместителя председателя Комитета международных, внешнеэкономических и межрегиональных связей Сахалинской области в 2008–2010 гг. и была облегчена тем, что он являлся непосредственным участником описываемых событий в 1995–2020 гг. в качестве депутата и государственного служащего органов исполнительной власти Сахалинской области.

Как известно, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. «Об объявлении 3 сентября Праздником Победы над Японией» не был кодифицирован в законе «О днях воинской славы (победных) днях России» № 32-ФЗ от 13 марта 1995 г., хотя 15 других дат и соответствующих им событий от Ледового побоища (18 апреля 1242 г.) до Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне (9 мая 1945 г.) в нём были перечислены.

В соответствии со ст. 104 Конституции Российской Федерации Сахалинская областная Дума своим постановлением от 18 сентября 1997 г. внесла в Государственную Думу законопроект о дополнении перечня дней воинской славы в ст. 1 Федерального закона № 32-ФЗ словами «3 сентября – День Победы над милитаристской Японией», поддержанный 26 субъектами РФ и Правительством Российской Федерации. Закон был принят Государственной Думой, одобрен Советом Федерации, однако отклонён Президентом Российской Федерации 30 октября 1998 г., который предложил внести в Федеральный закон изменение в следующей редакции: «2 сентября – День окончания Второй мировой войны (1945 год)», не соответствующее духу самого федерального закона «О днях воинской славы (победных днях) России», поскольку исчезает само упоминание о войне с Японией, ее исходе и роли наших войск. Комитет по обороне Госдумы единодушно рекомендовал принять закон в ранее принятой редакции, однако 27 октября 1999 г. он не был принят, так как для повторного принятия

закона в Госдуме требовалось не менее двух третей голосов (300) от общего числа депутатов.

В дальнейшем в 2000–2005 гг. были предприняты очередные попытки Сахалинской областной Думы кодифицировать в Федеральный закон «О днях воинской славы...» Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 3 сентября праздником – Днем Победы над Японией.

В рецензируемом сборнике документально показано, как в 1997 г. была предпринята первая законодательная инициатива Сахалинской областной Думы, а в 2000 г. был предложен второй законопроект Сахалинской областной Думы. Они были проигнорированы 300 депутатами ведущей фракции Госдумы, которые не приняли участия в голосовании, в результате чего законопроект не был принят. 27 ноября 2003 г. Сахалинская областная Дума в третий раз внесла в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект о 3 сентября как Дне Победы над милитаристской Японией, а 15 сентября 2005 г. – в четвертый раз.

Сахалинская областная Дума постановлением от 3 ноября 2005 г. «О формально-бюрократическом рассмотрении Советом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации законодательной инициативы Сахалинской областной Думы о включении в перечень дней воинской славы Дня Победы над милитаристской Японией» в пятый раз внесла указанный законопроект в Государственную Думу. Однако федеральный центр проигнорировал сахалинские инициативы и 60-летие Победы над Японией. Волокита с рассмотрением инициативы Сахалинской областной Думы продолжалась.

Сахалинская областная Дума в постановлении от 22 декабря 2005 г. «О продолжающемся формально-бюрократическом рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации законодательной инициативы Сахалинской областной Думы» в шестой раз направила в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации указанный законопроект.

4 февраля 2010 г. в преддверии 65-летия Победы над Японией Сахалинская областная Дума нового созыва приняла еще одно обращение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. В нём констатировалось, что внесённый еще 24 января 2006 г. сахалинский законопроект не рассмотрен, а ветераны войны, общественность вновь ставят вопрос о признании Дня Победы над милитаристской Японией днём воинской славы.

Сахалинская областная Дума как представительный орган населения области в 1997–2019 гг. восемь раз вносила в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекты, связанные с Победой над Японией.

В шести случаях (1997, 2000, 2003, 2005 – трижды) формулировка звучала как «3 сентября – День Победы над милитаристской Японией». В 2017 и 2019 гг. вносились законопроекты с формулировкой «2 сентября – День Победы во Второй мировой войне». Один законопроект был принят Федеральным Собранием (1998), но отклонён Президентом России Б.Н. Ельциным. Таким образом, пять законопроектов отклонены, один отозван в 2010 г., остальные возвращены. Помимо этого, не менее пяти раз Сахалинская областная Дума пыталась вернуть в общероссийский календарь День Победы над милитаристской Японией путем поправок к законопроектам, внесенным другими субъектами Российской Федерации.

В 2020 г. День Победы над Японией фактически был заменён путём переименования в День окончания Второй мировой войны. 14 апреля 2020 г. законопроектом о поправках к федеральному закону «О днях воинской славы и памятных датах России», одобренным Советом Федерации 17 апреля 2020 г., подписанным Президентом Российской Федерации 24 апреля 2020 г. и вступившим в силу с 5 мая 2020 г., был установлен новый день воинской славы России «3 сентября – День окончания Второй мировой войны (1945 год)» и было закреплено, что День окончания Второй мировой войны был перенесён со 2 сентября на 3 сентября и переведён из числа памятных дат в число дней воинской славы. Предлагавшаяся поправка назвать этот день воинской славы «3 сентября – День Победы над Японией – День окончания Второй мировой войны (1945 год)», против которой не было подано ни одного голоса против, вследствие применения фракцией «ЕР» (319 депутатов) тактики не принимать участия в голосовании не была принята. Был найден новый, более изощренный способ фальсификации истории путем перехода от простого отрицания значения Победы над Японией заменой его нейтральным Днем окончания Второй мировой войны.

Можно констатировать, что действующий Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. «Об объявлении 3 сентября Днем Победы над Японией» не исполняется, память о победоносной войне с милитаристской Японией предается забвению.

С принятием в 2020 г. поправок к Конституции Российской Федерации серьёзно усилились позиции сторонников возвращения 3 сентября его подлинного имени. В новой конституционной ст. 67.1 прямо указано, что Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды, а умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается. Отражение Дня

Победы над Японией в наименовании дня воинской славы России «3 сентября» абсолютно необходимо для восстановления исторической справедливости и обеспечения должного уважения к подвигу ветеранов советско-японской войны и всех тех, кто отдал свои жизни в борьбе против милитаризма, для укрепления суверенитета и территориальной целостности России на Дальнем Востоке, воспитания подрастающего поколения в духе любви к Родине.

Необходимо отметить, что возрождение в российском календаре Дня Победы над Японией – это способ исполнения обновленной Конституции Российской Федерации (ст. 44, 67.1, а также п. 2 разд. 2).

Внешнеполитическая ситуация остро ставит перед Россией вопрос о сохранении исторической памяти. Под «северными территориями» в Японии понимают российские территории к северу от Японии. Некоторые из них (Южный Сахалин и Курильские острова) вошли в состав России как раз по итогам Второй мировой войны. Угрозы в виде ревизии итогов Второй мировой войны существуют не только на западе России, но и на её востоке со стороны Японии, а при забвении исторической памяти становятся угрозами внутренней безопасности страны.

Противостоять этому должна идеология гражданственности, которая позволяет объединить все политические течения, всех граждан государства, независимо от политических и иных воззрений.

Празднование дня воинской славы – Дня Победы над милитаристской Японией и Дня окончания Второй мировой войны восстановит историческую справедливость, вызовет у граждан, проживающих

на Курилах, Сахалине, Дальнем Востоке и по всей России, чувство уверенности, гордости за свою историю. Издание рецензируемого уникального сборника документов весьма удачно приурочено к 75-летию окончания Второй мировой войны и Дню Победы над Японией.

Издание рассчитано на широкие читательские круги – от юношества до ветеранов, на всех, кому дорога Россия и ее история, всех, кто хотел бы помочь восстановлению исторической справедливости.

Изданная работа будет способствовать более глубокому познанию истории Сахалинской области и Дальнего Востока, окажет неоценимую помощь специалистам по проблеме территориальной принадлежности Курильских островов в области международных отношений, юристам и другим учёным и практикам.

Книга представляет несомненный практический интерес для государственных служащих, депутатского корпуса, общественных организаций, занимающихся вопросами защиты территориальной целостности России, специалистов и широкой читательской аудитории, интересующейся историей Сахалинской области, российского Дальнего Востока и Российской Федерации в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пономарёв, С.А. 3 сентября – День Победы над Японией : сборник документов и материалов / С.А. Пономарёв ; Русское географическое общество, Сахалинское областное отделение. – Южно-Сахалинск, 2020. – 224 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.
2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.
3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.
4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно.
5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.
6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.
 - 6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.
 - 6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.
 - 6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.
 - 6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.
 - 6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.
7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.
8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.
9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.
10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 450 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

<p>Извещение</p> <p>Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП)</p> <p>Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2021 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
<p>Квитанция Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП)</p> <p>Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2021 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

AUTHORS GUIDELINES

1. The journal publishes materials which have not been published before.
2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.
3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.
4. The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.
5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.
 - 5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5» and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.
 - 5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.
 - 5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.
 - 5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right – 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.
 - 5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.
6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.
7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.
8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.
9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru
<<mailto:journal@festu.khv.ru>>

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Том XVIII

Выпуск 1, 2021

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*

Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2021 г. Поз. 12.5. Подписано в печать 22.03.2021 г. Дата выхода 30.03.2021 г.
Усл. печ. л. 28,8. Зак. 45. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–60 экз.). Цена 450 р.

Отпечатано в издательстве ДВГУПС.

Адрес издательства и типографии: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.